

**Луч Света. Учение в защиту Православной
веры, в обличение атеизма и в
опровержение доктрин неверия
архимандрит Пантелеимон (Нижник)**

Сочинения Н. Д. Тальберга. Святая Русь.

«Приложи ухо к родной земле, русский человек, – что она говорит тебе? От праведной княгини Ольги, от равноапостольного князя Владимира и до дней Серафима Саровского, и до дня настоящего и на будущие века – все мудрые вожди народа думают и говорят одно... Они учили своих современников и их потомков одинаково: и князья, и цари, и святители, сидевшие на церковных кафедрах, и отшельники, скрывавшиеся среди лесов и островов морских, и военачальники, и воины, и бояре, и простецы. Все они учили взирать на жизнь эту, как на проходной двор к жизни будущей; охранять неповрежденную апостольскую веру; блюсти чистоту нравов и правдивость слова; чтить царей и ими поставленных... не перенимать развратного обычая иноземцев, но хранить чин отеческий, исполненный смиренномудрия, простоты и любви евангельской; стоять безбоязненно за родную землю». **Митрополит Антоний (Храповицкий).**

Неведомы те пути, по которым Промысл Божий ведет нас, грешных людей, и целые народы. Особенно жестоким и наиболее продолжительным было десятое гонение против христиан во время совместного правления римских императоров Диоклетиана и Максимилиана. В 306 г. импер. становится Константин I. В 321 г. он двинулся из Галлии освобождать Италию, стонавшую под гнетом злого и корыстолюбивого Максентия. Последний противопоставил Константину огромные силы. Когда освободительная рать приблизилась к Риму, вдруг среди белого дня, Константин и его воины ясно увидели на небе сияющий крест, изображенный звездами, с надписью «сим побеждай». Все уstraшились. Крест употреблялся у римлян, как самое безчестное орудие казни. Видение креста признано было дурным предзнаменованием. В ту же ночь Константину явился Христос и велел сделать знамя на подобие креста, изобразив таковой на оружии, щитах и шлемах воинов. Константин уверовал и дал соответствующее

распоряжение. Войско Максентия было разбито: сам он, спасаясь бегством, утонул в Тибре. Когда, позднее, в Риме была воздвигнута статуя в честь Константина, то он велел утвердить в руке стоявшего длинное копье, кончавшееся крестом, и сделал надпись «Сим спасительным знамением истинного мужества я освободил град ваш от власти тиранов, возвратил сенату и народу римскому свободу, честь и великолепие». Крест был прославлен. Волею Господнею именно Константину определено было начать новую эру в истории человечества. Началось свободное исповедание христианами их спасительной веры. Создался христианский мир.

Протекло более шестисот лет. Во мраке грубого язычества находилась еще земля Русская, имевшая всего только столетнюю государственную давность. На Киевском престоле восседал ревностный язычник – князь Владимир Святославич. При нем, в угоду идолам, после удачного похода на Ятвягов, в 983 г. убиты были в Киеве варяги христиане – Феодор и сын его Иоанн. Но у этого князя – и по убеждению и по образу жизни язычника, – где-то, в глубине души, теплился огонек, зажженный в его детские годы великой бабкой, святой княгиней Ольгой. И в определенный Промыслом Божиим срок огонек этот разжегся. Душа и ум Владимира охвачены были желанием просветить русскую землю. Новому Савлу определено было крестить русский народ, положив начало **Святой Руси**, существующей скоро тысячелетие.

Божественная Литургия совершается на Антиминсе. В каждом из них имеются частицы мощей святых мучеников. Да и вся Вселенская Церковь создавалась на крови мучеников, прославленный сонм которых начинается св. архидиаконом Стефаном и святыми Апостолами. Русской Церкви определено было воздвигнуться на крови святых варягов Феодора и Иоанна. Просветленный князь Владимир, во крещении Василий, построил первый в Киеве – по принятии христианства – великолепный храм во имя Пресвятой Богородицы, названный Десятинным, на том именно месте, где были убиты эти ревностные христиане. В Западной Руси, по трагическому ходу

исторического процесса, временно оторвавшаяся от единого церковного возглавления, Церковь тоже воздвигнута была на мученической крови – святых Виленских исповедников Антония, Иоанна и Евстафия, погибших при вел. князе Ольгерде. Князь Владимир, крестившись в Крыму, возвращался из Херсонеса в мать городов русских с частицей мощей замученного в Крыму, сосланного туда при Траяне, святителя Климента папы Римского. В Днепре в 988 г. крестился русский народ. Тучная славянская почва приняла зерна христианства. Скоро появились первые плоды.

Русь Киевская. – Там началось наше духовное и умственное просвещение. Там впервые выявилась та «русская душа», соприкосновение и знакомство с которой, в ее многогранном преломлении, до наших дней вызывает удивление и часто преклонение. Проявление ее мы видим и в «похвале кагану Владимиру» митрополита Илариона, восторженном творении ученика первых еще школ крестителя Руси; и в знаменательном наставлении детям правнука Владимиров, Владимира Мономаха; и в, издревле начавшемся, почитании народом Святителя Николая, являющегося образцом действенной любви и кротости. Святые иноки, подвизавшиеся в пещерах киевских, начавшие сонм свой Преподобными Антонием и Феодосием, впервые выявили огромное, всестороннее значение русских обителей. С гор киевских спускались подвижники Печерские и уходили в открывавшиеся перед ними широкие просторы земель, насаждая и утверждая Православие, принимая, порою, – как преп. Кукша, святитель Леонтий Ростовский, – мученическую кончину от инородных языческих племен.

Русь Суздальско-Ростовско-Владимирская. – Славна она такими князьями ревнителями отеческой веры, как истый Боголюбец святой Андрей Юрьевич, с именем которого связана история величайшей нашей святыни – чудотворной иконы Владимирской Божией Матери; как святой Александр Невский, борец и радатель за Православную Русь в особо тяжкия для нея времена; как храмоздатель, мужественный воин святой Василько Константинович, за верность свою христианству

замученный татарами. Сподвижник и вдохновитель Александров, митрополит Кирилл, 31 год стоявший во главе Церкви, залечивая раны народные после Батыева нашествия, сумел мудро закрепить положение Церкви в языческой Орде, положив тем основание возстановлению Руси.

Русь Московская началась правлением младшего сына героя Невского, святого князя Даниила, последний потомок которого, кроткий и благочестивый царь Феодор Иоаннович, завершил славное державное служение России дома вел. князя Иоанна Даниловича Калиты. Москва, освященная Святителем Петром митрополитом, стала, во исполнение его пророчества, средоточием русского государства. В ее стенах великая церковно-государственная работа творилась такими выдающимися первоиерархами, как святые Феофан, Алексей, Киприан, Иона, Филипп, мудрый митрополит Макарий, выпрямивший на время жизненный путь венчанного им на царство Иоанна IV Васильевича Грозного, благословивший его на брак с Анастасией Романовой, – родоначальницей того Дома, который, в лице первых государей, так ярко выявил в XVII в. бытовую сторону Святой Руси. Из Москвы, получая наказ о любовном отношении к иноверным инородцам, отправлялись в новые земли – пермскую, казанскую, сибирскую – выдающиеся иерархи-миссионеры: святители Стефан, умученный Питирим, Иона, Гурий, Варсонофий, Герман, Гермоген и многие другие. Из подземелий московского Чудова монастыря прозвучало пламенное слово великого отечестволюбца святого патриарха Гермогена, пробудившего патриотическое чувство народа в смуту XVII в., дело которого продолжали иноки Троице-Сергиевой обители святой архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын.

От основателя сей знаменитой обители, преп. Сергия Радонежского, могучего дуба, раскинулись широкия ветви. Молился он однажды и услышан был им голос, зовущий его по имени. Сотворив молитву, открыл он окно и увидел необыкновенный свет с неба. «Сергий», раздался голос, «Господь услышал молитву твою о чадах твоих». Старец узрел вокруг келлии множество красивых птиц. «Так», продолжал

небесный голос, «умножится число учеников и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим». Действительно, всю Русь обошли сподвижники, ученики и продолжатели святого дела преподобного Сергия, и их ученики, утверждая, часто среди грубых племен, веру и особую русскую государственность. Смирненным иноком водружался в дремучем лесу крест, воздвигалось убежище, строилась постепенно обитель. Туда подходили люди, искавшие истинной правды, и вокруг монастыря закипала мирская жизнь, создавались поселения, ширилось русское государство. В этот четырехвековой период Руси мы видим праведных супругов вел. кн. Димитрия Иоанновича Донского и св. Евфросинию; святого вел. кн. Михаила Ярославича Тверского, замученного в Орде; царя Феодора Иоанновича и супругу его Ирину; царя Алексея Михайловича, наминавшего Мономаха. Ярko сияли тогда обители: Кирилло-Белоозерская, Валаамская, Соловецкая. Духовными кормчими были – святые Пафнутий Боровский, Иосиф Волоколамский, Нил Сорский, Зосима Соловецкий и сонм других.

Веками вырабатывались и слагались положительные качества русских людей старого времени, качества, одухотворенные религиозным чувством. Русскому человеку свойственны были прежде всего тихая покорность воле Божией и смирение. – Преподобный Нестор, – заключая свое повествование о мученических кончинах св. князей Бориса и Глеба, покорно ожидавших выполнения над ними распоряжения их брата, кн. Святополка, так пишет о чудесах, источаемых мощами сих страстотерпцев: «Видите ли, как важна покорность старшему брату. Если бы они воспротивились ему, то едва ли удостоились бы такого дара от Бога». В покаянном смирении вел. кн. Святополк II Изяславич говорил обиженному им однажды Преп. Прохору Печерскому: «Если я прежде тебя умру, положи меня в гроб своими руками, чтобы видно было на мне твое незлобие; если сам представишься прежде меня, я возьму тебя на плечи и сам отнесу в пещеру, чтобы Господь простил мне грех мой перед тобою». Князю довелось хоронить святого инока.

Томился в 1319 г. в татарской неволе вел. кн. Михаил Ярославич Тверской. Окован он цепями; на него возложены железные колодки. Князь знал, что его ждет смерть, но духом не падал, укрепляясь молитвой. Верный отрок перевертывает листы псалтири, так как руки князя забиты. Разделявшие с ним плен бояре грустят об его участи. Князь отвечает им: «Друзья! Вы долго видели меня в чести и славе; будем ли неблагодарны? Выя моя скоро освободится от сего древа, гнетущего оную». Приближаются убийцы. Князь, дочитывая псалтирь, произносит последние слова: «Кто даст мне криле, яко голубине, и полечу и почию» и, молясь, падает от руки татар. «И причтен был», говорит летописец, «к лику святых со сродники своими: Борисом и Глебом и Михаилом Черниговским». Пример великого смирения показал нам преподобный Сергей Радонежский. Когда в созданную им Троицкую обитель вернулся старший брат его, Стефан, и стал заявлять свои права на управление монастырем, то святой в ту же ночь покинул свое дорогое детище. И только повинувшись велению св. митрополита Алексия, вернулся он в обитель, смиренно понимая, что всем руководит Промысл Божий.

С упованием на помощь Господню начинали наши предки свои ратные подвиги и Вседержителю воздавали благодарность за победы. Князь Изяслав, отправляясь в походы, надевал крест и власяницу святого князя Николы Святоши, инока Печерского. «Не бегал я для сохранения живота своего, не щадил головы своей ...Дети! не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужское дело, ничто не может вам вредить, если Бог не позволит; а от Бога будет смерть, так ни отец, ни братья не отнимут, **Божье блюдение лучше человеческого**». Так поучал потомков вел. кн. Владимир Мономах. Святой князь Андрей Боголюбский брал с собою в походы чудотворную икону Владимирской Божией Матери и Честной Крест. От преподобного Сергия получил благословение вел. кн. Димитрий Иоаннович, отправляясь на бой с Мамаем, и победу свою над татарами на Куликовском поле приписывал помощи Господней. С верою в помощь Божию вел свои полки в казанский поход юный царь Иоанн IV. В сентябрьские дни 1552 года в стоявшем

под Казанью войске наступил упадок духа и поползли слухи о чародействе татарских колдунов; доставлен был из Москвы Животворящий Крест с частицей древа Господня. После осенения воинов крестом вновь возродилось мужество, и вскоре одержана была победа. С именем Божиим, требуя от казаков соблюдения постов и целомудрия, шел в 1581 г. Ермак Тимофеевич завоевывать для России Сибирское царство. Предаваясь спокойно молитве, твердо веря в помощь Божию, ожидал в 1591 г. царь Феодор Иоаннович отражения крымских татар, прорвавшихся к Москве.

Сколь показательно для старой Руси то, что победы и счастливые события ознаменовывались не сооружением памятников земной славы, а строением храмов и обителей! Владимир святой выстроил в имени Василеве храм Преображения в память чудесного спасения своего в августе 995 года от печенегов. Знаменитый Софийский собор в Киеве заложен был Ярославом Мудрым на том месте, где он в 1036 году окончательно разбил печенегов. Сын Ярослава, святой князь Владимир, воздвиг Софийский собор в Новгороде в память чудесного спасения своего во время неудачного похода против Византии. Святой вел. кн. Андрей Боголюбский соорудил во Владимире церковь во имя святого Феодора Стратилата в память своего чудесного спасения в 1149 г. под Луцком, когда он просил святого о помощи. Николо-Угрешский монастырь под Москвой основан в 1381 г. по обету данному Димитрием Донским перед Куликовской битвой. В память того же события Преподобный Сергей, по просьбе Димитрия, основал Дубенский Успенский монастырь. Чудов монастырь в Москве воздвигнут был святым митрополитом Алексием в память чудесного спасения своего во время поездки в Царьград, на земле, подаренной ему исцеленной им ханшей Тайдулой. Сретенский монастырь в Москве сооружен Василием I в память встречи в 1395 г. Владимирской Божией Матери, спасшей столицу от Тамерлана. Великий князь Василий III воздвиг в Москве в 1515 году Вознесенский девичий монастырь по случаю отвоевания Смоленска. Собор Покрова Божией Матери в Москве, именуемый обыкновенно храмом

святого Василия Блаженного, воздвигнут Иоанном Грозным в память взятия Казани. Донской монастырь был основан в 1592 г. царем Феодором Иоанновичем в память отражения крымского хана Казы-Гирея. Царь в решительные часы молился перед иконой Божией Матери, принесенной ему Донскими казаками. Казанский собор в Москве создан иждивением князя Дмитрия Пожарского по случаю освобождения 22 октября 1612 г. Москвы от поляков. В 1530 г. в Москве руками народа, во главе с вел. кн. Василием III, выстроен был на Ваганьковом поле, в один день, т. н. «обыденный» храм, во имя Иоанна Предтечи по случаю рождения 25 августа будущего царя Иоанна IV. В 1557 г. царь Иоанн, в свою очередь, соорудил в Феодоровском женском монастыре, в предместьи Переяславля Владимирского, храм во имя святого Феодора Стратилата, в виду получения там известия о рождении сына Феодора. «Домом Пресвятой Богородицы» звался Великий Новгород. Москва в старых летописях именовалась «необоримое Богородицы состояние». Шли в бой новгородцы за «Святую Софию», псковичи за «Святую Троицу», в честь которой был воздвинуть во Пскове храм.

Историю нашей Родины лучше всего изучать по ее церквям и монастырям. Святыни Киева, Суздали, Ростова, Ярославля, Владимира, Новгорода, Смоленска, Чернигова, Твери, Нижнего Новгорода, Костромы, Москвы, Волыни – сама история Русского государства. Особое почитание чудотворных икон Божией Матери – Знаменско-Новгородской, Владимирской, Смоленской, Казанской, Тихвинской, Псково-Печерской, Костромской – вызвано проявлением милости Божией к нашей Родине.

Покорность русских людей проявлялась и в сознательном сыновнем отношении их к своим государям. «Граждане стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному», писал летописец о знаменитом Галицком князе. И. Е. Забелин, отмечая, что смута XV века являлась испытанием для «сложившейся уже крепко вокруг Москвы народной тверди», пишет: «Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, разорениями и убийствами, как причина великого земского беспорядка, перенесла народные умы к

желанию установить порядок строгою и грозною властью, вследствие чего личность великого князя Василия II, униженная, оскорбленная и даже ослепленная во время смуты, тотчас после нея возстановливает свой государственный облик, и в еще большей силе и величии». Особенно эта черта народная проявилась в отношении к царю Иоанну IV, получившему наименование не «жестокого», а именно «грозного», являющегося таковым в особенности к татарам, освободившего тысячи русских христиан, томившихся в Казани в неволе. Показательны в этом отношении свидетельства иностранцев. Рюсов, ярый противник вторжения «московитов» в Ливонию, писал: «Русские в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские – работающий народ: русский, в случае надобности, неутомим во всякой опасности и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу, чтобы праведно умереть за своего Государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудною пищею; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он может прожить ими, а немец не может. У русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость». А француз де-Ту, в своей всеобщей истории, говоря о величии Иоанна IV, писал: «Нет государя, которого бы более любили, которому служили бы более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются со своими народами мягко и человечно, не встречают болие чистой привязанности, чем он». О том же говорят англичанин Дженкинсон и Венецианский посол Фаскарины. Гейденштейн, польский шляхтич, сторонник боровшегося с Иоанном Батория, писал о нем в 1578 году: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь с трудом обретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться необычайная верность его к своим государям. При чем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и

охранении крепостей, а перебежчиков было вообще мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Из свойственного русскому человеку чувства смирения, проистек, заимствованный из Византии, ярко выявившийся на Руси, подвиг **юродства Христа ради**. Людской жажде всевозможных земных благ, пышности – юродивые противопоставляли полное к ней безразличие, нищенскими рубищами покрывая свое, изможденное трудами и подвигами поста, тело. Торжествующей на земле лжи, страшному притворству, выражающемуся во внешнем проявлении людьми постоянно несуществующего чувства приязни, – юродивые противопоставляли истинную любовь, сочувствие к людям, чистую правду, объявляемую ими всем, не считаясь ни с чьим положением. Юродивые, будучи истинно мудрыми людьми, приносили величайшую жертву – отказывались – **отрешались от ума**, – когда деятельность их переходила во внешнюю жизнь. Спасение ближних от гибели, жертва для этого всем, являлось важнейшей целью для юродивых. Основой же подвигов этих настоящих «законников Христа», исполнителей Его заветов – было смирение. Упреки в безумии, презрение и поношение толпы принималось ими радостно. «Совершенство смирения», поучал святой Исаак Сирин, «в том состоит, чтобы с радостью сносить ложные обвинения. Кто истинно смиренномудр, тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в защиту о том, в чем он обвинен, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения». Особенно почитались русскими людьми святые юродивые Московские: Василий Блаженный, Максим, Иоанн; Прокопий Устюжский; Новгородские: Николай Кочанов, Михаил Клопский; Псковский Никола Салос; Ростовские: Исидор Твердислов, Иоанн Власатый; Калужский – Лаврентий чудотворец. Среди юродивых были и люди княжеского рода, как Михаил Клопский, и бояре, как Лаврентий, и купцы, как Исаакий Печерский.

Стояние за правду было также свойственно русским людям того времени. Преподобные Антоний и Феодосий обличали современных им князей – Изяслава и Святослава Ярославичей. Митрополит Никифор поучал даже такого благочестивого князя как Владимир Мономах: «Пишу на напоминание тебе: ибо великия власти великого напоминания требуют». «Княже, мы есмы приставлены к Русской земле от Бога востягивати вас от кровопролития», говорил митрополит Никифор II Киевскому князю Рюрику Ростиславичу. «Стыдись, враждуя с братьями и единовверцами», взывал Феоктист, епископ Черниговский. При вел. кн. Андрее Александровиче (1294–1304) епископы Симеон Владимирский и Измаил Сарский мирили князей в Орде. Св. митрополит Максим всячески старался образумить московского князя Георгия Даниловича, враждовавшего с вел. кн. Михаилом Ярославичем. Святой Игнатий, еп. Ростовский, именуемый летописцами «великим чудотворцем», примирил князей Дмитрия и Константина Борисовичей. Преподобный Кирилл Белозерский писал вел. кн. Василию I: «Чем большей удостоен ты власти, тем более строгому подлежишь ответу. Воздай Благодетелю долг твой, храня святыя Его заповеди и уклоняясь от путей, ведущих к гибели. Как на корабле, если ошибается наемный гребец, вред от того бывает неважный; если же ошибается кормчий, то губит весь корабль: так, государь, бывает и с князьями. Если согрешит боярин, наносит пакость себе, а не всем, но, если согрешит сам князь, причиняет вред всему народу. Слышал я, что у тебя, великий князь, великое несогласие с твоими сродниками, князьями Суздальскими. Тыставляешь свою правду, а они свою; кровь христианская льется. Осмотрись, государь. Если они правы в чем-либо, уступи им смиренно, если в чем правда на твоей стороне, стой за правду. Если они будут кланяться тебе, Бога ради, государь, окажи им милость сколько можно, покажи к ним любовь и сострадание, дабы не погибли, блуждая в татарских странах. – Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного суда Божия; если будешь любить ближнего как себя, если утетишь души скорбныя и огорченныя – это много поможет тебе,

государь, на страшном и праведном суде Христовом». Твердый и благочестивый митрополит Варлаам строго корил вел. кн. Василия III за его приемы в борьбе с удельными князьями. Отдав, наконец, свой святительский посох, он в 1522 году оставил митрополию и сослан был потом в Спасокаменный монастырь.

Троицкий игумен Порфирий укорял Василия III за пленение кн. Василия Шемякина Путивльского, вопреки данному государем обещанию. «Если ты приехал в храм Безначальных Троицы с тем, чтобы испросить себе прощение грехов, то будь наперед милосерд к гонимым без правды», – сказал Василию Порфирий, за что подвергнут был изгнанию. Когда Василий III особенно опалился на брата своего Юрия, то последний обратился к заступничеству святого Иосифа Волоколамского, дав слово не строить ков против государя. Иосиф отправил в Москву двух старцев. Василий, догадываясь о цели их посещения, не здороваясь с иноками, сказал им сердито: «Зачем пришли, какое вам до меня дело?» На это один из старцев наставительно указал ему, что государю не подобает так выходить из себя, не разузнав наперед в чем дело, а следует разспросить хорошенько и выслушать с кротостью и смирением. Василий смутился, встал и сказал: «Ну простите, старцы, я пошутил». Сняв шапку, он поклонился им, спросил о здоровье игумена и, выслушав ходатайство их, простил брата. За развод с великой княгиней Соломонией (Сабуровой) и насильственный ея постриг обличали Василия III инок Вассиан (в мире кн. Василий Патрикеев Косой) и преп. Максим Грек, подвергшийся за это ссылке в Волоколамскую и Симонову обитель. «Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в Священном Писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады о главе Иоанна Крестителя», – ответил Василию в 1525 г. инок Вассиан на его вопрос о возможности развода. Евангельскими и апостольскими правилами доказывал Вассиан неправильность намерения великого князя. За прямоту свою в обличении зла, творившегося Иоанном IV, погиб святой митрополит Филипп. «Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и

беззакония сего нечестивого века» – говорил святитель. Безбоязненными ходатаями за народ были юродивые. Блаженный Михаил Клопский, обличая кн. Димитрия Шемяку, надолго взбаламутившего государство, требовал от него подчинения ослепленному им вел. кн. Василию II. Блаженный Никола Салос, укоряя Иоанна IV, спас Псков от страшной расправы царя. Словам Василия Блаженного особенно внимал царь Иоанн IV. Блаженный Иоанн Московский обличал Бориса Годунова.

Русские люди, начиная с государей и кончая простолюдными, преисполнены были ревностью о вере, стоянием за православие, небоязненным его исповеданием. За отказ в поклонении огню и войлочным идолам, за верность Христу погибли от руки татар: святые князья Михаил Черниговский, Василько Ростовский, Роман Рязанский. За то же гибнут князья – Феодор Юрьевич и Юрий Игоревич. «С врагом Христовым не могу быть в приязни», восклицает последний. «Я христианин и мне не прдобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Св. Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо и землю и вся иже в них суть», – заявил в 1249 г. в Орде св. кн. Александр Невский, отказываясь поклониться «кусту, огневи и идолам» и пройти сквозь огонь. Святой князь Константин Святославич (умер в 1129 г.), сына коего, св. кн. Михаила, убили язычники муромцы, один, с иконой Богоматери, вышел к ним и небоязненною верою своею обратил их в христианство. Василий II не допустил митрополита Исидора установить в России униатство, принятое тем на Флорентийском соборе 1439 г. Иоанн III и Василий III проявили твердую настойчивость в требовании сохранения православия их дочерью и сестрой Еленой, супругой литовского вел. кн. Александра. «И хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать, и ты бы пострадала», – писал Иоанн дочери, именовавшей себя в письмах к нему «служебница и девка твоя, королева польская и вел. княгиня литовская Олена».

В страшную смуту 17 века крепкое стояние за православие спасло Русь. За отчую правую веру боролся св. Патриарх Гермоген, погибший от голода узником в подземелье Чудова

монастыря. Призывом отстаивать православие проникнуты были грамоты, как его, так и продолжателя его отечестволюбивого дела, архимандрита Троицкого св. Дионисия. «Всею землею обще стать за православную христианскую веру» – призывалось в грамотах, которыми обменивались между собою северные и восточные города. Эту пламенную ревность русские люди умели внушить и инородцам: «И Романовские господа, мурзы и татарове крест нам по своей вере дали стояти с нами за православную крестьянскую веру и за святые Божии церкви» – писали в 1612 г. Ярославцы вологжанам. Конечно грешил русский человек и порою часто грешил. Но умел и искренно и горячо каяться. Вспомним, как покаяние – плод воздействия пр. Сергия – приводит в конце жизни коварного, строптивного кн. Олега Рязанского, изменившего Руси во время Мамаева нашествия, к принятию схимы и строгой подвижнической жизни в основанном им Солочинском монастыре. Кн. Василько Романович Волынский, брат Даниила Галицкого, друг сербского короля Стефана Драгутина, храбрый и неутомимый воин, жизнь свою закончил в 1276 г. монахом в дикой пещере, под Львовом, замаливая грехи своего прежнего участия в междоусобных распрях. Святцы наши повествуют о корыстолюбивом угнетателе бедных – Никите, внезапно покаявшемся, всенародно исповедавшем свои грехи, отдавшем себя на истязание комарам в болоте, заключившемся потом в тесный столп. Совершив великие подвиги, он принял насильственную смерть. Источались от мощей его чудеса, и он, Никита, столпник Переяславский, причислен был к лику святых.

Огромное влияние на выработку истинного русского мирозерцания оказывали монастыри. «За стенами монастыря», писал историк С. Соловьев, «грубым страстям давался полный разгул при первом удобном случае; в стенах монастыря один ест через день просвиру, носит власяницу, никогда не ляжет спать, но вздремлет иногда сидя, не выходит на свет из пещеры; другой не ест, по целым неделям, надел вериги и закопался по плечи в землю... Не удивительно, что монастырь привлекал к себе многих и лучших людей». В обители вступали князья и княгини: святые Евфросиния

Полоцкая, Никола Святоша Черниговский, Игорь Черниговско-Киевский, Евфросиния (в миру Евдокия, супруга Донского) Московская, Петр и Феврония Муромские, а также Василько Волынский, Олег Рязанский, потомки бояр: святые митрополиты Алексей, Филипп, архиепископы Казанские: Гурий и Герман; преподобные – Сергей Радонежский, Савва Вишерский, Нил Сорский, Кирилл Новоазерский, Галактион Новгородский, Григорий Пельшемский, Корнилий Комельский, Арсений Комельский, Иаков Железоборовский, Адриан Андрусовский, Блаженный Лаврентий Калужский, Николай Кочалов Псковский, Иоанн Власатый Ростовский и другие. Преп. Варлаам Шенкурский был ранее Новгородским посадником. В обители окончил свою отечестволюбивую деятельность знаменитый государственный деятель, сподвижник царя Алексея Михайловича, Ордын-Нащокин. Монастыри оказывали не только церковное влияние. Они являлись благотворительными учреждениями, принимая под кров свой страждущих и бездомных. Обители разносили просвещение, музыку духовную, архитектуру, выдвигали замечательных иконописцев. Монастыри являлись так же крупными двигателями мирной колонизации. Около обителей, создавшихся в самых диких лесах, появлялись посадки, обрабатывались поля, прокладывались пути сообщения. «Монастырь», писал П. М. Ярцев, «воспитал лучшее свойство русского характера: недоверие ко всему преувеличенному, так называемую нашу «простоту». Монастырь прививал то прозрачное чувство мира и себя в мире, которое стало достоянием аскетики «художества из художеств». И которое стало достоянием русского искусства... Это «Русь монашеская» заложила основы русской правды и русской в мире красоты. Это она выносила «Русскую идею» – идею святости земли под нашими ногами, покрываемой высоким Божиим небом. Это она взрыхлила художество прозрачное, такое, в котором, сквозь образы земляные и темные, просвечивает небо. Художество, избирающее своим предметом обычное, будничное и освещающее их нездешним светом, ни с чем несравнимый «русский реализм»...

Сострадание к бедным, заключенным было также свойственно русскому народу. С широкого благотворения начал свою деятельность крестившийся св. князь Владимир. «Главное же не забывают убогих, и по силе, как можете, кормите их. Больного посетите, покойника проводите и не оставляйте никого без приветов, скажите всякому доброе слово...» – поучал своих детей Владимир Мономах. В Московской Руси государи под большие праздники посещали тюрьмы, богадельни и щедро благотворили. Широкое милосердие проявляли патриархи и прочие иерархи. Призывали бедных обители. Особое значение этому придавал преп. Иосиф Волоколамский. При храмах устраивались братские трапезы. Яркими представителями милосердного русского народа является св. Иулиания Лазаревская, все свое состояние потратившая на помощь ближним во время сильного голода в самом начале XVII в. и, образованнейший человек того времени, сподвижник царя Алексея Михайловича, Феодор Ртищев. «Бедный был для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасытным скопидомством все прятала – все свои сбережения», пишет Ключевский о пр. Иулиании. «Порой у нея в дому не оставалось ни копейки от милостыни и она занимала у сыновей деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама, имея уже под 60 лет, ходила всю зиму без шубы». «Из всего запаса, почерпнутого древней Русью из христианства», пишет Ключевский, «Ртищев воспитал в себе наиболее сродную древнерусскому человеку доблесть – смиренномудрие». Своим влиянием царского любимца Ртищев пользовался, чтобы быть миротворцем при дворе, устранять вражды и столкновения. Он же, по словам Ключевского, избрал самоотверженное поприще – служить страждущему и нуждающемуся человечеству. Сопровождая царя в 1654 г. в польском походе, он по дороге подбирал в свой экипаж нищих, больных и увечных, так что сам должен был пересаживаться на коня, несмотря на многолетнюю болезнь ног. В попутных городах и селах Ртищев устраивал для этих людей временные госпитали, где содержал и лечил их на свой счет и на деньги, данные ему на это дело царем. На свои средства создал он в Москве приюты и богадельни, тратил

большие деньги на выкуп русских пленных у крымских татар, помогал, где только мог, бедным. Особую заботу проявлял он в отношении крестьян и дворовых людей. В XVII столетии по деревням Пермской губернии ходил неизвестный человек шить шубы. Ласковая улыбка, светлые, ясные глаза, в которых насквозь видна душа – детски чистая. Выбирает он всегда избу победней. Шьет на других, получаемые деньги отдает бедным хозяевам. Тут же даром обшивает бедняков. Вечером нянчится с детишками; кто постарше, тех учит грамоте. Благостный портной происходит из дворян, но перешел совсем в среду крестьянскую. Кругом еще много язычников вогуличей. Чтут и они доброго шубника. Бросят по язычески больного – пусть умирает. Найдёт его ласковый портной. Ходит за больным, как мать, не спит по ночам, говорит ему о Распятии. Скончался он в 1642 г. в погосте Меркушах, вблизи Верхотурья. У могилы его стали совершаться чудеса. Веоующий народ потребовал его прославления. Но забыли, как именовался этот святой человек. Воистину не для прославления имен своего трудился он на ниве Господней. Узнали, наконец, имя – звался он Симеоном. В 1694 г. были открыты мощи праведного Симеона Верхотурского, которого особенно чтили в Приуралье. Свойственное русским людям чувство сострадания заставило их еще на заре христианства горячо полюбить великого милостивца Святителя Николая Мирликийского. В России наибольшее число храмов посвящено было ему.

Весь строй старой Руси, начиная с царских палат и кончая хижинкой простолюдина, пропитан был церковностью. Русский человек тех времен терпеливо переносил выпадавшие на его долю испытания, понимал, дорожил милостью Божией и стремился весь быт свой строить в полном согласии с установлениями Церкви, все события жизни освящать благословением архипастырей и пастырей. Былая Русь строго соблюдала посты, в чем подавали пример государи и святители. Первые два дня первой недели великого поста патриарх и царь вовсе не вкушали пищи, только в среду подавалось легкое кушанье – например компот. В строжайшем воздержании проходила и страстная неделя. Когда наступала

эта седмица, примолкали кремлевские колокола до радостной Пасхальной ночи. Царь и народ облекались в темные одежды. Государь почти все время проводил в храме; под покровом же ночи тайно обходил тюрьмы, выкупая должников, помогая несчастным словом и делом. Вся жизнь обывательская связана была с церковными правилами и обычаями. Все совершавшееся в сельском хозяйстве исчислялось по церковному календарю, что видно и из народных поговорок. Благочестием держалась Святая Русь. Историк Карамзин, подводя итоги русской истории до воцарения Иоанна III, пишет: «Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились своей нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество наше, как страну православия». Через сто лет историк Платонов писал в свою очередь: «Все пережила она (Русь), все вынесла, потому что держалась за крест Христов, потому что искала помощи в непобедимой силе этого креста, у алтарей Божиих храмов, у гробниц святых угодников страдальцев и молитвенников за землю Рускую, потому что помнила и хранила заветы своего равноапостольного князя-просветителя: любить и до последней капли крови защищать святую веру, жить так, чтобы в жизни свяtilось имя Божие, чтобы был народ не на словах только, но и на деле народом православным, «Святою Русью»...

С начала 18 века меняется тот уклад, который являлся основой старой Руси. Великий преобразователь, но и великий разрушитель – царь Петр I строил свою империю наново. Увлекаемый порывами – умственными и волевыми своей исключительной личности, Петр Великий преклонился перед обольстившим его западом и начал крушить свое родное, мешавшее выполнению его планов. Лично религиозный и по своему церковный, он, по политическим соображениям, отменил патриаршество, отстранил духовенство от участия в государственной жизни, замкнув его в исключительно церковные рамки... Сломан был им многовековой русский быт.

Образованные круги все сильнее стали удаляться от родных живых истоков и, на ряду с полезным, даваемым западом, подпали и под его тлетворныя влияния. На западе же все более подтачивались нравственные устои, подрывались авторитеты, усиливалось безбожие. В толще народной, отрываемой духовно от верхних слоев, продолжало еще на Руси жить благочестие.

В 18 веке подвизались на Русской земле такие выдающиеся святители, как Тихон Задонский, Иннокентий Иркутский, Иоасаф Белгородский. Оживала возстановленная Валаамская пустынь, появлялись первые ростки старчества, пересаживавшегося из Молдавии архимандритом Паисием Величковским, начинал в Саровской обители свою подвижническую деятельность Пр. Серафим Саровский; верующий люд в юной столице Империи искал наставление у юродивой Ксении. На закате 18 века вырисовался еще ярко облик истинного воина Святой Руси – гениального Суворова. Глубоко верующий и церковный, на закате дней своих помышлявший о принятии иноческого чина, он наставлял в своей «капральской тетради»: «Молись Богу: от Него победа, Пресвятая Богородица, спаси нас! Святителю отче Николае чудотворче, моли Бога за нас. Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай». «Все начинай с благословения Божия и до издыхания будь верен государю и отечеству». «Святой храм – твердыня доблестями неодолимая. Что дерево без корня, то почитание к власти земной без почитания к власти Божией: воздай честь Небу, потом земле». «Дух укрепляй в вере отеческой православной; безверное войско учить, что железо перегрелое точить».

Девятнадцатый век вызвал еще сильнейший надлом истинной русской жизни. Из революционной Франции проник растлевающий дух сомнений. Твердокаменная философия немцев всполошила умы и души и заглушила учение православного духа у недостаточно стойких людей. Различныя вредныя мистическия, масонскія движения проникали особыми тропами и дополняли разложение. Верхи все больше отрывались от народной массы, менее поддавшейся заразе. В образованной среде только исключительныя личности понимали значение для самого бытия России религиозных начал.

Таковыми были: Державин, прозревший духовно Фонвизин, Грибоедов, Карамзин, Жуковский, Тютчев, братья Киреевские, Хомяков, Самарин, Аксаков и прочие славянофилы, Погодин, гр. Алексей Толстой, К. Леонтьев. Гоголь написал замечательное по силе «Размышление о Божественной Литургии» и находил отраду в паломничестве в Святую Землю и в беседах со старцами-иноками. Сколько религиозного горения в ряде стихов Лермонтова! Весь проникнут был тем же святорусским духом великий пророк Достоевский. Крупный мыслитель этого века Константин Леонтьев спасался в Оптиной пустыни и жизнь свою окончил иноком Троицко-Сергиевой лавры. Гениальный Пушкин понимал значение религиозных начал в русской жизни. Полон глубокого смысла обмен его стихами с великим иерархом того времени, митрополитом Московским Филаретом. В часы уныния Пушкин написал следующее стихотворение:

«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?
Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празднен ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум».

Митрополит Филарет, ценивший поэта, так ответил ему:

«Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана:
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравно властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!

Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум».

Пушкин свое преклонение перед святителем выразил такими строками своего стихотворения «Стансы»:

«В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Таким огнем душа согрета,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт».

Духом Святой Руси проникнуты были наши государи. До сих пор загадочна смерть императора Александра I. Но сколько силы и красоты в народной легенде о старце Феодоре Кузьмиче! Монарх-Самодержец, спаситель России и Европы, от равнодушия к вере, через ложный мистицизм, пришедший искренно к Церкви, мучимый угрызениями совести за свое участие в заговоре против зверски умерщвленного отца, – тайно покидает престол, как простой странник посещает Святую Землю, возвратившись на родину переносит унижения и старцем умирает в далекой Сибири.

«Да будет воля Твоя» – при всех обстоятельствах жизни говорил подлинно церковный император Николай I. В 1850 г., в

день 25-тилетия его царствования, Государю представлен был юбилейный отчет по всем министерствам. Император Николай Павлович был тронут. Заметив его умиление, одна из дочерей подошла тихо сзади к сидевшему отцу, обняла его шею рукой, «Ты счастлив теперь, ты доволен собою?», спросила она. – «Собою?», ответил ей государь и, показав рукой на небо, прибавил: «Я былинка». Таковым был и внук его, имп. Александр III Миротворец. Заканчивая первый год царствования по наследованию престола, после мученической кончины царя Освободителя, – совершивший крестный путь служения России, он 31-го декабря 1881 года писал своему другу К. П. Победоносцеву: «Так отчаянно тяжело бывает по временам, что, если не верить в Бога и в Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России... Часто, очень часто вспоминаю я слова святого Евангелия: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте». Эти могучия слова действуют на меня благотворно. С полным упованием на милость Божию кончаю письмо. Да будет воля Твоя, Господи». «Неисповедимыми путями Божественного Промысла совершилось над нами чудо милости Божией. Там, где не было никакой надежды на спасение человеческое, Господу Богу угодно было дивным образом сохранить жизнь, мне, Императрице, Наследнику Цесаревичу, всем детям моим. В трепетном благоговении перед дивными судьбами Божиими мы веруем, что явленная нам и народу нашему милость Божия отвечает горячим молитвам, которые ежедневно возносят за нас тысячи верных сынов России всюду где стоит святая Церковь и славится имя Христово. Промысл Божий, сохранив нам жизнь, посвященную благу возлюбленного Отечества, да ниспошлет нам и сыну совершить до конца великое служение» – объявил Император Александр III в манифесте своем по случаю спасения 17 октября 1888 г. во время страшного крушения царского поезда под Борками.

Глубоковерующим и церковным был Император Николай II. В его царствование храмоздательство, иконопись, церковное

пение и, в особенности, прославление угодников Божиих возвращали Русь к ее древним живоносным источникам. Покорность воле Божией при ниспосланных тягчайших испытаниях – воскресила образы св. кн. Михаила Тверского и других благоверных князей той эпохи.

Проникновенно понял Государя владыка Антоний (Храповицкий), епископ волынский, будущий первый возглавитель Русской Зарубежной Церкви. Приводим выдержки из слова его, произнесенного в житомирском кафедральном соборе 21 октября 1905 г., через четыре дня после манифеста 17 окт., установившего народное представительство.

«Сегодня окончился одиннадцатый год царствования нашего монарха и настает двенадцатый год с несколько изменившимися условиями, обозначенными в последнем манифесте. Оглянитесь же, русские люди, на сей закончившийся первый период царствования нашего Государя, оглянитесь на себя, насколько вы за это время оправдали данную вами перед Крестом и Евангелием присягу, и ныне, когда густая тьма безсовестной лжи и разнузданного себялюбия обложила небосклон нашей жизни, воззрите мысленно на Того, Кому так мало вы подражаете в добродетели и Кому столь неблагодарными оказались многие. Наш государь вступил на отеческий престол в юном возрасте, но оказался мудр пред искушениями власти. Большею частью цари и другие высокие начальники, достигая власти, стараются о том, чтобы сразу выдвинуть пред глазами всех свою личность в противовес личности предшественника, чтобы показать ожидаемые преимущества своего управления сравнительно с предшественником... Подобные приемы действий особенно свойственны государям молодым, как это было при первых царствованиях в народе библейском. Не так, совсем не так постуигал наш, тогда еще юный государь, сделавшись властителем величайшего в мире царства. Он обещал следовать во всем примеру и указаниям своего в Бозе почившего родителя, и постоянно ссылался на его авторитет. Он сохранил при себе его советников и не только не старался о том, чтобы выдвигать самолюбиво свою личность, но, напротив,

постоянно смирялся пред своим Отечеством, исповедывал свою сердечную привязанность к старинной Москве и первый из русских императоров не устыдился распространять свои изображения в старинной русской одежде.

«Смирение это первая заповедь Евангелия, это первая ступень из девяти блаженств, чрез которые открывается нам Господень рай, – сколь редкая, сколь ценная эта добродетель в наш горделивый, изолгавшийся век. И, если мы справедливо ценим ее так высоко среди простых смертных, то как она возжеленна в могущественном Императоре. Учись же, русский народ, у своего Царя этой великой мудрости быть смиренным...Как же сохранить в себе дух смиренномудрия? Как сохранил его в себе наш Государь? Хранить такой дух может лишь тот, кто боится Бога, кто всем сердцем верит во Христа, кто благоговеет пред святыми угодниками. И сему учитесь у своего Царя, русские люди».

«Наш Государь начал царствовать в сегодняшний день 21 октября, причастившись в храме Св. Таинств Тела и Крови Христовых. Вторично причастился Он Божественных Таинств чрез три недели, в день своего бракосочетания. Сие необычно земным царям, которые, хотя и стараются всегда показать, что они не чужды веры, весьма опасаются прослыть слишком благочестивыми... Такая раздвоенность совершенно чужда нашему Монарху: Слава Божия являлась главным направляющим началом Его деятельности. Ревнуя о прославлении святых угодников с тем же безкорыстным упованием с каким относится к ним народное сердце, Он с радостью разрешил открытие мощей св. Феодосия Черниговского в год своей коронации, а затем приложил старания к тому, чтобы провозглашена была Церковью святость другого угодника Божия – преп. Серафима Саровского. Но и на сем не упокоилось сердце Царево: оно повлекло Его с Царицей Супругой и Царицей Матерью в далекую Саровскую пустынь и побудило Его собственными руками поднять священный гроб Чудотворца и, вместе со своим народом, собравшимся сюда в количестве трехсот тысяч, проливать слезы умиления,

открывать свою совесть духовнику монаху и причащаться Святых Таинств у одной чаши с простолюдинами».

«Слышал ли ты что-либо подобное, о русский народ, за последнее столетие и более? Часто ли встречал такую силу веры среди людей знатных и богатых и укажешь ли мне во всей вселенной нечто подобное в жизни царей, именующих себя христианскими? Учись же у своего Царя вере, умилению и молитве. Искреннее благочестие остается неполным, если не украшается любовью и состраданием к ближним. И сию любовь наш Государь проявил в первые же месяцы по своем воцарении, когда, по примеру всероссийского праведника отца Иоанна Кронштадтского, начал повсюду учреждать дома трудолюбия для бедных, ибо именно в этом нуждается городская беднота».

Наряду с прославлением свят. Феодосия Черниговского и преп. Серафима Саровского, в царствование Государя последовали причисления к лику Святых: в 1897 – пресвитера юрьевского Исидора и 72 им пасомых, утопленных в 1472 году в р. Омовже латинянами за стойкое исповедание Православия; в 1909 году – окончательное прославление св. мощей преп. Анны Кашинской, супруги св. вел. кн. Михаила Тверского; в 1910 году – перенесение мощей преп. Евфросинии, княжны Полоцкой из Киева в Полоцк; прославления: в 1911 г. – св. Иоасафа епископа Белгородского; в 1913 г. – святейшего патриарха Гермогена; в 1914 г. – свят. Питирима, епископа Тамбовского; в 1916 году – свят. Иоанна, митрополита Тобольского. Тысячи народа стекались на эти торжества.

Через девять лет после пламенного слова владыки Антония звучал душевно и выразительно в Екатеринбургском соборе голос замечательного проповедника о. Иоанна Сторожева. Прославлял он память «избранного и дивного Сибирския страны Чудотворца», Праведного Симеона Верхотурского. «Какое, братие, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть», говорил он, «что Державный Бождь народа Русского, коему вверены Богом судьбы отечества нашего, в основу всего в своем царстве полагает не иное что, как благочестие, Сам лично подавая пример глубокого, чисто древле-русского

благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святынь русских, заботы и усердия к прославлению памяти великих подвижников святой благоугодной жизни». Государь пожертвовал сень над ракою преп. Симеона.

Замечательно, что о. Иоанн Сторожев, с юных лет росший вблизи Сарова и Дивеева, совершил 1/14 июля 1918 года в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, обедницу и давал последнее пастырское благословение так верно понятому им Помазаннику Божию.

Из года в год тысячи паломников шли на богомолье в Киев, в Москву, в Саров, в Дивеево, на Валаам, в Верхотурье, в Соловки, на Афон и в Святую Землю. Вспоминается Киев до и после Успения Богоматери, – храмового праздника Лавры, – когда пароход за пароходом везли богомольцев. Писатель Шмелев ярко описывает благочестие современной ему Москвы. Народ у старцев Оптиной и других обителей искал ответа на свои Душевные запросы, получая назидания. Французский писатель Лоти писал, что он только тогда получил представление об истинной вере, когда наблюдал русских богомольцев, молившихся в Иерусалиме.

Ярким выявлением духа Святой Руси было то исключительное почитание, которое все слои народа проявили, в последние десятилетия 19 столетия и в начале 20-го, в отношении великого праведника и молитвенника, ныне прославленного, **Св. Отца Иоанна Кронштадтского** (1829–1908).

20 октября 1894 г., в последние часы жизни незабвенного православнейшего **Царя-Миротворца Александра III**, около него в Ливадии находился Отец Иоанн. «Вы – святой человек. Вы – праведник. Вот почему Вас любит русский народ» – произнес Государь. «Да», ответил он: «Ваш народ любит меня». По принятии Св. Таин, Царь просил его возложить руки на голову, произнеся: «Когда вы держите руки на моей голове, я чувствую большое облегчение, а когда отнимаете, очень страдаю – не отнимайте их». С руками о. Иоанна на главе и предал Государь душу свою Богу.

Из уст св. Иоанна прозвучали наставительные и грозные слова, когда в смуту 1905–6 годов темные силы всех видов ополчились против Святой Руси. «Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога-Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры... Возстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда, чашу – и вам и России».

Грозно прорекал он: **«Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению...** Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония». – «Бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать? **Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов».**

Святая Русь, во всей ее духовной силе и красоте, выявляется в замечательных строках Той, которая подвергалась такой клевете и поношению, даже некоторыми членами императорского дома, пренебрегшими нарочитой присягой, ими даваемой. Пламенной верой, силой древнего христианства, величием благороднейшей души преисполнены письма узницы революционеров, Царицы Александры Феодоровны, писавшиеся в Тобольске. «Чем больше здесь страдания, тем ярче будет на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут» (21 окт. 1917 г.). «Дух у всех семи бодр. Господь так близок, чувствуешь Его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которые раньше убили бы. Мирно на душе, хотя страдаешь сильно за Родину» (9 дек.). «Не надо так мрачно смотреть – голову наверх – бодрее всем в глаза смотреть. – Никогда надежду не терять – непоколебимо верить, что пройдет этот кошмар» – «Какая я старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю

мою родину, несмотря на все ужасы и согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, – но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь смилуйся и спаси Россию» (10 дек.).

«Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо, непоколебимо верю, что Он все спасет, Он один это может. Странность в русском характере – человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безразсудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется – безхарактерность» (9 янв. 1918 г.). «...Но что время. Ничего, жизнь – суета, все готовимся в царство небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол человека стережет на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть на страже, не спать, а воевать. Вся жизнь – борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попущение – все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло. А ты принимай без ропота: Он и пошлет ангела хранителя, утешителя своего. Никогда мы не одни, Он – Вездесущий, Всезнающий, Сама любовь. Как Ему не верить» (2/15 марта 1918 г.). «Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече небесного жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас: как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, невинный, безгрешный вольно страдал. Искушаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души» (13/26). «Когда совсем затоптаны ногами, тогда Он Родину подымет. Не знаю как, но горячо этому верю. И будем непрестанно за Родину молиться. Господь Иисус Христос, помилуй меня, грешную, и спаси Россию» (19 марта). «Атмосфера электрическая кругом, чувствуется гроза, но Господь милостив и охранит от всякого зла». «Хотя гроза

приближается – на душе мирно – все по воле Божией. Он все к лучшему делает. Только на Него уповать. Слава Ему, что маленькому (Наследнику) легче» (8/21 апр. 1918 г.).

После революции владыки Андронник, архиепископ пермский и Вениамин, митрополит петербургский, протоиерей Иоанн Восторгов, воскресили образы Святителей Филиппа и Гермогена, Святых князей Михаила Черниговского и Василька Ростовского.

Архиепископ Андронник так обратился в соборе 26 авг. 1918 г., незадолго до своей кончины, к участникам многотысячного крестного хода. «Стойте за веру Христову, не будьте отступниками, если изгонят нас насильники из храмов, будем молиться в домах или устроим храмы в тайных подземельях, но неустанно будем молиться». Обращаясь тогда же к находящимся в соборе советским властям, Владыка сказал: «Теперь к вам, насилующим совесть русского народа, мое слово: я обратился к вам со словом увещания, я просил вас прекратить насилие. Вы ответили бранью и кощунством, вы извратили мои слова и надругались над ними. Я еще раз говорю вам – не отымайте веру у народа, не троньте его храмы, алтари и ризницы. Иначе я, данной мне от Бога преемственной чрез апостолов силой «вязать и решать» всех посягающих на веру Христову, буду анафематствовать, доколе не исправитесь. К дверям храмов вы пройдете лишь через мой труп». После сильных мучений владыка Андронник был закопан живым.

Протоиерей Иоанн Восторгов, убежденный и действенный монархист, мужественно бичевавший все революционное, начиная с 1905 г., говорил 21 янв. 1918 г. в Москве в Покровском храме Василия Блаженного, в коем настоятельствова: «Да сгинет то неделание и непротивление злу, которым теперь охвачено русское образованное общество под ударами обрушившихся на него несчастий – правда, им же самим и подготовленных. Такая борьба не только совместна с христианством, но и составляет обязанность христианина. Такая борьба приобщает нас к подвигу исповедничества».

В Москве 23 авг. 1919 г. он напутствовал, на месте разстрела, верных до конца сподвижников Царя-Мученика, И. Г.

Щегловитова и Н. А. Маклакова. Праведный пастырь перекрестился, осенил крестным знаменем палачей и ушел в мир горний вслед горячо им любимому митрополиту киевскому Владимиру, замученному ранее.

О митрополите Вениамине, архиепископ Анастасий; будущий первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, писал: «Среди этой доблестной дружины зрим и тебя священная главо, славный Первостоятель града Святого Петра, возлюбленный твоею паствою так же, как тезоименитый тебе древний Патриарх своим отцем Иаковом. Младший многих из твоих собратий, ты предупредил, однако, их твоим апостольским дерзновением и духовным разумом. Еще в юности ты лобызал пламенеющим сердцем раны первых мучеников и скорбел, что не можешь приобщиться к их славному подвигу. Господь узрел твою святую ревность и, по исполнении времен, послал тебе тот же искус. По Его изволению, преемники Ирода и на тебя наложили руки, чтобы сделать тебе зло и, задержав, ввергли в темницу (Деян. 12, 4). Напрасно преданная тебе паства волновалась, как море, вздымающее гневные волны. Ни ея мольбы и угрозы, ни твое незлобие и смирение – ничто не могло исторгнуть тебя из рук нечестивых, повлекших на свое незаконное судилище. Исполненный веры и силы, кроткий и дерзновенный, как первый мученик Стефан, предстал ты перед новым синагегоном. Враги не могли противостоять мудрости и Духу, вещавшему твоими устами, Тогда ты избавил их клеветы и выражал радостное желание умереть, как христианин, стражда без правды (1Петр. 2, 19; 4, 16)».

Красотой истинного христианства, чуждого духу непротивленчества, приспособляемости, захватившего многих, – полно предсмертное письмо владыки Вениамина, написанное им, обреченным к смерти.

«В детстве и отрочестве», писал владыка одному из своих сподвижников пастырей, – «я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел, что времена не те и не придется переживать то, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Трудно, тяжело страдать,

но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить все: тюрьму, суд, общественное заплевывание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самую Церковь».

«Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией».

«Странны рассуждения некоторых, может быть и верующих пастырей (разумею Платонова) – надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, гибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эс-эры и другие. Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?»

Примеру Помазанника Божия, благочестивой Царицы, архипастырей Андроника и Вениамина, протоиерея Иоанна Восторгова, предававших себя воле Божией, Веры не угасивших, Церкви не изменивших, следовали многие русские люди. Верим, что, по вере и страданиям их, невидимо воздвигнется камень за камнем Святая Русь.

Н. Тальберг.

*День памяти Святителя Тихона, епископа Воронежского,
Задонского и всея России чудотворца.*

Св. прав. отец наш Иоанн, Кронштадтский Чудотворец. (Ко дню его прославления 19 октября 1964 г.).

Святой праведный отец наш Иоанн, Кронштадтский Чудотворец, родился 19 октября 1829 года в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии – на далеком севере России, в семье бедного сельского дьячка Илии Сергиева и жены его Феодоры. Новорожденный казался столь слабым и болезненным, что родители поспешили тотчас же окрестить его, причем нарекли его Иоанном, в честь преподобного Иоанна Рыльского, в тот день св. Церковью празднуемого. Вскоре после крещения младенец Иоанн стал заметно поправляться. Благочестивые родители, приписав это благодатному действию св. таинства крещения, стали с особою ревностью направлять его мысль и чувство к Богу, приучая его к усердной домашней и церковной молитве. Отец с раннего детства постоянно брал его в церковь и тем воспитал в нем особенную любовь к богослужению.

Живя в суровых условиях крайней материальной нужды, отрок Иоанн рано познакомился с безотрадными картинами бедности, горя, слез и страданий. Это сделало его сосредоточенным, вдумчивым и замкнутым в себе и, вместе с тем, воспитало в нем глубокое сочувствие и сострадательную любовь к беднякам. Не увлекаясь свойственными детскому возрасту играми, он, нося постоянно в сердце своем память о Боге, любил природу, которая возбуждала в нем умиление и преклонение пред величием Творца всякой твари.

На шестом году отрок Иоанн, при помощи отца, начал учиться грамоте. Но грамота вначале плохо давалась мальчику. Это его печалило, но это же подвигло и на особенно горячие молитвы к Богу о помощи. Когда отец его, собрав последние средства от скудости своей, отвез его в Архангельское приходское училище, он, особенно остро почувствовав там свое одиночество и беспомощность, все утешение свое находил только в молитве. Молился он часто и пламенно, горячо прося у

Бога помощи. И вот, после одной из таких горячих молитв, ночью, мальчика вдруг точно потрясло всего, «точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове», «легко и радостно так стало на душе»: ему ясно представился учитель того дня, его урок, он вспомнил даже, о чем и что он говорил. Чуть засветлело, он вскочил с постели, схватил книги, и, о, счастье! Он стал читать гораздо лучше, стал хорошо понимать все и запоминать прочитанное.

С той поры отрок Иоанн стал отлично учиться: одним из первых окончил училище, первым окончил Архангельскую духовную семинарию и был принят на казенный счет в С.-Петербургскую Духовную Академию.

Еще учась в семинарии, он лишился нежно любимого им отца. Как любящий и заботливый сын, Иоанн хотел было прямо из семинарии искать себе место диакона или псаломщика, чтобы содержать оставшуюся без средств к существованию старушку-мать. Но она не пожелала, чтобы сын из-за нея лишился высшего духовного образования и настояла на его поступлении в Академию.

Поступив в академию, молодой студент не оставил свою мать без попечения: он выхлопотал себе в академическом правлении канцелярскую работу, и весь получавшийся им скудный заработок полностью отсылал матери.

Учась в академии, Иоанн первоначально склонялся посвятить себя миссионерской работе, среди дикарей Сибири и Северной Америки. Но Промыслу Божию угодно было призвать его к иного рода пастырской деятельности. Размышляя однажды о предстоящем ему служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был. Он принял это за указание свыше. Скоро сон сбылся с буквальной точностью. В 1855 году, когда Иоанн Сергиев окончил курс академии со степенью кандидата богословия, ему предложено было вступить в брак с дочерью протоиерея Кронштадтского Андреевского собора К. Несвитского Елисаветою и принять сан

священника для служения в том же соборе. Вспомнив свой сон, он принял это предложение.

12 декабря 1855 года совершилось его посвящение в священники. Когда он впервые вошел в Кронштадтский Андреевский собор, он остановился почти в ужасе на его пороге: это был именно тот храм, который задолго до того представлялся ему в его детских видениях. Вся остальная жизнь о. Иоанна и его пастырская деятельность протекала в Кронштадте, почему многие забывали даже его фамилию «Сергиев» и называли его «Кронштадтский», да и сам он нередко так подписывался.

Брак о. Иоанна, который требовался обычаями нашей Церкви для иерея, проходящего свое служение в миру, был только фиктивный, нужный ему для прикрытия его самоотверженных пастырских подвигов: в действительности он жил с женой, как брат с сестрой. «Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобою, давай, посвятим себя на служение Богу», так сказал он своей жене в первый же день своей брачной жизни, до конца дней своих оставаясь чистым девственником.

Хотя однажды о. Иоанн и говорил, что он не ведет аскетической жизни, но это, конечно, сказано было им лишь по глубокому смирению. В действительности, тщательно скрывая от людей свое подвижничество, о. Иоанн был величайшим аскетом. В основе его аскетического подвига лежала непрестанная молитва и пост. Его замечательный дневник: «Моя Жизнь во Христе» ярко свидетельствует об этой его аскетической борьбе с греховными помыслами, этой «невидимой брани», которую заповедуют всем истинным христианам древние великие отцы-подвижники. Строгого поста, как душевного, так и телесного, требовало естественно от него и ежедневное совершение Божественной литургии, которое он поставил себе за правило.

При первом же знакомстве с своей паствой о. Иоанн увидел, что здесь ему предстоит не меньшее поле для самоотверженной и плодотворной пастырской деятельности, нежели в далеких языческих странах. Безверие, иноверие и

сектанство, не говоря уже о полном религиозном индифферентизме, процветали тут. Кронштадт был местом административной высылки из столицы разных порочных людей. Кроме того, там много было чернорабочих, работавших, главным образом в порту. Все они ютились, по большей части, в жалких лачугах и землянках, попрошайничали и пьянствовали. Городские жители не мало терпели от этих морально опустившихся людей, получивших название «посадских». Ночью не всегда безопасно было пройти по улицам, ибо был риск подвергнуться нападению грабителей.

Вот на этих-то, казалось, нравственно-погибших людей, презираемых всеми, и обратил свое внимание исполненный духа подлинной Христовой любви наш великий пастырь. Среди них-то он и начал дивный подвиг своего самоотверженного пастырского делания. Ежедневно стал он бывать в их убогих жилищах, беседовал, утешал, ухаживал за больными и помогал им материально, раздавая все, что имел, нередко возвращаясь домой раздетым и даже без сапог. Эти кронштадтские «босяки», «подонки общества», которых о. Иоанн силою своей сострадательной пастырской любви опять делал людьми, возвращая им утраченный ими было человеческий образ, первые «открыли» святость о. Иоанна. И это «открытие» очень быстро восприняла затем вся верующая народная Россия.

Необыкновенно трогательно рассказывает об одном из таких случаев духовного возрождения, благодаря о. Иоанну, один ремесленник: «Мне было тогда годов 22–23. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру сбирала. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то ему говорит ласково. Ребенок серьезно слушает. Мне все кажется, батюшка был, как Христос на картинке «благословение детей». Я было ругаться хотел: вот, мол, шлятся... да глаза батюшки ласковые и серьезные меня остановили: стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит – прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею передать все, что он говорил. Говорил про

то, что у меня в коморке рай, потому что, где дети, там всегда и тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал...».

Такой необычный пастырский подвиг молодого пастыря стал вызывать нарекания и даже нападки на него со всех сторон. Многие долго не признавали искренности его настроения, глумились над ним, клеветали на него, устно и печатно, называли его юродивым. Одно время епархиальное начальство воспретило даже выдавать ему на руки жалование, так как он, получив его в свои руки, все до последней копейки раздавал нищим, вызывало его для объяснений. Но все эти испытания и глумления о. Иоанн мужественно переносил, ни в чем не изменяя, в угоду нападавшим на него, принятого им образа жизни. И, с Божией помощью, он победил всех и вся, и за все то, над чем в первые годы пастырства над ним смеялись, поносили, клеветали и преследовали, впоследствии стали прославлять, поняв, что перед ними истинный последователь Христов, подлинный пастырь, полагающий душу свою за овцы своя.

«Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его»... говорил о. Иоанн: «не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нем»... С таким сознанием он и шел к людям, всех побеждая и возражая силою своей истинно-пастырской состраждающей любви.

Скоро открылся в о. Иоанне и дивный дар чудотворения, который прославил его на всю Россию и даже далеко за пределами ея. Нет никакой возможности перечислить все чудеса, совершенные о. Иоанном. Наша неверующая интеллигенция и ея печать намеренно замалчивали эти безчисленные явления силы Божией. Но все же очень много чудес записано и сохранено в памяти. Сохранилась точная запись рассказа самого о. Иоанна о первом его чуде своим сопастырям-священникам. Глубоким смирением дышет этот рассказ: «Кто-то в Кронштадте заболел», так рассказывал об

этом о. Иоанн: «Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая молящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка, которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко-верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божиим кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: «как я могу – думал я – иметь такое дерзновение?» Однако, эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою – он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость. В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо уже усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога – молиться за тех, кто будет этого просить».

И по молитве о. Иоанна действительно совершалось и теперь, по его блаженной кончине, продолжает совершаться множество дивных чудес. Излечивались молитвою и возложением рук о. Иоанна самые тяжкие болезни, когда медицина терялась в своей беспомощности. Исцеления совершались, как наедине, так и при большом стечении народа, а весьма часто и заочно. Достаточно было иногда написать письмо о. Иоанну или послать телеграмму, чтобы чудо исцеления совершилось. Особенно замечательно происшедшее на глазах у всех чудо в селе Кончанском (Суворовском), описанное случайно находившейся тогда там суворовской комиссией профессоров военной академии (в 1901 г.). Женщина, много лет страдавшая беснованием и приведенная к о. Иоанну в безчувственном состоянии, через несколько мгновений была им совершенно исцелена и приведена в нормальное состояние вполне здорового человека. По молитве о. Иоанна, прозревали слепые. Художником Животовским

описано чудесное пролитие дождя в местности, страдавшей засухой и угрожаемой лесным пожаром, после того как о. Иоанн вознес там свою молитву. О. Иоанн исцелял силою своей молитвы не только русских православных людей, но и мусульман, и евреев, и обращавшихся к нему из-за границы иностранцев. Этот великий дар чудотворения естественно был наградой о. Иоанну за его великие подвиги – молитвенные труды, пост и самоотверженные дела любви к Богу и ближним.

И вот скоро вся верующая Россия потекла к великому и дивному чудотворцу. Наступил второй период его славной жизни, его подвигов. Вначале он сам шел к народу в пределах одного своего города, а теперь народ сам отовсюду, со всех концов России, устремился к нему. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть о. Иоанна и получить от него ту или иную помощь. Еще большее число писем и телеграмм получал он: кронштадтская почта для его переписки должна была открыть особое отделение, Вместе с письмами и телеграммами текли к о. Иоанну и огромные суммы денег на благотворительность. О размерах их можно судить только приблизительно, ибо, получая деньги, о. Иоанн тотчас же все раздавал. По самому минимальному подсчету чрез его руки проходило в год не менее одного миллиона рублей (сумма по тому времени громадная!). На эти деньги о. Иоанн ежедневно кормил тысячу нищих, устроил в Кронштадте замечательное учреждение – «Дом Трудолюбия» со школой, церковью, мастерскими и приютом, основал в своем родном селе женский монастырь и воздвиг большой каменный храм, а в С.-Петербурге построил женский монастырь на Карповке, в котором и был по кончине своей погребен.

К общей скорби жителей Кронштадта, во второй период своей жизни, период своей всероссийской славы, о. Иоанн должен был оставить преподавание Закона Божия в Кронштадтском Городском Училище и в Кронштадтской классической Гимназии, где он преподавал свыше 25-ти лет. А был он замечательным педагогом-законоучителем. Он никогда не прибегал к тем приемам преподавания, которые часто имели место тогда в наших учебных заведениях, то-есть ни к

чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению неспособных. У о. Иоанна мерами поощрения не служили отметки, ни мерами устрашения наказания. Успехи рождало теплое, задушевное отношение его как к самому делу преподавания, так и к ученикам. Поэтому у него не было «неспособных». На его уроках все, без исключения, жадно вслушивались в каждое его слово. Урока его ждали. Уроки его были скорее удовольствием, отдыхом для учащихся, чем тяжелой обязанностью, трудом. Это была живая беседа, увлекательная речь, интересный, захватывающий внимание рассказ. И эти живые беседы пастыря-отца с своими детьми на всю жизнь глубоко запечатлевались в памяти учащихся. Такой способ преподавания он в своих речах, обращаемых к педагогам перед началом учебного года, объяснял необходимостью дать отечеству прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план. Нередко бывали случаи, когда о. Иоанн, заступившись за какого-нибудь ленивого ученика, приговоренного к исключению, сам принимался за его исправление. Проходило несколько лет и из ребенка, не подававшего, казалось, никаких надежд, вырабатывался полезный член общества. Особенное значение о. Иоанн придавал чтению житий святых, и всегда приносил на уроки отдельные жития, которые раздавал учащимся для чтения на дому. Характер такого преподавания Закона Божия о. Иоанном ярко запечатлен в адресе, поднесенном ему по случаю 25-тилетия его законоучительства в Кронштадтской Гимназии: «Не сухую схоластику ты детям преподавал, не мертвую формулу – тексты и изречения – ты им излагал, не заученных только на память уроков ты требовал от них; на светлых, восприимчивых душах ты сеял семена вечного и животворящего Глагола Божия».

Но этот славный подвиг плодотворного законоучительства о. Иоанн должен был оставить, ради еще более плодотворного и широкого подвига своего всероссийского душепопечения.

Надо только представить себе, как проходил день у о. Иоанна, чтобы понять и прочувствовать всю тяжесть и величие этого его безпримерного подвига. Вставал о. Иоанн ежедневно в

3 часа ночи и готовился к служению Божественной литургии. Около 4 часов он отправлялся в собор к утрени. Здесь его уже встречали толпы паломников, жаждавших получить от него хотя бы благословение. Тут же было и множество нищих, которым о. Иоанн раздавал милостыню. За утреней о. Иоанн непременно сам всегда читал канон, придавая этому чтению большое значение. Перед началом литургии была исповедь. Исповедь, из-за громадного количества желавших исповедываться у о. Иоанна, была им введена, по необходимости, общая. Производила она – эта общая исповедь – на всех участников и очевидцев потрясающее впечатление: многие каялись вслух, громко выкрикивая, не стыдясь и не стесняясь, свои грехи. Андреевский собор, вмещавший до 5.000 чел., всегда бывал полон, а потому очень долго шло причащение, и литургия раньше 12 час. дня не оканчивалась. По свидетельству очевидцев и сослуживших о. Иоанну, совершение о. Иоанном Божественной литургии не поддается описанию. Ласковый взор, то умильный, то скорбный, в лице сияние благорасположенного духа, молитвенные вздохи, источники слез, источаемых внутренно, порывистые движения, огонь благодати священнической, проникающий его мощные возгласы, пламенная молитва – вот некоторые черты о. Иоанна при богослужении. Служба о. Иоанна представляла собою непрерывный горячий молитвенный порыв к Богу. Во время службы он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, был живым звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он предстательствовал, и Церковь небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом. Чтение о. Иоанна на клиросе это было не простое чтение, а живая восторженная беседа с Богом и Его святыми: читал он громко, отчетливо, проникновенно, и голос его проникал в самую душу молящихся. А за Божественной литургией все возгласы и молитвы произносились им так, как будто своими просветленными очами лицом к лицу видел он пред собою Господа и разговаривал с Ним. Слезы умиления лились из его глаз, но он не замечал их. Видно было, что о. Иоанн во время Божественной литургии переживал всю историю нашего

спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь к нам Господа, чувствовал Его страдания. Такое служение необычайно действовало на всех присутствующих. Не все шли к нему с твердой верой: некоторые с сомнением, другие с недоверием, а третьи из любопытства. Но здесь все перерождались и чувствовали, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотой веры. Причащающихся после общей исповеди бывало всегда так много, что на святом престоле стояло иногда несколько больших чаш, из которых несколько священников приобщали верующих одновременно. И такое причащение продолжалось нередко более двух часов.

Во время службы письма и телеграммы приносились о. Иоанну прямо в алтарь, и он тут же прочитывал их и молился о тех, кого просили его помянуть.

После службы, сопровождаемый тысячами верующих, о. Иоанн выходил из собора и отправлялся в Петербург по безчисленным вызовам к больным. И редко когда возвращался домой ранее полуночи. Надо полагать, что многия ночи он совсем не имел времени спать.

Так жить и трудиться можно было, конечно, только при наличии сверхъестественной благодатной помощи Божией!

Но и самая слава о. Иоанна была его величайшим подвигом, тяжким трудом. Подумать только, что ведь всюду, где бы он ни показался, около него мгновенно вырастала толпа жаждавших хотя бы лишь прикоснуться к чудотворцу. Почитатели его бросались даже за быстро мчавшейся каретой, хватая ее за колеса с опасностью быть изувеченными.

По желанию верующих, о. Иоанну приходилось предпринимать поездки в разные города России. Эти поездки были настоящим триумфом смиренного Христова служителя. Стечение народа определялось десятками тысяч, и все бывали объаты чувствами сердечной веры и благоговения, страхом Божиим и жаждою получить целительное благословение. Во время проезда о. Иоанна на пароходе толпы народа бежали по берегу, многие при приближении парохода становились на колени. В имении «Рыжовка», около Харькова, где поместили о. Иоанна, уничтожены были многотысячной толпой трава,

цветы, клумбы. Тысячи народа проводили дни и ночи лагерем около этого имения. Харьковский собор во время служения о. Иоанна 15 июля 1890 года не мог вместить молящихся. Не только весь собор, но и площадь около собора не вместила народа, который наполнял даже все прилегающие улицы. В самом соборе певчие принуждены были поместиться в алтаре. Железные решетки оказались всюду сломанными от давки. 20 июля о. Иоанн совершал молебен на Соборной площади – народу было более 60.000. Точно такие же сцены происходили в поволжских городах: в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем-Новгороде.

О. Иоанн находился в царском дворце в Ливадии при последних днях жизни Императора Александра III, и самая кончина Государя последовала в его присутствии. Больной Государь встретил о. Иоанна словами: «Я не смел пригласить вас сам. Благодарю, что вы прибыли. Прошу молиться за меня. Я очень недомогаю». Это было 12 октября 1894 года. После совместной коленопреклонной молитвы Государя наедине с о. Иоанном последовало значительное улучшение здоровья больного и явились надежды на его полное выздоровление. Так продолжалось пять дней; 17 окт. началось снова ухудшение. В последние часы своей жизни Государь говорил о. Иоанну: «Вы – святой человек. Вы – праведник. Вот почему вас любит русский народ». «Да», отвечал о. Иоанн: «Ваш народ любит меня». Умирая, по принятии Св. Таин и таинства елеосвящения, Государь просил о. Иоанна возложить свои руки на его голову, говоря ему: «Когда вы держите руки свои на моей голове, я чувствую большое облегчение, а когда отнимаете, очень страдаю – не отнимайте их». О. Иоанн так и продолжал держать свои руки на главе умирающего Царя, пока Царь не предал душу свою Богу.

Достигнув высокой степени молитвенного созерцания и безстрастия, о. Иоанн спокойно принимал богатые одежды, преподносимые ему его почитателями, и облачался в них. Это ему даже и нужно было для прикрытия своих подвигов. Полученные же пожертвования раздавал все, до последней копейки. Так например, получив однажды при громадном

стечении народа пакет из рук купца, о. Иоанн тотчас же передал его в протянутую руку бедняка, не вскрывая даже пакета. Купец взволновался: «Батюшка, да там тысяча рублей!» – «Его счастье», спокойно ответил о. Иоанн. Иногда, однако, он отказывался принимать от некоторых лиц пожертвования. Известен случай, когда он не принял от одной богатой дамы 30.000 рублей. В этом случае проявилась прозорливость о. Иоанна, ибо эта дама получила эти деньги нечистым путем, в чем после и покаялась.

Был о. Иоанн и замечательным проповедником, причем говорил он весьма просто и чаще всего без особой подготовки – экспромтом. Он не искал красивых слов и оригинальных выражений, но проповеди его отличались необыкновенной силой и глубиной мысли, а вместе с тем и исключительной богословской ученостью, при всей своей доступности для понимания даже простыми людьми. В каждом слове его чувствовалась какая-то особенная сила, как отражение силы его собственного духа.

Несмотря на всю свою необыкновенную занятость, о. Иоанн находил, однако, время вести как бы духовный дневник, записывая ежедневно свои мысли, приходившие ему во время молитвы и созерцания, в результате «благодатного озарения души, которого удостаивался он от всепросвещающего Духа Божия». Эти мысли составили собою целую замечательную книгу, изданную под заглавием: «Моя жизнь во Христе». Книга эта представляет собою подлинное духовное сокровище и может быть поставлена наравне с вдохновенными творениями древних великих отцов Церкви и подвижников христианского благочестия. В полном собрании сочинений о. Иоанна издания 1893 г. «Моя жизнь во Христе» занимает 3 тома в 1000 слишком страниц. Это – совершенно своеобразный дневник, в котором мы находим необыкновенно поучительное для каждого читателя отражение духовной жизни автора. Книга эта на вечные времена останется ярким свидетельством того, **как жил наш великий праведник и как должно жить всем тем, кто хотят не только называться, но и в действительности быть христианами.**

Замечательным памятником святой личности о. Иоанна и неисчерпаемым материалом для назидания являются также три тома его проповедей, содержащие общим счетом до 1800 страниц. Впоследствии накопилось еще очень много отдельных сочинений о. Иоанна, издававшихся отдельными книжками в огромном количестве. Все эти слова и поучения о. Иоанна – подлинное веяние Св. Духа, раскрывающее нам неизследимыя глубины Премудрости Божией. В них поражает дивное своеобразие во всем: в изложении, в мысли, в чувстве. Каждое слово – от сердца, полно веры и огня; в мыслях – изумительная глубина и мудрость, во всем поразительная простота и ясность. Нет ни одного лишнего слова, нет «красивых фраз». Их нельзя только «прочитать» – их надо всегда перечитывать, и всегда найдешь в них что-то новое, живое, святое.

«Моя жизнь во Христе» уже вскоре после своего выхода в свет, настолько привлекла к себе всеобщее внимание, что была переведена на несколько иностранных языков, а у англиканских священников сделалась даже любимейшей настольной книгой.

Основная мысль всех письменных творений о. Иоанна – **необходимость истинной горячей веры в Бога и жизни по вере, в непрестанной борьбе со страстями и похотями, преданность вере и Церкви Православной, как единой спасающей.**

В отношении к нашей Родине – России о. Иоанн явил собою образ грозного пророка Божия, проповедующего истину, обличающего ложь, призывающего к покаянию и предрекающего близкую кару Божию за грехи и за богоотступничество. Будучи сам образом кротости и смирения, любви к каждому человеку, независимо от национальности и вероисповедания, о. Иоанн с великим негодованием относился ко всем тем безбожным, материалистическим и вольнодумным либеральным течениям, которые подрывали веру русского народа и подкапывали тысячелетний государственный строй России.

«Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога-Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам русским великий

спасительный талант православной веры ...Возстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам безмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу – и вам и России». И грозно прорекает: **«Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению»**. «Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония». «Бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать?! **Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов»**.

Последующия события кровавой русской революции и торжества безбожного человеконенавистнического большевизма показали, насколько был прав в своих грозных предостережениях и пророческих предвидениях великий праведник земли Русской.

К тяжелому подвигу служения людям в последние годы жизни о. Иоанна присоединился мучительный личный недуг – болезнь, которую он кротко и терпеливо переносил, никому никогда не жалуясь. Решительно отверг он предписания знаменитых врачей, пользовавших его, – поддерживать свои силы скоромной пищей. Вот его слова: «Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предочищения моей грешной души. Оживляет – Святое Причастие». И он приобщался по-прежнему каждый день.

10 декабря 1908 года, собрав остаток своих сил, о. Иоанн в последний раз сам совершил Божественную литургию в Кронштадтском Андреевском соборе. А в 7 час. 40 мин. утра 20 декабря 1908 года великий наш праведник мирно отошел ко Господу, заранее предсказав день своей кончины.

В погребении о. Иоанна участвовали и присутствовали десятки тысяч людей, а у гробницы его и тогда и в последующее время совершалось не мало чудес. Необычайные то были похороны! На всем пространстве от Кронштадта до

Ораниенбаума и от Балтийского вокзала в Петербурге до Иоанновского монастыря на Карповке стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах – это был случай в России совершенно безпримерный. Похоронное шествие сопровождалось войсками со знаменами, военные оркестры исполняли «Коль славен», по всей дороге через весь город стояли войска шпалерами. Чин отпевания совершал С.-Петербургский Митрополит Антоний, во главе сонма епископов и многочисленного духовенства. Лобызавшие руку покойного свидетельствуют, что рука оставалась не холодной, не окоченевшей. Заупокойные службы сопровождались общими рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими. Слышались возгласы: «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной? Кто придет теперь на помощь нам, сирым, немощным?» Но в отпевании не было ничего скорбного: оно напоминало собою скорее светлую пасхальную заутреню, и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все расло и увеличивалось. Чувствовалось, что из гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих какою-то неземною радостью. Для всех ясно было, что во гробе лежит святой, праведник, и дух его незримо носится в храме, объемля своею любовью и ласкою всех собравшихся отдать ему последний долг.

Похоронили о. Иоанна в церкви-усыпальнице, специально-устроенной для него в подвальном этаже, сооруженного им монастыря на Карповке. Вся церковка эта замечательно красиво облицована белым мрамором; иконостас и гробница – тоже из белого мрамора. На гробнице (с правой стороны храма) лежит св. Евангелие и резная митра, под которой горит неугасаемый розовый светильник. Множество дорогих, художественно-исполненных лампад постоянно теплятся над гробницей. Море света от тысяч свечей, возжигаемых богомольцами, заливают этот дивный сияющий храм.

Так было! Что теперь там, мы не знаем, и где находятся св. мощи великого праведника Земли Русской, увенчавшего собою величественный сонм Всех Святых, в Стране Российстей

просиявших, нам неизвестно. Дошли до нас только слухи, что безбожная власть закрыла доступ к усыпальнице, но этим не прекратила совершенно приток паломников. Верующие стали приходить и молиться снаружи, полагая земные поклоны у того места нижней церкви, где была дорогая сердцу каждого истинно-верующего русского человека беломраморная гробница.

Ныне великое дело церковного прославления нашего дивного праведника, милостью Божиею, по постановлению Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей от 3-го июня 1964 года, совершилось. Дни торжественного празднования его святой памяти установлены 19 октября и 20 декабря по нашему православному календарю, когда будет совершаться утвержденная нашим Архиерейским Синодом специально-составленная ему церковная служба.

О, если бы это радостное событие воскресило в сердцах всех православных русских людей важнейший завет приснопамятного о. Иоанна и побудило их со всею решительностью последовать ему:

«Нам необходимо всеобщее нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские: очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом, и Он примирится с нами!»

По молитвам святого праведного отца нашего Иоанна, сие буди, буди!..

Архиеп. Аверкий (Таушев) († 1976 г.) Св. праведный отец Иоанн Кронштадтский и римско-католический папизм.

В переживаемое нами время, когда столько лживых речей слышится о так называемом «соединении церквей», когда ширится и укрепляется, вызывающее восторг многих «экуменическое движение», и периодически собирается на свою очередную «сессию» Ватиканский «Вселенский собор», благовременно будет всем истинно-православным христианам вспомнить, какого мнения держался о римско-католическом папизме наш только что светло прославленный великий праведник, молитвенник и чудотворец св. Иоанн Кронштадтский.

Вот как, напр., пишет он в своих «Мыслях о Церкви» (стр. 13):

«Ни одно исповедание Христианской Веры, кроме Православного, не может привести христианина к совершенству христианской жизни или святости и к совершенному очищению грехов и к нетлению, потому что другия исповедания неправославныя «содержат истину в неправде» (Рим. 1, 18), примешали суемудрие и ложь к истине и не обладают теми богодарованными средствами к, очищению, освящению, возрождению, обновлению, коими обладает Православная Церковь. Опыты веков, или история Православной Церкви и прочих церквей, показали и показывают это с поразительной очевидностью. Припомните множество святых нашей Церкви, прежних и нынешних времен, – и отсутствие их, по разделении церквей, в других, неправославных церквах, католической, лютеранской, англиканской».

А вот потрясающая мысль св. Иоанна, направленные как раз против последнего «экуменического» постановления Ватиканского собора:

«Множество существует отдельных вероисповеданий христианства, с различным устройством внешним и внутренним, с различными мнениями и учениями, нередко противными

божественной истине Евангелия и учению свв. Апостолов, вселенских и поместных соборов и свв. отец. **Нельзя считать их все за истинные и спасительные: безразличие в вере, или признание всякой веры за одинаково спасительную, ведет к безверию или охлаждению к вере, к нерадению об исполнении правил и уставов веры, к охлаждению христиан друг ко другу.** «Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу (Лук. 22, 31). «Это он, сатана, и сделал и делает, то-есть породил расколы и ереси. **Строго держись Единой, Истинной Веры и Церкви: «Едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех» (Ефес. 4, 5)»** (стр. 31).

В чем безмерное превосходство нашей св. Православной Церкви?

«Православная Церковь превосходит все церкви неправославные, во-первых, своею истиною, своим православием, соблюденным и завоеванным кровию апостолов, иерархов, мучеников, преподобных и всех святых, во-вторых, тем, что вернейшим образом руководит ко спасению (ровным, прямым и верным путем); что верным образом очищает, освящает, обновляет посредством иерархии, Богослужения, таинств, постов; в-третьих, что наилучшим образом научает угождать Богу и спасти душу свою, наилучшим образом руководствует к покаянию, исправлению, молитве, благодарению, славословию. – **Где есть такие молитвы, славословия, благодарения и прошения, такое чудное Богослужение, как в Православной Церкви? – Нигде»** (стр. 38).

Как сильно и выразительно говорит св. Иоанн о всей нелепости краеугольного камня догматической системы папизма – лжеучения о главенстве римского папы, как непогрешимого «наместника Христова»! Вот его слова:

«Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Матф. 28, 20). Сам Господь всегда присущ Своей Церкви – **для чего же наместник – папа? и может ли грешный человек быть наместником Господа? – Не может.** Наместник Царя, наместник Патриарха в каком-либо городе может быть и бывает, а наместником, заместителем Господа, Безначального Царя и

Главы Церкви, никто не может быть. Верно. **Католики заблуждаются.** Внуши им, Господи, яко нелепи суть тако утверждающие и гордостию обложены как ожерельем» (стр. 43–44).

От этого пагубного ложного «догмата», по мысли о. Иоанна, ведет свое происхождение, как от своего корня, и все зло в папизме:

«Самое вредное дело в христианстве», говорит он: «в этой Богооткровенной, небесной религии есть – главенство человека в Церкви, например, папы, и его мнимая непогрешимость. Именно **в его догмате непогрешимости и заключается величайшая погрешность**, ибо папа есть человек грешный, и беда, если он возмнит о себе, что он непогрешим. Сколько погрешностей величайших, гибельных для душ человеческих выдумала католическая, папская церковь – в догматах, в обрядах, в канонических правилах, в богослужении, в мертвящих, злобных отношениях католиков к православным, в хулах и клеветах на Православную Церковь, в ругательствах, обращенных к Православной Церкви и к православным христианам! И во всем этом виноват непогрешимый, якобы, папа, его и иезуитов доктрина, **их дух лжи, двоедушия** и всяких неправильных средств «ad maiorem Dei gloriam»; (к большей, славе Божией)» (стр. 44).

«Необходимо принадлежать к **Церкви Христовой, коей Глава есть Всемогущий Царь, Победитель ада Иисус Христос.** Царство Его есть Церковь воинствующая с началами и властями и миродержителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными, которые составляют искусно организованное царство и воют крайне опытно, умно, метко и сильно со всеми людьми, хорошо изучивши все их страсти и склонности. Один человек тут в поле не воин; да и великое общество, но неправославное и без Главы-Христа – ничего не может сделать с такими врагами, хитрыми, тонкими, постоянно бодрствующими, превосходно изучившими науку своей войны. Христианину православному нужна сильная поддержка свыше от Бога и от св. воинов Христовых, победивших врагов спасения силою благодати Христовой, и от Церкви земной Православной,

от пастырей и учителей, потом – общественной молитвы и таинств. Вот такая-то помощница человека-христианина в борьбе с невидимыми и видимыми врагами есть именно Церковь Христова, к которой, Божией милостью, мы и принадлежим. **Католики выдумали новую главу, унизив Единую Истинную Главу Церкви – Христа;** лютеране отпали и без Главы остались; англиканцы – тоже: Церкви нет у них, союз с Главою порван, помощи всемогущей нет, а Велиар воюет всю силою, коварством и всех держит в своей прелести и гибели. Погибающих множество в безбожии и разврате» (стр. 52).

А вот, что, как глубоко и метко указывает св. праведный Иоанн, является первопричиной зла в римско-католическом папизме:

«Причина всех фальшей римско-католической церкви есть **гордость и признание папы действительной Главой Церкви, да еще – непогрешимою.** Отсюда весь гнет западной церкви. Гнет мысли и веры, лишение истинной свободы в вере и жизни, на все папа наложил свою тяжелую руку: отсюда – ложные догматы, отсюда – двойственность и лукавство в мысли, слове и деле; отсюда – различные ложные правила и постановления при исповедании грехов; отсюда – индульгенции; отсюда – искажение догматов; отсюда – фабрикование святых западной церкви и несуществующих мощей, не прославленных Богом; отсюда – «взимание на разум Божий» (2Кор. 10, 5) и всякое противление Богу под видом благочестия и ревности о большей славе Божией» (стр. 58).

«Папа и паписты до того возгордились и вознесли себя, что вздумали критиковать Самого Христа, Саму Ипостасную Премудрость Божию и простерли (под предлогом развития догматов) гордость свою до того, что извратили некоторые Его словеса, заповеди и установления, которые не должны быть изменяемы до скончания века, напр., слово о Духе Святом, заповедь о чаше пречистой Крови Его, Которой они лишили мирян, ни во что поставили слова апостола Павла: **«Елижды бо ясте Хлеб сей, и Чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет»** (1Кор. 11, 26); вместо квасного хлеба употребляют на литургии опресноки» (стр. 59).

Эта гордость и явилась источником безмерного фанатизма и убийственной ненависти ко всем инакомыслящим, которой так прославился римско-католический папизм на протяжении истории:

«Ненависть к Православию, фанатизм и преследования православных, убийства – проходят красной нитью чрез все века жизни католичества. От плодов их познаете их. Таков ли дух заповедан нам Христом? Если кому, то католикам, лютеранам и реформаторам можно всегда сказать: **«Не весте, коего духа есте»** (Лук. 12, 51–52)» (стр. 58).

Вот к чему привела римо-католиков подмена Главы Церкви Христа папою!

«У католиков глава Церкви собственно не Христос, а папа, и католики о папе ревнуют, а не о Христе, за папу воют, а не за Христа, и их ревность по вере переходит всегда в фанатизм страстный, человеконенавистный, остервенелый, фанатизм крови и меча (костры), непримиримости, двоедушия, лжи, хитрости» (стр. 87).

В нашей Православной Церкви, по мысли св. праведного Иоанна, даже самое богослужение наше постоянно напоминает нам о нашем духовном единстве под общим для всех нас, христиан, Главою – Христом, что нарушено совершенно и у римо-католиков и у протестантов, исказивших самую идею Церкви.

«При всяком богослужении церковном», говорит св. прав. Иоанн: «домашнем, частном и общественном – духовному взору православного христианина представляется мысль, идея об едином духовном теле, которое есть **тело Христа, столп и утверждение истины, Глава коего есть Сам Христос Бог; эта Церковь Христова**, или духовное Тело Христа состоит из трех колен – небесного, земного и преисподнего, потому св. Церковь земная (или колено земное) ежедневно ходатайствует пред своим Главою о прощении грехов усопших в вере и покаянии и о водворении их в Царстве Небесном, и в посредники своего ходатайства призывает членов Церкви небесной и Саму Начальницу мысленного наздания церковного – Матерь Божию, да молитвами их Господь покроет грехи их и не лишит Царства

Небесного. Нам, живущим на земле членам Церкви Божией, – весьма отрадно и утешительно всегда верить, знать и надеяться, что духовная Мать наша св. Церковь непрестанно тайно день и ночь молится и за нас, что мы находимся всегда под покровом благодатным Самого Господа, Богоматери, св. Ангелов, Предтечи и всех святых. **У католиков глава Церкви – папа**, человек погрешительный (хотя и провозглашен он неправильно непогрешимым) и, как таковой, допустил множество погрешностей в Церкви Христовой, и самыми делами сказался таковым, и самое понятие о Церкви Божией искажил и сковал духовную свободу и совесть христиан-католиков, подвергая в то же время неправильной хуле и неприязни католиков св. Православную Церковь, столп и утверждение истины. У протестантов – немцев и англичан, совсем извращено понятие о Церкви, ибо нет у них благодати законного священства; нет таинств, кроме крещения и (самого главного) причащения Тела и Крови Христовой; нет колена небесного – Церкви небесной: не признают святых; нет и колена преисподнего – умерших не признают и не молятся за них, считая это ненужным. Слава Церкви Православной! Слава Христу Богу – Святейшей Главе, единой Главе Церкви Божией на земле! Слава Богу в Троице, что мы не впали в хулу на Бога, не признали и не признаем во веки главою Церкви святой грешного человека! (стр. 65–66).

А вот как смотрел св. прав. Иоанн на всех не принадлежащих к нашей св. Православной Церкви:

«Благодарю Господа, послушавшего и слушающего молитвы мои при виде всеспасительной и страшной Жертвы (Тела и Крови Христовых) о заблудших в вере великих обществах, христианскими именуемых, но в существе отступнических: католического, лютеранского, англиканского и иных» (стр. 59).

«Чин обращения от разных вер и исповеданий и присоединения к Православной Церкви – что показывает? **Необходимость – оставления ложных вер и исповеданий, отрицания заблуждений, исповедания Истинной Веры и – покаяния во всех прежних грехах и обещания Богу хранить**

и твердо исповедывать веру непорочную, беречься грехов и жить в добродетели» (стр. 57).

Вот – ясное и категорическое осуждение св. Иоанном Кронштадтским столь модного теперь «экуменизма», уже захватившего все поместные православные церкви, вот – сильный и решительный ответ всем «экуменистам», пропагандирующим, под предлогом мнимой «христианской любви», равноценность и равноправие всех вер и исповеданий!

В заключение необходимо нам упомянуть, в качестве наглядной и красочной иллюстрации к словам св. праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского о «духе лжи» в римско-католическом папизме, как римско-католические ксендзы в нашем Западном Крае усиленно распространяли клевету на св. прав. Иоанна, что будто бы он перешел в католичество и потому так прославился своей прозорливостью и чудотворениями. Эта клевета, несмотря на всю ее нелепость, повторялась и впоследствии. В 1932 году в г. Вильно в иезуитском журнале «К соединению» некий ксендз Семяцкий не постыдился напечатать следующие строки: «О. Иоанн Кронштадтский много совершал чудес, пока был католиком, но как только отрекся от католичества, сила чудотворения оставила его».

Вот как отвечает на такую фантастическую небылицу сам св. праведный Иоанн в своем слове, сказанном в г. Витебске в Петро-Павловской церкви 7-го апреля 1906 года:

«Сильно желал я, дорогие отцы, братие и сестры, побеседовать с вами здесь в вашем городе и храме, во славу Божию и святой, непорочной нашей веры и Церкви, и к утверждению вашему на спасительном пути. Почему я хотел с особенным желанием побеседовать с вами? А вот почему. Живя и служа в Кронштадте священником вот уже пятьдесят первый год, – я, за последнее время получал много писем из западного польского края, особенно гродненской и виленской губерний, – писанных, так сказать, кровавыми слезами, с горькими жалобами на католических патеров и их приспешников мирян-католиков, на гонение от них православных христиан и принуждение ими всякими насильственными мерами к переходу

в католичество, при чем патеры без всякого зазрения совести клеветали на меня, что я будто перешел в католическую веру, да и сам Царь якобы сделался католиком, и всем велит принимать католическую веру. Столь безсовестно оклеветывая меня и Царя, католики многих православных крестьян заставили принять католичество и навязать им чуждую веру. Это ли дух Христов? Не доказывают ли патеры образом своих действий, что католическая вера не имеет сама в себе жизненной силы, покоряющей ум, сердце и волю человека к добровольному последованию ей, – и что последователи ея увлекают людей правомыслящих только насилием и обманом?

Дорогие отцы и братия! Вы знаете мое твердое пребывание и служение в Церкви Православной вот уже пятьдесят лет; знаете, может быть, и мою всегдашнюю ревность по вере правой, знаете о моих многочисленных писаниях во славу Божию и Церкви Православной и о многочисленных знамениях силы Божией, явленных не только над православными христианами, но и над католиками и лютеранами и даже евреями и магометанами, когда они с верою обращались к посредству моих молитв? Об этом свидетельствовали и свидетельствуют хроники газетные, – и не ложные, правдивые показания очевидцев. Свидетельствую и я ныне пред всеми вами и пред Всевидящим Богом, что и поныне не оскудевают у нас чудеса исцелений. **Значит ли это, что Вера, Православная – мертвая вера, как клеветают католики? Не свидетельствует ли она непрестанно о своей жизненности и спасительности, о своей Богоугодности?**

Я не хочу приводить во свидетели католической всякой неправды безпристрастную тысячелетнюю историю: она довольно известна всему образованному миру. Еще свежа память злополучной унии семнадцатого века у нас в России: – свежа память фанатической ненависти, с которой истреблялись католиками православные храмы в западном крае; памятны все ужасные поношения и ругательства, коими обзывалась православная вера и Православная Церковь и несчастные православные христиане. Теперь возобновились опять времена унии. И это когда? **Когда католикам дана полная свобода,**

свобода, конечно, не для гонения Православия и православных, а для взаимного, мирного, братского сожития с православными согражданами.

Я привел в начале слова Апостола Павла о Церкви, как Теле Иисуса Христа, и о Христе, как Главе Церкви, **«Которая есть полнота Наполняющего все во всем»** (Ефес. 1, 23).

Мы твердо веруем в эту единую Главу Церкви, и другой, **видимой главы непогрешимой признать не можем, ибо нельзя работать двум господам.** Вполне довольно нам единой Главы, всеправедной, всеведущей, всемогущей, всенаполняющей (**полнота Наполняющего все во всем**). Эта Глава управляет нами, защищает нас и укрепляет в вере **Духом Святым, священнодействует, просвещает, спасает, приводит к совершенству.**

А если хотите видеть славные и богоприятные плоды веры нашей православной, – то мы укажем врагам нашим на множество орлов небесных, взлетевших от земли нашей на небо к Самому Солнцу Правды – всех Святых наших древних и новых, прославленных равноангельной жизнью, нетлением мощей и безчисленными чудесами.

В заключение скажу, что истина нашей веры заключается в ней самой, в самом существе ея: в ней – **«да»**, и в ней самой – **«Аминь»**.

И я кончаю мое слово словом – аминь».

Для всех, кто свято чтит нашего новоявленного великого угодника Божия св. праведного отца Иоанна Кронштадтского, вышеприведенных свидетельств его более чем достаточно, – тем более, что праведность и убедительность их подтверждается самою жизнью и безпристрастной историей.

Какое же после этого доверие можем мы иметь к основанному на лжи и пропитанному насквозь ложью римско-католическому папизму, пока он не отречется решительно и всенародно от своей пагубной лжи и порожденных ею гибельных для душ людских заблуждений?

Никаких компромиссов с ним не может быть и никакого общения, ибо «кое причастие правде к беззаконию? или кое общения свету ко тьме?» (2Кор. 6, 14).

Единственный правильный путь в наше лукавое, исполненное всякой лжи и обмана время, это путь, указываемый тем же нашим великим праведником:

«Борись со всяким злом, немедленно гаси его, воюй с ним данным тебе от Бога оружием Святой Веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью!» (Слово 30 авг. 1906 г.).

† Архиепископ Аверкий.

Архиеп. Аверкий (Таушев) († 1976 г.) Св. праведный отец Иоанн Кронштадтский о храме и о совершаемом в нем Богослужении.

«Поистине храм есть земное небо, ибо, где престол Божий, где страшные таинства совершаются, где ангелы служат с человеками, где непрестанное славословие Вседержителя, там истинно небо и небо небесе» (Св. праведный Иоанн).

Из жития св. праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского мы знаем, что отец его сельский псаломщик Илия Сергиев с раннего детства постоянно брал его в церковь и этим воспитал в нем особенную любовь к храму Божию и совершаемому в нем богослужению. Эту любовь наш великий праведник сохранил на всю свою жизнь, и вот в чем главная причина его необыкновенного духовного роста и того величия и славы, кои приобрел он, став потом сам служителем престола Божия. Известно, что в течение всей своей дальнейшей жизни он, по возможности, неопустительно каждый день совершал Божественную литургию или, по крайней мере, приобщался Св. Христовых Таин. «Я угасаю, умираю духовно, когда не служу несколько дней в храме, и возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действительной, духовной, искренней, пламенной», – так свидетельствовал он сам о себе.

В настоящее время немало есть христиан, которые как бы не чувствуют, не понимают всего великого значения храма Божия и совершаемого в нем богослужения и легкомысленно говорят: «Я молюсь дома: не обязательно бывать в церкви – дома я еще лучше могу наедине с самим собой помолиться».

На это так отвечает наш великий пастырь-молитвенник: «Если многие из христиан не любят церкви и богослужения, то потому, что их души не готовы, не расположены к этой любви, не воспитали ее в себе, по причине житейских пристрастий, и

потому, что **не знают церкви, ея смысла, ея духа, ея цели»** (Мысли о Церкви», т. III, стр. 180).

«Христианин без церкви, как рыба без воды, не может жить истинною жизнью: церковь его стихия» (там же, стр. 114).

Целая книга св. праведного Иоанна: «Мысли о Церкви и православном богослужении» посвящена раскрытию глубочайших, углубленнейших размышлений его на эту возвышенную тему. В этих своих «Мыслях» св. Иоанн не разграничивает резко понятий: **«Церковь»**, как «общество верующих», составляющих собою Тело Христово, и **«Церковь»**, как здание, в котором верующие собираются для общей молитвы. В представлении св. Иоанна оба эти понятия, как это и есть в действительности, как бы сливаются в одно органически-целостное понятие о Церкви, как о живом союзе общества верующих с Богом. Это и понятно: Церковь немыслима без общей церковной молитвы, через которую верующие входят в общение с Богом, или без богослужения, а богослужение, само собой понятно, требует известного определенного места – здания, в котором оно могло бы совершаться. Вот почему, св. Иоанн, говоря о Церкви, как о «видимом союзе Бога с человеком», как о «Царстве Божием на земле», которое спасает человека от вечной гибели, неизменно кончает призывом ходить в церковь (здание для церковной молитвы) к богослужению, чтобы испытать спасительность Церкви «на деле».

«Церковь есть видимый союз Бога с людьми, Царствие Божие на земле. Она показывает человеку его происхождение, достоинство, его великое бедствие по причине греховности, его цель и назначение, средства к возстанию (и подает все средства), воскресение мертвых, суд, вечную муку и вечное блаженство; ежедневно поучает, просвещает, руководит к Богу и Правде Его, очищает, исцеляет, укрепляет, освящает, миротворит, утешает, обоготворяет. Ходи в церковь к Богослужению, и все это испытаешь на деле» («Мысли», стр. 3).

В Церкви, по словам св. прав. Иоанна, заключается и вмещается все самое ценное и дорогое для человека: она есть сокровищница высших духовных благ и важнейшего блага – жизни вечной:

«Церковь есть носительница Духа Христова, духа Его любви, спасения, святости, правды, кротости, незлобия, терпения и долготерпения, Его премудрости, Его живота... живота вечного. Безконечно важно значение Церкви для христианина: Она во всем руководит и спасает его, от рождения до гроба, и за гробом» (там же, стр. 3).

По мыслям св. прав. Иоанна, самое устройство храма, в котором происходит богослужение, выявляющее все внутреннее богатство Церкви, и богослужебные действия и обряды живо и образно повествуют нам о судьбах мира и человека. Так, чтение или пение 103-го псалма: «Благослови, душе моя, Господа»... в начале вечерни или всенощного бдения воспроизводит перед нашими мысленными очами величественную картину сотворения мира Вседержителем-Богом, самый храм изображает землю, алтарь символизирует собою небо, или рай, притвор – преисподнюю, открытие и закрытие царских врат является символом блаженного состояния первых людей в раю, а затем – их падение и изгнание из рая, великая ектения перед закрытыми царскими вратами напоминает покаяние первых людей Адама и Евы перед закрывшимися для них после грехопадения вратами рая, пение первой кафизмы «Блажен муж» – обетование об Икупителе, пение «Господи воззвах» и стихир с каждением всего храма – ожидание ветхозаветными людьми обещанного Спасителя мира, приношение ими умиловительных жертв, прообразовавших Спасителя, чтение паремий – пророчества о Спасителе и т. д. Божественная же литургия – это средоточие всего нашего богослужения – символически изображает нам всю жизнь Христа-Спасителя, «сокровенную до времени», а затем – «Его крещение, Его пост и искушение, явление миру, проповедь, чудеса и страдания, смерть, погребение, воскресение и вознесение на небо» (стр. 5).

Но Церковь важна для нас не только потому, что она рисует нам наглядно известные поучительные для нас образы, не

только потому, что она учит и назидает наш ум и сердце, но и потому, что она врачует благодатными целительными средствами нашу греховную волю, возбуждает в нас необходимые для борьбы с грехом силы, «яже к животу и благочестию», дает столь нужную нам энергию к новой добродетельной жизни, к чему сами мы, по своей греховной испорченности, бессильны:

«В мире мы умираем грехами – **в Церкви оживаем благодатию** чрез покаяние; в мире подвергаемся скорбям, печалям, напастям, болезням – в Церкви освобождаемся от них, врачуемся, облегчаемся, утешаемся; в мире ходим во мраке страстей, не знаем, что делаем и куда стремимся, ибо тьма греховная ослепляет очи, – в Церкви просвещаемся сердечными очами и ясно видим свет; в мире оскверняемся – в Церкви очищаемся и освящаемся; в мире впадаем в безсилие душевное и телесное – в Церкви получаем крепость души и тела. **От Церкви исходит прощение, жизнь, сила, святыня, правда, свет, дерзновение духа, утешение и радость.** Слава и благодарение Богу, заключившему столько благ небесных в Церкви Своей на земле!» (стр. 6).

«Без Церкви, вне Церкви нет спасения, нет духа благодати!» – так решительно утверждает св. праведный Иоанн, сам на своем личном опыте познавший всю благодатную силу Церкви.

«Кто не в Церкви», говорит далее св. прав. Иоанн: «тот не со Христом, и общения с Богом ни здесь на земле, ни там на небе иметь не будет. **Кто не ходит в храм, тот хладеет к Богу и к молитве, и лишается благодати Божией**» (стр. 98).

Вот почему **оцерковление** всей нашей жизни, проникновение ея духом церковности св. прав. Иоанн считает главным условием спасения – единственно-верным и надежным путем к вечному спасению.

«Человек-христианин», так зовет св. прав. Иоанн: «доколе есть время, постарайся здесь на земле присвоиться Богу и святым Его, чрез веру и благочестие; **будь церковным, впитывай в себя дух церковный** – дух покаяния, святыни, мира, богомыслия, дух любви, кротости, смирения, терпения,

благопокорения, спасения. **Не поднимай высоко свою голову и не презирай Матери своей Церкви – бывай часто в храме** во время богослужения, стой со смирением, слушай, размышляй, или читай и пой» (стр. 54).

Особенно часто высказывает св. прав. Иоанн весьма важную и выразительную мысль, что **«храм есть земное небо, земной рай»**, и входящий в него тем самым как бы отрывается от грешной земли и от всего суетного земного:

«Входя в храм во время богослужения», говорит он, **«вы входите как бы в иной мир:** для вас как бы исчезает время и начинается вечность: вы весьма часто слышите хвалу вечному Существу-Богу, да и священник тайно, в каждой молитве возносит хвалу Предвечному» (стр. 180).

«Входя в храм во время богослужения, вы чувствуете, что вы из мира суетного, тленного, превратного, проходящего, вошли в другой, новый, как бы небесный вечный мир» (стр. 181).

Но, конечно, одного внешнего, формального хождения в храм мало. Надо стараться приблизиться к пониманию всего того, что происходит в храме, надо с усердием внимать тому, что поется и читается, необходимо заставить себя хорошо познакомиться с ходом, смыслом и значением богослужения. «Вы ходите к богослужению», говорит св. прав. Иоанн, «и желаете, чтобы оно принесло существенную пользу вашей душе и было истинным подвигом и приятной жертвой Богу: **для этого надобно сердечно внимать умом и сердцем ектениям, молитвам и песнопениям богослужебным**» (стр. 131).

Не потому ли и скучают современные малоцерковные христиане в храме и даже тяготятся иной раз продолжительным богослужением, что они совсем незнакомы с ним, не понимают того, что в храме происходит, не знают значения молитв и священнодействий, которые совершаются?

Это и подтверждает св. прав. Иоанн, говоря: «Многие не любят быть у богослужения потому, что не знают его хорошо, во всем его богатстве, величии, мудрости, сладости, животворности, а **узнают – не разстанутся никогда, так, оно привлекательно, питательно, сладко для души**» (стр. 232).

Некоторые жалуются, что не понимают богослужения потому, что оно совершается на церковно-славянском языке, Но ведь церковно-славянский язык – не чужой нам. Это – язык святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, давших нам грамотность и тем положивших основу всей нашей славянской культуры и, в частности, культуры русской.

Стыдно нам не знать этого языка!

Сколь многие из нас ревностно изучают всевозможные иностранные языки, совершенно нам чужие и вовсе не похожие на русский, в том числе даже языки мертвые – как же нам не знать того языка, которым пользовались наши предки и из которого, собственно, и развился постепенно наш современный литературный русский язык, тем более, что ведь это для нас **язык священный**, язык нашего богослужения! Только ленью и пренебрежением к нашей святыне и к нашей родной старине можно объяснить современное незнание и непонимание этого языка нынешними русскими людьми. А это непростительное и преступное пренебрежение всем нашим родным многовековым прошлым внушено русским людям, конечно, врагами нашей святой веры и Церкви: это они и постарались сделать наш церковный праязык чуждым для нас.

А между тем, св. прав. Иоанн называет церковно-славянский язык **«Языком Священным»** и требует его изучения. «Чтение и пение в церкви», говорит он, «совершается на языке священном: **ему должны учиться все христиане православные**, чтобы разуметь сладостныя вещания Матери своей, воспитывающей чад своих для неба, для жизни вечной» (стр. 110–111).

В «Мыслях» св. прав. Иоанна мы находим множество ценнейших объяснений относительно самого устройства храма.

«Все в храме поучительно, и нет ничего праздного, ненужного», – говорит он. Так огонь горящих, восковых свечей и лампад, как и самое кадило с горячими угольями и благовонным фимиамом, служат для нас образом огня духовного – Духа Святого, сшедшего во огненных языках на Апостолов, пополающего греховныя наши скверны, просвещающего умы и сердца наши, воспламеняющего души наши пламенем любви к

Богу и друг ко другу; огонь перед святыми иконами напоминает нам о пламенной любви святых к Богу, из-за которой они возненавидели мир и все его прелести, всякую неправду: напоминает нам и о том, что мы должны служить Богу, молиться Богу пламенным духом, чего у нас большей частью и нет, ибо имеем охладевшие сердца» (стр. 109).

«Церковь есть воистину небо», говорит св. прав. Иоанн, истолковав значение всего, что находится внутри ея, **«а потому, стоя во храме, будь весь, как на небе, с Богом, ибо во храме все небесно. Всякое житейское попечение должно отлагать в сторону, при входе в храм и стоянии в нем»** (стр. 123–124).

Из всех видов богослужения, совершающегося в храме, св. прав. Иоанна естественно более всего восхищает и умиляет средоточие и венец всех церковных служб **Божественная Литургия**, на которой совершается величайшее из всех таинств – **Таинство Евхаристии** (благодарения), или **Тела и Крови Христовой**.

«О высота, о величие, о лепота и сладость Божественной литургии», так умиленно восклицает наш великий праведник: **«о богатство духа и блаженство наше! Нет ничего выше и более литургии ни на небе, ни на земле»** (стр. 157–158).

А в чем заключается это безмерное величие и значение Божественной литургии, св. прав. Иоанн объясняет в следующих словах:

В ней **«изображается и совершается величайшее Таинство любви Божией к роду человеческому – соединения Бога с людьми чрез воплощение, Богонаучение, чрез страдания, смерть, погребение и воскресение – Таинство обновления и обожения человечества, таинство единения людей с Богом посредством вкушения Плоти и Крови Его. Это таинство своим величием поражает ум и невольно влечет к благоговению, благодарению, славословию Божию всякого смыслящего человека. Дело Божие, совершаемое литургиею, превосходит своим величием все дела Божии, совершенные в мире и самое сотворение мира. Это истинно-небесное служение Божие на**

земле, при котором быть разумно и достойно – **есть блаженство, мир и отрада для души**. Оно питает ум, веселит сердце, вызывает слезы умиления, благоговения, благодарности, подвизает к самоотверженным подвигам любви, милосердия и сострадания ко всем человекам, соединяет всех в один союз братства, совокупляет **в один союз небо и землю** – ангелов и человеком: всех веселит надеждою воскресения и бессмертия» (стр. 128–129).

Вот почему так любил совершать Божественную литургию сам св. прав. Иоанн, и совершал ее с таким необыкновенным благоговением и умилением, что молитвою своею потрясал и захватывал всех присутствовавших.

Глубоко скорбел св. прав. Иоанн, что мы, люди, по своей греховной нечистоте и привязанности ко всему суетному, греховному земному, недостойны такого великого сокровища, каким является Божественная литургия, а потому и не ценим ее, как должно, и не так простаиваем за нею, как бы следовало:

«Как мы всегда низки», говорит он, «земны, страстны, недостойны бываем литургии, этой пренебесной, исполненной безпредельной любви Божией к людям службы Божией. Мы и к литургии приходим со своею рассеянностью, со своими страстями и мечтами земными, со своей нечистотой, со своей суетностью, со своими нарядами и житейскими расчетами, к коим прильнула наша душа» (стр. 132).

А между тем.

«За литургией надо забыть, оставить все земное, все земные мысли, все расчеты и углубиться в созерцание этих дивных таин Божиих. Недаром за Херувимской поется: **Всякое ныне житейское отложим попечение...**». Между тем эти весьма важные слова Херувимской песни остаются для большей части христиан гласом вопиющего в пустыни» (стр. 131).

Чувства глубочайшего умиления вызывают у св. прав. Иоанна все моменты Божественной литургии, начиная с ее подготовительной части – проскомидии, но, особенно конечно, ее главная часть – «евхаристический канон» и так называемая

«ходатайственная» тайная молитва священника за «всех и за вся» – за всех людей, живых и умерших.

Сильным вдохновенным гимном в честь литургии заканчивает св. Иоанн свои мысли в честь ея:

«О, литургия, Святая, Божественная, премудрая, всесовершенная, всеочистительная, всеспасительная, всеосвятительная... Ты – Жертва – «о всех и за вся» – о всех святых (Жертва благодарственная и хвалебная) и за вся – за всех живых и умерших (Жертва умилолюбивительная и очистительная). Чудна твоя сила, твое величие, твоя всеобъемлемость. Ты – хвала и слава Троице всеблагой, всесвятой, единосущней и нераздельней. Ты – совокупление неба и земли – Ангелов и человеков. Ты низводишь на землю непрестанно Бога воплотившегося и Духа Святого купно со Отцем соприисносущих. Ты землю обращаешь в небо. Ты земных человеков делаешь небесными, и сколько их соделала таковыми – нет числа – во все прошедшие века и в текущие, и соделаешь в грядущие» (стр. 161–162).

Все богатство, все неизмеримыя сокровища нашей св. Православной веры заключены в нашем безподобном богослужении, а потому смело можно сказать, что кто не знает нашего богослужения, тот не знает по-настоящему и св. Православия – тот «православный» только по имени.

† Архиепископ Аверкий.

П. Петров. Пророчества св. прав. Иоанна Кронштадтского о судьбах России, русского народа и его дар прозорливости.

Имея в виду существование двух почти одинаковых по своему определению понятий – терминов: ПРОРОЧЕСТВА И ПРОЗОРЛИВОСТИ, необходимо, во избежание ошибочного употребления, строго их разграничить.

«Нет никакого способа научным путем иметь возможность предвидеть будущее, или даже спорить о превосходстве одних гипотез над другими; слишком много памятных примеров показывающих нам, что и самые великие люди совершали чудовищные ошибки, когда хотели быть ГОСПОДАМИ БУДУЩАГО, даже и самого – близкого...» (Сорель).

Однако, недавно в русской зарубежной прессе была опубликована пространная статья компетентного автора о возможности предвидения или проникновения в будущее, пользуясь рассмотрением способностей человека. Автор этой статьи, обосновывая свое положение, указывает на разум, интуицию и ПРОРОЧЕСКИЙ ДАР. Он не определил точно, в какой степени и как ПРОРОЧЕСКИЙ ДАР связан с разумом и интуицией, но утверждает, что ограниченные способности человека не дают ему возможности одновременно созерцать прошедшее, настоящее и будущее. Цитирует отдельные очень ценные мысли этого автора по затронутому им вопросу для нас, в данном случае, не представляется крайней необходимостью, но очень важно его указание на третью способность человеческого существа, а именно на ДАР ПРОРОЧЕСКИЙ.

В виду того, что в только что указанной статье не имеется точного определения понятия «ПРОРОЧЕСТВА – ПРОРОЧЕСКАГО ДАРА», а также за неимением такового определения в немногих источниках, случайно находящихся у пишущего эти строки, необходимо восполнить этот пробел и сказать, что ПРОРОЧЕСТВО – это есть предсказание будущих событий, или иных обстоятельств, вдохновенными

избранниками Божиими, силою Святого Духа, каковым БОЖИИМ ПРОРОКОМ и был отец Иоанн Кронштадтский.

Мы имеем свидетельства и самого о. Иоанна о благодати, обитающей в нем. Издавая свой дневник «Моя жизнь во Христе, или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге», он написал вместо предисловия к нему несколько следующих слов: «Не предпосылаю моему изданию предисловия: пусть оно говорит само за себя. Все содержащееся в этой книге есть не иное что, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы...».

Или вот и второе: определяя значение и характер этого ДНЕВНИКА, отец Иоанн пишет: «Сила моя в немощи совершается, – говорит Господь, – и где умножился грех, там преизбыточествует благодать, – говорит Апостол. Эта сила и эта благодать Господня и во мне немощном и грешном воспреизбыточествовала во все дни жизни моей и проявлялась в чудесном озарение души моей светом покаяния и молитвы...».

Американский миссионер Петр Истон говорил об отце Иоанне так: «...Им управляет Святой Дух, так как все, что он делает, есть доказательство помощи Божией. Может быть он орудие рук Божиих, чтобы быть ближе к христианам разных народностей и наций. Может быть он особый посланник в его земле и нации, чтобы привести его народ к светлому знамени христианской истины в проповедании пред ним, что Бог есть Дух и что, кто славит Его, тот должен славить в духе и правде. Господь послал в погрязшую во грехах Россию искреннего пастыря и молитвенника отца Иоанна Кронштадтского проповедывать покаяние и ПРОРОЧЕСТВОВАТЬ...».

Из огромного числа пророчеств о. Иоанна о России – укажем некоторые:

В день рождения Государя Императора Николая Александровича 6 мая 1907 г. великий праведник и пророк Божий о. Иоанн Кронштадтский предрекал: «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты – безумцы не будут

подвергнуты праведной каре закона, и, если Россия не очистится от многих плевел, то она запустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и беззаконие. Виновно и высшее правительство, потворствующее беспорядкам. Безнаказанность в России в моде, ею щеголяют... Везде измена, угроза жизни и государственному имуществу... Бедное отечество! Когда то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и отечеству и чистоты нравов... Возстань же русский человек! Кто тебя научил непокорности и бессмысленным мятежам на Руси? Престаньте безумствовать!.. Довольно пить горькую, полную яда чашу вам и России! Россия страдает и мучается от кровавой внутренней борьбы, от безбожия и крайнего упадка нравов... Чем мы станем, Россияне, без Царя? Враги наши скоро постараются уничтожить и самое имя России, т. к. носителем и хранителем России после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, без него Россия – не Россия...».

Незадолго до своей блаженной кончины о. Иоанн служил Литургию в подворье Леушинского монастыря в Петербурге и в своей проповеди призывал народ каяться в своих грехах, так как приближается ужасное время, столь ужасное, что и представить себе нельзя. Игуменья подворья спросила о. Иоанна: «Когда же, батюшка, это время будет?». Отец Иоанн ответил: «Мы с тобою не доживем, а вот они, – указав при этом рукою на монахинь, – доживут и, когда возьмется от земли Самодержец, тогда придет антихрист...».

В другом источнике указанное пророчество отца Иоанна:

«Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению», записано еще подробнее: «...От чего же столь великое, бывшее столь твердым, могущественным и славным прежде, Царство Русское, ныне так разслабело, обезсилилось, уничтожилось, всколебалось? Оттого, что оно сошло с твердой и непоколебимой основы истинной веры, и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который один есть непоколебимая во веки вечная держава... Вот от чего Царство наше колеблется... Некоторые царства и города, бывшие до

Христа и после Христа, сошли совсем с позорища мира за неверие и беззаконие. И чем дальше существует мир прелюбодейный и грешный и преуспевает в беззакониях, тем он больше и больше слабеет, дряхлеет и колеблется, так что к концу мира он совсем истлеет от последнего, страшного, всеобщего огня: «ибо небо, и все дела на ней сгорят», по Апостолу, и «мы чаем нового неба и новой земли, по обетованию Божию, на которых живет правда» (2Петр. 3, 10–13).

Здесь между прочим идет речь о «Новом небе и новой земле», о чем отец Иоанн неоднократно проповедывал, напр. на новый 1904 г., на Новый 1907 г.: «И увидел я Новое небо и новую землю» (Апок. 27, 1–7). Об этом здесь упоминается вскользь, так как это не имеет прямого и непосредственного отношения к разбираемому вопросу о пророчествах о. Иоанна о России и русском народе.

«Обратись к Богу, Россия» – пламенно взывал о. Иоанн в день Рождества Пресвятыя Богородицы 8 сентября 1906 г. – «согрешившая пред Ним больше, тягчае всех народов земли, – обратись в плаче и в слезах, в вере и добродетели...».

«Возвратись, Россия» – взывал отец Иоанн в своем слове 30 августа 1906 г., – к святой, непорочной, спасительной победоносной вере своей и к Святой Церкви-матери своей – и будешь победоносна и славна, как и в старое, верующее время...».

«Несомненно, что все отпадшие от веры и Церкви русские разобьются, как глиняные горшки (сосуды скудельные – Псал. 2), если не обратятся и не покаются, а Церковь останется непоколебимою до скончания века...».

«Держись же, Россия, твердо своей Церкви и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою... и не хочешь лишиться Царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, то не будешь уже Россией, или Русью Святою, а сбором всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. Помните слова Христа неверным иудеям: отыметса от вас Царство Божие и дастся языку (народу), творящему плоды его (Матф. 21, 42–43).

С воплем сердечным обращается к России великий праведник земли русской о. Иоанн Кронштадтский: «Погибнет Россия от беззакония, от безволия... Россия забыла Бога спасающего; утратила веру в Него; оставила закон Божий, поработила себя всяким страстям, обоготворила слепой разум человеческий... и от того неизмеримо бедствует, терпит посрамление всего света, – достойное возмездие за свое бездействие, за свою холодность к Церкви Божией, – Бог карает нас за грехи...».

«Россия мятется, страдает и мучится от безбожия, безначалия. Но Всеблагое Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно – Провидение – праведно наказует Россию и ведет к возрождению. Судьбы Божии праведныя совершаются над Россией... Крепись, Россия, но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала...».

Когда в 1900 г. к отцу Иоанну приехала благочестивая купеческая семья, он во время личного с ними собеседования сказал: «Над Пермью висит черный крест» и уклонился от объяснения сказанных им слов. Великий Праведник задолго провидел те ужасные события, которые произошли на Урале в 1918 г., когда там мученически погибла Царская семья и другие члены Императорской Фамилии, там было совершено небывалое в истории Екатеринбургское злодеяние, совершенное в пределах Пермского края.

В 1893 г. был открыт повсеместно в России сбор пожертвований на сооружение Варшавского православного собора, Когда слух о предполагаемой постройке собора дошел до отца Иоанна, то он сказал своим. собеседникам: «С горечью вижу сооружение этого храма. Но таковы веления Божии. Вскоре после постройки этого храма Россия zalьется кровью и распадется на многия кратковременныя самостоятельныя государства». Но я предвижу и возстановление мощной России, еще более сильной и могучей, – но это свершится уже много позже». Об этом было доложено Государю Александру III-му и он хотел отказаться от постройки собора, но отец Иоанн тотчас

же его убедил не прекословить воле Божией и сбор пожертвований на постройку собора продолжался.

Отец Иоанн Кронштадтский, видя на Святой Руси революционное движение, народные волнения, беспорядки и убийства, зная распространение чуждых православному сознанию и вредных всякой человеческой душе учений безбожничества, замечая неверие на Руси в Бога и отпадение от Церкви Христовой и глубоко сознавая в этом печальном явлении тяжкий грех русского народа, ведущий Россию к гибели, предвидя ужасную трагедию последней, скорбя душой и сердцем в каждом своем проповедническом слове громко говорил о грозной – опасности, грядущей на Россию, везде и всюду предупреждал о ней русский народ, горячо призывал Россию опомниться, обратиться со слезами покаяния к Богу и вернуться к Церкви Святой Православной, указывая, что «в Боге вся наша сила, всемогущество и слава России и без Бога мы немощны и безсильны...».

Кроме приведенных выше общих пророчеств отца Иоанна Кронштадтского, сохранилось и пророчество в частности об эмиграции. В 1900–1903 гг. отец Иоанн Кронштадтский часто посещал Ораниенбаум, где говорил, что «уже близко время, что русский народ разделится на партии, возстанет брат на брата, сын на отца и отец на сына и прольется много крови на Русской земле. Часть русского народа будет изгнана из пределов России, или принуждена будет сама покинуть родную землю, но изгнанники вернутся в свои края, но не так скоро, там не узнают своих мест и не будут знать, где их родные похоронены».

И. К. Сурский в своей книге (том 1-ый стр. 194) между прочим спрашивает: «про кого пророк Божий о. Иоанн говорит «вернутся»? И отвечает: «конечно про тех, которые выехали из России, а не про тех, которые родились в эмиграции. А кто может узнать, или не узнать своих мест? Конечно, те, которые их видели и помнят, т. е. люди, выехавшие взрослыми из России и которые вернутся в зрелом возрасте, а не дряхлыми стариками. Отсюда прямой вывод, что время ВОЗВРАЩЕНИЯ очень близко». Так рассуждал И. К. Сурский.

Все пророчества отца Иоанна Кронштадтского, а их здесь записано только малая часть, в точности исполнились. Множество пророчеств было записано в его творениях, изданных задолго до первой мировой войны и до революции.

Отец Иоанн Кронштадтский – любвеобильный пастырь Христов, любящий Россию и Церковь Православную, не только проповедывал слова истины, звал русский народ к покаянию, призывал погибающую Россию к спасению, но и сам за нее и Церковь Святую горячо и слезно молился:

«Господи, Всемогуший, Всеблагий, Премудрый Царь царств земных! Устрой и утверди Русское Царство с Русскою Православною Церковью на непоколебимом Камне, каковой есть Ты, Иисусе Христе, Боже наш! Покори, Господи, все народы, составляющие Россию... Тебе, верховному и единственному Главе – Церкви Своей. Да не поколеблют державы Российской инородцы и иноверцы и инославные! Сохрани целость державы и Церкви всемогущею Твоею державою и правдою Твоею!».

«Господи, умиротвори Россию ради Церкви Твоей, ради нищих людей Твоих, прекрати мятеж и революцию...»

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое в России! Ты насади в ней веру истинную, животворную! Да будет она царствующею и господствующею в России, а не уравненной с иноверными исповедываниями и неверными. Да не будет сего уравниения с неравными, истинного исповедания неимеющими! Истина не может быть сравнена с ложью и правда веры с неправыми исповедываниями. «Истина Господня пребывает во век» (Псал. 116, 2)».

«Господи, спаси народ русский, Церковь Православную, в России – погибающую: всюду разврат, всюду неверие, богохульство, безначалие! Господи, спаси Самодержца и умудри его! Господи, все в Твоих руках, Ты – Вседержитель!»

«Господи, выведи Россию на путь истинный и спасительный за все страдания и мученическую кончину от смертоносных орудий верных чад ея, такого множества во всех концах ея! Господи, насади твердую веру в сердцах всех сынов ея, да

сияет Церковь Твоя православием, благочестием
нелицемерным...».

«Всемиловитый Господь! Пошли нам разум и силы.
Прекрати наши раздоры, зажги в сердцах наших русское
братское единение. Сильных и честных озари и настави на путь
Истины Твоей. Слабым дай бодрость. Малодушных укрепи. Всех
же нас, совокупно, вразуми, около нашего ГОСУДАРЯ, объедини
и направь к русской победе! Господи, спаси Россию!»

Так молился о. Иоанн Кронштадтский о России и русском
народе, так призывал погибающую Россию ко спасению, так
предсказывал ей горькую судьбу. Пока жив был Пастырь – жива
была Россия. Скончался Пастырь – умерла Россия.

Так безславно погибла великая, могущественная и богатая
Россия, оставив Бога, отступив от Церкви Христовой и не
послушав спасительных слов доброго Пастыря.

В Боге и Россия воскреснет, если сыны ее на призыв
почившего Пастыря откликнутся, истинных слов его послушают,
опомнятся, проникнутся сознанием, от всей души искренно
покаются, с верою и любовью обратятся к Богу, вернуться к
святой Православной Церкви, вокруг нея объединятся, будут
жить с Богом, любить Россию, горячо за нее молиться и всегда
помнить, что в Боге вся сила (все могущество) и слава России.
(П. М. Чижов).

Дар прозорливости св. праведного Иоанна.

Прозорливость – это Божья благодать, даруемая тем людям, которые во всех своих делах видят Промысл Божий и Его волю. Прозорливость дается Господом только тем людям, которые искренне и неустанно молят Господа о прощении грехов и о Его покровительстве над нами грешными. Прозорливость дается тем людям, которые во всех бедах и радостях человеческих видят Волю Господню. (Заимствовано из одного источника о жизни и деятельности о. Иоанна Кронштадтского). Говоря короче, прозорливость – это проникновенность ума.

Отец Иоанн Кронштадтский был великий прозорливец. Он читал мысли людей, как в открытой книге. В стихире на «Господи воззвах» (из службы Св. Праведному отцу Иоанну) есть слова «Прежде слова ведый нужды ты просивших...». Когда о. Иоанн смотрел на людей, властный взгляд его глаз проникал в самую глубь души, не было такой тайны, которую люди могли скрыть от него. И не только настоящее, но и далекое будущее было ему открыто, но, как общеизвестно, прозорливость и пророчество – не синонимы!

Фактов прозорливости о. Иоанна очень много и для описания их всех потребовалось бы написать целые книги.

Имеются сведения о том, как о. Иоанн называл по имени людей, которых он раньше никогда не знал и не видал, как предсказывал некоторым их будущую судьбу, предугадывал чью-либо скорую кончину, разоблачал недоверчивых и дурных мысли отсутствующих лиц о нем самом.

Из очень большого числа случаев прозорливости о. Иоанна укажем на очень немногие.

Молодой офицер в церкви кадетского корпуса, где служил о. Иоанн Литургию, вошел в алтарь. Отец Иоанн в это время переносил Св. Дары с престола на жертвенник. Поставив чашу, о. Иоанн подошел к офицеру и поцеловал ему руку. Произошло некоторое смущение и замешательство. Начали говорить, что этот офицер будет священником. Офицеру этому и в голову не

приходило стать священником. Но в будущем стал не только священником, но и монахом и известным старцем Оптиной Пустыни о. Варсонофием.

Два студента, желая посмеяться над о. Иоанном, пригласили его, якобы, к больному своему приятелю – тоже студенту – помолиться о его выздоровлении. Приехал о. Иоанн, увидел мнимого больного и сказал: «теперь я тебе не нужен, но скоро понадобится». Отец Иоанн уехал, но мнимый больной, желая встать с кровати, не мог этого сделать. Сначала студенты думали, что он шутит, но потом все испугались и решили ждать. Даже после нескольких дней, студент не мог встать с кровати. Тогда они поехали к о. Иоанну и со слезами покались в своем нехорошем поступке. Отец Иоанн простил их, благословил, а когда они вернулись домой, то увидели, что их приятель здоров и гуляет по комнате. Этот студент после этого стал верующим и религиозным человеком. (Случай этот записан почившим Митрополитом Антонием).

Начальник Инженеров Кронштадтской крепости генерал Александров получил телеграмму, что сын его опасно болен и пошел к отцу Иоанну с просьбой помолиться об исцелении его сына. Отец Иоанн сказал ему: «за умершего не будем молиться о здравии, а лучше помолимся за упокой». Генерал Александров возразил, что он только что получил телеграмму о болезни его сына, но о. Иоанн повторил ему, что сын его умер, – что и подтвердилось впоследствии.

Однажды о. Иоанн был приглашен в Москве в одно благочестивое семейство. В семье этой был студент, не признававший ни Бога, ни религии и издевавшийся над «попами». Когда ожидали о. Иоанна, он насмехался и проникировал также и относительно о. Иоанна. Когда о. Иоанн прибыл, то первым делом он обратился к этому студенту, сказав: «вам необходимо сегодня же исповедаться и причаститься». Проникивающий взгляд и настоятельные убеждения о. Иоанна так подействовали на студента, что он согласился, исповедаться и причастился. Отец Иоанн провидел будущую судьбу студента – через несколько дней студент умер.

В 1889 г. к отцу Иоанну в Кронштадт приехал некий Алексей Юрьев и просил его помолиться об исцелении его сына, который был болен костным туберкулезом. Отец Иоанн, как бы не слыша его просьбы, начал спрашивать не о его сыне, а о нем самом, о его жизни. Узнав от него, что он причащался 4 года тому назад, о. Иоанн сказал ему, что ему необходимо немедленно же, завтра исповедаться и причаститься. Алексей Юрьев ответил, что не может остаться до завтра, так как у него срочные дела, но о. Иоанн настоял на своем. Юрьев остался, исповедался, причастился, а, вернувшись домой, скоропостижно скончался.

По окончании Литургии в Кронштадте, в Андреевском соборе, молящиеся стали подходить к вынесенному о. Иоанном Кресту и под его благословение. Одна женщина, стоя близко, заметила, что-то такое на руке о. Иоанна и решила приложиться ко Кресту, но руки о. Иоанна не целовать; когда она подошла уже совсем близко к о. Иоанну, то он, благословив идущего впереди нея, перенес Крест на идущего за ней и так. обр. она осталась не приложившись ко Кресту и не получив благословения от о. Иоанна.

Однажды во время путешествия о. Иоанна на родину, подошел к нему односельчанин и попросил у него 25 рублей, ссылаясь на то, что у него больна лошадь. Отец Иоанн, молча, вынул 25 рублей и дал просителю. Крестьянин этот выманил деньги у о. Иоанна с целью покутить, – лошадь его была здорова. Каковы же были удивление и ужас этого крестьянина, когда он вернулся домой! Оказалось, что лошадь его на самом деле пала. Он тотчас же вернулся к о. Иоанну и сознался перед ним, что обманул его. О. Иоанн, поучив и наставив его, простил его.

Описанные здесь случаи прозорливости о. Иоанна заимствованы из разных источников о жизни и деятельности о. Иоанна Кронштадтского, причем нередко случается, что одни и те же случаи прозорливости о. Иоанна в разных источниках повторяются, – это совершенно понятно.

Вопрос о чудотворении о. Иоанна Кронштадтского, – это особая грандиозная тема.

«В образе о. Иоанна Кронштадтского прошел Христос по русской земле. Никогда Святая Русь не получала такого всерусского воплощения в этой встрече ея с Христом – перед тем страшным погружением в тьму, которое предрекал о. Иоанн. Последней ли встрече?! Не покинул отец Иоанн и сейчас Святой Руси, переселившись в горный мир. Но где сейчас Святая Русь? Не имеет она больше народно-государственного воплощения: В СЕРДЦАХ ЖИВЕТ ОНА! И в каждом таком сердце живет о. Иоанн. Рядом с преподобным Серафимом занял он место, как привычный паш предстатель пред Богом. Много-ли таких сердец? Крепка ли их связь с Христом? От этого – только от этого! – зависит будущее и России и мира! Если не вырастет в сердцах наших снова Святая Русь в мироустроющую силу – Сам Господь близ, как Грозный Судия, – как о том и говорил нам отец Иоанн». (Архимандрит Константин. «Духовный облик прот. Иоанна Кронштадтского», Джорданвилл, 1952 г.).

С умиленным сердцем и отверстою душою ныне восклицаем:

«СВЯТЫЙ ПРАВЕДНЫЙ ОТЧЕ НАШ ИОАННЕ, МОЛИ БОГА О НАС»!

П. Петров.

Ютика, лето 1966 г.

Архим. Константин (Зайцев) († 1975 г.) Что внушал нам св. прав. Иоанн Кронштадтский к концу своих дней?

«Смотрю на мир, лежащий во зле, или ближе, на Россию, получившую от Бога драгоценное наследие от предков – веру православную, и отступившую по легкомыслию непостижимому от своей веры и впавшую во всевозможные беды: и ужасаюсь и скорблю, видя как страдает и еще пострадает она, если не обратится всем сердцем к вере отеческой и к Церкви православной, за которой спаслось столько праведных людей. За безверие, пьянство и разврат следуют беды за бедами, беды величайшие, несоизмеримые...» (8 сент. 1907 г.).

«Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентареры! Отойди от меня, сатана! Ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое (Матф. 16, 23), сказал Господь Петру пререкавшему. Отойдите и вы, противящиеся Божью велению. Не вам распоряжаться престолами царей земных... Но да приблизятся к престолу достойные помощники, имеющие Божию, правую совесть и страх Божий, любящие Бога и Церковь, которую Он Сам основал на земле – и да бежат от престола все, у коих сожжена совесть, в коих нет совета правого, мудрого и благонамеренного...» (21 окт. 1907 г.).

«Отчего мы не могли ныне победить врагов-язычников при нашем храбром воинстве? Скажем не обинуясь: от неверия в Бога, упадка нравственности и от бессмысленного толстовского учения, не противясь злу, следуя которому сдался на капитуляцию Порт-Артур, а военные суда – в постыдный плен со всем их инвентарем. Какой славный учитель для всего русского воинства и для всех военных и других властей св. Благоверный великий князь Александр Невский! Но кто из интеллигентов читает ныне о подвигах его и кто верит сказанным чудесам? Вот от этого неверия и от своего гордого, кичащегося разума и надмения своей воинской силой мы и терпим всякия поражения и стали посмеянием для всего мира.

Страшный урок дан Богом русской интеллигенции, неверующей в Бога и себя боготворящей. Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству. Аминь» (На день перенесения мощей благоверного великого князя Александра Невского).

«Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры, чрез которую спаслось множество верных в предшествовавшие нам века, да и в наше время. Спрошу вас и себя: умножаем ли мы вверенный нам талант веры православной? Стараемся ли жить по вере? Стараемся ли оправдывать добрыми делами свое христианское звание? Творим ли плоды покаяния? Стараемся ли украшать себя всякою христианской добродетелью? – Все дремлет и спит. «Воздремашеся вся и спажу» (Матф. 25, 5). Нужно ли говорить, напоминать, что творится вокруг нас в обществе, в высших учебных заведениях, в печати, в законодательных учреждениях и т. д. «Возстань же», русский человек, «воскресни от мертвых и осветит тя Христос» (Ефес. 5, 14). Аминь» (30 ноября 1907 г.).

«В наши дни появилось множество неверующих как из интеллигенции, так и простого народа, сбитого примером людей неверующих на ложный погибельный путь. Как же явилось безбожие и всякия ложныя учения? Это объясняется тем, что многие отпали от Церкви, не хотят читать и слушать Слова Божия, увлекаются духом века сего, который легко поработщает беспечных и невнимательных различным страстям. И вот люди заживо уловлены в сети вражия, гибнут сами и других влекут к гибели, ослабляют устои семьи, общества и государства, хотят поколебать царский престол и внести в страну полный беспорядок, анархию. Главная причина всего этого – неверие. – Господи! ими же веси судьбами обрати заблуждающихся на путь истины и спасения, потому что страшное наказание ожидает того, «кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и духа благодать и оскорбляет» (Евр. 10, 29)» (5 мая 1907 г.)

«Господи, умиротвори Россию ради Церкви Твоей, ради нищих людей Твоих, прекрати мятеж и революцию, возьми с

земли хульника Твоего, злейшего и нераскаянного Льва Толстого и всех его горячих, закоснелых последователей, друга евреев, Витте, погубившего Россию, даруй Царю, мудрость и мужество, пошли Ему многих советников благочестивых, мудрых и мужественных, юношество направь на истинный путь, воинство сотвори верным и мужественным, земледельцев и ремесленников удовли, священство содействуй ревностным к долгу своему, искорени пьянство, прелюбодейство, воровство, грабительство, убийство, непотребства, молодых покори старшим, подчиненных начальникам, подданных Царю, всех повсюду служащих покори начальству и сотвори довольными оброками своими. Буди! Когда воды земного шара потеряют свое равновесие с подземным огнем и огонь пересилит водную стихию, непрестанно убывающую, – тогда произойдет огненный потоп, предсказанный в Священном Писании и особенно в послании ап. Петра, и настанет второе славное пришествие Господне и суд всему миру. К тому времени нравы чрезвычайно развратятся. Верьте, готовьтесь же все по истине на суд Божий, грядущий и приближающийся... на суд праведный, единственный, окончательный».

«Цари земные, окруженные блеском вашего сана, приидите мысленно в Вифлеем, наклоните свои венценосные главы к этим яслям, в коих возлежит истинный и вечный Царь царей, – и сложите ваши венцы к подножию их, смиритесь и признайте, что вы сложены из праха и в прах обратитесь – и исповедуйте пред Ним, Смирением Младенцем, что от Него вам дана держава и власть над народами, что вы Его помощники и Им держатся ваши престолы, что без веры в Него и правители ваши расщепившиеся рожны, на которых нельзя опереться вам».

«Ученые мира сего, разглагольствующие с кафедр в высоких учреждениях государства и всяких других; вы, учащие и учащиеся, особенно в высших учебных заведениях, но для Бога самых последних и отверженных по духу мятежа и непокорности властям, посылаю и вас к яслям Вифлеемским, отбросьте вашу гордость перед вашим Творцом и Спасителем и единственным истинным учителем и смиритесь пред Тем, Кто принес на землю мир от Отца Небесного и благоволение

человекам, кто повиновался земному кесарю. Не забудьте, что Он говорит о мятежных гордецах, что Он есть Камень, на Который кто упадет, того раздавит (Матф. 21, 44)».

«Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, которых не было прежде в России и в других государствах?»

«Возвратитесь к смиренной вере, к Евангелию мира, к Церкви, от коих вы безумно отпали, как некогда сатана с падшими ангелами от Бога».

«Горе мятежникам и непокорным, как Корею, Дафану и Авирону. «К вам обращаю мою священническую речь, хотите слушайте, хотите не слушайте, – но я говорю вам, как искренний верующий собрат. Перестаньте безумствовать. Довольно! Довольно пить горькую полную яда чашу – и вам и России. С праздником! Аминь» (25 дек. 1907 г.).

Извлек из сборника: «Новые грозные слова отца Иоанна Кронштадтского о Страшном Суде Божиим, грядущем и приближающемся»

Архимандрит Константин.

Пророчества о. Иоанна о судьбах России и русских людей.

В 1890 году одно благочестивое купеческое семейство города Кунгура Пермской губернии, приехало в Кронштадт за благословением к о. Иоанну.

Во время личного с ними собеседования батюшка, узнав, что они приехали к нему из Пермской губернии, сказал им: «*Над Пермью висит черный крест*», – уклонившись при этом от всяких объяснений сказанных им сих таинственных слов.

Кунгурские паломники поняли слова о. Иоанна в том смысле, что городу Перми угрожает какое-либо тяжкое бедствие, но после тех ужасных событий, которые произошли на Урале в 1918 г., когда Крест тягчайших, воистину Голгофских страданий и мученической кончины прияли: праведный Царь Николай II, с своей Супругой и Детьми, а также и с прочими членами Императорской Фамилии, то становится ясно, что батюшка о. Иоанн за 28 лет провидел это небывалое в истории мира злодеяние, совершенное в пределах Пермской губернии, и прикровенно говорил о нем.

* * *

Незадолго до блаженной кончины о. Иоанна, он часто любил служить обедню в подворьи Леушинского монастыря, что на Бассейной улице в Петербурге. Мы с женою постоянно посещали эти службы и многократно отец Иоанн в проповедях своих грозно пророчествовал и громогласно взывал: «*кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!*» Он не говорил, а кричал подымая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладевал присутствовавшими и в храме раздавались плач и рыдания.

Мы с женой недоумевали, что же это будет: война, землетрясение, наводнение? Однако, по силе слов пророка, мы понимали, что будет что-то много ужаснее и высказывали предположение, что ось земная перевернется.

Игуменья же Таисия, 80-летняя старица, спросила отца Иоанна: «когда же, батюшка, это время будет?» О. Иоанн ответил: «мы с тобою, матушка, не доживем, а вот они – указал он рукою на монахинь, – доживут».

Теперь все, конечно, хорошо понимают, про какое время говорил о. Иоанн.

В книге о. Иоанна «Новые слова, произнесенные в 1902 году», издание 1903 г., напечатано на стр. 47 «Слово на день Рождения Государя Императора Николая Александровича 6 мая».

В этом слове о. Иоанн говорит:

...«Да, чрез посредство державных лиц Господь блюдет благо царств земных и особенно благо мира Церкви Своей, недопуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее, – и величайший злодей мира, который явится в последнее время, – антихрист не может появиться среди нас, по причине самодержавной власти, сдерживающей безчинное шатание и нелепое учение безбожников.

Апостол говорит, что дотоле не явится на земле антихрист, доколе будет существовать самодержавная власть. *Тайна бо уже деется беззакония*, говорит он, но дотоле не совершится, доколе не возьмется от нас державный: *дондеже держай ныне от среды будет*, и тогда явится беззаконник, которого Господь убьет духом уст Своих (2Сол. 2 гл.)

В другой проповеди о. Иоанн говорит, что *«когда возьмется от земли удерживающий (Самодержец), тогда придет антихрист»*.

Множество пророчеств о. Иоанна напечатано в творениях его, изданных задолго до войны и революции. Отец Иоанн умер в 1908 г. т. е. за 6 лет до войны. Вот некоторые из них:

«Господи, Ты истинный Господь тварей! Что замышляют против России и против святой Церкви Твоей немцы, поляки и финляндцы, искажившие Евангелие Твое, отпадшие от Церкви Твоей! Господи, что они замышляют! Они хотят до конца поглотить нас и разорить Церковь Твою, храмы Твои, богослужение Твое, уставы Твои, постановление св. Апостолов

и св. Отцов Вселенских и поместных Соборов! До чего мы дожили!»

«Господи, Ты видишь хитрость врагов православной веры и Церкви Твоей и их рвение одолеть ее! Положи им конец, да умрет с этими людьми все лукавое дело их!» (Это напечатано в 1909 г. в книге «Живой Колос», стр. 28).

«Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала!..»

«Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото, в горниле».

«Душа закосневшая во грехах всякого рода не легко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением и терпкостью и только чрез долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни. Оне нужны, как отдельным лицам, так и целому народу, погрязшему в нечестии и пороках».

«Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо и Господь, нехотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле». (Изд. 1908 г. «Новые слова», стр. 5).

Р. Г. Шемякина: Светлой памяти почившей супруги о. Иоанна Кронштадтского Елизаветы Константиновны Сергиевой.

22-го мая 1909 года, в 9 часов 30 мин. утра тихо отошла к Богу, после долгих страданий, вдова Отца Иоанна Кронштадтского, Елизавета Константиновна Сергиева (дочь протоиерея Кронштадтского собора К. П. Несвицкого). Причиной смерти, по определению пользовавшего ее врача, послужила старческая дряхлость с нарастающим упадком сердечной деятельности. Господь сподобил ее долго и усердно готовиться к переходу в вечную жизнь: последние годы Елизавета Константиновна, следуя заветам и наставлениям своего супруга-молитвенника, приобщалась вообще очень часто, или в соборе, или на дому, когда слабость в ногах не позволяла ей выходить из дому, а последний год – ежедневно; приобщилась она и 21-го мая, но это, как оказалось потом, было в последний раз: в этот день с шести часов вечера она перестала глядеть на свет Божий, а с десяти часов не стала говорить, ничем не выказывая сознания. Последнее слово ее было: «хочу», сказанное ею в ответ на предложение выпить святой водицы, но проглотить ее она уже не могла; вскоре после этого матушка впала в безсознательное состояние, а на другое утро мирно скончалась во время чтения канона на исход души. На Фоминой неделе, по своему личному желанию, она особоровалась и после того несколько раз говорила: «как я рада, что особоровалась и приготовилась». Погребение тела Елизаветы Константиновны состоялось в воскресенье, 24-го мая, в г. Кронштадте, в левой стороне соборного сада.

Почившая родилась 4-го мая 1829 года, в г. Гдове, где отец ее, протоиерей Константин Петрович Несвицкий, служил в городском соборе и был благочинным церковью Гдовского уезда. Переведенный в Кронштадт ключарем Андреевского собора, он, по слабости здоровья, не мог долго занимать это место и в 1855 году передал его священнику Иоанну Ильичу Сергиеву, женившемуся на дочери его, Елизавете Константиновне. Когда

она выходила замуж, на ее руках находились: престарелый отец, трое взрослых братьев и две сестры; все жили вместе и на долю Елизаветы Константиновны, исполнявшей обязанности хозяйки и матери (протоиерей Несвицкий овдовел в августе 1855 года) выпадало не мало забот и хлопот. Затем, несколько лет спустя братья ее получили более обеспеченные места, давшие им возможность поселиться отдельно, а сестер своих матушка выдала замуж за учителей Петербургской Духовной Семинарии, впоследствии священников, причем все попечения об их устройстве и обзаведении приняли на себя о. Иоанн и Елизавета Константиновна. Не имея достаточно личных средств, о. Иоанн в обоих случаях сам обходил состоятельных прихожан, прося их помочь сделать приличное приданое свояченицам. Многие давали охотно, но многие, вероятно, встречали молодого батюшку с тем чувством недоброжелательства, которое часто у нас сопровождает добродетель. После замужества сестры ездили гостить в Кронштадт, и в одну из этих поездок, в 1870 году, у младшей сестры матушки, в квартире О. Иоанна, родилась дочь; **это была я**. Через некоторое время меня увезли домой, но Господу Богу угодно было, чтобы мой истинный дом был в тихой, мирной квартирке незабвенного Пастыря, под его благословенным кровом. В 1872 году умер мой отец, оставив мать без всяких средств. Тогда дядя, видя беспомощное положение нашей семьи, сказал тете: «детей у нас нет, возьмем и воспитаем, как дочь». Сказано-сделано, и вот я очутилась, по воле Божией, на попечении незабвенных, бесконечно дорогих для меня дяди и тети, которые неустанно пеклись обо мне, заботились обо мне, берегли меня, как только нежно любящие родители могут заботиться и лелеять свое любимое дитяtko. Как о. Иоанн никогда не жил личной жизнью, отдавая себя на служение человечеству, так и Елизавета Константиновна никогда не жила для себя, только круг ее деятельности складывался уже, ограничивался служением родным и близким; их радостями она радовалась, их скорбями скорбела. Я помню ее, когда ей было лет сорок пять. Очень подвижная, с добрым благоразумным лицом, вечная хлопотунья, она любила всех обласкать, пригреть

и накормить; как сейчас смотрю на нее, подвязанную белым передником, в кухне, делающую сладкий пирог; любила она сама постряпать, сама купить провизию, сама за всем присмотреть, чтобы все было чисто и вкусно. Сколько раз, помню, дядя, отвеживая любимый яблочный пирог, приговаривал: «мастерица ты у меня стряпать пироги». Приветливая, всегда ровная, ласковая, Елизавета Константиновна любила, когда кто из знакомых навещал ее; тогда она прямо закармливала гостя или гостью, а дядя, видя ее гостеприимство и искренность, не один раз говорил, указывая на хлопотливую хозяйку: «настоящая она матушка». Среди хозяйственных работ, тетя не забывала и меня; все свободное время проводила со мною, спала в одной комнате с нами, учила меня читать и писать по-русски и по-французски, а когда я поступила в гимназию, сама приготавливала мне завтраки, ежедневно провожала меня в гимназию и встречала, спрашивала уроки. Помню, перед тем, как тетя стала учить меня, дядей был отслужен молебен в Андреевском соборе святым Косьме и Дамиану и пророку Науму; сам дядя водил меня на вступительный экзамен в гимназию, платил все время за меня из своего кандидатского оклада, и с неослабевающим интересом следил за моими успехами, просматривая еженедельно тетрадь с отметками и подписывая ее. Что-же удивительного, если я, при таких благодатных условиях, блестяще окончила курс учения; это было большою радостью для незабвенных моих воспитателей, и дядя многим знакомым спешил сообщить приятую для него новость: «племянница и воспитанница наша, Руфа, окончила гимназию с золотой медалью».

К своему великому супругу-молитвеннику тетя, как только я себя помню, всегда относилась с благоговейной любовью и почтительностью. Когда он, усталый, приезжал домой с треб или из храма Божьего, она торопилась снять с него сапоги, помочь раздеться и заботливо укрывала его, укладывая отдохнуть в постель. Тогда мертвая тишина водворялась в квартире: так ревниво оберегала тетя кратковременный отдых труженика-пастыря.

Будучи вообще слабого здоровья, дядя часто хворал, и тогда тетя превращалась в неутомимую сиделку: проводила все ночи напролет у постели больного, а днем сама готовила для него кушанье. Помню, в 1879 году о. Иоанн опасно занемог: у него сделалось воспаление обоих легких.

По целым часам он лежал с закрытыми глазами, в забытие, а когда приходил в себя, часто говорил: «голова болит невыносимо, точно молотом ударяют по ней». Один раз тетя сидела около кровати дяди и горько плакала; открыв глаза, батюшка посмотрел на нее и сказал: «не плачь, Лиза, Бог даст, поправлюсь, а если нет, Бог и добрые люди не оставят тебя; я никого не оставлял, и тебя не оставят». Прошло несколько дней, и однажды утром тетя вбежала в детскую и дрожащим от волнения голосом воскликнула: «дяде лучше, кризис прошел!» Мы с тетей посмотрели друг на друга, крепко обнялись, и обе заплакали, но уже слезами радости...

Когда незабвенный батюшка предпринимал свои частые, а потом и ежедневные поездки в Петербург, тетя никогда не ложилась спать не дождавшись дяди, хотя-бы это было около часу ночи, несмотря на то, что здоровье ее вообще было не из крепких; она постоянно страдала головными болями и несколько лет подряд бессонницей. С течением времени, матушка, по слабости, принуждена была отказаться от некоторых забот о батюшке, какое это было для нея, бедной, тяжелое лишение!

Припоминается мне еще следующий случай: Несколько лет тому назад дядя, приняв ванну, зимой вышел в сени в туфлях; тетя страшно растревожилась и, не имея уже возможности по болезни ног сама быстро двигаться, послала сказать батюшке, что он рискует простудиться, выходя на воздух легко одетым после ванны. Возвращаясь из сеней, дядя прошел в гостиную, где сидела тетя, и сказал ей, ласково хлопая по плечу: «спасибо тебе, родная, за заботы твои обо мне; только не беспокойся, – ноги у меня тепло одеты».

О. Иоанн глубоко ценил такую заботливость с ее стороны о себе и отвечал ей тем-же. Когда болезнь не давала возможности незабвенному батюшке ездить в Петербург, а

впоследствии даже по Кронштадту, он ни один день не сел обедать, не зайдя в гостиную или в комнату тети, смотря по тому, где она была, и не позвав ее в столовую; он говорил: «Когда я обедаю один, у меня и аппетита нет». Не было вечера, когда-бы дядя не зашел к тете проститься и благословить ее перед сном: «доброй ночи желаю тебе», «спи спокойно», «Господь с тобой», «да хранит тебя Бог», – вот те приветствия, которые он говорил ей, перед уходом в кабинет на покой. За несколько времени до кочкины батюшки, захворала матушка инфлюенцей; тут-то особенно проявилась заботливость дяди о ней. Нельзя было без слез умиления видеть, как дорогой страдалец, еле ходивший, несколько раз днем и каждый вечер перед сном благословлял ее, гладил по голове, приговаривал: «бедная, бедная», «вместе мы с тобой страдаем», «вместе мы с тобой мучаемся», «оба мы страдальцы». И долго, бывало, стоит около ее кресла, покачивая головой и с жалостью смотря на больную; а иногда с ее лица переведет скорбящий взор на образ и долго, долго, безмолвно молится за нее... Обыкновенно, когда кто-либо справлялся у дяди о здоровье его или тети, он неизменно отвечал: «оба мы плохи», «оба мы собираемся умирать», «оба мы готовимся к смерти». Один раз, когда дяде сказали, что тете плохо, он пришел к ней и сказал: «не унывай, Господь милостив; Он даст тебе терпения пережить страдания и быть совсем здоровой». В ноябре, обедая вместе с тетей и двумя приезжими, дядя стал говорить им, что здоровье его совсем плохо. Тетя, желая ободрить его, сказала: «весной тебе бывает всегда лучше; придет весна – поправишься»; на это дядя возразил: «весной, ты говоришь? ты-то до весны доживешь, а я – нет». Предсказание батюшки сбылось: он почил в декабре, она – в мае. Когда незабвенный дядя 6-го декабря не имел уже сил совершать литургию, а приобщался каждое утро на дому, он приходил в комнату больной инфлюенцей тети – со святой чашей и приобщал ее, говоря: «Господь мой и Бог мой!» «со страхом Божиим и верою приступи», «прими тело и кровь Христовы», «мир тебе, старица, поздравляю тебя». Последний раз батюшка пришел в комнату матушки 17 декабря утром, приобщил ее, а с 18-го он не покидал кабинета. В особенности

после кончины дяди здоровье тети ухудшилось: стала быстро развиваться общая слабость, ноги и руки стали совсем плохо работать, сердце начало постепенно сдавать. Сильно тосковала она по незабвенном почившем, не могла без слез слышать его имени; никак не могла осиротевшая тетя примириться с мыслью, что дяди не стало; она говорила окружающим: «мне все кажется, будто Иван Ильич не умер, а куда-то уехал, как уезжал, бывало, в Москву, и опять приедет». Незадолго до смерти, матушка увидела у одной знакомой брошь-портрет батюшки и неутешно заплакала, восклицая: «Иван Ильич, Иван Ильич», а когда стали утешать ее тем, что ему теперь блаженно-хорошо, она сказала: «ему-то хорошо, а мне как тяжело без него, ведь 53 года все были вместе». Предчувствуя близкую свою кончину, матушка часто, сидя в кресле, устремляла взоры на образ и говорила: «надо мне приготовиться, надо просить у Бога простить все мои грехи». Часто вспоминала она и утешалась словами незабвенного батюшки, нашего общего предстателя пред Господом Богом, сказанными им 17-го декабря, когда ему передали, что больная матушка очень горюет, не имея возможности, по болезни, придти в кабинет и ухаживать за ним: «скажи жене, что она всегда со мной, и я всегда с нею». Эти слова все время ободряли страдальцу, утешали ее в долгих страданиях надеждою, что и после кончины своей батюшка не оставит ее, возьмет скоро к себе, встретит ее в обители небесной и предстательством своим доведет до престола Всевышнего. Обыкновенно тетя на ночь надевала подрясник дяди или спала, покрывшись им. Каждый раз, когда я ехала в Иоанновский монастырь, она всегда говорила мне: «поклонись от меня дяде» и горько, неутешно плакала. Начиная-ли у ней болеть сильно рука или нога, она сейчас-же просила помазать больное место маслицем с гробницы незабвенного Батюшки.

Глубоко верующая и религиозная, матушка только и надеялась на милосердие Божие и всем сердцем стремилась к спасению душевному. «Иван Ильич, благослови меня, помолись за меня», несколько раз в день просила тетя своего великого супруга-пастыря, которого, к ее горю, пришлось ей пережить. По

кончине его, искренно, со слезами молясь сама, тетя, по своему величайшему христианскому смирению, страшилась, что молитвы ее не скоро будут услышаны Господом, и всегда других просила молиться за нее. Когда я на ночь ежедневно уходила домой, то она, после вечерних пожеланий, постоянно говорила мне: «помолись за меня». Шла ли я ко всенощной или к обедне, я всегда слышала из уст ее ту-же просьбу, идущую из глубины сердца: «помолись за меня», и я молилась за нее, как только умела...

Однажды днем, перед моим приходом, тете сделалось нехорошо, и тут она ничем не стала себя успокаивать, как только надеждой на милость Божию: «сегодня суббота» говорила она, «Руфа пойдет ко всенощной и помолится за меня». Так велика была вера ее в силу молитвы вообще, что она даже по моему грешному молению надеялась получить облегчение.

Оканчивая этот краткий очерк, посвященный светлой памяти незабвенной почившей, нельзя не остановиться с удивлением на двух ее отличительных чертах: крайнем смирении и кротости; в этих двух высочайших добродетелях христианских выказалось все величие ее души. Ни на кого не сердилась, ни на кого не имела злобы. Если кто и огорчал ее, делал ей неприятное, она безропотно сносила и от души прощала всем. На вопрос обращенный к ней: «имеете-ли против кого вражду?» Матушка неизменно отвечала всегда одно и то-же: «нет, ни на кого». Прощая сама обиды, она и других учила поступать так; бывало скажет: «не сердитесь, Бог Сам укажет, кто прав, кто виноват, а вы простите».

Никогда не позволяла себе тетя входить в дела великого пастыря и молитвенника, никогда она не старалась выдвинуться и стать на ряду с ним; оставаясь постоянно в тени, она сияла отблеском его славы, она светилась отражением высоких христианских его добродетелей; как нежная сестра и любящая мать, она неустанно берегла общее сокровище, и больная, слабая, почти без ног, всех предупреждала, всех умоляла: «не шумите, батюшка отдыхает», «не принимайте пока никого, батюшка нездоров». Батюшка сам знал ее душу, высоко ценил в

ней чистоту, кротость и смирение и так отзывался о ней: «жена у меня – ангел». Все-ли знали, что за спиной великого праведника, отца Иоанна, стоит охранительница его, – готовая душу свою положить за него? Если не знали этого тогда, пусть знают теперь и пусть искренно помолятся все за старицу чистую, старицу кроткую, рабу Божию Елизавету!

Безпредельная благодарность тебе, чудная, самоотверженная мать-воспитательница, и вечная память о тебе, славная жена-девственница светильника земли русской, – да живут в нас, в наших детях и внуках!

(Из воспоминаний Р. Г. Шемякиной. Издание «Кронштадт. Вестник» 1909 г.).

Слово, произнесенное настоятелем Кронштадтского Андреевского собора протоиерем о. Александром Петровичем Поповым пред началом отпевания Елизаветы Константиновны Сергиевой.

«Блаженни кротцыи, яко тии наследят землю» (Матф. 5, 5). Поистине полна евангельской кротости, изображенной в этой заповеди блаженства, была почившая матушка Елизавета Константиновна, супруга досточтимого о. Иоанна, великого светильника и молитвенника земли Русской, известного не только в пределах России, но даже за границей. Почившая являлась олицетворением не одной этой заповеди Спасителя – но еще и другой: «блаженни нищии духом, яко тех есть Царствие небесное» (Матф. 5, 3). Она всегда держала себя в тени и в высшей степени показывала себя скромной. Другая бы на ее месте могла возгордиться и всем дать почувствовать, кто она и кто ее супруг. Но никогда не было заметно в матушке стремления к этому, и всеми силами старалась она избегать всяких почестей. Когда обращались иногда к почившей с просьбою чтобы добиться свидания с о. Иоанном, она смиренно отклоняла это. В своей квартире хотя она и была хозяйкой, но была ею только по-имени: на самом деле дом о. Иоанна принадлежал всем, и почившая этому не была препятствием, а наоборот – своим незлобивым вмешательством способствовала о. Иоанну в его святых трудах.

Свежая могила усопшей да послужит нам вечным напоминанием о матушке Елизавете Константиновне, скромной, кроткой, незлобной, сумевшей сохранить эти высшие достоинства женщины даже при тех исключительных условиях, в которых она была поставлена жизнью. На надгробном ее памятнике уместнее всего было-бы начертать: «здесь кротость, здесь смирение», и ничего больше не следует писать: всякий, знавший Елизавету Константиновну прочитав эти слова, сразу поймет, кто лежит под этим могильным камнем, – поймет, что под ним покоится само воплощение двух высочайших христианских добродетелей – кротости и смирения, этих лучших

украшений души. Да будет почившая матушка, супруга о. Иоанна, вечным и добрым примером нашим женам и дочерям!

(Издание «Кроншт. Вестник» 1909 г.).

Архиеп. Аверкий (Таушев) († 1976 г.) Провозвестник кары Божией русскому народу.

В нынешнем 1964 году на самый праздник Богоявления исполнилось ровно 70 лет со дня блаженной кончины приснопамятного Епископа Феофана, известного верующим русским людям под именем «Вышенского Затворника».

Замечательна жизнь этого великого светильника Российской Церкви, перед наступлением столь грозных времен для нея и для всей России, как замечательно и то огромное духовное богатство, которое оставил он нам в виде своих, поистине драгоценных, письменных творений, могущих составить целую библиотеку. Эти письменные творения представляют собою ценнейшее руководство подлинной духовной жизни – той «жизни во Христе», которой жили на протяжении вот уже почти двадцати веков все истинные подвижники и ревнители православно-христианского благочестия. Они, эти творения святителя Феофана, раскрывают перед нами всю глубину и ни с чем несравнимую возвышенную красоту духовной жизни, а потому всякий стремящийся жить подлинной духовной жизнью, не может не знать и не ценить их, а кто еще с ними не знаком, тот **должен** познакомиться. Это – как бы «пробный камень» правильного подхода к духовной жизни, истинно-православной ее оценки и понимания в наше лукавое время, когда столь многие «влаются» всякими ветрами всевозможных лжеучений (Ефес. 4, 14) и увлекаются «философией и пустым обольщением, по преданиям человеческим, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8).

Сама жизнь святителя Феофана говорит за себя и служит лучшей рекомендацией всего вышесказанного, внушая к нему и к его письменным творениям полное доверие и высокое уважение.

В мире Георгий Васильевич Говоров, святитель Феофан был сыном священника св. Владимирской церкви села Чернавска Елецкого уезда Орловской губернии. Родился он

10 января 1815 года. Получив первоначальное обучение в родительском доме, он прошел затем курс Ливенского духовного училища и Орловской духовной семинарии (1831–1837). Здесь несомненно и получил он ту цельность направления и серьезный закал мысли, которые давала наша старая духовная школа своим лучшим питомцам. Как лучший воспитанник, он был отправлен на казенный счет в Киевскую Духовную Академию. С большим прилежанием изучал он богословские науки, и тут же, в тиши молитвенного уединения среди Киевских пещер, этих безмолвных, но красноречивых памятников нашей родной старины, созрела в нем мысль стать на путь иноческого мироотречного жития. Подав прошение об этом, он еще за несколько месяцев до окончания курса был пострижен в монашество с именем Феофана. Постриг был совершен ректором академии Преосвященным Иеремиею 25 февраля 1841 года; 7 апреля того же года инок Феофан был рукоположен во иеродиакона, а 7 июля – во иеромонаха. На всю жизнь потом запечатлелось в сердце молодого инок наставление, данное ему после пострига духовником Лавры прославленным старцем Иеросхимонахом Парфением. «Вот вы ученые монахи», сказал ему старец, «набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: **МОЛИТЬСЯ – И МОЛИТЬСЯ НЕПРЕРЫВНО УМОМ В СЕРДЦЕ БОГУ**, вот чего добивайтесь!»

По окончании в том же 1841 году академии и защите магистерской диссертации, иеромонах Феофан в течение пяти лет подвизался на духовно-учебном поприще. Своим воспитанникам он постоянно внушал, что главным делом их должно быть Богоугождение, а «научность», как он выражался, есть лишь придаточное качество. Особенно подчеркивал он, что «всякая наука, преподаваемая христианину, должна быть пропитана началами христианскими, и притом православными». «У нас самое опасное заблуждение», говорил он: «то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность или ложь в том предположении, что вера и наука – две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает науки, и напитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы оне

не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь?»

В 1842 году иеромонах Феофан был назначен инспектором и преподавателем логики и психологии в Новгородской духовной семинарии; в 1844 году переведен на должность преподавателя нравственного богословия в С.-Петербургскую духовную академию. Здесь с 1845 года на него была возложена и должность помощника инспектора академии, а затем Он был назначен еще членом комитета для рассмотрения конспектов преподаваемых в семинариях учебных предметов. Административные обязанности, однако, весьма тяготили инок, которого влекла к себе уединенная строго-подвижническая жизнь. Промысел Божий вскоре избавил его от этого, указав ему иной путь. В 1846 году он получил назначение на должность члена Российской Духовной Миссии в Иерусалиме. Семилетнее пребывание о. Феофана в Святой Земле имело для него громадное значение. Душа его питалась здесь священными библейскими воспоминаниями; он посещал знаменитую Лавру преп. Саввы Освященного и другие древние обители, знакомясь со сказаниями о подвигах прежних отшельников и наблюдая жизнь современных подвижников. Знание древних языков давало ему возможность изучить на месте ценные рукописи отеческих творений, которые получали для него особенную жизненность при постоянном созерцании священных памятников древности. Благодаря этому он все глубже и глубже проникался духом великих христианских аскетов, практически изучая подвижническую жизнь у самых первоисточников и древних разсадников иночества.

По возвращении в Россию, иеромонах Феофан в 1855 году был возведен в сан архимандрита с назначением на должность ректора Олонецкой духовной семинарии. Но ему и года не пришлось пробыть на этой должности. В том же году он был отправлен в Константинополь настоятелем тамошней Русской посольской церкви, где пробыл около двух лет. И это время он широко использовал для углубления своего знакомства с восточным иночеством и, в частности, для изучения подвижнической жизни на Афоне.

В 1857 году архимандрит Феофан, уже стяжавший себе известность в духовных кругах своей образованностью и аскетической настроенностью, был вызван в С.-Петербург и получил назначение ректором С.-Петербургской духовной академии. Вместе с тем ему было поручено наблюдение за преподаванием Закона Божия во всех светских учебных заведениях столицы и ее окрестностей.

Но и на этой должности он пробыл недолго. В 1859 году он был хиротонисан в Александро-Невской лавре Высокопреосвященным Митрополитом С.-Петербургским Григорием с сонмом иерархов в сан Епископа Тамбовского. Преосвященный Феофан ревностно исполнял свое епископское служение и очень много сделал для Тамбовской епархии, но административные обязанности епархиального архиерея не пришлись ему по душе, так как отвлекали его от подвигов Богосозерцания и молитвы, к которым он от юности стремился. Он начал мечтать о полном уединении и еще в бытность на Тамбовской кафедре присмотрел себе «возлюбленную смиренную пустынь Вышенскую, которой нет ничего на свете краше». Однако, тогда еще ему не удалось своего намерения исполнить. В 1863 году он был переведен на епископскую кафедру в г. Владимир на Клязьме. Три года его служения здесь также ознаменовались неусыпной и ревностной архипастырской деятельностью: он часто совершал Богослужения, неутомимо проповедывал, предпринимал постоянные поездки по епархии, развил миссионерскую деятельность для возвращения заблуждших в лоно Церкви, открывал церковно-приходские школы, основал как и в Тамбове, женское епархиальное училище и положил начало изданию «Епархиальных Ведомостей». Благостный, участливый ко всем, он в полном смысле слова делил с своей паствой и радость и горе, чутко отзываясь своим любящим сердцем на все.

С юных лет святитель Феофан горел особенной любовью и благоговением к памяти великого духоносного наставника и столпа Российской Церкви св. Тихона Задонского и в 1861 году сподобился великой радости участвовать в торжестве открытия его святых мощей. Можно полагать, что это торжество

окончательно укрепило в нем давно уже взлелеянное им в глубине души намерение, по примеру святителя Тихона, совершенно уединиться от греховного мира, уйдя в затвор.

«Наступил, наконец, 1866 год, когда много ранее задуманное совершилось» – так пишет об осуществлении этого намерения святителя один из его ближайших родственников. Святитель Феофан подал Святейшему Синоду прошение об увольнении на покой. Просьба эта была совершенно необычной, так как годы святителя не давали для нея оснований. Первенствующий член Синода Митрополит Исидор счел нужным запросить святителя Феофана, какие причины побудили его подать такое прошение. Святитель ответил, что он стремится к созерцательной духовной жизни, но вместе с тем не отказывается от работы на пользу Церкви, предполагая посвятить свое время в уединении письменным трудам. Синод удовлетворил его прошению, назначив ему для пребывания избранную им Вышенскую пустынь и определив годовую пенсию в сумме 1000 рублей. Трогательное прощание Епископа Феофана со своей Владимирской паствой состоялось 24 июля 1866 года. Совершив в этот день в последний раз в своем кафедральном соборе Божественную Литургию, святитель обратился к своей пастве с проникновенным прощальным словом. В храме стояла глубочайшая тишина, прерываемая лишь тихими рыданиями скорбевших о разлуке с своим любимым архипастырем владимирцев. Замечательно было это слово, дышавшее необыкновенной сердечностью и задушевностью и вместе с тем проникнутое горячей ревностью о спасении душ оставляемых им пасомых. «Не попеняйте на меня; Господа ради», говорил святитель: «что оставляю вас. Отхожу не ради того, чтобы вынужден был вас оставить. Ваша доброта не допустила бы меня переменить вас на другую паству. Но, как ведомый, ведусь на свободное от забот пребывание, ища и чая лучшего, – как это сродно естеству нашему... Кроме внешней необходимости, есть необходимость внутренняя, которой внемлет совесть и которой не сильно противоречит сердце... Об одном прошу любовь вашу, – оставя суждения и осуждения сделанного мною шага, усугубьте

молитву вашу, да не отщетит Господь чаяния моего, и дарует мне обрести искомое мною. И я буду молиться о вас, – буду молиться, чтобы Господь всегда ниспосылал вам всякое благо, – улучшал благосостояние и отвращал всякую беду, **паче же, чтоб устраивал ваше спасение. Спасайтесь, и спаситесь о Господе!** Лучшего пожелать вам не умею. Все будет, когда спасены будете». В этих словах излилась вся душа святителя Феофана. Это именно то, о чем он потом постоянно писал в своих письмах, о чем он настойчиво твердил и на разные лады повторял в своих богомудрых вдохновенных творениях. Вторая половина его прощального слова не менее знаменательна. В нем он указывает на единственно-верный путь спасения и предостерегает от тех лживых и лживых учений, которые и довели, в конце концов, нашу Родину до гибели. Святитель напоминает своим бывшим пасомым слова св. Апостола Павла: **«О, Тимофее! предание сохрани».** «Сохрани», продолжает он дальше: «что Господом и Его Святыми Апостолами предано Церкви и что одно поколение христиан передает другому. Напомнить о сем вам понуждаюсь того ради, что ныне **много лживых учений** ходит между нами: **учений растлительных, подрывающих основы веры, разстраивающих семейное счастье и разрушающих благосостояние государства. Поберегитесь, ради Господа, от сих учений!** Есть камень, коим испытывают золото. Испытательным камнем да будет для вас св. учение, издревле проповедуемое в Церкви. **Все несогласное с сим учением отвергайте, как зло,** каким бы титулом благовидным оно ни прикрывалось... **Это напоминание прошу принять, как последнее завещание».** Это, как мы увидим дальше, было предупреждением и завещанием великого духовного наставника не только Владимирской пастве, **но и всему русскому народу,** который жестоко поплатился за то, что не внимал делаемым ему предостережениям.

Преподав благословение своим плачущим духовным чадам, святитель Феофан уехал из собора, а через четыре дня, после напутственного молебна в своей домовой церкви, направился в Вышу. С тех пор началась его подвижническая жизнь в затворе, которая продолжалась без малого 28 лет. В течение первых

шести лет святитель постепенно приготавливал себя к полному затвору: он наравне со всеми иноками, неопустительно посещал все монастырские службы, а в воскресные дни и великие праздники сам совершал Божественную литургию соборно с монастырской братией. Своим благоговейным священнослужением он вселял во всех сослужащих с ним страх Божий. Никто никогда не слышал от него в алтаре постороннего слова. Стоял он во храме, по словам очевидца, благоговейно, тихо, не озираясь никуда, бодренно, как воин перед Христом, Царем Небесным. И все больше и больше внутренне уходил от мира, погружаясь в созерцание и молитву. Случалось, что инок, подносящий владыке антидор, стоял перед ним несколько минут незамеченным, пока погруженный в молитву святитель не открывал своих очей.

В 1872 году Преосвященный Феофан сам устроил себе в своих келлиях домовую церковь и освятил ее во имя Богоявления. Этот праздник, носящий по-гречески наименование **«Феофания»** и созвучный его имени, пользовался особым его почитанием. С этого времени святитель окончательно затворился в своей келлии: сам никуда не выходил и к себе никого не пускал, кроме своего духовника и настоятеля пустыни да еще келейника Евлампия, снабжавшего его просфорами и вином для совершения литургии и всем необходимым. В течение 21 года Преосвященный Феофан сам совершал в своей келейной церкви Божественную Литургию: сначала только по воскресным и праздничным дням, а в последние 11 лет – ежедневно. Когда его спрашивали, как он служит литургию, святитель отвечал: «служу по служебнику молча, а иногда запою». Постничество, умерщвление плоти у него было совершенное: он, по словам имевших доступ к нему, как бы весь был проникнут духовностью, и тело свое питал только для того, чтобы оно помогало духу его жить свободно и легко. Всю свою пенсию святитель разсылал бедным, оставляя себе только небольшую сумму на выписку книг. В полном согласии с наставлениями древних Отцов и своими собственными, святитель Феофан духовные подвиги и умственные занятия перемежал с ручным трудом.

Он, как свидетельствуют об этом вещи и инструменты, найденные после его смерти в его келлии, занимался иконописью, был превосходным резчиком и слесарем, отлично знал токарное и столярное ремесло и сам шил себе одежду. Но главную часть времени великий святитель предавался Богомыслию, и плодом его вдохновенных созерцаний явились его многочисленные письменные труды неизмеримо-важной ценности. Так, он перевел на русский язык целый ряд творений древних подвижников и наставников духовной жизни. Этот труд его, обнимающий собою пять томов и известный под именем **«Добротолюбия»**, содержит в себе учение об искоренении страстей и о способах благодатного возрождения поврежденной грехом человеческой души. Ценнейшими богословскими трудами святителя Феофана являются также его Толкования на послания св. Апостола Павла, Толкование 118-го и некоторых других псалмов, «Евангельская История о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения», «Начертание христианского нравоучения», «Путь ко спасению», «Невидимая брань» и мн. др. С.-Петербургская Духовная Академия еще в 1882 г. «в выражение глубокого уважения к неутомимой и многоплодной литературной деятельности Преосвященного Феофана в области православного нравственного богословия и истолкования Священного Писания» избрала его своим почетным членом, а в 1890 году «за его многочисленные и замечательныя богословския сочинения» удостоила его степени доктора богословия.

Но не менее замечательной и многоценной была и его огромная переписка. Оставив суету мира и прекратив внешнее общение с миром, святитель Феофан не оставил человеческий мир, буруемаемый многими страстями, своей архипастырской любовью и заботами о его спасении. Не общаясь с людьми лично, он общался со всеми, искавшими его духовного наставления и советов, письменно. Он охотно отвечал на письма каждому, кто обращался к нему, имея нужду в духовном окормлении. Когда в России стало известно, что в Вышенской пустыни появился дивный затворник, исполненный отеческой любви к людям, со всех концов нашей необъятной Родины

полетели туда письма с выражением духовных и телесных скорбей, с горькими сетованиями на неправды свои и людския, на мирскую суету и душевное томление. Ежедневно святитель получал от 20 до 40 писем и на каждое письмо спешил с нежною истинно-отеческою любовью ответить. Письма Преосвященного Феофана – это истинное сокровище: они отличаются необыкновенной живостью слова, теплотою чувства, четкостью мыслей, образностью сравнений и, при всей простоте изложения, необыкновенной глубиной, тонким пониманием человеческой души. Они изданы в нескольких сборниках под разными заглавиями, как-то: «Письма о христианской жизни», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», «Письма к разным лицам» и просто «Собрание писем» в 8-ми выпусках.

Как личный великий подвиг жизни святителя Феофана, так и его глубокое проникновение в самую сущность подлинной христианской жизни, дает ему безконечное превосходство, как учителю христианской нравственности, над всеми современными системами христианского нравоучения, появляющимися у нас и на Западе – у римо-католиков и протестантов. Заслуга его в этом отношении безпримерна, и он не имеет для себя равного ни в прошлом ни в настоящем. Таково значение нашего великого святителя для всего Православия.

Как замечательна была вся жизнь святителя Феофана, так замечательна была и его воистину блаженная кончина.

В самый день великого праздника Богоявления, который был предметом его особенного почитания, 6 января 1894 года, преданный келейник святителя Евлампий, не слыша обычного условного знака к чаю, заглянул в келлию и увидел святителя лежащим на кровати. Подойдя к нему, он увидел его уже скончавшимся. Левая рука святителя лежала на груди, правая была сложена как бы для благословения. На столике рядом лежала раскрытая январьская книжка «Душеполезного чтения».

При облачении почившего в архиерейския ризы на лице его явно для всех просияла блаженная улыбка...

Три дня стоял усопший святитель Феофан в своей маленькой домовой церкви, посвященной им празднику Богоявления, и три дня – в соборном монастырском храме, и никаких признаков тления не было замечено: почивший производил впечатление мирно и тихо спящего человека.

Только 12 января в теплом монастырском соборе состоялось торжественное отпевание святителя Феофана, совершенное Преосвященным Иеронимом, епископом Тамбовским, с сонмом духовенства и хором певчих. На отпевание собралось несметное множество народа, не помещавшегося в храме. Многие пришли с котомками за плечами за 200 и 300 верст – только бы поклониться почившему великому святителю и испросить его молитв за себя. Слышались плач и рыдания...

Но не в том задача настоящего нашего очерка, чтобы дать исчерпывающую характеристику замечательной личности, жизни и трудов этого дивного столпа нашей Российской Церкви за последнее время, а в том, чтобы обрисовать его, как пророка Божия, посланного русскому народу перед наступлением грозных времен, как провозвестника кары Божией русскому народу за его измену своему призванию, за его богоотступничество, за попрание им св. Православия, за отход от священных заветов своего Просветителя св. равноапостольного кн. Владимира.

Дабы понять и оценить во всей силе значение Преосвященного Феофана для русского народа, верным сыном которого он являлся, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на то, что представляло собой современное ему русское общество. Оно являло собою крайне печальное зрелище. Оторвавшись, под губительным влиянием западной лжекультуры, от своего родного православного корня, оно не пришло ни к чему, не создало, да и не могло создать никаких положительных идеалов. Губительнее всего был тот глубокий разлад, та пропасть, которая образовалась между простым народом, сохранявшим еще преданность родной старине, и руководящим образованным классом, так называемой «интеллигенцией», порвавшей почти все связи с прошлым и

сделавшейся в русском народе как бы каким-то особым народом, не помнящим родства. Дабы не быть голословными, предоставим здесь говорить современному наблюдателю, так характеризующему тогдашнюю русскую жизнь:

«Современное русское общество», говорит он, «превратилось в умственную пустыню. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли, всякий живой источник вдохновения изсяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои мысли отошло в область предразсудков; никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда еще легкомыслие и невежество так беззастенчиво не выставлялось напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже и непонятые и непереваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения... Современный образованный человек потерял свое равновесие. Нигде он не находит твердой точки опоры. Среди бесконечного множества частных, у него исчез всякий общий взгляд. Никогда еще не было тако-го всеобщего шатания, такого умственного мрака. Сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью» («Наука и религия» Б. Н. Чичерин).

В религиозно-нравственной области картина современной святителю Феофану русской жизни – еще мрачнее, еще безотраднее. Безверие, нигилизм, безпринципность, отрицание каких бы то ни было религиозно-нравственных устоев, и тут же порой – нездоровое истерическое увлечение крайними сектантскими лжеучениями, спиритизмом, оккультизмом, теософией, черными мессами и т. п. – все это ясно показывало, что русское общество тяжело болеет, что оно заражено тяжелым, трудно-исцелимым недугом, что оно переживает мучительный нравственный кризис. Существо этого кризиса метко определил один из наших поэтов того времени:

«Не плоть, а Дух растлился в наши дни,
И человек отчаято тоскует;
Он к свету рвется из ночной тени
И свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и изсушен
Невыносимое он днесь выносит!..
И сознает свою гибель он,
И жаждет веры...Но о ней не просит.
(Тютчев).

«Безверие» – вот, где корень всех зол, вот, что привело образованного русского человека к этому шатанию умов и сердец, к этому гнетущему духовному кризису.

Но откуда взялось это «безверие» в русском народе, который со времен святого князя Владимира настолько воплотил в своей жизни высокие евангельские идеалы, что заслужил название «народа-Богоносца», сделался подлинно «Святою Русью», как свидетельствуют об этом беспристрастные исторические памятники?

Это «безверие» и порожденное им шатание умов и сердец было занесено к нам с Запада. Оно посеяно было у нас в результате слишком стремительного и неосторожного сближения с чуждой нам по духу, полуязыческой западно-европейской культурой. Судьбы каждого народа, как и судьбы каждого отдельного человека, несомненно – в руках Божиих. И каждый народ имеет свою особую, указанную ему Богом миссию, свое призвание. Уклонение от этой миссии неизбежно влечет за собой катастрофу, ибо никто не может безнаказанно идти против воли Божией. У русского народа была своя высокая миссия, несомненно Богом ему определенная – быть хранителем истинной веры в мире, быть светочем св. Православия для всего остального человечества. И пока русский народ сознавал величие этой своей миссии, пока он дорожил своим св. Православием, он благополучно выходил из всех постигавших его исторических потрясений. Но вот, к несчастью для русского народа, а, как мы видим теперь, и к несчастью для всего человечества, русское передовое общество в конце XVII и начале XVIII века начало резко отклоняться от предназначенного ему Богом исторического пути. Мы далеки от того, чтобы огульно осуждать все реформы императора Петра I, «прорубившего окно в Европу» и заимствовавшего с Запада много полезного для усовершенствования русской техники,

военного и корабельного дела и вообще всего того, что касается благоустройства земной жизни человека. Не сами по себе эти внешние заимствования были губительны – роковым для русского народа в ту пору оказалось его внутреннее, духовное сближение с Западом, который праздновал как раз тогда эпоху так называемого «Возрождения», то-есть отречения от последних остатков христианства, какие еще оставались в латинстве, и возвращения к идеалам язычества. Наглядным примером правильного отношения к петровским реформам должен был бы служить случай с великим нашим святителем Митрофаном Воронежским, которого очень любил и чтит сам Император Петр. Св. Митрофан с полным сочувствием относился ко многим мероприятиям Петра, но лишь до тех пор, пока они не шли вразрез с православным благочестием русского народа, не подрывали устоев св. православной веры и не разрушали той истинно христианской аскетической нравственности, в которой веками до того воспитывались все русские люди от князей и царей до последнего простолюдина. Известно, что на закладку русского флота св. Митрофан пожертвовал Имп. Петру все сбережения от архиерейских доходов в огромной по тому времени сумме 6000 рублей и затем постоянно отсылал ему новые сбережения с надписью: «на ратных». Но когда однажды Петр пригласил его к себе во дворец, он отказался войти туда, увидя перед воротами и на дворе статуи языческих божеств. Царь сильно разгневался на него за это, но святитель оставался непреклонен. И что же? Петр в конце концов уступил – приказал убрать статуи, а по кончине святителя плакал о нем и сам нес его гроб до могилы. В этом простом, но жизненном примере ясно был указан русскому человеку правый путь в отношениях с Западом: можно заимствовать с Запада все, что там действительно есть хорошего и полезного, но не забывать при этом ни с чем несравнимого превосходства сокровищ своей родной православной веры, помнить свое высокое призвание и не приобщаться чуждому нам западному духу губительной для душ противоестественной смеси извращенного христианства с возрожденным язычеством.

Но, увы! Слишком соблазнительными показались русскому человеку приманки глубоко-земной западной культуры, потакавшей всем низменным страстям и похотям падшего человека. Падать вниз, катиться по наклонной плоскости всегда легче, чем держаться на высоте своего положения, своего призвания. Вот мы и покатились!.. И хотя внешняя, чисто-земная культура у нас продолжала развиваться и совершенствоваться, – зато внутренняя культура, культура православно-христианского духа стала быстро улетучиваться. Со времен Петра мы начали заимствовать с Запада и пересаживать на благодарную, черноземную русскую почву все, что попало, без всякого разбора. «Все хорошо, что не наше» – стало лозунгом русского общества XVIII века, а наше исконное родное, вплоть до святынь нашей веры, оплевывалось и высмеивалось, – в крайнем случае признавалось законным достоянием «мужика», который стал каким-то низшим существом, представителем какой-то особой, отсталой расы русского народа. В этом диком увлечении всем западным дошли наконец до такого сумасбродства, что презрели даже свой родной русский язык. Французский язык оказался почему-то лучше, прекраснее, благороднее, выразительнее нашего родного русского языка, а самыми лучшими воспитателями и желаннейшими наставниками и учителями русского молодого поколения сделались французские лакеи, дворники, горничные, парикмахеры, по большей части, до мозга костей глубоко развращенные, и наше юношество так же глубоко развращавшие, учившие его безверию, нигилизму и разврату. Вместо святоотеческих творений, которые были любимым чтением наших благочестивых предков, русские нравственные уроды XVIII-го века зачитывались пошлыми и гнусными французскими романами, пропитанными все тем же духом безверия, пошлости, безстыдного цинизма и всякой нравственной нечистоты. Всякое новое веяние, всякое новое течение в развращенной лже-культурной жизни Запада сейчас же раболепно и подобоострастно у нас подхватывалось, всячески распространялось, прививалось и насаждалось, как верх «культурных достижений» человечества. Особенно

губительными для нас оказались плоды посеянных у нас в эпоху императрицы Екатерины II идей французской, так называемой «просветительной» философии XVIII-го века. Безбожные и революционные идеи, под впечатлением только что разразившейся Великой Французской Революции, настолько захватили тогда русское общество, что вызвали серьезное беспокойство даже в наших весьма либеральных правительственных кругах. Посеянная зараза, поскольку ей не было оказано с самого начала решительного противодействия, не могла не распространяться все шире и шире. Нисколько неудивительно поэтому возникновение всевозможных тайных революционных кружков и движение декабристов в начале следующего XIX-го века. Весь XIX век проходит под знаменем дальнейшего импорта с Запада всех возникавших там безбожных материалистических и революционных учений и течений, вплоть до пресловутого марксизма-коммунизма, окончательно сгубившего нашу несчастную Родину.

Конечно, все это происходило не случайно, не делалось само собой. Особая темная сила, которым ненавистна была наша Родина, как оплот истинной веры на земле, веры Православной, систематически работали над тем, чтобы развратить наши молодые поколения и сделать Святую Русь жребием сатаны. Но досадно и до глубины души больно за тех наивных и неразумных русских людей, которые и тогда не понимали, да и теперь еще не понимают, кто, как и зачем толкал русский народ в пропасть безверия и разврата. Ну, вот и докатились, наконец, до страшной кровавой бездны, до жуткого коммунистического ада, который готовится теперь поглотить уже весь мир. Не время ли, не пора ли, хотя теперь, прозреть всем и каждому?!..

И в этом отношении необыкновенно драгоценны и поучительны для нас творения великого нашего светильника и наставника Преосвященного Епископа Феофана Затворника. Истинное значение его, как пророка Божия, посланного русскому народу для того, чтобы призвать его к покаянию и обращению к Богу, до сих пор еще по достоинству не оценено. Ведь он, находясь в глубине своего затвора, еще в 60–70 годах прошлого

столетия прозревал духом своим то страшное бедствие, которое надвигалось на неустоявший в верности своему св. Православию русский народ, предощущал ту жуткую кровавую бездну, в которую он катился. Прозревал духом, скорбел, ужасался, отечески вразумлял, умолял, предостерегал. Все его проповеди и письма в той или иной мере отражают эту скорбь великого святителя о неразумных увлечениях современных ему русских людей, а некоторые яркими штрихами и совершенно открыто изображают черты приближающегося бедствия. Замечательно, что он говорил и писал об этом так решительно еще в 60–70 гг. прошлого века. То, что для многих стало ясно в годы, непосредственно предшествовавшие нашей несчастной революции, далеко не было и не могло быть ясным для всех в те, еще столь отдаленные годы прошлого столетия. Но великий святитель Божий все это провидел своими Богоозаренными прозорливыми очами и грозно предостерегал русский народ о неизбежно ожидающей его каре Божией. К убеждению в неизбежности ее приводили его прежде всего собственные наблюдения над современными ему русскими людьми. Вот как пишет он, например, в одном из писем:

«Знаете ли, какая у меня безотрадная мысль? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу вольтериане, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и к Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что **через поколение, много через два, изсякнет наше православие**».

Эти «безотрадная мысль» не ввергают, однако, святителя Феофана в уныние и отчаяние. Он находит еще возможным бороться с этим религиозно-нравственным разложением русского общества его времени. И как истинный служитель Божий, горячо призывает всех, кто к тому способен, не сидеть

сложив руки, но начать решительную борьбу с надвигающейся на русский народ смертельной опасностью.

«Чтож? Сидеть, поджавши руки?» пишет он далее: «Нет! надо что-нибудь делать! злые начала вошли в науки и в жизнь; у нас нет книг, читая которые можно бы образумиться тем кои еще способны к образумлению... Нужны жаркия книги, защитительныя против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать» (Письма о христ. жизни, стр. 78).

В первую очередь к священной борьбе за спасение русского народа святитель Феофан призывал пастырей. Неустанной пастырской проповеди он придавал громадное значение и горячо звал пастырство не умолкать в проповеди Слова Божия, разъясняя верующим истины Христовой веры и безмерное превосходство Православия над всеми другими исповеданиями, всех привлекая и словом и примером на путь истинной благочестивой христианской жизни.

«Молчащее пастырство, что за пастырство?» говорит он и советует священнику регулярно собирать детей в церковь и на дом по воскресным вечерам или «когда и как будет удобнее», чтобы «юное народившееся поколение, с первых сознательных лет, готовить, толкуя и разъясняя им истины нашей веры, что нужно и можно им знать».

«Первым делом своей совести», говорит дальше святитель Феофан, «священник должен считать проповедывание Слова Божия, наставление и усовершенствование, как взрослых, так и детей в ведении христианской веры» («Мысли на каждый день года», стр. 247).

Положение пастыря-священника стало особенно ответственным, вследствие того, что на русской земле все более и более распространяются всевозможныя ложныя учения, противныя Слову Божию и учению Церкви, а потому от пастыря требуются большия знания, чтобы уберечь свою паству от увлечения ими.

«Каких-каких у нас не ходит учений и в школах, и в обществе, и в литературе!» горестно восклицает святитель: «Священник и должен уметь все это разъяснять и давать решение на все, ибо «говор ученых похож на молву и моду:

ныне одно, завтра другое», – ты же внимай одному глаголу Божию, пребывающему во веки».

Наблюдая все усиливающееся богоотступничество в русском народе, постепенный отход от веры и Церкви, святитель Феофан приходит к печальному заключению о неизбежности кары Божией над русским народом и притом именно в форме кровавой революции, на что он весьма прозрачно намекает в целом ряде своих «Мыслей на каждый день года» и во многих проповедях.

«Поднялось скрытое гонение на христианство, которое стало прорываться и явно, как недавно в Париже. Что там сделалось в малом объеме, того надобно ожидать со временем в больших размерах... Спаси нас, Господи!» (стр. 225–226). Здесь замечательное предвидение того, что революция в России будет еще хуже французской.

«Господь много знамений показал в Капернауме, Вифсаиде и Хоразине; между тем, число уверовавших не соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города, и присудил, что в день суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содому и Гоморре, нежели городам тем. По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россией, избавляя ее от врагов сильнейших, и покоряя ей народы! Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанная знамения, – в св. мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И, однакож, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм и геологические бредни с Божественным Откровением. Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образуемся? И будет, наконец, тоже и у нас, что, например, у французов и других... А, если это будет, что думаете будет нам за то в день судный, после таких Божиих к нам милостей? Господи! спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и належащего прещения!» (стр. 187–188).

Как это ясно видно, в вышеприведенных словах святитель Феофан достаточно понятным для всех языком предрекает, что неминуемым последствием уклонения русских людей от веры и усиления в их среде зловерия и неверия, явится подобная той, что была у «французов и у других» страшная кровавая бойня самоистребления, называемая революцией.

В чем же видит богомудрый святитель причину этого все растущего зловерия и неверия, грозящих нам такой страшной катастрофой?

Во многих местах своих творений он ясно и определенно указывает причину этого в нашем неразумном увлечении чуждой нам по духу полуязыческой, отрекшейся от Христа культурой Запада.

«Западом и наказывал и накажет нас Господь», так грозно предрекает святитель: «а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Посли свет Твой и истину Твою!» (Письма о христ. жизни, стр. 70).

Но где нам было понимать это так, как понимал это он? Ведь все, приходившее с Запада, представлялось нам тогда идеалом подлинного просвещения, а свет евангельской истины многие обезумевшие русские люди не устрашались кощунственно именовать «мракобесием».

Указывает святитель Феофан и на зловерное влияние современной ему русской литературы, утратившей в большинстве произведений к тому времени свой идеальный характер и национальный русский дух и сделавшейся проводником в обществе все тех же разрушительных западных идей.

«Другая злая вещь у нас», пишет он в том же письме, «наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймется» (стр. 70).

Имея в виду нелепую и смешную, но в то же время и глубоко зловерную, французоманию, которой болело наше интеллигентное общество во второй половине XVIII-го и в начале XIX-го века, вплоть до так называемой Отечественной

войны с Наполеоном и его полчищами, святитель Феофан посвящает и ей несколько слов в своем поучении на праздник Рождества Христова, когда праздновалось у нас «Избавление России от нашествия галлов и с ними двадцати язык».

«Нас увлекает просвещенная Европа», говорит он: «да, там впервые возстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли оне и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? – Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее...».

А дальше пророчески грозит и предрекает:

«...А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это – не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает» (Мысли, стр. 461).

Нет сомнения, что под этими «мерзостями языческими», возстановленными в Западной Европе, святитель Феофан подразумевал эпоху так называемого «Возрождения», или «гуманизма», которая характеризовалась отречением культурной жизни Запада от христианства и возвращением к идеалам язычества. В вышеприведенных словах святитель, как мы видим, резко осуждает наше неразумное увлечение этой полу-языческой западной культурой, и в особенности – французоманию, доходившую до презрения к своему родному языку и замены его французским. И это страшное, можно сказать, стихийное нашествие на нас французов и с ними других европейских народов («двадцати язык») в 1812 году было, по мысли святителя Феофана, ничем иным, как целительным средством, которое употребил Господь для того, чтобы мы прозрели и воочию увидели чего стоит эта мнимая западная «культура». Когда в Отечественную войну французы, столь

обаятельные и галантные в светских салонах, обнаружили все свое внутреннее безстыдство, «буйство» и «зверонравность», храмы Божии не постыдились обратить в конюшни и надругались над нашими святынями, тогда только познали мы истинную цену той лже-культуры, которой так безразсудно прежде увлекались. В итоге Отечественной войны мы, казалось, радикально излечились от «французской жизни»: «покаялась тогда Россия», говорит святитель Феофан, «и Бог помиловал ее».

Но вскоре стало ясно, что урока этого все же было недостаточно. Слишком глубоко «завязли мы в грязи западной», слишком привлекательной казалась «гуманистическая» западная культура, поставившая на место Бога самого человека, угождавшая и льстившая всем низменным страстям и похотям человека, «человека душевного, не имеющего духа» (Иуд. 19 ст.). И вот, по словам святителя Феофана, «стал забываться тот урок», который был дан нам в промыслительном нашествии французов. Снова началось увлечение всякими вольнодумными, безбожными, материалистическими теориями, порожденными на отвергшем Бога Западе, снова самозванные западные учителя и наставники безверия, нигилизма и разврата стали у нас желанными гостями и даже кумирами, перед которыми благоговейно преклонялось наше интеллигентное общество, а особенно – несчастное, сбитое с толку учащееся юношество.

«Горько, горько то», пишет по этому поводу в одном из своих писем святитель Феофан, «что творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли. Философския воззрения не в ходу, руководятся ветром навеваемыми началами. Святая вера отодвинута на задний план. И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного, и все смеются. И Господь, кажется, отвратил очи Свои от нас и не посылает делателей. Сколько раз я порывался кричать, но ничего не идет из головы. Может быть, и другие то же испытывают. Не оставление ли это Божие? Боже, милостив буди!» (Собрание писем, вып. VII, стр. 206).

«Следует наказать нас», пишет святитель в другом письме: «пошли хулы на Бога и дела Его гласные. Некто писала мне, что в какой-то газете «Свет» № 88 напечатаны хулы на Божию Матерь. Матерь Божия отвратилась от нас, ради Ея и Сын Божий, а Его ради Бог Отец и Дух Божий. Кто же за нас, когда Бог против нас?! Увы!» (там же).

Замечательно, что сам святитель Феофан – кротчайший, благоднейший и любвеобильнейший, был немилосердно суров и беспощадно строг ко всем сеятелям безверия и нечестия, увлекавшим Россию в бездну гибели. Говорят, что одной из причин ухода его с епископской кафедры в затвор была именно необыкновенная, голубиная его кротость, мешавшая ему делать необходимые выговоры и замечания неисправным подчиненным. И вот такой кротчайший святитель со всей беспощадной суровостью обрушивается в своих письмах на распространителей материалистических воззрений в России и требует запретить им их разлагающую работу... под угрозой смертной казни!

«У вас там», пишет он, «и всюду охают и охают. Беда! беда! и беда видна. Но никому в голову не приходит – загородить и завалить источник беды. Как шла французская революция? Сначала распространились материалистические воззрения. Они пошатнули и христианские и общерелигиозные убеждения. Пошло повальное неверие: Бога нет; человек – ком грязи; за гробом нечего ждать. Несмотря однако на то, что ком грязи можно бы всем топтать», справедливо иронизирует святитель, «у них выходило: не замай! не тронь! дай свободу! И дали! Начались требования – инде разумные, далее полуумные, там безумные. И пошло все вверх дном».

«Что у нас? У нас материалистические воззрения все более и более приобретают вес и обобщаются. Силы еще не взяли, а берут. Неверие и безнравственность тоже расширяются. Требование свободы и самоуправства – выражается свободно». И вот «выходит», уже прямо и открыто предрекает святитель, «что и мы на пути к революции. Как же быть?» И Богоозаренный святитель, прозревая духом все те бесчисленные кровавые ужасы, которые в результате укрепления этих

материалистических воззрений постигли нашу несчастную Родину, предлагает самые решительные, радикальные меры, к которым у нас в свое время не захотели прибегнуть. «Надо», говорит он, «свободу замыслов пресечь – зажать рот журналистам и газетчикам. Неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения запретить под смертной казнью. Материальные воззрения чрез школы распространяются. Лапласовская теория самообразования мира с прибавкой Дарвиновских бредней идет в уроках. После школы и в письма она вошла... и всюду приносит плод неверия. Кто виноват в этом? Правительство. Оно позволило. Следовательно, кому следует все это пресечь? Правительству». (Собрание писем, вып. VII, стр. 142–143). Интересно, что в этом обвинении нашего правительства в слабости и недостаточной решительности в борьбе со все разрастающимся злом святитель Феофан, вполне сходится с другим своим великим современником – приснопамятным отцом Иоанном Кронштадтским, который также неоднократно упрекал наше царское правительство за то, что оно не принимает достаточно решительных и суровых мер к пресечению зла, влекущего русский народ в погибель. Оба этих великих духоносных мужа, несших подлинно пророческое служение для спасения гибнущего русского народа, горячо призывали русский народ к покаянию, стремясь поднять русский народ из той страшной бездны падения, в которую он опускался, но тщетно.

Рисуя в одной из своих замечательных проповедей мрачную картину широкого распространения на нашей Родине зловредных материалистических идей, занесенных к нам с давно отрекшегося от Христа под влиянием «гуманизма» Запада, святитель Феофан делает логичный вывод:

«Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осмнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобная бывают и следствия!» (Слова на торжественные дни, стр. 187). «Воды потопного нечестия устремляются на нас и готовы поглотить всех нас», и все это потому, что «ныне начинает господствовать водворяться среди нас **дух мира**, тот дух, который побежден

Господом Иисусом Христом и должен быть побеждаем силою Его и чрез нас» (там же, стр. 262).

«Не подумал бы кто», говорит далее святитель Феофан: «что, говоря так, мы устрашаем вас призраками, подставляем небывалая опасности, указываем врага, сильного, может быть, где-нибудь в другом месте, но не у нас. Дал бы Бог, чтобы это было так! И да удалится от нас пагубный дух на край света, и да не помянется имя его среди нас!»

«Но посмотрите, что делается вокруг, и увидите, что **враг лицом к лицу предстоит нам**, уже врывается в ряды воинства нашего и производит в нем сильное смятение и опустошение».

И далее святитель по пунктам дает живую характеристику этого злого **духа мира**, начавшего преобладать в нашей русской жизни.

«Ибо, что такое есть «дух мира»?

1. Дух мира есть дух вражды на Бога...

Вкусившие духа мира о Боге и вещах божественных не помышляют, не говорят, не пишут; а живут так, как бы не было Бога: у них почитается даже неприличным поминать об этом в кругу своем. Есть между ними класс людей с очищенными, как они говорят, понятиями, которые не считают зазорным при случае отпустить острое словцо на счет святых убеждений наших и дел благочестия, которые каждый месяц выпускают в печать огромные томы, читаемые десятками тысяч, где о всем разсуждают, кроме Бога, все решают без участия Высшей Силы Премудрой и Благой и на все решаются, не чувствуя нужды в Божественном содействии и в молитвенном к Богу обращении, где, если по страху, не изрыгают открыто хульного неверия и безбожия, то не боятся разными изворотами речей вливать яд сомнения и колебания в веру в неопытные души. Дивно ли, что среди них распространяется холодность к вере и св. Церкви, небрежение о св. уставах ея, отчуждение от них, желание отменить и уничтожить их, потому только, что они так сильно возвещают о Боге и будущей жизни.

2. Дух мира есть дух взаимного между людьми охлаждения, разделения и враждования, в противоположность искреннему и глубокому единению,

долженствующему царствовать между истинными христианами. Когда кто, увлекшись духом мира, отпадает умом и сердцем от Бога, то естественно останавливается на себе самом и, поставляя себя целью, все окружающее – и вещи и лица обращает в средство для своих целей. Себялюбие (эгоизм) есть источное начало жизни по духу мира...

И вот вы видите, что и у нас, среди тех, кои увлечены духом мира, распространяется взаимная холодность, изсякает братская любовь, начинают разделяться муж с женой, дети с родителями, дома подкапываются под дома, роды под роды, и сословия вооружаются против сословий: – миряне хладеют к духовенству, низшие классы к высшим, светско-ученые к духовно-ученым и обратно... всюду проходит разделение... Господи! Это ли ученики Твои, к которым сказал Ты: «О сем уведят, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою!»

3. Дух мира есть дух всесторонних похотствований... ибо «все еже в мире, похоть плоти, похоть очес и гордость житейская» (1Иоан. 2, 15–16), говорит Апостол. И вот у нас повсюду открыты гульбища, зрелища, театры, музыкальные вечера, домашния представления, живыя картины, концерты, балы, фейерверки, увеселительные сады, куда всех приглашают без различия пола и возраста без различия воскресных дней, праздников и постов. Сотни рук заняты описанием и живописным изображением всего этого, в сотнях листов, газет и журналов, где наперерыв стараются представить все это в самых привлекательных и обольстительных красках. Все это пред очами нашими. Видите ли, как одолевает нас дух мира и, совлекая с нас целомудренную одежду жития Христианского, облекает в срамныя рубища похотливых дел и обычаев...

4. Дух мира наконец, есть дух гонения и преследования всего святого, небесного и божественного. Враждующий на Бога мир не может терпеть ничего, что носит печать Божественного происхождения и напоминает о Боге: потому теснит и гонит из своей области дела веры и благочестия... Гонение на дела веры – в православном царстве!! Удивительно;

однакож **это так есть...** Есть лица, которые стыдятся в храм Божий ходить... держать себя, как прилично Христианину. Гонитель невидим, но гонение видимо; и всеми испытывается... И вот все, по магическому слову: «что скажут», не зная, кто и что скажет, – **бояться открыто обнаруживать в делах святую веру свою.** А слова и дела **по духу мира** открыто являются на стогах града. **Их творить не стыдятся и не боятся**, они, как у себя дома.

Вот, братия, какая тлетворная образуется вокруг нас атмосфера!» («Слова», стр. 262–268).

В своей проповеди на день Рождения Наследника Цесаревича Николая Александровича, произнесенной 8 сентября 1863 года, святитель Феофан со скорбью констатировал:

«...Вслед за окончанием Крымской войны, (как-будто плотина какая прорвалась), широкой рекой потекли к нам западные учения о неслыханных дотоле, противных духу Христову, порядках в жизни семейной, религиозной, политической, кои гласно стали слышаться в речах и читаться в печати... Припомните историю судей Израильских. В продолжение четырехсот лет повторялся у них следующий ход событий. Как скоро отступали от правил жизни, заповеданных им Богом чрез Моисея и перенимали новыя у соседей, тотчас были предаваемы в плен сим самым учителям их. Когда каялись и возвращались к прежним нравам, Бог посылал им избавителя и освобождал их из под ига. Если снова уклонялись, – снова подпадали игу рабства; и когда исправлялись, были снова освобождаемы. Так было раз до 12-ти, – будто нарочно для того, чтобы хорошенько затвердили они, а чрез них и все, что от правил жизни, Богом преданных, уклоняться нельзя безнаказанно, что кто это делает, гнев Божий привлекает и подрывает благоденствие и независимость государства. Какого рода ни было бы сие отступление, все оно – как дело Богоборное, небезопасно. У нас, например, инде бывает, что св. постов не соблюдают, брака не считают святым и не соблюдают законов его; монашества чуждаются и хотели бы упразднить его, не святят дня Господня и св. праздников,

обращая их в гульбища, срамные утехы и прочее тому подобное. Все это не наши правила и обычаи, а от соседей наших переняты. И конечно, не пройдут нам даром, если не отстанем от них и дадим им обобщиться среди себя. Побережемся же, не прогневался бы на нас Господь и не предал бы в руки учителей наших, буиих и злонравных как и погрозил было однажды.

Нельзя не видеть, что молитвословие и церковность начали быть вытесняемы из круга жизни нашей. Многие живут и действуют так, как бы для них не было Господа и св. Церкви Его... Идут в театр, когда надо бы идти в церковь; учреждают гуляния с шумом и музыкой во время церковных служб и даже близ церкви, отвлекая от нея простодушных и развлекая в ней желающих благочествовать; торговые дни назначают в воскресные и праздничные дни, и шатаются по рынкам, когда б следовало предаваться молитве и богоугодным занятиям. Идут мимо церкви и не молятся, – от того, что не помнят о ней: голова не тем занята. Входя в дома не обращаются к иконам, не полагают крестного знамения и домохозяев приветствуют не по-христиански. Да и иконы из домов повынесли, как молокане. Есть даже такие, кои не считают долгом крестить детей своих. Много и другого дурного занято нами от соседей. Не перечислить всего. Довольно и указанных случаев, чтобы увериться, что начали прокрадываться к нам обычаи, обличающие в приемлющих их Богозабвение. **И это не пройдет нам даром».**

А в своей проповеди на день Рождения Наследника Цесаревича, произнесенной 8 сентября 1864 года, святитель Феофан изрек подлинное пророчество, которое исполнилось буквально:

«Издавна охарактеризовались у нас коренные стихии жизни русской, и так сильно и полно выражаются привычными словами: **Православие, Самодержавие и Народность**. Вот что надобно сохранять! – когда ослабнут или изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя» (там же, стр. 289).

Все предреченное Епископом Феофаном, как мы видим теперь, исполнилось. Действительно, мало-по-малу «изсякло

наше Православие». Как мало осталось среди нас людей, понимающих св. Православие, ценящих его, любящих его и свою жизнь старающихся устраивать по нему! Огромное большинство не знает, да и знать не хочет Православия, живя своей собственной, независимой от Церкви и ее уставов жизнью и руководясь полу-языческими, полу-животными идеалами «гуманизма». А те, кто по каким-то особым своим соображениям не порвали совсем с Православием, изобретают, измышляют свое собственное «нео-православие». Действительно началось сначала «скрытое», а потом и «явное гонение на христианство», достигшее столь «больших размеров», что Церковь Русская уподобилась мученической Церкви первых веков христианства.

Исполнилось и предречение свят. Феофана о том, что «вновь пошлет Господь на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления», ибо «таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему». Увлекались мы материалистическими теориями Запада, нигилизмом, марксизмом-коммунизмом – Господь и послал нам в запломбированных вагонах облюбованных нашим интеллигентным обществом вождей марксо-коммунизма Ленина и Троцкого с «товарищами», чтобы «привели они нас в чувство и поставили на путь исправления». И воть они в течение более 45-ти лет уже, в лице своих достойных преемников, «приводят нас в чувство», в целях нашего вразумления, исправления и покаянного обращения к Богу. Страждет в страшных цепях самого унижительного рабства наша Родина, обливаясь кровью и слезами, подвергается издевательствам и всяческому глумлению и поношению свято-святых души русского человека. «Вы сами этого хотели» как бы так говорит нам Господь: «получайте же желанное вами и наслаждайтесь!»

«Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему».

Не хотело правительство наше принять решительных мер: «свободу замыслов пресечь, зажать рот журналистам и газетчикам, неверие объявить государственным преступлением, материальныя воззрения запретить под смертной казнью» – вот

и дожили мы до революции, даже еще более страшной, чем революция французская, и «между нами повторился конец осмнадцатого века со всеми его ужасами». Не хранили мы «коренных стихий жизни русской» – Православия, Самодержавия и Народности, и в результате: Православие заменено у нас на Родине безбожной религией марксизма. Самодержавие – неслыханной еще в истории человечества жесточайшей тираннией, а Народность – бездушным интернационалом. И вот нет больше ни России, ни русского народа, ни нашего священного трехцветного знамени!

Из всего этого мы можем убедиться, какое подлинно-пророческое служение нес наш великий богомудрый наставник Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский, пытаюсь вразумить своим огненным словом наш несчастный русский народ в самую печальную пору его исторического бытия, когда он, словно в каком-то безумном опьянении неся, очертя голову, в разверзшуюся перед ним страшную кровавую бездну.

Объясняя нам причины постигших нас тяжких бедствий и раскрывая нам в своих вдохновенных творениях, исполненных глубокого духовного опыта, дивных возвышенных красоты духовной жизни – сокровенной жизни в Боге, – святитель Феофан всех нас, русских людей, зовет на путь покаяния и обращения к Богу от прелестей мира и греха. Буквальное исполнение пророчески предреченных им бедствий, обрушившихся на русский народ, должно со всею очевидностью убеждать нас, **что только в Боге и в руководстве учением нашей св. Православной Церкви – наше спасение.** Отношение к святителю Феофану тех или иных лиц, мнящих себя быть духовными вождями и руководителями умов и сердец русских людей, в настоящее время можно почитать безошибочным критерием их православности и духовной благонадежности. Нет другого пути ко спасению и возрождению нашей Родины, кроме единственно-верного, строго-православного пути, начертанного в творениях святителя Феофана и сродных ему по духу духоносных мужей и наставников чистого, безпримесного, святоотеческого Православия. Только твердыми вековыми устоями такого

подлинного Православия жил и жив будет православный русский народ.

† Архиепископ Аверкий.

Архиеп. Аверкий (Таушев) († 1976 г.) О положении православного христианина в современном мире.

Положение православного христианина в современном мире, можно без всякого преувеличения решительно сказать это, до крайности тяжело. Вся современная жизнь, во всех ее проявлениях, так или иначе, направлена против него. Ведь все в ней, по существу, является сплошным отрицанием истинного христианства. И если еще в апостольские времена возлюбленный ученик Христов св. Иоанн Богослов мог писать, что «весь мир лежит во зле» (1Иоан. 5, 19), то с гораздо большим правом можем мы сказать это о нашем времени. **Быть истинным православным христианином, готовым до смерти соблюсти свою верность Христу-Спасителю, в наши дни много труднее, чем в первые века христианства.** Тогда преследовали христиан враги неразумные, не ведавшие Христовой веры, имевшие о ней представления превратные, зачастую нелепые. Да и гонения эти носили по преимуществу характер внешних гонений. Не принося ущерба душе, они обрекали на муку и смерть тела первых христиан. И тогдашние христиане, хорошо помня завет Христов: **«не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить»** (Матф. 10, 28) и будучи подкрепляемы благодатью Божией, с радостью шли на муки и отдавали свою жизнь за Христа. Эти гонения не только не угашали духа, а наоборот – еще более окрыляли и возгревали его, и кровь мученическая, по меткому выражению одного из тогдашних апологетов, действительно становилась семенем христианства.

Не то теперь.

Современный мир, за некоторыми исключениями (мы имеем ввиду кровавые гонения на веру, имевшие место в Советской России), не угрожает так явно и открыто телесными муками и телесной смертью носителям Христова имени. Он даже сам, в значительной части своей, еще продолжает носить

имя «христианского», строит храмы, призывает Имя Христово, клянется на Священной Библии.

Но все это – одна видимость.

Под прикрытием этой обманчивой, многих вводящей в заблуждение, благовидной внешности, в действительности повсюду идет теперь сильнейшее скрытое гонение на христианство, проявляющееся в самых различных видах и формах. Это гонение гораздо опаснее и страшнее прежнего открытого гонения, ибо оно грозит полным опустошением душ – духовной смертью. Сейчас происходит именно то, о чем предупреждал и от чего более всего предостерегал Христос-Спаситель, увещевавший Своих последователей не бояться мук телесных, поскольку они не грозят душе: **«бойтесь более того»**, говорил Он: «кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф. 10, 28).

Что же это такое происходит в мире и как может современный мир, столько столетий, повидимому, живший в христианстве, гнать христианство?

Во всем этом нет для нас ничего неожиданного: обо всем этом мы давно предупреждены Словом Божиим. Но горе тому, кто упорно закрывает глаза на это, не желая видеть того, к чему призывает нас быть готовыми Слово Божие.

В мире, по словам св. Апостола Павла, **«деется тайна беззакония»** (2Солун. 2, 7) – происходит все усиливающийся процесс **«отступления»** христиан от Христа, процесс, который в конечном итоге своем должен привести к открытию **«человека греха, сына погибели – антихриста»** (2Солун. 2, 3). Этот страшный процесс «Отступления» за последнее время так явно и очевидно обнаруживает себя во всех сторонах жизни, что только слепой может не видеть, к чему он ведет: все совершающееся ныне в мире есть не что иное, как тщательная подготовка царства Антихриста, в которой принимают самое деятельное участие, как открыто отрекшиеся от Христа, так и продолжающие еще наружно носить имя «христиан».

Первым важным этапом на пути этого «Отступления» было отпадение от Православия латинского Запада с папским престолом во-главе. Разве не антихристово начало положено в

основу папского притязания стать непогрешимым «наместником Сына Божия» на земле? Разве не дает себя ощутить дух антихристов в этом стремлении «заместить», как бы «подменить» собою Христа для всех верующих в Него? А дух противохристианской гордыни, так очевидно приводящий к «прелести» в духовной жизни, непомерное властолюбие, жаждущее подчинить себе весь мир, – разве все это не характерные черты Антихриста?

Такое извращение духа Христова в отколовшемся от Православия западном христианстве повлекло за собой целый ряд лжеучений и страшное моральное растление. Осталась одна видимость христианства, внешность его, лишенная подлинного духа жизни во Христе.

Все это вызвало к жизни второй губительный этап «Отступления» – появление так называемого «гуманизма», породившего на Западе новую эпоху – эпоху «Возрождения». Эпоха «гуманизма», или «Возрождения», явившаяся как реакция извращенному на Западе христианству, была в сущности отречением от христианства и возвращением к идеалам язычества. Она провозгласила культ сильной, здоровой, красивой человеческой плоти, и духу Христова смирения и послушания противопоставила дух самомнения, самоуверенности и обоготворения человеческого «разума».

Как протест против извращенного христианства, на почве того же гуманистического идеала, признавшего «разум» высшим критерием жизни, явилось на Западе религиозное движение, получившее наименование «протестантизма». Протестантизм с его бесчисленными ответвлениями – всевозможными сектами не только в корне исказил все учение истинного христианства, но и отверг самый догмат Церкви, поставив самого человека высшим для себя авторитетом, и дошел даже до отрицания веры в Божество Иисуса Христа, Основателя Церкви.

Зазнавшаяся человеческая гордыня, наконец, совсем отступает от Бога, начинает дерзко отвергать даже самое бытие Божие, и человек самого себя провозглашает как бы богом. Обуянный гордыней, самомнением, уверенностью в своих неограниченных силах, возможностях и способностях, человек,

воспитанный на идеалах «Возрождения», уже не видит для себя никакой надобности в стремлении к заповеданному Евангелием духовному совершенствованию, и естественным порядком все глубже и глубже низвергается в бездну духовного падения и нравственного растрепывания. На первый план выступает служение плоти, вследствие чего духовные потребности все более и более заглушаются, подавляются и, наконец, дабы раз навсегда покончить с неприятным голосом совести, живущем в духе человека, самый дух объявляется несуществующим.

Таким образом появляется «материализм» – родное детище «гуманизма», естественное и логичное развитие его идей. Идеал сытого желудка, прикрывшись громким «ученым» наименованием «идеала социальной справедливости», «социальной правды», стал высшим идеалом человечества, отрекшегося от Христа. И это понятно! Разве мог бы возникнуть так называемый «социальный вопрос», если бы люди остались верны истинному христианству, воплощенному в жизнь?

На почве материализма, в свою очередь, уже естественно возникают, в силу прямой логической необходимости учения «социализма» и «марксизма-коммунизма». Гуманизм и материализм, отвергнувшие духовное начало в человеке, провозгласившие самого человека «богом» и тем самым узаконившие самоутверждающуюся человеческую гордыню и животный эгоизм, привели к тому, что законом человеческой жизни, на почве постоянного столкновения интересов людей-эгоистов, сделалась ожесточенная борьба. В результате этой так называемой «борьбы за существование», более сильные, более умные и хитрые, более ловкие люди естественно стали притеснять и угнетать менее сильных, менее умных и хитрых, менее ловких. Ведь закон Христов, повелевающий **«друг друга тяготы носить»** (Гал. 6, 2) и **«не себе угождать»** и **«не делать другому того, чего себе не желаешь»** (Деян. 15, 29), но **«любить ближнего своего, как самого себя»** (Матф. 22, 39), был изгнан из жизни. Поэтому-то стало все более расти и шириться тах называемое «социальное зло», увеличиваться и множиться «социальные неправды», «социальные язвы» общества. А так как жизнь делалась все более и более

невыносимой, вследствие все разраставшегося эгоизма и насилия одних людей над другими, то естественно было «что-то» придумать, дабы попытаться установить для всех одинаково сносный и приемлемый порядок жизни. И вот «социализм», а затем крайнее выражение его – «коммунизм» стали модными учениями, которые обещали людям избавление от всех «социальных неправд» и установление на земле мирного и безмятежного райского жития, при котором все были бы счастливы и довольны. Но учения эти задались целью лечить язвы человеческого общества негодными средствами. Они не хотели видеть, что зло современности коренится в самых глубинах человеческой души, отступившей от единственно-спасительного евангельского учения, и наивно думали, будто достаточно переменить несовершенный, по их мнению, государственный и общественный строй жизни, чтобы на земле сразу водворилось общее благоденствие, и жизнь сделалась раем. Для этой необходимой, как они утверждали, и благодетельной перемены наиболее крайние социалисты, как напр., коммунисты, предлагали даже насильственные меры, вплоть до пролития крови и физического уничтожения людей, с ними несогласных. Иными словами: **зло они думали победить злом же**, притом злом еще более горшим и несправедливым по своей жестокости и беспощадности.

«Великая Французская Революция», пролившая целые потоки человеческой крови, была первым их опытом. Она ясно показала, как бессильны люди устроить на земле свою жизнь без Бога, и к каким ужасным последствиям приводит человека отступление от Христа и Его спасительного учения.

Но возврата назад уже не было: процесс «Отступления» зашел уже слишком далеко.

И вот, третьим, самым важным этапом ныне столь быстро развивающегося на наших глазах «Отступления» явилась страшная кровавая катастрофа, постигшая нашу несчастную Родину-Россию в 1917 году. Разыгранная по примеру «Великой Французской Революции» 1789 года наша русская революция может, по всей справедливости, рассматриваться, как самое большое достижение слуг грядущего Антихриста. В лице

Православной России было сломлено самое главное препятствие на пути победно шествующего, попусшением Божиим, «Отступления»: не стало мощного оплота истинно-христианской веры и Церкви в мире, и Антихристу, в лице его слуг, по выражению нашего отечественного толкователя Апостольских посланий (святителя Феофана, Вышенского Затворника) стало «действовать просторно».

С тех пор, как мы это наблюдаем теперь, «Отступление» пошло вперед, уже не встречая себе серьезных преград, гигантскими шагами.

Страшная потрясения, неслыханные в истории с первых веков христианства, пережила и доселе продолжает переживать наша Русская Православная Церковь. Но не столько те кровавые гонения, которые уподобили ее первенствующей Церкви, сами по себе были страшны, сколько то внутреннее разложение, которое началось в ней, а с нею и во всей Православной Церкви после большевицкого переворота. Мы имеем ввиду тот тлетворный дух, который стал ярко обнаруживать себя, вылившись сначала в так называемое «живоцерковническое» и «обновленческое» движение, а затем – в губительное соглашательство с богоборческой коммунистической властью. **Это был дух «Отступления» в недрах самой Православной Церкви,** который породил всевозможные разделения и расколы, как там на Родине, поработенной безбожниками, так и здесь за границей. Этот дух «Отступления», конечно, гораздо опаснее и губительнее для душ, нежели открытые кровавые гонения. **Ведь это – внутренняя измена Христу-Спасителю при сохранении внешней лишь видимой верности Ему.**

Не об этом ли как раз и предрекал более 80-ти лет тому назад в своем толковательном труде на 2-е послание к Солунянам святитель Феофан Вышенский, говоря: **«Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это – только видимость, внутри же отступление истинное»** (стр. 491–492). Ведь Сам Христос в Своей Нагорной проповеди ясно сказал, что «никто не может служить двум господам» (Матф. 6, 24);

невозможно служить одновременно Богу и «маммоне», то-есть «миру сему, во зле лежащему», нельзя угождать в одно и то же время и Христу и Велиару, то-есть слугам грядущего Антихриста, в лице явной или тайной богоборческой власти (2Кор. 6, 15).

С падением Православной России действительио не стало больше **«удерживающего»** (2Солун. 2, 7), как неоднократно предрекал о том и святитель Феофан, и наш великий всероссийский праведник о. Иоанн Кронштадтский, и многие другие духоносные прозорливцы нашего времени, – и все в мире расшаталось, будучи потрясено в своих вековых устоях. Дух «Отступления» с необыкновенным цинизмом и безстыдством стал проявлять себя повсюду в мире во всех областях личной, семейной, общественной и государственной жизни, как никогда прежде. Целые миллионы людей, бывших христиан по рождению, не стыдятся теперь открыто и во всеуслышание заявлять о своем неверии и безбожии, и государственная власть официально регистрирует их, как не принадлежащих ни к какому вероисповеданию; безнравственность достигла ужасающих размеров, разврат и порнография, в большинстве случаев не только не преследуются, а даже культивируются властью имущими, вплоть до систематического развращения молодого поколения в школах; почти исчезли прежния понятия о долге, чести, благородстве и совести – на первое место ставится грубая корысть, чисто-эгоистический расчет, материальные выгоды и плотския наслаждения. Особенно горько за современную молодежь, которая совсем почти лишена духовного горения и того высокого энтузиазма жертвенного служения ближним и увлечения высокими нравственными идеями, коими отличалась прежняя молодежь. Целью жизни для многих стали лишь карьерныя стремления, хорошо обеспечивающая в материальном отношении служба, внешний комфорт и низменныя плотския наслаждения. А невероятный рост детской преступности, о котором постоянно пишут гезеты, внушает нам самыя серьезные опасения за ближайшее будущее.

Одним словом, мир, страшно сказать, **христианский мир представляет собою ныне жуткую, безотрадную картину глубочайшего религиозно-нравственного падения.**

И вот, одновременно с этим, столь резким контрастом со всею этою жуткою действительностью все чаще и чаще, все более и более настойчиво звучат многократно повторяющиеся призывы к миру и единению.

Можно ли поверить, при таких условиях, видя все происходящее, в искренность и, главное, в доброкачественность этих призывов?

Исходят эти призывы: на востоке – от богоборческой советской власти, залившей кровью нашу Родину, и от являющейся ей послушным орудием московской патриархии, по справедливости заслужившей себе наименование «советской церкви» (какое страшное сочетание слов!); на западе – от папского Рима, столь скомпрометировавшего себя в истории лукавой и антихристианской политикой порабощения инакомыслящих, и от протестантского мира, повинного в том религиозном хаосе, которым отличается нынешний мнимохристианский мир, дошедший до полного безбожия.

С целью пропаганды этого «мира» и «единения» представители богоборческой власти и их покорные слуги в рясах ездят по всему миру, сея семена лжи и пытаюсь обмануть и ввести в заблуждение наивных и доверчивых людей; с тою же сомнительною целью папский престол создал так называемый «восточный обряд» для введения в заблуждение православных, плохо знающих свою веру, а теперь объявил даже созыв «Вселенского собора», в котором все будто бы «отделившиеся братья» смогут принять участие, хотя в то же время изданная папою энциклика не оставляет сомнений в истинной цели этого «собора» – безусловном подчинении всех папской власти; не отстает от этого стремления к «миру» и «единению», сам непрестанно создававший столько разделений, в виде огромного количества сект, и протестантский мир, ныне пропагандирующий свое «экуменическое» движение, в сети которого, не без успеха, пытается завлечь православных,

главным образом из числа зараженных тлетворным духом «живоцерковничества» и «обновленчества».

Как должен отнестись ко всему этому православный христианин?

Ко всякому ли миру и единению должен он стремиться?

Всякий ли мир и единение должны быть в очах его ценными, дорогими и близкими его истинно-христианской душе?

Отнюдь нет – решительно отвечает на этот важный вопрос – вопрос христианской совести – великий вселенский учитель и святитель, столп нашей Православной веры св. Григорий Богослов. **«Не всяким миром»,** говорит он: **«надобно дорожить, ибо есть прекрасное разногласие, и самое пагубное единомыслие, но должно любить только добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом»** (Слово 6, т. 1. стр. 192).

Всего дороже для христианина **Истина**, ради свидетельства которой пришел на землю Господь Иисус Христос, как Он Сам сказал Пилату (Иоан. 18, 37). И для истинного христианина может быть только одно единение желательно – **единение в Христовой Истине** – истине неискаженной, неизвращенной, чистой истине, без всякой примеси диавольской лжи, не отравленной никаким компромиссом с нею. С этой точки зрения, неприемлемы для христианина все эти призывы к «миру» и «единению», ибо они исходят от людей, посягающих на главное сокровище наше – чистую и непорочную истину свято-хранимого нами учения Христова и желающих подменить ее ложью, которая от диавола. Замышляемое ныне врагами чистой Христовой истины «единение» это – не единение во Христе. Это то единение, которое стремится создать для себя желающий подчинить себе всех людей и основать на земле свое царство Антихрист.

Все, что происходит теперь на верхах религиозной, государственной и общественной жизни людей, с тех пор, как повержена во прах наша Православная Россия, и есть не что иное, как напряженная работа по подготовке слугами грядущего Антихриста его будущего царства.

Поэтому более, чем когда-либо в прошлом, надлежит помнить каждому желающему быть истинным христианином и до конца сохранить свою верность Христу, увещание св. Апостола: **«Блюдите, како опасно ходите: не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть»** (Ефес. 5, 15–16).

И вот, стремясь оберечь себя от тлетворного влияния современного мира, мы должны прежде всего дорожить нашей принадлежностью к Русской Зарубежной Церкви. Как должны мы благодарить Бога за то, что существует еще у нас наша Русская Зарубежная Церковь, не запятнавшая себя подчинением темным антихристовым силам, действующим в современном мире! Отдадим себе полный отчет в этом нашем спасительном преимуществе.

Великое значение Русской Зарубежной Церкви заключается в том, что она одна только является в настоящее время свободно-действующей, ни от каких богоборческих и антихристианских сил не зависящей, а потому неоспоримо законной Православной Церковью. Существование ее имеет для себя твердое каноническое обоснование в мудром указе Святейшего Патриарха **Тихона**, изданном 7/20 ноября 1920 года за № 362. Этот указ имел ввиду организацию особого Высшего Церковного Управления для всех тех частей Российской Православной Церкви, которая окажутся «вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением» или «если само Высшее Церковное Управление во-главе с Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность». Законно-избранное на последнем свободно-созванном Всероссийском Церковном Соборе 1917 года Высшее Церковное Управление в России, вследствие жестокого гонения со стороны большевиков, прекратило свое существование, а потому вполне естественно и законно то, что наша церковная жизнь за границей руководится с тех пор особой, временно-самостоятельной Высшей Церковной Властью, находящейся на свободе, вне всякого подчинения богоборцам, овладевшим нашей Родиной и ставящим себе открытой задачей уничтожение не только Церкви и самого христианства, но и всякой религии вообще. Единая

соборно-управляющаяся Русская Зарубежная Церковь и должна поэтому существовать до той поры, пока не будет в России избрано законным путем Высшее Церковное Управление, свободное от всякого порабощения и давления врагов нашей св. веры.

Кажется, всем разумным людям должно быть понятно, что не можем мы, желая сохранить свою верность Христу-Спасителю, подчиняться той церковной власти, которая поставлена богоборцами и которая является послушным орудием осуществления их адских планов в мире. Не можем мы находиться в какой бы то ни было зависимости и от всякой другой церковной власти за пределами нашей поработанной Родины, которая признает законным это порабощение и имеет молитвенное общение с клеветами богоборцев в лице иерархов советской церкви. Мы не смеем забывать, что **анафема**, провозглашенная Святейшим Патриархом Тихоном 19 января 1918 года на богоборческую коммунистическую власть и подтвержденная затем 28 января того же года всем Священным Собором Российской Православной Церкви, с тех пор никем не была отменена, и до сего времени тяготеет над ней и над всеми, кто ее признает законной и кто так или иначе с нею сотрудничает или поддерживает общение.

Только полное легкомыслие и крайняя безпринципность, да еще лукавое мудрование, коими так отличается нынешний век, позволяют правителям современных государств признавать законной эту подлинно-антихристову власть, а иерархам поместных православных церквей – ездить в Москву, возлагать венки на гробницы вождей воинствующего атеизма и вступать в каноническое и литургическое общение с возглавителями той церкви, которая отдала себя в услужение этой антихристовой власти.

Мы такой «высшей политики» не понимаем и не приемлем, осуждая ее со всею силою нашего внутреннего убеждения, не допускающего таких компромиссов, убеждения, основывающегося на словах св. Апостола Павла: **«Что общего у света со тьмою? какое согласие между Христом и**

Велиаром? или какое соучастие верного с неверным?» (2Кор. 6, 14–15).

Равным образом, не можем мы питать никакого доверия и к тем представителям православной церковной иерархии, которые под благовидным предлогом все того же пресловутого «мира» и «единения» вступают в учреждения и организации, враждебно-настроенные по отношению к истинному христианству – Православию, или хотя бы имеют близкое дружественное общение с ними. Решительно отмечаем мы всякое проявление духа «живоцерковничества» или «обновленчества», в какой бы форме этот зловредный дух ни проявлялся. Не может быть у нас ничего общего ни с «восточным обрядом» ни с «экуменизмом», ни с какими бы то ни было тайными обществами и организациями, сколь бы высокими лозунгами они ни прикрывались. Мы должны знать и помнить, что, по предсказанию целого ряда Свв. Отцев, писавших о последних временах, Антихрист явится в образе величайшего благодетеля и благодетеля человечества, ибо чем же иначе можно привлечь людей на свою сторону?

«Темже изыдите от среды их и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь» (Исаии 52, 11) – вот каким наставлением св. пророка, приводимым во 2 послании св. Апостола Павла к Коринфянам (6, 17) надлежит постоянно руководиться православному христианину, живущему в современном мире, так ярко отмеченном печатью «Отступления». Неусыпно бодрствуя над собою, как бы самому не оказаться увлеченным в этот стремительный поток «Отступления», современный христианин должен крепко держаться той Церкви, которая не запятнала своих риз каким-либо общением со слугами грядущего Антихриста. В настоящее время это – наша Русская Зарубежная Церковь, являющаяся единственной законной преемницей прежней дореволюционной Российской Церкви, хранительницей священных заветов просветителя русского народа св. равноапостольного великого князя Владимира, носительницей и проповедницей высокой идеи Святой Руси. Весьма характерно, что к ней так тянутся все лучшие люди из других поместных православных церквей и

даже из иноверцев, ища в ней найти спасение от века сего лукавого. А потому для нас несомненно, что эта Церковь, несмотря на все нападки, явные и тайные гонения против нея, в том или другом виде, должна и будет существовать – или до восстановления законной Высшей Церковной Власти в освобожденной от ига богоборцев России – или до конца мира сего и второго пришествия Христова.

Но, конечно, одной такой, чисто-формальной принадлежности к истинной Церкви еще недостаточно. Необходимо стараться быть живым, а не мертвым членом Церкви. Для этого нужно «оцерковить» свою личную и семейную жизнь: надо с усердием и неопустительно исполнять все церковные правила и установления, обычаи и традиции, надо всячески хранить наш исконный православный быт, не позволяя себе сливаться с окружающей иноверной средой, поддаваясь ей влиянию.

Прежде всего для сохранения подлинной живой связи с Церковью, необходимо каждому состоять членом какого-либо прихода Русской Зарубежной Церкви, самым добросовестным образом выполняя все свои приходские повинности, усердно и с любовью принося, с своей стороны, посильные духовные и материальные жертвы на благо и процветание своего прихода, чувствуя и сознавая себя действительно живым членом общей церковно-приходской семьи.

Детей своих надо с самого раннего возраста обучать Закону Божию и русскому языку, воспитывая в них правильное религиозное и национальное самосознание в строго-православном русском духе, путем соответствующих бесед с ними дома, и непременно посылая их для прохождения систематического курса Закона Божия, Русского Языка и Русской Истории в церковно-приходские школы там, где они имеются, и стараясь оказывать всяческое содействие открытию и ведению таких школ там, где их нет. Необходимо твердо помнить, что забвение русского языка и разрыв вследствие того с русской культурой, которая основана на св. Православии, неизбежно ведет и к отпадению от Православной веры и Церкви. Одновременно надо тщательно беречь все наше

молодое поколение от того духовного растрепания, которому всюду подвергается теперь молодежь, благодаря морально-нездоровым развлечениям и непристойным безнравственным увеселениям в виде неприличных модных танцев, кино, телевидения и театров. Совершенно недопустимо, в частности, посещение представлений, на которых демонстрируются советские фильмы, всегда в том или ином виде содержащие в себе элемент злобной пропаганды, и так называемых советских «фестивалей»: надо помнить, что посещающие такого рода зрелища не только подвергаются злобному влиянию их, но и грешат тем, что поддерживают своими деньгами безбожную коммунистическую пропаганду во всем мире.

Православные русские люди, желающие быть живыми членами Русской Зарубежной Церкви, верными и преданными чадами ея, должны быть, вместе с тем, и миссионерами ея, борцами за истинную веру Христову, как среди окружающей их иноверной среды, так и среди отпавших или отпадающих от нея русских людей, забывающих свои духовные ценности и святыни, пренебрегающих правилами и установлениями св. Церкви.

Надо крепко стоять за свою веру и ни в чем не поддаваться той растлевающей душу среде, в которой приходится жить и работать. Не Церковь нашу надо «модернизировать» и «реформировать», как этого нередко требуют теперь неразумные русские люди, совершенно не отдающие себе отчета в том, чего они хотят, а самим нужно приспособлять себя и всю жизнь свою стараться принаравливать к церковным правилам, установлениям и традициям.

Сейчас время исповедничества – твердого стояния, если понадобится даже до смерти, за свою Православную веру, подвергающуюся всюду явным и тайным нападкам, притеснениям и угнетениям со стороны слуг грядущего Антихриста. А в нашей св. вере нет ничего малозначительного – все в ней, до каждой кажущейся мелочи, имеет свой смысл, свое значение, свою ценность. А потому ничем пренебрегать не следует и ни в чем нельзя делать никаких уступок или компромиссов. Каждая уступка или компромисс в вопросах

веры и церковных установлений ведет ко все большему и большему расшатыванию вековых устоев нашего св. Православия, постепенному отпадению от него и к переходу в лагерь слуг грядущего Антихриста.

Этого последнего и следует в наш век, исполненный лукавства, обмана и предательства, более всего бояться.

Надо бояться также того, от чего так тщательно предостерегает нас устами Самого Христа-Спасителя Слово Божие: **«Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими и чтобы день тот не постиг вас внезапно»** (Лук. 21, 34). Знает враг человеческого спасения, как падки люди на увлечение материальным благополучием, а потому в настоящее время слуги грядущего Антихриста стараются более всего подействовать именно на эту слабую сторону людей. Всякого рода довольство, роскошь и обилие материальных благ представляют в настоящее время самое большое и опасное искушение, которое они и стараются в своих целях широко использовать. Ведь ничто так не способствует губительной духовной слепоте, как обольщение земными благами, погоня за ними, погружение в них, услаждение ими. Эта духовная слепота мешает распознавать «знамения времен», чему учит нас Сам Христос-Спаситель, мешает давать правильную оценку всему происходящему ныне в мире – она помешает узнать и самого Антихриста, когда он придет. «Человечество, руководствующееся плотским разумом», утверждают свв. отцы: «не только не узнает Антихриста, не увидит в нем коварного врага своего, но напротив, признает его своим благодетелем и провозгласит его своим богом» (еп. Игнатий Брянчанинов).

Вот почему в нынешнее время все, желающие сохранить верность Христу-Спасителю, особенно должны беречь себя от всякого увлечения земными благами, от обольщения ими. Крайне опасно поддаваться всяким стремлениям сделать себе карьеру, создать славное имя, приобрести власть и влияние в обществе, стяжать богатства, окружить себя роскошью и комфортом. Надо бояться и бегать людей, которые предлагают помочь во всем этом, оказать свое содействие. Особенно

опасны большие денежные пожертвования со стороны неизвестных или малоизвестных лиц и организаций, ибо они всегда обязывают и так или иначе связывают. Чего не делает иной раз человек, побуждаемый чувством благодарности к своему благодетелю? – Лучше жить скромно и даже в нужде и тесноте, но лишь бы сохранить свою свободу и независимость от кого бы то ни было, помня изречение св. Апостола: **«Вы куплены дорогою ценою: не делайтесь рабами человеков»** (1Кор. 7, 23).

Страшнее всего в нынешней жизни даже не явное и ожесточенное богоборчество, которое многих от себя отталкивает, а полный религиозный индифферентизм, забвение Бога и равнодушие к вере и Церкви. Слуги Антихриста более всего стараются о том, чтобы совершенно вытеснить Бога из жизни людей, дабы люди, довольные своим материальным благополучием, не чувствовали никакой потребности обращаться к Богу в молитве, не вспоминали Бога, а жили так, как-будто Его вовсе нет. Поэтому весь уклад нынешней жизни в так называемых «свободных» странах, где нет открытого кровавого гонения на веру, где признается за каждым право веровать так, «как он хочет» представляет собою еще большую опасность для души христианина, ибо приковывает его всецело к земле, заставляя забывать о небе. Вся современная «культура», направленная на чисто-земные достижения и связанный с нею бешенный водоворот жизни, держат человека в постоянной суете и рассеянности, при коих нет для него возможности хоть сколько-нибудь углубиться в свою душу, и духовная жизнь в нем постепенно замирает.

Вот почему православный христианин, живущий в этих трудных условиях современной жизни, должен всеми силами бороться за поддержание в себе духовной жизни, а главное средство для этого – неопустительная ежедневная домашняя молитва и обязательное участие в общественной церковной молитве. Несмотря ни на какие препятствия, он должен поставить себе за правило – **непременно молиться дома утром и вечером**, хотя бы кратко, взяв себе за образец хотя бы молитвенное правило преп. Серафима для мирян, и ни в коем

случае не пропускать ни одного воскресного и праздничного богослужения в храме, не только литургию, но и всенощное бдение. С этой точки зрения, совершенно недопустимое явление, широко у нас, к сожалению, распространившееся – устраивать разного рода увеселения и развлечения как раз в кануны воскресных и праздничных дней. Это тоже несомненная уловка слуг грядущего Антихриста для того, чтобы отвлечь православных христиан от такого неопустительного посещения церковных богослужений, которое безусловно необходимо для поддержания в себе духовной жизни.

И никакие оправдания не могут тут быть приняты во внимание. Душа человека дороже всего на свете – она, по словам Христа-Спасителя, ценнее всего этого тленного мира (Матф. 16, 26), а лишенная благодати церковной молитвы она умирает. **«Христианин без церкви, как рыба без воды, не может жить истинною жизнью»**, учил приснопамятный о. Иоанн Кронштадтский: **«Церковь – его стихия»** («Мысли о Церкви» стр. 114).

Нужна правильная духовная жизнь по указаниям Св. Православной Церкви, а для этого необходимо постоянное **руководство Словом Божиим и творениями Св. Отцев**. Губительнее всего распространенная в наше время привычка искать модных учителей и следовать во всем за так называемым «общественным мнением». Все эти модные учителя суть не что иное, как те самые «лжехристы» и «лжепророки», от прельщения которых предостерегал Сам Господь Иисус Христос (Матф. 24, 4–5 и 23–25). А так называемое «общественное мнение», через прессу и иными способами, создают все те же слуги грядущего Антихриста, которые приобрели большую власть и умение действовать на умы и сердца современных людей.

Наконец, что самое важное, надо решительно оставить свойственную большинству современных людей плотскую греховную жизнь, легкомысленную и беспечную, и как можно чаще очищая свою душу искренним покаянием, всей душой стремиться к соединению со Христом в величайшем христианском таинстве Причащения.

Только так живущий православный христианин сможет избежать сетей, хитроумно раскинутых повсюду слугами грядущего Антихриста. Только такой христианин будет в силах бороться за свою душу и за души близких ему людей со все больше и больше надвигающимся на мир царством тьмы, готовым уже охватить все человечество. В этой борьбе опаснее всего нерешительность, колебания и компромиссы. Самый незначительный компромисс может осложнить и сделать эту борьбу более трудной, может оказаться даже губительным.

Это – борьба не на жизнь, а на смерть.

Преступно убаюкивать себя радужными надеждами на какой-то «прогресс» человечества, на какое-то лучшее будущее здесь на земле. Это ведь и есть главное обольщение слуг Антихриста, чтобы отвлечь нас от мыслей о небе. Господь ясно сказал, что не «прогресс» нас ожидает, а все большия и большия скорби и бедствия, вследствие «умножения беззакония» и «оскудения любви», и что, когда Он придет, то едва ли найдет веру на земле (Лук. 18, 8). А слова Господа непреложны, как Он Сам торжественно засвидетельствовал: **«Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут»** (Матф. 24, 35).

О каком же «прогрессе» можно говорить?

Не о мнимом антихристовом прогрессе должен истинный христианин помышлять в наше время, а о том, как бы лучше приготовить себя к сретению Господа, грядущего судить живых и мертвых.

На это есть прямое повеление Господа.

«Бодрствуйте... будьте готовы... (Матф. 24, 42–44) будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака... блажен раб тот, которого господин его пришед найдет поступающим так» (Лук. 12, 40–43).

И наоборот: горькая участь ожидает того, кто станет убаюкивать себя, говоря: **«Не скоро придет господин мой»** (Лук. 12, 45).

Дух постоянного ожидания Второго Пришествия Христова это есть дух первохристианства, молитвенно взывавшего ко Господу: **«Ей, гряди, Господи Иисусе!»** (Апок. 22, 20). А

противоположный сему дух есть несомненно дух Антихриста, старающийся всячески отвлечь христиан от мысли о Втором Пришествии Христовом и последующем затем воздаянии. Поддающиеся сему духу подвергаются опасности – не узнать Антихриста, когда он придет, и попасть в его сети. Именно это и есть самое страшное в современном мире, исполненном всевозможных обольщений и соблазнов. Слуги Антихриста, как предупредил нас Господь, будут стараться **«прельстить, если возможно, и избранных»** (Матф. 24, 24).

Мысль об этом, однако, отнюдь не должна нас угнетать и подавлять, а наоборот – **«восклонитесь»**, говорит об этом Сам Господь: **«и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше»** (Лук. 21, 28).

Сколь ни злы и страшны слуги грядущего Антихриста, так тщательно подготовляющие ныне его пришествие, сколь ни страшен приход его самого, когда исполнятся назначенные для того сроки, но Господь наш сильнее их всех, и главное для нас это – до конца сохранить верность Господу, Который, как мы хорошо это знаем, **«убьет Антихриста духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего»** (2Солун. 2, 8).

За эту верность свою Господу мы и должны бороться всеми своими силами, хотя бы нам пришлось и жизнь свою отдать за нее. Великая, ни с чем земным несравнимая, награда ожидает нас за это. **«Будь верен до смерти»**, говорит Сам Господь: **«и дам тебе венец жизни»** (Апокалипсис 2, 10).

† Епископ Аверкий.

Н. Р. Бобров († 1970 г.) Перед лицом массового отступления.

«Как я уже и раньше многократно говорил вам и теперь говорю, уже не увещевая, а приказывая и повелевая... Если вы будете оставаться в господствующих среди вас пороках, я не потерплю вас, не допущу, не позволю вам переступить этот священный порог. Зачем мне нужно множество болящих? Двенадцать было учеников, и послушай, что говорит им Христос: «Еда и вы хотите ити (Иоан. 6, 67)». ...Но существует, скажешь, много еретических сект и переходят в них. Пустое это слово. Лучше один творящий волю Господню, нежели тысяща беззаконников (Сир. 16, 3). Ведь и ты чего желаешь, скажи мне, – иметь ли тысячи слуг, состоящих из беглых и воров, или одного благонамеренного?» (Из «Творение Свят. Отца нашего Иоанна Златоуста». С.-Петербург 1906 года).

Кто из русских православных людей не помнит на Руси своих приходских храмов, благолепно украшенных и многолетиями намоленных, будь то величественный собор или скромная на селе церковка? Кто не пережил из нас свое детство, а, многие, и годы зрелости в полной умиротворенности и безмятежной радости «прислушиваясь к священным песням своей святой матери-церкви... сладце почивая сознанием... веря не испытывая... вкушая блаженство веры полной, несомненной?» (Еписк. Никанор).

Чье сердце не сжималось от острой боли при виде... груды щебня... разрушения, осквернения и поругания родных святынь... заушения, избияния и умерщвления своих пастырей и архипастырей – стратотерпцев и мучеников? Кто не содрагался перед дьявольской дерзостью советской сатанократии: искоренить религию и испепелить храмы Божии? И, наконец, кто не знает пламенного обличения извергов рода человеческого устами первомученика Церкви Русской Православной – Святейшим Тихоном Патриархом Московским и всея России:

«Опомнитесь, безумцы, то, что творите вы, не только жестокое дело, это, поистине, дело сатанинское, за которое

подлежите вы огню геенскому в жизни будущей-загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей-земной.

Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только вы носите еще имена христианския и хотя по рождению своему принадлежите к церкви православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад православной церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое либо общение: «измите злого от вас самих» (1Кор. 5, 13,).

А вы, братие архипастыри и пастыри, с пламенной ревностью зовите чада ваших на защиту попираемых ныне прав церкви православной... Зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления...».

Не долго царило, носле смерти Святейшего патриарха Тихона, благодатное для гонимой русской православной церкви... «тихоновское время».

Последующие возглавители ея оказались лишенными благодати «по-тихоновски» защищать церковную ограду от проникновения туда агентов власти сатанинской.

Измалодушествовавшиися и увлеченные мечтательством возможного мирного «сосуществования» церкви Христовой со слугами сатаны, эти возглавители, в лице митр. Сергия, заключили предательский для церкви и ея первомучеников... «конкордат» с безбожниками-коммунистами и тем самым породили несуразное чудовище: «церковь»-советскую, или точнее, «церковь-блудницу», вступившую в союз с «красным зверем» и сделавшейся с тх пор соучастницей советской власти за все преступления в отношении преследования веры и истинной церкви з России.

Страшно, жутко и больно за подневольных братьев наших, даже в «последнем своем убежище», безстыдно предаваемых дьяволу советскими «иерархами-иудами»...

А еще страшнее за подлинную сущность современной «советской церкви», которую с исповедническим дерзновением

предвещал еще при лжепатриархе Сергии истинный столп православия епископ Дамаскин (Глуховской).

«...С высоты последнего прибежища отвергнутой миром правды, с высоты амвона зазвучат слова лицемерия, человекоугодничества и клеветы... и там, где мерцал светом не вечерним Образ Воплощенной Истины, смеется в отвратительной гримасе личина отца лжи... все ложь, ложь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство...».

Никто из православных русских людей не может нарушить прещения Святейшего патриарха Тихона: «не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение», а, тем более, архипастыри и пастыри, не смеют ослушаться завета Святейшего: «звать с пламенной ревностью» чад своих «на защиту попираемых прав церкви православной», ибо и тем и другим следует не забывать, что «анафема, провозглашенная Святейшим патриархом Тихоном 19 января 1918 года на богоборческую коммунистическую власть и подтвержденная 28 января того же года Священным Собором Российской Православной Церкви, никем не была отменена, и до сего времени тяготеет над ней и над всеми, кто ее признает законной и кто, так или иначе, с нею сотрудничает или поддерживает общение». (Епископ Аверкий).

Тяготеет эта анафема Святейшего особенно на зарубежных «церковных образованиях», пусть и самозванных, в порядке бунтарского акта созданных, но действующих для соблазна верующих, под прикрытием восьмиконечного православного креста. Тяготеет постольку, поскольку общение со слугами сатаны, создано на добровольных началах и вполне сознательно. И от анафемы этой не спасет никакая цирковая эквилибристика с поминовением советского лжепатриарха, применяемая из опасения: откровенностью «навлечь на себя подозрение в нелояльности». (См. «Послание собора епископов православной церкви за рубежом о церковных разделениях»).

Ложь эта, умышленно введенная в закордонных антицерковных образованиях, и есть одна из отличительных свойств всякой антицеркви, близко роднящей ее с лжецерковью советской.

Ни одна область человеческих образований так не обезличивается, так не погрязает в тине произвола и беззакония, вплоть до самоуничтожения, как именно самовольно произвольные «церковные организации».

В окружном послании четырех восточных патриархов 1848 года Анфима Константинопольского, Иерофея Александрийского, Мефодия Антиохийского и Кирилла Иерусалимского, среди прочего, записано следующее:

«Вера наша получила начало не от человека и не через человека, но через откровение Иисуса Христа, которое проповедывали божественные апостолы, утвердили св. Вселенские Соборы, предали по преемству великие мудрые учителя вселенной и запечатлели своей кровью мученики... все новшествовавшие, еретики то или раскольники, добровольно облекошася в клятву, яко в ризу (Псал. 108, 18), хотя бы то были папы, хотя бы патриархи, хотя бы клирики, хотя бы миряне, аще бы и ангел с небесе – анафема ему...».

Св. Иоанн Златоуст поучает: «Разум, непокорный догматам церкви и учению св. отцов, поселяет раздоры между христианами и рождает многочисленные ереси и расколы. Поэтому, кто хочет быть истинным сыном православной церкви, пусть укротит непокорство разума церковными правилами своей матери церкви». (Беседы на 1-е послание Коринф. 11, 1).

Епископ Никодим Далматинско-Истрийский в своем толковании 21 правила Гангрского Поместного Собора 340 года говорит: «отцы сего Собора постановили, что необходимо охранять святую церковь от новшеств и заботиться о том, чтобы все предписанное свящ. писанием и апостольским преданием, оставалось в нем святым, ненарушимым, потому что, в противном случае, откроется путь религиозным обществам, которые не могут называться церковью».

Из приведенных только немногих из всей подобной массы поучений, постановлений и наставлений отцов и учителей Церкви с убедительной ясностью следует, что:

1. «Истинная церковь, как создание Божие, есть одна единственная, в которой только и пребывает источник жизни – Дух Святой... соединяющий всех верующих в одно церковное

тело тем, что «вливают в сердца любовь» и дарует членам церкви благодать творить всякую добродетель.

2. Еретики и раскольники, вышедшие из состава истинной церкви, создать свою собственную вторую «истинную церковь» не могут, а то, что они называют «церковью» есть ничто иное, как произвольное «религиозное образование» раскольников или еретиков.

3. В грехе нарушения единства церкви, или, что то-же, в «грехе ума» – еретик и раскольник – понятия равнозначущия и... «хотя бы то были папы, хотя бы патриархи, хотя бы клирики, хотя бы миряне, аще бы и ангел с небесе – анафема ему».

Пристально всматриваясь в современные нам антицерковные образования, будь то еретики, раскольники или богоборцы, физически разобщенные, но «духовно» друг с другом спаянные в своем противочерковном умопостроении, не можем не заметить, отсутствия у всех признаков моральной устойчивости, так характерных для категорий «религиозных праздношатаев».

Вот несколько ярких зарисовок, характерных для аморального... «церковничества»:

1. В «Голосе православия» (орган прав. церкви в Чехословакии) за апрель 1953 года читаем следующую хроникерскую заметку:

«Отдать последнюю честь И. В. Сталину, прах которого был выставлен в колонном зале Дома Союзов в Москве прибыла также делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом д-ром Николаем. На траурных лентах возложенного венка была надпись: «Иосифу Виссарионовичу Сталину от Русской Православной Церкви»...

Его Блаженство митр. Елевферий Пражский и всея Чехословакии получил от патриарха Московского и всея Руси Святейшего Алексея нижеследующее письмо: «Ваше Блаженство! Сердечно тронут выраженным вами соболезнованием по случаю кончины Иосифа Виссарионовича Сталина. Для нас незабвенно его постоянно доброе, участливое и благожелательное отношение к нуждам церковным и Русская

Православная Церковь всегда будет вспоминать его с искренней любовью и благодарностью. Патр. Алексей».

2. Последний (февральский) номер «The Orthodox Observer» на обложке поместил фотоснимок патриарха Константинопольского Афинагора и Московского Алексея в их совместном служении и заметку «Русский Патриарх в Фанаре», заканчивающуюся так: «мы не должны забывать, что... мученица русская церковь является предметом контроля и управления коммунистического режима». («Прав. Русь», № 5, 1961 г.)

В августовском номере органа греческой церкви в Америке «The Orthodox Observer» находим редакционное сообщение о междюрисдикционном совещании, мартовском и июньском, созванном в Н. Йорке организатором православно-экуменического начинания греческим архиеп. Иаковом – ставленником патр. Афинагора. Среди, так называемого, «епископата», принимавшего участие в этих совещаниях, находим... «митрополита» Бориса – «Патриархального Экзархата Православной Кафолической Церкви в Америке. Оглашен и любопытный документ: положение о постоянном органе... некоем временном Синоде, имеющем блюсти задачу единения... Решения Синода принимаются большинством третей. По поводу этого невероятного события, предоставим слово редакции «Православной Руси», ном. 18 за 1961 г.

«Личный состав сообщается – общий для обоих совещаний, причем указаны только епископы, с умолчанием обо всех участниках, не достигших епископского сана. Состав таков: архиеп. Иаков, председатель, еп. Иоанн Санфранциский, митр. Антоний Башир, еп. Богдан от украинской церкви в Америке, архиеп. Полладий от украинской церкви, еп. Андрей Молдаван от румынской канонической миссионерской церкви в Америке, еп. Марк Липа от Албанской церкви в Америке, митр. Андрей от Болгарской епархии Сев. и Южн. Америки и Австралии, еп. Дионисий от Сербской вост.-прав. епархии США и Канады... представлен был также патриархальный Экзарх Русской Православной Кафолической Церкви в Америке митр. Борисом.

Зловещая значительность всего нам официально сообщаемого органом греческой церкви двояка. С одной стороны, фактом является отныне включение равноправное (фактически силой вещей руководящее) советской церкви в состав свободного православия. С другой стороны, делается это применительно к чему то совершенно новому, опрокидывающему самое понятие церкви. Образуется сговором отдельных церковных тел, произвольно возникших, или несамостоятельных, новое церковное тело, по территориальному признаку, на демократических началах. Это самочинно возникшее тело церковное образует свои органы, решая возникающие вопросы большинством голосов – вне учета истинных церквей, поместных, в своем целом образующих Церковь, провозглашенную Символом Веры.

Догмат церкви не идейно только, но и организационно УПРАЗДНЯЕТСЯ. Есть о чем плакать Божией Матери. Но нельзя представить, чтобы без реакции со стороны, неподменного церковного сознания прошло все это. Зреют события».

В докладе своем на 13-м Епархиальном Собрании Зарубежной Русской Православной Церкви, о. Константин открыто говорит об этих «зловещих явлениях растущего отступления»:

«Самый большой сдвиг наблюдается в секторе свободного православия. Язык прилипает к гортани, и не знаешь чему отдать предпочтение в обнаруженных «достижениях». Уверенной становится устремленность к Москве. Лихорадочную деятельность развивает патр. Афинагор, а за ним следуют и другие. И такая чувствуется спешка, такая плановость действий, будто задание какое то выполняется срочное. Создается православный экуменизм... курс решительно, под водительством патр. Афинагора, принят на Москву.. Это ли не прямой тракт к антихристу?

Неужели нет сопротивления этой нечисти? Есть. Она чувствуется в католических кругах... более отчетлива реакция протестантизма... но не проявляется она во вне сколько нибудь заметно в православии. Зато Матерь Божия вмешалась. Слезы потекли из Ея очей во вразумление православного народа».

Ушедший 22 апреля 1961 года от нас в мир иной на 90-м году своей жизни один из старейших, достойнейших и заслуженнейших священнослужителей русской зарубежной церкви протопресвитер о. Василий Боцановский по поводу слез Царицы Небесной писал:

«...Обратим внимание на то, кто плачет? Плачет Царица Небесная, плачет Мать воплотившегося Сына Божия, плачет Мать, по усыновлению свыше, всего человечества. И слезы свои Она являет нам – людям. Значит, имеется в виду наше назидание...

Обратим свой взор к церковной жизни. Здесь увидим нечто грозное. Христос создал единую Церковь. Молился Отцу Своему о единстве ея членов. Так и было при апостолах. Так было и позднее, в течение нескольких веков. В половине одиннадцатого века произошел первый отрыв от Церкви Единой Апостольской – Рима. За Римом отходит от Церкви протестантский мир – Лютер, за Лютером следуют Виглф, Цвингли, Кальвин и прочие человеки-боги, их же имена Ты веши, Господи! И так до сих пор. Дойдя до полных границ деления и видя полную утрату своего авторитета... все вожди и вождыа этого дробления пришли к мысли о необходимости объединения. Для чего? Не для того, чтобы воспринять истинную Христову Апостольскую Церковь и Ея Истину, а чтобы... привести весь безчисленный конгломерат церковных разделений к единству на основе признания того, что сейчас нет Истинной Христовой Церкви, что Она вся распылилась в безчисленных церковных делениях и что обрести ее можно только при сведении к единству всех этих безчисленных дроблений: в каждом делении есть какая то истина, но ни одна часть не обладает полнотою Церковной Истины. Проще: Церкви Христовой нет. Она распылилась во всех своих делениях. Имеются какия то крохи истины, но полноты церковной Истины – нет. Очевидно, врата ада оказались сильнее Церкви Христовой, и слова Христа Спасителя: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» оказались неверными. И так, теперь существует только относительная истина. Самой истины нет, ее нужно искать, а путь к этому: приведение к единству

осколков истины, разместившихся во всех, так называемых, церковных организациях.

Затея нездоровая, порочная, просто кощунственная. Она не только свидетельствует о незнании Истины, она унижает Ее, Она отрицает Ее. Новое преступление достойно слез. Есть от чего миру плакать. Плачет за него Царица Небесная. Она знает, что Бог поругаем не бывает».

Разве не кроется в этих словах русского батюшки страшная, по своим последствиям, правда, правда об апостасии нашего жуткого антиправославного времени и кто осмелился отрицать эту правду без того, чтобы сознательно не причислить себя к тем лицемерам, которых обличал Господь Своими божественными словами: «лицемеры, лицо земли и неба разсматривать умеете: зачем же вы по самим себе (по своей жизни) не судите, – чему быть должно». (Лук. 12, 56–57).

15 марта, согласно сообщения «The New York Times» от 16 марта, в Нью Йорке состоялось собрание «восточных епископов – 12 представителей восточно-православных юрисдикции США», организованное все тем же **греческим** архиеп. Иаковым, которого газета характеризует как: лидера вселенски-широкого движения (экуменического) («Прав. Русь», № 6, 1960 г.), а на следующий день, 17 марта, после этого сблища, в... **греческой** благочестивой семье, заплакала ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ.

Почему именно в **греческой** семье?

Не есть ли ответом на этот естественный вопрос, приведенные ниже факты.

Если православный архиепископ **греческий** Иаков развивает свою «объединительную деятельность в узко местном нью-йоркском масштабе, а его патрон **грек** Афинагор патриарх Константинопольский ведет такую же «работу» в «мировом масштабе», вводя православные церкви на общие пути современности», то их третий собрат **грек** Феоклит, возглавляющий в сане архиепископа, **греческую** Церковь, там, у себя на родине творит уже совсем нечто... несуразное.

«В последнем номере **греческого** еженедельника «Атланис» (17 апреля), можно прочесть поразительное

сообщение, совершенно невероятное, а, вместе с тем, абсолютно достоверное. Архиеп. Феоклит, возглавляющий **греческую** церковь, заявил печати, что **синод греческой** церкви ставит вопрос о перередактировании некоторых мест Нового Завета, **способных обидеть евреев** и порождать антисемитские настроения. («Прав. Русь», № 8 за 1961 г.).

Разве все приведенные факты из деятельности высоких иерархов **греческой** церкви, некогда подлинной колыбели Православия, не свидетельство... апостасии в православии и не являются ли эти факты достаточными, чтобы вызвать слезы на глазах Царицы Небесной. Какая более сильная реакция нужна, чтобы остановить беззаконие?

«Глядя на все то, что сейчас происходит в поместных православных церквях, – говорит преосвященный Аверкий, епископ Сиракузско-Троицкий, – на то, как иерархи их ездят на поклон в красную Москву и возлагают венки на гробницу гонителя веры и церкви, как стремятся они к слиянию с чуждыми истинному христианству группировками, под благовидным предлогом общего единения, как улетучивается в них дух подлинного православного благочестия и насаждается дух «обновленчества», как «модернизируется» у них даже весь внешний облик церковной жизни, вплоть до внутреннего оборудования храмов, наружности и поведения священнослужителей, – нельзя не вспомнить подлинно пророческих слов епископа Игнатия (Брянчанинова): «времена, чем дальше, тем тяжелее. Отступничество предсказано со «всею ясностью св. Писания и служит свидетельством того, сколько верно и истинно все, сказанное в писании. Отступление попущено Богом; не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избежать влияния его». («Прав. Русь», № 8 за 1960 год).

О. архимандрит Константин, как бы отвечая на мысль епископа Игнатия, говорит: «многое нам уже сейчас показано. Видим, как отступление охватывает все исповедания, в их руководящих крутах. Видим, как это объединение выражается в

том, что все дороги церковныя оказываются ведущими в красную Москву. В одиночестве остаемся мы. Будем являть наше трезвенное стояние в Истине, тем выполняя нашу миссию, наше послушание – все остальное сделает Сам Господь. Будем стоять в своей обособленности от мира – явно для своих и для чужих. Тогда и среди чужих найдем мы своих, а своих не отдадим чужим...

Не будем ни зазнаваться, ни робеть. Спасая свои души, послужим Родине и миру. В руках Божиих даже и наша немощь... способна обратиться в силу, меру которой Сам Господь определит...

Убоимся «обновленческого христианства», включающего в себя и коммуны. Только бы нам не дрогнуть в нашем стоянии. Пусть мы останемся одни – с нами Бог (Из доклада на 13 Епарх. Собр. 15–17 мая 1961 г.).

Первосвященитель Русской Православной Церкви Преосвященнейший Митрополит Анастасий, в своем историческом «Владимирском послании», преподает такой глубоко назидательный архипастырский призыв:

«Дадим обет хранить в чистоте свою веру и блюсти свою народность, как замысел Божий о нас, как талант, полученный нами свыше...»

А из потустороннего мира, несется горячий призыв батюшки о. Василия Боцановского:

«Русские люди, где бы вы не были, в каких бы обстоятельствах ни находились, – услыште голос старца, священнослужителя церкви. Твердо, непоколебимо стойте в вере Православной, Апостольской, Святоотеческой. В ней заключается вся Истина, возвещенная воплощенным Сыном Божиим и неповрежденно хранимая одной лишь Православной Церковью, Церковью ЕДИНОЙ, СВЯТОЙ, СОБОРНОЙ и АПОСТОЛЬСКОЙ.

Бог да хранит вас в этой Истине в наши лукавые дни и открытого и прикровенного богоборчества». («Прав. Русь», № 11 за 1960 г.). Имея уши слышати, да слышат!

Мы потеряли свою Родину – Святую Русь, когда оставили заветы Евангельского учения, увлекаясь европейскими науками

и новшествами, поправ уклады русской жизни по древне-отеческому строю.

Помыслу Божию угодно было разсеять несколько миллионов русских людей буквально по всему белу-свету с тем, чтобы в разсеянии, мы собственными ногами исходили весь земной шар, собственными ушами и глазами познали тех идолов, которым мы поклонялись до самозабвения, до самопогибели.

Нам нет надобности искать своего спасения в рабском подражании каким либо европейским формам жизни. Наше спасение не в них, а в нашей православной вере и церкви. История убеждает нас в том, что мы от Церкви получили все, мы и опять получим все, если сами от нея не отвернемся и ей не изменим. В нашей ВЕРЕ и Церкви, как в зерне, хранятся все силы, все условия нашего роста, нашего возрождения и раскрытия всех наших духовных и материальных национальных сил. А, «чтобы вера наша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Коринф. 2–4), будем непоколебимо верны своей отечественной Русской Православной Церкви Зарубежной, резко осудившей все попытки заграничных «живцов-обновленцев», модернизировать по своему неразумию творение Самого Спасителя – Церковь Христову, Веру Православную.

Перед лицом массового отступления, нам, «малому стаду», нет оснований колебаться, страшиться иль приходить в уныние!

«Лучше один творящий волю Господню, нежели тысяща беззаконников (Сир. 16, 3). Ведь и ты чего желаешь, скажи мне, иметь ли тысячи слуг, состоящих из беглых и воров, или одного благонамеренного?».

Н. Бобров.

**Документальные данные о начале
раскола Русской Православной Церкви на
«Советскую» и «Катакомбную»**

1) Отложение Петроградцев. От 14–16 дек. 1927 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сие есть свидетельство совести нашея (2Кор. I, 12): непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с заместителем патриаршего Местоблюстителя – Сергием Митрополитом Нижегородским и его Синодом, и со всеми, кто единомыслен с ними. Не по гордости, – да не будет, но ради мира совести отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение и «дымное надмение мира» в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и дань смиренномудрия (из послания Африканского Собора к папе Целестину).

И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митрополита Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, никакому изменению не подлежит.

Посему, оставаясь по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви, и сохраняя апостольское преемство через патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, мы прекращаем каноническое общение с митр. Сергием и со всеми, кого он возглавляет, и впредь до суда «совершенного собора местности», т. е. с участием всех православных епископов, или открытого полного покаяния перед Святою Церковью самого митрополита, сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет – «да не преступаются правила отец... и да не утратим по малу неприметно тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь Наш Иисус Христос освободитель всех человеков» (из 8-го правила 11-го Вселенского Собора). Аминь.

Дмитрий, епископ Гдовский.

14/27 декабря, 1927 года.

2) Отложение ярославских архипастырей. От 6 февраля 1928 г.

Его Высокопреосвященству, Высопреосвященнейшему Сергию, Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Ваше Высокопреосвященство.

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917–18 гг. далеко не оправдывали Вашего стояния у кормила Высшего Управления нашею отечественною Церковью, мы – нижеподписавшиеся, Епископы Ярославской Церковной области, ради блага и мира церковного считали долгом своей совести быть в единении с Вами и в иерархическом Вам подчинении.

Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетнейших из собратий наших во Христе – Епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани – Собору, который уврачуеет живое и жизнеспособное тело церковное от постигших его, по попущению Промысла Божия, недугов и возстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветныя чаяния наши и надежды не сбылись. Мало того. Мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью чем дальше, тем в большей степени, вызывает недовольство и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата – смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю неканоничность своего единоличного управления Церковью – управления никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе «Патриарший Синод». Но ни порядок организации этого Синода, Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его, из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части

своей проявивших даже неустойчивость своих православно-церковных убеждений (отпадение в обновленчество и, один, – в раскол бегло-поповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно противоканонические.

В своем обращении к чадам Православной Церкви 29–7-1927 года, Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы ее недуги и страдания. По Вашей программе, начало духовное и Божественное в домостроительстве Церковном всецело подчиняется началу мирскому, во главу полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему ненужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важнейшего условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви ее Небесным Освободителем и присущей самой природе Ее (Церкви). Чадам Церкви и прежде всего, конечно, епископату Вы вменяете в обязанность – лояльное отношение к гражданской власти.

Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; всегда были и есть и будем честными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возвращенной Христом внутри-церковной свободы Вами широко применяется административный произвол, от которого много терпела Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете безцельное, ничем не оправдываемое, перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без

ведома епархиальных архиереев, запрещение неудобных Вам епископов в священнослужении и т. д.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь, по нашему глубокому убеждению, явным нарушением канонических определений Вселенских и Поместных соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917–18 гг. и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству:

Мы, епископы Ярославской Церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность пред Богом за вверенных нашему пастырскому руководству чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту св. Православной веры и завещанную Христом свободу устроения внутренней религиозно-церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением иного выхода из создавшегося рокового для Церкви положения, отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью.

При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, Митрополиту Крутицкому и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями.

Оставаясь незыблемо на таковом твердом основании, мы будем управлять Ярославской Церковной областью и руководить своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения самостоятельно – в строгом согласии со словом Божиим, с обще-церковными канонами и правилами, с постановлениями I-го Всероссийского Собора 1917–18 годов и неотмененными распоряжениями Высшей Церковной Власти предсоборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона и его Синода и Совета.

Настоящее решение наше остается в силе впредь до сознания Вами неправильности Ваших руководственных

действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного Митрополита Петра.

Агафангел, Митрополит Ярославский.

Серафим, Архиепископ Угличский (Викарий Ярославской Епархии, бывший заместитель Патриаршего Местоблюстителя).

Митрополит Иосиф (3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем Заместителей).

Архиепископ Варлаам (б. Пермский, временно управляющий Любимским Викариатством).

Евгений, Епископ Ростовский (Викарий Ярославской Епархии).

1928 г. 6-го февраля.

3) Отложение Глазовской Епархии. От 22 декабря 1927 года.

Глазовское Духовное Управление в заседании своем 22 декабря 1927 года имело суждение по делу извещения канцелярии Воткинского епископа Онисима от 15 декабря 1927 года за № 20 «о принятии епископом Воткинским временного управления Воткинской Епархии».

В связи с этим заслушали «воззвание» Митр. Сергия от 16/29 июля 1927 года и письма преосвященного Виктора к Митр. Сергию по поводу «воззвания». Ознакомившись с содержанием «воззвания» – временного заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митр. Сергия от 16 июля и приложенных писем преосвященного Виктора, постановили:

Временно до покаяния и отречения Митр. Сергия от выпущенного им «воззвания»:

1) Воздержаться от общения с ним и солидарными с ним епископами,

2) Признать епископа Виктора своим духовным руководителем, избранным всей Глазовской Епископией в 1924 году.

3) Титуловать епископа Виктора Глазовским и Воткинским, о чем поставить в известность еп. Виктора, Митр. Сергия и еп. Воткинского Онисима, а также о.о. благочинных Глазовской Епископии.

На сем протоколе последовала резолюция Преосвященного Епископа Виктора от 20 дек. 1927 г. такая: «Радуюсь благодати Божией, просветившей сердца членов Духовного Управления в сем трудном и великом деле избрания пути истины. Да будет решение его благословенно от Господа, и да будет оно в радость и утешение всей пастве нашей и в благовестие спасения ищущим спасения во св. Православной Церкви. По постановлению 3-му о переименовании титулования временно оставить прежнее титулование Ижевским и Воткинским до решения сего вопроса общим Епархиальным Съездом».

Подписано: Председатель Духовного Управления и
Секретарь.

Верно: *Еп. Виктор* . Печать его.

**4) Отложение Воронежской епархии еп. Козловского
Алексея. От 9 января 1928 года.**

Послание к православному клиру и мирянам Воронежской епархии.

«Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3Иоан. I, 4).

Стоя на страже Православия и зорко следя за всеми проявлениями церковной жизни не только во вверенной нашему смирению епархии, но и вообще в патриархате, мы к великому нашему прискорбию обнаружили в последних деяниях возвратившегося к своим обязанностям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия, Митр. Нижегородского, стремительный уклон в сторону обновленчества, превышение прав и полномочий, предоставленных ему, и нарушение св. канонов (решение принципиальных вопросов самостоятельно, перемещение и увольнение архиереев без суда и следствия и т. п.). (Св. Кирилла пр. I; Ап. пр. 34).

Своими, противными духу Православия, деяниями, Митр. Сергий отторгнул себя от единства со Святой, Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви.

Православные святители и пастыри пытались всячески воздействовать на Митр. Сергия и вернуть его на путь прямой и истинный, но «ничтоже успели».

Ревнуя о славе Божией и желая положить предел дальнейшим посягательствам Митр. Сергия на целость и неприкосновенность Святых канонов и установленного церковного порядка и незапятнанно сохранить каноническое общение со своим законным Главою, Патриаршим Местоблюстителем, Высокопреосвященнейшим Митрополитом Петром Крутицким, – Высокопреосвященнейший Митр. Иосиф и единомышленники с ним православные архипастыри осудили деяния Сергия и лишили его общения с собою.

Будучи волею Божиею и благословением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Серафима, Архиепископа Угличского, от 16/29 февраля 1927 года, обличен высокими полномочиями быть стражем Воронежской Церкви, с

оставлением одновременно и Епископом Козловского Округа, и вполне разделяя мнения и настроение верных Православных иерархов и своей паствы, *отныне отмежевываюсь от митр. Сергия, его Синода и деяний их*, сохраняя каноническое преемство через Патриаршего Местоблюстителя, Митрополита Петра.

Назначенного Патриаршим Местоблюстителем Высокопреосвященнейшим Петром Митрополитом Крутицким от 16-го декабря 1925 года третьим кандидатом в заместители Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Иосифа, – избираю своим высшим духовным руководителем.

Молю Господа, «Да сохранит Он мирну страну нашу», да утвердит и соблюдет Церковь Свою Святую от неверия, ересей и раскола и дарует нам ревность и мужество «ходить в оправданиях Своих без порока».

Управляющий Воронежской Епархией Епископ Козловский Алексей.

Печать.

Января 9/22 дня 1928 г.

Память св. Филиппа Митрополита Московского.

Воронеж.

5) Отложение Иерофея, еп. Никольского. От 12 января 1928 г.

Всем о Имени Господнем соработникам на ниве духовной, причту и мирянам в Устюжской Епархии. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

«И даждь нам едиными усты и единым сердцем славити пречестное и великолепое Имя Твое».

Дорогие пастыри и верная чада Церкви Православной, вы знаете, что без единства нет спасения.

Организм Церкви един: Христос – Глава Церкви; очи, уста, руки и ноги – это пастыри и учителя – органы Церкви, а тело Церкви – все верующие во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Все тело движется одним духом и живет одним сердцем. Часть тела, не питающаяся кровью сердца – отпадает и погибает. Так отпали на ваших глазах обновленцы от Церкви; они не захотели сообщаться первейшему в Церкви лицу, святейшему Патриарху и теперь разлагаются понемногу, как негодная рука или нога, отрезанная и брошенная в землю.

После обновленцев «живоцерковников» отказались от единства церкви «автокефалисты», последователи архиеп. Григория Екатеринбургского (Григориане), не признавшие Местоблюстителя Митрополита Петра. Ныне единство Церкви нарушил Митр. Сергей, Заместитель Митр. Петра. Пока он был верным стражем порученного ему Патриаршего Престола – вся Церковь считала его своим руководителем, а когда он предпринял вольные начинания, не одобряемые ни народом Церковным, ни Собором епископов, ни благословением Митр. Петра, – тогда никто не обязан идти путем его заблуждений.

Так во время живоцерковного обновленчества все истинные чада Церкви отложились от обновленческого собора 1923 г. и их Синода, и постепенно объединились около святейшего патриарха и епископов, имевших церковное общение с ним. Так и ныне *Митрополиты Петр и Кирилл, Митрополиты Иосиф Ленинградский, Арсений Новгородский, Агафангел*

Ярославский, Арсений Викарий Московский, бывш. Серпуховский (на покое), Архиепископ Серафим Угличский, Архиепископ Афанасий Киевский, Епископы: Дмитрий Гдовский, Виктор Вотский, Серафим бывш. Дмитровский (Звездинский) на покое, Иринарх Велико-Устюжский, Епископы изгнания и много др., а также группа столичного духовенства и делегации уполномоченных от общин верующих, в различных формах заявляют Митр. Сергию о своем несогласии с ним и отложении от него. Одни из них заявляют, что Сергей простер к патриаршему престолу руки, стремящийся опрокинуть его, так как в состав синода вошли лица, которым Церковь не доверяет.

Другие говорят, что Сергей внес политический уклон в церковную жизнь (см. воззвание его «Известия» 19 VIII. 1927 г.)

Третьи указывают, что Митр. Сергей избрал кривой путь дипломатического хитрословия, соглашений и уступок – будто бы для спасения Церкви – и оставил прямой, но скорбный путь креста, т. е. терпения и твердости.

Наконец, он употребил обман, назвав свой синод православным и патриаршим, тогда как он устроен с попранием канонов Церкви.

Митрополит Петр, Местоблюститель не дал согласия на это дело, как неблагословенное самим Святейшим еще в 1924 году. Что не могли сделать живоцерковники и григорианцы – то сделал очень хитро Митр. Сергей: связав Церковь с гражданской властью, выражая духовную покорность последней.

Декрет об отделении Церкви от государства для Сергия и его последователей не существует. Посему, для достижения своих планов, Митр. Сергей, нарушая 9-ое правило Халкидонского собора, пользуется даже не церковной силой. И сознавая ответственность перед Богом за врученную мне паству, я заявляю 10/23 янв. с. г. епископу Софронию, назначенному на В.-Устюжскую кафедру от Синода, что моя Никольская паства и духовенство, кроме соборного причта, отвергнутого народом, не могут принять его, т. к. отложились от Сергия и от Синода. А с другой стороны я сообщил

Митр. Иосифу, что канонически присоединяю к нему духовенство и мирян Велико-Устюжской епархии, по благословению Владыки Иринарха, законным заместителем которого являюсь я в настоящее время по всей В.-Устюжской епархии.

Много пришлось мне потерпеть всякой клеветы и скорби за свои архипастырские труды на благо Церкви. Если правила апостолов говорят, что клирики ничего не могут творить без воли своего епископа, то моя воля, выраженная в настоящем послании, тем более достойна всякого приятия.

Но желая слышать от вас, дорогие чада, что вы единоклубны и единомысленны со мною, а также уважая свободу Вашего самоопределения (см. норм. устав общины), предлагаю огласить и обсудить мое послание на собраниях верующих, дабы все знали положение дела и свободно пришли в единение со мною, оставаясь верными Патриаршему Местоблюстителю Митр. Петру и всей *Православной Церкви Русской*, о чем прошу прислать мне письменное постановление.

Открыто выступили против меня и распространяют всякия злохуления, клеветы и нелепости лишь члены причта Никольского Сретенского Собора и священник из *обновленцев* Сергей Аранович (Кудрило), да протоиерей Иоанн Голубев (Шанго).

Они написали на меня необоснованные жалобы в Синод, а протоиерей Михаил Красов (Вохма) лично отвез их в Москву; за что они запрещены в служении и находятся со мной в каноническом и молитвенном отлучении, пока не принесут искреннего раскаяния по чину обновленцев, или пока полный собор епископов не разсудит дела Митр. Сергия и его сообщников (см. 10 прав. св. Апост.).

Ставлю вам на вид этих наемников, они видят волка грядущего и убегают, не последуйте им, братия и чада мои, но будем иметь другой пример доброго пастыря. Добрый пастырь душу свою полагает за овцы. Аминь.

12/25 января 1928 года получил ответ Митр. Иосифа (Ростов Ярослав.): «Управляйтесь самостоятельно. Наше оправдание: верность Митр. Петру. *Иосиф*».

Иерофей, епископ Никольский.

6) Отложение Серпуховского духовенства и мирян. От 30-го декабря, 1927 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Не находя для себя более возможным оставаться на том скользком и двусмысленном пути, на который Вы своими декларациями и распоряжениями поставили всю Православную Церковь и повинувшись голосу совести и долгу перед Богом и верующими, мы – нижеподписавшиеся, порываем каноническое и молитвенное общение с Вами и так называемым «Патриаршим Синодом» и отказываемся признавать Вас Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола на следующих основаниях:

1) Декларация Ваша от 16 июля, указ от 20 октября и все что известно о Вашем управлении Церковью, с очевидностью говорит о том, что Вы поставили Церковь в зависимость от гражданской власти и лишили ее внутренней свободы и самостоятельности, нарушая тем и церковные каноны, и идя вопреки декретам гражданской власти.

2) Таким образом, Вы являетесь ничем иным, как продолжателем так называемого «обновленческого» движения, только в более утонченном и весьма опасном виде, ибо, заявляя о незыблемости Православия и о сохранении каноничности, Вы затуманиваете умы верующих и сознательно закрываете от их глаз ту пропасть, к которой неудержимо влекут Церковь все Ваши распоряжения.

3) Результат Вашей политики у нас налицо. Верующие гор. Серпухова, взволнованные Вашими распоряжениями, охвачены сильнейшей тревогой и недоумением за судьбы св. Православной Церкви. Мы – их пастыри, поставленные Вами на двусмысленный путь, не только не можем внести успокоения в их сердца и умы, но вызываем с их стороны подозрение в измене делу Православия и переход в лагерь обновленчества.

Все это повелительно заставляет нас дерзновенно возвысить свой голос и прекратить теперь уже преступное с

нашей стороны замалчивание Ваших ошибок и неправильных действий и, с благословения Дмитрия, Еп. Гдовского, отмежеваться от Вас и окружающих Вас лиц. Уходя от Вас, мы не отходим от законного Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра и отдаем себя на суд будущего Собора. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор – единый наш правомочный судья – нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а как боящихся за их нарушение.

Серпухов. 30-XII-1927 года.

7) Отложение о. Валентина Свентицкого. От декабря 1927 г.

Митрополиту Сергию. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сознавая всю ответственность перед Господом за свою душу и за спасение душ вверенной мне паствы, с благословения Дмитрия Епископа Гдовского, я порываю каноническое и молитвенное общение с Вами и организовавшимся при Вас совещанием епископов, незаконно присвоивших себе наименование «патриаршего синода», а так же со всеми, находящимися в каноническом общении с Вами, и не считаю Вас более Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола на следующих основаниях:

Декларация Ваша от 16/29 июля и все, что общеизвестно о Вашем управлении Церковью со времени издания декларации, с несомненностью устанавливает, что Вы ставите Церковь в ту же зависимость от государственной власти, в которую хотели поставить ее два первых «обновления», вопреки св. канонам Церкви и декретам самой гражданской власти.

И «Живая Церковь», захватившая власть патриарха, и «Григорианство», захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, – делаете все одно общее антицерковное обновленческое дело, при чем Вы являетесь созидателем самой опасной его формы, т. к. отказываясь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и православия. Это более, чем нарушение отдельных канонов.

Я не создаю нового раскола и не нарушаю единства Церкви, я ухожу и увожу свою паству из тонкой обновленческой ловушки. «Да не утратим по малу непреметно тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков» (Из 8-го прав. 3-го Вселенского Собора).

Оставаясь верным и послушным сыном Единой Святой, Православной Церкви, я признаю Местоблюстителем Патриаршего Престола Митрополита Петра, признаю и тех

епископов, которые, не присваивая себе самочинно общецерковной власти, уже порвали с Вами каноническую связь, по их свидетельству: «впредь до суда совершенного собора местности», т. е. с участием всех православных епископов, или до открытого и полного покаяния перед св. Церковью самого Митрополита.

Протоиерей В. Свентицкий.

8) Открытое письмо с Соловков заместителю патриаршего Местоблюстителя Митрополиту Сергию по поводу послания от 16/29 июля 1927 г.

I. Мы одобряем самый факт обращения Вашего к Правительству с заявлением о лояльности церкви в отношении к Советской Власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления.

Подобныя заверения неоднократно высказывались Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, но не развеяли однако подозрительного отношения к ней Правительства. Повторение таких заверений все же является целесообразным.

II. Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) Мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям, касающимся гражданского благоустройства Государства;

б) Мы полагаем, что, тем более, они не должны принимать никакого участия, ни прямого, ни косвенного, в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержение существующего порядка управления.

в) Не должны и обращаться к иноземным правительствам для осуществления политического переворота в России.

г) Клер должен устраняться от всякой политической деятельности, как в публичных выступлениях, так и в частных беседах, не порицая Правительства и его действий.

III. Но мы не можем принять и одобрить послание в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 5, мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства. Церковь не может взять на себя перед Государством (какова бы ни была в последнем форма правления) обязательства считать *«все радости и успехи Государства – Своими радостями и*

успехами, а все неудачи – Своими неудачами», ибо всякое правительство может иногда принимать решения безразсудныя, несправедливыя и жестокия, которым Церковь бывает вынуждена подчиниться, но не может им радоваться или одобрять. В задачу настоящего Правительства входит искоренение религии, но успехи его в этом направлении, Церковь не может признать своими успехами.

б) В абзаце 4, приносится Правительству *«всенародная благодарность за внимание к духовным нуждам Православного населения»*. Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви в настоящее время является чем то вроде *«Сатирикона»*, и потому не может быт серьезным и искренним, что не отвечает достоинству Церкви и возбуждает справедливое негодование в душе верующих людей. И это понятно, ибо до сих пор отношение Правительства к духовным нуждам Православного населения выражалось лишь во всевозможных стеснениях религиозного духа и его проявлений: в осквернении и разрушении храмов, в закрытии монастырей, в отобрании св. мощей, их поругании и осквернении, в запрещении преподавания детям Закона Божия, в изъятии из общественных библиотек религиозной литературы, не говоря уже о лишении Церкви права юридического лица. Как мало Правительство проявило внимания к религиозным потребностям населения, лучше всего показывает, оскорбительная для чувства верующих, статья официального правительственного органа *Известий ЦИК*, предваряющая послание митрополита Сергия.

в) Послание, принимая без всяких оговорок официальную версию, всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь, на контр-революционное настроение ея клира, проявляющееся в словах и делах. Между тем, за последнее время, не было слышно ни одного судебного процесса, на котором публично и гласно были бы доказаны политическия преступления служителей Церкви. Несмотря на это, многочисленные епископы и священники томятся в тюрьмах, ссылках и на принудительных работах. Они попали сюда не в судебном, а в административном порядке, и

не за политические преступления, а за свою чисто-церковную деятельность, борьбу с обновленчеством, или по причинам, часто не известным самим пострадавшим. Настоящей же причиной борьбы тягостной как для Церкви, так и для государства, служит задача искоренения религии, которую ставит себе настоящее Правительство. Именно это принципиальное отрицательное отношение Правительства к религии, заставляет государство с подозрением смотреть на Церковь, независимо от ее политических выступлений, не позволяя Церкви принимать чисто духовных мер против законов, направленных к ее разрушению.

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, находящимся в эмиграции, за их политическую деятельность; а в абзаце 7, пребывание в Церкви верующих послание ставит в зависимость от их политических взглядов, («...наше постановление заставит многих задуматься, – не пора ли пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной...»), что прямо противоречит провозглашенному в начале послания – его основному, совершенно правильному принципу, о полной лояльности Церкви к Правительству и о невмешательстве Ея в политическую жизнь. Кроме того, наложение церковного прещения за политическую деятельность, прямо противоречит постановлению Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. от 2/15 августа 1918 г., недопускающему подобных кар, разъяснившего всю каноническую недопустимость их и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошлом (напр. Арсений Мацеевич).

IV. Послание является неполным, недоговоренным, а потому недостаточным.

Закон об отделении Церкви от Государства двусторонен: устраняя Церковь от вмешательства в политическую жизнь страны, он гарантирует Ей невмешательство Правительства в Ея внутреннюю жизнь и в религиозную деятельность Ея учреждений. Между тем закон этот постоянно нарушается органами политического наблюдения. Высшая Церковная

власть, ручаясь за лояльность Церкви в отношении к государству, должна будет открыто заявить Правительству, что Церковь не может мириться с вмешательством антирелигиозного государства в область чисто церковных отношений.

Соловки, 1927 г. 14/27 сентября.

9) Документ из Киева – разбор послания митр. Сергия. (Сентября, 1927 г.).

(Это «Послание» составлено, повидимому, епископом Дамаскиным Глуховским, викарием Черниговским.)

6-го августа ст. ст. этого года в жизни русской Церкви совершилось большое событие.

Заместитель патриаршего Местоблюстителя, митр. Сергей, вместе с так называемым временным патриаршим синодом, опубликовал «Обращение ко всем чадам русской Церкви».

За последние 10 лет не было документа, который бы рассчитывал иметь такое значение в церковной жизни, на какое претендует сие «Обращение».

При первом знакомстве с этим документом, возникает мысль сопоставить его с обращением к народу покойного Патриарха Тихона.

Но, надо сказать, что послания Патриарха, хотя и были обращены к народу, но всегда носили личный характер. В них Святейший говорил о своих ошибках, о своих взглядах, о своих намерениях. Он один нес ответственность за свои слова.

Совсем иначе обстоит дело с декларацией митр. Сергия. Как видно из нея, она неразрывно связана с так называемой «легализацией», она является только первым актом, сделанным в центре, которым неизбежно должны последовать соответственные действия на местах – во всех уголках Русской Церкви. «Мы надеемся, – говорится в декларации, – что легализация, постепенно распространится и на низшее наше церковное управление – епархиальное и уездное и т. д.».

Итак, митр. Сергей начал со своими помощниками дело, которое должно вызвать активность всех клеточек церковного организма. Он легализировался, конечно, на условиях издания своей декларации. С роковой необходимостью отсюда следует вывод: все клеточки церковного организма, если только они хотят быть в единстве с центральным органом церковной власти, должны тоже легализироваться и, конечно, на тех же условиях. Значит, своим деянием митр. Сергей принимает на

себя обязательство за всех членов Русской Церкви, ставит нас в необходимость не только прослушать его послание, как слушали мы прежде послания Патриарха, но он вынуждает нас или решительно встать на тот путь, которым идет он сам – путь легализации и декларации, или же встать на путь разделения с ним со всеми вытекающими отсюда церковными и политическими последствиями.

Вот какую важность, какое значение имеет Декларация. Когда мы видим перед собою документ, принимающий на себя обязательство за целую организацию, первый вопрос, возникающий в нашем сознании – о том – уполномочены ли нравственно и юридически лица, подписавшие документ – говорить от имени всей организации?

При нормальных условиях, русскую поместную Церковь возглавляет Патриарх. Однако, по смыслу церковных законоположений о патриаршестве, установленных Московским Собором 1918 г. и Патриарх не является единодержавным правителем Церкви и полномочным выразителем Ея голоса. Он действует в неразрывном союзе с выборными Собором органами, – Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. По существеннейшим же вопросам он может принимать решения только совместно с Собором. Патриарх обязан решить важнейшие вопросы церковной жизни, считаясь с общецерковным мнением, а прежде всего со всем епископатом русской Церкви. Так обстояло бы дело, если бы во главе Русской Церкви стоял всенародно выбранный Патриарх.

Но кто такой митрополит Сергей?

Митрополит Сергей – заместитель Местоблюстителя Патриарха, который, хотя и отделен от нас тысячами верст и стеною своего заточения, однако, благодарение Богу, еще жив, является ответственным за Русскую Церковь перед Богом святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви.

Говорят, еще недавно, полушутя, митрополит Сергей говорил о себе, что он только – «сторож» в Русской Церкви.

Принадлежат ли эти слова митрополиту Сергию или нет, но они хорошо характеризуют то положение, которое ему по праву должно принадлежать в церковном строительстве.

Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его заместитель не может без соглашения с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать существующий церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути.

Митр. Сергей, «сторож» Русской Церкви, не имеет права, без санкции митр. Петра и сонма русских иерархов, и находящихся на свободе, и разбросанных по местам ссылок, декларировать и предпринимать ответственные решения, которые должны определить жизнь церковного организма в каждой его клеточке.

Наличие при митр. Сергии так называемого «Временного Синода» не изменяет положения. Синод митр. Сергия организован совершенно не так, как предполагают постановления Московского Собора 1918 г. Он не избран собором, не уполномочен епископами, и потому не может считаться представительством епископата при митр. Сергии. Он составлен самим митрополитом и является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, частным совещанием при нем. Кстати сказать, ведь даже и самая конституция Синода приписывает ему исключительно личный характер: с прекращением почему-либо полномочий митр. Сергия, автоматически падают и полномочия Синода.

Все это говорит за то, что поскольку заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, – он явно выходит из пределов своих полномочий.

Переговоры с митр. Петром и со всем русским епископатом несомненно должны были быть выдвинуты митр. Сергием, как предварительные условия возможности для него всяких ответственных выступлений.

Но дело обстоит еще хуже.

Митр. Сергей действует не только без согласия епископата, но явно, вопреки его воле. Кто в курсе трагической русской церковной жизни последних лет и кто внимательно вчитается в

текст декларации, тот, конечно, увидит, что темы, о которых говорит декларация вовсе не новы.

Перед нами «пресловутые вопросы», по поводу которых в течение последних лет предлагали высказываться представители власти и ответственным руководителям церковной жизни, и рядовым работникам на ниве церковной, как единолично, так и коллективно.

Это четыре вопроса: об отношении к советской власти, об отношении к заграничному духовенству, главное, об отношении к ссыльным, и «нелегальным» епископам и, наконец, вопрос о форме церковного высшего управления в связи с автокефалией. Они именно и трактуются в декларации.

Множество епископов а также и других церковных деятелей, определенно высказывались по поводу этих вопросов и вовсе не в духе декларации митр. Сергия. Митр. Сергей не может не знать об этом. Перед его глазами декларация Соловецких узников, которую можно считать наиболее полным и обоснованным выражением тех точек зрения, на которых стоит епископат и лучшая часть духовенства Русской Церкви.

Правда, отдельными группами духовенства, в отдельных епархиях делались попытки издания декларации, приближающихся по духу к тому, что мы видим в «Обращении». Но эти попытки вызывали всегда наружное негодование и в среде епископата, и в среде влиятельнейшего духовенства. Они считались равносильными переходу в обновленчество и быстро ликвидировались с позором для тех, кто их предпринимал.

Митр. Сергей не может, следовательно, ссылаться на незнание воли епископата, на то, что трудно услышать его голос. Нет, голос этот звучал неоднократно и громко, и кто не считается с ним, тот делает это, конечно, не потому, что не знает, а потому что не хочет. Митр. Сергей не хочет считаться с убеждениями своих собратьев-епископов, томящихся за эти убеждения в тяжелых изгнаниях.

Декларация говорит о самых больных и самых *страшных* вопросах нашего церковного бытия.

Откуда тот ужас, тот кошмар, в котором мы изнемогаем вот уже столько лет? Где причина того, что Церковь, официально

признанная законодательством имеющей право на свободное существование, находится в положении совершенного безправия, в состоянии «нелегальности»?

Кто виноват в том, что наши святители умирают в холоде тундр и в сыпучих песках пустынь? Лучшие представители духовенства большее время проводят в тюрьме, чем у себя дома. Наши обители уничтожаются, останки святых оскорбляются, и мы не имеем возможности совершать молитвословий, так как наши храмы переданы отступникам. Где причина этого?

Декларация дает на это определенный ответ. Митрополит говорит о принятой им на себя трудной задаче поставить Церковь на путь легального существования. И по его словам, мешать осуществлению этой задачи – «может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устройению церковной жизни на началах лояльности. Это – недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране». «Настроение известных церковных кругов, – читаем мы дальше, – выражавшееся, конечно, и в словах и в делах, и навлекавшее подозрение советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирное отношение Церкви с Советским правительством».

Всюду декларация противопоставляет это нелояльное прошлое – лояльному будущему, которое будет выражено в делах.

Так вот истинная причина наших неописуемых церковных бедствий. Она в нас самих, – в нашей нелояльности. Это причина – единственная, которую подчеркивает митр. Сергей.

Но, указание митр. Сергея не ново. Мы не раз слышали его и от представителей власти и от наших церковных врагов – обновленцев всех видов, которые обвиняли нас в нелояльности и преступности.

Но, мы называли это обвинение клеветой. Мы говорили, что оно не может быть подтверждено фактами. Мы указывали на то, что за все эти годы среди фигурировавших на судах политических преступников против власти – не было видно представителей духовенства. Мы обращали внимание на то, что

за все эти годы, все нарушения закона об отделении Церкви от государства, все отображения храмов, все кощунственные осквернения святынь, все оскорбления и глумления – духовенство встречало гробовым молчанием.

Где «слова и дела» наши, где наши реальные выступления? Так говорили мы нашим обвинителям.

Но, что скажем мы, когда управляющий нами святитель сам произносит нам страшный приговор, сам говорит о «словах и делах»? Не ставят ли эти слова черный крест над всеми невыразимыми страданиями, пережитыми Церковью за последние годы, над всей Ея героической борьбой за самосохранение? Не объявляют ли они весь подвиг Церкви – преступлением?

И как прочитают эти слова те, кто изнемогает теперь в далеком изгнании? Что почувствуют они, увидев обвинителя в лице своего ответственного собрата и не сорвется ли страшное слово «клевета» у них в ответ ему?

В своей декларации митр. Сергей говорит, что теперь «нужно не на словах, а на деле показать», что мы можем быть «верными гражданами советского союза, лояльными советской власти». Но, каково же должно быть это «дело»?

Указания на этот счет декларации противоречивы. С одной стороны, декларация как будто бы требует того, на что духовенство и церковные люди с чистой совестью соглашались в течение всех этих лет – полной аполитичности, решительного отграничения храмовой и церковной жизни от политической работы и политической симпатии.

Говоря о людях, настроенных политически оппозиционно к существующему порядку, митрополит предлагает им, «оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры». Такое требование, которое представляется по существу законным, тем не менее оказывается односторонним, потому что оно обращается не ко всем вообще членам православной Церкви, а только к людям определенных политических настроений.

Но, этого мало. На ряду с требованием отказа от одних политических настроений, декларация определенно предлагает

нам заpastись другими. Наш долг оказывается не только в том, чтобы отказаться от оппозиционных настроений к власти, но и в том, чтобы обнаружить солидарность с этой властью. Мы должны, говорит декларация, «показать, что мы... с нашим правительством». «Мы должны сознавать советский союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в союз: будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас».

Но здесь наблюдается недоговоренность. Отождествление себя с правительственным аппаратом с логической неизбежностью должно быть доведено до конца. Раз в вопросах внешней политики (из области которой берет митрополит свои примеры), мы должны занять определенную позицию, то не та же ли позиция, не то же ли отождествление себя с властью – («показать, что мы с нашим правительством») обязательны для нас и в вопросах политики внутренней?

Не становится ли, таким образом, «сторож Русской Церкви» – сторожем советского аппарата и не превращается ли сонм служителей Церкви в послушную и безответную армию «явных и тайных» сотрудников власти? И как тогда должны будут реагировать церковные люди на такие факты внутренней советской политики, – как поругание святынь, отобраение храмов, разрушение обителей?

Об этом ничего не говорит митр. Сергей со своими собратьями. Он настроен чрезвычайно оптимистически по отношению к переживаемому моменту. По поводу предполагающейся легализации он предлагает выразить «всенародно нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к нуждам православного населения».

В чем же «внимание» правительства и за что ему наша благодарность? Пока мы знаем один факт: митр. Сергей и члены Синода имеют возможность заседать в Москве и составлять декларацию.

Они в Москве...

Но, Первосвятитель Русской Православной Церкви – митрополит Петр, вот уже не первый год без суда обречен на страшное томительное заключение.

Они в Москве...

Но, митрополит Кирилл, потерявший счет годам своего изгнания, на которое он был обречен без суда, находится ныне, если он еще жив, на много сот верст за пределами полярного круга.

Митрополит Арсений, поименованный среди членов Синода, не может приехать в Москву, и в пустынях Туркестана, по его словам, готовится к вечному покою.

И многочисленный сонм русских святителей совершает свой страдальческий путь между жизнью и смертью в условиях невероятного ужаса.

За что благодарить? За эти неисчислимыя страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? За то, что драгоценные для миллионов верующих останки преподобного Серафима, а еще раньше, останки святителей: Феодосия, Митрофана, Тихона, Иоасафа – подверглись неимоверному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля и закрылась дорога к московским святителям? За то, что Печерские угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых? За то, что северная наша обитель стала местом непрекращающихся страданий? (Соловки).

За эти мучения, за кровь митрополита Вениамина и других убиенных святителей?

За что?

Однако, важно, одно нужно знать: верит ли митр. Сергей, верят ли все те, кто с ним, тому, что они говорят и пишут? Еще недавно он говорил и писал совсем иначе. Еще в прошлом году он разослал всем пастырям и чадам Церкви проект декларации, совсем иной, где политическая лояльность декларировалась рядом с определенно подчеркнутой противоположностью принципов мировоззрения.

Когда же был искрещен митр. Сергей? Что случилось за этот год и почему изменились тон и содержание его обращений?

Вступительная статья, предваряющая в «Известиях» декларацию, гворит о вынужденном «перекрашивании» долго упорствовавших «тихоновцев» в «советские цвета». Она противопоставляет им «дальновидную часть духовенства», еще в 1918 г. вступившую на этот путь, т. е. *обновленцев и живоцерковников*. Статья эта, таким образом, определенно считает путь митр. Сергия проторенной дорогой обновленчества.

Для нас же важен один вопрос: мог ли бы митр. Сергей перед Крестом и Евангелием присягнуть, что то, что он пишет в декларации, влючительно до «благодарности», есть действительно голос его убеждений, свидетельство его неустрашенной и чистой пастырской совести?

Мы убеждены и утверждаем, что митр. Сергей и его братия не могли бы сделать этого без клятвопреступления.

А может ли кто-нибудь от лица Церкви, с высоты церковного амвона возвещать то, в чем он не мог бы присягнуть как совершенной истине?

Великий русский писатель говорил когда то об иноках русских: «Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией от древнейших отцев, апостолов и мучеников, и когда надо будет – явят его поколебавшейся правде мира. Сия мысль великая. От востока звезда сия возсияет».

Правда мира поколебалась.

Ложь стала законом и основанием человеческой жизни.

Слово человеческое утратило всякую связь с Истиной, с Предвечным словом, потеряло всякое право на доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане неискренности, лицемерия и фальши. Но среди этой стихии всеобщего растления, огражденная скалой мученичества и исповедничества, стояла Церковь, как Столп и Утверждение Истины.

Изолгавшиеся и истомившиеся в своей лжи люди знали, что есть место, куда не могут захлеснуть мутные волны неправды, есть Престол, на котором Сама Истина утверждает свое

Царство и где слова звучат не как фальшивая, не имеющая ценности медяшка, но как чистое золото.

Не от того ли потянулось к Церкви за последние годы столько охваченных трепетом веры, сердец, которые до этого были отделены от нея долгими годами равнодушия и неверия?

Что же скажут они? Что они почувствуют, когда и оттуда, с высоты последнего прибежища отвергнутой миром правды, с высоты амвона зазвучат слова лицемерия, человекоугодничества и клеветы?

Не покажется ли им, что ложь торжествует своею конечную победу над миром, и что там, где мерцал для них светом не вечерним Образ воплощенной Истины, смеется в отвратительной гримасе личина отца лжи.

Одно из двух: или, действительно, Церковь Непорочная и Чистая Невеста Христова – есть Царство Истины, и тогда Истина – это воздух без которого мы не можем дышать, или же она как и весь лежащий во зле мир, живет во лжи и ложью, и тогда – все ложь, ложь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство.

«Кабинетными мечтателями» называет митр. Сергей тех, кто не хочет строить церковного дела по непосредственной указке ненавидящих всем сердцем веру людей, потому что ведь иначе нельзя понимать его неудобовразумительных слова – «закрывшись от власти».

Нет, мы – не мечтатели. Не на мечте, а на непоколебимом Камне Воплощенной Истины, в дыхании Божественной Свободы хотим мы создать твердыню Церкви.

Мы не мечтатели. Вместе с тем мы и не бунтовщики. Совершенно искренно мы отмежевываемся от всякого политиканства и до конца честно можем декларировать свою лояльность. Но мы не думаем, что лояльность непременно предполагает клевету и ложь. Мы считаем, напротив, что политическая лояльность есть тоже, прежде всего, добросовестность и честность. Вот эту то честную, построенную на аполитичности, лояльность можем мы предложить Правительству и думаем, что она должна расцениваться дороже, чем явное, похожее на издевательство, лицемерие.

И кажется нам, что не мы, а митр. Сергей и иже с ним пленены страшной мечтой, что можно строить Церковь на человекоугодничестве и неправде.

Мы же утверждаем, что ложь рождает только ложь, и не может она быть фундаментом Церкви.

У нас перед глазами позорный путь «церкви лукавнующих», обновленчества; и этот же позор постепенного погружения в засасывающее болото все более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растрепания, неизбежно ждет церковное общество, если оно пойдет по пути, намеченному деяниями Синода.

Нам кажется, что митр. Сергей поколебался в уверенности во всемогущество Всепреодолевающей Истины, во Всемогущество Божие, в роковой миг, когда он подписывал декларацию.

И это колебание, как страшный толчок, передастся Телу Церкви и заставит его содрогнуться. Не одно человеческое сердце, услышав слова декларации в стенах храма, дрогнет в своей вере и в своей любви, и, может быть, раненое в самой сокровенной святыне, оторвется от обманувшей его Церкви и останется за стенами храма.

И не только в сердце интеллигенции вызовет декларация мучительный соблазн.

Тысячеустная молва пронесет страшное слово в самую толщу народа, «новой раной поразит многострадальную душу народную, и во все концы земли пойдет слух о том, что Царство Христа стало царством зверя.

Неисчислимы эти бесконечные тягостные внутренние последствия декларации, этой продажи первородства Истины за чечевичную похлебку лживых и неосуществимых благ.

Но кроме этих внутренних последствий, конечно, будет иметь она и другие последствия, более очевидные и осязаемые.

Уже несутся из отдаленнейших ссылок голоса протеста, голоса скорби и негодования. К этим голосам присоединится все наиболее стойкое и непоколебимое в церковных недрах.

Не мало найдется тех, для кого лучше умереть в Истине, чем жить во лжи, тех кто не переменит своего знамени.

Над Церковью навис грозный призрак нового раскола!

С одной стороны будут они, «неуставшие» от своих изгнаний, тюрем и ссылок, обреченные на новые, еще более страшные испытания, а с другой стороны станут полчища «уставших» от постоянного колебания и переходов, «покаяний» и не прекращающейся неустойчивости. Они, эти «неуставшие», будут, вероятно, в меньшинстве среди духовенства, но, ведь церковная истина не всегда там, где большинство! И не всегда она там, где административный церковный аппарат. Об этом свидетельствует история великих святых: Афанасия, Иоанна Златоуста и Феодора Студита.

Но к ним прильнет и пойдет за ними, ищущая правды, душа народа.

А большинство духовенства...

– Жалкой будет судьба его.

Оторванные от живого общения со всем, подлинно творческим и непоколебимым в Церкви, тщетно стараясь заглушить голоса обличений, несущиеся из глубины ссылок и тюрем, закрывая глаза, чтобы отвратить от себя грозный призрак страдания исповедников, будут они, эти «уставшие», лепетать заплетающимися языками слова оправданий и нанизывать дрожащими руками на цепь лжи и компромиссов все новые и новые звенья, втапывая в грязь честь белоснежной Ризы Христовой. Там впереди, маячат новые призраки: повторение декларации на местах, незаконные и недопустимые епархиальные съезды без ссыльных епископов, и незаконный собор без первосвященника и других изгнанников, и позорное примирение с обновленцами, о котором уже говорят «легализовавшиеся» епископы и, наконец, отказ от патриаршества. Вед декларация определенно ставит патриаршество под вопрос. Говоря о задачах будущего собора, она указывает не выборы патриарха, а «избрание высшего церковного управления».

Какое жалкое и недостойное существование.

Воистину лучше умереть, чем так жить.

Черная туча нависла над Церковью.

Там, в обителях небесных, плачут о нашей земле святители русские, стоятели за Церковь прошлых веков и мученики и исповедники недавнего прошлого.

Там, в преисподней, темные силы ада готовятся торжествовать новую и решительную победу.

Остановитесь же, пока еще не поздно.

Остановитесь же, пока еще не до конца поздно.

Остановитесь, хотя бы ценою жертв своим положением и благополучием!

Господи, сжался над Твоею Церковью: ведь она все же *Твоя Невеста!*

10) «Письмо к ближним» – Виктора, епископа Глазовского. (Декабря, 1927 года).

«Блюдите, да не прельщены будете».

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами.

Други мои возлюбленные. С великою скорбью сердца скажу вам о новой лести, через которую враг наш диавол хочет увлечь души христианския на путь гибели, лишив их благодати вечного спасения. И эта лесь, увы, нам грешным много горше первых: живоцерковников, григориан, безумие которых без труда всем было явно, а губительность последней лести не всякий может постигнуть, и особенно это трудно тем, у кого ум и сердце обращены к земным вещам, ради которых люди навыкли отрекаться от Господа. Но пусть узнают все, что последняя декларация – воззвание от 16/29 июля с. г. митрополита Сергия – есть явная измена *Истине* (Иоан. XIV).

Кого предали подписавшие «воззвание» и от кого они отреклись... (Деян. XIV, 13). – Они отрекались от Святейшей Церкви Православной, которая всегда во всем чиста и свята, не имея в себе скверны или порока или чего либо подобного (Ефес. V, 27).

Ей они вынесли открытое пред всем миром осуждение, ими она связана и предана на посмеяние «внешним», как злодейка, как преступница, как изменница Своему Святейшему Жениху Христу, – Вечной Истине, Вечной Правде. *Какой ужас...*

Св. Церковь, Которую стяжал Себе Господь Кровию Своею от мира сего (Деян. XX, 28), и которая есть *Тело Его* (Колос. I, 24), а для всех нас – дом вечного благодатного спасения от сей жизни-гибели, – ныне эта святая Божия Христова Церковь приспособляется на служение интересам не только чуждым ей, но и даже совершенно несовместимым с Ея Божественностью и духовною свободою. Многие христиане поступают как враги креста Христова, говорит Апостол... о земном (политике) они мыслят, забывая, что наше жительство на небесах (Филип. III, 20), ибо не имеют здесь пребывающего града, но грядущего Града себе взыскуем (Евр. XIII, 14). И какое может быть

объединение Церкви Божией с гражданской властью, какою бы она ни была, когда цели ея деятельности исключительно материально-экономического направления, и хотя внешне моральны, но чужды веры в Бога или даже враждебны Богу. Между тем, цели деятельности Церкви исключительно духовно-нравственны, и через веру в Бога выносят человека за пределы земной жизни, для достижения благодатию Божиею вечных небесных благ. «Разве не знаете, что дружба с миром – вражда против Бога. И кто хочет быть миру друг, становится врагом Богу» (Иак. IV, 4).

Отсюда Церковь Христова по самому существу своему никогда не может быть какой-либо политической организацией, а иначе она перестает быть Церковью Христовой, Церковью Божией, Церковью вечного спасения. И если через «воззвание» Церковь объединяется с гражданской властью, то это не простой внешний маневр, но вместе с тяжелым поруганием, уничтожением Церкви Православной, здесь совершен и величайший грех отречения от *Истины* Церкви, какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви. Не говори мне, что таким образом у нас образовалось Центральное Управление, образуются местные управления, и получается видимость внешнего спокойствия Церкви, или, как говорит «воззвание», законное существование Церкви. Это и подобное сему любят говорить и все раньше уловленные врагом диаволом в отпадения от Церкви Православной. Что пользы, если мы сами, соделавшиеся и называющиеся Храмом Божиим (2Кор. IV, 16), стали непотребными и омерзительными в очах Божиих, а внешнее управление себе получили. Пусть лучше мы никогда не будем иметь никакого управления, а будем скитаться, даже не имея – где главу преклонить, по образу тех, о которых некогда сказано: «скитались в овечьих и козьих кожах, терпели лишения и озлобления. Те, коих не достоин был мир, блуждали по горам и пустыням, в пещерах и ущелиях земли» (Евр. XI, 37–38). Но пусть путем таких страданий сохраняются души православныя в благодати спасения, которой лишаются все, уловленные диаволом подобными внешними предложениями. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазном»,

каждой душе предстоит быть испытанной и каждому месту просеяну, чтобы от соломы отделилось зерно, хотя и в небольшом количестве, так как мало «избранных», сказал Господь; «горе тому человеку, от которого соблазн приходит» (Матф. XVIII, 7). Мы же други, не будем подавать соблазна Церкви Божией, чтобы нам не быть осужденными Судом Господним.

«Блюдите, да никто же вас прельстит, мнози бо придут во имя Мое... и многих прельстят», предупреждает Господь (Марк. XIII, 5–6). А св. Апостол, попечительствуя о нас, говорит: «смотрите – осторожно ли вы ходите, не поступайте как неразумные, но как мудрые, сообразуя время, ибо дни лукави суть» (Ефес. V, 15–16).

Да не ожесточит Господь и сердца подписавших воззвание, но да покаются и обратятся, да очистится грех их. Если же не так, то будем беречь себя от общения с ними, зная, что общение с увлеченными есть наше собственное отречение от Христа Господа.

Други мои, если мы истинно веруем, что вне Церкви Православной нет спасения человеку, то когда извращается истина Ея, не можем оставаться мы безразличными ночными читателями Ея, но должны передь всеми исповедывать истинность Церкви. А что другие, хотя бы и в безчисленном множестве, и хотя бы начальные иерархи – остаются равнодушными и даже могут употреблять в отношении нас свои прещения, то здесь ничего нет удивительного. Ведь и раньше нередко бывало, и четыре года тому назад так было, что отпадшие от истины составляли соборы, и Церковью Божией себя называли и, повидимому, заботясь о правилах, делами запрещения неподчиняющимся их безумию, но все сие делали на свой позор и на свою вечную погибель.

«Верен Господь. Он утвердит нас и сохранит от лукавого». «Господь да управит сердца наши в любовь Божию и в терпение Христово» (2Сол. III, 3–5).

Епископ В. Г.

Декабрь, 1927 года.

**11) «Всем верным чадам Христовой Церкви».
Воззвание по поводу послания митрополита Сергия
об изменении текста ектении. (Осень 1927 года).**

Всем чадам Христовой Церкви.

Вопрос о декларации Митр. Сергия и его Синода продолжает волновать умы верующих, а посему необходимо дать посильное объяснение этому печальному явлению.

Со времени издания декрета «об отделении Церкви от государства» Церковь поставлена в исключительное положение и из господствующей обратилась в гонимую. Хотя самый декрет «об отделении Церкви от государства» сравнивал только Церковь Православную со всеми другими религиями не только инославными, но и иноверными. Декрет «об отделении Церкви от государства», по той свободе Церкви, которая в нем указана, – равен Миланскому Эдикту 313 года. Разница только в том что Миланский Эдикт прекратил гонение на Церковь и был зарей Ея будущего господствующего положения в государстве, а декрет об отделении Церкви от государства, наоборот, поставил Церковь в ее первобытное состояние», ко временам свв. Апостолов, – в положение гонимой.

Декрет «об отделении Церкви от государства» издан по чисто человеческим соображениям и предположениям. Правительство, издавая свой декрет, предполагало, что Церковь Православная, лишенная своих материальных богатств и государственной поддержки, сама собою разрушится и уничтожится. Когда же этого не случилось, т. к. Христос Господь создал Церковь не материальную, подобно всем человеческим обществам и организациям, которые, лишенные материальных средств к существованию, – немедленно погибали, но создал Церковь духовную, утвержденную на Петровом исповедании веры: «Ты еси Христос, Сын Бога Живого» (Матф. XVI, 16) – Церковь, Которую, и врата ада не одолеют (ст. 18), – правительство постаралось найти другие пути к Ея уничтожению, и, вопреки своему декрету, вмешалось в дела и жизнь Церкви, предъявив церковным деятелям обвинения в

контр-революции. И на основании этого обвинения произошли в Церкви разделения; появилось обновленчество, лубенщина, самосвятство, ВЦС и проч., так как нашлись недостойные архипастыри и пастыри, которые или позабыли идеалы Церкви, или будучи атеистами в рясах, согласились вступить в ряды врагов Христовых и произвели вышесказанные расколы и разделения.

В первые века гонений на Церковь, христиане подавали апологии, в которых объясняли императорам, что они (христиане) вовсе не такие, какими изображали их враги – иудеи и язычники. Тогда такая апология имела смысл, т. к. римское правительство не понимало сущности христианства и часто смешивало христиан с иудеями, всегда склонными к возмущениям. В настоящее время этого сказать нельзя, нельзя упрекнуть правительство в незнании идеологии христианства, потому что правительство состоит в большинстве из христиан отступников, которым с детства известно, что в христианстве ничего нет преступного и оно чуждо земных расчетов и не вмешивается в гражданскую жизнь своих членов, следуя в этом примеру Самого Господа, Который на просьбу братьев – разделить между ними наследство, – ответил: «кто поставил Меня судить или делить вас» (Лук. XII, 14). Если же христианские императоры поддерживали Христианскую Церковь, то они, как члены Христовой Церкви обязаны были это делать на основании того правила: «что каждый гражданин, не исключая и самого императора, обязан защищать свое отечество; так и всякий христианин обязан защищать свою веру». Исходя из этого взгляда, мы видим: что языческие Римские императоры покровительствовали язычеству, магометанская власть покровительствовала исламу, православные же государи естественно покровительствовали православной Церкви, сдерживая своею властью врагов Церкви, но однако в то же время, предоставляя им возможность свободно существовать и действовать, – и Господь Бог ограничивает духов злобы, которые, если бы было попущено, говорит преподобный Макарий Египетский, то они мгновенно

стерли бы с лица земли не только христиан, но и язычников (26 бесед., стр. 193).

Пример такого ограничения действий дьявола мы видим на Иове, у которого Господь, для испытания чистоты и твердости его веры, попустил дьяволу отнять не только детей и имущество, но и самого поразить лютою проказою, однако ограничив его действие телесным составом Праведника: «вот он в руке твоей, только душу его сбереги» (Иов. 2, 6).

Декретъ «об отделении церкви от государства», хотя и бессознательно, однако выражает то истинное положение вещей, какое наблюдается в мироздании, в мире духовном и в мире физическом. Небесные чины Ангельские, человек и духи злобы созданы со свободною волею. И человек служит объектом влияния, как Ангелов так и демонов, которые только внушают человеку свои мысли, но не насилуют его волю, и от самого человека зависит послушать совета ангела или совета демона. Таково положение вещей в мире физическом. Например церковный колокол зовет христианина в Храм Божий на молитву; театр же, посредством плакатов и афиш, зовет его же на веселое представление. Ни церковный колокол, ни театр при этом не насилует человеческой воли и здесь опять от самого человека зависит послушать призыва того или другого. Вот истинное выражение, которое должно бы быть целью декрета «об отделении Церкви от государства». И у Церкви не было бы оснований его не принять.

И если бы советское правительство, состоящее из людей совершенно не верующих, стояло строго на платформе своего декрета «об отделении Церкви от государства», не вмешиваясь в жизнь Церкви, как и Церковь не вмешивается в жизнь государства, то у Церкви и коммунизма не было бы причины к столкновению; это было бы только идейная борьба и влияние на человека, подобно влиянию на душу человека Ангелов и демонов. Не было бы и обвинений духовенства и верных Богу христиан в контр-революции, которой на самом деле нет, что и доказывают негласные приговоры над духовенством, тогда как для контр-революционеров существует гласный суд. Но так как коммунизм не в силах бороться с христианством, то советское

правительство, которое, по выражению тов. Бухарина, не отделимо от коммунизма (см. Изв. от 18 авг. 1927 г., № 187 (3121), употребляет физическую силу, заключая ревностных архипастырей, пастырей и добрых христиан в тюрьмы и посылая в далекие ссылки, возводя на них ложное обвинение в контр-революции, которая чужда истинным последователям Христа. Христиане никогда не поднимали оружия против своих притеснителей, ибо сказавший: «вложи меч твой в ножны» (Иоан. 18, 11), – не заповедал им этого, но сказал: «в терпении вашем стяжите души ваши» (Лук. 21, 19). На этом основании не поднимали оружия древние христиане против своих гонителей, хотя и владели оружием; так Римский легион, состоящий из христиан, позволил себя уничтожить Максиму, не подняв в защиту себя меча, так св. мученик Андрей Стратилат (Память 19 авг.) со своими воинами (2539 чел.) спокойно преклонили свои головы на усечение. И, действительно, христиане не внешнею физическою силою, но своим терпением и верою победили царства (Евр. 11, 33). «Сия есть победа победившая мир, вера наша» (Иоан. 5, 4). Так, что победа христианства над язычеством выразилась не в превосходстве сил физических, но сил нравственных. Эти то нравственные силы нужны христианам и в настоящее время для идейной борьбы с новым врагом – коммунизмом, идеал которого есть атеизм и богоборчество; также нужны терпение и вера святых (Апок. 13, 10). И для этого высшая церковная власть и каждый христианин в частности должны определенно выяснить свое отношение к власти гражданской, не поступаясь при этом ни одной иотой из учения, канонов и догматов Церкви. При этом нужно заметить, что Церковь, как сила нравственная, выше государства, как душа выше тела. Церковь, как и душа человеческая, имеет вечное, нетленное существование. Тело же человеческое, как и государство, как предметы земные и физические, имеют временное существование: тело по смерти разлагается на свои составные части, а государство уничтожается при кончине мира, когда Господь упразднит всякое начальство, всякую власть и силу (Коринф. 15, 24). И на этом основании Церковь исполняет все требования государства, которые имеют временное земное

значение, как и душа не противится требованиям своего тела, как например: утоления голода и жажды, покрытия тела одеждами, во исполнение слов св. Писания: «никто же бо свою плоть когда возненавидел, но питает и греет ю» (Ефес. 5, 29).

Но те требования государства, которые противны заповедям Божиим, догматам и канонам Церкви, христиане не должны исполнять, ибо «должно повиноваться более Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29), а посему, повторяем, власть церковная и каждый христианин в отдельности должны определенно и твердо встать на чисто церковную точку зрения, а не искать компромиссных путей, чтобы добиться легализации. Всякие компромиссы служат знаком не силы, но слабости и ими Церковь ничего не достигнет, т. к. коммунизм всякую уступку со стороны Церкви признает как свою победу над слабым противником и только усилит свои требования, которые Церковь никогда не должна исполнять по их противоречию самому духу и идеалам Церкви.

А посему Церковь может существовать и без регистрации, т. к. Христос Господь, посылая Своих учеников и апостолов на всемирную проповедь, ничего не упомянул о регистрации, не сказал о том, что они прежде должны зарегистрироваться у иудейского синедриона или у римской языческой власти.

Конечно, регистрация хороша только тогда, когда она дает свободное существование Церкви, свободу богослужения, проповеди, церковного управления и пр., но без всяких компромиссов со стороны Церкви. Если же для регистрации Церкви требуются компромиссы, то лучше жить без регистрации, как жила Церковь первые три века христианства, когда терпела гонения, но, однако, нравственно укреплялась и умножалась в числе.

В первые три века христианства римские языческие императоры, начиная гонения на Церковь, издавали особые эдикты, эдиктами же и прекращали гонения, вовсе не требуя от христиан никаких компромиссных уступок для прекращения гонений. Так оно должно быть и теперь, так оно будет и впоследствии, когда гражданская власть убедится, что *Церковь Православная непобедима*.

Прежде, во времена гонений, требовалось от каждого христианина отказаться от своей веры и поклониться идолам. В настоящее время требуется от всей Церкви, в лице Ея архипастырей и пастырей – оправдать идеологию коммунизма и сочувствовать ей. Этого Церковь сделать не может, т. к. вера в Единого Истинного Бога и атеизм взаимно исключают друг друга и никаких компромиссов между ними быть не может. И за это несогласие Церкви с требованиями коммунизма – церковных деятелей обвиняют в контр-революции! Но контр-революция, как и революция, есть насилие, которое Церковь отвергает. Церковь предпочитает сама терпеть над собой насилие, чем отвечать ему насилием, или ему сочувствовать.

Так Церковь терпела насилие от языческих римских императоров, от еретических греко-римских императоров, благодаря которым были еретические соборы вроде Копронимова собора в 754 г. Церковь терпела насилия от греческих императоров, которые с целью добиться военной помощи от западных христиан против турок, решили подчинить восточную Православную Церковь главенству римских пап. Плодом этого насилия были две унии: Лионская в 1274 г. и Флорентийская в 1439 г. – обе отвергнутые верующим народом, который предпочел терпеть мусульманское иго, чем изменить чистоте своего Православия.

Также и Русская Православная Церковь много раз терпела насилия за синодальный период, как, напр., во времена Бирона. И самое учреждение св. Синода было насилием над Церковью. Не даром на учреждение в России Синода прислали благословение только два патриарха – Константинопольский Иеремия и Антиохийский Афанасий. Все прочие патриархи впоследствии признали Синод как свершившийся факт. И как только Русская Православная Церковь получила свободу самостоятельно определять свою судьбу, то тотчас же избрала взамен Синода св. Патриарха Тихона, которого и вся Восточная Православная Церковь с радостью поспешила признать.

Церковь идет на восток, имея своим конечным пунктом – небо. Мир идет на запад, имея конечным пунктом – дно ада. И на этих путях они часто сталкиваются, в результате чего

Церковь всегда бывает гонима. Когда гражданская власть отступает от Бога, тогда для Церкви неизбежно наступает гонение.

Коммунисты, конечно, не могут не сочувствовать успеху атеизма, а христиане, конечно, не могут не сочувствовать успеху христианства. Идейная борьба между ними неизбежна. Но, казалось бы, как ранее христианское правительство покровительствовало Христовой Церкви, одновременно предоставляя свободное существование другим религиям, даже иноверным, не требуя от них сочувствия христианству, так и неверующее советское правительство, симпатизируя и покровительствуя атеизму, по чувству элементарной справедливости должно было бы одновременно предоставить свободное существование Православной Церкви, не требуя от нее сочувствия идеям коммунизма и не вмешиваясь в Ее религиозную жизнь и в Ее управление. Но на деле – грубое насилие над Церковью.

Сравнивая ветхозаветную историю Иова с историей Церкви наших дней, скажем: как тогда праведный Иов наслаждался почетом и всеми земными благами и славословил Господа, так и Церковь Православная в Русском государстве имела господствующее положение и обладала благами земными.

Как Иову позавидовал враг, и решил его погубить, так и Церкви позавидовали враги Ее и решили Ее уничтожить.

Для посрамления диавола и прославления праведника Господь попустил диаволу отнять у Иова его детей и имущество. Так для прославления святой Церкви и посрамления врагов Ее Господь попустил отнять у Церкви все Ее материальные блага.

Как Иов, лишенный всего, благословил Господь, сказал: «Господь даде, Господь и отъял, буди благословенно имя Господне». Так и св. Церковь, лишенная благ земных, не погибла, а благословила Господа и чада Ее стали крепче верою.

Диавол посрамляемый сказал Господу: «кожу за кожу, а за жизнь свою все отдаст человек... но... коснись плоти и кости его и увидишь – благословит ли он Тебя». Так враги Церкви увидя, что она легко перенесла лишение имущества и не отвергла

веры своей, решили подвергнуть Церковь физическим страданиям. И как диавол поразил Иова лютою проказою с головы до ног так и св. Церковь подверглась страданиям с головы своей – святейшего Патриарха Тихона, до ног – до последнего верного члена Церкви Христовой.

Во время страданий Иова на гноище пришли к нему друзья его и стали обвинять его в тайных преступлениях пред Богом, говоря, что он правильно наказан, что он заслужил это. Так и во время страданий св. Церкви пришли так называемые друзья Ея – ВЦС, живоцерковники, лубенцы и обновленцы («они вышли от нас, но не были наши») и стали обвинять Церковь в контр-революции, сами признав правду социальной революции (см. Деян. Собора 1923 г.).

После обвинений друзьями Иова не вытерпела жена его, которая по слову Господню, составляла с ним плоть едину (Матф. 19, 5–6), и которой надоело скитаться по чужим людям и работать как рабыне, и она, наученная диаволом, – чтобы погубить душу праведника, которой сам он, диавол, не имел права коснуться, – посоветовала Иову сказать «некий глагол Господу», т. е. похулить Господа и умереть. Так и наша законная высшая власть, в лице митр. Сергия, которая составляет со св. Церковью плоть едину и, которой, надоело страдать за Церковь Божию, этот «столп и утверждение истины» (1Тим. 3, 15), подобно жене Иова предложил (своей декларацией) Церкви сочувствовать революции, т. е. насилию в мировом масштабе, и таким образом умереть, т. е. перестать быть Православной. И как праведный Иов ответил жене: «Ты говоришь, как одна из безумных. Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злое не будем принимать». И не даде Иов безумия Богу», – так и св. Церковь, в лице всех своих чад верных, говорит митр. Сергию и его Синоду:

– Мы отвергаем вашу декларацию, которая ведет не ко благу св. Церкви, а к ее уничтожению, т. к. в ней белое называется черным и черное белым, – и не дадим безумия Богу.

И как Иову Господь за его терпение и верность опять даровал сынов и дочерей и блага земныя, и гнев Господа возгорелся на друзей Иова, и только молитву Иова за друзей

Господь обещал принять (42, 7–9), так и св. Церковь уповает, что Господь за подвиг страдания за Церковь Божию – архипастырей, пастырей и всех верных Богу христиан, вернет в лоно св. Церкви заблудших чад ея и дарует мир Церкви Своей. Ибо Господь сказал чрез пророка: «Я – Господь, и неть иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия. Я Господь делаю все это» (Исаия 45, 6–7).

Власть гражданская, руководимая коммунистической партией, с которой она составляет одно целое, как выразился тов. Бухарин (см. Изв. от 18 авг. 1927 г., № 187 (3121), хотя имеет своей целью совершенное уничтожение Церкви Божией и ея духовенства (см. 11 ответ тов. Сталина американской делегации, Изв. от 15 сент. 1927 г., № 211 (3145), однако, видя верность Богу архипастырей, пастырей и добрых христиан, может сказать всем отступникам от Церкви и ея идеалов то, что сказал Констанций Хлор неверным христианам: «вы не были верны своему Богу, не будете верны и мне», и лишить их своей поддержки и покровительства, а Православной Церкви даровал полную свободу действий; тогда исполнятся на нас слова св. Писания: когда Господу угодны пути человека, Он и врагов примиряет с ним (Притч. 16, 7).

Подводя общий итог всему вышеизложенному, мы говорим: что декрет «об отделении Церкви от государства», даруя свободу Церкви, дарует и врагам ея свободу действий, а по сему земная Церковь Христова, подобно Ангелам, которые бдят о душах христиан и разрушают козни вражды, должна бдеть о христианах, указывая им путь спасения и разрушать, словами истины, все хитросплетения лжесловесников, сожженных в своей совести» (1Тим. 4, 2).

Церковь есть душа мира, а государство тело мира; те и другия созданы Богом и вместе составляют одно целое.

Относиться Церковь к государству должна так, как человек относится к своему телу: «ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Ефес. 5, 29).

Если же тело требует нарушения заповедей Божиих (всего чаще тело, по сладострастию, требует нарушения первой и седьмой заповедей Божиих) то душа должна противиться этому

нечестивему желанию своего тела, дабы не погибнуть вместе с ним.

Каждый гражданин обязан защищать свое отечество, а всякий христианин обязан защищать свою веру.

Враги же Церкви всех защитников и исповедников Православия стараются выставить в глазах народа как политических или уголовных преступников. Таков удел всех верных последователей Христовых. «Блаженни есте егда поносят вас и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеси» (Матф. 5, 11–12).

Начало сему положил иудейский синедрион, который обвинял Христа перед Пилатом, говоря: «Он развращает народ наш и запрещает давать подать Кесарю, называя Себя Христом Царем» (Лук. 23, 2). Тогда Христос сказал: «воздадите кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лук. 20, 25).

Далее мы видим из истории Церкви, особенно во время ересей, что всех борцов за Православие обвиняли в государственных и уголовных преступлениях и даже в безнравственной жизни. Примеры этому: св. Афанасий Великий, св. Мартин Испов., папа римск., преп. Максим Испов., св. Иоанн Дамаскин, преп. Феодор Студит, преп. Стефан Новый и многие другие Отцы. При чем тех св. исповедников веры Христовой, кои занимали высокое положение в обществе, обвиняли в государственной измене, а тех, кои по своему положению не могли быть обвинены в государственных преступлениях, обвиняли в уголовных, или в безнравственной жизни. При этом первой целью врагов Христовых было то, чтобы ослабить силу духа у исповедников сомнением – «правда ли, что они страдают за Христа, о вере в Которого их даже и не спрашивают, но обвиняют в гражданских преступлениях, которых они не совершили, и вообще угоден ли Богу их подвиг».

Только благодать Божия и чистота совести исповедников сохраняла их от падения. Верующий же народ внутренним духовным чувством побуждался следовать за ними, не взирая на обвинения их.

А по сему, возлюбленный о Христе, и в настоящее время не смущайся тем, если тебя обвиняют не за веру твою, но обвиняют в контр-революции. Помни слова Христовы: «Раб не больше Господа своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Иоан. 15, 20). Стой под Крестом Христовым мужественно и верно, когда предлежит подвиг за Его имя; ты должен изъявить в слове твердость, с какой исповедуем Его; при допросе уверенность, с какою последуем Ему; в смерти терпение, потому что через нее венчаемся. (См. муч. Киприан Карфагенский, объясн. молитвы «Отче наш»).

Декларация митр. Сергия составлена в таких выражениях, что не принятие ее с необходимостью приводит к обвинению в контр-революции.

Она, «декларация», скажем словами св. Илария Пиктовийского, обращенными к арианину Констанцию, – «подкрадывается тихо под нашим именем, умерщвляет ласково, совершает нечестие под видом набожности, уничтожает Христову веру, будучи ложной проповедницей Христа. Она все бедствия гонения располагает так, что и в грехе уничтожает помилование и в исповедании мученичество. Она научает побеждать без храбрости, умерщвлять без меча, преследовать без поношения, ненавидеть без подозрения, обманывать без соображения, исповедывать без веры, ласкать без расположения, делать, что хочешь, но не обнаруживать чего хочешь» (Иларий в книге против Констанция).

Обвинения ее следующие: Тихоновщина за то страдает, что идет против советской власти.

Болея душой за Церковь Божию весь верующий народ православный должен просить митр. Сергия, – пока еще не поздно исправить свой грех. В его декларации слышен голос чуждый голосу доброго пастыря. Св. Церковь ждет от него подвига. Он должен как добрый пастырь положить душу свою за овцы свои (Иоан. 10, 11). Но не быть виновником нового раскола в Церкви Православной. Грех раскола, по свидетельству св. муч. Киприана Карфагенского, не омоется и мученическою кровью («О единстве Церкви»). Страдания за Церковь Божию архипастырей и пастырей, по слову св. Апостола Павла, только

укрепляет верующих, «большая часть братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью безбоязненно проповедывать слово Божие» (Филип. 1, 14).

Не овцы должны увещавать пастырей, а пастыри овец, по примеру св. Апостола Павла, который говорит: «прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава» (Ефес. 3, 13).

Матерь Божия, спаси Церковь Русскую!

Все святые земли Русской, молитесь Бога о нас.

А ты, православный христианин, «будь верен до смерти и дам тебе венец жизни» (Апок. 2, 10).

12) «Уста священника» – московский документ. (Август 1927 года).

«Уста священника должны хранить ведение и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе... За то Я сделаю вас презренными и уничиженными пред всем народом, т. к. вы не соблюдаете путей Моих, лицепритствуєте в делах закона» (Малах. 2, 7–9).

Эти слова пророка Божия невольно приходят на память после прочтения последнего воззвания Митрополита Нижегородского Сергия и организованного им «Временного Патриаршего Синода», встают в ней, как обличение того пути, на котором так решительно и безоглядно они стали в этом своем воззвании. Может ли Церковь, которая есть «Столп и утверждение Истины» – может ли она и ее иерархия при каких угодно случаях и для каких угодно целей становиться на путь лжи и человекоугодничества? Нет, ибо безусловно воспрещается ей Словом Божиим (Деян. 4, 19; Иезек. 3, 18). Все, что говорится от лица Церкви, должно дышать Истиною Христовою, исходит из нея, быть сообразно ей, и всякое отклонение от Истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием чистого лика Христова, и для Церкви в конечном счете оказывается всегда позорным и вредным. Позорно и вредно есть и то дело, которое начато митр. Сергием и о котором он возвещает в изданном им воззвании, позорно и вредно потому, что в нем нет Истины, а все оно полно лжи, соображений и расчетов человеческих.

После октябрьского переворота Русская Церковь оказалась перед лицом государственной власти, не только безрелигиозной, но ярко апти-христианской, в существе своем христианству противоположной и христианство отрицающей, и потому фатально обреченной на борьбу с ним.

Церковь стоит на дороге к коммунизму в самых главных и основных пунктах: она является отрицанием коммунизма в

области его материалистической философии, его исторических концепций и практических средств его осуществления. Противоположность эта равняется противоположности между «да» и «нет», между утверждением и отрицанием, и поэтому, повторяем, неизбежны были враждебные действия Государственной власти по отношению к Церкви.

Однако власть не нашла в себе силы открыто начать бороться с Церковью, как Церковью – она делает это под видом борьбы с политической контр-революцией церковной иерархии и церковных организаций.

Но если явления политической контр-революции и имели место в словах и деяниях отдельных, немногих личностей церковной иерархии, то они были, во-первых, весьма немногочисленны, а во-вторых, быстро кончались. Кроме того несомненно, что если бы этих явлений совершенно не было, то все-таки враждебные действия советской власти по отношению к Церкви обязательно были бы, как вытекающие из гораздо более глубоких причин, чем случайное поведение тех или иных личностей, и, значит, объяснят отношения между Церковью и властью лишь политическими настроениями отдельных иерархов нельзя. Понятно, когда это делает власть, но когда это же начинает делать церковный деятель, когда напряженные отношения между Церковью и властью он начинает объяснять только как следствие контр-революционных политических настроений церковных кругов, то такому поведению трудно найти имя. До сих пор этими инсинуациями занимались обновленцы и прочие предатели и враги Церкви Христовой. И мы, и за себя лично, и от лица всей Церкви, с негодованием отвергали все такие обвинения, как ложь и клевету. Но теперь к этому хору лжесвидетелей присоединяется и Заместитель Патриаршего Местоблюстителя со своим Временным Патриаршим Св. Синодом.

Объясняя то, почему Православная Церковь в России до сих пор гонима, они пишут: «мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране.

Утверждение советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным». В другом месте недоверие правительства к Церкви митр. Сергей называет «естественным и справедливым», т. е. вину за него возлагает всецело на Церковь, а не на правительство, т. е. оказывается, что разгром церковных организаций, тюрьмы и ссылки многих епископов, отнятие храмов, беззаконие, даже с точки зрения нынешних законов, – по мнению митр. Сергия и его св. Патр. Синода «законны и справедливы».

Больше того: оказывается, что все гонения эти и вообще отсутствие мира между властью и Церковью, по мнению митр. Сергия, имеют причину только в том, что Церковь со дня на день ждала краха советской власти, и этой власти в чем-то противилась, что поэтому правы были не мы, а живисты-обновленцы, сразу «оценившие конъюктуру» и поспешившие еще пять лет тому назад сделать то, что теперь с таким опозданием делает митр. Сергей.

Неизвестно, по каким побуждениям высказаны митр. Сергием все эти, столь невероятные в устах православного иерарха, утверждения.

Но для всякого христианина ясно, что в этих утверждениях нет истины, что это опасная клевета на Церковь и ее епископов, и что в действительности враждебное отношение советской власти к Православной Церкви отнюдь не было «естественным и справедливым», как пытается утверждать в своем послании митр. Сергей.

Одна неправда влечет за собой другую. Мы видели, как несправедливо обвиняет митр. Сергей православных епископов в контр-революции, политиканстве, становясь таким образом единомышленником обновленцев и других врагов Церкви. И вот, зная, что эти его выступления вызовут справедливое возмущение и сопротивление народа церковного, митр. Сергей, с целью защитить себя, снова говорит неправду. Эта новая неправда состоит в том, что митр. Сергей старается заранее опорочить перед правительством и перед народом тех, кто по совести не сможет присоединиться к несправедливым делам его и его Синода. Этим несогласным с ним он снова навязывает

политическую контр-революцию, говоря, будто все, кто не поддерживает его в новом начинании, думают, «что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием».

Митр. Сергей знает, как опасно в настоящее время даже самое легкое подозрение в контр-революции и, тем не менее, не боится эту опасность навлекать своим воззванием на служителей и рядовых членов Церкви, на своих братьев и на своих детей, объявляя их контр-революционерами. И за что же? За то, что они не в состоянии по совести признать, что «радости и успехи советского союза – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи», «что всякий удар, направленный в союз... сознается нами, как удар, направленный в нас».

Но разве христиане, которые не всякую радость безбожно-воинствующего против всякой религии коммунизма могут считать своей радостью и не всякий успех своим успехом – тем самым политические враги советского правительства? Да и можно ли требовать от верующего христианина такого отождествления в жизненных оценках с безбожным коммунизмом, какого требует митр. Сергей. Пусть митр. Сергей не укрывается за казуистические различия сов. Союза и коммунизма: это исключается многочисленными заявлениями членов правительства, вроде сделанных недавно Бухариным, заявившим, что «наша партия неотделима от СССР» (Извест. от 18/VIII-27 г. № 187/3121).

И так оно, конечно, и есть. Поэтому всецело на совести митр. Сергия и грех несправедливого и опасного обвинения своих братьев в тяжелых политических преступлениях, и грех унижительной и чудовищной лжи и пресмыкательства перед сильными мира сего, совершаемый им от лица Церкви Святой, вопреки прямому завещанию Апостола, заповедующего не сообразоваться с веком сим... (Рим. 12, 2).

Что же понудило митр. Сергия к такому греху против Церкви Русской? – Очевидно желание этим путем добиться легального существования церковных организаций.

Вопреки примеру Господа, решительно отвергшего путь сделок с совестью для получения возможности иметь

поддержку в силах мира сего (Матф. 4, 8–10), митр. Сергей позволил себе это сделать. Каковы же результаты этой сделки с совестью?

Митр. Сергей сам пишег об этом результате в печати, что его усилия как будто «не остаются бесплодными», что с учреждением Синода «укрепляется надежда» (и только) «на приведение всего церковного правления в должный строй, и возрастает уверенность в возможности мирной жизни». Он не уверен даже в том, что легализация распространится далее Синода, а только надеется на это, и думает, кроме того, что это произойдет не скоро, а постепенно. Т. е., кроме туманных посулов и неопределенных обещаний, покамест ничего не получено.

Печальный итог, даже с точки зрения «житейских соображений». «Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся в положении нашей Православной Церкви», – говорит митр. Сергей. Да, едва ли, потому что все ясно!

Ясно почему вместе с легализацией Синода не легализируется тем самым и вся Церковь. Так бы оно должно быть, если бы Синод был действительно центром Церкви, единым с нею в мысли и жизни. Но не так на самом деле! И с легализацией Синода Церковь продолжает пребывать в беззаконном состоянии, ибо легализуется не Церковь, а всего лишь новая ориентация, носящая, к слову сказать, ярко политический характер. Церковь же легализуют лишь тогда, когда она в лице собора «даст окончательное одобрение предпринятому» (митр. Сергием) «делу», т. е. совершит тот же грех самооплевания и преступного компромисса.

Ясно и то, почему митр. Сергей, говоря о втором Поместном Соборе, ничего не говорит о необходимости избрания Собором Патриарха, а только о том, что Собор «изберет нам уже не временное, а постоянное управление».

Умолчание знаменательное. Ясно почему м-ту Сергию нужно было исказить слова Апостола, поставив условием «тихого и безмятежного жития» не молитву, как у Апостола, а повиновение законной власти, и даже более того –

повиновение, принимающее характер полной солидаризации с властью, при которой «радости и успехи ея – наши радости и успехи, а неудачи ея – наши неудачи» и т. д.

Это унижительное и постыдное условие, по справедливости оцененное в газетных комментариях к воззванию (Изв. 19/VII-1927 г.), было необходимо для того, чтобы проводимую митр. Сергием легализацию сделать по возможности более неприемлемой для всех честных церковных деятелей и тем самым уже не по суду государства, но по суду самой Церкви, лучших пастырей, как политических преступников, лишить руководственного участия в церковной жизни и тем ослабить Церковь.

Митр. Сергей обязан был выполнить то, чего он сам требовал от митр. Агафангела, от бывшего архиепископа Григория Екатеринбургского и проч. претендентов на создание новых ориентаций, – испросить благословение своего иерархического начальника. Ведь митр. Сергей – только заместитель Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное и обязанное действовать с одобрения и благословения митрополита Петра, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего господина.

Между тем, ни в протоколах Синодских заседаний, ни в самом воззвании нет никаких указаний на то, что благословение митрополита Петра запрашивалось. Частые ссылки на покойного Патриарха Тихона (что сильно сближает митр. Сергия с ВЦС, лубенцами, и проч., всегда называвшим себя продолжителями дела Патриарха), дают веские основания для заключения, что санкции от митрополита Петра не получено. А если так, то этот шаг митр. Сергия является уже крупным самочинием.

Остается еще сказать по вопросу о духовенстве, ушедшем за границу. Решение этого сложного и больного вопроса неразрывно связано с решением другого, более общего вопроса, ныне приобретающего особенно жгучий характер – о должных отношениях между Церковью и государством.

Ясно только одно, что требовать от иерархов и прочих членов клира заграничных русских церквей письменного

обязательства в своей церковной и общественной деятельности не допускать ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности к советскому правительству, – глубоко несправедливо. Кроме того, такая туманная и широкая формулировка обязательного отношения к власти может быть истолкована, как запрещение даже простого и правдивого рассказа о действительном положении Православной Церкви в сов. России, о тех кощунственных поруганиях Ея святынь и непрекращающихся гонениях на Ея служителей, которые имеют место в каждом городе, в каждом селе нашей необозримой родины.

Т. о., митр. Сергей со своим Синодом, не желая говорить правды о положении Церкви в сов. России, – запрещает и другим говорить эту правду, тем самым выступая в роли защитника гонителей Церкви Божией.

Будем же молить Господа, да услышат они это слабое, но правдивое слово, и да устрасит их пророческая угроза неизбежного позора и унижения пред всем народом за несоблюдение заповеди о хранении истины устами священническими.

«Вы – соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою, – она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям» (Матф. V, 13). Да сохранит нас всех Господь от такой участи.

Неизвестный священник из Москвы.

13) «Письмо к другу» [архиеп. Илариона (Троицкого)] от 22 октября 1927 года из Москвы.

День Казанской иконы Божией Матери.

Дорогой друг мой. Под впечатлением Вашего тревожного письма от 15 октября я заглянул в свою записную тетрадь, припомнив, по ассоциации с предметом Вашей тревоги, некоторые сравнительно давнишние свои заметки в ней. Вот, что набросано было мною *3-е марта 1924 г.*

«Может быть скоро мы окажемся среди океана нечестия малым островком. Как постепенно подкрадывалось и быстро совершилось падение самодержавия и изменился лик русской государственности, таким же образом происходит и может быстро завершиться реформационно-революционный процесс в Церкви.

Картина церковных отношений может измениться как в калейдоскопе. Обновленцы могут вдруг всплыть, как правящая в России «церковная партия», причем противников у нее может оказаться очень немного, если открытые обновленцы и скрытые предатели поладят между собою и совместно натянут на себя личину каноничности. Конечно, можно гадать иначе, – но, во всяком случае истинным чадам Вселенской Христовой Церкви надлежит бодрствовать и «стоять с горящими светильниками»».

«Трудность настоящего времени для православного человека состоит в том, (занесено мною в тетрадь под *14 января 1925 г.*), что теперешняя жизнь Церкви требует от него высоко-духовного отношения к себе. Нельзя полагаться на официальных пастырей (Епископов и иереев), нельзя формально применять каноны к решению выдвигаемых церковною жизнью вопросов, вообще нельзя ограничиваться внешне-правовым отношением к делу, а необходимо иметь духовное чувство, которое указывало бы путь Христов среди множества троп, протоптанных дикими зверями в овечьей одежде.

Жизнь поставила вопросы, которые правильно, церковно правильно, возможно разрешить только перешагивая через

обычай, форму, правило и руководясь чувствами, обученными в распознавании добра и зла. Иначе легко осквернить святыню души своей и начать сжигание совести (1Тим. 6. 2) через примирение – по правилам с ложью и нечестью, вносимыми в ограду Церкви самими епископами. На «законном» основании можно и антихриста принять...

Церковные события последних недель не являются ли подтверждением этих предчувствий. То жуткое, что предощущалось душой 2–3 года тому назад, не придвинулось ли к нам вплотную с вторичным вступлением митр. Сергия в управление Русской Православной Церкви.

Вызвавшее многообразные толки и вполне заслуженную отрицательную критику, послание митр. Сергия и его Синода не бросило ли возглавляемую им церковную организацию в омерзительные прелюбодейные объятия атеистической, богохульной и христорборческой (антихристовой) власти, и не внесло ли страшное нечестие в недра нашей Церкви.

Заметьте: изшло это послание не от раскольников обновленцев, борисовцев, и им подобных отщепенцев, и не от еретиков-живоцерковников, а от законной, канонической, повидимому православной (власти) иерархии; главные положения послания опираются на тексты Св. Писания (правда, иногда не без искажения их: см. лжетолкования на 1Тим. 2, 1–2) и на как будто однородный с настоящим опыт древней Церкви.

С другой стороны, послание стремится и надеется удовлетворить насущной потребности истомленных гонениями верующих душ, и сулит им мир и покой. И многие – многие, особенно из духовенства, сочувственно откликаются на обращение митр. Сергия и его Синода.

В результате этой симфонии богоборной власти и православной законной иерархии, получаются уже некие «благие» плоды: епископы (правда, далеко не высшего качества и не очень виновные) возвращаются из ссылки (правда, не дальних) и поставляются на епархии (правда, не на те, с которых были изгнаны), при исполняющем обязанности патриаршего местоблюстителя – м-те Сергие имеется Синод (правда, похожий скорее на оберпрокурорскую канцелярию из

законных иерархов – весьма в церковном отношении скомпрометированных своей давнишней и порочной ориентацией на безбожное ГПУ, – да и не этим одним); имя м-та Сергия произносится всеми, как имя действительного Кормчего Русской Церкви, но увы, – имя это является *фальшивой монетой*, так как фактическим распорядителем судеб Русской Церкви и Ея епископов, как гонимых, так и милуемых и поставляемых на кафедры, – является нынешний «обер-прокурор Православной Русской Церкви» – *Евгений Александрович Тучков!*

(Всего этого не осмелится отрицать митр. Сергий, явившийся несчастным инициатором, вернее – орудием чудовищного замысла – осоюзить Христа с Велиаром.)

Всякому имеющему очи, чтобы видеть и уши, чтобы слышать, – ясно, что вопреки декрету об отделении Церкви от государства, Православная Церковь вступила в тесный, живой союз с государством. И с каким государством... возглавляемым не православным царем (в свое время многие члены Церкви энергично возражали против связи Церкви и с таким государством), а властью, которая основной задачей своей ставит уничтожение на земле всякой религии, и прежде всего православного христианства, так как она в нем видит (и справедливо) основную мировую базу и первоклассную крепость в ее брани с материализмом, атеизмом, богоборчеством и сатанизмом (коему, как гласит народная молва, причастны некие из властей века сего).

«...И повел меня (один из семи ангелов) в духе в пустыню, (вещает св. Иоанн Богослов), и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными... И на челе ея написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена была упоена кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых и, видя ее, дивился удивлением великим» (Апок. XVII, 3, 5, 6).

И как было не дивиться св. Тайнозрителю, когда он узрел «преображение» Жены, облеченной в солнце, имевшей под ногами луну и на голове венец из двенадцати звезд» (Апок. 12, 1) в «великую блудницу» – (18, 2), в «мат блудницам и

мерзостям земным» – «упоенною кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых».

Друг мой, не видим ли мы нечто подобное собственными глазами. Не проходят ли пред нами события, невольно приводящие на память духовные созерцания новозаветного Тайновидца. Сопоставьте приведенные выше слова Апокалипсиса с делом и деяниями наших живоцерковников и обновленцев. Не приложимы ли они к ним до мелочей.

Гораздо значительнее, в указанном апокалипсическом смысле, представляются события последних дней, связанные с именем м-та Сергия. Значительнее хотя бы по одному тому, что усаживается на зверя багряного с именами богохульными не самочинная раскольница, а верная жена, имущая образ подлинного благочестия, видимо не оскверненного предварительным отступничеством. В этом главная, жуткая сторона того, что совершается сейчас на наших глазах, что затрагивает глубочайшие, духовные интересы чад Церкви Божией, что неизмеримо по своим последствиям, не поддающимся даже приблизительному учету, но по существу имеющим мировое значение, ибо таковое значение принадлежит изначала Церкви Христовой единой, истинной (Православной) на которую с небывалой силой ополчаются теперь силы ада, и с которой мы органически связаны не в сем только веке, но и в будущем. Как же нам быть в эти страшные минуты новой опасности, надвинувшейся по наущению вражьему на нашу мать – св. Православную Церковь? Как быть, чтобы не выпасть из Ея благодатного, спасительного лона – и не приобщиться нечестию богохульного зверя и сидящей на нем блудной жены. «Господи, скажи нам путь, в оньже пойдем!...»

«После сего я увидел, – продолжает Иоанн Богослов, – иного ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую. Земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом, говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице» (18, 1–2).

«И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нея, народ Мой, чтобы не участвовать вам во грехах ея и не подвергнуться язвам ея» (18, 4).

Не подумайте, дорогой мой, что эти апокалипсически-эсхатологические экскурсии я предлагаю в качестве непреложно-догматического толкования данных мест Откровения. Это было бы с моей стороны непозволительным притязанием, безумной дерзостью. Я только провожу линию между образами Апокалипсиса и современными церковными событиями, которые невольно обращают мысль к этим пророчесственным образам, со своей стороны бросающим яркий луч света на данные события. Можно неоднократно усматривать еще в Ветхом Завете, что одне и те же пророчества сперва исполняются в малом виде, а потом имеют еще другое высшее и окончательное исполнение. (Не привожу примеров, чтобы не растягивать письма). Это обстоятельство достаточно для опровержения делаемых мною сопоставлений, которые я предлагаю Вашему христианскому размышлению и отдаю на Ваш дружеский суд, усердно прося Ваших молитв о вразумлении меня благодатием духа истины, без которого наши человеческие соображения о предметах духовных часто оказываются лишь «пленной мысли раздражением».

Ни самая широкая ученость, ни самый глубокий природный ум, ни самая утонченная естественная мистика не могут дать удовлетворительного разумения Тайн Божиих. А здесь мы соприкасаемся с Тайной великой и, в известном смысле, последней Тайной земного бытия Церкви и человечества.

Тайной является и вопрос, естественно возникающий при чтении последнего приведенного мною стиха из Апокалипсиса, где верные призываются выйти из Вавилона, – вопрос о том – когда народ Божий должен совершить свой выход. Один чрезвычайно ученый, вдумчивый, благочестивый и скромный толкователь Апокалипсиса так отвечает на этот вопрос: «тогда, когда Вавилон будет на рубеже Суда»... «Это познала на своем опыте первенствующая Церковь, которая вышла из развалин Израиля и Иерусалима; сигналом освобождения ея был суд над ветхозаветным народом».

Тогдашняя Церковь имела достаточно ясные и даже внешне определенные указания для своего исхода (Матф. 24, 15; Марк. 13, 14 и особенно Лук. 21, 20). Можно ли сказать это о признаках предписанного Господом исхода в ту заключительную эпоху, к которой в конечном счете относятся слова Тайнозрителя, и предварением которой, можно думать, является теперешнее время.

«Рубеж Суда» не есть ни хронологически, ни внешне видимый признак. Для усмотрения его люди должны иметь отверстыми духовные очи. Фарисеям, вопрошавшим Господа; «когда придет Царствие Божие», был дан ответ – «не придет Царствие Божие с соблюдением», т. е. Царство Божие не придет приметным образом для чувственных очей, ниже рекут: «се zde или онде. Се бо Царствие Божие – внутри вас есть» (Лук. 17, 20–21).

«Это значит, – по словам епископа Игнатия Брянчанинова, – надо оставить плотскую и греховную жизнь, потом посредством покаяния и жительства по евангельским заповедям – очистить и украсить душевный храм, по совершении чего Святой Дух осеняет его, совершает окончательное очищение и убранство. В такой храм нисходит Бог и учреждает в нем свое духовное, невидимое, но вместе с тем вполне осязаемое и познаваемое царство. Кто принял внутри себя Царство Божие, тот может узнать и избежать Антихриста или противостоять ему. Кто не принял внутри себя Царство Божие, тот не узнает антихриста, тот непременно незаметным для себя образом соделается его последователем, тот не узнает приближающейся кончины мира и наступающего страшного второго пришествия Христова, оно застанет его не готовым. Никакое человеческое учение недостаточно для наставления тому, что требует наставления от Самого Бога. Стяжавший внутри себя Царствие Божие имеет руководителем Святого Духа, Который наставляет всякой истине руководимого Им Человека, не допускает его быть обманутым ложью, облекающейся для удобнейшего обмана в призраки истины.

Очень верно сказал некий блаженный инок, беседуя об антихристе: «Многие имеют веровать в антихриста, и станут

славить его как бога крепкого. Имеющие Бога всегда в себе и просвещенные сердцами увидят истину чистою верою и познают Его. Всем бо имущим Боговедение Божие и разум тогда разумно будет пришествие мучителя. Имущим же присно (всегда) ум в вещах жития сего и любящим земная, – неприятно сие будет – привязаны бо суть в вещах житейских. Аще и услышит слово – то не имут веры, но паче омерзит им глаголяй сия». Они сочтут его сумасбродом, достойным лишь презрения, сожаления. Омраченное своим плотским мудрованием человечество вовсе не будет верить второму пришествию Господа. *Придут в последние дни ругатели, по своим похотех ходяще и глаголюще – где есть обетование пришествия Его, отнележе бо отцы усопша, вся тако пребывают от начала создания* (2Петр. 3, 3–4) (Еп. Игн. Брянчанинов т. 4 стр. 266–8, изд. 3-е, 1905 г. «Поучение в понедельник 26 недели «О Царствии Божиим»).

Что господствующая ныне – «власт темная» мыслит, разсуждает и действует в стиле этих ругателей, – нельзя сомневаться, и тому не следует удивляться. Но не сочтут ли современные церковные деятели, «имущие образ благочестивый», силы же его отвергшиеся, и с «ругателями» века сего сочетавшиеся, не сочтут ли они «сумасбродством, достойным лишь презрения», тех дум, которые износит моя душа навстречу вашей...

На днях один епископ, отстаивая ориентацию митр. Сергия, запугивал своего собеседника, с негодованием отвергшего эту ориентацию, между прочим тем, что несогласные с митр. Сергием останутся в таком меньшинстве, что явятся одной из многочисленных существующих у нас мелких сект. Бедный епископ, – прибегающий к такому безсильному аргументу в защиту народившейся «советской православной церкви». Вспомнил бы он слова Спасителя о том, что «найдет ли, прийдя, Сын Человеческий, веру на земле». Вспомнил бы множество апостольских предсказаний об оскудении веры и умножении всякого нечестия в последние времена. Вспомнил бы сказанное Тайнозрителем о Церкви Сардийской, в которой лишь несколько человек «не осквернили одежд своих», и о

славной Церкви Филадельфийской, «не много имевшей силы», и не отрекавшейся от имени Христова.

«Множество» и «большинство» необходимы в парламентах и партиях, а не в Церкви Божией, являющейся столпом и утверждением истины, независимо от этих категорий и даже вопреки им (ибо имеет свидетельство в самой себе).

«Евангелие будет всем известно», говорит епископ Феофан (в толковании на 2-е послание к Солунянам), о временах предшествующих явлению антихриста, «но одна часть будет в неверии ему, другая – *наибольшая* – будет еретичествовать, не Богопреданному учению следуя, а построив себе веру своими измышлениями, хотя на основании слов Писания. Этим самоизмышленным верам числа не будет... Их и теперь уже очень много, а будет еще больше. Что ни Царство, то свое Исповедание, а там, что ни область, а далее, что ни город, а под конец, м. б. что ни голова, то свое исповедание. Где сами себе строят веру, а не принимают Богопреданную, там иначе и быть нельзя. И все также будут присвоить себе имя христиан». Это с одной стороны, с другой, по словам еп. Феофана, – «будет часть и содержащих истинную веру, как она предана св. Апостолами. Но из этих не малая часть будет по имени только правоверными, в сердце же не будет иметь того строя, который требуется верою, *возлюбив нынешний век. Хотя имя христианское будет слышаться* всюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это – *одна видимость*, внутри же отступление истинное. *На этой почве народится антихрист* – *возрастет в том же духе видимости*. Потом, отдавшись сатане, *явно* отступит от веры и... не содержащих христианства в истине увлечет к явному отступлению от Христа Господа». Стоит над этим задуматься, дорогой мой.

Уместным считаю сообщить вам следующее. Недели 2–3 тому назад я читал письмо, в котором приводились подлинная (в кавычках) слова одной не безызвестной «блаженной», сказанные ею на запрос о митр. Сергии, причем вопрошавший, указывал что митр. Сергей не погрешил против православных догматов, что он не еретик. «Что же, что не еретик, – возразила блаженная, – он хуже еретика, он

поклонился антихристу, и, если не покается, участь его в геенне вместе с сатанистами».

Все это вместе взятое и многое другое, видимое и слышимое, и заставляет живых верующих души насторожиться и внимательно всматриваться в развертывающуюся перед ними картину усаживания жены на зверя. Эти души чувствуют новую, небывалую опасность для Церкви Христовой и, естественно, бьют тревогу.

Оне, в большей части своей, не спешат окончательным разрывом с церковными прелюбодеяниями в надежде, что совесть их не сожжена до конца, а потому возможны покаяние и исправление, т. е. отвержение начатого ими темного дела. Сбудется ли это чаяние?..

От души говорю: подай Господи! Но в самой глубине ея нахожу сомнение, и, однако *пока* не ставлю точки над *и*. Пусть поставит ее время, а точнее сказать – Владыка времени. Он же да сохранит нас от легкомысленной поспешности в том *страшно* ответственном положении, в которое мы поставлены Промыслом Божиим.

Вот, друже, мой, не краткий отклик на Ваше коротенькое, но кровию сердца написанное письмо.

Господь да сохранит и да умудрит нас в эти тяжкие и жуткие минуты нашего духовного бытия.

Любящий Вас брат о Господе.

П. С. Письмо это писал, многократно отрываясь от него, в обстановке, препятствовавшей сосредоточению мысли. Поэтому не взыщи, если оно вышло отрывочным и несколько несвязным. На днях, м. б., напишу Вам еще о том же предмете, но с другой стороны касаясь его.

14) О послушании митрополиту Сергию. – Московский документ. (Осень, 1927 г.)

В новой церковной смуте, которая возникла во второе замещение митр. Сергием патриаршего заместителя, многие успокаивают свою совесть тем, что они не погрешат, если окажут послушание каноническому носителю прав первоиерарха Русской Церкви.

Слушаясь митр. Сергия, думают слушаться Церкви, слушаться Господа и Бога Иисуса Христа – Главу и Руководителя Своей Церкви: «Мы не хотим самочиния, новых расколов; нужно слушаться иерархии. Без послушания нет Церкви».

Это бесспорно. Самочинию не должно быть места в Церкви. Но самое послушание мы должны оказывать не самочинно, а так, как этому научают уставы, предания, каноны Церкви, как учит сему Свящ. Писание.

И ап. Павел не самочинничал, когда он, младший из апостолов по времени призвания и по посвящению, «ни на час» не уступил и не покорился, а «противостал» в Антиохии первому среди апостолов, первому в Церкви – апостолу Петру, за то, что он (Петр) и другие с ним, по убеждению ап. Павла, «не прямо поступали» по истине Евангельской, стали «таиться» и устранились и, опасаясь обрезанных, – лицемерили».

«И в знаменитых (речь идет о наиболее авторитетных апостолах) для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека» (Гал. 2), – говорит по этому поводу ап. Павел. Вот пример, которым св. Писание научает нас, что христианское послушание не есть слепое следование за первоиерархом, куда бы он ни шел. Ап. Павел не потерпел, из послушания Богу и истине, не ересь какую-либо, а лишь соблазнительное поведение бесспорного, Самим Господом поставленного первоапостола, первоиерарха Церкви.

Мы привели этот пример не потому, что дерзаем сравнивать с ап. Павлом современных православных, отказывающихся быть во всем послушными митр. Сергию, – но

и митр. Сергий не может, конечно, предполагать в себе большую непогрешимость и безсоблазненность, чем ап. Петр, требовать большего послушания себе, чем первый апостол и считать недопустимым слушаться епископов младших себя. Все это, при некоторой любви и смирении с обеих сторон – не раскол, не самочиние, а блюдение истины, которой столп и утверждение не один кто-нибудь – хотя бы и первоиерарх, – а вся Церковь в Целом.

Вся последующая жизнь Церкви из века в век научает нас не обольщаться, по словам Апостола (Кол. 2, 18). «самовольным смиренномудрием», а смиряться и оказывать послушание по уставу Церкви.

Смирение и послушание св. отцев Церкви было не человеческое, человекоугодническое, а по Богу, по преданию Церкви.

Вот несколько примеров, которыми Церковь научает нас. Известно, что во втором веке, когда возникли разногласия в вопросе о времени празднования Пасхи, первоиерарх Церкви, еп. Рима Виктор, пытался установить *единообразие* и хотел отлучить Азийския Церкви, неподчинявшиеся его указаниям. Тогда не только Азийския Церкви ему не подчинились, но и те, кто были с ним единомысленны, епископы разнообразных областей, противопоставили и осудили его образ действий и учили своего старшего собрата, чтобы он лучше заботился о мире и единении церквей, чем о насильственном подчинении своей воле. В числе противопоставших был вселенский наставник иерархичности Церкви св. Иринея Лионский. Противостал первоиерарху не собор всей Церкви, а противопоставили отдельные и местные церкви и епископы с мест.

Третий век известен спором св. Киприана Карфагенского с еп. Рима Стефаном. Церковь в конце концов не приняла всецело ни точки зрения св. Киприана, ни мысли и практики еп. Стефана, который признавал действительным крещение любой ереси (что было Церковью отвергнуто). Самая возможность и необходимость иногда спорить с первоиерархами Церкви признавалась самыми авторитетными святителями

третьего века (см. послания Фирмилиана Каппадок., Дионисия Александриянина и др.).

Можно было бы продолжать это перечисление из века в век – но, сказанного, думается, достаточно. Спор с первоиерахами не признавался Церковью непослушанием Богу и Церкви! И это не только тогда, когда спор касался, как у св. Максима Исповедника и Софония Иерусалимского, вопросов догматических, но и тогда, как в случаях со св. Тарасием, св. Никифором и преп. Феодором Студитом, – когда дело касалось церковной дисциплины.

Известно, что преп. Феодор (не епископ, а монах) даже порвал временно общение со св. Никифором. Церковь покрыла любовью этот разрыв, как сделанный по ревности о славе Божией, и не осудила ни того ни другого.

Вспомним из практики церковной еще урок последних лет. Всем памятно непослушание, оказанное многими святейшему Патриарху Тихону – своему любимому Первосвятителю, в вопросе о новом стиле, о поминовении власти и др. под. Святейший покрывал это любовью и сам в конце концов присоединился к непослушным, оправдав этим их непослушание.

Наоборот, можно указать множество примеров преступного послушания (свидетельствующего о забвении Бога), как например, послушание Евы змию, *мудрейшему* из животных, послушание Адама своей жене, которую дал ему Бог (Быт. 3, 12). В Библии приводится еще один пример. Один пророк был послан возвестить волю Божию в *Вефиль* к царю *Иеровоаму*, с указанием не оставаться в нем после исполнения этого повеления. В этом городе жил другой пророк, который пожелал непременно оказать ему гостеприимство. Чтобы убедить пришедшего пророка зайти к нему, он солгал ему, что зовет его к себе якобы по Божию указанию. Странник-пророк послушался и за это послушание (с забвением воли Божией) был наказан Богом смертью (3-я книга Царств, гл. 13). Библия знает и другие подобные случаи преступного послушания.

История Церкви начинается с послушания апостолов первосвященникам и гибелью еврейского народа, который

остался им послушен. И теперь сколько верующих с уснувшей совестью там, где их епископы стали обновленцами, успокаивали себя послушанием своему законному архипастырю и шли в живоцерковье.

Итак, послушание бывает спасительно, бывает и гибельное. И непослушание первоиерарху (не только еретику, но и святому) бывает гибельным, но бывает и спасительным. Но из этого не следует, что каждый волен следовать своей совести и своему разуму, не считаясь ни с кем. В этом отношении у нас существенная разница с протестантами. Мы должны оказывать *не слепое* послушание людям, хотя бы и облеченным иерархическими полномочиями, а разумно. Мы должны верить в Церковь и Ея Предание, которым и просветлять и проверять свою совесть и свой разум. Бог обильно даровал нам писания, предания, Богослужение, канонические правила и пр. соборные пути Церковные, которыми и научает нас постоянно. Божие научение нас никогда не прекращается через Богоугодных людей, только нужно иметь уши, чтобы слышать и веру и совесть чуткую. Правда, воля Божия и послушание ей не всегда сразу и легко обретаются – иногда это требует жертвы и отказа от многого нам дорогого, требует усилия, подвига, жертвы самолюбием и т. д.

Таким обр. если послушание само по себе ничего не решает в деле митр. Сергия, значит нужно искать указания и руководства в церковном предании и в современном соборном сознании Церкви, понимая под соборным сознанием нечто более глубокое, чем внешняя совокупность мнений церковных людей.

15) Встреча участника научной экспедиции Н. с Митрополитом Петром Крутицким. (Интервью.)

22 января 1928 г. Митрополит Петр, узнав, что приехала казенная экспедиция... пригласил Н. и его товарища к себе. Живет митр. Петр в отдельном домике, повидимому не нуждается, получает много посылок из Москвы, любим жителями, служит часто в местном храме. Митр. Петр имеет вид здоровый, но страдает эмфиземой легких, не может выносить дыма; так как ладана там нет, то в кадило сыпят смолу, и у него делается от этого удушье. Н. довез его из церкви домой на санках. Когда они пришли к митр. Петру, то у него был высланный священник из Рязани; там больше никаких высланных лиц духовного звания нет. Митр. Петр спросил их: «нет ли у Вас каких-нибудь новых вестей из церковной жизни?» Они ответили отрицательно, так как они уже полтора года, как выехали из Москвы. Тогда митр. Петр развернул газету и сказал:

«Я никаких писем за время своей высылки ни от каких лиц не получал, только получил воззвание отдельным оттиском и газету». Попросил Н. прочитать воззвание и спросил – как он его находит. Н. сказал: «Вероятно митр. Сергия заставили его написать». Митр. Петр взволновался и сказал: «Для первоиерарха подобное воззвание *недопустимо*. К тому же я не понимаю, – зачем собран Синод (как я вижу из подписей под воззванием) из ненадежных лиц. Так, например, епископ Филипп – еретик... В этом воззвании набрасывается на патриарха и на меня тень – будто бы мы вели сношения с заграницей политическая, между тем, кроме церковных никаких отношений не было. Я не принадлежу к числу непримиримых, мною допущено все, что можно было допустить, и мне предлагалось в более приличных выражениях подписать воззвание, – я не согласился, за это и выслан. Я доверял митр. Сергию и вижу, что ошибся». Из всего мы поняли, что митр. Петр очень стойкий и упорный в своих убеждениях.

Он был сослан сначала в Тобольск, в Абалахский монастырь. Когда к нему приехал его келейник – о. иеродиакон,

митр. Петр спросил его: с ведома ли власти он приехал, и получив отрицательный ответ, послал его заявить о приезде. За это были посажены в тюрьму и митр. Петр и келейник. После 3-х месячного сидения в тюрьме митр. Петра выслали в селение КХЕ. Еще будучи в Тобольске, митр. узнал, что хотели сделать распоряжение – не поминать его имени в церкви. «Не оскорбленное самолюбие, не обидчивость заставляют меня об этом беспокоиться, но я боюсь, что с прекращением поминания моего имени будет трудно различить Тихоновския и обновленческия церкви». Прибавил еще, что следовательно Тучков распоряжается церковными делами, как бывший обер-прокурор, что недопустимо. Говорил, что останется один и приводил в пример Афанасия Александрийского.

16) Свидание с Митрополитом Кириллом протоиереев о. Илии Пироженко и о. Петра Новосильцева (Письмо).

Добрейший и родной друг о Христе!

Наконец-то мы водворились в Турахании под самой Дудинкой, верст на двести севернее Ханатайки... Проезжая мимо митр. Кирилла повидались с ним – были мы у него в келлии. Какое у него смирение и любвеобилие. Воистину достойнейший из достойных архипастырей. Очень ободрил он нас, наш милый благодушный старичек, благословил нас иконками, разрешил служить литургию, если подыщется подходящая комната, дал нам св. мира и даже поддержал оскудевшую доро́гой нашу казну, дав нам 10 рублей.

Он сетует, что, повидимому, его письма не доходят до адресатов, и злые языки распространяют от его лица неправильныя мнения. Он вне молитвенного общения с митр. Сергием и одобряет и благословляет наших Воронежских, вас и всех верных. Рассказывал нам, как все исполненное митр. Сергием было предложено ему и он рад, что остался на прямолинейном пути.

Доро́го нам досталось это свидание, но именно оно этим нам и доро́го. В нашем станке мы нашли едва три домика, – леса и дров уже на месте нет, хотя около аввы К. он еще есть родненький. Повидали мы и Преосвященного Николая Владимирского с его двумя «викариями»: у этого старца полное единомыслие с митр. Кириллом. Большое они оставили у нас впечатление.

Да, большие люди, великие христиане.

Держитесь же крепче, и тем покажите, что Вы не забываете нас. Будем в единомыслии и Господь сохранит нас.

Преданные Вам,

Протоиереи Илия Пироженко и Петр Новосильцев.

Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.) Православное почитание Пресвятой Богородицы.

Пресвятая Богородица, Божия Мать, Приснодева Мария есть бесспорно наивысшее существо из всех сотворенных Богом разумных существ. Она несравненно выше всех наивысших чинов ангельских и всех самых святейших святых людей.

Она – единственная из всех смертных прошла через смерть, воскресенье и преображение плоти и взята Своим Сыном и Спасителем мира на небо.

Для осуществления тайны Боговоплощения Господу было угодно приуготовить Себе место – живой одухотворенный храм. Этим храмом избрал Он смиреннейшую, кротчайшую и чистейшую Деву Марию. Дева Мария – это лучший дар человечества Богу, лучший подарок от земли – небу.

Отец Пресвятой Девы Марии – св. праведный Иоаким – происходил из царского рода (он вел свое происхождение от сына царя Давида – Нафана), а мать Ея, святая и праведная Анна, происходила из архиерейского рода (она была дочерью священника Матфана из племени Ааронова). Но знатность и духовность происхождения были лишь прекрасным фоном, на котором ярко сияли личные безчисленные добродетели свв. Богоотец Иоакима и Анны: целомудрие, смирение, кротость, чистота сердца, незлобивость, непоколебимая вера в Бога, неумирающая надежда на Него и глубокая любовь к Богу и ближним.

Будучи бездетными до глубокой старости, они терпеливо и безропотно сносили всеобщее презрение и поношение и не отчаивались неотступно стучать, просить и молить Бога о даровании им дитяти. Рожденное чадо они обещали всецело посвятить Богу. Господь услышал молитвы дивных праведников и даровал им дочь. Вестник Господа, – Архангел Гавриил, принес с неба от Самого Триипостасного Бога имя Святой Деве – «Мария», что значит «госпожа».

Пресвятая Дева и стала впоследствии Госпожей всего мира видимого и невидимого, людей и ангелов, Царицей земной и небесной, первой и наивысшей Властью после власти Господней.

Свв. Богоотцы Иоаким и Анна, по рождестве Пресвятой Девы, выполнили свой обет и посвятили рожденное чадо Богу. С «тщательной осмотрительностью» (по словам св. Димитрия Ростовского) воспитали они младенца. В атмосфере постоянных молитв и славословия а благодарения Богу росла Пречистая Дева, дышала благоуханием окружающей Ее святости, всем существом своим приготавливаясь к великой, чудной благодатной тайне совершенно особенного, исключительного, непостижимого уму Богообщения.

Когда Ей исполнилось три года – родители ввели Ее в храм Господень и целиком отдали Богу. Через несколько лет после этого «Введения во храм», на 80 году жизни, скончался св. Иоаким; св. Анна, оставшись вдовой, пришла в Иерусалим и поселилась около своей Пресвятой Дочери, молясь за Нее непрестанно в храме Господнем. Через два года скончалась на 80 году жизни и св. Анна. Пресвятая же Отроковица Мария, оставшись круглой сиротой, после смерти своих родителей уже не отвлекалась никакими душевными земными привязанностями, вся отдалась Богу, проводя все время в храме, занимаясь чтением священных книг, молитвами и благочестивыми размышлениями.

На пороге младенчества и отрочества начав свой подлинно монашеский подвиг, Пресвятая Дева Мария на грани между отрочеством и юностью уже достигла такой духовной и телесной чистоты, что стала достойной стать Невестой Невестной Святого Духа. Об этом Ей благовестил Вестник Господень Архангел Гавриил, возвестивший некогда Ея свв. родителям радость Ея рождения.

Круг Богородичных праздников, празднуемых св. Православной Церковью, можно рассматривать как символическую цепь событий, обрамляющих тайну Богочеловечества.

В день Рождества Пресвятой Богородицы (8-го сентября), когда земля приносит плоды, человечество принесло Богу свой наилучший плод, свой благоуханный цветок – Св. Деву Марию.

В день «Введения во храм» (21 ноября) 3-х летняя Отрррововица была удочерена Самим Богом Отцом.

В день «Благовещения» – Пречистая Дева сподобилась стать вечной Невестой Неневестной Бога Духа Святого.

В день «Рождества Христова» Приснодева Мария стала Пречистой и Преблагословенной Матерью Бога Сына – Пресвятой Богородицей.

В день своего «Успения» Пресвятая Богородица, воскреснув в преображенном теле, и вознесясь на небо, не покинула земного мира человекрв, а стала Матерью всем людям, молитвенницей и ходатаицей перед Богом за весь человеческий род.

«В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице. Преставилася еси к Животу, Мати сущи Живота; и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша», – воспеваеи об этом св. Православная Церковь.

Благодатная Дочь Бога Отца, Мать Бога Сына и Невеста Неневестная Бога Духа Святого, Пречистая Приснодева Мария стала Матерью Господней, Царицей и Владычицей всех людей и всех Ангелов.

О том, что Пресвятая Богородица «во успении Своем не оставила мира», свидетельствует и св. Андрей, Христа ради юродивый. Восхищенный в Рай, он не нашел там Пречистой Госпожи Богородицы. Недоумевающий об этом, он услышал голос: «Пресветлейшую небесных сил Царицу хотел ты увидеть здесь? Но Ея здесь нет. Она удалилась в многобедствующий мир – помогать людям и утешать скорбящих».

О чести и славе Пресвятой Девы Марии дивными словами повествует св. Димитрий Ростовский: «Она увенчана славой и честью; увенчана славой, ибо произрасла из царского корня, увенчана честью, потому что произошла из племени архиерейского. Увенчана славой, потому что произошла от целомудренных родителей, увенчана честью, потому что почтена благовещением служителя Архангела. Увенчана

славою, как Матерь Божия, ибо что́ может быть славнее того, кто родит Бога? Увенчана честью, как Приснодева, ибо что может быть почетнее, как пребыть и по рождестве девою? Увенчана славою, *славнейшая* Серафим, как серафимскими возлюбленная Богом. Увенчана честью, *честнейшая* Херувим, как превзошедшая херувимов мудростию и познанием Божества».

В заключение своего славословия Пресвятой Девы Марии св. Димитрий Ростовский говорит: «Она сохранила *все* заповеди Господни, исполнила *всю* волю Господню, *все* наставления Его соблюла, *все* слова Его сокрыла в сердце Своем, оказала ближним *все* дела милосердия. Посему достойно Она увенчана, как творящая *все* *благое*» («Слово на Рождество Богородицы»).

Пресв. Дева Мария – самое кротчайшее и самое смиреннейшее существо во всей вселенной. Пророчество праведного Симеона: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» – в полной мере исполнилось на Пресвятой Богородице. Голгофа Ея Сына и была этим оружием, пронзившим душу Пречистой Девы Матери. «Душа Моя скорбит смертельно», – молился Ея Сын, Спаситель мира, в Гефсиманском саду. Могла-ли Ея Пречистая Матерь скорбеть менее?

Взирая на распятого Сына – не сораспиналась-ли с Ним и Ея Пречистая Матерь?

А какую бездонную глубину материнской скорби несла в Своем сердце Пресвятая Богородица, когда вел Ея домой св. Иоанн Богослов после смерти Спасителя!

И ни единым словом не выразила своей скорби скорбящая Мать. Голос Приснодевы Марии – самый *тихий* из всех голосов мира. Мало слов Ея дошло до нас. Зато как драгоценно каждое тихое и кроткое, чистое и святое Ея слово.

«За каждое праздное слово каждый человек даст ответ в день суда».

Все люди, даже самые совершенные, самые святые и чистые, даже величайшие молчальники – дадут ответ за какие-нибудь свои праздные слова.

Только одна Богоматерь не сказала за всю Свою жизнь ни одного праздного слова. В Св. Евангелии запечатлены для

человечества все Ея немногочисленные слова – драгоценный бисер духовной сокровищницы слова: в беседе с Архангелом Гавриилом во время Благовещения; в беседе с праведной Елисаветой, в кротком упреке-вопросе 12-ти летнему Сыну в Иерусалимском храме, в смиренной просьбе на браке в Кане Галилейской.

Но ни с Голгофы, ни с Пятидесятницы, ни от Успения – не дошло до нас ни единого слова.

Молчание – таинство будущего века – было подлинной стихией духа Приснодевы Матери Богородицы. Иначе и не могло быть. Ибо разве можно найти слова человеческие для выражения сущности тайны воплощения Бога-Слова?

По объяснению св. Григория Синаита, Богоматерь была тем единственным словесным сосудом, в который Бог вселился самым существом Своим. «Такое принятие в себя Бога, – говорит епископ Игнатий Брянчанинов, – очевидно, есть единственное, исключительное, безпримерное, недоступное ни для святых человеков, ни для св. ангелов, принадлежащее одной Богоматери».

«Однако, при всем величии Божией Матери, – продолжает епископ Игнатий, – Ея зачатие совершилось по общему закону человечества, следовательно, общее исповедание рода человеческого о зачатии в беззаконии и рождении во грехе, принадлежит и Богоматери. Произнесла смиренная и благоговейная Мария это исповедание во услышание вселенной: «Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе – Спасе Моем». Если же рожденный Ею Бог есть вместе и Ея *Спаситель*, то Она зачата и рождена во грехе по общему закону падшего человечества... Зачалась и родилась Дева Мария в погибели, в падении, в узах вечной смерти и греха, родилась в состоянии, общем всему человеческому роду. Рождение Ею Бога, Спасителя Ея и всех человеков, доставило Ей величие, превысшее величия безгрешных Ангелов, не вкушивших. душевной смерти и не нуждающихся в Спасителе».

Сошествие Святого Духа на Пречистую Марию совершилось дважды: в ден Благовещения и в Пятидесятницу. По учению Православной Церкви только при вторичном сошествии Святого

Духа в Пятидесятницу совершилось в Пресвятой Богородице (как и у свв. Апостолов) *разрушение вечной смерти*.

«Может быть, – пишет по этому поводу тот же епископ Игнатий, – некоторым покажется непонятным, почему при первом наитии Святого Духа на Деву не совершилось разрушение в Ней вечной смерти? Это разрушение вечной смерти *было плодом искупления*: прежде нежели совершилось искупление, оно не могло иметь места».

Учение Православной Церкви о чести и славе Приснодевы Марии, родившей Бога и Спасителя мира, но нуждавшейся и Самой в спасении через Своего Сына – чуждо и учению католиков и учению протестантов.

Католики приписывают Божией Матери зачатие вне первородного греха, подобно зачатию Спасителя, а учение протестантов Деву не признает Приснодевой.

Протестанты утверждают, что Богоматерь, по рождении Ею Богочеловека, нарушила девство Свое, вступила с Иосифом в отношения жены и имела от него других детей. Лютер и с ним все протестанты находят девство вообще неестественным человеку. По этому вопросу епископ Игнатий Брянчанинов в своем «Изложении учения Православной Церкви о Божией Матери», пишет следующее:

«Православная Церковь признает девство естественным человечеству, признает собственно естеством человеческим то естество, в котором он был сотворен. Состояние падения, в котором ныне находится все человечество, есть состояние неестественное, нижеестественное, противоестественное... Сам Спаситель был, по человечеству, всесвятым девственником; Его Мать была благодатною Пречистою Девою. Девство, естественное естеству человеческому в первобытном состоянии естества, не естественное естеству падшему, *возвращено*, как дар, естеству, обновленному Спасителем. Пречистая, Преблагословенная, Благодатная Приснодева Мария являла Собою не только внутреннее духовное совершенство, но и внешним обликом Своим поражала всех окружающих, способных лицезреть непорочную красоту.

Св. Дионисий Ареопагит, знаменитый ученый афинянин, обращенный в христианство ап. Павлом, посетив Богоматерь в доме св. Евангелиста Иоанна, писал ап. Павлу: «Я видел своими очами Богообразную и паче всех небесных духов святейшую Матерь Христа Иисуса, Господа нашего. Когда я был введен пред лицо Богообразной Пресвятой Девы... то облистано меня столь великое и безмерное божественное, сильное, не только извне, но еще более *просветленное* внутри, и исполнился я такого предивного и разнообразного благоухания, что ни немощное мое тело, ни дух не возмogli понести таковых и толиких знамений и начатков вечного блаженства и славы: изнемогло сердце мое, изнемог дух мой во мне от Ея божественной славы и благодати. Свидетельствую Богом, имевшим жительство в чистейшей утробе Девы, что еслиб я не содержал в памяти и в новопросвещенном уме твое божественное учение и заповедания, то я признал бы Деву Богом и почтил бы Ее поклонением, подобающим единому истинному Богу».

Никто так полно и так просто не исполнил основных заповедей Христовых, как Его Пречистая Матерь. Любовь к Богу и любовь к ближнему ни у кого не были в такой дивной гармонии, как у Пречистой Богородицы.

Пред Своею смертью на кресте, Спаситель усыновил Пречистой Матери Своей любимого ученика св. Иоанна Богослова и в его лице – весь род человеческий.

И с тех пор Пресвятая Богородица навсегда сделалась живой связью земли с небом, воистину «Лестницей Иакова», вечной Заступницей грешных людей пред Своим Сыном и Богом.

Богочеловек Спаситель заимствовал Свою плоть от плоти Своей Матери. Не случайно и лики Матери и Сына Православная Церковь на многих иконах изображает родственно-сходными. Заимствованием плоти Пречистой Своей Матери, Спаситель освятил вообще человеческую плоть, а Мать Свою поставил *по власти* – выше всех после Бога. Поэтому Православная Церковь, обращаясь ко всем святым Ангелам и человекам говорит: «Молите Бога о нас», и только к одной

Богоматери обращается дерзновенно: «Пресвятая Богородице, *спаси нас*».

Св. Иоанн Златоуст утверждал, что самое сильное предстательство пред Богом на небесах, это – предстательство Божией Матери. Никакая благодать не посылается людям без заступничества Божией Матери. У Бога молитвы и заступничество Богоматери более ценны, чем молитвы и заступничество всех святых.

«Чрез Тебя, о Матерь Божия, – восклицает св. Ефрем Сирин, – от Адама и до скончания века текла, течет и будет течь всякая слава, всякая честь и всякая святость!»

В свете этого православного учения становится понятным, почему преподобный Серафим всю жизнь свою молился и умер пред иконой Божией Матери «Умиление» (без Младенца).

В чрезвычайно интересном и духовно поучительном повествовании г. Иксюля («Невероятное, но истинное происшествие», изд. Троиц. Серг. Лавры, 1908 г.) сообщается, какую силу над бесами имеет только одно призывание имени Девы Марии. Пресвятая Богородица – духовно совершенна. Но пред Богом – «и совершенных несовершенному совершенство». Поэтому, размышляя о силе св. таинства Евхаристии, св. Иоанн Кассиан Римлянин дерзает сказать, что оно «усовершенствует и Совершенную Богородицу».

Православный и католический культ почитания Пресвятой Богородицы – глубоко различны и мистически и психологически.

Пресвятая Богородица для католиков – прежде всего Мадонна, прежде всего объект рыцарского служения Ей, объект обожания, восторженных похвал Ея достоинствам, объект любования и нравственной и физической красотой. Затем Она – Царица, предмет почитания Ея царского достоинства. И, наконец, Она недостижима, идеально свята, Она – *сверхчеловек*, непорочно зачатая, врожденно безгрешная, без бывшего прародительского греха, а потому и не нуждавшаяся Сама в спасении и в Спасителе.

Для православного же сознания, Пресвятая Богородица прежде всего МАТЬ, матерински любящая и понимающая людей, скорбящая *мать* за грехи своих детей, матерински

любимая своими детьми – грешными людьми грешного мира – «теплая Заступница мира холодного». При этом, Пресвятая Дева – *Мать*, плоть от плоти и кровь от крови человеческой. Она не сверхчеловек, а обыкновенный человек, как все мы, так же родившаяся под тяжестью греха в юдоли земной, так же как и мы, нуждавшаяся в спасении от греха и смерти, так же как и все люди, страдавшая величайшими скорбями, какия только могут быть посланы человеческому сердцу.

И в то же время – Она *благодатная* Мария, Госпожа, Царица и Владычица земная и небесная и Мать Бога, Богородица, «честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим».

Как человек, Она все понимает.

Как Матерь Божия – все может!

Родная Мать людей и родная Мать Божия!

За чистоту Свою Пречистая Приснодева вызывает *умиление* всех сердец человеческих, тоскующих по чистоте сердца, чтобы узреть Бога.

«Пречистая Мати!» – вот те православные слова, которые прежде всего звучат в православных сердцах.

И мы, православные, любим Ее, как Мать, как самое дорогое, самое чистое, что только знаем в жизни.

Любовь к Матери – чиста и свята.

В любви к Матери не может быть никакой нечистоты.

В католическом же культе Мадонны, к платонической любви часто присоединяется и тонкий чувственный элемент, элемент любви к «Прекрасной Даме», к «вечной Женственности» и т. п.

Вся Православная догматика проникнута незримо присутствием Богоматери.

Православный мистический опыт в отношении к Пресвятой Богородице – неисчерпаемо широк и глубок. Нет, не было и не будет ни одного истинного христианина, который не имел бы в своей жизни явной чудесной помощи Пресвятой Богородицы и даже неоднократно. Особенно много помощи от Богоматери получают матери, молящиеся за своих детей.

Огромное количество чудотворных Богородичных икон – свидетельствуют о неизсякаемости Ее помощи всему

человеческому роду. Праздник «Покрова» свидетельствует о том же. Названия икон Богородицы – говорят о характере Ея помощи: «Всех скорбящих Радость», «Нечаянная радость», «Споручница грешных», «Скоропослушница», «Благоуханный цвет», «Умиления», «Умягчение злых сердец» и т. п.

Из необозримого количества чудотворных икон Пресв. Богородицы, в России особенным почитанием пользуются: Казанская, Владимирская, Тихвинская, Смоленская (Одигитрия, что значит «Путеводительница»), Знамения (особенно Курско-Коренная, спутница Российского беженства до наших дней), Почаевская, Иверская, Ченстоховская, Державная и др.

Литургическая практика в отношении к Пресвятой Богородице – необъятна.

«Богородице, Дево, радуйся» – молитва, составленная из приветствия Архангела Гавриила и праведной Елисаветы, – стала в России самой первой молитвой, с которой начинается религиозное церковно-православное воспитание и образование младенца.

«Достойно есть» – молитва, начатая человеком и заключенная Ангелом – сделалась молитвой, которой заканчивается и венчается всякое православное собрание от собора епископов до приходского совещания прихожан.

«Взбранной Воеводе», «О Тебе радуется», и «Не имамы иныя помощи», «Под Твою милость» и др. – напоены безчисленными слезами радости и скорби, умиления и благодарности молящихся.

Акафисты Пресвятой Богородице благоухают райским благоуханием и сияют семицветной радугой славословия «Невесты невестной», Той, про Которую поется: «Радуйся, высоту неудобовосходимая человеческими помыслы; радуйся глубино, неудобозримая и ангельскими очима»... «Радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии; радуйся, древо благосеннолиственное, имже покрываются мнози». Много раз Пресвятая Богородица являлась Своим избранникам, из которых в России самым любимыми Ею были: преп. Сергей Радонежский и преп. Серафим Саровский.

«Этот – рода нашего», сказала о последнем Пресвятая Дева. Надо полагать, что «рода нашего» – означает девственников.

Богословская, на всех языках, литература о Пресвятой Богородице совершенно необъятна и представляет собою особую специальную науку – «Мариологию».

Иконография Богоматери также необъятна (См. 3 тома Кондакова: «Иконография Богоматери»).

Искусство всех времен и народов от Р. Х. до наших дней посвятило Пресвятой Богородице безчисленное множество трудов: религиозная музыка, религиозная живопись и поэзия запечатлели каждое слово и каждый известный из св. Писания и предания шаг Ея жизни.

Но все произведения искусства безсильны дать подлинный духовный облик Богоматери. Только молитвой и иконой можно «достойно и праведно» славить Приснодеву Марию, Матерь Божию, как и Ея Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя мира. Эту истину давно уже усвоило Православие, особенно Православие Русское.

«Богородице, Дево, радуйся!»

«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь: ангельский собор и человеческий род!»

«Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице!»

«Пресвятая Богородице, спаси нас!»

Проф. И М. Андреев.

Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.) **Непобедимая и непостижимая сила Креста** **Христового.**

Непобедимая, и непостижимая, и божественная сила честного и животворящего креста, не остави нас грешных (Из последов. великого повечерия).

Крест – символ Христианства; величайший, глубочайший, неисчерпаемый символ.

Восьмиконечный крест – символ Православия.

Взирая на крест умом и сердцем – христианин углубляется в этот святой символ и духовно растет. Как для растения необходимы: почва, влага и солнце с его светом и теплом, так христианину нужен крест Христов для духовной и телесной жизни, ибо в кресте Христовом для него и питание, и питье, и тепло и свет.

Все ли знают – что такое крест для истинного христианина? Все ли понимают, что содержание этого христианского символа воистину неисчерпаемо? Попробуем немного сосредоточиться для благочестивого размышления над крестом, над тем самым крестом, который, в Крестопоклонную неделю, Святая Церковь выносит нам для напоминания о Страстях Христовых.

Наше трудное, страшное, лукавое, торопливое время – не позволяет сосредоточиться. Люди жаждут развлечения, разнообразия ощущений, представлений, мыслей, чувств и действий. А крест зовет к противоположному. В нем нет движения, перемен, разнообразия внешнего. Крест требует сосредоточенного внимания в глубину духа. И тогда в его простоте, неподвижности и безмолвии – откроется безконечное содержание и бездонная глубина смысла.

Св. Апостол Павел ничего в мире не хотел знать «кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Коринф. 2, 2). Потому что познание Господа Иисуса Христа, на кресте распятого, дает все, что нужно человеку. Крест сделан из древа познания добра и зла, к которому дерзновенно прикоснулся, несмотря на запрещающую заповедь Господню, первый человек. На кресте

Господь наш Иисус Христос раздрал рукописание греха Адамова и соделал спасение людей. И этот крест, произшедший от древа познания добра и зла, принесшего людям смерть, через орошение божественною кровью преобразился в древо жизни. Каждый крест, изображающий распятого Спасителя, безмолвно говорит нам: «Вот что Я сделал для тебя. Что же сделал ты для Меня?» На кресте написано все, что необходимо нам знать о Боге и о себе: наше падение и наше возстановление, наш грех и божественное милосердие. Крест научает нас великому терпению и смирению, любви и всепрощению, распятию нашей плоти и надежде на вечное спасение. Распростертыя распятые руки явно свидетельствуют нам, что Господь не хочет смерти грешника и готов простить и обнять всех истинно кающихся, как бы грешны они не были.

Прообразы креста мы находим уже в Ветхом Завете. Патриарх Иаков крестообразно благословил детей Иосифа – Ефрема и Манассию (Быт. 48 гл.). Моисей начертал крест своим жезлом на волнах Чермного моря (Исх. 14 гл.). Из последнего примера мы видим, что крест имеет силу преодолевать даже законы природы. Есть и другие примеры, когда крестом «побеждается естества чин»: так, напр., св. мученица Василисса Никомидийская, оградив себя крестным знамением, стояла посреди пламени без всякого вреда; так, св. епископ Юлиан, начертав св. крест на чаше с ядом, выпил ее без всякого вреда. Крест есть и знамя победы воинской. Когда Амаликитяне напали на евреев, по исхождении их из Египта, Моисей, поддерживаемый священниками во время молитвы, крестообразно простирал свои руки и амаликитяне были побеждены (Исх. 16, 11). Св. Киприан Карфагенский объясняет, что израильтяне победили потому, что крестообразное простирание рук было прообразом креста Христова. Наиболее ясно была засвидетельствована победная сила креста Христова в видении Императора Константина Великого: блестящего креста на ясном небе со словами «сим победиши».

Крест подает и исцеления. В Ветхом Завете прообраз креста – медный змий – исцелял от смерти всех ужаленных змиями, посланными Богом в наказание евреям за их ропот.

Если прообраз креста обладал такой целительной силой, то насколько сильнее исцеляет сам крест Христов. Православная Церковь с древнейших времен до настоящего времени считает крест великой защитой от всякой заразы, как телесной, так и духовной. Вот почему ношение креста на груди началось у христиан с древнейших времен. Ношение креста на груди рассматривалось: 1) как исповедание себя христианином, и 2) как защита, для «отгнания всяких зол». И до наших дней, на нателных крестах можно часто найти надпись: «Господи! Спаси и сохрани!» Освящая крестик, священник молится о том, чтобы он был «всякому, на себе носящему, защищение и соблюдение от всякого зла души и телу спасительное, и в умножение в нем духовных дарований и христианских добродетелей», и был бы исполнен «силы и крепости к прогнанию и разорению диавольския козни, в защищение души и тела от лица враг видимых и невидимых и от всякого зла» (Дополнительный требник).

В каноне «Честному и животворящему кресту» (Творение Григория Синаита), Православная Церковь воспевает: «Кресте, ты ми сила буди, крепость и держава, избавитель предратник на борющия мя, щит и хранитель, победа и утверждение мое, присно соблюдая мя и покрывая». «Яко триобоудный меч начала тьмы сечеши... кресте, оружие великое Христово и непобедимое победительство всеильное». Ибо «крест есть знамение непостижимыя Троицы жизненосче».

Крест есть великое непреоборимое оружие, поборающее все. Но надо уметь пользоваться этим оружием, этой силой. Ведь и обычное оружие (огнестрельное и холодное) м. б. безсильным в неопытных руках и даже опасным для самого носителя. Непреоборимым оружием и всепобеждающей силой крест становится лишь при условии веры и благоговения. Без веры и благоговения нельзя пользоваться силой креста и употреблять его как оружие, ибо это есть оружие святой правды Христовой. Без веры и благоговения нельзя и осенять себя или других крестным знаменiem.

Враги креста – враги Христовы. Во времена Запорожской Сечи таких врагов узнавали просто: достаточно было

посмотреть, как человек прочитывал «Отче наш» и осенял себя православным крестным знамением.

В православном учении о так называемой «прелести» отмечается, что дьявол не в силах дать видение правильного и ясного креста, как не в силах явиться в виде Пресвятой Богородицы или троекратно повторить пророческого видения.

Чрезвычайно знаменательно, что известная всемирно организация ИМКА отказалась от символа креста и заменила его... треугольником (углом вниз).

Сектанты не почитают святого Креста, икон и святых мощей.

Крест – прежде всего есть символ нашего спасения. Когда мы знаменуем себя крестным знамением, то этим самым, в молитве нашей, мы молимся Богу Отцу через крест Его Сына (при чтении молитвы «Отче наш»), или Самому Богу Сыну, Спасителю нашему – чрез крест Его Голгофы (в молитвах к Господу Иисусу Христу), или Богу Духу Святому (молитва «Царю Небесный») – опять через крест Спасителя, крестом стяжавшего право послать нам Утешителя. Особенное значение имеет наложение на себя крестного знамения при мольбе о прощении и спасении, ибо никакими собственными заслугами, как бы они ни были велики, мы прощены и спасены быть не можем! Только заслугами Страстей Христовых, ценой драгоценной крови Его, после нашего покаяния с плодами, дерзаем мы надеяться на прощение и спасение. Вот каков первый глубокий смысл осенения себя крестным знамением. Можно ли, понимая это, делать его небрежно.

Крест – самое сильное и всемогущее утешение и укрепление в скорбях, в унынии и отчаянии. Крест – последняя надежда отчаявшихся – никогда не посрамляет надеющихся. Достаточно мысленно представить себе Распятого на кресте Спасителя и только уголком сердца вознамериться покаяться, – как Спаситель, целующий намерения, тотчас, никогда не медля, посылает всесильную помощь. Безчисленное количество людей было спасено от самоубийства в одно мгновение за мысленное обращение с верой к распятому Спасителю.

С креста – раздалась молитва о прощении врагов.

С креста – был помилован раскаявшийся благоразумный разбойник.

С креста – св. Апостол Иоанн Богослов (а с ним и все верующие христиане) был усыновлен Пресвятой Богородице, непостыдной надежде ненадежных.

Мать Божия стояла у креста – со скрещенными на груди руками. Она первая скрестила руки перед крестом Своего Сына и Бога, сораспавшись с Ним Своим Материнским сердцем, вспомнившим на Голгофе о словах пророчества Праведнато Симеона: «И Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец». Смеем ли мы, поняв это, не открыть помышления нашего сердца? И скрещивая на груди свои руки, смеем ли мы не вспомнить сердцем Ея святыя скрещенныя руки?

Подходя к св. Чаше, мы всегда крестообразно складываем свои руки. Не крестимся (чтобы нечаянно не задеть св. Чаши), а держим крест на груди. Причащаясь, мы стоим как бы у креста, вместе с Пресв. Богородицей, ибо причащаемся мы Тела и Крови Распятого на кресте.

«Со страхом Божиим и верою приступите». Можно ли без страха и веры подходить к Распятому Спасителю, при лицезрении Которого солнце померкло, и земля содрогнулась, как живая, и Ангелы не в силах от св. ужаса были видеть Страстей Господних?

Крест научает нас смирению и терпению, трезвению и разсуждению, чистоте сердца, вере, надежде и нелицемерной любви Христовой, которая так резко отличается от обычной человеческой любви. Обычная земная человеческая любовь – эгоцентрична и эгоистична, тогда как истинная Христова любовь – жертвенно-сострадательна. Путеводитель истинной любви – всегда крест, с которым истинная любовь воистину, «сильнее смерти».

Все святыя Таинства Церкви Христовой – тесно связаны с крестом: Крещение – все под знаком креста; Миропомазание – тоже; Покаяние есть «второе крещение», «крещение слезами»; Елеосвящение – сугубое крещение слезами покаяния; Брак – есть крещение на совместную жизнь мужа и жены;

Священство – крещение на служение Церкви, а св. Евхаристия без креста и немыслима вовсе. Св. Иоанн Кассиан Римлянин, размышляя о Таинстве креста – Евхаристии, утверждает, что это Таинство будет вечно совершаться в Царстве Небесном Самим Первосвященником-Христом. Ибо никогда, во веки веков не может быть забыта Жертва Креста Христова.

Крест Христов, у истинного христианина, не может не вызвать ответной, благодарной, сострадательно-жертвенной любви к Господу, а с ней и желания сораспяться со Христом. Ведь Крест молча и молит об этом. Одевая на грудь нательный крест, или осеняя себя крестным знамением, или скрещивая свои руки на груди, мы, христиане, свидетельствуем, что готовы нести крест безропотно, смиренно, добровольно, с радостью, ибо любим Христа и хотим сострадать с Ним, ради Него. Крест Христов не только зовет нас на добровольные страдания, но и показывает пример невинных мук, которая венчает высшей наградой – венцом терновым со Своего Святого Чела. И вся «Карамазовская» проблема: «чем можно оправдать страдания безвинных младенцев» – разрешается так ясно и глубоко-просто перед лицом невинно распятого на кресте Спасителя. Но крест символ не только страданий. Он символ и победы, и торжества любви и правды; он символ и вечной радости, которая последует за временными страданиями, и которой уже никто не отнимет от нас. Крест неложно обещает нам, что всякая слезинка будет утерта, что всякая скорбь, ради Христа понесенная, превратится в радость, что капли слез, крови и предсмертного пота христиан, любящих Христа – превратятся в алмазы, рубины и перлы несказанной красоты в Царстве Небесном.

Крест зовет к подвигу и обещает помощь, победу, торжество и члаву Воскресения.

Из всего вышесказанного становится понятным, почему вся жизнь христианина, со дня рождения до последнего вздоха на земле, и даже после смерти – сопровождается крестом. Осеняет себя и родившегося младенца – мать, после скорби родов «непомнящая себя от радости, что родился человек в мир». Крещается младенец в св. Купели, в освященной крестом

воде. С первыми признаками умственного и сердечного развития младенца – узнает он о кресте и крестном знамении, сначала совершаемом его рукою близкими родственниками. Первое сознательное религиозное движение христианского младенца – должно быть самостоятельное осенение себя крестным знамением. Крестным знамением осеняет себя христианин при пробуждении (надо приучить себя, чтобы оно было первым движением), и при отходе ко сну – последним движением. Крестится христианин перед и после вкушения пищи, перед и после учения, при выходе на улицу, перед началом каждого дела, перед принятием лекарства, перед вскрытием полученного письма, при неожиданных, радостных и горестных известиях, при входе в чужой дом, в поезде, на пароходе, вообще, при начале всякого пути, прогулки, путешествия, перед купанием, навещая больных, идя в суд, на допрос, в тюрьму, в ссылку, перед операцией, перед боем, перед научным или иным докладом, перед и после собрания и совещания и т. д. Но нельзя делать из крестного знамения талисмана, как нельзя носить нательный крест как амулет. Ибо и нательный крест и крестное знамение – есть только выражение во вне того, что должно быть в сердце христианина: смирения, веры, попечения на Господа безропотное.

Когда христианин умрет, тогда другие, ближние – сложат ему руки крестом на груди и персты сложат в крестное знамение. А на могиле – поставят последний крест. Страшный Суд начнется тоже явлением Креста Христова.

Все вышесказанное – только одна маленькая страничка из «книги о Кресте», которая имеет бесчисленное количество страниц.

Слава, Господи, Кресту Твоему Честному!

Проф. И. М. Андреев.

**О положении церкви в Советской России и
о духовной жизни русского народа.
Доклад Архиерейскому собору 1959 года
Епископа Лос Анжелосского Антония.**

Часть I. О положении церкви в Советской России.

Составлять доклад о положении церкви в Советской России крайне тягостно потому, что приходится, говоря об этой церкви лукавнующих, погружаться в атмосферу самой беззастенчивой лжи на истину, клеветы на св. Церковь, на св. исповедников и мучеников и рабского низкопоклонства перед безбожными гонителями веры – коммунистами. Все это уже известно и производит такое же впечатление, как и вся искусственная пропаганда советского правительства, от которой отвращается слух и сердце русского народа. Тем не менее, изучать эту ложь советской церкви необходимо, ибо она настойчиво продолжается и может влиять на слабых духом, неосведомленных или либерально настроенных людей, особенно за границей, производя свое вредоносное действие.

Вторым затруднением, более серьезным, на которое мы натолкнулись при составлении доклада, явилось ограниченное количество нужного для нашей темы материала, крайне несистематического, из которого, казалось, трудно составить сколько-нибудь полную и объективную картину положения веры в Советской России. Имеющиеся газетные заметки и рассказы очевидцев, хотя довольно многочисленные, не вполне удовлетворяют потому, что, являясь свидетельствами отдельных частных лиц, носят всегда личный, случайный, эпизодический характер и не выражают поэтому всего происходящего. Кроме того, бóльшая часть свидетельствующих об отдельных фактах, находясь в угнетенном положении гонимых за веру, не могли сделать обзор всего положения, естественно недоступного им. Поэтому, пользуясь и этими ценными свидетельствами, как иллюстрацией и подтверждением фактов, мы не ставим их в разряд главных документов.

Самым важным материалом нам представляется советская печать. Хотя ее подход к вере подчеркнуто-враждебный и хотя она умалчивает о многих интересующих нас моментах, тем не менее, на основании советских изданий можно узнать многое,

часто из самого умалчивания. Кроме того, свидетельство врагов иногда бывает особенно доказательным как по существу, так и потому, что все советские свидетельства являются ценными документами, от которых враги веры отказаться не могут. К печатным материалам советского происхождения мы прежде всего причисляем все издания московской патриархии, так же как сообщения советских газет, журналов и изданий антирелигиозного характера. На основании этого материала можно составить достаточно ясное представление о положении веры в Советской России, при чем в докладе Собору, который не может быть подробным исследованием, многое приходится излагать в сжатом, схематическом и сокращенном виде, опуская ряд существенных событий и фактов.

В настоящем докладе содержатся следующие основные мысли.

Советская церковь, признавши советскую безбожную власть органически и идейно близкой себе и воспевая дифирамбы, является ее усердной прислужницей и используется последней для пропаганды советского строя и советской политики с целью распространения безбожного коммунизма во всем мире. Несмотря на пресмыкательство советской церкви перед богоборческой властью, гонение на веру продолжается.

Внутри СССР советская патриархия подчинена коммунистическому правительству через генерала НКВД (МГБ) Г. Г. Карпова. Назначение епископов и священников осуществляется по выбору и указанию безбожного правительства, в чем ему усердно помогает сама московская патриархия.

Вне СССР главнейшей и наиболее яркой деятельностью советской церкви за последний период, особенно ценной для советского правительства, является несколько энергичная, столько же лживая пропаганда мира, для усыпления Запада и подготовки его захвата коммунизмом. Эта пропаганда ведется под прикрытием якобы евангельских идей и облекаясь по возможности, хотя далеко не всегда, в пристойную церковную и благочестивую внешность.

Насколько советская церковь преуспела в исполнении этих коммунистически заданий, видно из того, что при всех продолжающихся гонениях на веру, советское правительство не нападает прямо на нужную ей советскую церковь, а советский митрополит Николай занял почетное место в советском пропагандном аппарате. Советское правительство поддерживает московскую патриархию морально (если такое слово уместно в отношении аморальной власти), а на официальных приемах советского правительства представители советской церкви занимают видное место наряду с высшими советскими сановниками.

Глава I. Советская церковь – прислужница советского правительства.

Еще в 1927 году митрополит Сергей заместитель Местоблюстителя Патриарха, стал на путь сотрудничества с советской властью своей известной декларацией, призывавшей подчиниться коммунистам «не за страх, а за совесть».

Время от времени он заявлял, что никаких гонений на религию и на церковь в СССР нет, а духовные лица и верующие, если и арестовываются, то только за политические и уголовные преступления. Такое заявление, например, было опубликовано 16 февраля 1930 года в газетах «Правда» и «Известия» (В. Алексеев. Внешняя политика Московской Патриархии. Нью Йорк, 1955 г., стр. 3).

«Нынешний патриарх московский и всея Руси в своем декларативном письме от 20 мая 1944 года заявил главе советского правительства, что в своей деятельности будет неизменно следовать своему предшественнику патриарху Сергию и звать к тому же верующий русский народ. Это заявление выразило гражданскую, патриотическую верность предстоятеля церкви по отношению к советскому государству и твердое намерение жить по церковным законам». («Русская православная церковь». Издание Московской Патриархии. 1958 г.). В оригинале сказано, что принципами деятельности нынешнего московского патриарха будет «следование канонам и установлениям церковным с одной стороны, и неизменная верность родине и возглавляемому вами (Сталиным) правительству нашему, – с другой». В заключение он просил «глубокопочтимого и дорого Иосифа Виссарионовича верить чувствам глубокой к нему любви и благодарности, какими одушевлены все... церковные работники». (Письмо от 20.5.1944 г., «Патриарх Сергей и его духовное наследство», стр. 135–136).

В день похорон Сталина 9 марта 1953 года патриарх Алексий произнес в патриаршем соборе речь, в которой восхвалял Сталина, как «великого вождя», как «поборника

мира», как человека «гениального, который в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума». «И мы, собравшись помолиться о нем, не можем не указать на его всегда доброжелательное и внимательное отношение к нуждам церкви. Ни одно обращение к нему никогда не было отвергнуто, он исполнял все наши просьбы». С благодарностью вспоминая «много доброго и полезного», сделанного для церкви благодаря авторитету покойного, патриарх Алексей возглашает «с глубокой горячей любовью» вечную память «возлюбленному» и «незабвенному Иосифу Виссарионовичу». (Журнал Московской Патриархии 1953 г., стр. 3–4). Дальнейшее отношение советской церкви к власти остается неизменным. В упомянутой выше новой пропагандной книге «Русская православная церковь – устройство, положение, деятельность», издание Московской Патриархии 1958 г., напечатанной на семи языках (русский, английский, немецкий, французский, итальянский, испанский и арабский), похвалы советской власти расточаются в масштабах, превосходящих все границы приличия. Положение церкви в Советском Союзе рисуется в самых розовых тонах, при чем не только умалчивается о преследовании религии, но торжественно провозглашается ложь о том, будто благодаря советской власти положение церкви гораздо лучше, чем при самодержавной власти. Лживость этих восторгов выражается и в том, что законы СССР против религии, так же как и существующее «Положение» о церкви в Советском Союзе приводятся с опущением невыгодных мест; только однажды, для кажущейся объективности, приводятся слова о свободе антирелигиозной пропаганды с расчетом на наивного читателя; находятся оне в потоке фраз, восторгающихся советской жизнью и советскими законами, включая законы против веры, так что, даже и эта свобода атеистической пропаганды кажется московской патриархии благом и свободой, о чем в радостном тоне говорится следующее:

«С полной объективностью надо заявить, что конституция, гарантирующая полную свободу отправления религиозного

культа, **решительно ни в чем не стесняет религиозной жизни верующих и жизни церкви вообще»** (стр. 24).

Приведем некоторые места, иллюстрирующие вышесказанное. Выдержки приводятся без особого выбора, вся книга представляет собой шедевр лжи, фальши и восторженного преклонения перед угнетателями. Очень важно каждому верующему ознакомиться внимательно и полностью с этим изобличающим советскую церковь документом.

Глава II. Московская патриархия о свободе веры в Советской России.

Вот что говорится в вышеупомянутой книге о «свободе» религиозной жизни:

«Председатель совета по делам русской православной церкви при совете министров СССР Г. Г. Карпов, присутствовавший на соборе (1945 г.) в качестве представителя от советского правительства, обратился к членам собора и в таких словах определил взаимоотношения между церковью и государством в Советском Союзе: «В нашей великой стране с победой нового, невиданного еще в мире, социалистического, самого справедливого строя **волею народа** церковь отделена от государства и пользуется **полной свободой** в своей внутри-церковной жизни, а установившиеся взаимоотношения между церковью и государством являются вполне нормальными, благодаря невмешательству церкви в политическую деятельность государства и, с другой стороны, – невмешательству государства во внутреннюю деятельность церкви» (Русск. Прав. Церковь, стр. 18).

Нетрудно заметить, что эту же ложь повторяет советская патриархия, по желанию советской власти.

«Взаимоотношения между церковью и государством определяются декретом советской власти о свободе совести и конституцией СССР. Тот и другой документы достаточно ясно определяют положение и права церкви, гарантируя полную свободу совершения религиозных обрядов и **совершенно исключают какое-либо стеснение религиозной жизни верующих и вообще церковной жизни**» (стр. 14).

«Наша церковь не испытывает никакого стеснения и не знает никакого вмешательства в свою внутреннюю жизнь со стороны государства» (стр. 20).

«Такие благоприятные условия церковной жизни и деятельности дают нам основание уверенно смотреть в будущее нашей церкви и надеяться на ее дальнейшие успехи и процветание. В самом деле – она в настоящее время имеет в

своем составе миллионы верующих в Бога, верующих убежденно, искренно и сознательно, чего нельзя было сказать о господствующей церкви Российской Империи; там за верующих часто принимались люди, принадлежавшие к церкви формально, по соображениям гражданской благонадежности. Наша церковь имеет и гарантированную советским правительством свободу внутренней жизни и **благодарит Бога за все настоящее, чем она располагает**, надеясь стать достойной еще более лучшего будущего» (очевидно, она ожидает достойного будущего со стороны безбожного правительства) (стр. 20).

«В пределах советской республики запрещается издавать какие-либо законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (стр. 22).

«С отделением церкви от государства сняты были всякия преграды, искусственно задержававшия людей в составе церкви, и все номинальные церковники от нас ушли».

«Декрет о свободе совести, изданный советской властью еще в январе 1918 года, обезпечивает всякому религиозному обществу, в том числе и нашей православной церкви, право и возможность жить и вести свои религиозныя дела согласно требованию своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. Этот декрет имел громадное значение для оздоровления внутренней жизни церкви. При царском правительстве церковь находилась в услужении у государства... Государственная опека распространялась на весь церковно-административный строй ея. Декрет советской власти о свободе совести, о свободе религиозного исповедания снял тот гнет, который лежал над церковью долгие годы, освободил церковь от внешней опеки. Это принесло внутренней жизни церкви громадную пользу. Декрет предоставляет свободу и гарантирует неприкосновенность этой свободы всем религиозным объединениям. Величайшее благо для нашей православной церкви, что она перестала быть господствующей, и в этом

отношении, как некий рычаг самодержавной власти, связывать религиозную совесть других вероисповеданий». «В дореволюционной России не было ни свободы совести, ни свободы вероисповеданий, так как существовала система государственной православной церковности, в силу которой церковь управлялась верховной властью главы государства – царя, имевшего право устанавливать, отменять и изменять в церковной области все, что, по его мнению, не обосновывалось Священным Писанием» (стр. 23).

«Царские законы совершенно отрицали свободу совести. Только победой Великой Октябрьской социалистической революции был положен конец вековой царско-самодержавной политической опеке над совестью граждан, только при советской власти церковь была отделена от государства и школа от церкви и установлены действительная свобода совести и подлинная веротерпимость. Церковь в СССР не государственная, а частная организация, не получающая никаких средств от государства и независимая от него». (Здесь уместно указать, что в статье Ж.М.П. «На приеме у Сталина» Митрополит Николай сообщает, что патриарх Алексий благодарил правительство за то, что оно «предоставило транспортные средства для прибытия из заграницы приглашенных на собор почетных гостей, теплую одежду для пребывания их у нас на зимние дни, помещение и питание в Москве для всех членов собора, автомобили и автобусы для их поездок в Москве» (Ж.М.П. 1945 г., № 5, стр. 25–26).

«Свобода вероисповедания в СССР гарантирована и конституцией Советского Союза» (стр. 24).

«В некоторых заграничных кругах некоторыми, враждебно относящимися к СССР лицами, распространялась и распространяется клевета о стеснении будто бы свободы совести в Советском Союзе, распространялась и распространяется ложь о том, что в нашей стране духовенство и верующие якобы подвергались и подвергаются преследованиям, в том числе и судебным, со стороны государственных органов за свою религиозную деятельность. Эта ложь и клевета категорически и давно опровергнуты, в

частности, и самой церковью: «За годы после октябрьской революции в России, – читаем мы в книге «Правда о религии в России» (стр. 26–27), – бывали неоднократные процессы церковников. За что судили этих церковных деятелей? – Исключительно за то, что они, прикрываясь рясой и церковным знаменем, вели антисоветскую работу. Это были политические процессы, отнюдь не имевшие ничего общего с чисто церковной жизнью религиозных организаций и чисто церковной работой отдельных священнослужителей. Православная церковь сама громко и решительно осуждала таких своих отщепенцев, изменяющих ей открытой линии честной лояльности по отношению к советской власти... Нет, **церковь не может жаловаться на власть**» (стр. 24–25).

Интересно, что все же приходится доказывать, что гонений нет.

Приведем еще выдержку из свидетельств церковных делегаций, возглавлявшихся патриархами Антиохийским и Александрийским, из которых видно, что советская патриархия съумела привлечь к участию в своей пропаганде и другие православные церкви.

Вот свидетельство Антиохийской делегации:

«Мы в течение месячного пребывания в СССР широко познакомились с жизнью русской православной церкви, ея епископата, клира и мирян, а также с различными сторонами жизни и быта советского народа. Мы имели возможность посетить и осмотреть новые храмы Москвы и Ленинграда, а также древнюю Троице-Сергиеву Лавру с ея соборами – творениями гениальных русских зодчих. Мы видели, что многочисленные храмы в дни богослужений переполнены молящимися разных возрастов – мужчинами, женщинами и детьми... Государство предоставило церкви полную свободу по отправлению богослужений и распространению слова Божия в проповедях и литературе. Мы заявляем, что русская православная церковь живет во всей канонической полноте и величии» (стр. 27–28).

Подобно ему и свидетельство Александрийской делегации:

«Не хватает слов, чтобы выразить наш восторг от посещения России. Навсегда останутся в памяти праздники в Лавре, посвященные преподобному Сергию, а также наше посещение замечательных религиозных памятников, музеев, дворцов, богословских академий и семинарий. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что русская православная церковь в настоящее время развивается совершенно свободно и пользуется большим вниманием советского государства...» (стр. 29).

Знаменательны слова обеих делегаций. Действительно, советская церковь не подвергается гонениям, им подвержены лишь вера и религия; гонение на веру и верующих советскую патриархию не беспокоит. Более того, **советская церковь призывает на гонителей Христа Божие благословение.**

«Митрополит Сергей призвал верующих русских людей к молитве о том, чтобы Бог благословил народную рабоче-крестьянскую власть в ее трудах на благо народа, и с того времени эти молитвы возносятся во всех храмах нашей русской православной церкви» (стр. 12).

Подобных мест, потрясающих непредубежденного читателя, в цитируемой книге множество.

Глава III. Ложь московской патриархии о свободе веры в СССР.

В действительности гонение на веру в СССР продолжается. Оно происходит волнами. Религиозный НЭП появился в начале последней войны, когда приходилось большевикам думать о спасении своего режима. Но как только опасность миновала, прекратился и НЭП.

Преследование православной веры и антирелигиозная пропаганда, никогда не прерывающаяся, находит свое выражение в советской прессе.

10 ноября 1954 года центральный комитет коммунистической партии Советского Союза выпустил постановление об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды. Постановление подписано Хрущевым. Говоря о необходимости усиления атеистической пропаганды и о лучшем отборе лекторов, в этом постановлении, между прочим, говорится: «Коммунистическая партия не может безучастно, нейтрально относиться к религии, как к идеологии, ничего общего не имеющей с наукой» «Исправление ошибок, допущенных в антирелигиозной пропаганде, не должно привести к ослаблению научно-атеистической пропаганды, являющейся составной частью коммунистического воспитания трудящихся». «Коммунистическая партия ведет идейную борьбу с религиозной идеологией». «Партия считает необходимым проведение глубокой систематической научно-атеистической пропаганды».

Еще в 1936 году, в программе и Конституции Коммунистического Интернационала (Москва, 1936 г.) было сказано:

«Среди задач культурной революции... особое место занято борьбой против религии – опиума для народа – борьба, которая должна проводиться систематически и неустанно».

В беседе с делегацией французского парламента в сентябре 1955 года, Хрущев заявил: «Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана

религиозного опиума, который еще существует, бóльшую часть народа».

В «Большой Советской энциклопедии» т. 50, стр. 642–643, в статье «Религия и церковь», после замечания, что церковь легально существует в СССР, говорится: «Однако, коммунистическая партия считает религию идеологией, ничего общего не имеющей с наукой, и поэтому она не может относиться к ней безразлично... Партия считает необходимым проводить глубокую, систематическую научно-атеистическую пропаганду». О том, что коммунистическая партия никогда не примирится с религией, но будет вести с ней борьбу и что религия противоположна коммунизму, – повторяется на все лады во всех без исключения атеистических книжках и почти во всех многочисленных антирелигиозных статьях советских газет.

Особенно усилившаяся анти-религиозная кампания в 1958 году, видна из того, что по данным советской прессы, выпущено множество изданий против веры, о которых мы будем говорить более подробно во второй части нашего доклада. Упомянем лишь, что многие из безбожных книг и журналов издаются в количестве 50, 100, 150 и даже 200 тысяч экземпляров.

Распушенный во время религиозного НЭПа Союз воинствующих безбожников теперь восстановлен под названием «Общества распространения политических и научных знаний». «Правда» от 18 янв. 1958 года хвалится, что в составе этого общества имеется 644.000 членов.

По сообщению же номера «Правды», за 1956 год в Советской России было организовано 1.875.000 антирелигиозных лекций, а за 1957-й год – 3.875.000 таких же лекций, т. е. на 2 миллиона больше.

В декабрьском номере советского журнала «Коммунист» за 1958 г. имеется статья: «Усилить научно-атеистическую пропаганду». Там говорится: «Коммунистическая партия всегда была непримиримой к религии, никогда не относилась нейтрально к этой идеологии. Она ведет непримиримую идейную борьбу с религиозной идеологией». «Церковные организации, обманывая верующих, инсценируют «явления»

икон, «открывают» могилы праведников, «святые целебные» источники, ведут там идеологическую обработку людей, вытягивают у них деньги. «Святые места», о чем уже не раз говорилось в печати, являются очагами безкультурья и безнравственности. В монастырях практикуется эксплуатация наемного труда для обработки земли. Имеются факты издевательства над личностью».

Возглавляющий антирелигиозную пропаганду сейчас в Советском Союзе член Центрального Комитета Марк Борисович Митин переиздал массовым тиражом старая безбожные издания, как например, сборник кощунственных статей Емельяна Ярославского «О религии» и целый ряд других, разославши их по библиотекам с предписанием навязывать их читателям, особенно молодежи.

Для нас особый интерес представляет статья Ярославского (Губельмана), переизданная в 1957 году, «Среди церковников», в которой он выражает отношение большевиков к декларации митрополита Сергия об отношении к советской власти. Цитируя слова митрополита Сергия, что нужно принять советскую власть «не за страх, а за совесть», Губельман говорит: «Само собой разумеется, что от этого роль церкви под руководством епископа Сергия не стала иной, чем раньше: церковь была и остается учреждением, эксплуатирующим отсталость трудовых масс. С религией, хотя бы ее епископ Сергей прикрасил в какие угодно советские одежды, с влиянием религии на массы трудящихся, мы будем вести борьбу, как ведем борьбу со всякой религией, со всякой церковью». (Ем. Ярославский. О религии. Москва 1957 г.). Эти заявления подтверждаются тем фактом, что в сов. газетах все время появляются статьи на антирелигиозные темы в самом непримиримом, враждебном тоне, что сокрушительным образом обличает ложь советской церкви о благодетельной роли советского правительства по отношению к православной вере и об отсутствии религиозных гонений. Этого гонения пока нет против административного аппарата советской церкви, являющейся приспешницей безбожников-коммунистов.

Насколько лживы заявления о свободе религии в СССР видно и из свидетельства одной русской православной, служащей американской выставки, возвратившейся недавно из Москвы. Все свое свободное время в Москве она посвятила посещению храмов, пробывши там 7 недель. Ее поразило то, что в храм ходить верующие боятся, за исключением старых женщин, которых составляют 80 процентов молящихся. За все время она видела в церкви только одного военного и очень мало мужчин, если не считать туристов или любопытных комсомольцев, которые говорят, что ходят в храм, чтобы послушать красивое пение. Когда она вошла в переполненный храм и покупала свечи, старая женщина заметила у нея крест и тотчас ее предупредила: «Девушка, сними крест!» На ее возражение, что она не хочет его снимать, женщина спросила: «А ты не боишься?» Служащая выставки ответила: «Нет, наоборот, я боюсь быть без креста». Когда она продвигалась вперед чтобы поставить свечи она неоднократно слышала предупреждение: «Девушка, спрячь крест!» «Девушка, сними крест!» На ее родственницу – верующую – ее крест произвел большое впечатление; она в свою очередь показала крест приколотый изнутри, чтобы не было видно. У этой родственницы не оказалось никаких икон, держать которых она опасается.

Эту же служащую выставки просили здесь в Америке некоторые русские привезти русской земли, для чего она отправилась на одно из московских кладбищ. Там она встретила старую женщину, которая ей охотно показала места, где лучше брать землю, указав могилу особенно благочестивого священника. Эта женщина спросила ее: «Знают ли у вас в Америке, как здесь преследуется вера, какие здесь гонения и как нам трудно?», на что она ответила: «Да, мы это знаем и в каждой нашей церкви мы молимся о русском народе». В ответ, женщина горестно произнесла: «Нет, вы не можете знать всего ужаса здешней жизни верующих.»

Глава IV. Московская патриархия под контролем и управлением советской власти.

Советская церковь, вопреки ее заявлениям, находится под всецелым контролем и управлением советской власти через генерала НКВД (МГБ) Г. Г. Карпова. Доказать эту зависимость лучше всего можно из Положения об управлении Русской Православной Церковью.

Согласно этому Положению, патриарх облечен очень большими полномочиями, гораздо большими, чем Патриарх Тихон; полномочия эти приближаются к власти древних русских патриархов, которые управляли церковью в значительной степени единолично.

«Допуская столь широкие полномочия для патриарха, советское правительство было, несомненно, очень заинтересовано в том, чтобы на патриаршем престоле находилось такое лицо, которое, действительно, могло бы сверху направлять деятельность церковных учреждений в русло советской политики. В Положение 1945 г. включено одно весьма осторожно сформулированное постановление. Статья 16-я Положения гласит: «Патриарх имеет печать и штамп, зарегистрированный надлежащей гражданской властью». Речь идет не о печати патриаршего престола, а о печати и штампе, присвоенном одному определенному лицу, поставленному на должность Патриарха. Если бы это был общий штамп и общая печать патриаршего престола достаточно было бы одной общей регистрации их раз навсегда и не требовалось бы специального указания на это в Положении именно по отношению к патриарху, а не к патриаршему престолу.

Такое понимание «регистрации печати и штампа» в качестве личной регистрации владельца их явствует из того, что правило это применяется также к каждому епархиальному архиерею и к каждому настоятелю приходского храма. Епархиальный архиерей управляет вверенной ему епархией, «пользуясь должностным штампом и печатью, зарегистрированными надлежащей гражданской властью»

(ст. 26). «Настоятель храма» также «имеет свою печать и штамп зарегистрированные надлежащей гражданской властью» (ст. 48).

Термин «регистрация» употребляется в советском законодательстве именно в смысле дозволения или разрешения, как это видно, например, из постановления от 8 апр. 1929 года, которым была введена обязательная регистрация культовых объединений всех наименований. Если в регистрации отказывалось, то религиозное объединение вообще не могло функционировать.

Постановление о регистрации штампа и печати как патриарха, так равно всех епархиальных архиереев и настоятелей приходов означает по существу утверждение их в должности гражданской властью. Отказ в регистрации равняется недопущению к отправлению церковной должности. Этот порядок налагает яркий отпечаток на всю систему подбора личного состава священнослужителей церкви и является одним из лучших опровержений утверждения, будто православная церковь пользуется свободой внутреннего управления. В отношении самого патриарха, система утверждения его меняет самый характер выборов его. Заранее проверенные гражданской властью члены поместного собора не могут не чувствовать себя поставленными в необходимость голосовать только за того кандидата, штамп и печать которого имеют все шансы быть признанными и «зарегистрированными» советом по делам русской православной церкви. Вместе с тем, члены собора, естественно, могут опасаться голосовать за кандидата неугодного советскому правительству, чтобы не подвергнуть риску ни его, ни самих себя. В таких условиях избрание патриарха собором практически переходит в соборное подтверждение прав кандидата, заранее намеченного советским правительством. Вместе с тем, эта система является и ограничением власти патриарха назначать епархиальных архиереев (ст. 24), так как при каждом назначении епископа он должен считаться с тем, согласятся ли надлежащая гражданская власти «зарегистрировать» это лицо. (В. Алексеев. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958 г., стр. 41–42).

Таким образом, по данным основного закона самой советской церкви, совершенно неоспоримо, что церковь эта находится в полной зависимости и фактически под управлением советского правительства, подбирающего личный состав епископата, начиная от патриарха, а также и остального духовенства. Что это именно так, видно и из процедуры избрания советского патриарха, которое почти не имело даже видимости избрания, являясь фактически утверждением заранее намеченного советским правительством кандидата.

Советская церковь старается скрыть свою зависимость от советского правительства во-первых своими лживыми заявлениями о своей, якобы, свободе; кроме того, стремление скрыть свое рабское подчинение советской власти видно и в мелочах. Так например, в первые годы ея существования бросалось в глаза всем читающим издания советской церкви, что они напечатаны государственной типографией безбожного правительства, которое, конечно, не станет этого делать, не получивши взамен от советской церкви нужных услуг. Для того, чтобы не получалось такого неблагоприятного впечатления, в последнее время, во всех изданиях советской церкви перестали указывать на последней странице, что издания печатаются государственной типографией. Имеется только одно указание на первой странице: «Издание Московской Патриархии». Советская церковь обличает себя своей же похвальбой в книге «Русская православная Церковь» 1958 года, где на стр. 26 говорится:

«Церковь может издавать журналы, календари, молитвенники, библию, евангелие, богослужебные книги, богословские труды и учебные пособия для духовных школ, получая для этого за счет своих средств государственные бумажные фонды и **пользуясь государственными типографиями**».

За бумагу церковь платит, а о типографиях этого не сказано. Можно полагать что заслуги советской церкви перед советским правительством столь велики, что ея издания печатаются бесплатно. Есть и другие причины для бесплатного печатания. Издания эти хороши, напр., для иностранцев, чтобы создавать впечатление, что церковные издания есть в СССР. В некоторых

из них – политически-пропагандного характера – не может не быть заинтересовано советское правительство, как «Правда о религии в России», книге «Русская Православная Церковь», изд. 1958 года, а также в большой мере Журнале Московской Патриархии, ведущем пропагандный отдел «В защиту мира» – тот же отдел, которому посвящена значительная часть содержания многочисленных советских газет. Насколько издания советской церкви, о которых хвалится советская патриархия, мало распространены среди населения, видно из того, что на американской выставке происходила погоня за евангелиями, которые выпрашивались у наших русских детей эмигрантов – служащих выставки, – и это при том, что на выставку могли попасть почти исключительно коммунисты, так как, по свидетельству возвратившихся американских служащих русского происхождения, на выставку давали, приблизительно, по 10 билетов на советское учреждение, состоявшее из 200 или 300 человек.

Глава V. Услуги советской церкви безбожной власти.

Эта глава должна показать, какую услугу делает в настоящее время советская церковь коммунистическому правительству в уплату за право существования. Услуга эта заключается в так называемой кампании советской церкви «В защиту мира».

Этому предшествовали выступления советской церкви пропагандного характера для заграницы.

«Патриарх Алексей неизменно старался поддерживать своим авторитетом и авторитетом священного синода самые разнообразные меры советской политики, как только правительство начинало быть особенно озабоченным проведением их. Когда греческое правительство начало военные действия против коммунистических повстанцев и стало теснить их, патриарх Алексей в письме к афинскому архиепископу Дамаскину протестовал против «печальных событий, при виде которых русская православная церковь не могла молчать». Архиепископ Дамаскин в своем ответе указывал на явную неосведомленность патриарха в обстоятельствах дела, поскольку гражданская война в Греции была начата лишь небольшой группой коммунистов (*John Shelton Curtiss. The Russian and Soviet State, Boston, 1933, p. 317*).

Когда в 1950 году испортились отношения Советского Союза с югославским правительством Тито, патриарх Алексей вернул полученный им югославский орден «народного освобождения», считая для себя неприемлемым носить его в виду явно враждебного этношения Югославии к Советскому Союзу («Ж.М.П.» 1950 г. № 4, стр 5).

После вторжения северо-корейских коммунистов при поддержке Красного Китая в Южную Корею патриарх Алексей и священный синод послали 21 авг. 1950 года обращение к Совету Безопасности ООН, в котором от имени Русской Православной Церкви решительно осуждали «вмешательство США во внутренние дела корейского народа и происходящее

безчеловечное уничтожение американской авиацией мирного населения Кореи». Обращение настаивало на прекращении бомбардировок, на выводе иностранных войск из Кореи и окончании войны (Ж.М.П. 1953 г., стр. 27).

В конце 1954 года, на совещаниях в Париже и Лондоне, приближался к окончательному разрешению вопрос о вооружении Западной Германии, против чего настойчиво протестовало советское правительство. В связи с этим, патриархом Алексием было опубликовано обращение церкви ко всем христианским церквам западного мира с призывом всемерно противиться вооружению Западной Германии («Известия», 23 дек. 1954 г.).

21 февраля 1955 года, появилось обращение патриарха Алексия и постоянных членов синода под заглавием «Уничтожить жало атомной смерти», с протестом – в духе советской пропаганды – против атомной войны (Ж.М.П. 1955 г. № 3).

В связи с началом военных действий из-за Суэцкого канала, патриарх Алексей вместе с постоянными членами священного синода, заявил, что православная церковь осуждает «вероломные действия агрессоров», и настаивал на немедленном прекращении войны (Ж.М.П. 1956 г. № 11, стр. 3).

В особенности ценной для советского правительства была энергичная поддержка патриархией так называемой кампании «в защиту мира». Когда советское правительство первое созвало в августе 1949 года Всесоюзную Конференцию сторонников мира, то вместе с советскими членами присутствовала на ней и делегация русской православной церкви во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, который затем вошел в состав постоянного «Советского Комитета защиты мира». Посылала московская патриархия своих представителей и на последующия Всесоюзные Конференции сторонников мира: вторую (1950 г.), третью (1951 г.), четвертую (1952 г.) и пятую (1955 г.). На трех последних выступал с речами сам патриарх Алексей (Ж.М.П.). Все эти конференции и комитеты сторонников мира, действующие в пределах Советского Союза, состоят из

представителей различных коммунистических организаций и учреждений и подчинены руководству советского правительства. Влившись в них, московская патриархия открыто признала свою подчиненность коммунистическому водительству в вопросах внешней политики.

Содействие в борьбе за мир оказалось тем более значительным, что оно затем перешло в область международных отношений. Представители московского патриарха приняли деятельное участие во всемирных ассамблеях мира в сессиях Всемирного Совета мира. В международных коммунистических съездах и организации «борьбы за мир» главную роль в делегациях русской церкви играл ближайший помощник патриарха Алексия митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Выступления его бывали так резки, что в 1950 году английское правительство, в числе других делегатов, отказало ему в визе на въезд в Шеффилд для участия во втором Всемирном Конгрессе сторонников мира. Сам Патриарх Алексей поддерживал советскую акцию мира воззваниями и обращениями, проводимыми через различные церковные учреждения. В 1955 году он выступил ¹ с личным заявлением «по поводу «Всемирной Ассамблеи» в Хельсинки». (Проф. А. А. Боголепов. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958 г., стр. 53–55).

Целью всех этих коммунистических съездов в защиту мира в СССР и вне его является проведение советской политики.

Как уже было упомянуто, советская пресса обильно заполнена солидным отделом «В защиту мира». Для того, чтобы советская политика проникла возможно шире, большевики использовали в этих целях советскую церковь, привлекая к участию представителей всех церквей-сателлитов, а также представителей почти всех православных автокефальных церквей. Это им нужно потому, что население привыкло к советской лжи и мало доверяет воплям о «поджигателях войны американцах». К духовенству все-таки сохранилось больше доверия, особенно у иностранцев, тем более, что духовенство может пользоваться евангельскими призывами к миру,

прикрывая этим, что действует по указаниям агрессивной безбожной власти.

Об этом почти прямо проговаривается журнал «Коммунист» в № 17 за декабрь 1958 года на стр. 92, где сказано: «правда, в ходе борьбы широких слоев населения за мир и национальную независимость, в некоторых случаях используются религиозные лозунги, но это не отменяет общей тенденции, выражающейся в том, что религия в конечном счете служит реакции».

В этом ценном признании заключается указание на полезную для советской власти роль московской патриархии, объединяющей вокруг себя разные церкви и религии, «в ходе борьбы за мир», и вместе с тем, как указал Ярославский, на намерение советской власти бороться и уничтожить религию, «хотя бы ее еп. Сергей прикрасил в какие угодно советские одежды».

Та же мысль заключается в статье «Правды» от 18 июня 1959 года под заглавием «Всесоюзное совещание по вопросам научного атеизма» Между прочим, там говорится:

«Идеологическая борьба между научным и религиозным мировоззрением не может препятствовать сотрудничеству атеистов и верующих при решении таких острых вопросов современности, как вопросы борьбы за мир».

Воззвания и обращения церковных представителей в кампании за мир усиленно стремятся показать, что их выступления делаются якобы во имя христианских принципов, стараясь выдержать благочестивый церковный тон. Образцы таких воззваний приведены в большом количестве в сводке деятельности советской церкви в борьбе за мир, помещенной в конце книги «Русская Православная Церковь» 1958 года. С другой стороны, являлась исключительно советской пропагандой, церковные участники этой кампании борьбы за мир, – среди которых имеются не только представители почти всех религий советского Союза и западных исповеданий и сект, но и мусульмане, и раввины, и буддисты, – эти просоветские деятели «защиты мира» не могли вполне умолчать о целях коммунизма, отразив это в соответствующих выражениях, которые красноречиво говорят за себя. Вот некоторые из них:

«Когда решалась судьба Венгрии, православные христиане нашей страны молились о скорейшем прекращении кровопролития. А некоторые заграничные круги делали в это время совсем другое: обещая контрреволюционным мятежникам помощь с Запада, они всеми способами старались разжечь вражду и вызвать беспорядки в Венгрии в расчете возстановить ее против Советского Союза и зажечь пожар новой мировой войны. Но этот замысел, к счастью, не удался!» (Русская Православная Церковь, стр. 243).

«Жадные щупальцы заокеанского спрута пытаются опутать весь земной шар. Капиталистическая Америка, эта неистовая блудница...» и тому подобное (Из речи Митр. Николая на всесоюзной конференции сторонников мира. Ж.М.П. 1949 г., № 9, стр. 12–17).

«Обращение о заключении Пакта Мира заставит правительства агрессивного англо-американского блока открыть себя. Оно поможет народам увидеть звериное лицо поджигателей войны, поможет разоблачить их перед миролюбивым человечеством» (Речь Митр. Николая на заседании советского Комитета Защиты Мира 28 авг. 1951 года. Ж.М.П. 1951 г., № 9, стр. 26).

В Ж.М.П. за 1952 г. в № 4 на стр. 6 опубликовано заявление «От патриарха московского и священного синода» с протестом против «применения врагом миролюбивых народов – американскими империалистами безчеловечных методов бактериологической войны» в Корее.

В Ж.М.П. за 1955 г., № 3 имеется статья митрополита Николая под заглавием «Голос свидетеля». Вот выдержки этой статьи:

«Правящие круги США, в своем безудержном стремлении клеветать на мою Родину, выступили с новой чудовищной провокацией.

Своей акцией по поводу так называемого «Катынского дела», они хотят как это правильно понял весь наш народ – реабилитировать гитлеровских преступников...

Во мне, как участнике расследования катынского преступления, закипает жгучее чувство протеста против такой

отвратительной провокации Геббельса и К°, поднятой в 1943 году с ее попытками приписать преступление нам».

Действительно, Геббельс устроил расследование этого дела в 1943 году в присутствии нейтральных свидетелей. После этого, когда большевики были уже не союзниками, а врагами немцев, расследование было повторено коммунистами; в их комиссию по расследованию от московской патриархии вошел митрополит Николай.

В речи, сказанной в Берлине 23 февраля 1951 года на первом заседании коммунистического Мирового Конгресса за мир, опубликованной в Ж.М.П., митрополит Николай сказал: «С целью уничтожения населения, американские преступники прежде всего фанатично убили политических заключенных (от 200.000 до 400.000 человек), заставивши их сначала выкопать собственные могилы; они бросили в яму тела патриотов, которые были повешены, расстреляны или умерли от тифа и чтобы прикрыть следы они взорвали гору над ямой».

«Эти цивилизованные дикари устраивали состязания в стрельбе в живых мишени, привязывая крестьян колючей проволокой к столбам и стреляя в сердце каждого, как в цель. Возрождая обычаи молодых фашистов, молодые янки фотографировали эти сцены для семейных альбомов и посылали их домой своим невестам и женам».

Подобной же была его речь на Конгрессе мира, напечатанной в Ж.М.П. за 1950 год, № 12. Митр. Николай говорил не только как гражданин Советского Союза, но и как русский православный иерарх, признавая свою ответственность перед Богом, церковью и историей. Он обвинял американцев в Корее в применении «виселиц, расстрелов, зверских пыток – не только для военнопленных, но и по отношению детей, стариков, женщин и больных».

В конце этих выдержек, иллюстрирующих дух и язык так называемой «борьбы за мир», интересно привести образец из послания патр. Юстиниана, напечатанного в Ж.М.П. за 1955 г., № 2, стр. 37 и озаглавленного «Румынская церковь святейшему патриарху московскому и всея Руси Алексию».

«...Как наследники наших предков, познавших бедствия войн и нашествий чужеземцев, мы имеем все основания приложить все наши старания к тому, чтобы воспрепятствовать пролитию крови и предовратить великое несчастье, в результате которого наверное не смогут оставаться невредимыми надменные руководители Америки и стран объединенных с нею, которым мы можем напомнить слова пророка: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда закончишь опустошение, будешь опустошен и ты, когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя! (Ис. 33, 1)».

В этой выдержке содержится, кощунственно приводимыми словами пророка, угроза разграбления Америки коммунистами (Из послания Румынского патриарха Юстиниана от 21 декабря 1954 г.).

Как видно из приведенных документов, в своих обращениях и речах, представители советской церкви часто подчеркивают факт полного совпадения мероприятий движения борьбы за мир с интересами мирового коммунизма.

Воззвания «борцов за мир» под предводительством советской патриархии, а точнее, безбожного коммунизма, призывают населения всех несоветских стран заставить свои правительства прекратить подготовку к войне, то-есть **разоружиться перед лицом коммунистической агрессии.**

Интересно отметить, что когда в Париже усилиями и по инициативе коммунистов был создан в 1949 году «Постоянный комитет Всемирного Конгресса сторонников мира», в него от СССР вошли постоянными членами Илья Эренбург, Ванда Василевская, Корнейчук и Митрополит Николай, который, таким образом, занял важное место в передовом советском пропагандном аппарате. (Ж.М.П., 1949 г., № 5, стр. 31).

«Советское правительство оценило по достоинству такого рода услуги. Патриарх Алексей был два раза награжден орденом Трудового Красного Знамени: в 1946 году «за организацию патриотической работы» во время войны и в 1952 году, – в связи с празднованием его 75-летия. По случаю исполнившегося десятилетия его служения в сане патриарха, в

феврале 1955 года, был устроен торжественный прием в Совете по делам Р.П.Ц., на котором председатель Совета Г. Г. Карпов в присутствии ряда официальных лиц приветствовал патриарха Алексия «от имени и по поручению правительства СССР». В 1955 году митр. Николай также был награжден орденом Трудового Красного Знамени «за многолетнюю патриотическую деятельность и активное участие в борьбе за мир». Пожалование ордена сопровождалось приемом у председателя Совета по делам Р.П.Ц. Г. Г. Карпова.

Иерархи и высшие должностные лица московской патриархии входят теперь уже в категорию советских сановников. По смерти Сталина, патриарх Алексей был официально принят вновь назначенным председателем совета министров СССР Г. М. Маленковым, а затем и его преемником Н. А. Булганиным, в присутствии председателя Совета по делам Р.П.Ц. Г. Г. Карпова.

Архиереи и другие церковные деятели считают нужным присылать в Совет по делам Р.П.Ц. «свои приветствия и поздравления в связи с годовщиной Великой Октябрьской социалистической Революции». За это им официально выражается благодарность председателем Совета Г. Г. Карповым на страницах Журнала М.П.». (*Проф. А. А. Боголепов. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен. 1958 г. стр. 55*). Поздравления главы правительства, прежде Сталина, а впоследствии Хрущева, печатаются также в этом журнале, но всегда остаются без ответа. Глава безбожного правительства не находит удобным мारать себя ответами хотя и советским, но все же «церковникам», борьба с которыми по заявлению ЦК и недавнему подтверждению Хрущева всегда будет неотделимой от коммунистической партии. Это, однако, не смущает советскую патриархию, которая призывает благословение Божие на богоборческую власть.

«Представители патриархии стали обычными гостями на дипломатических приемах иностранных гостей советским правительством. На приеме устроенном в Большом Кремлевском Дворце председателем Совета Министров Булганиным в честь премьер-министра Индии Неру,

присутствовал сам патриарх Алесий вместе с митрополитом Крутицким Николаем. То же было и на ряде других подобных иностранных приемов.

Представители московской патриархии приглашаются теперь и на приемы, устраиваемые иностранными посольствами, в частности посольствами США, Франции, Великобритании, Бельгии, Аргентины, Индонезии и других (Все сведения о приемах почерпнуты из Ж.М.П.). Честь присутствовать на этих приемах принадлежит далеко не всем советским сановникам, а только **высшему слою их, к которому относятся теперь представители московской патриархии»** (Ibid., стр. 56).

Выше мы показали, в каком направлении происходит главная деятельность московской патриархии. Но это не все. Нельзя не упомянуть хотя бы в самых кратких чертах и других ее деяний.

Не так давно (в 1948 году), с одобрения и с помощью советского правительства, было организовано празднование 500-летнего юбилея автокефалии Русской Православной Церкви и главной его целью являлось привлечение в сферу и под покровительство советского патриарха возможно большего числа автокефальных церквей с целью подчинить их советскому влиянию, ибо большевики очень оценили возможность действовать через религиозных представителей в целях своей пропаганды, убедившись в том, что этим путем появляются новые возможности влиять за границей.

Из всех автокефальных церквей более осторожное отношение проявил к этому стремлению константинопольский патриарх, почувствовав в лице советского патриарха соперника в смысле представителя вселенского православия. Что это так, – видно из двух речей на юбилейных торжествах – патриарха Алексия и Гавриила сербского, в которых они заявили, что некоторые обвиняют московского патриарха в желании первенства среди других православных автокефальных церквей.

В действительности, такое первенство до сих пор не без успеха удается советскому патриарху, который развил весьма

оживленную деятельность по переписке и обмену визитами с предстоятелями православных автокефальных церквей. К болому стыду и огорчению за них, особенно находящихся вне коммунистического влияния, следует упомянуть, что они не только вошли в эти сношения и усердно отвечают на приветствия советского патриарха, но делали заявления в советской печати, восхваляя советское правительство, утверждая, что оно покровительствует православной церкви в Советской России. Ж.М.П. в № 5 за 1959 год, на страницах 33, 34 и 35 хвалится достигнутым влиянием «а восточных патриархов и приводит многочисленные выдержки их заявлений, вторящих советским агитационным воплям «в защиту мира».

В достижении такого успеха, советская церковь не скупилась на подарки – облачения, золотые кресты и панагии, иконы в драгоценных ризах, о чем сообщалось в Ж.М.П. (и это после изъятия церковных ценностей советской властью) и, наконец, деньгами.

Как образец такого влияния, приводим документ, опубликованный в Нью Йоркской газете «Новое Русское Слово» 28 мая 1953 года, как «стороннее сообщение» Управления Экзархата Русской Православной Церкви в Америке (советской).

«Послание Патриарха Иерусалимского.»

Блаженнейший Патриарх Московский и всея Руси и Председатель Святого и Священного Синода Русской Церкви, во Христе Бозе весьма возлюбленный брат и сослужитель Нашей мерности, Господин Алексей. Ваше Высокопочитаемое Блаженство, лобызая лобзанием святым, сердечно приветствуем.

Мы своевременно получили столь дорогое письмо Вашего Высокопочитаемого Блаженства от 26 числа прошедшего месяца сентября. Мы прочитали его сами, а потом обсудили на заседании Нашего Святого и Священного Синода, и спешим сообщить Вам следующее:

В вышеназванном письме Ваша Глава говорит об эмигрировавших русских архиереях и клириках – их

последователях, которые, по постановлению Священного Синода Русской Церкви от 22-го июня 1934 г., под номером 50 и от 10-го августа 1945 г., находятся под полным церковным запрещением и подлежат суду.

Наш Святой и Священный Синод на последнем своем заседании, тщательно исследовав этот важный вопрос, который очень беспокоит Ваше Блаженство и Ваш Святой и Священный Синод, постановил:

Святейшая Сионская Матерь Церковь не будет входить ни в какое общение с находящимися под церковным запрещением русскими епископами и клириками, пока они не возвратятся к их Матери – Русской Церкви и не возстановят канонического общения с ней.

Согласно этому постановлению, мы не разрешили прибывшему из Америки во Святой Город Иерусалим русскому епископу Серафиму, последователю митрополита Анастасия, священнодействовать во Всесвятых Местах Поклонения. Равным образом находящегося здесь проездом архимандрита Димитрия, на которого митрополит Анастасий антиканонично возложил обязанности начальника Духовной Русской Миссии в Иордании, мы не признали и не разрешили ему служить с нашими клириками во Всесвятых Местах Поклонения.

Доводя это до сведения Вашего Высокопочитаемого Блаженства, уверяем Вас, что в Наших ко Господу молитвах Мы усердно молимся о мире и благосостоянии Святейшей Сестры – Русской Церкви и о возвращении в недра ея вдали находящихся чад ея. Затем с братским расположением снова лобзаем Вашу любовь лобзанием святым и пребываем

Во Святом Городе Иерусалиме 1952, октября 29-го

Вашего Высокопочитаемого Блаженства

Возлюбленный во Христе брат Тимофей».

Не имея возможности перечислить все стороны деятельности московской патриархии, упомянем лишь, что после советизации церкви внутри Советской России и главной работы на пользу коммунизма в «борьбе за мир», эта патриархия стремится подчинить себе все зарубежные русские церковные группы: парижскую, американскую и нашу

зарубежную Церковь или по крайней мере увлечь в свои сети отдельных клириков и мирян. Последней попыткой в отношении нас было сравнительно недавнее обращение советской патриархии ко всем нашим Преосвященным с предложением вернуться на Родину. Все попытки в отношении зарубежных церковных групп потерпели неудачу.

Следует упомянуть также о чисто советском методе обращения униатов в православие. Для полноты, вспомним также кощунственные призывы молиться об упокоении со святыми Сталина, дежурство в почетном карауле у его гроба от советской церкви Митрополита Николая и кощунственное искажение текста службы всем русским святым.

Некоторые подробности о церкви в Советской России входят во вторую часть настоящей работы.

Подводя итог сотрудничеству московской патриархии с советской властью, следует подчеркнуть, что в единстве устремлений и действий между ними, советская патриархия не только вполне стала на путь Живой церкви, но и превзошла ее.

Этим мы заканчиваем первую часть доклада, в которой старались показать, что московская патриархия

Во-первых, является усердной прислужницей советского безбожного правительства,

Во-вторых, с энтузиазмом распространяет ложь о свободе веры в СССР,

В-третьих, что в действительности этой свободы нет,

В-четвертых, что московская патриархия, вопреки ее заявлениям, находится под полным контролем и управлением советской власти и, наконец,

В-пятых, что московская патриархия оказывает советской власти, по ее инструкциям, ценные политические услуги, из которых наиболее важной за последний период является ее деятельное участие в так называемой «борьбе за мир». Была показано также, что московская патриархия усиленно стремится вовлечь в эту политическую работу все другие православные церкви, как за Железным Занавесом, так и вне его, что ей в большой мере удастся. Помимо православных церквей, она

стремится привлечь к этой пропаганде и неправославных и даже нехристианских исповеданий, и тоже безуспешно.

Сделаем вывод из всего сказанного.

Мы все сознаем себя убежденными антикоммунистами и, в виду не только порабощения, но настоящего, полного союза советской церкви с коммунистической безбожной властью, что нельзя назвать даже ересью, ибо это – отступничество, предательство веры и участие в богоборчестве, – мы не можем иметь с этой церковью никакого общения, как сказано в постановлении прошлого Архиерейского Собора 1956 года и как подчеркнул в своем вступительном слове к настоящему Собору Высокопреосвященнейший Владыка Митрополит Анастасий.

Советская церковь, заключив союз с безбожным коммунизмом, стала на путь отступничества и богоборчества. Она поправа завет, данный на все времена Святым Духом:

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста и на седалищи губителей не седе (Псал. 1, 1).

Не седох с сонмом суетным и со законопреступными не вниду. Возненавидех церковь лукавнующих, и с нечестивыми не сяду (Псал. 25, 4–5).

Для правильного уразумения этой церкви лукавнующих, следует вникать в корень ея падения – богомерзкий коммунизм, как это понял наш Первоиерарх, постоянно уже много лет призывающий в своих посланиях рассмотреть его безнравственную сущность.

Безбожников больно задевает высота нравственного учения Господа Иисуса Христа, привлекающая души, о чем они сетуют в своих последних атеистических кощунственных изданиях, но противопоставить Христову учению не могут ничего, кроме бесовской ненависти.

Эта религия зла и человеконенавистничества, организованная и поддерживаемая властью, представляет новое, исключительное и страшное явление в жизни человечества.

Сила коммунизма – в низших, греховных человеческих чувствах. Он на них утверждается и ими поддерживается.

Успешная борьба с ним может быть только в этой области, т. е. в сердце.

Московская патриархия, заключившая союз с человеконенавистниками и безбожниками, что так неразрывно связано одно с другим, служит антихристианскому учению ненависти, и недаром Оптиные старцы, когда Карл Маркс проповедывал ненависть к ближнему, возводя ее в добродетель, говорили, что появился Антихрист.

Господь судил нам жить в ответственный момент организованного наступления на человеческую душу религии зла, когда многие, по словам своим даже убежденные противники красной церкви и коммунизма, по своим делам оказываются их попутчиками.

Наш долг – сказать это пастве, призвав ее к нравственному возрождению и возвращению к христианским началам жизни.

Часть II. О духовной жизни русского народа.

Приступая к составлению второй части доклада – о духовной жизни русского народа – мы сознавали огромную ответственность. Как дать отчет в духовном состоянии русского народа при нашей удаленности, оторванности и при наличии Железного Занавеса, когда до сего дня большинство эмигрантов боится переписываться с оставшимися в Советской России, чтобы не пострадали их родные, а если кто и получает оттуда письма, они почти исключительно касаются личной жизни, и из них видно, что там боятся затрагивать какие-либо другие темы?

Единственным выходом из этого трудного положения оказалось знакомство с советской прессой и изданиями, которые нам удалось собрать в значительном количестве: газеты, журналы и книги за период главным образом от 1954 до 1959 года, включая новейшие издания до сегодняшнего дня. Насколько этот способ удачен, будет видно из дальнейшего изложения, которое покажет, что вера в Бога у русского народа не сломлена и сильна. Она есть не только у старшего поколения, но и у молодежи, родившейся в условиях советского антирелигиозного режима. Бросается в глаза то обстоятельство, что она в большой мере существует среди членов партии и в комсомольских организациях, имеющих заданием борьбу с религией. Имеются данные о значительной религиозности в армии, среди солдат и офицеров, есть также вера, и в большой степени, среди интеллигенции. Наиболее интенсивно выражается она и сохраняется членами тайной церкви.

Борьба власти против веры, в сравнении с затраченными и затрачиваемыми усилиями, дает малые результаты, и безбожники испытывают состояние растерянности.

Наряду с этим, есть в русском народе и духовные слабости, уклонения от веры, грехи и падения, именно малодушие, отход в сектанство, неверие, алкоголь и распущенность нравов.

Зато есть и ценные положительные стороны, подающие много надежд на духовное обновление.

Глава I. Вера в Бога русского народа не сломлена.

Одним из ценнейших самых новых свидетельств о вере русского народа является, несомненно, свидетельство Хрущева, недавно бывшего в Америке. В Лос Анжелосе ему был устроен обед собственником большой киностудии Twentieth Century Fox. Отвечая на приветственную речь владельца-миллионера, православного грека Скураса, Хрущев начал ее, приблизительно, следующими словами:

«Мой дорогой брат грек, но еще лучше я Вас хочу назвать «мой брат во Христе!» Вы можете удивиться, как я, будучи атеистом, называю Вас братом по Христу. Но я говорю это сознательно – Вы мой брат во Христе, потому что в древности мы приняли христианскую веру от греков, а я выступаю как от своего имени, так и от имени русского народа, среди которого сейчас есть неверующие, но есть и верующие. Поэтому я Вас называю «брат во Христе"».

Этими словами против своей цели, как некогда евангельские бесы, свидетельствовавшие о Божестве Господа Иисуса Христа (Лук. 4, 41), Хрущев засвидетельствовал о вере в России.

В журнале «Коммунист» (за декабрь 1958 г., № 17) говорится:

«Ныне, и это подчеркивает коммунистическая партия, необходимы новые усилия, чтобы окончательно преодолеть пережитки религии в сознании советских людей. Глубокая и настойчивая научно-атеистическая пропаганда, систематическое распространение в массах научных и политических знаний – таковы пути окончательного преодоления религии». Таким образом, религия существует.

Ярославский говорит: «Многие атеисты заблуждались когда думали, что справиться с религией будет легко...» (Новое Русское слово, 1 июня 1958 г.).

Советский автор Елфимов в своей работе «Религиозные предразсудки и пути их преодоления» подчеркивает, что религия «обнаруживает величайшую живучесть. Где трудно – там на

сцене появляется религия. Вторая мировая война, например, сыграла большую роль в оживлении религиозных верований». (Там же).

Несмотря на коллективизацию, все усиливающуюся антирелигиозную пропаганду и требования партии, взрослые колхозники усердно посещают церковь.

Корреспондент газеты «Труд» (1954 г.) пишет из Вышнего Волочка:

«Рабочий день на деревообделочном заводе. Но в поселке необычайное оживление. Часть рабочих и их семей собираются в ближайшую деревню Лютивля справлять так называемый «Нилов день». В «Троицу» 13 июня в церковь стеклось много народу из окрестных поселков. Такая же картина и в «Духов день», 14 июня. В церковном хоре в рабочий день поют молодые ткачихи фабрики «Большевичка»... На гулянках в дни религиозных праздников можно встретить инженеров, врачей, комсомольцев, профсоюзных активистов... В порядке вещей считается пойти в кумовья, присутствовать при отпевании в церкви, участвовать в венчании».

В фельетоне «В дыму кадил», опубликованном в комсомольской провинциальной газете «Молодая Гвардия» (орган Молотовского обкома ВЛКСМ, 1954), читаем следующее:

«Да, тучи кадильного дыма плывут по Кунгурскому району... Священнослужители произносят свои проповеди страстно, убежденно и, конечно, без шпаргалок. В кунгурскую церковь, например, многие ходят, чтобы послушать, как красно говорит поп Бартов. Комсомольские же докладчики обычно вяло жуют за трибуной длинейшую лекцию, не отрываясь от приготовленного кем-то текста».

«Кто-то», подсовывающий шпаргалки нынешним комсомольским докладчикам, хорошо известен. Это – руководство коммунистической партии Советского Союза. Известно это, конечно, и автору фельетона и всему населению СССР.

Все эти данные мы узнаём из советской партийной печати. Из нея видно, что религиозные настроения в СССР в настоящее время – явление повсеместное, крепнущее, несмотря на

ненависть и отпор со стороны власти, и особенно растущее в среде современной советской молодежи. Даже центральные газеты «Правда» и «Известия» косвенно признали силу веры в России, например, такими словами:

«Некоторые партийные, профсоюзные, комсомольские и другие организации, призванные вести воспитательную работу в массах, под свободой совести почему-то понимают только свободу распространения религиозных взглядов, забывая о том, что их долгом является просвещение трудящихся, развертывание научно-атеистической пропаганды... Лекции и доклады на атеистические темы читаются крайне редко, причем количество этих лекций из года в год сокращается, идейно-научный уровень лекций очень невысок. Органы народного образования, учителя, комсомольские организации нередко проходят мимо фактов, когда детям прививают религиозные предрассудки, не считают своим прямым долгом бороться против этих предрассудков» (Передовица в «Правде» от 26 июня 1954 г.).

«Известия» повторяют эти слова в более дипломатическом тоне и призывают «распространять естественно-научные знания».

В чем причина этого неуспеха антирелигиозной кампании советской власти?

В том, что вера глубоко заложена в человеческую душу, безбожники сделали противоестественную попытку подменить веру своей собственной религией, которая не приводит в свою пользу никаких доказательств и поэтому не имеет корней даже в душах самих безбожников, являясь в то же время отвратительной по своей безнравственной идеологии.

В статье журнала «Коммунист» (№ 17 за декабрь 1958 г.) «Усилить научно-атеистическую пропаганду» говорится:

«Спор вокруг проблем материализма и идеализма, атеизма и религии, разгорается с новой силой. Попытки истолковать в идеалистическом (т. е. религиозном Е. А.) духе новейшие открытия физики (несомненно, имеется в виду новый закон в связи с раздроблением атома о переходе материи в энергию и,

обратно, о переходе энергии в материю. Е. А.) породили волну мистики, фидеизма среди части буржуазных ученых».

Далее подробно перечисляются «утонченные» способы религиозной проповеди, для сохранения ее влияния на массы; к этим способам причисляются заявления представителей религии, что они являются друзьями науки, а также нравственная привлекательность ее. «Церковники и сектанты не только приспособливают к современным условиям религиозную идеологию, модернизируют ее, но и совершенствуют методы и формы ее воздействия на массы».

Все это создает правильное впечатление о силе религиозных настроений. Поэтому автору статьи приходится доказывать противное. Он говорит: «Было бы неправильно, конечно, утверждать, что в результате активизации церковников в нашей стране, происходит абсолютный рост религиозности. Оснований для такого вывода нет. Наоборот, под влиянием успехов социалистического строительства, повышения материального благосостояния и культурного уровня советских людей, научное мировоззрение все шире и прочнее овладевает сознанием масс». И тут же автор, сам себе противореча, подтверждает силу веры в народе. «Нельзя забывать, что процесс преодоления религиозных пережитков – это сложный, противоречивый процесс... Мы уже не говорим о прямом, непосредственном материальном ущербе, который наносится народному хозяйству многочисленными религиозными праздниками с прогулами, о вреде для здоровья человека таких обычаев, как целование икон и крестов, купание младенцев в купелях и т. д. (почему-то атеисты никогда не выступают против целования, как семейного обычая. Е. А.). За последнее время церковники и особенно сектанты объявили чуть ли не своей монополией право поучать советских людей правилам нравственности. Они всячески выискивают в нашем обществе недостатки, проявления сохранившихся пережитков прошлого и внушают советским людям мысль о том, что, дескать, причиной их является безбожие, разрыв с религией. Освобождение сознания людей от пережитков религии – трудная и сложная задача. Религиозные предрасудки и суеверия, несмотря на все

победы атеизма, имеют у нас еще довольно широкое распространение».

«Комсомольская Правда» от 3 января 1959 г. приводит корреспонденцию из города Сталино, в которой описывается городской базар. Отмечая на нем «полное отсутствие вещей для домашнего уюта», корреспондент жалуется, что на базаре «идет бойкая торговля иконками, нательными крестами, ладонками, поминальниками».

В газете «Известия» (58 г.) есть письмо в редакцию «сельского жителя», который пишет:

«Товарищ редактор! За последние годы я по характеру своей работы объехал множество деревень и заметил, что во многих домах на стенах висят иконы». Далее следует жалоба, что нельзя достать картин, прилично напечатанных, которые могли бы заменить иконы.

В «Советской Литве» от 21 августа 1958 года есть статья «Почему я порвал с религией? – Ответ моим корреспондентам», в которой говорится: «В Советском Союзе свобода гарантируется Конституцией СССР, за всеми гражданами признается свобода отправления религиозных культов и антирелигиозной пропаганды. У нас запрещено оскорблять религиозные чувства верующего. Но отсюда вовсе не вытекает право верующих оскорблять атеистические чувства неверующих граждан. Между тем, среди полученных писем есть анонимки, авторы которых оскорбляют меня за разрыв с религией. «Коль скоро церковь тебя обучила, ты должен служить ей всю жизнь, несмотря ни на какие сомнения». С возмущением приводятся слова другого письма с указанием имени отправителя: «Я верю, что Бог есть».

Интересны наблюдения людей, посвятивших себя изучению происходящего в советской России. Один из таких – сотрудник газеты Christian Science Monitor Павел Воль (Pabi Iohl), получивший образование в Германии и Франции и написавший несколько книг о Советской России. В статье «Что такое Советский Союз?» (CSM от 29 мая 1958 г.) он пишет:

«Православная церковь сохраняет наибольшую силу влияния после существующего режима. Советские газеты для

молодежи жалуются, что молодые люди обращаются с просьбами о церковных браках и что больше и больше детей крестят.

Сообщения о религиозной сознательности среди народа различны. Возвратившиеся немцы полагают, что от религиозного наследия страны осталось немного. Однако, если бы религия не представляла значения, существующий режим не выступал бы со своей пропагандой против крещений, церковных браков и странствующих проповедников».

Знаменательно, что «даже советские писатели считают, что выбор названия нашумевшего и спорного романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» послужил причиной его популярности в Советском Союзе».

Другой иностранец, изучающий положение в СССР рассказывает на страницах «Новости Соединенных Штатов и Мировое Обозрение» от 27 сент. 1957 г. о беседе с бывшим заключенным советского концлагеря, вернувшимся оттуда в 1955 году. В его лагере сотни заключенных были верующими; он сам стал верующим в заключении. Значительный процент заключенных других лагерей тоже верующие.

Между прочим, из разнообразных сообщений о религиозной жизни в Советской России можно заметить, что в больших городах религия выражается не так свободно, как в провинции. Объяснение этому можно видеть из следующего. Член Общества распространения политических и научных знаний атеист Р. И. Гарковенко между другими выступлениями против веры указал, что «деревня всегда была оплотом религии». (Москва, 29 ноября 1957 г., перепечатано газетой «России» 30 ноября 1957 г.).

В журнале «Наука и Жизнь», издаваемом тиражом от 150.000 до 195.000 экземпляров, в № 10 за 1958 год, сказано с похвалой:

«Десятки миллионов людей, свободных от религии в СССР и в других социалистических государствах... являются живым свидетельством начала процесса вымирания религиозной идеологии». Таким образом «умирание религии» только «начинается» через 40 лет антирелигиозных усилий.

Вот некоторые сведения об антирелигиозной литературе в Советской России. Только за август 1958 года было издано 12 атеистических книг, включая «Вопросы истории религии и атеизма» (440 стр.), «Материализм и религия» (250 стр.) – 50.000 экземпляров, «Библия для верующих и неверующих» Ярославского, 10-е издание – 150.000 экз. «Атеизм, общество и религия» – 50.000 экз., «Примиримы ли наука и религия?» – 100.000 экз.

Интересно перечислить заглавия некоторых последних изданий, чтобы получить общее представление о них.

«Мысли Маркса и Энгельса о религии.

Пропагандист религии.

Гносеологические формы религии.

Вопросы ватиканской политики в Африке.

Происхождение религиозности в капиталистических странах.

Русские пословицы XVII века о церкви и ее слугах.

Крестьяне против монастырей в России в XVI и XVII веках.

Новое в Варфоломеевской ночи в дипломатической переписке XVI века.

Свободная мысль в Твери в XIV и XV веках.

Проблемы происхождения религий в советской науке».

Среди изданий, опубликованных в ноябре 1958 года имеются: «Вопросы истории, религии и атеизма» (244 стр.), издание Академии Наук СССР, «Книга о Библии» (360 стр. – 125.000 экз.), «Евангельские истории и их смысл» (116 стр. – 75.000 экз.), «Происхождение нашего Бога» (138 стр. – 150.000 экз.), «Существует ли Бог?» (80 стр. – 150.000 экз.).

В советской печати объявлено об издании в начале 1959 года 20 антирелигиозных брошюр, специально предназначенных для популярного потребления. Официальный ежемесячник «Коммунист» (май 1958 г.) жалуется, что издается недостаточно атеистической литературы, но вместе с тем перечисляет 106 названий, выпущенных в 1957 году для всего СССР.

Все эти сведения указывают с одной стороны на отчаянные меры борьбы против религии, так вместе с тем на то, что

существует сильный объект этой борьбы – вера в Бога.

Существование веры в Советской России постоянно подтверждается почти во всех таких безбожных изданиях черным по белому.

В книге «Жил ли Христос?» издания 1959 года для распространения среди военных, сказано (стр. 87):

«Основная масса советских граждан освободилась от религиозных предрассудков, но они еще сохраняются в сознании некоторой части трудящихся, как вредный пережиток идеологии эксплуататорского общества». «Религиозные взгляды засоряют сознание верующих неправильными антинаучными представлениями об окружающем мире...».

В книге «О корнях религии, издания 1959 года подробно говорится о широком распространении религии в Советской России (стр. 54, 55 и 56):

«Религия не утрачивает почву. Она существует в новых общественных условиях, как пережиток прошлого, который поддерживается и закрепляется рядом внутренних и внешних причин», именно отсталостью, самостоятельностью религии и традициями. «Живучесть религиозных пережитков усиливается теми противоречиями, которые социалистическое общество преодолевает в процессе своего развития.» Не приводя полностью эту интереснейшую статью, которую можно назвать паникой безбожников перед верой, подчеркнем особенно ценные для нас моменты: и то, что религия очень сильно распространена и даже «закрепляется» среди населения, и то, что она особенно распространена среди крестьянства и то, что атеистическая работа ведется без подъема, (ибо негде взять дух для мертвого безсодержательного богоборчества), и то, что религия сохраняется в трудных для нея условиях, что особенно ценно слышать от безбожников и, наконец, что она продолжает быть гонимой.

Судя по сообщениям Ж.М.П., в Советской России иногда открываются старые храмы и даже устраиваются новые в приспособляемых для этой цели помещениях. Это обстоятельство, при враждебном отношении власти к вере и к верующим, является одним из ярких свидетельств о народной

вере и о стремлении верующих к удовлетворению духовных нужд. Впрочем, некто В. М. Петрус, в статье «Свобода и веротерпимость по-советски» (отдельное издание, Нью Йорк, 1959 г.) сообщает о своей беседе с советским митрополитом Гермогеном, имевшей место в г. Нью Йорке в феврале 1954 года в советском доме на 97 улице, который был его сослуживцем при царском правительстве в семинарии; в этой статье приведены такие слова митрополита Гермогена: «Сейчас идет большое строительство церквей и открытие церковных приходов!» После этого сказано: «Но потом он признался, что строительство идет больше на бумаге и церковные службы приходится совершать в больших домах и сараях, т. к. церкви все разрушены». Что открытые храмы существуют теперь в каком-то количестве, сообщается и на страницах советской печати. Менее известны факты закрытия существующих церквей. Так например, в селе Первозвановка, Успенского района, Ворошиловградской (Луганской) области, храм московской юрисдикции, посещавшийся молящимися в большом числе, был закрыт около 1950 года и переделан в клуб.

Поэтому весьма интересный вопрос цифр остается для нас неясным и загадочным. Мы полагаем, что, несмотря на всю рекламу, открытых храмов в СССР мало. Судя по Ж.М.П., их совсем нет на территории Сибири; что касается остальной территории СССР, значительная часть церквей находится в ново-присоединенных областях стран-сателлитов, где они функционировали до большевиков. Советская власть допускает пока существование официальной церкви, слепо послушной ей, для своей пропаганды за границей, чтобы скрыть свои истинные богоборческие намерения, для усыпления и захвата Запада; поэтому она старается создать впечатление о большом числе открытых храмов. Январский номер USSR Information Bulletin за 1949 г., на основании данных Карпова, дает цифру около 22 тысяч храмов; в американском журнале Newsweek от 17 января 1952 г. на стр. 84 помещена беседа советского архиепископа Бориса с корреспондентом этого журнала. По словам архиепископа, в СССР имеется до 24–25 тысяч храмов.

В том же сообщении Карпова от 1949 года говорится, что советская церковь имеет 89 монастырей, а по сообщению пропагандной книги московской патриархии «Русская Православная Церковь» издания 1958 года, их существует 69. Таким образом, нужно предположить, что или за последние несколько лет 20 монастырей закрыты, или что Карпов дал неверные сведения, или же что также и московская патриархия сообщает неправильные данные. В 1953 году, при самых тщательных попытках установить число монастырей, пользуясь сведениями Ж.М.П., а также верующих и духовенства, прибывшего из Советской России, нам не удалось обнаружить их более двадцати. Один совсем недавно побывавший в Советском Союзе православный русский – американский гражданин – утверждает, что во всем СССР имеется не более 2 тысяч открытых храмов.

Все заявления богоборца Карпова подлежат тщательной проверке и их невозможно принимать на веру. Репутация советского архиепископа Бориса такова, что американское правительство долгое время отказывало ему в визе, в виду чего и его данные должны быть проверены. Но самое большое сомнение в верности этих данных вызывается поразительным фактом: информационная книга советской церкви (Р.П.Ц. 58 г.), утверждая на стр. 20, что «она в настоящее время имеет в своем составе миллионы верующих в Бога» (не сотню и даже не десятки миллионов, а только миллионы!), совершенно молчит о числе открытых храмов. Чем вызывается это странное и бросающееся в глаза обстоятельство? Мы можем лишь предполагать, что советская власть не разрешила советской церкви опубликовать это число или потому, что богоборческая власть не может терпеть лишних упоминаний о духовной жажде русского народа, или же, что вероятнее, потому, что действительное число открытых храмов слишком мало в сравнении с пропагандными заявлениями безбожника Карпова. Не может же он сам себя срамить! А для советской церкви это странное отсутствие таких необходимых цифр представляет громадный минус, ибо один этот вопиющий пробел ставит под

сомнение все утверждения советской патриархии о молочных реках и кисельных берегах для веры и верующих в СССР.

О малом количестве храмов свидетельствуют и иностранцы, которые видели по 200 крещений в один день в одной церкви. Этого не могло бы произойти при достаточном количестве храмов.

Незадолго до второй мировой войны, советская власть обнаружила с помощью анкеты, проведенной по всему Союзу, что около 70 процентов крестьян верят в Бога. Об этом было сообщено в советской прессе. Если принять во внимание, что не все верующие решились открыто заявить о своей вере, процент окажется выше.

Около года тому назад, коммунисты снова проговорились. В одном из популярных журналов «Наука и Жизнь» (№ 10 за 1958 г.), в котором имеется постоянный отдел, посвященный борьбе с религией, как было упомянуто выше, имеется сообщение о том, что «десятки миллионов свободны от религии в СССР и в других социалистических государствах». Мы не располагаем точными статистическими данными о числе населения СССР и стран-сателлитов, но если предположить, что это число может быть около 250.000.000, а также что «десятки миллионов» – весьма неопределенное число, – которое в лучшем для богоборцев случае доходит до 70 или 80 миллионов, то и в таком случае 170 или 180 миллионов, по утверждению самих коммунистов, остаются верующими. И это при том, что формулировка богоборцев довольно осторожна: миллионы людей «свободны от религии», т. е. эти миллионы не являются активными безбожниками, другими словами среди них могут оказаться верующие.

Хотя все эти расчеты очень приблизительны, они не могут не радовать нас, тем более, что многие миллионы верующих не старики царских времен, т. к. в Советском Союзе после двух войн, голода и террора осталось очень мало старых людей. Большинство населения, это те, кто ничего не знал в своей жизни, кроме советского богоборческого режима.

Заканчивая главу о вере русского народа, упомянем, что безбожники в борьбе против религии пользуются всеми

средствами пропаганды: фильмами, проекционными картинками, плакатами, театрами, кинематографами, радио и телевидением. Советские газеты пестрят инструкциями о пользовании всеми этими способами. Специальное антирелигиозное образование поощряется всеми мерами. Программа для преподавателей в особом антирелигиозном университете, существующем в СССР, содержит длинный список предметов с указаниями о том, как нужно пользоваться ими для атеистического воспитания, среди них математика, механика, физика, геология и биология. Эти и десятки других предметов должны быть использованы при вдалбливании атеизма в умы учащейся молодежи. Говоря о роли учителя «в борьбе против тяжелого наследия прошлого – религиозной части нашего населения», «Учительская Газета» (от 11 декабря 1958 года) выражает уверенность, что «настойчивая, ежедневная, мучительная работа сделает это дело. Учителя, лекторы и агитаторы несут воинствующий атеизм в массы». Для сокращения, мы не приводим всех многочисленных инструкций советских газет дословно.

Обращает на себя внимание, что содержание бесчисленных советских антирелигиозных изданий, при всей своей внешней самоуверенной развязности, выдает дух опасения, беспокойства и даже растерянности перед силой христианской веры русского народа. В июльском № 7 журнала «Наука и Жизнь» за 1959 год, в безбожном отделе «Наука и религия» помещен разбор одной вышедшей в СССР повести, в которой передаются картины религиозной жизни, при чем неясно отношение к религии автора. Составитель заметки «За или против» не находит слов для возмущения. «Мы вправе ожидать от автора ясно выраженной атеистической тенденциозности. Книга не снабжена ни подстрочными примечаниями, ни приложением, где присутствовала бы та атеистическая направленность, которой недостает в повести». При этом изобличаются имена автора и директора государственного издательства, разрешившего книгу. Чувствуется сильное беспокойство, что такая книга поможет укреплению религиозных чувств читателей. Это беспокойство ценно для нас, ибо показывает, что для него есть все основания, что люди

изголодались по вере и что описания религиозной жизни читаются с большим интересом.

Подобное же беспокойство сквозит во всей богоборческой прессе, и в этом отношении знакомство с ней приносит много утешительного.

Борьба с верой, несмотря на все доступные человеческие средства, оказалась непосильной для коммунистов. Опыт показал безбожникам, что грубое физическое гонение приводит к большому подъему веры. Пришлось переменить тактику; но когда атеисты перестали подвергать чувства верующих грубым оскорблениям, вера при этих условиях еще больше стала расти. Атеисты испытывают состояние растерянности. Они наводнили всю территорию СССР безбожными изданиями, особенно за последние два года, но эти издания безсодержательны. Их агрессивность отражает сознание полной безнаказанности. Богоборцам некого опасаться, Советская патриархия ничего не возражает и, наоборот, не может найти достаточных слов похвалы и благодарности перед гонителями Христа. Малейшая критика атеизма с чьей-либо стороны строжайше запрещена, и это известно даже малому ребенку. Поэтому безбожники позволяют себе грубую клевету против веры и верующих, как некогда на заре христианства поступали язычники, а доводы богоборцев против веры несерьезны, бездоказательны и часто совершенно наивны ².

Мы видим, что Господь допускает все это с премудрой целью. Указанные отрицательные черты богоборчества уже создали большое движение среди подсоветских людей, главным образом молодежи, разочаровавшихся в коммунистической безбожной идеологии и тем самым уже подготовленных самими безбожниками к убежденному принятию и исповеданию православной веры, подобно тому, как это было в язычестве перед пришествием Христа, когда люди не находили удовлетворения в язычестве и жаждали нового, более совершенного учения.

В этом убеждают нас и встречи с подсоветскими людьми этой категории.

Глава II. Вера в Бога среди молодого поколения.

Эта глава должна показать словами безбожников особенно ценное и светлое явление духовной жизни нашего подъяремного православного народа – веру в Бога среди юного поколения: детей, учащейся молодежи и выходящей в жизнь по окончании учения.

«Одним из наиболее упорных и вредных остатков в сознании народа являются религиозныя предубеждения. Этим предубеждениям особенно подвержена наша молодежь» («Учительская Газета» от 18 авг. 1954 г.).

«В нашей стране существуют верующие, которые посещают церковь и исполняют обряды. Таких людей можно найти не только среди старшего поколения, родившегося до установления советской власти, но и среди нашей молодежи. Более того, довольно часто наши молодые люди и девушки женятся по церковному обряду и крестят своих детей» (Передача по радио «Москва» П. Колонецкого от 21 авг. 1954 г.).

Ценное сообщение: верующая молодежь, родившаяся при советской власти, посещает церковь, и «довольно часто» совершает браки и крестит детей.

Учительская Газета (18 авг. 54 г.) сообщает:

«Учащиеся посещают церковь после школы. После уроков, учащиеся шестого класса Успенской школы совершают крестное знамение, в то время, как их учебники находятся на партах!»

«У ученика десятого класса этой школы имеется маленькая иконка, изображение Девы в медальоне. Мальчик прилежно устроил кожаную крышку для нея, поместив в нее икону с молитвой «Сон Девы»... Во время религиозных праздников, некоторое число учащихся старших классов не присутствовали на уроках в течение нескольких дней» (Учительская Газета от 7 авг. 54 г.).

В той же газете находим жалобы на родителей, заставляющих своих детей принимать участие в религиозных обрядах:

«Некоторые дети посещают церковь со своей матерью или бабушкой, чтобы освятить «пасху» и «кулич». Некоторые родители даже принуждают своих детей носить крест и регулярно ходить в церковь».

В Учительской Газете от 31 июля 54 года рассказывается об ученицах, окончивших десятый класс с золотой медалью. В течение ряда лет они были блестящим примером для учащихся; они отлично учились и были хорошего поведения. Однако, дома, эти ученицы «вместе со своими подругами читали евангелие и пели молитвы». Статья отмечает, что из-за этих учениц религиозные настроения проникли в школу, и скорбит о том, что «для них большие достижения материалистической науки являются навсегда закрытой книгой». Эта статья показывает, что в советском обществе появился новый тип учащихся, которые остаются неприступными для Марксистского учения, живут верой в Бога и противятся вовлечению их в антирелигиозный комсомол.

Статья «Неотделимая часть коммунистического воспитания» в Учительской Газете от 7 авг. 1954 года приводит пример указанного выше внутреннего сопротивления. В одном городе комиссия исследовала степень религиозности среди молодежи. Один юный школьник не пожелал подтвердить комиссии, что Бога нет, несмотря на неприятные последствия, могущия явиться результатом такого отношения.

В Комсомольской Правде (начало лета 1954 г.) имеется заявление:

«Известно, что религиозные предрассудки еще бытуют в сознании отдельных молодых людей».

На последнем съезде представителей комсомольских организаций (1958 года) раздавались жалобы на то, что «церковники» различных направлений отвоевывают молодежь у партии. Представители церкви, кроме проповедей, создают при церквях оркестры, хоры, кружки художественной самодеятельности, концерты классической музыки... (Новое Русское Слово, 1 июня 1958 г., «Борьба с религией продолжается»).

Об успехах религиозной проповеди среди молодежи свидетельствует Учительская Газета (№ 126, 1959 г.), которая заявляет, что «сейчас нельзя возрождать старые формы борьбы с враждебной коммунизму идеологией». В этой газете приведен случай ученика средней школы из Стерлитамака Толи Колчина, сына рабочего инвалида войны. Толя мечтал после окончания десятилетки поступить в духовную семинарию и стать священником. Начальство школы узнало об этом и не давало Толе необходимого для поступления в духовную семинарию аттестата зрелости.

«Хоть ты и сдал экзамены, – сказал директор Толе, но аттестата ты не получишь!»

Учительскую Газету возмущает не произвол директора школы, а Толя Колчин, сын рабочего, бывший комсомолец, который на 42-м году советской власти мечтает стать священником.

Еще раньше Учительская Газета, указывая на то, что «многие ученики средней школы ходят в церковь и носят нательные кресты», привела такой случай:

«**150** воспитанниц Детских домов работают под руководством монахинь в селе Табор (Молдавия). Эта трудовая артель арендует помещение у женского монастыря. Девочки, из которых многие состоят в комсомоле, подпав под влияние монахинь, стали молиться и ходить в церковь. А комсомолка и активистка Маруся Солонарь даже стала «соблюдать все посты», чем гордится. «Мы увидели свет и цель жизни, – заявили оне корреспонденту и добавили: ведь наша конституция не запрещает религию!..»

В газете «Коммунист Таджикистана» от 25 июня 1958 года напечатано:

«Одной из наиболее устойчивых сторон религии являются религиозные обряды и праздники. Религиозные предрассудки до сих пор имеют место в сознании и быту некоторой части населения, в том числе и среди молодежи. У нас есть еще люди, которые посещают церковь, выполняют религиозные обряды, справляют церковные праздники. Религиозная среда влияет и на воспитание детей». Статья признает силу

«религиозных предрасудков среди взрослых и молодежи и протест детей против атеистического воспитания.

Сознавая наличие веры у молодежи, советское правительство старается держать учащихся и вообще молодежь вдали от церкви, для чего оно принудительно заставляет детей состоять в коммунистических клубах и организациях, деятельность которых специально приноравливается к часам церковных богослужений. Подтверждение этому можно найти в советской прессе. Например, «Советская Культура» от 18 ноября 1958 г. приводит слова работницы молочной фермы: «Здесь в колхозе наша жизнь так наполнена, что я не имею времени посещать религиозные учреждения». Из этих слов видно стремление молодежи к церкви и усилия коммунистов помешать ей в этом.

Еще более интересное свидетельство об отвлечении детей от церкви устройством ученических празднеств в часы богослужений находим в брошюре «Религия и быт», издательство «Знание», Москва, 1958 г. (Тираж 86.000 экз.). На стр. 18, приводится пример «неправильного воспитания в духе религии»:

«В религиозный праздник ученику 7-го класса Василию Якевичу отец приказывает: «Сегодня праздник, и ты должен сидеть дома, нечего тебе в школе делать!» Мальчик горько плачет. Уже в какой раз жестоко наказывает его отец! В прошлом году его почти насильно потащили в церковь, когда в школе проходила школьная олимпиада. Так и не пришлось ему посмотреть выступления своих товарищей и выступить самому».

Из этого «примера» видно, что школьные праздники устраиваются систематически в часы богослужений, и что к этой мере приходится прибегать потому, что есть верующие родители, заботящиеся о посещении храма детьми.

В школах, каждый учитель обязан включать антирелигиозный материал во все преподавание. «Советская Белоруссия» (от 30 мая 58 г.) замечает: «Как хорошо, что в наших школах уделяется более внимания атеистическому воспитанию детей! «Учительская Газета (от 11 дек. 58 г.) в

длинной статье «Воспитывать воинствующих безбожников» говорит:

«Наша школа находится на окраине Кишинева... Часть местных жителей все еще находится под влиянием религии. Настроение в семье не может не влиять на детей. Поэтому педагогический коллектив нашей школы придает великое значение воспитанию детей в атеизме». Приводятся примеры. Когда один учитель спросил, что нужно для хорошего сада, один из учеников сказал: «Мама говорит, что у нас будет хороший сад, когда Бог пошлет дождь».

В пятом классе учитель «демонстрировал детям абсурдность веры в загробную жизнь и во всякую сверхъестественную силу». В шестом классе учитель «объяснял своим ученикам, как и почему возникла христианская религия, уделяя особое внимание ее реакционной природе».

«Комсомольская Правда» (от 1 авг. 58 г.), орган коммунистической молодежи, сообщает «немало фактов, указывающих на давление религиозных идей среди части нашей молодежи, и даже об усилении этих идей».

Усиление религиозного настроения среди молодежи подтверждается и недавними встречами с подсоветскими людьми. Несмотря на всю антирелигиозную пропаганду, происходит все увеличивающееся движение молодежи около 30-летнего возраста к церкви. Многие молодые люди, начиная думать о себе, находят религию коммунизма неудовлетворяющей и обращаются к церкви.

В книге «Есть ли Бог?» Москва, 1959 г. говорится:

«Суеверные взрослые передают свои предрассудки детям. И нередко бывает так, что учащиеся оканчивают среднюю школу и даже высшие учебные заведения, а у них нет научного (т. е. безбожного) мировоззрения. Поэтому научные знания в их головах уживаются с самыми нелепыми предрассудками и суевериями».

Другими словами эти молодые учащиеся остаются верующими.

Как страшно узнавать из советской печати обо всем, что делается коммунистами, чтобы искалечить детскую невинную

восприимчивую душу! Дети, вместо добра и евангельского света, видят грех, ненависть, богоборчество. И среди всего этого царства сатаны, по признанию самих безбожников, многие из детей сохраняют благочестие.

Непрерывный поток свидетельств и беспокойство советской печати о вере среди молодежи особенно радует и обнадеживает нас, но есть еще нечто более удивительное: это свидетельства безбожников о религиозном движении среди членов партии и комсомола.

Глава III. Вера в Бога среди комсомольцев, членов партии и членов их семейств.

Статья «Мы не должны мириться с этим положением» в Учительской Газете от 14 августа 1954 г. рассказывает о дочери важного члена партии, которую церковь склонила петь в церковном хоре.

В «Правде» от 4 августа 1954 года сообщается, что в Омутнинске (одном из районных центров Кировской области) секретарь районного комитета комсомола Коврижный, секретари районного комитета партии Крючков и Шишкова и другие ответственные работники административных органов крестили своих детей в церкви.

В «Крокодиле» от 10 апреля 1954 года читаем:

«В некоторых комсомольских организациях слабо поставлена научно-атеистическая пропаганда, в результате чего отдельные комсомольцы совершают церковные обряды». Эта надпись сделана на большой карикатуре «Крокодила» на комсомольца и комсомолку, венчавшихся в церкви.

Мы полагаем, что причиной служит не слабо поставленная пропаганда, а вера в Бога.

В «Комсомольской Правде» (от 1 июля 1954 г.) появилось сообщение:

«В колхозах Средней Азии и Закавказья, в самую горячую пору сельскохозяйственных работ, справляются религиозные праздники, вызывающие многочисленные прогулы. В этих праздниках подчас участвует и молодежь, отдельные комсомольцы».

В журнале «Партийная Жизнь» № 22 за 1958 г. помещена статья Д. Сидорова «Об отношении коммунистической партии к религии». Сидоров напоминает, что программа КПСС, принятая 8 съездом РКП(б), требует, чтобы каждый коммунист был атеистом и вел активную антирелигиозную пропаганду.

«Однако, продолжает Сидоров, у нас еще находится немало людей, под влиянием религии, и было бы неправильно закрывать на это глаза».

Среди этих людей «под влиянием религии» не мало коммунистов.

«Надо признать, пишет Сидоров, что отдельные коммунисты перестали вести пропаганду атеизма, стали примиренчески относиться к религии и церкви... Подчас сами коммунисты принимают участие в различных престольных праздниках, обрядах, забывая, что это несовместимо со званием члена партии. Например, секретарь парторганизации колхоза имени Жданова, Гдовского района, тов. Ефимов крестил в церкви своих детей, его дом регулярно посещал священник. Секретарь комсомольской организации тов. Федорова венчалась в церкви. В колхозе «Россия» Тамбовской области, в домах отдельных коммунистов висят иконы, их семьи отмечают религиозные праздники, справляют церковные обряды.»

В «Литературной Газете» № 130 за 1958 г. некто Дашковский, рассказывая об успехах религиозной проповеди, ставит перед властями следующий провокационный вопрос:

«Не превращается ли свобода вероисповеданий в свободу действий для подчас и антисоветски настроенных элементов в нашей стране?» Дашковский считает, что «религиозники перешли в наступление» и приводит факты:

«Беда, пишет он, ни одной свадьбы в колхозах не обходится без попов. Не так давно Мария Фролова венчалась с Иваном Ряшенцевым... Она – учительница дочь коммуниста, он – комсомолец, один из лучших механиков. В этом колхозе (имени Ленина) одних только «главных священников» имеется «человек семь» и то не могут полностью удовлетворить религиозные нужды населения».

Американец Харрис Сольсбюри, проведший 5 лет в СССР, в статье Нью Йорк Таймс (от 29 сентября 1954 г.) о православной церкви в России говорит, что не только среди народа наблюдается огромное религиозное устремление, но и среди коммунистов, которые ходят в храм, венчаются в церкви, крестят детей, при чем это стало очень популярным среди них. Число молодежи, посещающей церкви, постоянно увеличивается.

Верующая православная американка на выставке в Москве (летом 1959 года) заметила, что советская власть старалась оградить американцев от общения с русским народом, стремясь допускать их к встречам более всего с комсомольцами. С ними происходили беседы, при чем они заявляют, что они атеисты, одновременно рассказывая, что венчаются в церкви и крестят своих детей. Когда одна из американских служащих спросила «Почему же вы, называя себя атеистами, делаете это», они отвечали: «это просто русский обычай», но ничего не могли возразить, когда им было сказано, что крестят и венчаются в церкви не обязательно русские, а все верующие независимо от национальности.

Ответ на это противоречие можно найти в наблюдениях наших русских переводчиков для посещающих Америку разных советских научных групп. Участники этих групп, подобно московским комсомольцам, в начале усиленно подчеркивают, что они атеисты и лишь очень не сразу, иногда дней через десять, убедившись, что переводчики верующие, сознаются им, что они тоже верят в Бога.

Здесь многое интересно. Люди боятся сказать, что они верят, значит вера преследуется, верят те, кто официально являются оплотом власти и, наконец, к верующим принадлежит интеллигентный класс наряду с простым народом.

Приведем попутно некоторые свидетельства о вере среди образованных людей в Советской России.

В большом советском очень распространенном ежемесячном журнале «Наука и Жизнь» есть отдел «Наука и Религия», посвященный борьбе с верой. Все статьи этого отдела направлены на хорошо образованного читателя. Если религия только суеверие, сохранившееся у невежественных людей, как это постоянно твердят коммунисты, для чего такая усиленная пропаганда безбожия среди образованных?

В книге «Есть ли Бог?» (Москва, 1959 г.) на стр. 71 имеется ценное признание:

«Суеверия живут не только в сознании самых отсталых людей, но иногда и в сознании умелых советских рабочих и колхозников, передовых производственников. Бывает так, что

человек на производстве не отстает от других, участвует в социалистическом соревновании и перевыполняет план, а вместе с тем в его сознании еще не изжиты религиозные и разные другие суеверия и предрассудки».

Глава IV. Вера в Бога среди чинов Красной Армии.

В одном из сравнительно недавних номеров «Красной Звезды» за 1958 год заметно волнение и тревога по поводу успеха религиозной пропаганды среди солдат и офицеров. Эта газета возмущается тем, что офицер-летчик Шатилин в свободное время вместе с женой читает евангелие и выполняет все религиозные обряды.

«В другой воинской части, продолжает «Красная Звезда», жена офицера Рыбникова, под влиянием смерти родителей стала выполнять религиозные обряды, посещать церковь, а жена офицера Вовченко и детей своих стремится воспитать в религиозном духе».

Вот что нашли в военных городах корреспонденты «Красной Звезды»:

«В трусковецком военном санатории-городке жена одного из старших офицеров Вера Кузнецова, не посещая кино, лекции, экскурсии, предпочитала читать евангелие и распространять религиозные догматы среди других женщин». В другом военном городке «жена полковника Яковлева еще более фанатична в религии и умеет говорить столь убедительно, что за ней не угнаться иным пропагандистам». «Красная Звезда» замечает, что хотя «религиозные пережитки не мешают многим успешно овладевать военным делом, безупречно выполнять свои служебные обязанности, но они тормозят рост политической сознательности». Таким образом мы имеем признание официального органа в том, чего «многие» военные солдаты и офицеры – верующие.

Менее года тому назад в одной из советских газет появилось такое заявление: «Религия наступает, а атеизм отступает».

В «Красной Звезде» № 251 (1958 г.) помещен такой случай:

Совсем недавно, после одной «научной лекции» о религии, прочитанной в среде молодых солдат, капитан Шмидов, политрук этой части, написал в газету: «Нам такой псевдонаучной халтуры не надо» и прогнал лектора-

безбожника, над которым громко потешались собравшиеся солдаты.

Как уже было многократно показано, в Советской России и в настоящее время люди скрывают свои религиозные убеждения.

Несомненно то же происходит и в армии. И тем не менее советская пресса приводит многочисленные доказательства и примеры веры в Бога среди чинов красной армии.

Одним из самых поразительных свидетельств советской власти о сильнейшем распространении веры в красной армии является опубликованный перечень изданий советского военного издательства. Оказывается, что за 1958 и 1959 годы это издательство 40 процентов всех своих книг для военных посвятило антирелигиозным кощунственным сочинениям.

Как же должна быть распространена вера в армии, чтобы понадобились такие огромные затраты средств и усилия власти для борьбы с нею? Но это понятно. Армия часть верующего русского народа. Ей коммунисты не доверяют, как не доверяли в минувшую войну, смотря на каждого безпартийного бойца как на потенциального врага.

Глава V. О церковных браках в Советской России.

В этой небольшой главе, нам хотелось бы привести особое свидетельство советской власти о самом широком распространении церковных браков в Советском Союзе.

В апрельском номере журнала «Партийная Жизнь» (58 г.) подведены итоги работы мобилизованных кадров активных безбожников. Особенное внимание обращено на атеистическое воспитание молодежи. Чтобы бороться с торжественными и пышными религиозными обрядами, разрабатываются основанные на народных обычаях торжественные обряды, но гражданского характера: советские свадьбы, крестины, именины и т. п. Эти суррогаты должны отвлечь молодежь от церкви, заставить их забыть о религиозных праздниках.

В «Известиях» от 11 октября 1959 года помещена статья под заглавием «Да, советские обряды нужны».

Между прочим, там написано: «В Известиях поднят очень важный вопрос – об обрядах. В старое время попы создали красивые обряды, в частности свадебные. Так почему мы, советские люди, не можем создать новые, еще более красивые торжественные обряды, которые бы запомнились на всю жизнь. А то посудите сами. Пришли мы в ЗАГС, и первое, что прочитали, было объявление о регистрации смертей. Потом шло скучное заполнение заявлений, а после этого мы узнали, что надо прийти регистрироваться... через несколько дней (почему?). В общем, все было безцветно, неинтересно, буднично».

Далее следует предложение ввести советский обряд в красивом зале, с кольцами, с музыкой, с красивыми одеждами, угощением, приглашениями и, наконец, с красивыми удостоверениями на особой бумаге в переплете. Наконец, выражается пожелание, чтобы там ни в коем случае не было отделений записи смерти.

В газете Heral Tribune от 25 октября 1959 г. (Н. И.) имеется заметка: «Открытие дворца бракосочетания». Сообщение из Москвы от 24 октября с. г. говорит об открытии первого

советского «Дворца бракосочетания» в Ленинграде, устроенного в соответствии с предложением, напечатанным в упомянутом номере Известий.

Это служит доказательством сведений, распространившихся, как через советскую печать, так и через побывавших в России американцев русского происхождения о том, что не только в народе, но среди членов партийного аппарата стало общепринятым совершать церковные браки. Советская власть обезпечена и, в поисках борьбы с этим явлением, решила устроить подражание им. Она уже не смеет издеваться над таинством церковного брака и, хотя его ненавидит, неожиданно признает: «Попы создали красивые обряды», стремясь переманить верующих к себе. Насколько она в этом успеет, покажет будущее, но по всем признакам, ея попытки обречены на неудачу, начиная от малочисленности таких дворцов (пока только один). Но главный недостаток их в том, что они не имеют духа веры и благодати, что более всего привлекает верующих, желающих получить благословение Божие на их семейную жизнь.

Глава VI. Тайная катакомбная церковь в Советской России.

На фоне страшной картины богоступничества и греха, соблазнившего многих в несчастной России, светлым и радостным лучем, славой Православной Церкви являются исповедники наших дней, принадлежащие к тайной катакомбной церкви.

Хотя посещаемость храмов в СССР свидетельствует о вере подъяремного русского народа, мы особенно радуемся о тех членах тайной церкви, которые советских храмов сознательно не посещают. Точное число их неизвестно. Для нас великим и драгоценным утешением является тот факт, что они есть. Среди них и сейчас есть исповедники, находящиеся в заключении и страдающие за исповедание истины или за непризнание московской патриархии. Последнее для нас должно быть особенно поучительно. Примеры таких исповедников с указанием имен и с другими подробностями приведены в книге протопресвитера о. М. Польского «Новые мученики Российские». Во II томе собрано довольно много документов о существовании тайной церкви в России. За исключением небольшого числа более поздних свидетельств, все они относятся к периоду до начала последней войны.

О существовании тайной церкви прекрасные свидетельства имеются в Ж.М.П. Их несколько; все они были приведены в докладе Собору 1953 года о положении Церкви в СССР. Можно полагать, что в дальнейшем, советское духовенство получило инструкции быть осторожнее в своих письменных высказываниях. Само собой разумеется, что тайная церковь, как следует из самого ее названия, обязана скрывать свое существование, ибо раскрытие ее грозит ссылкой и смертью.

Интересно отметить, что, по статистике проф. И. Андреева, до 20 процентов заключенных в советских концлагерях отбывают сроки за веру. Таким образом таких заключенных и сейчас миллионы. Нам приходилось встречать людей в священном сане, которые до начала последней войны состояли

членами и посещали богослужения катакомбной церкви в Советском Союзе. Они просили не опубликовывать месте и имен по понятным причинам.

О тайной церкви в Советском Союзе имеются интереснейшие последние сведения от совсем недавно возвратившихся оттуда бывших эмигрантов, которые во время войны были захвачены большевиками и пробыли более 10 лет в советских сибирских концлагерях.

Будучи верующими людьми, они томились без св. причастия и искали тайного священника.

Им удалось, наконец, найти такого духовника; он их причастил, при чем на исповеди спросил, к какой церкви они принадлежали за границей и при этом сказал им, что единственной правильной церковью является та, где поминают Митрополита Анастасия. Это произвело на них такое впечатление, что, возвратившись за границу, они прежде всего вступили в юрисдикцию Зарубежной Церкви.

Эти свидетели рассказали, что недалеко от Воркуты устроен специальный концлагерь для «выявленных церковников», т. е. членов тайной церкви, непризнающих московской патриархии. Насколько существование этого лагеря представляет значительное явление, следует из того, что обычно советская власть не устраивает концлагеря менее чем на 50.000 заключенных. И если есть столько «выявленных церковников», то сколько же должно оставаться «невывявленных»?

Мы не увлекаемся цифрами, полагая, что истина не в количестве, по слову нашего Небесного Пастыреначальника: «Не бойся малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство» (Лук. 12, 32); также: «Узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его» (Матф. 7, 13). Верные последователи Христа шли не за большинством, а по пути правды. Поэтому великий угодник Хистов св. Максим Исповедник, когда его убеждали причаститься с еретиками-монофелитами, в виду того, что к ним присоединился царь и патриарх, сказал: «Аще и вся вселенная причастится, единый аз не причащусь!» Тем не менее, по нашим выводам, членов

церкви в Советской России, несомненно, имеется много больше, чем членов советской церкви.

Действительно, как было показано ранее, сами коммунисты признают наличие в СССР многих десятков миллионов верующих. С другой стороны, советская патриархия официально заявила («Русская Православная Церковь», стр. 20), что «она в настоящее время имеет в своем составе миллионы верующих в Бога». К какой же церкви принадлежат те многие десятки миллионов верующих, которые составляют разницу между двумя цифрами, указанными выше такими ответственными инстанциями? Некоторая часть этих десятков миллионов относится к сектантам, а остальные, как может заключить всякий беспристрастный человек, представляют собой мощную массу принадлежащих к исповеднической катакомбной тайной церкви.

Сколько бы их ни было, мы благодарим Бога за их мужество, лобызаем их светлый подвиг и исповедуем, что именно они, под тяжким игом богоборческой власти, прежде всего и более всего сохраняют православную веру и духовную жизнь в России.

Глава VII. Духовные недочеты и слабости.

Было бы ошибкой считать, что все обстоит благополучно в области веры русского народа. Нельзя закрывать глаза на ряд значительных недочетов его духовной жизни. Они следующие:

Малодушие, уклонение в сектантство, алкоголь, разврат и неверие.

Малодушие.

Среди верующих имеется особый тип людей, которых можно назвать малодушными. Их много. Это искренно верующие люди, которые из боязни потерять свое положение или же оказаться в числе преследуемых, тщательно скрывают свою веру не только от советской власти, но часто и от собственных членов семьи. По этой причине верующая матери, например, боятся воспитывать родных детей в религиозном духе, особенно маленьких, что так важно в этом возрасте. Но именно маленькие могут легко проговориться, что навлекает гнев власти на всю семью. Другой вид малодушных – это все, которых заставляют изучать Марксизм-Ленинизм и их философию – диалектический материализм. Для того, чтобы получить мало-мальски приличное место, обеспечивающее сносное существование, обязательно требуется экзамен по этим предметам. Верующие должны говорить на экзамене, что верят в материализм, не верят в Бога, верят в конечную победу атеизма и, что особенно тяготит их совесть, – в необходимость физического уничтожения классового врага. Стараются переменить профессию, избравши наиболее нейтральную, чтобы не кривить совестью, но даже и на таких, казалось бы, отвлеченных специальностях как математика, требуется тот же экзамен. Другой вид малодушия, когда верующие из опасности преследования уничтожают иконы и священные книги. Об этом известно из рассказов бывших подсоветских людей, которые теперь, через много лет после ухода из СССР, не могут простить себе этого малодушия, ибо оно является в их совести отречением от Бога и христианства. Можно полагать, что таких малодушных очень много.

Уклонение в сектантство.

Имеется множество указаний на сильное распространение сектантства в Советской России. Легко понять это. С одной стороны неиспорченные люди стремятся к вере, которую часто трудно найти и изучить, а с другой – сектанты придерживаются самых упрощенных форм религии, почти без обрядов и без духовенства.

Для того, чтобы не переобременять доклад выдержками, мы их опускаем, упомянув лишь, что во всех советских газетах и антирелигиозных книгах упоминания о сектантах с подробными описаниями их религиозной жизни имеются в огромном и даже угрожающем количестве. Впрочем, известно, что богоборцы сознательно очень часто называют православных сектантами, чтобы уменьшить впечатление об их действительной вере.

Алкоголь.

Один наблюдательный зарубежный публицист отметил в своей недавней статье, что все разбойники во все времена на первом месте имеют в большом количестве две вещи: оружие и водку. То же наблюдается и в Советском Союзе: накопление оружия и неограниченное количество водки.

Она и в старая времена являлась одним из частых пороков русских людей, а теперь алкоголь занимает гораздо большее место в подсоветской жизни и об этом также имеются постоянные свидетельства в советских газетах. Для нас это особенно печально, ибо алкоголь убивает тело и душу.

Распущенность нравов.

Довольно жуткую картину опустошенного состояния душ, запутавшихся в этом грехе рисует Николай Краснов в книге «Незабываемое». Описание относится сравнительно к недавнему времени пятидесятых годов. Там приводятся обычаи, неизвестные в русской жизни прежде, которые являются результатом отнятия всего святого у русского народа. Краснов рассказывает, как в местах временного поселения заключенных, которым предоставляется в лагерях некоторая свобода, по прибытии на новое место, начинают искать себе подруг, чтобы совершенно открыто начать сожителство, которое при переводе в другой лагерь быстро кончается, чтобы

снова повторяться с другими, так же мимолетно встретившимися лицами на новом месте.

В этом рассказе поражает неизвестный прежде в такой степени момент – полное отсутствие стыда, указывающее на сильную распространенность этого греха, убивающего в корне духовную жизнь. Именно этот грех у св. отцов преимущественно называется падением, как потому, что при обычных грехах исправляются тем же путем, например, при похищении руками, руками же можно раздать имущество нищим; а согрешивший против целомудрия, возвращается другим путем – постом и плачем; кроме того, этот грех повреждает и растлевают одновременно все силы телесные и душевные, почему и называется падением.

Неверие.

Сейчас в Советской России появилась большая по своей численности категория неверующих людей. Однако, эти неверующие в очень значительной своей части не могут быть сравнимы с теми, кого мы привыкли называть неверующими. Это совершенно новое явление, которое могло появиться только в стране воинствующего безбожия. Есть, конечно, и в Советском Союзе обыкновенные неверующие, такие же каких мы наблюдаем в своей среде. Они отягчают список духовных недочетов русского народа, относясь к вере с пренебрежением или с предубеждением.

Но тот новый тип неверующих, о которых мы намерены сказать, гораздо более приближается к положительным явлениям, чем к отрицательным. Это те, которые ничего не зная о вере, недалеко от нея, те о которых сказал Христос Своим апостолам: «Кто не против вас тот за вас» (Марк. 9, 40; Лук. 9, 50).

Об этих близких нам неверующих скажем несколько слов в следующей главе.

Глава VIII. Положительные стороны души русского народа.

Существует исследование Ирколина, опубликованное Мюнхенским Институтом по изучению СССР под заглавием «Религиозные настроения среди советской молодежи» (Мюнхен, вып. № 5, август 1954 г.), в котором на основании изучения советской печати, со многими ссылками на нее, указывается на огромный процент молодежи, разочаровавшейся в безсодержательной и недоказательной критике веры советской безбожной литературы и вообще неудовлетворенной коммунизмом.

Об этой молодежи читаем и в других советских изданиях, которых не приводит Ирколин. В них безбожники разделяют все население СССР на три категории: неверующих, верующих и «колеблющихся между верой и атеизмом». Эта последняя часть сильно беспокоит безбожных авторов, ибо они наблюдают частое обращение их к вере, обвиняя в этом церковников, «умеющих привлечь к себе колеблющихся».

Как уже было упомянуто, вся многомиллионная безбожная литература, в большинстве списанная с Ярославского, отличается общим свойством: она не критикует христианскую веру по существу, как по незнанию ее, так и по бессилию опровергнуть истину. Несерьезность этой литературы понимают и те, кто родился, воспитан и вырос вне веры. Она не может зажечь и заинтересовать. В то же время, русская молодежь отличается стремлением к добру и нравственности.

Какое удивительное знамение переживаем мы, являемся его свидетелями: безбожники готовят людей к принятию веры. Частично оно совершается сейчас, увеличиваясь все время и приводя их в страх. Это вера не формальная, но глубокая, всей душой, вера убежденная и сознательная, вера той души, которая «по природе христианка» (Тертулиан), и которая изголодалась по духовной пище.

Глава IX. Безбожники не сломили христианский характер русской души.

Известный американский проповедник Билли Грахам был поражен скромностью и целомудренностью русской молодежи, в сравнении с заграничной, недавно побывавши в Москве. Давно было замечено, что русский народ сохранил христианское незлобие, ибо он, в большинстве не ищет своих врагов и не питает к ним чувства личной ненависти. Он проявил великое терпение, которое продолжает показывать всему миру. Он в значительной части не ропщет за все ниспосланные ему Богом страдания и унижения. Он попрежнему помогает в беде всякому, что знают жившие в Советском Союзе и что единственно скрашивало и скрашивает сейчас их тяжелую жизнь. Кто чувствует эту красоту русской души, всегда сохраняет стремление вернуться туда, ибо этой красоты ничто материальное заменить не может.

Из рассказов возвратившихся с американской выставки едва ли не самое большое впечатление производит описание сердечности русских людей, поразившее тех, кто попал в Россию впервые, и это при том, что на выставку, как было упомянуто, советская власть старалась допускать главным образом комсомольцев и членов партии.

В американских газетах печатаются впечатления разных научных американских групп, побывавших в Союзе. Одна медицинская группа сообщает, что в советских больницах оборудование везде хуже американского, но зато уход за больными гораздо лучше.

Несколько лет тому назад возвратилось 700 или 800 немецких пленных, от которых естественно было ожидать великой горечи по отношению к тем, кто уничтожил большинство их товарищей, попавших в советский плен и заморенных рабским трудом, кто разорил их родину и отнял у них более десяти лет жизни, отправивши на рабский труд.

Несмотря на все это, немецкие военнопленные не находили слов похвалы русскому народу, в своих беседах с

корреспондентами, которые были опубликованы в иностранной печати. Эти пленные особенно преклонялись перед сердечностью и добротой русских женщин в СССР и говорили, что они хотели бы, чтобы их жены были такие же, как русские.

Заключение

Заканчивая по необходимости краткий обзор духовного состояния русского народа, мы должны сказать, что его можно было бы и, полагаем, следовало бы продолжить. Это невозможно сделать в настоящем докладе. Мы сообщили только часть из имеющихся у нас материалов, извлеченных из многочисленных советских изданий. Они очень обнадеживающи. Не подлежит сомнению, что коммунисты хотели бы скрыть и в действительности, вне всякого сомнения, они скрывают много данных о вере. Безбожники проговариваются о проявлениях веры неохотно, только для того, чтобы усилить свою борьбу с нею. Поэтому то, что мы находим в советских изданиях, не может не утешать и не радовать нас при созерцании общей религиозной устремленности, которая не сломлена, и мы чувствуем, что никогда не будет сломлена ими у русского народа, поскольку он сохраняет верность Христу, создавшему Свою Церковь, Которую врата ада не одолеют (Матф. 16, 18).

† Антоний, Епископ Лос Анжелосский.

г. Нью Йорк, октябрь-ноябрь 1959 г.

Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.) Русская Зарубежная Церковь и Катакомбная Церковь в Советской России.

Известный палач Русской Православной Церкви в СССР Е. А. Тучков, в последний год жизни св. Патриарха Тихона, задумал заставить Высшую Церковную Власть издать особую специальную «Декларацию», которая должна была превратить Русскую Православную Церковь в «Советскую Церковь», служащую антихристианским планам сатанократического советского государства.

Святейший Патриарх Тихон, шедший на целый ряд уступок советской власти для облегчения невыносимого положения Церкви, такую «Декларацию» издать категорически отказался, за что и заплатил своей жизнью. По свидетельству разстрелянного в 1930 г. врача и друга Святейшего Патриарха Тихона, профессора доктора М. А. Жижиленко (который, будучи главным врачом московской тюрьмы «Таганки», с 1927 г. стал первым катакомбным епископом Максимом, за что был сослан в Соловки, и затем разстрелян) – Святейший был несомненно отравлен.

«Завещание» Святейшего Патриарха Тихона, по авторитетному мнению проф. Уголовного Права Петроградского Университета А. А. Жижиленко (родного брата епископа Максима) – было несомненно подложным.

После кончины Патриарха, во главе Церкви стал законный Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр, оказавшийся воистину «камнем» в деле сохранения духовной свободы Церкви. Митрополит Петр категорически отказался подписать «Тучковскую Декларацию», за что был арестован, сослан и замучен в ссылке.

Отказались подписать эту «Декларацию» и самые выдающиеся, самые высокие и по положению и по нравственному облику иерархи-исповедники и мученики: митрополит Кирилл, митрополит Агафангел, митрополит Иосиф, архиепископ Угличский Серафим, и др.

Во главе Церкви стал «Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола» митрополит Сергий (Страгородский). Выставление кандидатуры митрополита Сергия на пост «заместителя местоблюстителя» было невольной ошибкой Местоблюстителя митрополита Петра. Митрополита Сергия ни в коем случае нельзя было допускать стать во главе Церкви уже по одному тому, что во время ареста Святейшего Патриарха Тихона он изменил Православию и стал обновленцем. После неожиданного для всех освобождения патриарха Тихона, митрополит Сергий «покаялся», но, как выразился о нем оптинский старец Нектарий, «яд в нем остался».

Митрополит Сергий оказался Иудой Предателем Русской Православной Церкви. Он предал ее в руки врагов и подписал «Тучковскую Декларацию», которая появилась 16 (29) июля 1927 г. от имени «Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола», хотя «Заместитель» не имел права на издание такого ответственного акта.

Как известно, в этой «Декларации», «радости» и «горести» советской власти признавались «радостями» и «горестями» Православной Церкви и предлагалось вынести антихристианской власти «всемирную благодарность» за ее «заботы о Православии». Истинно православным людям было совершенно нравственно невозможно принять эту «Декларацию». Произошел раскол. Массовые жесточайшие гонения, разстрелы и пытки, обрушившиеся на «не принявших Декларации», которых советская власть стала выявлять при помощи «Советской Церкви», – не поддаются описанию. Поэтому, истинная Православная Русская Церковь, эта чистая и непорочная Невеста Христова, вынуждена была уйти в катакомбы, где она пребывает и до сего дня. Сведения о Катакомбной Церкви в Советском Союзе не подлежат оглашению. Изредка и скупое сообщаются некоторым бывшим катакомбникам о жизни этой многострадальной Церкви краткие весточки, с неизменным эпиграфом: «Не бо врагом Твоим тайну повем».

Русская Православная Зарубежная Церковь, основанная и возглавлявшаяся до 1935 г. митрополитом Антонием

(Храповицким), а после 1935 г. до 1964 г. возглавлявшаяся митр. Анастасием, (а ныне возглавляемая митр. Филаретом), – после раскола Церкви в Сов. России в 1927 г. сразу поняла все трагические последствия «Декларации» митр. Сергия и отказалась иметь с ним какое-либо общение. Этим Зарубежная Церковь оказала огромную духовную и моральную поддержку Катакомбной Церкви.

Митрополит Сергий, как известно, 8 сентября 1943 г. стал «советским патриархом»; после его смерти, 15 мая 1944 г., «советским патриархом» стал Алексей (Симанский). За все время существования «Советской Церкви» и «советских патриархов» – Сергия и Алексея – только одна Русская Зарубежная Церковь никогда не признавала, не признает и никогда не может признать этой «Церкви лукавнующих» с ея лже-патриархами. Все остальные Православные Церкви, как Автокефальные, так и отколовшиеся от Зарубежной Церкви («Парижский экзархат», «Американская митрополия»), признавали «Советскую Церковь», в зависимости от благоприятной политической ситуации и имели с ней каноническое общение.

Поэтому, Тайная Катакомбная Церковь в Советской России признаёт Русскую Зарубежную Церковь своей «родной сестрой» и благословляет всем русским православным церковным людям зарубежом входить в лоно только этой Церкви.

Проф. Ив. Андреев.

Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.) Воспоминания о Катакомбной Церкви в СССР.

Св. Патриарх Тихон за свою краткую деятельность Первосвященителя Российской Православной Церкви (1918–1925 г.г.) вел корабль церковный по бурному морю страшных событий необычайно мудро.

Для облегчения невероятных страданий духовенства и мирян, гонимых безбожной властью, он шел на целый ряд уступок и компромиссов. Советская власть не удовлетворялась этими уступками и требовала *духовного порабощения Церкви Государству*. Тогда св. патриарх прекратил всякия уступки, за что и был арестован, а затем скорпостижно скончался, повидимому отравленный, в 1925 г.

После смерти св. Патриарха, остались в силе три его замечательных распоряжения, которые легли в основу истинного пути Русской Православной Церкви.

Первое – касалось сущности Советской власти, которую св. Патриарх Тихон квалифицировал как власть антихристову, а поэтому подлежащую анафематствованию. *Советская власть была анафематствована св. Патриархом*.

Второе распоряжение – это предсмертный призыв ко всем православным русским людям в России: «Зову вас, возлюбленные чада Православной Церкви, зову вас с собой *на страдания!*»

Третье распоряжение – касалось всех русских православных людей «в разсеянии по всему миру сущих». В специальном указе от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 предлагалось всем православным людям за пределами СССР объединиться и создать Высший Церковный Административный Центр. Под управлением этого Центра всем в разсеянии сущим православным русским людям предлагалось жить обособленно от Российской Матери-Церкви до тех пор, пока не установится в Ней свобода и порядок.

Согласно этого Указа и создалась Зарубежная Русская Православная Церковь, под высшим руководством русского заграничного Собора и Синода. Эта Церковь – единственная мистически, и канонически, и исторически истинная Православная Русская Церковь за-границами СССР.

Враг рода человеческого, великий клеветник, лжец и человекоубийца – диавол, после смерти св. Патриарха Тихона, обрушился всеми силами на Православную Русскую Церковь, желая ее уничтожить или поработить.

За пределами СССР начались нестроения, разделения, расколы, но верная заветам и повелениям св. Патриарха Тихона, Русская Зарубежная Церковь, под руководством Русского Архиерейского Синода за границей, – осталась непорочной Христовой невестой, и потому, согласно неложного обещания Самого Спасителя, и неодолимой самим адом!

Если жизнь за границей Русской Церкви была обильна тяжелыми драматическими событиями, то жизнь Российской Православной Церкви в СССР оказалась воистину трагедией!

После смерти св. Патриарха Тихона, местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Петр Крутицкий. Он оказался непоколебимым «камнем» и безстрашным мучеником за чистоту веры Христовой. Никакие соблазны, никакие угрозы, никакие пытки и истязания не смогли поколебать великомученика – Первосвятителя Российской Православной Церкви. Имя его навсегда войдет в историю Русской Церкви с именами митрополита Филиппа и патриарха Гермогена.

Арестованный, сосланный, запытанный невероятными пытками и замученный до смерти, митрополит Петр остался непоколебимым и не подписал декларации, которую требовала от него Советская власть.

Его последним повелением было указание, чтобы его имя, как символ единства Русской Церкви, продолжалось возноситься за литургией во всем православном мире, несмотря даже на слухи о его смерти, до тех пор пока смерть его не будет вполне точно установлена (см. об этом свидетельство епископа Дамаскина, викария Черниговского).

После ареста местоблюстителя, заместителем местоблюстителя патриаршего престола стал митрополит Сергей Нижегородский в 1926 г.

В 1927 году митрополит Сергей изменил заветам св. Патриарха Тихона и митрополита Петра и выпустил свою знаменитую декларацию, в которой призывал православных людей «радоваться» радостям богоборческой власти, и вынести этой проклятой антихристовой власти «всемирную благодарность за внимание к нуждам православного населения».

Памятуя невероятные гонения на Православную Церковь, мученическую смерть митрополита Вениамина, и «иже с ним», арест и смерть св. Патриарха Тихона, ссылку и страдания митрополита Петра, разрушение храмов, уничтожение монастырей, кощунство над св. мощами, запрещение колокольного звона, устройство «комсомольской пасхи», заточение многих сотен епископов (в 1927 году томилось в концлагерях около 200 епископов), десятков тысяч священнослужителей и монашествующих, и миллионы верующих христиан, осужденных по церковным делам, – истинно православные люди не смогли принять Декларации митрополита Сергея. Произошел церковный раскол 1927 года.

Во главе истинно православных людей, оставшихся верными св. Патриарху Тихону, звавшему верных чад Православной Церкви *на мучения*, и митрополиту Петру, сосланному на страдания за то, что он не согласился подписать той декларации, которую написал митрополит Сергей, – стал Петроградский митрополит Иосиф.

Приверженцев митрополита Сергея стали называть «сергиянами», а последователей митрополита Иосифа – «иосифлянами».

Одобрение позиции митр. Иосифа было получено из ссылки от митр. Петра Крутицкого и от митр. Кирилла Тамбовского.

Центром истинного Православия в 1928–29 г.г. становится в Петрограде «Храм Воскресения на крови» (на месте убиения Императора Александра II). Настоятелем этого храма был митрофорный протоиерей о. Василий Верюжский. Кроме этого

храма в руках «иосифлян» было еще несколько церквей в Петрограде и его окрестностях: Петроградский храм во имя св. Николая чудотворца, при убежище престарелых артистов на Петровском острове (настоятелем этого храма был протоиерей о. Викторин Добронравов); храм во имя Тихвинской Божией Матери в Лесном (где настоятелем был протоиерей о. Александр Советов), храм в «Стрельне» (настоятель – о. Измаил), и некоторые другие. В храме Воскресения на крови, кроме о. Василия Верюжского, выступали замечательные проповедники: протоиерей о. Феодор Константинович Андреев, (бывший профессор Московской Духовной Академии), и протоиерей о. Сергий Тихомиров. Отец Феодор был духовником многих профессоров Военно-медицинской Академии, а о. Сергей – духовник многих академиков Академии Наук и профессоров Петроградского Университета.

В 1929 году умер замученный пытками допросов в тюрьмах и выпущенный «умирать дома» – о. Феодор профессор Андреев. Похороны этого замечательного проповедника приняли грандиозно-демонстративный характер. «Со времен похорон Достоевского Петербург не видел такого скопления народа» – писал профессор А. И. Бриллиантов своему другу.

К 1930 году были закрыты все «иосифлянские» церкви за исключением одной (Тихвинской Божией Матери в Лесном). В 1930 году были разстреляны все наиболее видные «иосифляне»: епископ Максим, протоиерей Николай *Прозоров*, протоиерей Сергей *Тихомиров*, протоиерей Александр *Кремышанский*, иерей Сергей *Алексеев*, и др. Архиепископ *Димитрий* (Гдовский) был заточен на 10 лет в Ярославский политизолятор, где и погиб.

Митрополит Иосиф, епископ Сергей Нарвский, со множеством духовенства и мирян были сосланы в концлагеря. Многие миряне были арестованы и высланы только за то, что они посещали единственную иосифлянскую церковь в Лесном. В 1936 году эта церковь была тоже закрыта.

Еще с 1928-го года начались в Петрограде отдельные тайные богослужения по домам. После 1930 года – количество тайных богослужений значительно увеличилось. А с 1937 года

можно считать *Катакомбную Православную Церковь* вполне оформленной. В остальной России, особенно в Сибири, катакомбные церкви создались несколько раньше. В Москве катакомбных богослужений было недостаточно, и многие москвичи «окормлялись» в Петрограде. Никакого административного центра и управления катакомбными церквями не было. Духовными руководителями считались митр. Кирилл и митр. Иосиф. Главой Церкви – признавался законный местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, а после его смерти – митр. Иосиф. В 1929–30 годах, в Соловецком концлагере, где оказались вместе несколько «Иосифлянских» епископов (Максим Серпуховский, Виктор, викарий Вятский, Иларион, викарий Смоленский и Нектарий Трезвинский) – были тайные хиротонии. Появились тайные епископы и огромное количество тайных священников. Мне лично известна лишь Петроградская область и происходившая в ней тайная катакомбная богослужения за период с 1937 по 1941 г. включительно. Затем мне пришлось встретиться с участниками катакомбных богослужений в 1942–45 г.г. (с разных мест России). После 1945 года у меня точных сведений мало.

В Петрограде и Петроградской области с 1937 по 1941 год было чрезвычайно много катакомбных богослужений. Где только эти богослужения не происходили? На квартирах некоторых академиков, профессоров Военно-Медицинской Академии и Петроградского Университета, в помещении морского техникума, в школе подводного плавания, в школе взрослых водного транспорта, в помещениях больниц, в некоторых учреждениях, куда вход был только по пропускам. Очень интенсивно шли тайные богослужения в пригородах Петрограда и более отдаленных от него местечках: в Шувалово, Озерках, дер. Юрки под Левашево, на ст. Поповка, Колпино, Саблино, Чудово, М. Вишера, Окуловка, на ст. Оксочи (в детской колонии им. Ушинского), в Гатчино (на квартире почитателей знаменитой подвижницы матушки Марии), в Елизаветино, Волосово, Ораниенбауме, Мартышкино, Стрельне (где подвизался замечательный священник о. Исмаил) и многих других местах.

Гонения на катакомбную Церковь, которую митр. Сергей признал «контр-революцией», а молящихся в ней «политическими преступниками», – были необычайно жестоки.

Особенно много было арестовано и запытано до смерти за время 1937–1938 г.г. в так называемое «ежевское время».

Поэтому, с 1939 года катакомбные церкви стали чрезвычайно оберегаться, и попасть в них было чрезвычайно трудно. Но, искренно-ищущие – находили. И если количество тайных катакомбных богослужений в 1939 году значительно сократилось, то качество их – необычайно духовно выросло. Воистину это были новые первохристианские времена: легенда о дивном невидимом граде Китеже превращалась в явь! Как мне пришлось слышать позднее, за время войны, особенно после избрания митр. Сергия советским патриархом, катакомбные богослужения, несмотря на жесточайшие гонения, вновь усилились, ибо истинно православные люди не могли примириться с *полным духовным порабощением Православной Церкви*, проклятому антихристову режиму. При патриархе Алексее – гонения еще более усилились, ибо «теперь уже нет никаких оправданий тем, кто не посещает открытых храмов и совершает тайные богослужения на дому!» Участники катакомбных церквей причислены были к *самым тяжким политическим преступникам!* Но, «к злодеям причтен» был даже и Сам Спаситель!

Отсюда ясно, как приходится хранить и скрывать имена участников катакомбных церквей, особенно имена епископов и священников. Так много хотелось бы рассказать о деятельности о. Алексия, о. Георгия, о. Александра, о. Петра, о. Владимира и др., многих, хорошо известных истинным православным в Петроградской области. Но не пришло еще время! Ведь может быть они живы и служат тайно до сего дня! А малейшая деталь, могущая выдать их – грозит смертными муками им и родным их. Да, они и не ждут славы человеческой. Они, эти многочисленные мученики и мученицы (ибо среди активных деятелей катакомбных церквей много монахинь) кладут души свои за други своя, исполняя заповедь Христову о высшей любви.

Здесь, за рубежом, иногда встречаются люди, которые, признавая заслуги катакомбной Церкви, признают в то же время и правду «сергианской церкви». Таким следует знать, что в СССР их позиция была бы резко отвергнута с обеих сторон. Ибо, «если патриарх Сергей и патриарх Алексей» – запретили в служении и заклеили «политическими преступниками» деятелей «иосифлянской» церкви, то последние, в свою очередь – запретили ходить верующим в советские открытые храмы.

Вообще русское православное население СССР можно разделить на следующие группы:

Первая группа строго и истинно православных церковных людей, живущих по преимуществу духовной жизнью и интересами Церкви, как Тела Христова. Эта группа ни под каким видом, никогда, не признавала и не признает Советскую патриархию. Эта группа вся ушла в катакомбы.

Вторую группу составляют мало-верующие, мало-церковные люди, которые по традиционной инерции продолжают теплохладно верить в Бога или же эстетически привлекаются православным богослужением. Такие – не разбираются в тонкостях церковного духа. Они замечают лишь «одежду» Церкви, которая не изменилась. Они охотно ходят в храмы, открытые советской безбожной властью, разрешающей небольшие дозы «опиума для народа».

Третью группу составляют «дипломаты», рационалисты, живущие интересами Церкви, как организации, (а не как органа Святого Духа). Они оправдывают церковную политику и Сергея и Алексея, которая, по их мнению, *спасает Церковь*. Эти – охотно посещают советские церкви, не замечая, что при сохранившейся организации ея – утеряно самое главное – Дух Христов.

Четвертую группу составляют те, которые мучительно тяжело принимают и Декларацию митр. Сергея 1927 г. и все последующие слова и дела советских патриархов, но считают, что благодать в Православной Церкви все же сохранилась ради тех миллионов несчастных русских людей, которые получают в Церкви великое утешение. С крайне тяжелым чувством слушая

панегерики советской церкви советской безбожной власти, они продолжают ходить в открытые храмы и молятся со слезами пред чудотворными иконами. Это люди душевные, которые еще не доросли до духовного понимания религии. Душевные утешения они принимают за благодатные духовные таинства.

Пятую группу составляют те, кто лично не беседовал с представителями епископата советской церкви, и потому являются неосведомленными о сущности этой церкви. Большинство из этих людей, зная ряд фактов опубликования в СССР различных деклараций без ведома якобы подписавшихся под ними, полагают, что все сообщенное от имени патр. Сергия и патр. Алкесия или напечатанное в официальной церковной прессе – просто ложь, сочиненная советской властью. Поэтому не обвиняя лично патриархов и митрополитов Советской церкви, но не принимая сердцем того, что якобы только от их имени говорит антихристова власть, – эта группа хотя и уходит в катакомбы, но продолжает поминать на тайных литургиях имена первосвятителей Церкви. Но те, кто имел возможность лично побеседовать с представителями Высшей Иерархии советской церкви, знают, что последние добровольно и сознательно солидаризируются с советской властью и искренно защищают противоестественную дружбу Христовой Церкви с антихристовым государством.

Совершенно невозможно даже приблизительно определить процент верующих, ушедших в катакомбы. Одно можно сказать: ушли лучшие и их *миллионы!* Не имея возможности всех их выявить и уничтожить, Советская власть стала отрицать наличие Катакомбной Церкви и называть ее мифом.

Если существует «миф о Христе», написанный пастором проф. Артуром Дреусом, то возможен и «миф о Катакомбной Церкви в СССР».

Я лично посещал катакомбную церковь с 1937 по 1941 г.г. включительно. Позже я встречался с людьми, которые посещали ее с 1942 по 1945 год. Духовное настроение все время оставалось в этой Церкви высоким и чистым.

* * *

1937 год, декабрь месяц. После концлагеря я не имею права проживать в столице и живу в 200 километрах от Петрограда. (Ленинградом мы называем город с. Петра только в официальных случаях.)

Там, где я живу – в окружности более 100 километров нет ни одной церкви. В Петрограде существует только 2 церкви: Морской Никольский Собор (вблизи Мариинского театра) и церковь св. Князя Владимира (у Тучкова моста). Обе церкви – «сергианския». В сергианския храмы я и мои многочисленные друзья не ходим с конца 1927 года, т. е. уже 10 лет. Тайком я приезжаю в Петроград и иду к одной своей знакомой. К ней приходит одна тайная монашенка. Эта последняя везет меня на тайное богослужение катакомбной Церкви. Я ничего не спрашиваю и не интересуюсь, куда мы едем. Я нарочно не хочу знать, чтобы потом, если сохрани Боже, буду арестован, даже под пытками не сказать, где я был.

Поздний вечер. Темно. На одном из вокзалов садимся в поезд. Едем больше часу. Вылезает на маленьком полустанке и идем в темноту 2–3 километра. Приходим к какой-то деревушке. На краю первый домик. Почти ночь. Темно. Тихо. Тихий стук в дверь. Дверь отворяется и мы входим в избу. Проходим в чистую комнату. Окна глубоко занавешены. В углу несколько старинных образов. Перед ними теплятся лампадки. Народу – человек 15, больше женщины, в платочках; трое мужчин средних лет, несколько детей 12–14 лет. Батюшка – мой знакомый. Когда-то он был преподавателем в гимназии, где я учился. Он помнит меня еще мальчиком. Батюшка приветливо меня встречает, благословляет, целует. «Сейчас начнем!» – говорит он, облачаясь. «А Вы пока напишите несколько рецептов на медицинское вазелиновое масло» – обращается он ко мне, зная, что я врач. Это масло еще можно достать в аптеках по рецепту. Другого нет. Господь простит. А для лампадочек это хорошо...».

Я пишу рецепты почти всем присутствующим, предупреждая, чтобы они не покупали масла в один день и в одной аптеке.

Начинается вечерня. И говорят и поют шепотом. У многих на глазах слезы умиления. Молиться легко!.. Ничто не мешает, не отвлекает. Никогда и нигде я не переживал так ясно и глубоко правоту требования св. Иоанна Лествичника: «заключай ум в слова молитвы!»

Кроме батюшки, кругом все чужие. Но они все родные, больше чем родные!.. У всех глаза такие чистые, такие ясные, такие тепло-приветливые, лица одухотворенные!..

Словами передать невозможно, что пережил я на этой всенощной. По окончании службы выпил чашку чая с хлебом. Прощаясь, – облобызался трижды со всеми... Ночь на исходе. Идем тихонько вдвоем с монашенкой назад. На душе спокойно и сосредоточенно. Садимся в поезд. Едем в Петроград. Перехожу на другой вокзал и еду домой на службу...

* * *

1938 год, второй кошмарный год «ежевщины»... Незадолго до Пасхи меня арестовывают. Стою 4 дня в «собачнике». Так называется камера, где стоят, ибо сесть невозможно, слишком тесно. Изредка вызывают на допросы. Одни возвращаются скоро, другие задерживаются. Чем дольше задерживаются, тем тревожнее за них. Ведь все равно они подпишут все, что уже написано заранее. Только будут избиты и измучены. Наконец, вызывают меня. Иду и молюсь: «Господи вразуми, спаси и сохрани!» Никогда я так не молился, ибо знал, что никакой человеческой надежды нет! Молился закрыв глаза, всей душой, всем умом, всем сердцем: «Господи, освободи!» Чувствовал ясно, что Бог тут, рядом, справа, все слышит, все знает, все понимает, все может!..

«Господи, освободи!.. Молитвами мучеников Твоих во всей России! Молитвами вот сейчас по всей Российской земле, тайно, в катакомбах молящихся Тебе шепотом, со слезами!.. Господи, освободи! Освободи, чтобы потом, где-нибудь на свободе рассказать другим о том, что творится теперь в России!..»

Молитву услышал Господь. Случилось чудо! Как все это обернулось – трудно рассказать, трудно самому поверить, что случилось!..

Провинциальное районное отделение НКВД. Сажу на табурете в большой комнате. Стены фанерные. Слышу все, что говорят за стеной.

– «Ах, дурак какой» – кричит начальник на следователя (следователи большей частью мальчишки 16–18 лет, «практиканты», т. к. из-за огромного количества арестованных настоящих следователей не хватает). «Ты по какой статье его обвинил?»

– «По 59-ой».

– «Эта статья за что полагается?»

– «За бандитизм!»

– «Ну, а кого ты допрашивал?..»

– «Да он признался и протокол подписал!»...

– «Ах дурак, дурак, я тебя не о том спрашиваю... Теперь и мертвый подпишет!.. Не в подписи дело... А ты отвечай, кто он, этот старик, сектант?»

– «Да, толстовец!»

– «Ну, вот видишь! А знаешь ли ты, что они даже сапог не носят, а в галошах ходят, эти толстовцы-то, спят без подушек... Почему? Чтобы, значит, кожей животных не пользоваться и куринными перьями... Они муху убить за грех считают... А ты – бандитизм ему пришили! Пойди, исправь на 58, 10 (58 ст. 10 пункт уголовного кодекса СССР – полагается за агитацию против советской власти)...

– «В Москве то не дураки сидят», – продолжал ворчать начальник, «протокол-то в Москву пойдет! иди, исправь!»...

– «Товарищ начальник!» – слышится другой робкий голос, «я вот тут тоже не совсем понимаю. Допрашивал я старовера. Объясните мне, что такое «начетчик», чин что-ли такой?.. или вот – «безпоповцы», что́ это значит?»

– «Чорт их знает, что́ это значит», – обрывает начальник...

– «Товарищ начальник», – слышится третий тихий голос, «тут на допрос привели какого-то врача-сектанта, он наверно знает все это и может объяснить!..

– «Ну, зови его!» И меня позвали...

– «К какой вы секте принадлежите?»

– «Ни к какой!»

- «А почему в церковь не ходите?»
- «Молюсь дома!»
- «Ну, а в сектах понимаете что-нибудь?»
- «Понимаю».

И вот, я оказываюсь экспертом и консультантом по ряду вопросов о расколе. В результате – вдруг, внезапно, оказываюсь освобожденным – почему? отчего? Правда, у меня не было абсолютно никакой вины, кроме той, что я будучи верующим православным христианином, почему-то не ходил в советские церкви.

Я недавно освободился из концлагеря и хорошо запомнил дружеский совет одного начальника: «Ну, доктор, теперь на свободе работайте все время на пять с плюсом, тогда мы (то есть органы НКВД) поставим тройку с двумя минусами. Всякая ошибка ваша – будет преступлением».

Я так и работал, постоянно на пять с плюсом, вечным «ударником», отличником...

У меня не было никакой вины и меня, после ареста, выпустили на свободу! Ведь это невероятное чудо в условиях СССР.

На страстной неделе я оказался на свободе. В страстную субботу удалось тайком поехать в Петроград с маленькой пятилетней дочкой. Заутреня была на одной из квартир большого официального казенного учреждения, куда вход разрешался только по особым пропускам. Мне и моей маленькой дочурке достали такой пропуск.

Пришли мы в чистенькую и уютную квартиру. Народу было до 30-ти человек. Несколько человек оказалось знакомых. Служил старенький священник о. Георгий. Эту заутреню невозможно никогда забыть.

«Христос Воскресе» пели тихо и радостно. Казалось, что пели не люди, – а ангелы!.. Дочурка моя стояла со свечкой в руках и сама сияла как свечечка. Более радостных, более счастливых глаз, чем у нея – я никогда в жизни не видал.

Было ли это? Не был ли это золотой сон? Словами я не могу, не смею рассказывать о том, что было... Небеса

спустились на землю и люди становились как ангелы! Море любви!

Друг друга обнимем,

Друг другу простим;

Христово имя

В себя вместим!

Радость, полученная от этой светлой заутрени катакомбной церкви – до сих пор дает силы жить, потеряв все: семью, Родину, счастье, научную карьеру, друзей, здоровье!..

И. А.

Прот. М. Помазанский († 1988 г.). Церковь Христова и современное объединительное движение в христианстве. Доклад прочитанный на XV Епархиальном Собрании.

Нас не должно бы удивлять то, что в наше время проснулось в разрозненном христианстве искание путей к объединению. Перед нашими глазами открытый и прямой поход против христианства в коммунистических странах; но в более мягкой по внешности форме поход против христианства захватил и страны т. наз. свободного мира. Предстоит борьба, и она требует сплоченности людей, верных Христу, и крепкого стояния в истине. Враги уже сегодня готовы хоронить христианство. Напрасно! Господни слова произнесены: **«дерзайте! Аз победих мир»**. В наших сердцах они должны быть начертаны огненными буквами. Но борьба предстоит длительная и суровая. И кто – верующий – не пожалеет о том, что в эти грозные исторические часы такие массы христиан остаются за стенами созданной Господом Церкви? Кто – верующий – не радовался бы соединению всего христианства, разрозненного и распыленного, в единой святой соборной, апостольской Церкви?

Но страшные соблазны таятся, если самый громкий, внешне сильный объединительный процесс пойдет по обманчивому пути, а в особенности – если он, идя сам в ложном направлении, хотя бы в частичной мере затронет наше святое Православие.

Инициатором объединительного движения в наши дни объявило себя протестантство.

Чем вызвано там это движение? Побуждения были не одного рода, у разных лиц разные.

Естественно думать, что одна из причин, добрая и оправдываемая жизнью, есть уже указанная, а именно: требование времени: приготовиться к самозащите христианства.

Можно видеть и другое побуждение. В глубине стремлений многих протестантов идут поиски давно-давно потерянной единой Христовой и апостольской Церкви. После четырехсот лет дробления протестантизм пришел к тупику. В одной Америке насчитывается более двухсот пятидесяти сект; пришла пора обратного течения, не от центра, а к искомому центру.

Но есть и иная причина, не высказываемая прямо, но дающая себя чувствовать: крайнее ослабление веры в нынешнем протестантизме. Пока протестантские низы еще живут отчасти простой верой, теологические факультеты стали проводниками позитивизма в библейской и церковно-исторической науке, метода, чуждающегося речи о чудесах и сверхестественном элементе в истории, и из религии сделали предмет «объективной науки». Верхи и руководители протестантизма, воспитанники этих факультетов, колеблются между верой и неверием в основные истины Евангелия, о чем иной раз открыто заявляют: в Божество Господа Иисуса Христа, в Его воскресение и другия; меркнет вера в бессмертие души, меркнет в протестантстве интерес к вопросам вечной жизни. И среди побуждений к объединению подсознательно действуют поиски целебного источника для обновления веры, подобного обновлению физических организмов путем переливания крови.

Однако, если смотреть со стороны, сразу нельзя не увидеть уже в этих исканиях ряда ложных предпосылок.

Одно заблуждение – мысль, что в современном мире нет истинной хранилища неповрежденной христианской истины, что все подразделения в христианстве дефективны. В этом главное заблуждение объединительных стремлений в протестантизме. Между тем данный ложный принцип принят в основание экуменического движения, о чем будет речь.

Другое ложное предположение, явный парадокс, что если соединить дефективные части в одно целое, то будет достигнуто обладание полной истиной.

Третья подобная ошибка: если соединить слабая верою, слабая духом, слабая влиянием на общественную жизнь христианские исповедания, то будет создана в наш век

религиозного скептицизма сила, крепкая верою, способная противостоять мировым антихристианским силам.

Идея создания царства Божия на земле. Экуменизм.

Так или иначе, стремление к объединению в протестантизме разбужено. Но как его осуществить? Чем поднять волю людей к действию? Чем заменить движущую силу веры, когда сама вера перестает двигать сердца? Нужна была новая оживляющая умы и сердца идея. И она найдена и провозглашена **Экуменическим движением**, и христианство призывается к ее осуществлению. Это – возрожденная старая идея, которую католический Рим пытался осуществить монархическим путем чрез папство, а ныне протестантизм пытается провести в жизнь демократическим путем экуменизма: «создание царства Божия на земле».

Что значит на экуменическом языке «построение царства Божия»? Это значит социальное строительство того будущего мира на земле, который должен сменить собой прежний, старый, одряхлевший, предназначенный – мол – на слом общественный строй на земном шаре. Ныне все внимание, все усилия христианства должны быть направлены к мысли не о своем спасении каждого, не о своей душе, не о будущей вечной жизни, а о построении общества на новых основаниях. Отсюда: церковь нашего времени есть «церковь служащая», «диненде Кирхе», т. е. служащая социальным целям.

Еще до организации Экуменического Совета эти идеи предносились умам деятелей протестантизма. Чтобы представить экуменическое движения в его истоках, приведем мысли двух крупных фигур протестантизма, идеологов царства Божия на земле: а) немецкого пастора, называемого среди протестантов «великим пророком современности», Христофа Блумгардта, который призывал к объединению на этой почве, хотя и не дождался его осуществления и б) краткое содержание речи нынешнего вождя экуменического движения, генерального секретаря Совета экуменического движения Виссер т'Хуфта, произнесенной в Бад Болль (Германия) в 1946 году в Евангелической Академии перед представителями прессы.

Христоф Блумгардт умер в 1919 году, еще до оформления экуменического движения, но в его призывах очень ярко выражены идеи, проводимые в экуменизме, и на Блумгардта неоднократно ссылается Виссер т'Хуфт в своей речи в Бад Болль.

«Нам не нужно дрожать и пугаться, что старое кончается», вещал Блумгардт во время первой мировой войны. «Да, оно умирает! Все дорогое, красивое, к чему мы были привязаны, во что влюблены – мимо! На все время, навсегда – мимо! Старый мир рушился, и новый встает на его руинах. В его строительстве христианство должно принять живейшее участие» (пасхальная проповедь 1915 года). Три проблемы ставил перед христианством Блумгардт: осуществление лучшего общественного строя; затем, преодоление конфессиональных, вероисповедных противоречий и, наконец, сотрудничество в образовании полного мирного сожительства народов, с полной ликвидацией войн между народами.

Осуществление первой проблемы, справедливого общественного строя, представляется ему в виде социализма, осуществляемого мирным путем, с помощью христианства.

По поводу второй проблемы, уничтожения конфессиональных перегородок, Блумгардт писал еще в 1895 году: «Мы должны, наконец, отрешиться от мысли, что Господь Иисус Христос позволил бы Себя замкнуть в какой-нибудь из многих во времени появившихся церквей или сект и этою одной хотел бы осчастливить мир... Для Всемогущего Бога в Иисусе нам должно расчистить гораздо больше свободного пространства, чем может дать любая церковь... В споры церквей Христос не станет вмешиваться. Его царство гораздо выше... Теперь, в нашем столетии, не должен ставиться вопрос о символах веры и о церквях: это время прошло, это имело смысл сорок лет назад. Это все далеко от меня, это уже руины!», в пафосе восклицает Блумгардт.

Третья проблема – создание мирного сожительства народов. По Блумгардту, первым шагом для этого должно быть взаимное покаяние народов друг перед другом, а для церковного единения – покаяние церквей. Прочь

антихристианский фатализм – взгляд, что войны неизбежны и что в них состоит история человечества. А для этого народонация должен быть готов пожертвовать своим отечеством так же, как Авраам готов был отдать сына своего Исаака и сам принести его в жертву. Как сказано об апостолах: «оставили все и пошли за Ним». Конечно не ждите исполнения этой надежды от нашего времени: оно только преддверие. «Мы, – говорит Блумгардт, – должны получить нового Духа, вступить в новую эру. Нет иной помощи, как помощь от Бога, правящего миром, и Его победа придет в Иисусе Христе»³.

Нынешний генеральный секретарь Совета Экуменического Движения Виссер т'Хуфт подтверждает идеологическую связь Движения с настроениями, высказанными евангелическим пастором.

В речи, произнесенной в 1946 г. в Бад Болль, на родине Блумгардта, он формулирует задачи экуменизма в тех же трех пунктах, хотя и в более скромных словах, так как итоги Второй войны были слишком далеки от оптимистических ожиданий. Он призывает «церковь», во-первых, к социальному служению в мире. Он определяет задачу «служашей церкви» т. е. церкви, ставшей на служение социальным целям. «Мир говорит церкви: твое дело – частная жизнь; религия – индивидуальное дело; еще острее: религия – потусторонняя вещь, и на этой земле ей собственно нечего искать. Нет, церковь должна быть душой человечества, ее задача – служение в решающих событиях мира». Виссер т'Хуфт вспоминает призыв Блумгардта к христианству, чтобы оно вошло в мир, как созидательное начало в строении царства Божия на земле. Но для этого, говорит он, сама церковь должна обновиться: она должна пройти чрез покаяние. И это покаяние должно иметь практические последствия. Обновленная, она имеет возможность, например, готовить путь к социализму. К сожалению, церкви после войны снова обнаруживают усталость, дух реставрации, социальной и политической реакции, приспособления к послевоенной ситуации; во многих странах церкви стали слишком буржуазными. Вот почему для них нужна метанойя (*μετάνοια* значит: перемена образа мыслей,

покаяние). Он указывает на Голландию, где во время войны произошло сближение между «людьми церкви» и социалистическими партиями. Служащая церковь должна проповедывать, что Иисус Христос есть Господь не только церкви, но есть Господь мира. Библия должна стать космической книгой, т. е. служить всему человечеству; и тот вид благочестия, когда вся тяжесть кладется на спасение отдельных душ и на внутренний мир человека, представляет собой непонимание широты Библии. Христос должен проникнуть в жизнь всех людей; мы нуждаемся в христианских врачах, служителях искусства, журналистах... Итак, служение социальным задачам есть первая задача церкви.

Во-вторых, служащая церковь должна преодолеть конфессионализм и стать единой церковью. Служение ближнему есть служение, которое должно быть общим. Экуменический Совет есть Общество церквей, которые во многих отношениях различаются, но в последнем смысле объединяются одним Господом.

В-третьих, наконец, служащая церковь есть церковь, которая, называя вещи своими именами, заявляет: мы выбрали было ложные пути; мы пошли по таким направлениям, которые не дают нам никаких обещаний, никакого будущего, потому только, что мы по такому пути шли; и теперь не остается ничего другого, как сделать полный поворот, поворот на 180 градусов. Требуется покаяние, чтобы переменить образ мыслей и одуматься. Неужели мы до сих пор не научились понимать, что мы находимся на ложном пути? Церковь должна сделать выводы из опыта последних столетий и сказать: повернитесь, ибо царство Божие приближается! Что это значит? Что царство Божие желает войти в мир и что Иисус Христос еще сегодня хочет быть нашим Царем». В этих довольно туманных, загадочных словах чувствуется мысль о создании единого мирового государства, как царства Божия на земле (W. A. Visser t'Hoof: «Der Dienst der Kirche in der grossen Entscheidungen der Welt» – in «Zeitwende», März 1947, München).

Мы могли бы посмотреть на эти планы, выраженные двумя видными представителями протестантизма, просто как на

мечтательность, как на утопию, не первую в истории социальной мысли. Но такие лица, как нынешние руководители Экуменического Совета едва ли могут быть названы мечтателями: они, повидимому, идут к реальным целям. Не может быть сомнения, что к экуменическому движению примыкают и его поддерживают, – если не сказать: руководят им, – тайные и явные мировые организации, сами по себе чуждые религиозных задач, а то может быть, и враждебные им. Наконец, в то время, как выражается надежда противостоять при помощи экуменизма наступлению безбожия и антихристианских сил в мировой борьбе, СССР посылает в Экуменический Совет и в Мировой Союз Церквей своих людей, как бы от имени Советской Русской церкви. Уже откомандирован постоянный представитель от этой церкви в Женеву, в Швейцарии, в качестве члена секретариата Мирового Союза Церквей (ныне прот. Боровой), и таким образом Советы будут контролировать все действия МСЦ. Известно, что участие представителей от советской церкви выразилось на экуменическом съезде в Нью-Дэли, а равно и на православном совещании на острове Родосе, в том, что никто не имел права поднять голос о борьбе с атеизмом. Красная Москва, по Ленинскому завету, пользуется и сомнительными союзами, до тех пор пока видит для себя в этом пользу, в уверенности, что она такого сомнительного союзника легко дискредитирует, отбросит и уничтожит, когда найдет это для себя своевременным.

И вот, в мировую организацию Экуменического Совета вошли сначала отдельные православные лица, как бы только в виде представителей православной богословской науки, а затем уже и священнослужители и иерархи, как представители одной за другую поместных православных церквей, и сами эти церкви уже включены в связанный с экуменизмом Мировой Союз Церквей.

Православная Церковь, конечно, в экуменизме рассматривается как самый консервативный член его; однако вступление ее в эту организацию очень подчеркнуто и даже шумно приветствовалось. Почему? С одной стороны, потому, что она имеет апостольское преемство, и этим своим свойством

она вносит в мировую организацию – в этот конгломерат протестантских сект – недостающий элемент, апостольскую преемственность: по экуменическому взгляду, дефективность одних частей данного целого покрывается или восполняется наличием недостававшего элемента в члене организации, этот элемент имеющем, в данном случае вступлением Православной Церкви. С другой стороны, вступление Православной Церкви пресекает возможную ее оппозицию экуменизму.

Но для поместных православных церквей вхождение их в данную надвероисповедную, выдающую себя за Церковь Христову, организацию не имеет никакого оправдания.

Этот шаг не оправдывается в смысле практическом – проповеди православия, так как в данной обстановке было бы абсолютной утопией надеяться на обращение протестантов к православной вере и к сближению с подлинной Православной Церковью. Экуменизм имеет готовое, уже раньше выработанное *credo*, и православные представители попадают уже в готовые рамки, в которых им позволяется действовать.

Но еще важнее то, что в признании всех христианских исповеданий и сект частями единой церкви, к тому еще и равноценными, заключается искажение догмата о церкви: тогда не обязательны ни догматы, ни каноны соборов, ни преемство от апостолов; такое признание равносильно самоупразднению Церкви.

И вот результат на наших глазах: не то видим, чтобы православие свидетельствовалось в экуменизме; но, наоборот, небывалое в православии, экуменическое, новое учение о Церкви уже вторглось к нам и энергично проводится среди нас православными экуменистами.

Можно ли признать идею построения на земле царства Божия?

Приемлемо ли в православии учение о земном царстве Христовом? Что говорит Евангелие о Царствии Божием?

У евангелиста Матфея оно прямо называется всюду «Царствием Небесным».

У евангелиста Иоанна Богослова на протяжении всего Евангелия называется «вечной жизнью».

У евангелистов Марка и Луки оно названо Царствием Божиим, но с тем же смыслом: «не ищите, что вам есть или что пить..., потому что всего этого ищут люди мира сего»; «приготовляйте себе... сокровище неоскудевающее на небесах»; «не отягчайтесь заботами житейскими»; «предоставь мертвым хоронить своих мертвецов» (Лук. 12, 29–30, 33; 21, 34; 9, 60). «Как было во дни Ноя: ели, пили, женились, выходили замуж...: пришел потоп и погубил всех; как было во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили...: пролился с неба дождь огненный и серный и погубил всех: так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Лук. 17, 27–29). Это слова Спасителя.

На суде у Пилата «Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего: если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня» (Иоан. 18, 36). Вот ответ на вопрос о строении земного благополучия. Христово Царство не от мира сего, хотя блаженство жизни во Христе, не только личной отдельного христианина, но и жизни христианских общин, жизни оцерковленной, начинается уже здесь, на земле, и это бесчисленными примерами святых людей испытано и проверено. О. Иоанн Кронштадтский много раз говорит о себе, о своем чувстве во время богослужения: «Где я? Я на небеси». Это чувство многих чистых душ. Здесь низведение неба на землю; но для этого нужно самим подниматься к небу, а не поворачиваться от него к земным интересам, земным планам. Евангелие зовет нас строить жизнь так, чтобы земля стала частью неба в смысле нравственном, как она является

частичкой в небе в смысле физическом. Наш русский святитель Тихон Задонский подводит только общий итог всей христианской православной мысли за все века о Царствии Божием, когда пишет:

«Наше житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа. Христиан в мире сем житие не ино что есть, как странствование и непрестанное шествие и спешение к отечеству своему, якоже глаголет апостол: «не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем». Откуда нарицаются и суть странники и пришельцы в мире сем, якоже о Аврааме и Исааке и Иакове пишется: яко странни и пришельцы быша на земли... Христианское отечество есть небо, где слава Небесного Отца, Которому они молятся: «Отче наш, Иже еси на небесех», где преславный дом Его, в котором «обители многи суть», где «град великий святой Иерусалим, имущ славу Божию»...; оком взираем «и воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе».

Какое разное понимание Царствия Божия здесь и там, в модернистском христианстве!

Вот, вот! – останавливают нас: – отдать землю слепым и злым силам, а думать только о спасении своей души! вот к чему продолжаете звать вы... – Нет, ответим. Мы продолжаем только указывать на слова Христовы: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам», ищите небесного, приложится земное. Начинается для христиан, уже здесь на земле, Царствие Божие, светлое, радостное, залог будущей вечной жизни, и оно освещает земную жизнь, не только личную, но и жизнь христианских общин, упорядочивает ее, облегчает ее, делает ее, как выражаются, счастливой, вносит братския отношения в общество и превращает самую тяжелую условия жизни в легкия, как это проверено многочисленными примерами в истории христианства. Этот земной отблеск неба, действительно, может принимать более широкие размеры, распространяться на общественную и государственную жизнь. Но для этого вера и молитва должны быть на первом месте. Ничего этого не будет достигнуто, если от неба повернем взоры

к земле. Без веры и молитвы, пусть даже жизнь будет безбедной и веселой, она не будет Царствием Божиим.

Почему, ради идеи строения царства Божия на земле, экуменизм отодвигает в сторону христианское учение о спасении души? Потому что совсем ослабела, если не потеряна, вера в вечную жизнь, потому что кругозор ограничивается земной жизнью. Но разве христианское православное учение о спасении души не соединяется с мыслью о **всем человечестве**? Учение о душе есть учение о нравственном совершенствовании человечества, **о благе всего человечества, достигаемом путем работы над собой каждого отдельного лица**. И это совершенствование имеет целью не только вечность: оно необходимо и для улучшения отношений в человеческом земном обществе. Но как можно строить Божие Царство в условиях современной упадческой морали, в атмосфере безверной материалистической нравственной распущенности? И неужели можно серьезно говорить, что если люди начнут меньше думать о небе, то они станут лучшими христианами?

К сожалению, в богословских статьях православных экуменистов решительно проводится идея, что пора отрешиться от учения о «спасении души за гробом» и повернуться к заботам о строении царства Христова на земле.

Православный догмат о Церкви.

Однако самым опасным для нас в настоящее время является то, что вхождение православных церквей в экуменическое движение обозначает принятие ими протестантского-экуменического представления о Церкви. Такое представление действительно проводится в устных выступлениях и в печати православными экуменистами. Между тем, с разрушением подлинно православного понятия о Церкви подрывается значение вселенских соборов, а это значит – подрывается твердость установленных ими христианских догматов, и таким образом, подрывается и разрушается Православие в его основах.

С большой осмотрительностью закладывали апостолы здание Церкви Христовой на земле и ясно определяли, кто к ней принадлежит и кто не принадлежит. Они уподобляли Церковь обычному строению. «Мы строители, вы – Божие строение», поучает апостол. Основание строения – Христос. «Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится» (1Кор. 3, 9–13). Очевидно, строений может быть и не одно: но истинная Церковь – одна. Придет некогда последний день, и истинность этой Церкви «день покажет, – как учит апостол, – потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть», устоит ли оно или сгорит (1Кор. 3, 13–14). Поэтому должно твердо верить в единое апостольское строение, в **единую апостольскую Церковь**.

Уверовавший человек входит в Церковь через крещение водою. Однако правильность и действительность крещения необходимо признать, подтвердить. Ведь, может случиться, что крестивший, совершавший крещение, был еретиком или раскольников и сам не находился в Церкви. Так было и при апостолах. Когда ап. Павел впервые прибыл в Ефес, там оказалось около 12 лиц, считавших себя учениками христианской веры и крещеными. Но при расспросе оказалось, что они крещены были только во Иоанново крещение. Ап. Павел

объяснил им недостаточность этого крещения и, крестивши их, возложил на них руки для низведения на них Духа Святого (Деян. 19, 1–7). Возложение рук для низведения Духа Святого, будучи таинством, являлось в то же время подтверждением правильно совершенного крещения и присоединения к Церкви; будучи таинством, оно имело и формальное значение печати принятия в Церковь. Так оно и называется у апостолов: «печатью» или «запечатлением». Таинство руковозложения, принявшее вскоре форму миропомазания, совершалось всегда самими апостолами: подавая дары Духа Святого, апостолы одновременно подтверждали принятие данного лица в Церковь. В книге Деяний рассказывается, что апостолам Петру и Иоанну пришлось предпринять путешествие из Иерусалима в Самарию, чтобы лично совершить таинство руковозложения на людей, принявших уже там крещение.

Значением данного таинства, как «печати», очевидно, объясняется то, что в послеапостольский век право совершать это таинство перешло к епископам, как начальникам и распорядителям Церкви. Когда обнаружилась невозможность приводить каждого крещеного к апостолам и их преемникам – епископам, тогда знаком епископского благословения в этом таинстве стало вручение пресвитерам мира, освященного самими епископами, – может быть, еще и самими апостолами, – для миропомазания крещеных. В «Постановлениях Апостольских», одном из письменных памятников древней Церкви, читаем: «вода – символ смерти, помазание – символ договора». Вот, как выразительно и ясно в древней Церкви определялся состав Церкви и ее объем и показывалась принадлежность к ней отдельных лиц. **«Из прочих же никто не смеяше прилепятся им»**, подчеркивает писатель книги Деяний (Деян. 5, 13).

Далее, от христиан, вступивших в Церковь, всегда требовалось единодушие в вере, единомыслие в учении. Апостолы увещавают «подвизаться за веру, однажды преданную святым», «стоять в вере», не принимать ничего нового, кроме того, что возвещено апостолами, хотя бы глашатаем новизны был сам ангел с неба. Конечно, лица,

отделявшие себя от единства веры, появлялись в Церкви. Они вносили разлад и вынуждали апостолов к отлучению их от церковных собраний или даже к полному исключению из Церкви. Да и сами такие лица, чуждые общему духу, должны были уходить от общения с Церковью. **«От нас изыдоша, но не быша от нас: аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами; но – да явятся, яко не суть вси от нас»** (1Иоан. 2, 19). Это духовное единство, эту согласованность во всем и особенно единство веры апостол снова сравнивает со строгостью выполнения плана при постройке здания, восхищаясь мысленно стройностью воздвигаемого духовного храма: **«все здание, слагаясь стройно, возрастает во святой храм в Господе»**, читаем в послании к Ефесеям.

Так это понимание Церкви как духовного стройного храма навсегда и остается в сознании Православной Церкви. Письменный памятник второго века «Пастырь» Ерма дает следующий живой образ строения Церкви. На водах, т. е. чрез крещение, строится великая башня – Церковь. Строится она из камней. Одни камни, гладкие, отесанные, все как один, идут в постройку; другие, неровные, откатываются или откладываются. Камни квадратные и белые – апостолы, учителя, епископы, диаконы, непорочно ходившие в святом учении Божиим. Откладываемые – это те, которые согрешили, но желают покаяться. Вот как понимала единство Церкви христианская древность: не единство разномыслия, а строгая согласованность, подобная кладке кирпичей одной и той же формы при строении.

Прочность и правильность дальнейшего, после апостолов, созидания церковного основывается на апостольской преемственности иерархии. **Апостольская преемственность иерархии есть первостепенный признак Церкви.** Она создает органическую тождественность Церкви всех веков; она показывает, – могли бы мы сказать в переносном смысле, – «наследственность крови», наследственность природы, подобной той, какая идет от предков к потомкам. Она поддерживает, далее, единство предания в учении, в обычаях церковных, в канонах, в богослужебном строе. Но, что важнее

всего, этим путем сохраняется преемство благодати Святого Духа, полученной апостолами в день Пятидесятницы. «Не неради о своем даровании, **живущем в тебе**, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества»; «вспоминаю тебе возгревати дар Божий, **живущий в тебе**, возложением руку моею» наставляет апостол Павел своего ученика, епископа Тимофея. Благодать Божия **пребывает**, живет, преподается в апостольской Христовой Церкви. Здесь, в этом мировом, кафелическом, внешне и внутренне едином Храме, «от божественной силы Его (Христа) дано нам все потребное для жизни и благочестия» (2Петра 1, 3), и от нас, введенных в создаваемый храм Церкви, требуется в себе **«хранить благодать»**, данную Церкви и «ею служить благоугодно Богу с благоговением и страхом» (Евр. 12, 28).

Чрезвычайно важно помнить также и то, что, передавая иерархическое преемство путем преемственного рукоположения, апостолы не оставили Церкви. Войдя в Церковь небесную, они не перестают одновременно быть участниками Церкви на земле. Между Церковью на земле и небесною Церковью есть тесная, постоянная, живая связь. «Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тмам ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах» (Евр. 12, 22–23). Для Православной Церкви это не мертвые слова, а подлинная жизнь, жизнь в единстве с небесною Церковью. Апостолы, святители, мученики, праведники, отшедшие в вечную жизнь не перестают быть участниками Церкви на земле. «Честную твердь церковную, яко звезды величайшая, просвещаете присно и верная озаряете, мученицы божественнии, Христови воины». В православном богослужении (в тропарях, стихирах, канонах, кондаках) апостолы прославляются как основания Церкви, пребывающие таковыми всегда; святители именуются столпами Церкви, «пиргове», т. е. башнями, укреплениями стен ея, мученики – звездами, сияющими в куполе тверди церковной, церковного свода, простирающегося в небеса; и праведники, подвижники, преподобные – светильниками внутри Церкви. И потому, когда Церковь именуется Апостольскою, то не только в

том смысле, что апостолы заложили ее, или были первыми ее строителями, не только потому, что оставили в ней евангельское учение, дали ей устройство, или даже (что главнее организации) передали ей непрекращающееся преемство иерархии: но, повторяем, еще и потому, что они продолжают пребывать в ней сами, хотя и вошли в Христовы небесные селения. То же и о всех святых. Когда стоим перед иконой Богородицы, то разве с нами на земле только Ея икона, а не Она Сама в Церкви на земле? Когда поем: «Ныне силы небесные с нами невидимо служат», то разве это только слова? Разве ангел хранитель не сопутствует нам в жизни нашей земной?

Эти все свойства Церкви: ее единственность; единство ее учения; преемственность от апостолов ее иерархии; признание благодати Святого Духа пребывающего в Церкви, живущего в ней; связь с небесной Церковью – как все это далеко от протестантского представления о Церкви! И как можно пренебречь таким резким расхождением ради планов «духовного единства»? И тем более: можно ли пренебречь этими свойствами Церкви ради экуменического единения?

И замечательно то, что протестантизм, порвавший с преемственно-апостольской Церковью, – можно сказать, – не претендует на то, что должно принадлежать наследственному организму апостольской Церкви в прямом смысле слова: в этом отношении он честен с самим собою. Протестантизм – по крайней мере в новых сектах, как адвентизм, баптизм – не претендует на благодатность крещения: крещение там есть только «обещание Богу доброй совести», и погружение в воду – простой символ. Признается ненужным миропомазание, печать присоединения к Церкви и сообщения даров Святого Духа, живущего в Церкви: и это логично, раз нет присоединения к преемственно идущей от апостолов Церкви. У них, в позднейших больших сектах, причащение есть, по их собственному пониманию, простое воспоминание действий на Тайной Вечери, они его понимают, как простое вкушение хлеба и вина: такое воспоминание может быть вне Церкви. Протестантизм довольствуется учительным служением мирян,

потому что не имеет преемственной хиротонии, как благодатного дара, пребывающего в Церкви. У них нет общения с небесной Церковью; мало того, они отказываются от почитания Пресвятой Богородицы и сознательно унижают Ее, доходя даже до искажения Свящ. Писания (так, в немецком протестантском переводе Евангелия слова Господа: «что Мне и Тебе, Жено? Не у прииде час Мой» получили следующий смысл: «что есть общего между Мною и Тобою?»). Подвига несения духовного креста, во исполнение заповеди Спасителя, нет. Идеи достижения святости, как цели земной жизни христианина (по ап. Павлу: «святости, без которой никто не увидит Господа»), нет. И Церковь, как руководительница и как хранительница благодати Божией, становится ненужной. Если есть мечтательная вера в откровение тому или другому лицу или в озарение Духом Святым, то как индивидуальное соприкосновение с небом вне зависимости от Церкви. Христианство становится внецерковным, и само имя «Церковь» оказывается простым символом и, в конце концов, даже пустым звуком. Хочешь быть христианином в протестантском смысле – назови себя им, имей Евангелие, и это все, что требуется: ты христианин, ты уже в невидимой духовной Церкви, и если ты принимаешь крещение, то только для того, чтобы и другие признавали тебя таковым. Отсюда легкость протестантской миссии в языческих странах; легкость перехода из секты в секту: но она не ведет к присоединению к Христовой Церкви.

Экуменизм, как порождение протестантизма, носит все его черты в полной степени.

Но Церковь Христова – **«твердое основание Божие – стоит, имея печать сию: познал Господь Своих»** (2Тим. 2, 19). Церковь – крепость христианства в мире. Она – кремль, вокруг которого раскинулись свободные поселения христианского направления и нехристианского. Она – бастион, предназначенный к тому, чтобы выдержать все напоры ада на Церковь, как об этом предвещал Спаситель и как изображено это в Откровении ап. Иоанна Богослова: ад в виде дракона, путившего реку из пасти своей, чтобы увлечь и потопить Жену-

Церковь (Откр. 12, ,15). Но ангел сохранил Церковь, и земля поглотила реку.

Спасение личное каждого – в Церкви. **И спасение мира – чрез Церковь.** Эту первую истину нужно согласовать со второй: с апостольским утешением для людей вне Церкви, что «Христос есть Спаситель всех человеков, наипаче же верных»; что Он пролил Кровь Свою за грехи всего мира; что «во всяком народе делающий добро приятен Ему», приятен Богу. И равным образом, должно помнить слова Господа, что «много званых, но мало избранных» и что «сыны Царствия» могут быть брошены во тьму кромешную.

Каково должно быть наше отношение к объединительному движению в христианстве?

Нам, православным, – повторим еще раз, – не следует льстить себя мыслью, что мы сумеем направить объединительное движение экуменизма в русло православия. Скорее можно думать, что когда выдохнется экуменическое движение, тогда более искренняя группа протестантизма будут тянуться к тем недрам, из которых протестантизм вышел, к которым он ближе по духу, откуда он вынес и идею строения царства Божия на земле, т. е. к латинству.

Однако, если к нам обращаются, наша обязанность «дать ответ о своем уповании». Протестантизм все еще предубежден против Православной Церкви и не понимает ее сущности: но он как будто готов слушать о Православии. Но, выступая на открытом широком форуме, Православная Церковь должна быть свободна совершенно от тех пут, рамок и регуляминов, в какие ставит своих членов экуменизм, позволяя им двигаться только в предписанном направлении. Церкви надлежит выступать независимо, стоя вне экуменизма, может быть, общаясь с ним, как с совопросником, как с членом дискуссии, но не подчиняясь ему.

Покойный блаженнейший митрополит Антоний, когда был приглашен в Лондон на торжества по случаю 1600-летия 1-го Вселенского собора и когда ему предложено было высказаться по вопросу о «соединении христианства», так формулировал свой взгляд. «Исполнить такое задание, – говорил он, – для меня несравненно легче, чем если бы мне предложили говорить о соединении церквей. Мы привыкли с детства верить в единую святую соборную и апостольскую Церковь... Другое дело, если речь идет о соединении христианства... Такое соединение должно выражаться прежде всего в освобождении души нашей не только от всякой тени враждебного чувства к инакомыслящим, но и от преобладающего в нашем уме стремления их опровергнуть». Имея в виду англиканскую церковь, владыка Антоний советует приложить старание к

уяснению всего того, что объединяет нас взаимно (Жизнеоп. блаж. митр. Антония, т. VII, стр. 85).

Если бы, действительно, разрозненное христианство дружественно пошло навстречу нашей Церкви, то в чем ином может состоять наше отношение к нему, как не в том, чтобы помочь ему соединиться в единой святой, соборной и апостольской Православной Церкви? Это значит: присоединить его не к «нам», не к русским, не к грекам, сирийцам или сербам; но помочь соединиться с соборной Церковью всех времен, с Церковью, где священнодействовали священномученики, как Игнатий Богоносец, и святители: Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, где сонмы мучеников, где великие подвижники: Антоний, Евфимий Макарий, Иоанн Лествичник и другие; словом, помочь войти в это царство святости, царство благодати, царство молитвы, царство подвига, в Церковь, которая, при святости своей, есть также «столп и утверждение истины».

Наши горячая усилия заключались бы в том, чтобы 1) указать разрозненному христианству, что без общения с Церковью Небесною не может быть полноты тела Христова, не может быть истинной кафоличности – вселенскости, без этого общения нет истинной Церкви. 2) Призванием православных церквей было бы помочь получить преемственную церковную иерархию и таким образом 3) помочь начать благодатную жизнь, соединенную с 4) исповеданием соборного учения Церкви. Так должно было бы быть.

Как же поступают те православные лица, которые от самого начала заявили себя друзьями экуменического движения, а равно те, которые вошли уже в это движение якобы от имени Православной Церкви?

Эти лица, увлекаясь идеей экуменизма, приспособляясь к ситуации, желая угодить модному движению, быстро изменяют учению Церкви, отвергают православный догмат о Церкви, ради мечтательной цели объединения всего христианства, и не только ложно информируют неправославную сторону, но **стремятся внушить всем нам, православным, искаженное учение о Церкви**, ввести, как новое откровение, как откровение

Святого Духа, как веяние новой Пятидесятницы, экуменический взгляд на сущность Церкви и на ее объем, заменяя истину единства тела Церкви понятием некой духовной Церкви, обнимающей все разномыслия, противоречивые учения и все разделения в современном и в историческом христианстве. От имени Православной Церкви выступают и принимаются как ее представители лица модернистского толка или лица, прошедшие протестантские теологические факультеты и воспринявшие их дух.

Между первой и второй войнами вышла книга, в издании УМСА под заглавием: «Христианское воссоединение: Экуменическая проблема в православном сознании». В ней находим ряд статей на русском языке православных авторов разных национальностей. Самую либеральную точку зрения проводят в ней русские богословы. Прот. С. Булгаков аргументирует экуменическое понятие Церкви тем, что, как он выражается, «мы говорим о церквях нередко в смысле различных христианских исповеданий» («мы» – очевидно, он сам и его единомышленники), и заключает: «свидетельство гения языка не может быть сведено к простой вежливости или лицемерию ради приличия и любезности перед неправославными». – Но слабая аргументация – ссылка на гений модернизированного языка!

Проф. А. Карташев в своей статье дает историческую справку, что якобы «все соединения в Церкви, после взаимных анафематствований и прещений, совершались на правах равенства, без всякого оттенка ПРИсоединения, без «унии», притом всегда без воспоминания об отлучениях и без снятия анафематствования, что показывает, что анафемы имеют условный характер». Как ни сведущ покойный парижский проф. Карташев в церковной истории, но это утверждение неверно. Конечно, если в какой-либо поместной церкви сменял еретика или раскольника епископа православный епископ, то она становилась православной: зачем же было снимать анафему с церкви? – да и вообще анафематствовались еретики и ереси, а не церкви. Но не было дороги ни одному еретику епископу без ПРИсоединения, т. е. без отказа от ереси или

раскола. В актах Вселенских соборов постоянно читаем о присоединениях, например, в следующей форме: «я, такой то, покаявшись, приступаю к святой кафолической и православной Церкви Божией» или: «мы присоединились к святой кафолической, апостольской и православной Церкви» (см. Деян. 3-го Всел. Соб.). И потому как раз следует применить к проф. Карташеву слова о. Булгакова, что в такой исторической натяжке автора чувствуется любезность или лицемерие по отношению к экуменистам. Проф. Карташев ласкательно-любезно утверждает, что принадлежность к Церкви сохраняется «даже и при дефектах и искажениях в догматическом учении и в канонической и культовой практике... Даже протестантские общины – продолжает Карташев – безжалостно порвавшие с апостольским иерархическим преемством и живым священным преданием Церкви, но сохранившие таинство крещения во имя Св. Троицы, продолжают чрез эту мистагогическую дверь вводить своих членов в лоно единой невидимой Церкви Христовой и приобщать их к той же благодати Святого Духа. Все это дает основание, – говорит он, – для постановки вопроса о соединении церквей на почве их **равноправия** в их мистическом реализме, а не на почве униатизма, присоединяющего еретиков к православию. Возсоединение церквей должно быть выявлением и конкретным воплощением в видимости уже существующего незримо единства Церкви». – Когда прочтете эти рассуждения проф. Карташева, то невольно хочется спросить: если все протестантство состоит в Церкви, если единение уже есть, то зачем же «ВОЗсоединение»? Зачем нужны эти десятилетия упорных усилий для возсоединения? Карташев здесь идет дальше ожиданий протестантов; и его утверждения зачеркивают всю православную догматику.

В том же направлении рассуждает, правда, туманно и болгарский протопресвитер Стефан Цанков. – На точке зрения учения о духовной Церкви стоит прот. В. Зеньковский. Он пишет: «В своей всецелой историчности видимая историческая церковь естественно идет к раздроблению на различные «исповедания»... – это раздробление не затрагивает единства в Церкви небесной, но, – прибавляет он, – и не исцеляется им».

В своих диалогах «На пиру богов» 1921 г. о. Булгаков говорит: «с какой то новой свежестью и пленительностью встает перед нами старый вопрос о соединении церквей, к которому зовет и нудит нас грозный исторический час, надвигающийся для всего христианства», «имеющий аналогию в эпохе гонений и катакомбном периоде Церкви»...

Так не зовет ли о. Булгаков перед этим грозным часом к разрушению крепости и твердыни христианства – апостольской Церкви, к открытию ее стен, к ее упразднению?

На первоначальных заседаниях Экуменического Совета православные его члены, повидимому, пробовали отстаивать точку зрения, что для них Православная Церковь есть Уна Санкта; но потом уступили общему течению. В Эдинбурге в 1950 году на экуменическом съезде православные делегаты дали, как выражается отчет съезда МСЦ в Торонто в том же году, «ясный ответ»: «Несмотря на все наши различия, есть у нас общий Учитель и Господь Иисус Христос, Который поведет нас ко все более тесной общей работе в созидании тела Христова». По поводу этого «ясного» ответа остается сказать, что, к сожалению, экуменическое понимание созидания тела Христова слишком отличается от понимания его Православной Церковью.

В том же экуменическом направлении и на тех же принципах проводят идею воссоединения церквей и отдельные высшие представители греческой церкви, – поскольку об этом можно судить по сообщениям прессы. Так, Архиеп. Иаков (С.Ш.А.) видит в разединенном множестве церквей одну Церковь, один организм, одно тело Христово и причиной разъединения считает одно только человеческое тщеславие. Выход он находит в том, чтобы «жить вместе и молиться вместе, не возводя никаких стен разделения, определяемых расовыми или религиозными предразсудками». Православная Церковь, по его словам, должна перестать возвещать о своем «вселенском учении» (Церк. Жизнь, 1961, май-июль).

Так происходит явное искажение догмата о Церкви и одновременно втягивание поместных православных церквей в совершенно чужой фарватер, подчиняющее их протестантизму,

и притом в движение, направляемое не одной лишь идеей воссоединения, но и иными, совсем чуждыми нам социальными идеями и планами.

А в это время единственной защитницей нерушимости догматов христианства готовится объявить себя Москва, и к ней охотно будут прислушиваться, принимая ее за голос исторической Русской Церкви...

В этот тяжелый исторический момент много требуется от сохраняющих верность Православию мужества, твердости, сознательности, готовности к жертве и требуется крепкая вера словам Спасителя о непоколебимости Церкви. Нет сомнения, что в глубине каждой поместной православной церкви есть истинное понимание Православия и готовность стоять за него, и эти голоса будут подняты и услышаны. Не нужно смущаться кажущейся нынешней слабостью или малочисленностью этих голосов.

В свое время св. Григорий Богослов так характеризовал состояние православия Константинопольской церкви: «нива эта некогда была мала и бедна... Это вовсе не была нива, не стоила, может быть, ни житницы, ни гумна, ни серпа, а разве только малыя и незрелыя рукояти»...

Такою она была, когда св. Григорий начинал свою проповедь в Константинополе в домашней церкви св. Анастасии; но этот период окончился еще при нем торжеством Православия во всем Константинополе (см. Прощальное слово его).

В другой раз тот же святитель спрашивает: «Где же те, которые упрекают нас за бедность и гордятся богатством; признаком Церкви поставляют многолюдство и презирают малое стадо; измеряют божество (об арианах, говоривших, что Сын меньше Отца) и взвешивают людей; высоко ценят песчинки и унижают светила; собирают в сокровищницу простые камни и пренебрегают жемчужины?» (Слово 33, против ариан). Так и нашей опорой являются не протестантствующие богословы, а светила Вселенской и Русской Церкви, ее святые пастыри и учителя.

Если нам не суждено будет привлечь неправославных исповедания к единой Христовой Церкви, соборной, апостольской, православной, то во всяком случае нам нужно сохранить себя и оберечь своих братьев во Христе и по Церкви от ложных путей, от увлечения широкими целями, покупаемыми ценой измены учению Церкви. С грустью приходится признать, что у нас нет возможности достаточного обмена мнений – из-за разности языка и по другим причинам – с православным миром нерусской национальности, находящимся в странах, свободных пока еще от коммунистического гнета и, в частности, нет достаточного обмена мыслей с греческим православным миром, – и что приходится нам молча наблюдать с горечью, как легко действуют в его среде силы неблагоприятные для Православия.

Верим, однако, что в столкновении идей истинных с идеями ложными проснутся как там, так и среди нас живые силы и дадут отпор соблазнам; и сама **вера, проверенная в искушениях, станет непоколебимой**; и для многих и многих в нашей православной среде, может быть, теперь пока еще хладнокровных и почти равнодушных к вопросам Церкви и догматов ея, – эта вера, укрепленная в испытаниях, станет, как выражается первоверховный апостол, дороже тленного, хотя и огнем очищенного, золота (1Петр.1, 7), т. е. дороже вещественных земных благ.

Прот. М. Помазанский.

Кн. Н. В. Урсова († 1963 г.) «На все Его СВЯТАЯ ВОЛЯ...»

На все Его святая воля;
На все, что в жизни нам дано;
То, что прошло, – и скорбь, и горе,
И что вперед нам суждено!
Все принимать, как дар безценный,
Должны мы кроткою душой,
И ждать, любовь Христовой,
В блаженной вечности покой!
Воскреснет с Ним людей не много –
Кого Антихрист не прельстит,
И кто печать его не принял,
А только в Боге жизнь прожил

Архиеп. Аверкий (Таушев) († 1976 г.) О положении православного христианина в современном мире.

Положение православного христианина в современном мире, можно без всякого преувеличения решительно сказать это, до крайности тяжело. Вся современная жизнь, во всех ее проявлениях, так или иначе, направлена против него. Ведь все в ней, по существу, является сплошным отрицанием истинного христианства. И если еще в апостольские времена возлюбленный ученик Христов св. Иоанн Богослов мог писать, что «весь мир лежит во зле» (1Иоан. 5, 19), то с гораздо большим правом можем мы сказать это о нашем времени. **Быть истинным православным христианином, готовым до смерти соблюсти свою верность Христу-Спасителю, в наши дни много труднее, чем в первые века христианства.** Тогда преследовали христиан враги неразумные, не ведавшие Христовой веры, имевшие о ней представления превратные, зачастую нелепые. Да и гонения эти носили по преимуществу характер внешних гонений. Не принося ущерба душе, они обрекали на муку и смерть тела первых христиан. И тогдашние христиане, хорошо помня завет Христов: **«не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить»** (Матф. 10, 28) и будучи подкрепляемы благодатью Божиею, с радостью шли на муки и отдавали свою жизнь за Христа. Эти гонения не только не угашали духа, а наоборот – еще более окрыляли и возгревали его, и кровь мученическая, по меткому выражению одного из тогдашних апологетов, действительно становилась семенем христианства.

Не то теперь.

Современный мир, за некоторыми исключениями (мы имеем ввиду кровавые гонения на веру, имевшие место в Советской России), не угрожает так явно и открыто телесными муками и телесной смертью носителям Христова имени. Он даже сам, в значительной части своей, еще продолжает носить

имя «христианского», строит храмы, призывает Имя Христово, клянется на Священной Библии.

Но все это – одна видимость.

Под прикрытием этой обманчивой, многих вводящей в заблуждение, благовидной внешности, в действительности повсюду идет теперь сильнейшее скрытое гонение на христианство, проявляющееся в самых различных видах и формах. Это гонение гораздо опаснее и страшнее прежнего открытого гонения, ибо оно грозит полным опустошением душ – духовной смертью. Сейчас происходит именно то, о чем предупреждал и от чего более всего предостерегал Христос-Спаситель, увещевавший Своих последователей не бояться мук телесных, поскольку они не грозят душе: **«бойтесь более того»**, говорил Он: «кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф. 10, 28).

Что же это такое происходит в мире и как может современный мир, столько столетий, повидимому, живший в христианстве, гнать христианство?

Во всем этом нет для нас ничего неожиданного: обо всем этом мы давно предупреждены Словом Божиим. Но горе тому, кто упорно закрывает глаза на это, не желая видеть того, к чему призывает нас быть готовыми Слово Божие.

В мире, по словам св. Апостола Павла, **«деется тайна беззакония»** (2Солун. 2, 7) – происходит все усиливающийся процесс **«отступления»** христиан от Христа, процесс, который в конечном итоге своем должен привести к открытию **«человека греха, сына погибели – антихриста»** (2Солун. 2, 3). Этот страшный процесс «Отступления» за последнее время так явно и очевидно обнаруживает себя во всех сторонах жизни, что только слепой может не видеть, к чему он ведет: все совершающееся ныне в мире есть не что иное, как тщательная подготовка царства Антихриста, в которой принимают самое деятельное участие, как открыто отрекшиеся от Христа, так и продолжающие еще наружно носить имя «христиан».

Первым важным этапом на пути этого «Отступления» было отпадение от Православия латинского Запада с папским престолом во-главе. Разве не антихристово начало положено в

основу папского притязания стать непогрешимым «наместником Сына Божия» на земле? Разве не дает себя ощутить дух антихристов в этом стремлении «заместить», как бы «подменить» собою Христа для всех верующих в Него? А дух противохристианской гордыни, так очевидно приводящий к «прелести» в духовной жизни, непомерное властолюбие, жаждущее подчинить себе весь мир, – разве все это не характерные черты Антихриста?

Такое извращение духа Христова в отколовшемся от Православия западном христианстве повлекло за собой целый ряд лжеучений и страшное моральное растление. Осталась одна видимость христианства, внешность его, лишенная подлинного духа жизни во Христе.

Все это вызвало к жизни второй губительный этап «Отступления» – появление так называемого «гуманизма», породившего на Западе новую эпоху – эпоху «Возрождения». Эпоха «гуманизма», или «Возрождения», явившаяся как реакция извращенному на Западе христианству, была в сущности отречением от христианства и возвращением к идеалам язычества. Она провозгласила культ сильной, здоровой, красивой человеческой плоти, и духу Христова смирения и послушания противопоставила дух самомнения, самоуверенности и обоготворения человеческого «разума».

Как протест против извращенного христианства, на почве того же гуманистического идеала, признавшего «разум» высшим критерием жизни, явилось на Западе религиозное движение, получившее наименование «протестантизма». Протестантизм с его бесчисленными ответвлениями – всевозможными сектами не только в корне исказил все учение истинного христианства, но и отверг самый догмат Церкви, поставив самого человека высшим для себя авторитетом, и дошел даже до отрицания веры в Божество Иисуса Христа, Основателя Церкви.

Зазнавшаяся человеческая гордыня, наконец, совсем отступает от Бога, начинает дерзко отвергать даже самое бытие Божие, и человек самого себя провозглашает как бы богом. Обуянный гордыней, самомнением, уверенностью в своих неограниченных силах, возможностях и способностях, человек,

воспитанный на идеалах «Возрождения», уже не видит для себя никакой надобности в стремлении к заповеданному Евангелием духовному совершенствованию, и естественным порядком все глубже и глубже низвергается в бездну духовного падения и нравственного растрепывания. На первый план выступает служение плоти, вследствие чего духовные потребности все более и более заглушаются, подавляются и, наконец, дабы раз навсегда покончить с неприятным голосом совести, живущем в душе человека, самый дух объявляется несуществующим.

Таким образом появляется «материализм» – родное детище «гуманизма», естественное и логичное развитие его идей. Идеал сытого желудка, прикрывшись громким «ученым» наименованием «идеала социальной справедливости», «социальной правды», стал высшим идеалом человечества, отрекшегося от Христа. И это понятно! Разве мог бы возникнуть так называемый «социальный вопрос», если бы люди остались верны истинному христианству, воплощенному в жизнь?

На почве материализма, в свою очередь, уже естественно возникают, в силу прямой логической необходимости учения «социализма» и «марксизма-коммунизма». Гуманизм и материализм, отвергнувшие духовное начало в человеке, провозгласившие самого человека «богом» и тем самым узаконившие самоутверждающуюся человеческую гордыню и животный эгоизм, привели к тому, что законом человеческой жизни, на почве постоянного столкновения интересов людей-эгоистов, сделалась ожесточенная борьба. В результате этой так называемой «борьбы за существование», более сильные, более умные и хитрые, более ловкие люди естественно стали притеснять и угнетать менее сильных, менее умных и хитрых, менее ловких. Ведь закон Христов, повелевающий **«друг друга тяготы носить»** (Гал. 6, 2) и **«не себе угождати»** и **«не делать другому того, чего себе не желаешь»** (Деян. 15, 29), но **«любить ближнего своего, как самого себя»** (Матф. 22, 39), был изгнан из жизни. Поэтому-то стало все более расти и шириться тах называемое «социальное зло», увеличиваться и множиться «социальные неправды», «социальные язвы» общества. А так как жизнь делалась все более и более

невыносимой, вследствие все разраставшегося эгоизма и насилия одних людей над другими, то естественно было «что-то» придумать, дабы попытаться установить для всех одинаково сносный и приемлемый порядок жизни. И вот «социализм», а затем крайнее выражение его – «коммунизм» стали модными учениями, которые обещали людям избавление от всех «социальных неправд» и установление на земле мирного и безмятежного райского жития, при котором все были бы счастливы и довольны. Но учения эти задались целью лечить язвы человеческого общества негодными средствами. Они не хотели видеть, что зло современности коренится в самых глубинах человеческой души, отступившей от единственно-спасительного евангельского учения, и наивно думали, будто достаточно переменить несовершенный, по их мнению, государственный и общественный строй жизни, чтобы на земле сразу водворилось общее благоденствие, и жизнь сделалась раем. Для этой необходимой, как они утверждали, и благодетельной перемены наиболее крайние социалисты, как напр., коммунисты, предлагали даже насильственные меры, вплоть до пролития крови и физического уничтожения людей, с ними несогласных. Иными словами: **зло они думали победить злом же**, притом злом еще более горшим и несправедливым по своей жестокости и беспощадности.

«Великая Французская Революция», пролившая целые потоки человеческой крови, была первым их опытом. Она ясно показала, как бессильны люди устроить на земле свою жизнь без Бога, и к каким ужасным последствиям приводит человека отступление от Христа и Его спасительного учения.

Но возврата назад уже не было: процесс «Отступления» зашел уже слишком далеко.

И вот, третьим, самым важным этапом ныне столь быстро развивающегося на наших глазах «Отступления» явилась страшная кровавая катастрофа, постигшая нашу несчастную Родину-Россию в 1917 году. Разыгранная по примеру «Великой Французской Революции» 1789 года наша русская революция может, по всей справедливости, рассматриваться, как самое большое достижение слуг грядущего Антихриста. В лице

Православной России было сломлено самое главное препятствие на пути победно шествующего, попусшением Божиим, «Отступления»: не стало мощного оплота истинно-христианской веры и Церкви в мире, и Антихристу, в лице его слуг, по выражению нашего отечественного толкователя Апостольских посланий (святителя Феофана, Вышенского Затворника) стало «действовать просторно».

С тех пор, как мы это наблюдаем теперь, «Отступление» пошло вперед, уже не встречая себе серьезных преград, гигантскими шагами.

Страшная потрясения, неслыханные в истории с первых веков христианства, пережила и доселе продолжает переживать наша Русская Православная Церковь. Но не столько те кровавые гонения, которые уподобили ее первенствующей Церкви, сами по себе были страшны, сколько то внутреннее разложение, которое началось в ней, а с нею и во всей Православной Церкви после большевицкого переворота. Мы имеем ввиду тот тлетворный дух, который стал ярко обнаруживать себя, вылившись сначала в так называемое «живоцерковническое» и «обновленческое» движение, а затем – в губительное соглашательство с богоборческой коммунистической властью. **Это был дух «Отступления» в недрах самой Православной Церкви,** который породил всевозможные разделения и расколы, как там на Родине, поработенной безбожниками, так и здесь за границей. Этот дух «Отступления», конечно, гораздо опаснее и губительнее для душ, нежели открытые кровавые гонения. **Ведь это – внутренняя измена Христу-Спасителю при сохранении внешней лишь видимой верности Ему.**

Не об этом ли как раз и предрекал более 80-ти лет тому назад в своем толковательном труде на 2-е послание к Солунянам святитель Феофан Вышенский, говоря: **«Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это – только видимость, внутри же отступление истинное»** (стр. 491–492). Ведь Сам Христос в Своей Нагорной проповеди ясно сказал, что «никто не может служить двум господам» (Матф. 6, 24);

невозможно служить одновременно Богу и «маммоне», то-есть «миру сему, во зле лежащему», нельзя угождать в одно и то же время и Христу и Велиару, то-есть слугам грядущего Антихриста, в лице явной или тайной богоборческой власти (2Кор. 6, 15).

С падением Православной России действительио не стало больше **«удерживающего»** (2Солун. 2, 7), как неоднократно предрекал о том и святитель Феофан, и наш великий всероссийский праведник о. Иоанн Кронштадтский, и многие другие духоносные прозорливцы нашего времени, – и все в мире расшаталось, будучи потрясено в своих вековых устоях. Дух «Отступления» с необыкновенным цинизмом и безстыдством стал проявлять себя повсюду в мире во всех областях личной, семейной, общественной и государственной жизни, как никогда прежде. Целые миллионы людей, бывших христиан по рождению, не стыдятся теперь открыто и во всеуслышание заявлять о своем неверии и безбожии, и государственная власть официально регистрирует их, как не принадлежащих ни к какому вероисповеданию; безнравственность достигла ужасающих размеров, разврат и порнография, в большинстве случаев не только не преследуются, а даже культивируются властью имущими, вплоть до систематического развращения молодого поколения в школах; почти исчезли прежния понятия о долге, чести, благородстве и совести – на первое место ставится грубая корысть, чисто-эгоистический расчет, материальные выгоды и плотския наслаждения. Особенно горько за современную молодежь, которая совсем почти лишена духовного горения и того высокого энтузиазма жертвенного служения ближним и увлечения высокими нравственными идеями, коими отличалась прежняя молодежь. Целью жизни для многих стали лишь карьерныя стремления, хорошо обеспечивающая в материальном отношении служба, внешний комфорт и низменныя плотския наслаждения. А невероятный рост детской преступности, о котором постоянно пишут гезеты, внушает нам самыя серьезныя опасения за ближайшее будущее.

Одним словом, мир, страшно сказать, **христианский мир представляет собою ныне жуткую, безотрадную картину глубочайшего религиозно-нравственного падения.**

И вот, одновременно с этим, столь резким контрастом со всею этою жуткою действительностью все чаще и чаще, все более и более настойчиво звучат многократно повторяющиеся призывы к миру и единению.

Можно ли поверить, при таких условиях, видя все происходящее, в искренность и, главное, в доброкачественность этих призывов?

Исходят эти призывы: на востоке – от богоборческой советской власти, залившей кровью нашу Родину, и от являющейся ей послушным орудием московской патриархии, по справедливости заслужившей себе наименование «советской церкви» (какое страшное сочетание слов!); на западе – от папского Рима, столь скомпрометировавшего себя в истории лукавой и антихристианской политикой порабощения инакомыслящих, и от протестантского мира, повинного в том религиозном хаосе, которым отличается нынешний мнимохристианский мир, дошедший до полного безбожия.

С целью пропаганды этого «мира» и «единения» представители богоборческой власти и их покорные слуги в рясах ездят по всему миру, сея семена лжи и пытаясь обмануть и ввести в заблуждение наивных и доверчивых людей; с тою же сомнительною целью папский престол создал так называемый «восточный обряд» для введения в заблуждение православных, плохо знающих свою веру, а теперь объявил даже созыв «Вселенского собора», в котором все будто бы «отделившиеся братья» смогут принять участие, хотя в то же время изданная папою энциклика не оставляет сомнений в истинной цели этого «собора» – безусловном подчинении всех папской власти; не отстает от этого стремления к «миру» и «единению», сам непрестанно создававший столько разделений, в виде огромного количества сект, и протестантский мир, ныне пропагандирующий свое «экуменическое» движение, в сети которого, не без успеха, пытается завлечь православных,

главным образом из числа зараженных тлетворным духом «живоцерковничества» и «обновленчества».

Как должен отнестись ко всему этому православный христианин?

Ко всякому ли миру и единению должен он стремиться?

Всякий ли мир и единение должны быть в очах его ценными, дорогими и близкими его истинно-христианской душе?

Отнюдь нет – решительно отвечает на этот важный вопрос – вопрос христианской совести – великий вселенский учитель и святитель, столп нашей Православной веры св. Григорий Богослов. **«Не всяким миром»**, говорит он: **«надобно дорожить, ибо есть прекрасное разногласие, и самое пагубное единомыслие, но должно любить только добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом»** (Слово 6, т. 1. стр. 192).

Всего дороже для христианина **Истина**, ради свидетельства которой пришел на землю Господь Иисус Христос, как Он Сам сказал Пилату (Иоан. 18, 37). И для истинного христианина может быть только одно единение желательно – **единение в Христовой Истине** – истине неискаженной, неизвращенной, чистой истине, без всякой примеси диавольской лжи, не отравленной никаким компромиссом с нею. С этой точки зрения, неприемлемы для христианина все эти призывы к «миру» и «единению», ибо они исходят от людей, посягающих на главное сокровище наше – чистую и непорочную истину свято-хранимого нами учения Христова и желающих подменить ее ложью, которая от диавола. Замышляемое ныне врагами чистой Христовой истины «единение» это – не единение во Христе. Это то единение, которое стремится создать для себя желающий подчинить себе всех людей и основать на земле свое царство Антихрист.

Все, что происходит теперь на верхах религиозной, государственной и общественной жизни людей, с тех пор, как повержена во прах наша Православная Россия, и есть не что иное, как напряженная работа по подготовке слугами грядущего Антихриста его будущего царства.

Поэтому более, чем когда-либо в прошлом, надлежит помнить каждому желающему быть истинным христианином и до конца сохранить свою верность Христу, увещание св. Апостола: **«Блюдите, како опасно ходите: не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть»** (Ефес. 5, 15–16).

И вот, стремясь оберечь себя от тлетворного влияния современного мира, мы должны прежде всего дорожить нашей принадлежностью к Русской Зарубежной Церкви. Как должны мы благодарить Бога за то, что существует еще у нас наша Русская Зарубежная Церковь, не запятнавшая себя подчинением темным антихристовым силам, действующим в современном мире! Отдадим себе полный отчет в этом нашем спасительном преимуществе.

Великое значение Русской Зарубежной Церкви заключается в том, что она одна только является в настоящее время свободно-действующей, ни от каких богоборческих и антихристианских сил не зависящей, а потому неоспоримо законной Православной Церковью. Существование ее имеет для себя твердое каноническое обоснование в мудром указе Святейшего Патриарха **Тихона**, изданном 7/20 ноября 1920 года за № 362. Этот указ имел ввиду организацию особого Высшего Церковного Управления для всех тех частей Российской Православной Церкви, которые окажутся «вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением» или «если само Высшее Церковное Управление во-главе с Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность». Законно-избранное на последнем свободно-созванном Всероссийском Церковном Соборе 1917 года Высшее Церковное Управление в России, вследствие жестокого гонения со стороны большевиков, прекратило свое существование, а потому вполне естественно и законно то, что наша церковная жизнь за границей руководится с тех пор особой, временно-самостоятельной Высшей Церковной Властью, находящейся на свободе, вне всякого подчинения богоборцам, овладевшим нашей Родиной и ставящим себе открытой задачей уничтожение не только Церкви и самого христианства, но и всякой религии вообще. Единая

соборно-управляющаяся Русская Зарубежная Церковь и должна поэтому существовать до той поры, пока не будет в России избрано законным путем Высшее Церковное Управление, свободное от всякого порабощения и давления врагов нашей св. веры.

Кажется, всем разумным людям должно быть понятно, что не можем мы, желая сохранить свою верность Христу-Спасителю, подчиняться той церковной власти, которая поставлена богоборцами и которая является послушным орудием осуществления их адских планов в мире. Не можем мы находиться в какой бы то ни было зависимости и от всякой другой церковной власти за пределами нашей поработанной Родины, которая признает законным это порабощение и имеет молитвенное общение с клеветами богоборцев в лице иерархов советской церкви. Мы не смеем забывать, что **анафема**, провозглашенная Святейшим Патриархом Тихоном 19 января 1918 года на богоборческую коммунистическую власть и подтвержденная затем 28 января того же года всем Священным Собором Российской Православной Церкви, с тех пор никем не была отменена, и до сего времени тяготеет над ней и над всеми, кто ее признает законной и кто так или иначе с нею сотрудничает или поддерживает общение.

Только полное легкомыслие и крайняя безпринципность, да еще лукавое мудрование, коими так отличается нынешний век, позволяют правителям современных государств признавать законной эту подлинно-антихристову власть, а иерархам поместных православных церквей – ездить в Москву, возлагать венки на гробницы вождей воинствующего атеизма и вступать в каноническое и литургическое общение с возглавителями той церкви, которая отдала себя в услужение этой антихристовой власти.

Мы такой «высшей политики» не понимаем и не приемлем, осуждая ее со всею силою нашего внутреннего убеждения, не допускающего таких компромиссов, убеждения, основывающегося на словах св. Апостола Павла: **«Что общего у света со тьмою? какое согласие между Христом и**

Велиаром? или какое соучастие верного с неверным?» (2Кор. 6, 14–15).

Равным образом, не можем мы питать никакого доверия и к тем представителям православной церковной иерархии, которые под благовидным предлогом все того же пресловутого «мира» и «единения» вступают в учреждения и организации, враждебно-настроенные по отношению к истинному христианству – Православию, или хотя бы имеют близкое дружественное общение с ними. Решительно отмечаем мы всякое проявление духа «живоцерковничества» или «обновленчества», в какой бы форме этот зловредный дух ни проявлялся. Не может быть у нас ничего общего ни с «восточным обрядом» ни с «экуменизмом», ни с какими бы то ни было тайными обществами и организациями, сколь бы высокими лозунгами они ни прикрывались. Мы должны знать и помнить, что, по предсказанию целого ряда Свв. Отцев, писавших о последних временах, Антихрист явится в образе величайшего благодетеля и благодетеля человечества, ибо чем же иначе можно привлечь людей на свою сторону?

«Темже изыдите от среды их и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь» (Исаии 52, 11) – вот каким наставлением св. пророка, приводимым во 2 послании св. Апостола Павла к Коринфянам (6, 17) надлежит постоянно руководиться православному христианину, живущему в современном мире, так ярко отмеченном печатью «Отступления». Неусыпно бодрствуя над собою, как бы самому не оказаться увлеченным в этот стремительный поток «Отступления», современный христианин должен крепко держаться той Церкви, которая не запятнала своих риз каким-либо общением со слугами грядущего Антихриста. В настоящее время это – наша Русская Зарубежная Церковь, являющаяся единственной законной преемницей прежней дореволюционной Российской Церкви, хранительницей священных заветов просветителя русского народа св. равноапостольного великого князя Владимира, носительницей и проповедницей высокой идеи Святой Руси. Весьма характерно, что к ней так тянутся все лучшие люди из других поместных православных церквей и

даже из иноверцев, ища в ней найти спасение от века сего лукавого. А потому для нас несомненно, что эта Церковь, несмотря на все нападки, явные и тайные гонения против нея, в том или другом виде, должна и будет существовать – или до восстановления законной Высшей Церковной Власти в освобожденной от ига богоборцев России – или до конца мира сего и второго пришествия Христова.

Но, конечно, одной такой, чисто-формальной принадлежности к истинной Церкви еще недостаточно. Необходимо стараться быть живым, а не мертвым членом Церкви. Для этого нужно «оцерковить» свою личную и семейную жизнь: надо с усердием и неопустительно исполнять все церковные правила и установления, обычаи и традиции, надо всячески хранить наш исконный православный быт, не позволяя себе сливаться с окружающей иноверной средой, поддаваясь ей влиянию.

Прежде всего для сохранения подлинной живой связи с Церковью, необходимо каждому состоять членом какого-либо прихода Русской Зарубежной Церкви, самым добросовестным образом выполняя все свои приходские повинности, усердно и с любовью принося, с своей стороны, посильные духовные и материальные жертвы на благо и процветание своего прихода, чувствуя и сознавая себя действительно живым членом общей церковно-приходской семьи.

Детей своих надо с самого раннего возраста обучать Закону Божию и русскому языку, воспитывая в них правильное религиозное и национальное самосознание в строго-православном русском духе, путем соответствующих бесед с ними дома, и непременно посылая их для прохождения систематического курса Закона Божия, Русского Языка и Русской Истории в церковно-приходские школы там, где они имеются, и стараясь оказывать всяческое содействие открытию и ведению таких школ там, где их нет. Необходимо твердо помнить, что забвение русского языка и разрыв вследствие того с русской культурой, которая основана на св. Православии, неизбежно ведет и к отпадению от Православной веры и Церкви. Одновременно надо тщательно беречь все наше

молодое поколение от того духовного растрепания, которому всюду подвергается теперь молодежь, благодаря морально-нездоровым развлечениям и непристойным безнравственным увеселениям в виде неприличных модных танцев, кино, телевидения и театров. Совершенно недопустимо, в частности, посещение представлений, на которых демонстрируются советские фильмы, всегда в том или ином виде содержащие в себе элемент злостной пропаганды, и так называемых советских «фестивалей»: надо помнить, что посещающие такого рода зрелища не только подвергаются злобному влиянию их, но и грешат тем, что поддерживают своими деньгами безбожную коммунистическую пропаганду во всем мире.

Православные русские люди, желающие быть живыми членами Русской Зарубежной Церкви, верными и преданными чадами ея, должны быть, вместе с тем, и миссионерами ея, борцами за истинную веру Христову, как среди окружающей их иноверной среды, так и среди отпавших или отпадающих от нея русских людей, забывающих свои духовные ценности и святыни, пренебрегающих правилами и установлениями св. Церкви.

Надо крепко стоять за свою веру и ни в чем не поддаваться той растлевающей душу среде, в которой приходится жить и работать. Не Церковь нашу надо «модернизировать» и «реформировать», как этого нередко требуют теперь неразумные русские люди, совершенно не отдающие себе отчета в том, чего они хотят, а самим нужно приспособлять себя и всю жизнь свою стараться принаравливать к церковным правилам, установлениям и традициям.

Сейчас время исповедничества – твердого стояния, если понадобится даже до смерти, за свою Православную веру, подвергающуюся всюду явным и тайным нападкам, притеснениям и угнетениям со стороны слуг грядущего Антихриста. А в нашей св. вере нет ничего малозначительного – все в ней, до каждой кажущейся мелочи, имеет свой смысл, свое значение, свою ценность. А потому ничем пренебрегать не следует и ни в чем нельзя делать никаких уступок или компромиссов. Каждая уступка или компромисс в вопросах

веры и церковных установлений ведет ко все большему и большему расшатыванию вековых устоев нашего св. Православия, постепенному отпадению от него и к переходу в лагерь слуг грядущего Антихриста.

Этого последнего и следует в наш век, исполненный лукавства, обмана и предательства, более всего бояться.

Надо бояться также того, от чего так тщательно предостерегает нас устами Самого Христа-Спасителя Слово Божие: **«Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими и чтобы день тот не постиг вас внезапно»** (Лук. 21, 34). Знает враг человеческого спасения, как падки люди на увлечение материальным благополучием, а потому в настоящее время слуги грядущего Антихриста стараются более всего подействовать именно на эту слабую сторону людей. Всякого рода довольство, роскошь и обилие материальных благ представляют в настоящее время самое большое и опасное искушение, которое они и стараются в своих целях широко использовать. Ведь ничто так не способствует губительной духовной слепоте, как обольщение земными благами, погоня за ними, погружение в них, услаждение ими. Эта духовная слепота мешает распознавать «знамения времен», чему учит нас Сам Христос-Спаситель, мешает давать правильную оценку всему происходящему ныне в мире – она помешает узнать и самого Антихриста, когда он придет. «Человечество, руководствующееся плотским разумом», утверждают свв. отцы: «не только не узнает Антихриста, не увидит в нем коварного врага своего, но напротив, признает его своим благодетелем и провозгласит его своим богом» (еп. Игнатий Брянчанинов).

Вот почему в нынешнее время все, желающие сохранить верность Христу-Спасителю, особенно должны беречь себя от всякого увлечения земными благами, от обольщения ими. Крайне опасно поддаваться всяким стремлениям сделать себе карьеру, создать славное имя, приобрести власть и влияние в обществе, стяжать богатства, окружить себя роскошью и комфортом. Надо бояться и бегать людей, которые предлагают помочь во всем этом, оказать свое содействие. Особенно

опасны большие денежные пожертвования со стороны неизвестных или малоизвестных лиц и организаций, ибо они всегда обязывают и так или иначе связывают. Чего не делает иной раз человек, побуждаемый чувством благодарности к своему благодетелю? – Лучше жить скромно и даже в нужде и тесноте, но лишь бы сохранить свою свободу и независимость от кого бы то ни было, помня изречение св. Апостола: **«Вы куплены дорогою ценою: не делайтесь рабами человеков»** (1Кор. 7, 23).

Страшнее всего в нынешней жизни даже не явное и ожесточенное богоборчество, которое многих от себя отталкивает, а полный религиозный индифферентизм, забвение Бога и равнодушие к вере и Церкви. Слуги Антихриста более всего стараются о том, чтобы совершенно вытеснить Бога из жизни людей, дабы люди, довольные своим материальным благополучием, не чувствовали никакой потребности обращаться к Богу в молитве, не вспоминали Бога, а жили так, как-будто Его вовсе нет. Поэтому весь уклад нынешней жизни в так называемых «свободных» странах, где нет открытого кровавого гонения на веру, где признается за каждым право веровать так, «как он хочет» представляет собою еще большую опасность для души христианина, ибо приковывает его всецело к земле, заставляя забывать о небе. Вся современная «культура», направленная на чисто-земные достижения и связанный с нею бешенный водоворот жизни, держат человека в постоянной суете и рассеянности, при коих нет для него возможности хоть сколько-нибудь углубиться в свою душу, и духовная жизнь в нем постепенно замирает.

Вот почему православный христианин, живущий в этих трудных условиях современной жизни, должен всеми силами бороться за поддержание в себе духовной жизни, а главное средство для этого – неопустительная ежедневная домашняя молитва и обязательное участие в общественной церковной молитве. Несмотря ни на какие препятствия, он должен поставить себе за правило – **непременно молиться дома утром и вечером**, хотя бы кратко, взяв себе за образец хотя бы молитвенное правило преп. Серафима для мирян, и ни в коем

случае не пропускать ни одного воскресного и праздничного богослужения в храме, не только литургию, но и всенощное бдение. С этой точки зрения, совершенно недопустимое явление, широко у нас, к сожалению, распространившееся – устраивать разного рода увеселения и развлечения как раз в кануны воскресных и праздничных дней. Это тоже несомненная уловка слуг грядущего Антихриста для того, чтобы отвлечь православных христиан от такого неопустительного посещения церковных богослужений, которое безусловно необходимо для поддержания в себе духовной жизни.

И никакие оправдания не могут тут быть приняты во внимание. Душа человека дороже всего на свете – она, по словам Христа-Спасителя, ценнее всего этого тленного мира (Матф. 16, 26), а лишенная благодати церковной молитвы она умирает. **«Христианин без церкви, как рыба без воды, не может жить истинною жизнью»**, учил приснопамятный о. Иоанн Кронштадтский: **«Церковь – его стихия»** («Мысли о Церкви» стр. 114).

Нужна правильная духовная жизнь по указаниям Св. Православной Церкви, а для этого необходимо постоянное **руководство Словом Божиим и творениями Св. Отцев**. Губительнее всего распространенная в наше время привычка искать модных учителей и следовать во всем за так называемым «общественным мнением». Все эти модные учителя суть не что иное, как те самые «лжехристы» и «лжепророки», от прельщения которых предостерегал Сам Господь Иисус Христос (Матф. 24, 4–5 и 23–25). А так называемое «общественное мнение», через прессу и иными способами, создают все те же слуги грядущего Антихриста, которые приобрели большую власть и умение действовать на умы и сердца современных людей.

Наконец, что самое важное, надо решительно оставить свойственную большинству современных людей плотскую греховную жизнь, легкомысленную и беспечную, и как можно чаще очищая свою душу искренним покаянием, всей душой стремиться к соединению со Христом в величайшем христианском таинстве Причащения.

Только так живущий православный христианин сможет избежать сетей, хитроумно раскинутых повсюду слугами грядущего Антихриста. Только такой христианин будет в силах бороться за свою душу и за души близких ему людей со все больше и больше надвигающимся на мир царством тьмы, готовым уже охватить все человечество. В этой борьбе опаснее всего нерешительность, колебания и компромиссы. Самый незначительный компромисс может осложнить и сделать эту борьбу более трудной, может оказаться даже губительным.

Это – борьба не на жизнь, а на смерть.

Преступно убаюкивать себя радужными надеждами на какой-то «прогресс» человечества, на какое-то лучшее будущее здесь на земле. Это ведь и есть главное обольщение слуг Антихриста, чтобы отвлечь нас от мыслей о небе. Господь ясно сказал, что не «прогресс» нас ожидает, а все большия и большия скорби и бедствия, вследствие «умножения беззакония» и «оскудения любви», и что, когда Он придет, то едва ли найдет веру на земле (Лук. 18, 8). А слова Господа непреложны, как Он Сам торжественно засвидетельствовал: **«Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут»** (Матф. 24, 35).

О каком же «прогрессе» можно говорить?

Не о мнимом антихристовом прогрессе должен истинный христианин помышлять в наше время, а о том, как бы лучше приготовить себя к сретению Господа, грядущего судить живых и мертвых.

На это есть прямое повеление Господа.

«Бодрствуйте... будьте готовы... (Матф. 24, 42–44) будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака... блажен раб тот, которого господин его пришед найдёт поступающим так» (Лук. 12, 40–43).

И наоборот: горькая участь ожидает того, кто станет убаюкивать себя, говоря: **«Не скоро придет господин мой»** (Лук. 12, 45).

Дух постоянного ожидания Второго Пришествия Христова это есть дух первохристианства, молитвенно взывавшего ко Господу: **«Ей, гряди, Господи Иисусе!»** (Апок. 22, 20). А

противоположный сему дух есть несомненно дух Антихриста, старающийся всячески отвлечь христиан от мысли о Втором Пришествии Христовом и последующем затем воздаянии. Поддающиеся сему духу подвергаются опасности – не узнать Антихриста, когда он придет, и попасть в его сети. Именно это и есть самое страшное в современном мире, исполненном всевозможных обольщений и соблазнов. Слуги Антихриста, как предупредил нас Господь, будут стараться **«прельстить, если возможно, и избранных»** (Матф. 24, 24).

Мысль об этом, однако, отнюдь не должна нас угнетать и подавлять, а наоборот – **«восклонитесь»**, говорит об этом Сам Господь: **«и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше»** (Лук. 21, 28).

Сколь ни злы и страшны слуги грядущего Антихриста, так тщательно подготавливающие ныне его пришествие, сколь ни страшен приход его самого, когда исполнятся назначенные для того сроки, но Господь наш сильнее их всех, и главное для нас это – до конца сохранить верность Господу, Который, как мы хорошо это знаем, **«убьет Антихриста духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего»** (2Солун. 2, 8).

За эту верность свою Господу мы и должны бороться всеми своими силами, хотя бы нам пришлось и жизнь свою отдать за нее. Великая, ни с чем земным несравнимая, награда ожидает нас за это. **«Будь верен до смерти»**, говорит Сам Господь: **«и дам тебе венец жизни»** (Апокалипсис 2, 10).

† Епископ Аверкий.

Проф. Ф. В. Вербицкий († 1971 г.) Религия и наука.

С тех пор как дьявол соблазнил наших прародителей вкусить плоды запретного «древа познания добра и зла», грех этот тяготеет над человечеством.

Наделив человека разумом и свободной волей, Промыслитель мира не возбранил ему исканий в благих целях; не запретил и стремления к познанию истины, т. е. науку. Хотя люди прозвали апостола Фому «неверным», но Иисус Христос не только не прогневался на него за его сомнения, но Сам предложил «вложить перст в раны гвоздильные» и тем благословил изучение с целью утверждения истины.

Разсеянные сомнения, осознанные ошибки, наоборот, укрепляют нас, и это мы видим на примере ап. Фомы, вылившего свою твердую веру в слова: «Господь мой и Бог мой!» – после того, как собственным опытом уверился в воскресении Христа.

И обуявшие Фому сомнения не лишили его милости Божьей и не помешали сохранить за собой на все времена звание Апостола Церкви Христовой.

Не поставил Христос в вину и Нафанаилу его сомнения: «Что может быть доброго из Назарета?».

Напротив, Он и после этого похвально отозвался о Нафанаиле, как об «Израильтянине, в котором нет лукавства».

Много раз: и непосредственно – гласом с неба, – и через ангелов и пророков Господь внушал людям познания Истины, вдохновляя, укрепляя и расширяя этим кругозор своего венца творения.

В притче о талантах Иисус Христос ясно вменил нам в обязанность не только беречь свои силы и способности, но и использовать их в благих целях, умножая тем наши достижения. Этой же притчей Он осудил лень и косность в наших делах.

На примерах щедро одаренных Богом гениев мы воочию зрим осенение Свыше отдельных избранных.

Но не всем дано: слушать «песни небес». Рожденные во грехах, мы на каждом шагу своего земного пути подвергаемся соблазнам со стороны Отца Лжи – Дьявола. Недаром, молитва Господня заканчивается двумя насущными для нашей жизни прошениями: «и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Всякий, кто не машинально, а вдумываясь, произносит эти слова молитвы и отдает себе отчет в своих помыслах и деяниях, не может не сознать, как «опасно ходим» мы по земле; не может не почувствовать, что в нашей душе вечно борются два противоположных начала добра и зла. С утра до вечера мы окружены соблазнами, затемняющими разум, омрачающими мысли, оскверняющими наши чувства; эти соблазны ослабляют нашу волю, и, если мы поддаемся им, кладут свой отпечаток на наши поступки.

Не с «печатью Дара Духа Святого», которую мы получаем при святом крещении, а с клеймом Лукавого протекают дни тех, которые ежечасно и ежеминутно не ведут борьбу с дьявольскими искушениями.

Грехами прародителей в муках рождает детей и в поте лица своего добывает хлеб свой венец творения – человек. Жалкой былинкой, колеблемой ветром; ничтожной песчинкой, попираемой ногами случайных прохожих – проходит он свой короткий жизненный путь, ведя неусыпно борьбу с враждебными живыми и мертвыми силами его окружающими: то в светлом порыве вложенных Свыше высоких чувств вздымается он в Небесная Выси, молитвенно устремляя свой взор к Началу Всех Начал – Богу; то обуреваемый низменными страстями ползает по земле и, ослепляемый соблазнами Лукавого, в дьявольской гордыне тщится объявить себя полновластным царем природы.

Эту раздвоенность человеческой души; эту вечную борьбу Добра и Зла в наших глубинах – мы особенно ярко видим на примере наших гениев Пушкина и Лермонтова, всю жизнь метавшихся в мучительных томлениях духа.

Вспомните навеянные порывом холодного безверия строки А. С. Пушкина:

*«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
И какой судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Цели нет передо мною
Пусто сердце, празден ум
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум».*

Но, когда на эти недостойные верующего человека слова последовал отечески мягкий укор митроп. Филарета:

*«Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана;
Не без Воли Божьей тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своевольной властью
Зло из темных бездн возвал,
Душу сам наполнил страстью,
Ум сомнением возволновал.
Вспомнись мне Забытый мною,
Просияй сквозь сумрак дум,
И сожидутся Тобою
Сердце чисто, светел ум».*

То строфами, полными смирения и покаяния, ответил поэт:

*...«И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт».*

Ту же борьбу тягостных сомнений и глубокой веры, ярко выраженную в благостных словах «Молитвы», мы видим у Лермонтова:

*«В минуту жизни трудную,
Теснится-ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную*

Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых
И дышет непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко.
И верится и плачется,
И так легко, легко...»

Ясным сознанием тленности земного пути по сравнению с созерцанием Небесных Высей дышет и глубокое по мысли стихотворение Лермонтова «Ангел». Помните последние строки?

*...«И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли».*

«Если бы Лермонтов не написал ничего другого, кроме своего глубоко философского стихотворения «Ангел», говорит наш Первосвященник Митрополит Анастасий: «то и тогда он был бы достоин бессмертия».

Многомилостив Господь, и искренним покаянием очищаются грехи и заблуждения прошлого. Немало свидетельств такой неизреченной милости Божьей мы обретаем в Житиях Святых. Из русских гениев поучительной в этом отношении является жизнь Ф. М. Достоевского. Наоборот, глухим остался к голосу Церкви богато одаренный Свисток Л. Н. Толстой и ряд поэтов и писателей предреволюционного времени: Сологуб, Блок, Брюсов, М. Горький, Андрей Белый. Тьмой крошечной веет от творчества советских писателей и поэтов, живущих в условиях застенка, где «Сатана правит свой страшный бал».

Такую же картину шатания мысли и двойственность чувств – мы видим и во всех других проявлениях творчества человеческого ума, в том числе – и в науке: там, где искание истины исходит от чистых побуждений познать окружающий мир; там, где служат науке для науки, где пользуются наукой для блага человека, – там всюду – величайшие умы и глубочайшие мыслители в благоговейном созерцании и в молитвенном

славословии склоняются к Престолу Творца и Промыслителя мира:

«Когда через телескоп я наблюдаю течение небесных светил», говорит бессмертный Ньютон, законы которого и поныне служат основой всех основ, «мои колени склоняются, дабы возвеличить могущество Бога, бросившего в пространство все эти чудеса».

И в зените своей земной славы, в ответ на хвалебные гимны его гению, Ньютон считает себя лишь любознательным мальчиком, собирающим на берегу безбрежного океана выброшенные на берег ракушки: «вскрывая их, я вижу только ничтожнейшие части этих песчинок, в то время, как бездонные глубины попрежнему остаются непостижимыми».

«О, как счастлив тот, кому дано через эту науку возвышаться до небес!» – восклицает славный астроном Кеплер: «там видит он превыше всего творчество Божье!... Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты удостоил меня этой величайшей радости: изучать творение Твое... О, как велик наш Бог! Да воспевает непрестанно душа моя славу Его!»

Так же восторженно славословит Господа знаменитый Коперник, наблюдавший движение небесных светил:

«Ибо кто может взирать на дивный порядок Вселенной, управляемой Богом, без порыва к созерцанию превыше всего Самого Творца!»

Как видите, раскрывая глубины мироздания, наука не только не противоречит признанию Бога и Творца Вселенной, а, наоборот, еще крепче утверждает в Нем, приближая нас к Божественным Тайнам.

Наиболее счастливыми в этом отношении являются астрономы, взоры которых устремлены к небу с его безграничным миром грандиозных чудес: но к такому же сознанию приходят и все величайшие умы, посвятившие себя изучению наук, проникающих в сокровенные тайны мироздания: физики, химии, естествознания, философии, механики. Знаменитые Гумбольд, Фуко, Вольт, Ампер, Фраунгофер, Ломоносов, Планк, Маркони, Менделеев, Джинс, Эдингтон, С. Л. Франк, И. А. Ильин и много, много других – все творили свои

великие дела во славу Божию и с признанием ничтожества сил человеческих.

Счастливы сказать, что, если немеет язык астрономов при созерцании грандиозных чудес Божьих в небесных высях, то стынет мозг копошащихся над изучением ничтожной песчинки-человека медиков, по мере углубления в тайны жизни.

Каких только чудес не наблюдаем мы в этом незатейливом на вид и небольшом по размерам телесном сосуде: бесконечно сложные, с непостижимым человеческому уму мудрым устройством, органы – «миниатюрные фабрики», перерабатывающие «сырье», планомерно поступающее из внешнего мира, и претворяющая его в необходимые для жизни продукты; безчисленные и многообразные «микроскопические лаборатории», изготавливающие: питательные, живительные, тормозящие, регулирующие, лекарственные, предохранительные вещества; мощные, не знающие отдыха моторы с волшебными проводами; совершеннейшие «радиостанции», «телефоны» и «телеграфы», координирующие работу всех этих безчисленных частей одного целого; без отказа работающий «транспорт» по изумительным по своему строению путям; без задоринки функционирующие тормоза, предохранители, усиливающие и ослабляющие аппараты, и обслуживающие их миллиарды самых разнообразных мельчайших живых существ – «клеточки нашего тела» – каждая из которых неуспно и неустанно несет свою службу на своем месте на общее благо всего организма: всегда готовая кинуться на защиту в любом пункте нападения «армия», «санитары», «питательные отряды», «асенизация» – и все это – без усталости и без перебоев; без всякой награды и забастовок; днем и ночью; во всякую погоду и при всех условиях; в полной гармонии, под бдительным оком не дремлющего контроля и под единой властью «царя в голове» без парламентов и без оппозиций.

Все это – до тех пор, пока жалкий червячок сам, по своему неразумию, не нарушит гармонию жизни, не изуродует грехами своими драгоценный аппарат и не растратит данные ему сокровища; все это – пока Господу Богу угодно терпеть грехи наши и не отнять от брэнного тела то, что одушевляет жизнь.

Недаром, если исключить врачей-недотепов, не пожелавших постигнуть все премудости своей науки, и потому не узревших величия Бога там, где – оно воочию зримо; если исключить скользящих по жизни в земных суетах «тепло-холодных» врачей-обывателей, присущих и всем другим граням науки, то огромное большинство мыслящих врачей твердо исповедуют веру в Бога, а те, которых Господь Бог наделил сверх меры своими дарами, подобно созерцающим небесная красоты астрономам, в глубоком благоговении склоняются перед Престолом Всевышнего:

Проникший своим гением в неведомый до того мир микробов великий Пастер в ореоле своей славы говорит: «пока я изучал свою науку, я верил в Бога, как бретонский крестьянин (самые религиозные люди в атеистической Франции). Теперь, когда передо мной открылись чудеса неведомого мира, я верю, как бретонская крестьянка» (т. е. безпредельно).

Давший человечеству неисчерпаемую сокровищницу благ, Флеминг, на посвященном ему торжественном собрании по поводу открытия им пенициллина, в ответ на восхваление его заслуг сказал: «я ничего не открыл. Я только опознал то, что Господь Бог дал на потребу человеку. Вся честь и слава принадлежит Ему, а не мне».

Недаром, в нашем врачебном обиходе широко употребляется слово «наитие», которое нередко играет бóльшую роль, чем данные, основанные на знании науки.

Основатели русской медицины Н. И. Пирогов и С. П. Боткин, гордость нашей науки И. П. Павлов, широко известные И. С. Сикорский и В. И. Разумовский и другие отмеченные Богом врачи – все были глубоко верующие. Проф. Московского Университета Ф. И. Синицын окончил земной путь в храме коленопреклоненным на молитве. Мой коллега по Киевскому университету проф. Ф. Г. Яновский, широко известный на юге России, свой трудовой день начинал с молитвы в храме.

И не одни – русские. Я имел счастье лично видеть, как один из лучших хирургов Германии проф. Макс Лебше, спасший мне жизнь своим искусством, перед каждой тяжелой операцией

молился в церкви, занимавшей отдельный этаж в его санатории, и после операции молитвой благодарил Господа.

Широко известный рассказ, рисующий тупость безверия, связан с именем И. П. Павлова, по требованию которого в апогее его славы (получения Нобелевской премии) атеистами-большевиками была выстроена возле заведываемого им института церковь (одна единственная со времен революции): выйдя однажды после богослужения из храма, знаменитый ученый сел в парке на скамеечку, чтобы в душевной тиши предаться своим размышлениям. К нему подходит молодой красноармеец из приставленных следить за посещающими храм и, потрепав Павлова по плечу, с иронической улыбкой спрашивает: «Что, дед? В церкви был?» – Да, был. – «Что же ты там делал?» – Богу молился, чтобы помог мне в делах моих.

Сокрушенно покачав головой, со словами: «Эх темнота, темнота!» парень отходит в сторону.

Конечно, не приходится удивляться, а только скорбеть за этих ограниченных простаков, но тяжкий грех берут на душу свою соблазняющие «малых сих» и радуется сердце дьявола, что не по дням, а по часам растет число их, и не устает он споспешествовать растлевающим души человеческия. Все чаще, все настойчивее слышатся предостерегающие голоса блюдущих Правду Божию о приближении «сроков».

Одуряющие пары атеизма коснулись и науки: та же неустойчивость рода человеческого, которую мы наблюдаем в жизни и в литературе, отражается и в ней.

Тепло-холодным к вере становятся те, которые отдаются науке постольку, поскольку она служит их «Мамоне»: среди суетных наслаждений они не имеют ни времени, ни желания углубляться в корни ея, и, если заходят иногда в церковь «лоб перекрестить», то это делают лишь для того, чтобы на всякий случай застраховаться и там, иногда даже без особой веры в эту страховку.

Есть и такие, которые, отдавшись науке с увлечением и схватив вершки ея, обуянные гордыней, преисполняются веры в то, что нет предела человеческим знаниям. Если для них и остаются еще вопросы не вполне решенные, то они не

сомневаются, что и они будут решены «завтра». Великий Сократ, изрекший великую истину: «Я знаю, что я ничего не знаю!» – в их представлений – не мудрейший философ, а праздный неуч. Повторяя, как попугаи, заученное, эти безумцы во всем ищут материальный субстрат, доступный их обезьяньему пониманию, который они называют «здравым смыслом», отрицая все, что лежит вне пределов их знаний. Замкнувшись в своем ограниченном кругозоре, эти узколобые упрямы не в состоянии усвоить таких простых истин, как «духовная природа человека – такая же реальность, как материя и ее законы» (Метальников).

Эти слепцы никак не могут понять и то, что «религия не только не противоречит науке, не только совместима с последней, но и родственна ей и проистекает из одного общего духа с ней; и этот дух, в свою очередь, не только не противоречит так называемому «здравому смыслу» т. е. (в их понятии) здоровому и практически плодотворному отношению к жизни, но, при внимательном отношении к делу, обнаруживается, как единственное условие подлинного и здорового отношения к жизни, спасающее человека от всяческой ограниченности и слабости, от обывательского скудоумия и рабского безсилия» (С. Л. Франк).

Даже вольнодумец Вольтер на склоне своих лет пришел к заключению, что «от Бога отступают только те, кто только наполовину постиг науку. Те, кто углубился, познал ее полностью, – неминуемо приходят к Богу».

Следуя ему, и наш вольнодумец времен Екатерины – Новиков в дни своего просветления признал, что «все науки сходятся в религии, и лишь в ней разрешаются их важнейшие проблемы».

Проводя параллель между верующими в Бога и признающими только «материю», Франк пишет:

«Одни верят, что мир существует не сам собой, а укоренен в чем-то Высшем и Абсолютном, что Разум и Добро суть не выдумки, а лучи доходящие до нас из Абсолютного Первоисточника – Бытия, и что человек с его мечтами и надеждами имеет право не чувствовать себя одиноким и

покинутым в хаосе мертвых сил природы. Другие, напротив, ВЕРЯТ, что этот хаос есть единственная реальность, что в мире нет ничего, кроме бессмысленного столкновения слепых частиц материи; что человек не только всецело ее порождение и часть, и что все его мечты, его жажда счастья, его любовь к добру и отвращение к злу, его искание разума и истины суть лишь жалкая иллюзия, обманчивые искорки, по слепым законам природы загорающиеся и потухающие в тех комплексах атомов, которые называются «человеческим мозгом».

Кто это раз сознал до конца с полной серьезностью и умственной ответственностью, тот знает, что ему приходится выбирать не между религией и наукой, а только между верой в Бога, добро и разум и в е р о й – же в то, что Достоевский называл «дьявольским водевилем».

И тот, кто это сознал, понимает также, как непроходимо глупо, на каком *почти идиотическом недомыслии* основано ходячее убеждение, что человек, отвергнув религию, с помощью разумного научного знания и своего свободного стремления к совершенству утвердит на земле всеобщее счастье, разумный и справедливый порядок и станет вообще хозяином своей собственной жизни.

Кто это сделает? Маленький жалкий камочек мировой грязи, ничем принципиально не отличающийся от всего остального мира. Победит и приведет в порядок чудовищные космические силы всей мировой грязи? и что это все вообще значит для мировой грязи и пыли: «справедливый» и «разумный» порядок? Она есть такова, как она есть; она от века крутится, частицы ее слипаются и разлипаются. И те ее комочки, которые называются людьми, от века дерутся между собой, пожирают друг друга, в положенный срокдохнут и разлагаются, слипаясь с остальной грязью и пылью, и «дьявол в водевиле» либо не имеет конца, как не имеет начала, либо кончится, когда вихрь грязи и пыли уляжется сам собой в мировой неподвижности...» (С. Л. Франк «Религия и Наука» 1953, Брюссель).

Какой чудовищной иронией звучит брошенная в бесовском ослеплении недоучкой-Горьким фраза: «Человек – это звучит гордо, человек – это все!»

И это «все» – в дьявольской гордыне собирается теперь лететь в небесные просторы, мечтая и там навести свои порядки, а для обеспечения себе при помощи придуманных машин праздной жизни в довольстве и комфорте, это «все» надумало сотворить себе подобие в виде «робота».

Чурбан может родить только чурбан, а ежели этому «всему» и удастся добраться до ближайшей «песчинки» – Марса или Луны, – то едва-ли им поздоровится, и это нисколько не приблизит человечество к духовному обновлению, без чего не мыслимы «и на земли мир и в человецех благоволение».

Жалкий червяк, наделенный по милости Божией разумом и волей, вместо того чтобы, проходя по заповедям Божиим, в смирении и добродетели, свой короткий земной путь, мнит проникнуть во все тайны мироздания, построить свой мир и стать «паче создавшего его Творца»! Обуянные бесовской гордыней люди становятся слугами сатаны, подготавливая пути для пришествия Антихриста.

Не замечая в дьявольском ослеплении, что, созидая одной рукой, другой – он сам несет разрушение, и что, чем дальше, тем разрушительные силы выступают все сильнее и сильнее, – «звучащий гордо» слепец не видит, что под угрозой этих чудовищных оружий он все больше и больше теряет почву под ногами, и что жизнь человеческая, проносясь в духовной пустоте и в постоянном страхе даже за завтрашний день, все больше и больше теряет свой смысл и значение.

Если родители приходят в волнение, когда видят спички в руках неразумных детей, то как можно оставаться спокойным за судьбы мира, когда в руках одурманенных дьяволом находятся «адские машины», способные взорвать всю Вселенную?!

Ведь нашелся же безумец Герострат, который только для того, чтобы войти в историю, сжег дивный храм Афины-Паллады. Не остановился Нерон пред тем, чтобы зажечь свою столицу – Рим для своей безумной прихоти – любоваться пожаром.

Что удержит не исповедующих Бога и не знающих жалости извергов от того, чтобы в бешеном порыве жажды власти, взорвать весь мир и погубить все живущее на нашей планете.

«Пути Господни неисповедимы» и тысяча лет у Него, как один день, и один день, как тысяча лет. Доколе будет простираться долготерпение Господне по отношению к благодетельствованному Им всеми благами творению, на потребу которому даны пища, воздух, вода, и которому служит вся природа: день для благодетельного труда; ночь – для целительных отдыха и сна; смена времен – для обновления природы. Доколе Господь будет терпеть тяжкие грехи наши – знать нам не дано, но немало есть грозных признаков близящегося гнева Господня.

Вместо того, чтобы, согласно воле Господней, пользоваться предоставленными ему благами, подготавливая себя для жизни вечной, обуянный гордыней человек, подобно Деннице мнит стать равным Творцу и тщится сам управлять миром, протягивая жадную руку свою уже к высям небесным.

Но милостив и долготерпелив Господь. Не до конца прогневается: спас Он Ноя с семейством во Всемирном Потопе; вывел Лота из обреченных на гибель Содомы и Гоморры; пощадил нечестивую Ниневию ради немногих малых сих.

Наряду с разгулом злых сил в наши дни, мы видим и благоприятные знаки: овладевая телом русского народа дьявольская власть, не смогла угасить духа его. Об этом свидетельствует сонм священномучеников за веру Христову и скрытая в недрах народа истинная Церковь, несмотря на все гонения продолжающая окормлять верных чад своих. Об этом свидетельствуют наполненные верующими храмы наши, где сливаются в своих молитвах и те, которые пользовались свободой в изгнании, и те, которые жили под пятой дьявола.

Среди людей, возносящих свои молитвы, мы видим теперь немало – гораздо больше, чем в дни свободного исповедания Святой Веры до революции, – людей, причастных к науке, «в двенадцатом часу» – во дни тяжких испытаний внявших зову Господню: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные».

Страдания приблизили их к Богу, и этот путь непосредственного общения в молитве – ясный, простой и самый короткий: путь благоразумного разбойника на кресте;

путь простых пастухов, пришедших поклониться Младенцу Иисусу.

Другой путь, путь изучения и постепенного приближения к признанию Творца и Промыслителя – путь науки. Если религия является Высшим Откровением человеку, то наука служит целям низшего откровения: как вы видите из приведенных примеров, путем ея мы также приходим к познанию Бога и к твердому исповеданию веры.

Но это – путь сложный, длинный и опасный, ибо на этом пути нам приходится преодолевать немало соблазнов и искушений.

Эти опасности красочно представлены Н. В. Гоголем в его «Переписке с Друзьями»: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избрало человечество, стремясь достигнуть Вечной Истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги; всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями. Но мимо него в глухой темноте текли люди, и, сколько раз уже наведенные нисходящим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону; умели среди бела дня попасть вновь в непроходимая захоластья; умели напустить слепой туман друг другу в очи; влачась вслед за болотными огнями, умели таки добраться до пропасти, чтобы с ужасом потом спросить друг друга: где выход? где дорога?»...

Вдумайтесь в этот бисер слов, и вы поймете, что этот путь доступен только умудренным опытом Волхвам, которые «звездю учахуся» пришли поклониться Спасителю мира; Благообразному Иосифу и мудрому Никодиму, в непосредственных беседах почерпнувшим глубокую веру, и отмеченным искрой Божьей гениям, пред которыми в часы вдохновения отверзаются небеса и приоткрываются скрытые в глубинах Божественных Тайны.

Этот путь красочно представлен Пушкиным в его творении «Пророк». По избранию Всевышнего и по гласу Его: «Возстань, пророк, и виждь и внемли!» созерцали небесные выси Ньютон,

Кеплер и Коперник; творили свои вдохновенные произведения Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и все те, кому дано, оторвавшись от сует земли, слушать «дивные песни небес». Это – путь избранных; удел тех, кому много дано.

Но это дается лишь тем, кто «духовной жаждою томим», и кому, по милости Божьей, «шестокрылый Серафим» открывает духовные очи:

*«Перстами легкими, как сон
Моих очей коснулся он;
Отверзлись вещия зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он
И их наполнил шум и звон;
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык
И празднословный и лукавый,
И жало мудрое змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь разсек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И уголь пылающий огнем
Во грудь отверстую водвинул».*

Для нас – обычных смертных – широко открыт Божьей милостью только первый путь: путь восприятия Бога в горячей молитве.

«Ты поверил, потому что увидел Меня», сказал Христос ищущему доказательств воскресения Спасителя Фоме: «блаженны не видевшие и уверовавшие» (От Иоанна гл. 20, 29).

Будем же помнить дивное песнопение, которое мы слышим на Богослужениях: «Бога человеком невозможно видети. На Негоже не смеют чины ангельские взирати», и в благоговении и страхе Божьем склонимся перед Его Святой Волей. Через

земную жизнь Спасителя мира и Его Крест придем к познанию Бога и Промыслителя Вселенной.

«Путь жизни – один», говорит Гоголь: «и вечное чаяние человека в том, что все мы, рано или поздно, сойдемся на этом пути; все мы сойдемся на одной дороге. Дорога эта слишком ясно положена в основание нашей жизни; слишком широка и заметна для того, чтобы не попасть на нее.

В конце дороги этой – Бог. А Бог есть весь Истина, а Истина тем и глубока, что она всем одинаково понятна – и мудрейшему, и младенцу.»

Проф. Ф. В. Вербицкий.

И. А. Ильин († 1954 г.) О демонизме и сатанизме.

Я никогда не забуду этого впечатления. Сильно затянувшийся и утомительный съезд криминалистов, прибывших со всех сторон света, шел к концу. Мы сидели после ужина у нашего председателя, который своими умными глазами и мудро-седой головой привлекал всеобщее сочувствие. Непринужденные разговоры скрещивались и перебивали друг друга. И ворвались чьи-то слова, сказанные тоном искренней убежденности: «Но среди них попадаются люди, действительно одержимые сатанинским началом». И тотчас же все заинтересовались и обратились туда, откуда прозвучали эти слова: тема была жгучая, ответственная и трудная, и всем хотелось услышать о ней еще и еще, и никому не хотелось высказываться о сомнительном и непроверенном...

Слова эти были произнесены немолодым человеком, с тонкими и несколько утомленными чертами лица, с сильной проседью в волосах и большими, голубыми глазами, пристальный и спокойный взгляд которых тотчас же вызвал у всех полное доверие. И вот посыпались вопросы: что такое «сатанинское начало?» как распознать сатанинского человека? и позволительно ли вообще в наш просвещенный век говорить о демонизме и сатанизме? Ученый улей взволновался и приготовился не то критически слушать, не то критиковать, не выслушавши... Интерес становился все острее, пришлось нашему председателю вмешаться и просить коллегу поделиться с нами своими наблюдениями и мыслями в непринужденной форме. И вот он рассказал нам следующее.

«Я психиатр по профессии, родом из России и работаю давно уже с дефективными обитателями тюрем. Я изучил их в Англии, в Испании и в Германии. Я беседую с ними так, как если бы я не принадлежал к тюремному начальству, а приходил к ним как вольный гость и светский духовник. Я много наблюдал и немало пережил в этих беседах и мне не раз удавалось заглянуть в ожесточенные и действительно темные души. Среди

этих людей есть множество несчастных, страдающих, внутренне раздвоенных душ, полусхизофреников, которым иногда удается помочь. Но есть и *цельные* натуры, без всякого раздвоения, которые просто *наслаждаются злом* и которые лишь постольку «несчастливы» и «страдают», поскольку им мешают злодействовать. Это так сказать «тотальные преступники», которых мы беспомощно наблюдаем и с которыми мы решительно не знаем что начать. Их-то я имею в виду, когда говорю о сатанинском начале в человеческой душе; и должен добавить, что в нашу историческую эпоху этот тип людей приобрел особенное, роковое значение потому, что эти люди заболели политическим честолюбием и властолюбием и повсюду ломаются к власти...

Я не хочу касаться богословских проблем и буду говорить только о том, чему меня научил жизненный опыт. Я знаю что мы живем в век «просвещения» и что люди этого века не признают существования личного дьявола. Это человеко-образное существо, известное нам по плохим картинкам, с копытами, рогами и хвостом – исчезло для нас. По слову Гете – от дьявола мы освободились, но злое начало осталось. И когда дьявол исчез из протестантских исповеданий, то им занялись с особенным вниманием – искусство и философия. Нам остался как бы его «плащ», и вот девятнадцатый век начал рядиться в этот плащ. Людям захотелось узнать о дьяволе побольше, как можно больше; захотелось поглядеть на него, вообразить себе его вид, узнать его мысли и желания. Стали художественно изображать его и это не удавалось, или удавалось плохо. Возник только ряд *демонических образов*. Люди не знали, что *сатана не имеет художественного образа, что он не поддается оформлению*, ибо он есть отрицание закона формы и искусства. Люди не знали, что человеческое *воображение* *безсильно изобразить его*.

И вот девятнадцатый век создал *демонию*. Возник демонизм сомнения, отрицания, разочарования, горечи, эгоизма, гордыни, презрения и даже скуки. И все это дышало дерзновением и вызовом; почти все это доводилось до кощунства. Герои лорда Байрона имели явно демоническую

природу. Мефистофель у Гете, также как и у Франца Листа – не более, чем демон. Демоническое начало появляется в «Разбойниках» Шиллера, в «Петре Шлемиле» у Шамиссо, там и сям у Э. Т. А. Гофмана. А нигилист Макс Штирнер прямо говорит языком самодовольного демонизма... Весь германо-романский романтизм постоянно занят демонизмом и люциферианством: и больше всех Виктор Гюго, а за ним Жерар Де Нерваль, Теофиль Готье, Альфред де Виньи, Барбей д'Оревилюи, Беранже, Бодлэр, Верлен, Римбо, Гюисманс, Бальзак, Мэриме, Мишелэ – а в музыке Лист, Гуно, Мейербер, Берлиоз... Одни боятся и со страху фантазируют; другие выдумывают, чтобы напугать. Связывают сатану с ведьмами, с шабашем, со смертью, со всемогуществом, с ночью. Изображают его как умницу, как светящего просветителя, как забавника, как волокиту, как добряка, как революционера, как подлежащего искуплению, как двигателя прогресса, как существо требующее сочувствия и сострадания, как вестника свободы и разума, как благородного «протестанта»... Перебирают все возможные облики и комбинации, чтобы убедить себя в его «безвредности», «невинности», силе и *привлекательности*... – не понимая, куда это все ведет и чем это закончится... И не замечают, что все это становится проповедью *человеческого самообожествления* и оправданием, т. е. разнузданием *человеческой порочности*.

К этой прозяавшей пропасти подошел Фридрих Ницше со своим большим писательским талантом и с больной, извращенной душой. Он пленился демонически-дьявольской бездною и возвеличил ее. Его последние произведения – «Воля к власти», «Антихрист» и «Се Человек» – содержат прямую и откровенную проповедь зла и выговаривают сатанинские формулы.

Всю совокупность религиозных предметов – Бога, душу, добродетель потусторонний мир, истину, вечную жизнь и соответствующие им запреты и осуждения, – Ницше обозначает как «грудю лжи, рожденной из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными». «Христианское понятие Бога» есть для него «одно из растленнейших понятий, созданных на земле». Все Христианство есть в его глазах лишь

«грубая басня о чудотворце и спасителе», а христиане – это «партия забракованных ничтожеств и идиотов».

То, что он превозносит – это «цинизм», *безстыдство*; это есть «высшее, что может быть на земле». Он прямо призывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнуздать. Он требует «дикого человека», «злого человека», «с веселым брюхом!»... Его пленяет все «жестокое, неприкрыто-звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь»... Все, что создает в жизни братство людей, – идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т. д.» – должно быть вообще «изъято из существования». «Вперед же», восклицает он, все «богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, – все отвергнутые слои общества!...»

И нет для него бóльшей радости, как видеть «*уничтожение лучших людей и следить за тем, как они шаг за шагом идут к гибели*»... «Я знаю мой жребий», пишет он: «однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотоле верили, чего требовали, что свято чтили. Я не человек, я – динамит!»...

Так, оправдание зла нашло свои *сущедьявольския*, теоретические формулы; и оставалось только ждать их осуществления. А мы читали все это – и не понимали, не видели, куда это ведет. *Искусство* возвеличило демонизм; *нашелся* философ, который выговорил затаенную идею сатаны: *губить лучших людей и наслаждаться зрелищем их гибели*. Религия «просвещения» разуверилась в дьяволе; искусство стало браться, воспевать его; жизнь отозвалась на все это – явлениями сущего сатанизма. Ницше нашел своих читателей и почитателей, даже в среде пасторов, объявивших его «великим освободителем»; другие приняли его доктрину, отвергли различие добра и зла, сочетали ее с доктриной Карла Маркса

и принялись за осуществление этой страшной идеи 36 лет тому назад.

Мои наблюдения привели меня к выводу, что «демонический человек» совсем не есть самое страшное в жизни. Надо различать между «демонизмом» и «сатанизмом». Демонизм есть дело человеческое; *сатанизм* есть дело *духовной бездны*. Демонический человек предается соблазну; одержимый любопытством, он играет в добро и зло, смешивая их и меняя их наименования; в худшем случае он предается своим дурным страстям и может еще одуматься, покаяться и обратиться. Но человек, в которого по слову Евангелия «*вошел сатана*», одержим чуждой, потусторонней, внечеловеческой силой и становится сам человеко-образным дьяволом. Демонизм есть преходящее духовное помрачение; его формула – «жизнь без Бога», «протест против Божественного», «независимость человеческого произволения»... *Сатанизм* есть полный и окончательный мрак духа; его формула – «низвержение Бога», «попрание всего священного», угашение всех божественных лучей», «унижение и погубление праведников». В демоническом человеке бунтует неукротенный и необлагороженный инстинкт, не оживляемый замолкшим сердцем и поддерживаемый холодным разсудком. Человек, одержимый *сатанинским* началом, действует подобно чужому орудию: он как бы служит злу, зависти, злобе, ненависти, мести, и в то же время *наслаждается своим отвратительным служением*.

Можно было бы сказать, что демонический человек заигрывает с сатаной; играя, он, «облекается в него», вчувствуется в него, рисуется его чертами; он тяготеет к сатане: испытывая, наслаждаясь, предчувствуя ужас и изображая его, он вступает с ним (по народному поверию) в договоры и, сам не замечая того, становится его удобным «жилищем»... Сатанинский человек утрачивает себя и становится земным инструментом дьявольской воли. Кто не видел таких людей, или, видя, не узнал их, тот не знает подлинного, первоначально-исконного и завершенного зла и не имеет верного представления о сатанинской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасами, таинственными проявлениями этой стихии, и доселе не решаются выговорить свой опыт в метких и точных словах, и не знают, что начать. Здесь мы встречаем нечто чудовищное, что нельзя изобразить в осязательных, строгих формах и о чем легче говорить в символических намеках: можно было бы описать эту стихию, как «черный огонь»; или определить ее как вековую, неутолимую зависть, как неисцельную ненависть, как дерзающую свирепость, как агрессивную, воинственную пошлость, как вызывающе-безстыдную ложь, как абсолютное властолюбие, как презрение к любви и добру, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от унижения и погубления лучших людей, как *антихристианство*. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность и влечение к ней, в нем гаснут любовь, доброта, честь и совесть; он предается сознательно порочности, противоестественным влечениям и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекомучительством. Но и этого мало: он полон ненавистью к людям духа, любви и совести, и не успокаивается до тех пор, пока не поставит их на колени, пока не поставит их в положение предателей и не сделает их своими покорными рабами.

Вот этот черный смерч идет сейчас над миром. *Игра в демонизм идет к концу; началось трагическое осуществление сатанизма*. Подготавливавшееся в искусстве вошло в души и стало реализоваться людьми сатанинского нрава и дьявольской политики. И всюду – лучшие гибнут, а худшие всплывают на поверхность, распоряжаются и губят. Но смысл этого процесса, его глубину и духовную значительность улавливают все еще немногие. Большинство или не верит событиям, развертывающимся уже в течение 36 лет, или соблазняется призывами и лозунгами дьяволоподобных людей, или же *втайне сочувствует и незаметно помогает совершающемуся*. И доселе мы находим в литературе – то в журналах, то в книгах – сочувствие, выражаемое демонизму и сатанизму. Вот появилась книга – «Апология зла» (т. е. оправдание порока); вот статья «Побеседуем о дьяволе»; вот еще статья «В защиту сатаны»...

А вот реформатский богослов-профессор доказывает в популярной газете, что имя «Мефистофель» искажено, его надо читать иначе «Мегистофель», что означает «самый полезный» и т. д. и т. под.

Это стихия проявляется в людях однородно: слабеет и исчезает духовность, начинается разложение, разнуздание, разрушение; всюду обнаруживается осознавшая себя порочность, половая извращенность, предательство среди чиновников, ученых и *духовенства*, упоенное человеко-мучительство, и необузданное властолюбие – то слева, то справа.

Личное переживание этой сатанинской стихии вызывает в здоровой душе ужас и отвращение, которое могут перейти в настоящее телесное заболевание: симпатическая нервная система, имеющая свои нити и концы во всем организме, заболевает *спазмами*, которые ведут сначала к нервной «дурноте», потом к функциональной дизритмии во всем организме (сердце! желудок! мозг! кровообращение!) и могут закончиться душевным заболеванием, самоубийством или прямою смертью.

Мы все должны научиться узнавать таких людей по наружности, не дожидаясь их деяний. Их можно узнать по острым, злобным, фальшиво-шныряющим глазам, по ненавистой, презрительной кощунственной улыбке, по резкому голосу, по напыщенным, хвастливым, угрожающим, лживым словам, и по лукавым предательским делам. Русские люди давно уже имели возможность изучить их; они обязаны знать, *кто* они и *откуда*; и все-таки они то и дело ошибаются, верят провокаторам, возвеличивают безстыдников, торопятся прицепить свой челн к корме «большого», хотя бы и проклятого корабля. А люди западных стран доселе не понимают этого явления, не хотят понять его и берутся за ум слишком поздно...

Вот людей такого извращения, такого строя я не раз встречал в тюрьмах разных стран и всегда с ужасом думал о том, что они будут делать, когда захватят политическую власть. О них-то я и сказал, что они одержимы сатанинским началом»...

Весь этот импровизированный доклад, изложенный в тоне спокойного, по истине трагического созерцания, был неожидан и мы все чувствовали себя потрясенными. Все молчали. У всех было чувство свалившегося бремени, опасности, жути, тем более, что сам докладчик внушал полное доверие к себе. Через несколько минут все вдруг и сразу заговорили и конечно разошлись в своих мнениях. Но отвергать сообщенные данные никто и не думал.

Проф. И. А Ильин.

И. А. Ильин († 1954 г.) О советской Церкви.

«Егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи» (Иоанна 8, 44).

I.

Россия нуждается сейчас больше всего в **правде** и в **свободе**.

И к свободе она придет только через правду. Пока будем лгать, будем рабами, ложью свидетельствуя о своем рабстве и закрепляя его. Вот почему наши исповедники и мученики последних десятилетий вели нас к свободе, а лицемеры и лжецы наших дней ведут нас в рабство.

Мы не выйдем из этой окаянной смуты, пока не отделим честно и четко правду от лжи и не начнем стойко и мужественно выговаривать правду. Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как нас утопили во лжи и продолжают нас унижать ложью, страхами и насилием. А ныне им удалось заразить многих из нас этой ложью; и скорбно видеть, как честные начали верить ей и повторять ее...

С самого начала большевической революции было ясно, что Православная Церковь есть духовный организм, противостоящий этому, неслыханному в истории начинанию, со своей стороны неприемлемый для него и потому обрекаемый им на истребление. Ясно было, что, пока дух Православной Церкви жив в русском человеке, – дух безбожного коммунизма **не овладеет** душою русского человека, **не поведет Россию, не станет русским духом...** А между тем – именно это-то и было необходимо большевикам, ибо программа их для России всегда была одна и та же: **«Россия есть орудие мировой революции; русский народ должен сам заразиться ею до конца, чтобы заразить ею все остальные народы, а там – пусть погибнет или растворится в мировом всесмешении...»** Большевицкая революция **никогда не была русским делом**, да и не выдавала себя за таковое. Она всегда была мировой затеей, начатой **интернациональным** сбродом людей во имя **не русских и враждебных России целей**.

И вот, чтобы провести эту чудовищную затею, большевики должны были внушить русским массам – последовательное безбожие и противобожие, пафос интернационализма,

готовность к кровавой резне в мировом масштабе и веру в тоталитарный коммунизм. Это было с самого начала – замысел мировой тирании, замысел антихристианский, безсовестный и безчестный. Это был план – разжечь во всех народах зависть и ненависть, разнуздать их и поработить, при помощи монополии работодателя и систематического террора. И ныне этот план отнюдь не оставлен: он жив и действен больше, чем когда-либо. И те, кто говорят, будто он «отвергнут и забыт», – лгут и тем самым служат его осуществлению, сознательно или бессознательно...

Россия необходима большевикам для его осуществления, как плацдарм, как главное орудие, – государственное, дипломатическое, хозяйственно-финансовое и военное. Мало того: им необходима душа русского народа, его вера, его жертвенность, его живой пафос, его талантливость, вся его культура, все его естественные богатства, вся его территория, его имя, его язык, самое его существование...

И все это выяснилось с самого начала. А теперь все это стало ясно и многим иностранцам. Вообще после прошедших тридцати лет этого нет надобности доказывать. Это уже доказано фактами, цифрами, речами самих большевиков и их лозунгами. И еще мученичеством миллионов лучших русских людей. Это есть историческая истина, неопровержимая и окончательная. Но горе тем, кто ее забудет или станет ее отрицать...

Теперь спросим: мог ли живой дух Православной Церкви принять это? – Конечно нет. – Могла ли Православная Церковь, духом своим создавшая и воспитывавшая Россию, провести искусственную и фальшивую грань между «церковной» сферой и «политической», и предаться двусмысленному и предательскому «невмешательству»? – Конечно нет. – Она этого и не сделала. А если бы она попыталась сделать это, то немедленно начавшееся беспощадное наступление большевиков на нее прекратило бы эту попытку. Так и было в действительности.

II.

Тоталитарный коммунизм с самого начала не доверял так называемым «нейтральным», хотя и соглашался пользоваться ими в первые годы. Его основное правило гласило: «кто не с нами и не за нас, тот наш враг и подлежит истреблению». Прошли первые годы – и все, все, все были потянуты к ответу. Рабочие, крестьяне, ученые, инженеры, адвокаты, чиновники, духовенство, ремесленники и уголовные, – все должны были говорить: или «да, я с вами», или же «нет, я против вас»; и не то чтобы «сказать» один раз, а говорить, повторять и **подтверждать это все новыми и новыми поступками**, по вульгарному правилу: «коли любишь – докажи»... Надо было помогать, служить, быть полезным, исполнять все требования, даже и самые отвратительные, безчестные, унижительные, предательские. Надо было идти на смерть героем-исповедником, или же стать на все готовым злодеем: донести на отца и на мать, погубить целые гнезда невинных людей, выдавать друзей, гласно требовать смертной казни для почетных и храбрых патриотов (как делал например артист Качалов по радио), совершать провокаторские поступки, симулировать воззрения коих не имеешь и кои презираешь, пропагандировать безбожие, проповедывать с кафедры самые идиотские теории, верить в заведомую и безстыдную ложь, и льстить, неумолимо, безстыдно льстить мелким «диктаторам» и большим тиранам... Словом, выбор был и ныне остался простой и недвусмысленный: геройство и мученическая смерть, или же порабощение и пособничество.

Русские народные массы поняли это и в первые же годы – и попытались уйти в маскировку.

И вот, все политическое развитие революции может быть описано как систематический нажим на маскирующихся, нажим, в котором молчаливого провоцировали, на уклончивого доносили, неудобного увозили, малолетнему «пришивали» небывалое, подозрительного ссылали, неосторожного ликвидировали; а с другой стороны маскирующиеся изобретали

все новые способы остаться незамеченными, уйти от нажима, они изыскивали все новые жизненные маскировки, новые формулы нейтральности или полу-лояльности, новые закоулки быта, новые «леса», «овраги» и «тундры» – для спасения... И наконец все это увенчалось – выработкой живой маски на лице...

Сколько раз за последние годы иностранцы спрашивали нас, почему это у русских такие «каменные лица»? Они были правы: советские все носят живую маску и молчат. На лице – ни чувства, ни мысли, ни интереса. Мертвая тупость, неподвижные шеи, незамечающие, хотя все время рыщущие глаза, в них смесь из застывшего испуга, раболепия, на-все-готовности и хитрого садизма. Это у советских чиновников. У простых людей – та же маска, но, конечно, без раболепия и без садизма. Страшно смотреть. Защитные маски. Застывшая ложь. Какие-то трупы тоталитаризма. Роботы советчины. Препараты коммунизма. А что там в душе скрыто и замолчано? Об этом скажет история впоследствии. Вот во что превращена сейчас наша простодушная и словоохотливая Русь...

III.

Понятно, что от этой дилеммы, от этой маскировки не могли уйти и деятели Православной Церкви. Одни пошли на мученичество. Другие скрылись в эмиграцию или подполье, – в леса и овраги. Третьи ушли в подполье, – личной души: научились безмолвной, наружно невидной, потайной молитве, молитве сокровенного огня...

Ныне нашлись – четвертые. Эти решились сказать большевикам: «да, мы с вами», и не только сказать, а говорить и подтверждать поступками; помогать им, служить их делу, исполнять все их требования, лгать вместе с ними, участвовать в их обманах, работать рука об руку с их политической полицией, поднимать их авторитет в глазах народа, публично молиться за них и за их успехи, вместе с ними провоцировать и поднимать национальную русскую эмиграцию и превратить таким образом Православную Церковь в действительное и послушное орудие мировой революции и мирового безбожия...

Мы видели этих людей. Они все с типичными, каменно-маскированными лицами и хитрыми глазами. Они не стеснясь, открыто лгут и притом в самом важном и священном, – о положении Церкви и о замученных большевиками исповедниках. Они договорились частным образом с советской властью и не заботясь нисколько о соблюдении церковных канонов, «выделили» из своей среды угодного большевикам «патриарха» и официально возглавили новую религиозно парадоксальную, неслыханную «советскую церковь»...

Вот смысл произошедшего.

Зачем они это сделали? Оставим в стороне их личные побуждения. За них они ответят перед Богом и перед историей. Спросим об их «церковных» соображениях. Для чего они это сделали ?

1. Для того, чтобы покорностью Антихристу погасить или по крайней мере смягчить гонения на верующих, на духовенство и на храмы; – «купить» передышку ценою содействия большевизму в России и за-границей.

2. Из опасения, как бы Антихрист не договорился с Ватиканом об окончательном искоренении Православия; – чтобы в борьбе с католиками иметь Антихриста за себя...

История покажет, чего этой группе удастся в действительности достигнуть, что она потеряет и что приобретет, и какова будет ее личная судьба. Не подлежит однако никакому сомнению, что будущее Православия определится не компромиссами с Антихристом, а именно тем **героическим стоянием и исповедничеством**, от которого эти «четвертые» так вызывающе, так предательски отреклись... Мы ни минуты не можем сомневаться в том, что вся эта группа будет «своевременно», т. е. в подходящий момент казнена большевиками; но уйдут они из жизни не в качестве верных Православию исповедников и священномучеников, на подобие митрополиту Вениамину, Петру Крутицкому и другим, их же имена Ты, Господи, веси, а в качестве не угодивших Антихристу, хотя по мере сил и угождавших ему, рабов его... Ибо, – установим это теперь же, – в сделке с советской властью они вынуждены расплачиваться и уже расплачиваются **реальными услугами и безоговорочным содействием**.

IV.

То соглашение, которое они заключили, не может быть названо – «конкордатом», ибо конкордат предполагает известное, хотя бы скромное, «равенство» и хотя бы минимальную свободу договаривающихся сторон. Сталин – и Сергей, Сталин и Алексей никогда не были равны: Сергей и Алексей были всегда терроризованными пленниками Сталина; они не были свободны; они не «договорились» со Сталиным, а покорились ему. При этом Сталину важно было изобразить это дело для Европы и Америки как «конкордат», и эту покорность, как «свободное соглашение равных сторон». Надо было, чтобы мир поверил; а мир по мудрой римской поговорке, и без того всегда «хочет быть обманутым»...

Алексей понимал это с самого начала и отлично знал, что делает: он помог обмануть мир, чтобы поднять в его глазах и свой авторитет (как же?.. «независимый Патриарх всея Руси»...), и авторитет советской власти (как же?.. «отныне церковь в советском государстве на свободе и в почете... и сама же отрицает в прошлом всякия гонения, как небывшие»...).

С этим заведомо ложным известием Алексей, а потом и его эмиссары поехали за-границу. Они лучше чем кто-нибудь знали, что церковь стала **покорным учреждением советского строя**: что **они обязаны и смеют говорить только ту ложь**, которая им предписана; они знали, что лгут и лгали о мнимой свободе церкви». Каждый прием Алексея на Ближнем Востоке давался «втроем»: он сам и два, стенографирующих каждое слово агента «внутренних дел» (для взаимного контроля). Стенографировались его собственные слова и слова посетителя. При этом Алексей уверял посетителя, что «православная церковь вполне свободна» и тем провоцировал посетителя выдавать себя с головой большевицкой тайной полицией. Он конечно понимал, что его выступления имеют смысл политической провокации – и провоцировал. «Патриарх всея Руси» в роли сознательного политического провокатора у Антихриста...

Таковы же были и выступления его политических эмиссаров в Париже, этих т. н. «митрополитов» и «епископов». То же самое происходило и в Америке. Все они лгали и провоцировали; и знали, что лгут и провоцируют. И видели, что им верят – или одни «свои же агенты», или сверх того еще и «отменные эмигрантские глупцы, и без того желающие быть обманутыми». А про эмигрантских не глупцов они твердо знали, что эти – только притворяются, будто верят, а на самом деле сознательно помогают им обмануть эмигрантское и мировое общественное мнение в пользу большевизма – и при том по международной директиве данной из мировой кулисы. Они понимали все это – и лгали дальше. А если под шумок «провирались правдою» – то бывали за это немедленно увозимы в Москву на аэроплане (так было в Париже).

Удивительно легко, привычно и ловко катились они по этой линии лжи. Это впрочем понятно: главная ложь была у них уже за плечами: у них хватило духа объявить устно и печатно, что все мученики и священномученики Православной Церкви за последние тридцать лет страдали не за веру и не за Христа, и не за Церковь, а за «политические преступления» против советской власти: у них хватило духа, – еще у Местоблюстителя митрополита Сергия, – заявить, что никаких гонений на веру, на верующих, на Церковь, на храмы и на святыни Православия в **советской стране никогда не было**. После этой вопиющей лжи – все остальное лганье пошло легко и гладко.

V.

Книгу Местоблюстителя Сергия, вышедшую в Москве, во второй половине 1942 года, надо было видеть и изучить, что нам и удалось сделать.

Это – сборище статей, «заявлений» и «свидетельских показаний». Участниками были – сам Сергей, его ближайшие церковные помощники и длинный ряд «духовных» и светских лиц. Тезис у всех был один: **советская власть никогда не вела гонений на церковь, на веру и на верующих: гонения начались только в момент вторжения германских фашистов и ведутся только ими.** Каждая статья сопровождалась портретом ее названного автора или во всяком случае факсимиле его подписи.

Кто читал эту книгу, – зная историческую правду, – того охватывало чувство головокружения и ужаса. Это был поток заведомой, вызывающей, безстыдной лжи; все было написано одним и тем же, одинаковым стилем и произносилось тоном аффектированного, наигранного негодования, с эдакими раскатами «истинно-коммунистического пафоса», и с этою, за тридцать лет всем осточертевшею подхалимской «лояльностью»... – Что было – того «не было». Церковь «цветет», народ «свободно молится», храмы – «открыты», никаких утеснений сроду не бывало.

Когда же волна злодейского умысла, ненависти и свирепости действительно надвигалась из Германии – по обычаю советской пропаганды – к очевидно-безспорной правде пристегивалась заведомая ложь... И произносилось все это распаленным тоном заведомого лжеца, знающего, что ему никто не верит и не поверит.

И потом эти «иерархи явились к нам, за рубеж, и предложили нам признать их «авторитет» и подчиниться их церковному водительству так, как они сами подчинились духовному водительству советов. О последнем они, впрочем, умолчали. А за рубежом сейчас же нашлись такие, которым эти люди показались носителями «истинного и свободного

Православия», и которые увидели в Алексее (страшно сказать) «хранителя канонов» и «великого водителя церкви». И поспешили «уверовать» в него и подчиниться ему... И конечно принять «советскую церковь»...

А «советская церковь» есть на самом деле – учреждение советского противохристианского, тоталитарного государства, исполняющее его поручения, служащее его целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться, ни свободно блюсти тайну исповеди. По истине, только тот, кто все забыл и ничему не научился, может воображать, что тоталитарный коммунизм способен и склонен чтить тайну исповеди; что священник «алексеевской, советской церкви» посмеет блюсти эту тайну и, приняв исповедь честного патриота, (т. е. «контр-революционера» или идейного анти-коммуниста) не довести ее по линии НКВД или МВД... По истине, только тот, кто устал бороться с советскими рабовладельцами и поддался их пропаганде, может думать, что «патриарх» Алексей хранит и строит истинное Православие. Только тот может считать Алексея «хранителем канонов», кто никогда не читал их и не вникал в их глубокий христианский смысл. Этот смысл – прежде всего в свободе от человеческого давления на «изволение Духа Святого» и во вдохновенном повиновении Его внушениям. И потому то, что Алексей на самом деле может «хранить», конечно в пределах угодных и удобных советской политической полиции, – это традиционная внешность исторического Православия, а каноны он уже поправил, взбираясь на запустевший престол Патриарха всея Руси.

В ответ таким забывчивым и утомленным мы выдвигаем тезис: **православие, подчинившееся советам и ставшее орудием мирового антихристианского соблазна – есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекшаяся в растерзанные ризы исторического Православия.** Но этот тезис мы уже не будем доказывать, ибо мы его только что доказали.

Пусть же тот, кто действительно «не видит» ложной роли нового «патриарха», подумает только: сам порабощенный, – зачем он силится подмять под себя и поработить вместе с

собой еще и зарубежное Православие? Сам принявший компромисс с врагами Христианства и Православия, вынужденный к этому, – зачем он навязывает этот компромисс нам, которые имеют возможность, слава Богу, не молиться за дьявола и его успехи в мире. Ведь казалось бы – надо Бога благодарить за то, что зарубежное Православие может жить и молиться, не служа Антихристу. Откуда эта непреодолимая потребность в иерархическом подчинении, в возможности назначать, предписывать, столь чуждая истинному Православию? Почему это стало вдруг необходимо – лишить зарубежное Православие свободы его молитвенного и церковного дыхания? Православию ли нужно поработить все зарубежные приходы и епархии под низкую руку НКВД, чтобы всюду шныряли, предписывали, шпионили и составляли свои проскрипционные списки его безсовестные и свирепые агенты, эти исчадия зла и позора? Кто же в действительности нуждается в этой нашей зависимости – Православная Церковь или советское правительство?

Тут спросить – значит ответить. Советская церковь осуществляет во всех своих выступлениях – **не волю Церкви, а волю советчины**. А слепцы и лицемеры спешат ей навстречу.

VI.

Мне, как жителю Италии, пришлось однажды видеть в соборе городка Орвьетто замечательную фреску художника XV-XVI века Луки Синьорелли: «Пришествие Антихриста».

Впечатление было потрясающее, незабываемое. Особенно для нас, въевшие в себя видения гонения большевиков на Православную Церковь...

«Он» изображается в чертах, жутко, кощунственно напоминающих лик Христа Спасителя. Страшно смотреть на эти черты. Они сдвинуты в сторону пошлой сытости, лживости, лицемерия, аффектации и какой-то проницательной порочности... Эти отвратительные черты не воспроизводят в детали и фотографии... «Он» появляется на огромной фреске несколько раз. Вот «он» делает ложные, соблазнительные чудеса, – исцеляет больного среди ликующих родственников его. Вот «он» говорит к народу, а дьявол слева, придерживая его за талию, нашептывает ему на ухо свои инструкции... У ног его лежат в куче только что конфискованные священные сосуды. Агенты его раздают направо и налево золото. В слушающей толпе есть всякие: уже соблазнившиеся и еще сомневающиеся, растерянные и любопытные, резонеры и продажные, интеллигенты и чернь, безразличные и неистовые. А там, справа и слева – палачи душат протестующих, обезглавливают верных, избивают духовенство и непокорных... И агенты, одетые во все черное, уже завладели храмами и отбирают святыни...

Страшная картина. Пророческая картина.

О ней думаешь невольно, произнося эти противоестественные, бессмысленные слова: **«советская церковь»**...

С. П.

Прот. Борис Молчанов († 1963 г.) Эпоха Апостасии⁴.

На протяжении всей истории Христианской Церкви, действует противоборствующая ей «тайна беззакония» (2Солун. 2, 7), старающаяся увлечь людей к отпадению от уготованного нам Сыном, Божиим спасения. Хотя главным виновником ея является диавол, но он действует через «сынов противления» (Ефес. 2, 2), которые и являются проводниками и исполнителями его злой воли на земле. «Тайна Беззакония», над которой деятельно трудится «князь тьмы», проходит известное развитие, по мере ослабления сопротивления ей верующих – восходя от силы в силу, и достигает своего предельного роста в ту последнюю особенную эпоху, называемую **Апостасией**, которая устраняет все препятствия для появления Антихриста и завершается им.

«По учению Апостола «тайна беззакония» есть что-то такое, что подготавливает явление Антихриста... Хотя бы между началом действия тайны беззакония и явлением Антихриста протекло несколько тысяч лет, это не препятствует тайне беззакония быть условием или причиною, или одною из причин явления Антихриста» (Проф. Беляев. «О безбожии и Антихристе», т. 1, стр. 620).

О близости времени явления Антихриста и неизбежного при нем конца мира яснее всего может свидетельствовать последняя эпоха апостасии, имеющая много отличительных признаков, указанных в Слове Божиим.

Греческое слово «апостасия» означает отступление от Бога (см. 1Тим. 4, 1; Деян. 21, 21; 2 Паралипом. 29, 19; Иерем. 2, 19). Но, употребляемое с определенным членом, оно имеет в виду не всякое отступление вообще, а отступление особенное по своей силе и по своему широкому распространению, отступление громкое, достигшее крайней степени своего развития. Апостасия является последним этапом развития «тайны беззакония», непосредственно выдвигающим Антихриста, имеющим на себе его мрачную тень. В слове

Божием указываются три разные формы проявления Апостасии: 1) отступление от Истинного учения и от христианской морали, 2) отступление от нормальной, благословенной Богом государственности и 3) отступление от истинной Церкви Христовой при сохранении ее внешнего облика. Полная тройная Апостасия делает приход Антихриста неизбежным. «День тот не придет, доколе не придет **прежде отступление** и не откроется человек греха, сын погибели» (2Солун. 2, 3).

«Люди забудут Бога, забудут небо, забудут вечность и в обольщении своем... все **внимание** устремят **на землю**, на доставление себе... неизменного благосостояния» (Еп. Игнатий Брянчанинов. т. IV, стр. 271–272).

На почве ложной морали, заглушающей страх Божий, и на почве всецелого погружения людей в плотскую жизнь – обильно вырастут чудовищный разврат и всякие пороки. Греховные примеры и соблазны так умножатся, что увлекут в греховную жизнь бесчисленное множество людей. Картину морального развращения человечества в эпоху Апостасии Св. Ап. Павел изображает так: «знай же, что в **последние дни** наступят времена тяжкия. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержаны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» (2Тимоф. 3, 1–5).

Господствующим тоном жизни станет небывалая повсеместная злоба. По Евангелию – любовь между людьми совершенно изсякнет. Взаимоотношения людей будут лишены всякого доверия и полны коварства. «Люди друг друга будут **предать и возненавидят друг друга**» (Матф. 24, 10). Злоба охватит людей с небывалой силой и разольется повсюду – во всех слоях общества и даже в самых тесных кругах семейных. «Предаст брат брата на смерть, и отец – детей, и возстанут дети на родителей и умертвят их» (Марк. 13, 12).

«Когда приблизится конец сего века, писал Лактанций, тогда необходимо изменится состояние человеческих дел и по

причине возрастающей **неправды** – делается худшим, так что даже настоящие наши времена, в которые **неправда и злоба** возросли до величайшей степени, в сравнении с тем временем **неисцельного зла** могут быть признаны счастливыми и почти золотым веком. Потому что правда тогда делается столь редкой, а нечестие, жадность страсти и распутство до того умножатся, что если и будут некоторые добрые, то они сделаются **добычей злодеев** и будут **ограблены** беззаконниками. Одни только злые и будут богаты, а добрые подвергнутся всяким поношениям и впадут в нищету» («Божественные Наставления». Кн. 7-я, гл. 15).

Но, как бы люди ни утопали во зле, они никогда не пожелают открыто объявить себя последователями зла: они постоянно будут стремиться выказать себя с внешней стороны добродетельными. И чем более люди будут позволять себе беззаконие, тем более они будут заботиться оправдать себя ложными учениями и покрыть себя благовидною личиною (Лук. 16, 15). На ряду со злобой разольется в небывалых размерах **ложь и лицемерие**. Такая лицемерная показная добродетельная внешность совершенно вытеснит потребность истинной праведности.

Жизнь немногих благочестивых и добродетельных людей в обстановке Апостасии – среди торжества практического материализма, среди всеобщей злобы, коварства и лицемерия соделается «мученичеством, подобным томлению Лота в Содоме». Но верующий человек должен помнить, что и самое малое усилие сопротивления разлагающему духу века будет иметь цену пред Богом. На весах Божиих будут взвешены и немощь наша, и средства наши, и обстоятельства сопутствующие нам, и самое время.

Наше время, как начало Учительной и Моральной Апостасии.

«Идут, идут страшнее волн всемирного потопа, истребившего род человеческий, идут волны **лжи** и **тьмы**, окружают со всех сторон, готовы потопить вселенную, истребляют веру во Христа, разрушают на земле Его Царство, повреждают нравы, притупляют, унижают совесть, устанавливают **владычество всезлобного миродержца**». Так видел только первые начальные признаки надвигающейся Апостасии Еп. Игнатий Брянчанинов (т. I, стр. 407).

То же отмечал и Владимир Соловьев: «Когда прежде существовали такие усовершенствованные средства к распространению **лжи** и всякого **зла**, как теперь? Когда была такая **общедоступность** всевозможных соблазнов, как теперь?» (т. IV.)

Первым признаком моральной Апостасии, как мы указывали, является широкий разлив практического материализма. Если мы будем всматриваться в современную жизнь, то мы не сможем не заметить его полное преобладание, совершенно вытесняющее духовные запросы и стремления. Все силы ума и сердца человека заняты теперь исключительно изобретениями и усовершенствованиями в области технической культуры. Изумительные достижения ее еще более приковывают к себе всеобщее внимание. Газеты наполняются сообщениями о рекордах в авиации, в автомобильных пробегах, в постройках гигантских быстроходных пароходов, о запусках «спутников», и т. п. Но, наряду с этим техническим прогрессом замечается полный упадок духовной культуры. «Мы, говорит проф. Спекторский, начали переживать один из крупнейших мировых кризисов... Не погибаем ли мы все, не опускаемся ли, не возвращаемся ли к дикости и варварству, не присутствуем ли при смерти и похоронах культуры?» Человек забыл Бога, забыл вечность. «Он заменил, как того требовал Бэкон, **царство Божие царством человека**».... «Никогда еще люди не достигали такого совершенства во всех областях техники. Но

вместе с тем никогда не было **такого оскудения идеологии**» («Христианство и Культура», стр. 5, 9, 10–11).

Отрыв от христианства лежит как печать на всей современной культуре. «Позитивная философия совсем упразднила этику и какия бы то ни было моральные оценки. Марксизм превратил этику в совершенно несамостоятельный придаток экономики, биологическая социология превратила ее в функцию органической жизни» (Проф. Спекторский. Там же, стр. 114).

«С упадком религиозного чувства общество потеряло свою животворящую организующую его душу. Отрыв от возвышающих религиозных идеалов, которыми всегда питалось истинное творчество, обезплодил научное знание, в основании которого, «хотя бы и самого точного, по словам Шпенглера, лежит религиозная вера», и принизил и опустошил искусство, низведя его с звездных высот на землю» (Митрополит Анастасий. «Христианство и культура». Хлеб Небесный. № 3, 1936 г. Харбин.).

«В обстановке той механизации нашей дехристианизованной культуры, которую так прославил Ратенау, произошла ужасающая вульгаризация вкуса. Искусство, эстетика почти вытеснены **модой** и развлечениями. Кто не поет теперь акафиста моде? Мода – это принципиальное отрицание вечности и даже длительности. Мода – это уже не вчера и еще не завтра. Мода – это каприз одних и **рабство** других» (Проф. Спекторский. Там же, стр. 152–153).

«Большевизм, впитавший в себя все элементы **духовного разложения** человечества, большевизм, у которого простота доходит до первобытной дикости, знаменует собою эту дряхлость современного общества. Со свойственным ему цинизмом он дерзает на то, чего другие еще не смели выговорить» (Митрополит Анастасий. Хлеб Небесный. № 3, 1936 г.).

Советская власть не ждет постепенного морального распада, а сама принимает энергичные и жестокие меры к выкорчевыванию христианского влияния и к воспитанию новой личности на безбожно-материалистическом фундаменте.

Советская власть создала новую «классовую» мораль, новое право, совершенно противоположные не только высокой христианской, но даже элементарной общечеловеческой этике. Талантливый писатель А. М. Ренников в одном из своих фельетонов в газете «Возрождение» остроумно отметил, что стоит только перевернуть все десять заповедей, как в результате мы получим точное перечисление советских добродетелей, а сами заповеди останутся изложением советских уголовно наказуемых деяний.

Под влиянием советской всемирной пропаганды, разжигающей классовую непримиримость, по всему миру широко разлился поток злобы. Нравственная связь между людьми разрушена. Вместо нея выдвинута общность материальных интересов одной группы и беспощадная борьба с другими группами.

Не лучше обстоит дело и в т. н. свободном мире. Общий отрыв жизни от христианства вызывает полную аморализацию общества и злобную одержимость. На наших глазах разрушается последний устой общества – семья. Молодежь воспитывается программами кинематографов и телевидением, где показываются «скабрезные фарсы с пошлыми куплетами и чудовищные по длине ленты фильмы, соревнующие друг с другом в сенсационном изображении преступлений и прожигания жизни. Все это оглашается звуками прямой чувственной музыки (джаза), под которую сыны человеческие в похотливых сплетениях производят цинические, т. е. буквально в переводе с греческого – собачьи телодвижения, стараясь еще подражать лисицам, медведям и, в лучшем случае – первобытным дикарям» (Проф. Спекторский. Там же, стр. 154). Раздаются часто речи даже ответственных общественных деятелей и школьных воспитателей, прославляющие «свободную любовь», не стесняемую никакими религиозными и нравственно-бытовыми правилами.

Чудовищный рост всевозможных преступлений, ограблений, убийств, изнасилований, ежедневно отмечаемых во всех мировых газетах, является далеко недостаточной иллюстрацией современных нравов, ибо о многих преступлениях перестали

писать, т. к. они стали обычным явлением, не возбуждающим интереса... Многочисленные сообщества преступников (гангстеров), организуемые не только среди взрослых, но даже среди несовершеннолетних юношей, во многих местах настолько являются сильными, что уже становятся как бы государством в государстве.

Постоянными спутниками пороков и всякого зла являются **ложь** и **лицемерие**. Сопутствуют они и современной безнравственности.

Ложь прочно засела в печати. Никогда истина не была в таком поношении, как теперь. Даже современная наука, которая всегда считалась свободной от всяких тенденций, теперь не свободна и не смеет говорить правду. Историческая наука старается подтасовывать действительные факты, давать им неправильное объяснение и скрывать величайшее в мировой истории преступление – убийство Царской России... Историки «великой французской революции» путем замалчивания, подлогов и лжи скрыли действительные причины страшного движения, взорвавшего западный христианский мир и поставили это движение на пьедестал красоты и величия. Они, замолчав об истинных виновниках кровавой трагедии французского народа, убедили весь мир, что французская революция принесла великое счастье не только французскому народу, но и всему человечеству. Такая же беззастенчивая ложь усиленно распространяется относительно прежнего царского строя в России. И в каком ложном освещении рисуется интернациональное советское правительство с целью привлечь симпатии к нему всех трудящихся во всех странах, чтобы вызвать мировую революцию.

Обманываемые, увлекаемые к духовной гибели рабочие и учащиеся часто не имеют возможности правильно разобраться в истинном освещении всех современных событий. Ускоренный темп работы, требующий напряжения всех сил, потребность отдыха и развлечений после утомительного труда лишают человека возможности критического отношения к содержанию газет, журналов и радиовещаний и отводят его внимание от серьезных духовных вопросов.

Но, несмотря на все это, «у всего культурного человечества есть, несомненно, предощущение грядущей катастрофы. Но как во время потопа, все продолжают есть, пить и веселиться, пока не придет бедствие. Развитие техники помогает современным людям ускорить темп жизни, чтобы заглушить внутреннюю тоску, которая глохнет их сердце... Человечество, томимое тяжелыми предчувствиями, не хочет остановиться и задуматься над своею судьбою. Оно стремится как-бы убежать от самого себя, или лучше сказать от той бездны небытия, которая уже начинает притягивать его к себе. Отрекшись от Христа, современная культура сама обрекла себя на разрушение» (Митрополит Анастасий. Хлеб Небесный. № 3, 1936 г. Харбин).

а) Политическая Апостасия.

*«Тайна беззакония... не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды **Удерживающий** теперь, и тогда откроется беззаконник» (2Солун. 2, 7–8).*

Из этих слов Св. Апостола видно, что Апостасия, широко открывающая двери Антихристу, будет заключаться в **устранении** удерживающего.

Как долго будет длиться этот переходный период от старого к новому, в какой срок совершится мировая революция – нам неизвестно. В слове Божиим говорится лишь о том, что **окончательное сформирование новых десяти царств** произойдет почти **одновременно с воцарением Антихриста**. «Десять рогов, говорится в Откровении... суть десять царей, которые еще не получили царства, но **примут власть со зверем** (Антихристом), как цари на один час» (Апок. 17, 12). По толкованию Св. Ипполита, – десять царств должны вырасти как «пальцы из ног истукана» **перед самым воцарением Антихриста**.

Очень возможно, что для окончательной перестройки политической и социальной жизни народов, для конечного успеха мировой революции понадобится третья мировая война, которая оставила бы небывалое разрушение и до последнего предела истощила бы все здоровые национальные силы, устранив в лице их всякое сопротивление организованному фронту «беззакония». «Историческим силам, царящим над массой человечества, писал Вл. Соловьев, еще предстоит **столкнуться и перемешаться**, прежде чем на этом раздирающем себя звере – вырастет новая голова всемирно объединяющей власти Антихриста» («Три разговора», стр. 460).

Почти одновременно с формированием новых десяти «мятежных» или апостасийных государств должно постепенно вырастать **«между ними»** одно малое государство – как **«малый рог»** среди больших «рогов». Срок его окончательного территориального вырастания нам неизвестен. Из слова Божия явствует лишь то, что оно окончательно созреет тогда же когда и

десять новых царств, т. е. **ко времени явления Антихриста**, что оно первое признает над собою власть Антихриста и послужит ему опорой для дальнейшего распространения им своей власти на весь мир.

Для захвата всей мировой власти Антихристу придется преодолеть сопротивление со стороны «трех царей» и «с корнем их исторгнуть». По предположительному толкованию Св. Иоанна Златоуста эти три царя (или царства) суть следующие: Египетский, Ливийский и Эфиопский. И только после этого – когда «три рога будут исторгнуты» (Дан. 7, 8. 24), остальные семь рогов (царей) добровольно «предадут силу и власть свою зверю» (Антихристу), т. к. будут иметь с ним «одне мысли» (Откровение. 17, 13). «Имеющий придти (Антихрист), пишет Св. Ириней Лионский, трех из них (царей) умертвит, а остальных (семь) подчинит своей власти... и (они) предадут свое царство зверю, и будут гнать Церковь, а потом будут сокрушены пришествием Господа нашего» (Сочинения. 1871 г., кн. 5-я, гл. 25–26. «Против ересей», гл. 30).

б) Наше время, как начало Политической Апостасии.

«Двадцатый век будет эпохой последних великих войн, междоусобий и переворотов... Старый традиционный строй отдельных наций повсюду теряет значение и почти везде исчезают последние остатки монархических учреждений» («Три разговора». Влад. Соловьев).

Наиболее глубокие мыслители считают первую мировую войну тем рубежом, который резко отделил старую довоенную эпоху от начавшейся новой жизни после войны. Волна грозных потрясений и политических переворотов прокатилась почти по всему миру. «Старые формы государственной жизни сменились новыми; все исконные бытовые устои расшатаны. Политическая жизнь находится в расплавленном состоянии, всюду царит неустойчивость, искание новых форм жизни, шатание. Большевицкий хаос в России есть только самое яркое выражение этой всеобщей шаткости, он в известном смысле показателен для состояния всего мира, есть его неумолкающее «мементо мори»... Эпоха покоя, мирного культурного развития, роста гражданственности, смягчения нравов, укрепления личной свободы **кончилась**. Мы захвачены каким то бурным водоворотом.... Мы, потеряв способность творить историю, находимся... **во власти ея мятежных сил**, не мы творим ее, но она несет нас» (С. Л. Франк. «Духовные основы общества». Париж. 1930 г. стр. 9–10).

«Мир еще не заметил, пишет один итальянский ученый, политических результатов, вызванных мировой войной... Он еще не заметил, что в марте 1917 г. одному из двух политических принципов, на которых **зиждется весь общественный строй Европы**, – принципу **монархическому**, был нанесен Русской революцией первый страшный **удар**, что второй, решительный смертельный удар был ему нанесен в ноябре 1918 года, когда рушились империя Габсбургов и империя Гогенцоллернов. Он еще не сознает, что **падение монархического принципа в Европе** является **событием огромной важности**, что им заканчивается политический

кризис, начавшийся два столетия тому назад» (Г. Ферреро. «Гибель античной цивилизации». Лейпциг. 1923 г. стр. 108)... «Монархический принцип умер. Уже расшатанный неверием, рационализмом, учением о равенстве, войнами и революциями... он окончательно **искоренен мировой войной**» (Там же, стр. 118). «Если же в Европе еще остается несколько тронов, уцелевших, как верхушки скал, незатопленных наводнением, то те, кто их занимают, уже не короли, а тени» (Там же, стр. 118)... «Мировая война оставила за собою много развалин, но как мало значат все остальные по сравнению с этим разрушением всех принципов власти» (Там же, стр. 120).

С этим глубоким замечанием ученого можно согласиться только в отношении Западного мира. В России же монархический принцип и строй **насильственно устранен**, но не вытравлен из памяти и сердца народа. Русский народ активного участия в революции не принимал. Он ее принял, как совершившийся помимо него факт, и принял только потому, что поверил ложным обещаниям революционной власти. Кроме того, Русский Царь вместе с Семей своей принял **мученическую кончину** от рук интернациональных злодеев. И эта кровь святых Царственных Мучеников не только не позволит уничтожить **ореол царской власти** в глазах народа, но при благоприятных условиях сможет возбудить потребность в нем восстановления Царского Правления, как единственного проводника Божьего благословения его народной жизни.

Русская революция, устранив главный оплот мирового порядка в лице Русской Православной Монархии, стала принимать все меры для развертывания в революцию интернациональную, всемирную. По многим странам прокатилась волна **мятежей**, разрушивших «удерживающий» строй «Римского Царства» и на место его установивших новый строй, не только не сдерживающий развития «беззакония», но и активно содействующий всемирному разливу зла уничтожением всех «шлагбаумов» для беспрепятственного прихода Антихриста.

Полное торжество политической Апостасии, согласно указаниям слова Божия, может наступить при окончательном

образовании **десяти** мятежных апостасийных государств. В виду того, что некоторые новые мятежные государственные образования еще окончательно не оформились, т. к. многие могут соединиться в одно государство с другими, то сейчас невозможно точно перечислить их. Можно сказать, что апостасийная власть укрепляется в Сов. России, в Китае, в Югославии, в Румынии, в Венгрии, в Болгарии, в Польше... А когда закончится этот процесс – гадать трудно и бесполезно.

Мировая война имела своим последствием и другое весьма значительное событие, указанное также в числе признаков Апостасии. Это – выростание «малого рога» в лице создающегося государства **Израиля**. Когда окончательно оно оформится, на каких границах остановится – гадать также бесполезно.

Окончательное устройство еврейского государства должно ознаменоваться осуществлением тысячелетней мечты иудейской – восстановлением храма Соломонова на вершине горы Мориа, где в настоящее время висится мечеть Омара «Харам-еш-Шериф». Возстановленный в свое время храм Соломонов, как известно, был снова разрушен римскими войсками в 70 году по Р. Х. при подавлении иудейского возстания. В 361–363 гг. император Юлиан Отступник, зная христианское пророчество о том, что этот храм не может быть возстановлен до самого последнего времени (см. Матф. 24, 1–2; Марк. 13, 1–2; Лук. 19, 44; 21, 5–6. 24), возымел дерзкое желание посмеяться над христианской верой и доказать несостоятельность христианских пророчеств и решил вновь выстроить Иерусалимский храм на прежнем месте и возстановить в нем иудейское богослужение. «По его призыву в Иерусалим собрались со всех стран евреи, заготовили множество строительного материала и приступили к работам. Но землетрясение и вырвавшийся из земли огонь неоднократно уничтожали все труды их и окончательно разрушили остатки прежнего храма» (Проф. Беляев. «О безбожии и Антихристе», т. 1-й, стр. 217, примечание).

Тот же факт отмечает и историк Л. Дюшен. «Юлиан, говорит он, задумал вновь отстроить храм и возстановить культ, к

которому сам лично питал лишь презрение... Это предприятие, порученное одному высокопоставленному чиновнику, хотя и поддерживалось широкими кредитами, осталось без результата. Когда стали копать в основаниях древнего здания, оттуда вырвалось пламя, опалившее нескольких рабочих» («История древней Церкви», т. 2-й, стр. 224. Москва. 1914 г.).

Ориген в своем толковании на ев. Матфея говорит, что если храм в Иерусалиме будет опять выстроен, то только **для Антихриста**» («Опера омниа», т. 4-й, лист 275).

в) Религиозная или Церковная Апостасия.

«Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским» (1Тимоф. 4, 1).

Отступление от истинной веры может проявляться в следующих формах:

1) В извращении (искажении) истинного содержания вероучения, в изменении ее догматов, т.е. в **ересях**.

2) В лжеверии или в отрицании всего христианства, но с сохранением веры в Бога (как у магометан, иудеев, язычников...).

3) В неверии или в полном равнодушии ко всякой вере, в **атеизме**, т. е. в отрицании предметов веры: бытия Божия, бессмертия души.

4) В богоборчестве, т. е. в активной борьбе со всякой религиозной верой и ожесточенном возмании против Бога и всего святого.

Самой распространенной формой **отступления**, как полагает Епископ Феофан Затворник, будет **извращение** истинного христианства (ереси) или так называемое **ложное христианство**. «Евангелие будет всем известно, пишет он, но одна часть пребудет в неверии ему, другая, **наибольшая, будет еретичествовать**, не Богопреданному учению следуя, а построенная себе **свою** веру своим измышлением, хотя на основании слова Божия... И все такие будут присвоить себе **имя христиан**. Будет часть и содержащих истинную веру, как она предана Св. Апостолами и хранится в **Православной Церкви**, но из этих немалая часть будет только по имени православными, в сердце же не будет иметь того строя, какой требуется верою, **возлюбив нынешний век**... Хотя **имя христианское** будет слышаться повсюду и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но **все это только видимость**, внутри же **отступление полное**. На этой почве (на почве ложного и лицемерного христианства) народится Антихрист и вырастет в том же духе **видимости**, без существа дела. Потом

отдавшись сатане, явно отступит от веры и ...всех **не содержащих христианства в истине**, увлечет к явному **отступлению** от Христа Господа, заставив себя самого почитать за бога» (Толкование на 2-е послание к Солунянам, стр. 58–61).

Здесь нам очень важно отметить тот мало примечаемый закон, в силу которого всякое **ложное** и **лицемерное** христианство неизбежно приведет своих последователей к признанию Антихриста или к тому течению, которое будет готовить его явление. Во всяком лжеучении, как и в фарисейском отношении к истине таится семя вечной гибели. Напрасно многие не придают должного значения догматам. Тесную связь догматов веры с нравственно-практической деятельностью и с подвигом спасения раскрыли Епископ Игнатий Брянчанинов и Блаженнейший Митрополит Антоний (Храповицкий). По учению Церкви в деле спасения нет ничего важнее исповедания Богооткровенной Истины. Само слово Божие свидетельствует, что Богу «должны поклоняться в Духе и **истине**» и что только «таких поклонников» Бог ищет и приемлет (Иоан. 4, 23–24). Истина – совсем не такая малозначащая вещь, с которой можно было бы обращаться как угодно. В **Истине** реально присутствует и **Дух Истины**, Иже от **Отца исходит**. А во всякой лжи реально присутствует и **отец лжи**, сиречь диавол. И потому человек, исповедающий истину, принимает и Духа Истины, а исповедающий ложь, непременно усваивает и духа лжи, духа отверженного.

Вне **Единой Православной Церкви** нет и не окажется ни средств для верного познания Антихриста, ни **Благодатных сил** для стойкого противостояния ему и всем его искушениям. Этот закон неизбежного **обольщения** и **вечной гибели** всех, **не принявших** «любви истины для своего спасения», отмечает Св. Ап. Павел: «и пошлет им Бог действия **заблуждения**, так что они будут **верить лжи**. Да будут **осуждены все не веровавшие истине**, но **возлюбившие неправду**... И так, братие, стойте и держитесь предания, которым вы научены словом или посланием нашим» (2Солун. 2, 8–15) Тот же самый закон выражен и в символе Св. Афанасия: «Иже хочет

спастися, прежде всех подобает ему **держати католическую веру**, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдет, кроме всякого недоумения, **во веки погибнет»** (Псалтырь с возследованием).

Об истинной же Церкви в это время (в эпоху Апостасии) можно будет сказать словами пророка: **«Бысть пуста весьма»** (Иезек. 38, 8). Это говорил пророк вдохновенный, когда видел в дали времен **время последнее**, судьбу Церкви и могущественное царство, **возникающее на Севере»** (Еп. Игнатий Брянч. т. 4, стр. 495–496). Стойкость и самоотверженность в борьбе за истину станет чрезвычайно редким явлением. Любовь к миру и к его благам будет превозмогать над любовью к Истине. Церковные иерархи со своим клиром и своею паствою, порвавшие связь с Христовой Истиной, но продолжающие лицемерно выказывать себя членами истинной Церкви, составят общество, именуемое в Писании

1. «ЦЕРКОВЬ ЛУКАВНУЮЩИХ».

Характерной чертой ея, отличающей ее от древних еретических обществ будет то, что эта «церковь» будет всячески затушевывать какую-либо разницу между собою и истинной Церковью, постепенно вводя свое ложное учение, под самым высоким лицемерным поводом – в недра истинного православного учения. Для верующих будет чрезвычайно трудно разобраться – где **Истина**. Нужно будет особенное внимание к слову Божию и к свящ. Преданию Церкви.

Наряду с «церковью лукавнующих» будет возрастать другая «церковь», которая может даже и не изменять вероучения, но в условиях государственного преследования веры вступит в тайный союз с богоборческой властью, получая некоторую легализацию своей «церковной» деятельности. «И я увидел, пишет Св. Иоанн Богослов, **жену, сидящую на звере багряном**, преисполненном **именами богохульными...** И на челе ея написано **имя: Тайна**, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... и видя ее, дивился удивлением великим» (Откр. 17, 3–6). Да и как было не дивиться Св. Тайнозрителю, когда он вместо истинной Церкви первохристианской – вместо

«Жены, облаченной в Солнце», вместо «Чистой Девы», «Невесты Христовой», **убегающей в пустыню от зверя** (в нелегальном положении спасающейся в катакомбах и пустынях от преследования власти) в дали времен узрел жену – **«великую блудницу»**, сидящую **на звере** (см. Откровение, 12 гл. 17–18 гл.). Это усаживание жены на зверя или отпадение Церкви от «брачного» союза со Христом и вступление ея в незаконный «любодейный» союз с Антихристом или с его предтечами. – в Св. Писании уподобляется **нарушению брачной верности**. Поэтому и та часть Церкви, которая, изменив Христу, вступит в тайное соглашение с властью Зверя, на языке Св. Писания называется:

2. «ЦЕРКОВЬ БЛУДНИЦА».

На появление **«церкви блудницы»** в мировом масштабе можно смотреть как на завершение эпохи апостасии, выводящей на мировую арену Антихриста. При «церкви-блуднице» для истинно верующих останется один выход – бегство в «пустыню», т. е. переход в тайное нелегальное положение при отказе от всякой попытки искать защиты своих прав у существующей власти. Церковь-Отступница сама поведет беспощадное гонение против остатка верующих, сохраняющих свою преданность истинной Христовой Церкви Православной.

Наиболее употребительным приемом преследования в начале будет **клевета** на них, широко распространяемая в обществе, с целью подорвать их престиж и парализовать их честное и благотворное влияние, а затем и ложные обвинения, приносимые на них в судебные и административные учреждения, дающие основания для их наказания... «Я видел, пишет Св. Иоанн Богослов, что жена была упоена **кровию** святых и кровию свидетелей Иисусовых» (Откр. 17, 6).

Наше время, как начало религиозной или церковной Апостасии.

Так как в эпоху Антихриста должно совершиться объединение всех религий или слияние их в одну религию поклонения Человеко-богу, то и подготовка к Антихристу в эпоху Апостасии должна состоять в постепенном **объединении** всех христианских вероисповеданий в одну «Церковь-лукавнующих» при одновременных стараниях разрушить истинную Церковь Христову. Все это мы видим в наше время. Теперь совершается самая ужасная **подделка Церкви** отвлеченным христианством. Большинство все значение Христа усматривает в Его учении, забывая о том, что «Христос приходил на землю вовсе не для того только, чтобы сообщить людям несколько новых истин. Нет, Он приходил, чтобы создать совершенно **новую жизнь** человечества, т. е. **Церковь**. Это **новое общество** человеческое, по мысли Самого Создателя его, существенно **отличается** от всяких других соединений людей в разные общества» (Архиепископ Иларион. «Христианства нет без Церкви», стр. 17–18). Господь Иисус Христос дал не только Свое учение, но и необходимые **силы благодатныя** для исполнения Его учения. Последняя сообщаются верующим **только в Церкви** через св. таинства и жительство по уставу Церкви. Благодать Божия или сила Духа Святого и созидает в сердце человека Царствие Божие. Поэтому только в Церкви, а не в отвлеченном христианстве устанавливается и поддерживается единение человека с Богом, а в Боге и тесное единение друг с другом. Св. Ап. Павел, говоря о единении людей, всегда говорит о Духе Святом, как об источнике этого единения, хранимого в **Церкви**. «Таким образом в Церкви живущий Дух Святой дает каждому члену Церкви **силы** быть **новой тварью**» (Там же, стр. 27). Безцерковное же христианство, как напр. «Всемирные Христианские студенческие Союзы», «Экуменическое Движение» разные христианские секты – «все это ничто иное, как принижение и искажение Христовой идеи Церкви, **убивающие всякую подлинно**

христианскую благодатную церковную жизнь»... И это мы должны твердо помнить, чтобы не соблазниться современной пропагандой **общего христианства взамен** якобы **«разделившейся Церкви»**. «Нет христианства, нет Христа, нет благодати, нет Истины, нет жизни, нет спасения, – ничего нет **без Церкви**, и все это есть только в **Единой Церкви»** (Архиепископ Иларион. Там же, стр. 64, 68).

Имея зарождение «Церкви лукавнующих» в виде всех стараний всемирного **объединения** христиан не в Церкви, а на почве отвлеченного христианства, мы имеем и зарождение «Церкви-блудницы» в лице Советской церкви, вступившей в деловой союз с «красным зверем», преисполненным «именами богохульными».

Советская церковь является усердной служанкой богоборческого советского правительства, в полной мере управляемая им и контролируемая, начиная с верхов и доходя до самых низших мелких инстанций. Поэтому вся ответственность за все преступления советской власти в отношении преследования веры и истинной Церкви падает и на Московскую Патриархию, как добровольную **соучастницу** преступной деятельности власти.

Московская Патриархия –

а) Всячески содействует проникновению коммунистических агентов в церковные организации – даже, если нужно, с **принятием священного сана и с **занятием высоких постов** в Церкви.** Как сообщает норвежская газета «Афтенпостен» № 338, 1959 г., – доктор Макинтаер считает совершенно доказанным, что «митрополит Николай Крутицкий – один из главных руководителей Русской Православной Церкви – является выдающимся агентом советской красной полиции. Коммунистическая партия в СССР командировала своих людей на богословские курсы и дает им подготовку для исполнения обязанностей священников, которые со временем будут епископами и одновременно агентами тайной полиции» («Церковная Жизнь», № 1–2, 1960 г.).

б) Не протестует против советского запрещения религиозного образования и воспитания детей и

насильственного отравления их ядом атеизма, и тем содействует сатанинскому плану прекращения существования веры и Церкви в России с вымиранием верующих старого поколения.

в) Совершает кощунственные акты: призывая Божие благословение на гонителей Христа, совершая церковные моления об упокоении «со святыми» явных анафематствованных Всероссийским Собором безбожников, искажая текст службы «Всем святым, в Российской земле просиявшим», похуля мученический подвиг членов истинной Церкви Христовой, представляя последних не жертвами советского преследования веры, а преступниками, справедливо наказанными властью.

г) В качестве красной полиции помогает советской власти разыскивать и преследовать членов истинной (катакомбной) Церкви, не признавших декларации Митрополита Сергия в 1927 году о необходимости сотрудничества с безбожной властью, и оставшихся верными заветам покойного Патриарха Тихона. При таком сотрудничестве с гонителями Христа Советская церковь приняла на себя и ответственность за все страдания и за всю кровь исповедников и мучеников за святую веру.

д) Распространяет по всему миру ложь о свободе веры в СССР, восхваляя советское правительство, благодаря его за удовлетворение всех нужд церковных. Такою ложью, сопровождаемую богатыми подарками, Московская Патриархия ввела в заблуждение и восточные Патриархаты, похваляясь своим влиянием на них в своем журнале (см. Ж.М.П. № 5 за 1959 г.).

е) Оказывает ценные политические услуги советской власти своим участием в мировой «борьбе за мир», и тем самым содействует успеху распространения коммунизма во всем мире, т. е. торжеству мировой Апостасии.

Если сравнить духовное состояние народа в СССР с духовным состоянием свободного Западного мира, то несмотря на все жестокие преследования верующих в сов. России, и полную свободу веры на Западе, духовное превосходство принадлежит первому. Там, за железным занавесом растет

среди кровавого террора исповедническая Христова Русь, там – на крови и на костях мучеников крепко стоит великая духом истинная благодатная Православная Церковь, которая своим отказом от всякой советской легализации обрекла себя на уход в «пустыню», – в «катакомбы».

Совершенно не то здесь на Западе – где чрезмерное погружение в одни материальные интересы приводит людей к полному равнодушию к вере и погружает их в духовную слепоту, не позволяющую им видеть все извилистые пути, ведущие к Антихристу. Благодать Божия отходит от суетящейся и служащей миру толпы, предоставляя ее падению ея.

Указав грозные признаки современной Апостасии, которая должна завершиться приходом Антихриста, мы должны воздерживаться от всяких попыток определения каких либо сроков его явления. Подготовка к его появлению может развернуться и очень быстро, но может и быть задержанной неожиданными событиями. Задержка решительной развязки вызывается милосердием Божиим ради **покаяния** и желания **спасения** хотя бы и небольшого остатка верующих. Но, когда истощаются в сердцах людей спасительный страх Божий и способность покаяния, тогда быстро наступают все казни, предреченные судами Божиими.

От Западного мира трудно ожидать самостоятельного пробуждения покаянного подвига и стремления к восстановлению христианской жизни. Его можно ожидать только от того Русского Народа, который при самых жестоких гонениях на Церковь Христову и на веру, не отошел от Христа, не изменил Св. Православию и остался в Церкви своей, ушедшей в катакомбы. Не даром наши благочестивые предки, называвшие Москву – 3-м Римом и считавшие ее **последним и единственным оплотом Церкви Христовой** на земле, не даром и наш великий молитвенник и чудотворец Отец Иоанн Кронштадтский ни в каком народе не видел возможности задержки и отсрочки надвигающегося царства тьмы, кроме одного народа **Русского**. Ибо, по его словам, когда у **Русского** народа **не будет покаяния**, тогда конец мира близок. Только там в России при всенародном покаянии, при полном торжестве

Православной веры и Церкви могла бы быть восстановленной **«удерживающая»** Царская благословенная миропомазанная власть, которая могла бы вызвать обновление христианской жизни и во всем мире. От России ждали спасения всего мира и иностранные мыслители: Г. Ферреро и В. Шубарт, который утверждал, что «только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вешности и испорченный жаждой власти». Но если в России не станет покаяния, не произойдет ожидаемого переворота, то быстрое **завершение Апостасии** и приход Антихриста становятся **неизбежными**.

Теперешняя жизнь требует от каждого из нас самого внимательного и высокого духовного отношения ко всем явлениям, чтобы предохранить себя от ошибочного принятия **лжи** за **истину**, чтобы удержаться от ошибочных шагов в направлении неотвратимой гибели. Для этого необходимо всякое свое суждение проверять словом Божиим и разумом св. отцов. Затем нужна правильная духовная жизнь по указаниям св. Православной Церкви. «Надо оставить плотскую и греховную жизнь, потом посредством **покаяния** и **жительства** по евангельским заповедям очистить и украсить душевный храм, по совершении чего Святой Дух осеняет его, совершает в нем окончательное очищение и убранство. В такой храм нисходит Бог и учреждает в нем Свое духовное, невидимое, но вместе вполне ощущаемое и познаваемое **царство**. Кто примет внутрь себя **Царство Божие**, тот сможет иметь ясное понятие о втором пришествии Богочеловека, тот сможет узнать и избежать Антихриста или противостоять ему. Кто же не примет внутрь себя Царства Божия, тот **не узнает Антихриста**, тот непременно непонятным для себя образом **соделается его последователем**, тот не узнает **приближающейся кончины мира** и наступающего страшного второго пришествия Христова (см. Лук. 17, 20–21; 2Петр. 3, 3–4), оно застанет его неготовым. Никакое человеческое учение, никакое учение словом не достаточно для наставления тому, что требует наставления в душевной клети, наставления **от Самого Бога**. Стяжавший внутри себя Царство Божие имеет руководителем Святого Духа, Который наставляет на всякую истину (Иоан. 16, 13)

руководимого Им человека, не допускает его быть обманутым ложью, облакающей для удобнейшего обмана в призраки истины» (Еп. Игнатий Брянчанинов, т. 4-й, стр. 270–271).

Современная эпоха Апостасии является для нас **последним** предупреждением о том грозном бедствии, которое может очень скоро охватить весь мир. Она же является для нас и сильнейшим побуждением к сохранению своей теснейшей связи с Истинной Христовой Церковью, в которой мы только и можем стяжать спасительную благодать Божию, не допускающую нас до невольных губительных ошибок в распознавании верного пути. Промысл Божий рассеял по всему лицу свободного мира нашу Православную Русскую Зарубежную Церковь и поставил ее единственной носительницей неискаженной Христовой Правды и источником спасения для всех желающих и ищущих его.

Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви в 1959 г. объявил настоящий 1960 год **годом покаяния и усиленного церковного делания**, ибо одно только глубокое и искреннее покаяние может спасти нас. «Будем усердно молить Господа – да возродит Он Православную Державу Российскую, которая пошла бы по **историческим** стезям своим и стала бы **опорою** мира во всем мире... Тогда... возстанет и возвеселится Земля Русская и соберет рассеянных сынов своих от востока и запада, от севера и юга. И приидут народы многие, говоря – «приидите, взойдем в Землю Господню и в Дом Божиея Матери, и возвестит нам путь и пойдем по нему». «Мы идем с вами, ибо слышали и разумели, что с вами Бог» (Из Послания Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей – Боголюбивой пастве в рассеянии сущей. «Церковная Жизнь» №11–12, 1959 г.)

Протоиерей Борис Молчанов.

**Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.)
Митрополит Анастасий – обличитель
церковной политики безбожного
коммунизма. (Речь на Траурном Собрании
памяти покойного Первоиерарха в Нью
Йорке).**

Глубоко религиозный русский поэт В. А. Жуковский написал одно замечательное короткое четырехстрочное стихотворение:

*«О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию: были».*

Исполним этот духовный совет и мы сегодня, собравшиеся сюда, чтобы почтить память Великого Святителя Земли Русской, Блаженнейшего Митрополита Анастасия. Да смягчится и наша скорбь по почившем глубокой искренней благодарностью Господу за то, что сподобил нас, недостойных быть современниками такого великого мужа. Мы имели радость видеть его, слышать его проповеди, беседовать с ним, читать его произведения. И теперь мы можем вновь перечитывать им написанное и понимать по новому высказанные им мысли и чувства, потому что воистину его строчки **написаны не в ширину, а в глубину.**

В сегодняшнем моем кратком сообщении мне хочется обратить Ваше внимание на один старый труд нашего почившего Первосвятителя, написанный еще в 1933 г., в котором он является обличителем церковной политики безбожного коммунизма.

Мы достоверно знаем, что «Окружное Послание Собора Русских заграничных архиереев православной русской пастве», в июле 1933 г., по предложению Председателя Собора Блаженнейшего Митрополита Антония, – написано Архиепископом Анастасием, и является ответом на Послание

Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола – митрополита Сергия, от 23 марта 1933 г.

Впервые митрополит Сергей обратился к зарубежным епископам и прочему духовенству в августе 1927 г., с предписанием дать письменное обязательство «не допускать в своей общественной и особенно в церковной деятельности ничего такого, что м. б. принято за выражение нелояльности в отношении Советской власти», под угрозой, в случае неисполнения этого указа, увольнения означенных лиц от должности и исключения их из состава клира Московской Патриархии. В 1933 г. он решил возобновить свое требование через особое Послание от 23 марта 1933 г., обращенное к той части Русского Православного Зарубежья, которая канонически объединяется вокруг Архиерейского Заграничного Синода.

Послание митрополита Сергия было адресовано не непосредственно Синоду, а на имя Святейшего Патриарха Сербского Варнавы, в котором митрополит Сергей надеялся найти доброжелательного и безпристрастного посредника между ним и зарубежными епископами, зная его истинно братское отношение к Русской Православной Церкви.

Вот на это-то Послание митр. Сергия и поручено было Архиерейским Собором Архиепископу Анастасию написать ответ. Ответ этот очень пространный: он занимает 30 страниц убористого печатного текста.

Ниже мы сжато прореферируем этот замечательный труд Владыки Анастасия, приведя из него наиболее яркие большие цитаты.

«Призыв митр. Сергия 1933 года» – пишет Владыка Анастасий в вышеуказанном Послании – «в своем существе остается тем же, чем он был в 1927 г. и м. б. формулирован словами: «кто с Советской властью, тот и с Русскою Церковью; кто против первой, тот не м. б. и со второй». Таким образом связь с Матерью Церковью должна осуществляться для нас не иначе, как через принятие богоборческой власти, правящей ныне в России. Прежде, чем протянуть руку общения митрополиту Сергию, мы должны простереть ее большевикам и получить от них свидетельство своей политической

благонадежности, без чего Земеститель Местоблюстителя не может возстановить братского и канонического общения с нами...». «Только с явным насилием над истиной» – пишет в другом месте дальше Вл. Анастасий, «можно утверждать, как это делает митрополит Сергей, будто зарубежные епископы оставили свои епархии не по причине от них независимости, а по своей доброй воле. Никто добровольно не обрекает себя на изгнание, ибо горек хлеб последнего; скорби во время бегства, по словам св. Афанасия, часто мучительнее и ужаснее самой смерти. Всем известна зверская жестокость большевиков, с которой они устремились на епископов и священников, проявивших то или иное сочувствие их активным противникам, и особенно на тех, жизнь которых, по самому месту службы их была связана с судьбами Добровольческой и других, так называемых, белых армий. Очутиться в руках советских палачей после отступления этих армий и исхода их из России значило бы пережить больше, чем только варварское нашествие. Многих из епископов и прочих духовных лиц ожидал бы тогда несомненно мученический венец, но это был бы только счастливый жребий для них самих, но не для паствы, для которой они могли бы только усугубить ее страдания. Поэтому большинство из них предпочло уклониться от опасности – путем бегства, которое никогда не запрещалось, в подобных случаях Церковью». И Владыка Анастасий проводит следующие поучительные примеры. Так, св. Киприан Карфагенский разъяснил: «Уйти на время от опасности не составляет греха: гораздо хуже, оставаясь на месте, сделаться участником отступничества»... «Великий столп Православия Святитель Афанасий Александрийский», напоминает нам Владыка Анастасий, – «много раз спасался бегством от преследования ариан, оставляя свою паству; однако, когда он возвращался в Александрию, народ встречал его, как триумфатора. В ответ на обвинения своих врагов, укорявших его за мнимое малодушие, он написал свое знаменитое «Защитительное Слово», в котором оправдывает свое бегство столь мудрыми и непререкаемыми доводами, что они сохранили свою силу на все века»... «Бегство – говорит св. Афанасий – служит великим

обличением не гонимым, а гонителям». – «Бегство для святых было подвигом. Скончавшиеся в бегстве не безславно умирают, но могут похвалиться мученичеством»...

«Пастырь не должен сам отдаваться в руки врагов, когда сам Промысел указывает ему путь ко спасению, ибо это означало бы оказаться неблагодарным пред Господом, поступить против Его заповедей и не согласоваться с примером святых»...

«Решительный протест» – пишет дальше Владыка Анастасий – «выраженный митрополитом Сергием против существования зарубежного церковного центра, представляется тем более неожиданным, что он сам некогда находил в принципе и возможным и целесообразным образование подобного органа – в своем письме зарубежным епископам от 30 августа (12 сентября) 1926 г. Этот документ имеет для нас особенную цену и авторитет потому, что в нем выражена несомненно подлинная мысль и свободное решение митрополита Сергия, не поддавшегося еще давлению грубой большевицкой руки. Об этом свидетельствует прежде всего самый тон его письма, вполне искренний и доброжелательный в отношении к заграничным его собратьям, чуждый угроз и изворотливой софистической документации, коим отравлены, к сожалению, все последующие, исходящие от него акты»...

«За это время не произошло, как известно, никаких существенных перемен ни в порядке сношений зарубежного духовенства с Московской Патриархией, от которой оно по прежнему отделено непроходимой преградой, ни в характере Советской власти, которая осталась верна своему изначальному насильническому и грубо материалистическому существу. Изменилось, только, очевидно, отношение самого Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола к Советской власти, показателем которого явилась его известная Декларация от 16/29 июля 1927 г.»

«Действуя по отношению к Церкви по системе Юлиана Отступника» – пишет далее Владыка Анастасий – Советская власть не объявила открыто гонения на веру, но отняв у Церкви не только все юридические права в государстве, но и почти все

возможности для осуществления своей высокой миссии среди человеческого общества, наложив руку на ея святыни и целый ряд стеснительных ограничений на ея священнослужителей, – Советы поставили ее фактически на положение гонимой.

При таких обстоятельствах Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола не только имел право, но даже был обязан выступить печальником за Церковь перед Советской властью, чтобы вывести ее из столь тягостного безправного положения. Но он не соблюл здесь должного достоинства последней; он связал ее таким союзом с безбожным государством, который лишил ее внутренней свободы и вместе отступил от правды, блюстителем которой должен быть Первоиерарх Русской Церкви. В своей Декларации митрополит Сергей с одной стороны оправдал Советскую власть во многих ея преступлениях против Церкви и религии вообще, а с другой, вопреки очевидной истине, обвинил многих из достойных русских святителей и пастырей, сделавшихся исповедниками за православную истину, в мнимых контрреволюционных стремлениях, и помрачил мученический ореол всей Русской Церкви, признанной уже всем христианским миром. Уже одними этими словами он связал совесть русских людей и отнял у них до известной степени силу духовного сопротивления против всерастлевающего начала большевизма, которым насквозь проникнута Советская власть. Но митрополит Сергей пошел в своей Декларации гораздо дальше. Он объявил эту власть богоданной наравне со всякою другой законной властью и потребовал от всех духовных лиц, к какому бы чину они не принадлежали, подчинения Советам не только «за страх, но и за совесть», т. е. по внутреннему христианскому убеждению. Известно, что такого именно подчинения требуют себе большевики. Они не довольствуются внешним только и формальным исполнением гражданских обязанностей, возложенных государством на своих подданных, – они домогаются от всех внутреннего убежденного приятия революции, духовного слияния с ней. Митрополит Сергей и пошел навстречу такому желанию Советов, попытавшись наложить руку на самое святое святых человека – его совесть, и

подчинить ее своему контролю. Свое незаконное требование он не задумал распространить даже на епископов и клириков и других русских людей, находящихся за границей и не связанных подданством в отношении Советской власти. Зная, что большинство русских православных людей не могут внутренне примириться с самым фактом существования Советской власти, как совершенно безбожной и глубоко безнравственной, а равно и с практическими приемами ее управления, он постарался воздействовать на них непререкаемым авторитетом слова Божия и особенно часто ссылался на апостольское повеление повиноваться государственной власти, как «Божественному установлению», ибо «несть власть, аще не от Бога». (Рим. 13, 1). Ввиду этого мы считаем долгом возстановить истинный смысл этих слов, чтобы отнять всякий повод к смущению у православных людей, когда им указывают на столь решительное свидетельство Апостола в оправдание мнимой законности Советской власти.

По учению свв. Апостолов Петра и Павла, – власть есть орудие Божественного мироправления на земле. Она установлена Свыше для того, чтобы поощрять добро (т. е. охранять его и способствовать его развитию) и пресекать зло, пользуясь данным ей мечем для устрашения и наказания злодеев. В таком смысле начальник называется Божьим слугой на земле, страшным для злых людей, но благожелательным для добродетельных. В соответствии со столь высоким назначением власти ей следует повиноваться не только за страх, но и за совесть, т. е. вполне сознательно и свободно, «ради Господа», как говорит св. Апостол Петр (1 Посл. 2, 13), т. е. потому, что так угодно воле Божьей...

Итак, по ясному и вполне определенному учению свв. Апостолов, основанному несомненно на повелении Самого Христа Спасителя воздавать не только «Божия Богови», но и «кесарева кесареви» (Матф. 22, 21), – христианин безусловно обязан повиноваться государственной власти вообще, однако, возможна фактически такая власть, с подчинением которой не мирится христианское сердце. Возможно ли ей повиноваться за совесть? Тут обыкновенно и пользуются словами Апостола

Павла: «нести власть, еще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть», чтобы доказать обязательность подчинения всякому правительству, каково бы оно не было по источнику своего происхождения и нравственному облику. На самом же деле из них нельзя делать такого вывода, ибо здесь говорится о самом принципе власти. Что именно в таком чисто принципиальном смысле воспринимал всегда это место послания к Римлянам разум Церкви, об этом красноречиво говорят изъяснения этих Апостольских слов, данные Златоустом и Феодоритом... Власть, как Божественное установление, есть по существу своему добро, но и как всякое другое Божье создание, обладающее свободной волей, она может отступить от указанного ей назначения и превратиться в свою противоположность, т. е. во зло... Если бы всякая власть признавалась священной уже в силу факта своего существования, – Христос Спаситель не назвал бы Ирода «лисом». А Церковь не обличала бы до сих пор нечестивых государей, защищавших ереси и гнавших Православие. Наконец, если судить о власти по признаку ее внешней силы, а не по внутренним ее нравственным достоинствам, то легко можно поклониться зверю, т. е. антихристу, которого пришествие будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными (2Сол. 2, 9), «которому дана будет власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем и которому поклонятся все живущие на земле, кроме тех, имена которых записаны в книге жизни у Агнца» (Апок. 7–8).

«Кажется сказано достаточно» – заключает свои соображения Владыка Анастасий, «чтобы показать, что русский народ никак не может быть обязан повиноваться за совесть т. н. Советской власти, извратившей самый идеал государственности и насквозь проникнутой духом. богоборчества»...

«Не взирая на все это», пишет далее Владыка Анастасий, «некоторые из защитников митрополита Сергия доходят до таких крайностей, что готовы сплести ему мученический венец за то, что он, якобы, пожертвовал чистотою своего имени для спасения Церкви (?). Говорить так, значит прежде всего, злоупотреблять словом «мученик». Мученик всегда подвизается

за правду и идет к ней чистыми и прямыми путями; как только он уклоняется в «слова лукавствия», сияющий венец тотчас меркнет на его главе. Церковь не нуждается в таких жертвах, какие не отвечали бы ее достоинству. Но если бы кто сказал, что мы живем в исключительно тяжелое время, подобно которому быть может, никогда еще не было в истории Церкви, тому мы укажем на пример современного нам святителя, которого ныне Церковь ублажает как доблестного страдальца за истину. Это – в Бозе почивший Вениамин, Митрополит Петроградский (разстрелянный большевиками). Когда он томился уже в предсмертных муках и некоторые из преданных ему священников, желая сохранить его для себя и для паствы, стали умолять его пощадить себя для Церкви и умиловать Советскую власть исполнением ее незаконных требований, т. е. приступили к нему с тем самым искушением, в сети которого ныне впал Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола, – он ответил им следующими и поистине золотыми словами: «странны разсуждения некоторых, быть может и верующих пастырей (разумею Платонова): «надо хранить живые силы», т. е. их ради поступиться всем. Тогда ХРИСТОС НА ЧТО? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а ХРИСТОС. Та точка, на которую они пытаются встать, – гибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя». «Вот ответ, достойный истинного пастыря, которым отныне всегда будет украшаться Русская Церковь...

Совне Церковь никогда не казалась менее организованной, как в то время, когда она скрывалась в катакомбах. Однако оттуда она покорила весь мир»...

«...Печальное разделение, наблюдающееся ныне внутри Русской Церкви – неслучайно», – утверждает Владыка Анастасий. «Это – порождение революции, которая всегда ставит перед сознанием людей целый ряд принципиальных вопросов и потому подобно мечу глубоко входит в народный организм, отсекая его на части. Поскольку церковная жизнь связана с общественной, это разделение проникает и в недра Церкви, над которой сбываются слова Христа Спасителя:

«думаете ли вы, что я пришед дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение, ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца, мать против дочери и дочь против матери, свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей» (Лук. 12, 51–53)...

«Мы не отзываемся (пишет Вл. Анастасий) на его (митрополита Сергия) призыв к восстановлению канонического общения с ним не по недостатку миролюбия или церковного послушания, а по глубоким принципиальным и при том не политическим, а чисто нравственным и церковным основаниям.

Если при самом появлении большевизма, обещавшего сказать какое то новое слово человечеству, можно было заблуждаться относительно его подлинного характера, то теперь когда он окончательно выявил свою внутреннюю сущность и обнажил свое наглое лицо, смеющееся над всем святым, что есть в мире, и когда он показал полную неспособность к какому-либо изменению к лучшему, но идет на горшее, переполняя меру своих беззаконий, – теперь, кажется, никто из людей, сохранивших здравый смысл и неповрежденную совесть, не возьмет на себя смелость защищать само учение и методы действий коммунистов и всего менее, конечно, этого можно ожидать от пастырей Церкви...»

«...Только молчите – говорит нам митрополит Сергий – и не обличайте Советскую власть, ибо это есть акт политический».

«Молчи, только одно тебе говорю – молчи», гневно говорил некогда Грозный Царь Святителю Филиппу, считая его правдивые обличительные слова вмешательством в свое государево дело, но это не остановило дерзновенного великого Святителя, продолжавшего осуждать его жестокость и защищать поправную им правду.

Не можем последовать призыву митрополита Сергия и мы, зарубежные епископы. В те дни, когда Христос, почтивший нас быть Его верными и истинными свидетелями, борется с антихристом, мы не только не можем быть на стороне Его противников, но даже просто оставаться нейтральными в этой борьбе, ибо здесь «молчанием предается Бог», по слову

св. Григория Богослова. Если мы умолкнем перед лицом большевиков, то тогда подлинно возопиют камни. Мы были и остаемся поэтому непримиримыми в отношении слуг дьявола и не сложим поднятого против него оружия, которое одно прилично нам, до тех пор, пока не падет в России «престол сатаны» и она не воскреснет к новой жизни. Мы не боимся громко сказать об этом вслух всему миру, принимая на себя полную ответственность за свои слова. Для нас нет никакого сомнения в том, что Советская власть разобьется о ту несокрушимую твердыню, на которую она направляет ныне свои главные удары. Веруем и исповедуем, что Церковь Христова непобедима, ибо непреложно обетование ея Божественного Основания: «созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16, 18)».

Этими словами заканчивается Послание, составленное Владыкой Анастасием в 1933 г., т. е. 33 года тому назад. Но как оно современно. Как оно нужно нам, изнемогающим под гнетом окружающей нас лжи, которая захватывает почти весь мир, по причине почти всеобщего отступления человечества от Христа и Его Единой Истинной Церкви.

За 33 года, прошедших со времени написания Послания до настоящего времени – ничего существенного не изменилось ни в характере Советской власти, ни в характере Советской Церкви. Произошли только внешние перемены и пришли новые лица. В 1943 г. митрополит Сергей стал Патриархом. Строго каноническую оценку избрания митрополита Сергея Патриархом – дало Совещание 8 Русских зарубежных архиереев, собравшихся в Вене 8/21 октября 1943 г. под председательством митрополита Анастасия, указавшее незаконность выборов, ввиду нарушения правил, установленных на Всероссийском Московском Церковном Соборе 1917–1918 гг.

15 мая 1944 г. Патриарх Сергей скончался и его сменил Патриарх Алексей. Но сущность Советской Церкви осталась без перемен, как и сущность Советской власти. Поэтому, все, указанное Владыкой Анастасием в выше приведенном Послании – остается в силе.

Христианства нет без Церкви. Истинная Церковь может быть только одна. Спасение возможно только через Церковь. «Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец» (св. Киприан Карфагенский). Главная забота каждого истинного христианина – найти истинную Церковь Христову и «жить в Ней» (по словам Хомякова), а не только ходить в церковь. Живущему в истинной Церкви – ничто не страшно, даже сама смерть. «Претерпевший до конца – спасется». О конце мира сказано ясно и просто. Придет много волков в овечьей шкуре. Соблазнены будут многие, большинство. Многие прежде верные – соблазняются и отпадут. Но с другой стороны – придут с Востока и Запада – **новые верующие, которые были прежде неверующими**. Во времена прихода самого антихриста – многие от страха «будут издыхать», многие подчинятся, и только немногие – останутся верными. Этим последним обещана чудесная защита и помощь. Им сказано: «поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше». Также дан совет – «бежать в горы». Значить будут какие-то горы, которые скроют верных до конца. Верующих же к концу мировой истории будет все меньше и меньше и «Сын Человеческий пришед найдет ли веру на земле». Все это надо помнить, верить обетованиям Спасителя и до конца не сомневаться, не смущаться. «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте», сказал Сам Спаситель. «Все возможно верующему». Но все возможно и все не страшно только тому, кто истинно, искренно и правильно верит Спасителю и до конца не сомневается в Его заветах и исполняет их, помятуя главный из них: быть в ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ.

Вот почему и выступил еще в 1933 г. Владыка Анастасий с такой категорической решимостью грозным обличителем церковной политики безбожного коммунизма, способного соблазнить не только простых людей, но и ученых епископов.

Главная основная идея разобранного выше нами Послания Владыки Анастасия заключается в указании на ДОГМАТ О ЦЕРКВИ, КАК НА САМЫЙ ВАЖНЫЙ ДОГМАТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВСЕОБЩЕЙ АПОСТАСИИ.

Спасение возможно только в Истинной Единой Церкви, которую нужно найти. Не надо удивляться тому, что в настоящее время имеется много «Церквей», называемых «юрисдикциями», в которых многие лишь формально верующие христиане не могут разбраться. Именно про такое время и сказано в Евангелии: «Тогда, если кто скажет вам – «вот здесь Христос», или «там», – не верьте; ибо возстанут лжехристы и лжепророки и дадут великия знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

Удивляться надо не тому, что так много существует нынче «разделений» в Церковной жизни, а тому, что все это предсказано Спасителем почти две тысячи лет тому назад.

И ДАНО САМИМ СПАСИТЕЛЕМ ЯСНОЕ УКАЗАНИЕ: «ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ». И ВСЯКИЙ ИЩУЩИЙ ИСКРЕННЕ, ЛЮБЯЩИЙ ИСТИНУ БОЛЬШЕ ЖИЗНИ СВОЕЙ – НЕПРЕМЕННО НАЙДЕТ ИСТИННУЮ ЦЕРКОВЬ.

Проф. И. М. Андреев.

Б. Н. Компанейский († 1965 г.) Критика маркизма-ленинизма.

Марксизм-ленинизм можно критиковать с двух диаметрально противоположных точек зрения. Можно рассматривать его как некоторую научную теорию, и программу компартии, как программу последователей этой теории, стремящихся практически осуществить новую экономическую систему, проводимую для того, чтобы освободить человечество от гнета капитализма.

Можно также рассматривать учение Маркса-Ленина не по «вывескам» лозунгов, провозглашаемых им, но по делам последователей этого учения – коммунистов, проводящих его в жизнь. Дела эти показывают, что замена современной западной экономической системы коммунистическим государственным капитализмом отнюдь не есть конечная цель программы компартии, но лишь средство для того, чтобы «выжать» из рабочих, крестьян и вообще из каждого человека все его силы, лишит свободы, превратить в раба и отнять у него всякую возможность самостоятельно мыслить и даже чувствовать и желать. Все сказанное не есть еще конечная цель программы Маркса-Ленина. Она не пишется, а лишь узнается по делам. Этой конечной целью является уничтожение христианства и создание новой религии поклонников насилия, ненависти, лжи, предательства – скажем кратко – религии сатаны; Этой конечной цели подчинены все средства.

С этой точки зрения программа компартии и все «экономическое учение» Маркса-Ленина есть ничто иное, как вывеска, лживая реклама, под которой скрывается все «наоборот», в соответствии с «диалектикой», похищенной у Гегеля и переиначенной на свой образец. Коммунизм ставит своей целью обескровить человечество, ибо беспоклонники считают, что неимущего легче, чем обеспеченного человека сделать своим рабом: следовательно, коммунизм обещает «сытую жизнь». Коммунизм есть рабство, следовательно коммунисты провозглашают «освобождение от цепей». В стране

коммунизма люди не знают, что значит радость свободного человека. Следовательно, на всех плакатах изображаются смеющиеся рабы.

Те, кто придерживаются первой точки зрения, анализируют учение Маркса-Ленина, по его «вывескам» – ищут исторические корни марксизма, изучают развитие коммунистических идей и т. д.

Делая это, они совершают опасное и вредное дело, так как или притворяются, что не знают истинных задач компартии, или по наивности и непростительному легкомыслию, а может быть и по другим причинам, изучают фальшивые монеты, считая их полноценными. Они, эти критики, ищут «ошибки» в мышлении марксистов и в действиях компартии, в то время как на самом деле, конечно, никаких «ошибок» нет, а есть только игра крапленными картами.

Наконец есть еще одна точка зрения – ее защищают обычно критики, настоящие друзья коммунистов. Они критикуют коммунизм с точки зрения его «эволюции» и перерождения. Тайный смысл такого рода критики – показать, что коммунизма больше страшиться нечего – Церковь больше не преследуется, офицеры Красной Армии носят погоны и даже крестьянам дали клочки земли. Все хорошо.

Подобные «критики» считают, что «полицейский гнет» Сталинского режима можно объяснить политическими причинами временного характера. Как будто бы небывалый до того в истории человечества террор, который принес страдания и смерть миллионам ни в чем неповинных людей, можно считать «временным явлением», а не порождением безчеловечной системы, направленной к порабощению людей.

Высказывается положение, что в настоящее время коммунистическая система защищает семью и брак. Не в том ли видят эту защиту брака, что теперь гражданское бракосочетание вместо простой записи в ЗАГС, совершается в специально для этого оборудованном «дворце» и невесты надевают фату? Церковное же бракосочетание остается под таким же запретом, как и во времена до пресловутой «эволюции» коммунизма.

Не в том ли видят защиту семьи, что детей, которых родители воспитывают в благочестии и религиозном духе, отбирают от них и отдают в детские дома, а родителей подвергают всевозможным взысканиям и унижениям?

Считают, что отрицание личной собственности сменилось у коммунистов ставкой на зажиточность крестьян. Как будто данный им во владение клочок земли приусадебного участка избавляет их от системы колхозного обезличивания, которая убивает действительную производительность крестьянского труда.

Утверждают даже, что взамен христианской морали коммунисты пытаются создать какую-то «общественную» нравственность. Очевидно она создается по мнению подобных «критиков» при содействии и под наблюдением таких высоко-нравственных органов как ГПУ и НКВД.

В действительности никакой эволюции коммунистического строя не существует. Свобода личности, самое драгоценное достояние человека в его земной жизни, попирается при советском строе в настоящее время так же как и раньше. Гонение на христианство, принимая новые формы становится сильнее и утонченнее с каждым днем.

Научные достижения, о которых с таким пафосом возглашает на весь земной мир советское правительство, являются достижениями творческого духа русского народа, который стремится к знанию и овладению наукой независимо от политического строя или, вернее говоря, несмотря на него. Поэтому достижения эти в области физико-математических, технических и прикладных наук, которыми только и можно заниматься свободно при советском строе, очень высоки.

Что же касается общей культуры и области общественных наук – философии, психологии, истории, политической экономии, литературоведения и пр. и даже биологических наук, то вкоренение неправильных и извращенных взглядов и давно изжитых современной наукой теорий, нанесло им на долгое время непоправимый вред.

Такой же страшный и опустошительный удар нанес коммунистический строй русскому искусству – литературе,

поэзии, живописи, музыке и пр., так как истинное творчество не терпит принуждения.

Стремясь направить все на служение своему строю и на восхваление его, коммунисты беспощадно уничтожают всех и вся, что носит на себе печать свободы и духовных стремлений человека.

Этим они показывают свой истинный лик – прислужников сатаны, врага человеческого рода, – лик антихристов.

Проф. Н. Коваленский.

Проф. Ф. В. Вербицкий († 1971 г.) Памяти Царя-Мученика (4/17 июля).

Сегодняшний день, посвященный памяти мученической смерти Государя Николая II-го и всей Его Августейшей Семьи, является днем глубокой и неизбывной, не только Всероссийской Скорби, но и всех обитателей Вселенной, задумавшихся о судьбах мира. Чудовищным Екатеринбургским злодеянием сатанинским силам впервые удалось разрушить Великое Православное Царство, веками стоявшее каменной преградой на их путях к овладению Божьим миром.

Во веки вечные «ни вычеркнуть пером, ни вырубить топором» и не забыть пламенный вопль Венценосного Страдальца: «Кругом измена, трусость и обман», в жуткие дни пред вырванным у Него подосланными извергами актом об отречении от Престола.

Незабываемо тяжким укором прозвучал этот предсмертный стон для всех нас, и, в первую очередь, – для ближайшего окружения Трона, вплоть до Великих Князей, а, больше всего, – для лиц, вольно или невольно создававших ту обстановку, в которой уже не оставалось выхода для иных решений, тем более, что решать приходилось не только о судьбе Своей и Своей Семьи, но и о судьбе горячо любимой Родины.

На этом мрачном фоне ярко сияют имена верных царских слуг, добровольно разделивших крестный путь всей Царской Семьи. Среди этих «верных до смерти», были люди всех положений до простолюдина включительно. (К чести и гордости врачебного сословия был среди них и лейб-медик Царской Семьи Е. С. Боткин, с которым мы одновременно были доцентами нашей общей альма-матер Военно-Медицинской Академии.)

Ярко сияют имена миллионов известных и неизвестных героев в рядах воинов и простых граждан («имена их Ты, Господи, веши!»), до последнего дыхания сохранивших верность Царю и Родине в эти кошмарные дни.

В стремлении сгладить свои вины и переложить их с больной головы на здоровую, утратившие правду и совесть заговорщики, толкавшие в пропасть свою Родину, изображают Царя-Мученика слабовольным и безхарактерным, не умеющим управлять Великой Державой, приписывая этому источник всех зол.

Разрушая под диктовку враждебного Православному Царству Запада вековые устои своей Родины, они старались вносить всяческое разстройство в жизнь ее, постоянно сталкиваясь с поставленными волею Монарха блюстителями порядка и правды в жизни населения.

Сатана не дремлет, и в извечной борьбе Добра и Зла даже среди апостолов нашелся Иуда. Немало – и все больше и больше – рождается предателей в соблазнах века сего; и все меньше и меньше уже в те дни оставалось в окружении Престола безтрепетных слуг его.

В союзе, а, иногда, и состоя на службе вражеских сил, обуянные гордыней, предатели Родины не останавливались ни пред какими преступлениями для достижения своих целей, и жертвами их пали тысячи и тысячи верных слуг Отечества – от оставшихся безвестными городовых и воинов до покрытых честью и славой ближайших сподвижников Царя: непоколебимого министра внутр. дел Плеве; пламенно любившего свое Отечество П. А. Столыпина, бросившего с кафедры Думы, свою историческую фразу: «вам нужны великия потрясения, а нам нужна Великая Россия»; тесно связанного с Царской Семьей Вел. Князя Сергея Александровича, – дядю Государя, адмиралов Дубасова и Чухнина, ген. Сахарова и т. д. и т. д.

Для растлевания недр крепкого народа русского был создан специальный сложный аппарат из мнящих себя «солью земли» и обуянных гордыней недоучек (студентов, сельских учителей, писарей и т. под.), насаждавших плевелы для одурманивания «малых сих».

Несмотря на все эти, стоящие немало денег и жизней орудия растления, все же, все эти сеятели зла на земле оказались бессильными сломить непреклонную волю «безвольного» Царя, и обозленные неудачами изверги

чудовищным Екатеринбургским злодеянием оборвали земной путь Венценосного Страдальца, оскверняя гнусной ложью, клеветой и кощунственными хитросплетениями белоснежный образ Его в глазах грядущих поколений.

На наших глазах, как крысы с тонущего корабля посыпались при крушении Великой Державы революционные гады во главе с Керенским и Гучковым, с легкой душой покидая уготованный ими «рай» для русского народа и унося с собой полные чемоданы расхищаемых народных богатств; с пустыми карманами – и кто как может – улепетывали из родных мест одураченные «герои революции» во главе с П. Родзянко, которого я потом не раз лицезрел в Белграде в жалком положении «избеглицы».

Изучая по мере своих сил и возможностей жизнь и деяния Царя-Мученика попытаюсь представить светлый лик Его, вылитый в Его подлинных словах и в свидетельствах авторитетных лиц, находившихся в тесном соприкосновении с Ним.

В дышащем горячей любовью к Отчизне повествовании сына учительницы Царских детей, росшего и воспитывавшегося в царском дворце в условиях братского содружества со своими царственными сверстниками – будущим Императором Николаем Вторым и рано угасшим Его братом Георгием – «отрок» Николай рисуется уже в ту пору крепким и твердым в выполнении своего долга и весьма самостоятельным в своих суждениях. В условиях дворцового этикета Он рос простым, добрым и душевно близким Своим сверстникам вплоть до детей дворцовой прислуги. (И. Сургучов: «Детство Императора Николая II», Париж, 1953 г.).

Таким же остался Он и в юношеские годы, в положении Наследника Престола, готовясь к тяжелому и ответственному служению Родине.

И уже в те дни на Его долю выпало грозившее Его жизни тяжелое испытание в обстановке выполнения Своего долга при ознакомлении с восточными пределами Российской Державы. Только поистине чудесным вмешательством сопровождавшего

Его греческого принца Георгия была спасена Его жизнь при покушении японского самурая.

С осложнениями и всяческими затруднениями протекали и первые годы Его царствования.

«Пробой пера» предателей, получивших заказ на русскую революцию, было возстание Кронштадтских моряков. В мемуарах мин. ин. дел Извольского описывается знаменательный эпизод из тех дней: выслушав с полным спокойствием доклад министра о надвигающейся опасности и, словно прозревая будущее Царь сказал: «все в руках Божьих. Я молюсь каждое утро: да будет воля Господня».

Вновь грозно стал вопрос об опасных осложнениях в связи с убийством Австрийского Престолонаследника в Сараево, о чем последовал доклад того же министра, в мрачных красках рисующий положение.

Приняв спокойно и этот доклад и, видя удивление на лице министра, Государь, удостоив его Своего доверия, поделился с ним Своими переживаниями:

«Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей Семьи в руках Господа, Который поставил меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его Волей в убеждении, что никогда не имел иной мысли, как служить той стране, которую Он вручил Мне».

Значительно позже – в годы перед Первой Мировой войной – многолетний Посол Франции при русском Дворе Морис Палеолог запечатлел в своих «Воспоминаниях» следующие знаменательные слова Государя, переданные ему мин. ин. дел Сазоновым и Предс. Сов. Мин. Столыпиным: «Я имею больше, чем предчувствие, но полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям *и не получу награды здесь на земле*. Сколько раз я применял к себе слова Иова (в день которого Государь родился): «Едва я почувствую опасность, она осуществляется, и все несчастья, которых я опасаясь падают на меня».

О тяжких испытаниях, ожидавших Его на земном пути, Он знал из переданного Ему при открытии мощей преподобного

Серафима Саровского письма Святого, врученного Им незадолго до смерти глубоко верующей и Богобоязненной Е. И. Мотовиловой. В этом письме, налитанном за 70 лет до этого события, *«Царю, который придет в Саров особо обо мне молиться»*, были ясно предначертаны судьбы нашей Родины и Самого Царя (Д. Ходнев, «Россия», 1967 г., 19 мая).

И, несмотря на все эти прозрения будущего, безгранично преданный Воле Божьей Государь уже в безпросветной революционной обстановке оставался непоколебимо твердым в исполнении Своего долга: «Быть может, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию? Я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня»... «Для России, для ея счастья Я готов отдать и трон и жизнь»... Эти слова звучали в ответ на совет быть осторожным и благоразумным при надвигающейся грозной опасности.

Непоколебимо верным Своему долгу Он оставался на протяжении всего Своего царствования.

В отеческом попечении о русском воине, до смерти стоящем на страже своего Отечества, Он счел Своим долгом самолично испытать тяготы русского солдата при несении службы и, при введении новой формы обмундирования, чтобы испытать на Самом Себе тяжесть ея, Он, облачившись втайне и от царедворцев и от Своих близких в солдатскую амуницию, с ружьем в руках и остальным прикладом, промаршировал никем не узанным в Ялте во время Своего отдыха от державных забот.

Невольно тут приходят на ум тепло описанные нашими корифеями образы Пушкинского «кап. Миронова», Лермонтовского «Максима Максимовича», Толстовского «кап. Тушина» и без счета оставшихся безвестными, беззаветно любивших свою Родину «отцов-командиров».

Где же тут безволие, слабыхарактерность и прочие черты, не подобающие Первому Воину Державы – Царю, которые приписывают Ему защищающие свою шкуру пасквилянты?!

А жертвенный порыв: в весьма безотрадной обстановке Первой Мировой Войны взял на Себя ответственность за исход ея, приняв на Себя Верховное Командование Армией?!

Если этого не понимали или не хотели понять клеветники Царя, то это сразу поняли русские простые воины, прославившие русского солдата новыми подвигами.

Переживавший всем сердцем и всей душой радости и горести этой войны ген. Лохвицкий, в ярком описании в ходе войны при переходе Верховного Командования в руки Самого Государя, – красочно свидетельствует: «чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей Петру Великому потребовалось 9 лет, а Верховный Главнокомандующий Импер. Николай II сделал ту же великую работу в *полтора года*»...

Понять это, – жертвенный порыв «безвольного» Царя, могут только крепкие духом, глубоко верующие люди, живущие не личными страстями и земными счетами и расчетами, а в основу своего земного пути безтрепетно полагающие веления Божия. Чистый сердцем и исполненный безпредельной веры в милость Божью, без ропота и колебаний, с молитвой на устах выполнял Царь-Мученик все выпадающая на Его долю тягчайшая испытания и самую смерть, имея пред очами Своими начертанные нам слова молитвы Господней: «Да будет воля Твоя!»

Если не сумели понять и оценить этот подвиг свои, то под диктовку от лукавого сразу почувствовали его враги Великого Православного Царства, веками стоявшего на их путях к овладению Божьим миром. Забыв даже о том, что они находятся в междоусобной жестокой борьбе на почве взаимных счетов и расчетов они – и наши враги и наши союзники – в полном единении принялись со всех сторон поджигать революцию, усердно используя наших домашних предателей, в положении «Мавров» выполнявших их гнусное дело.

Безграничной любовью к Родине и отеческим попечением о судьбах ее и о русском воине сияют строки прощального Обращения Царя-Мученика к родным войскам после отречения от Престола.

Стоном одиноко вопиющего в пустыне прозвучали Его, жгущая совесть всех нас, слова: «кругом измена, трусость и обман!»

Не укрылась от бдительного царского ока царящая в окружении Престола атмосфера и, принимая (9 сент. 1915 г.) в Царском Селе Посла Франции, Государь четко обрисовал ему окружающую Трон обстановку: «Эти миазмы Петрограда... их чувствуешь здесь, на расстоянии 22-х верст. И этот скверный дух идет не из народных кварталов, а из салонов. Какой срам! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенными совести, патриотизма и веры?!..

Эти «настроения» в кругах царедворцев описывает в своих мемуарах и английский военный представитель при Ставке ген. Вильямс.

«Один из критиков, проведя в России 24 часа, дал мне о Государе такой отзыв, что я подумал, что он эти часы провел в помойных ямах Петербурга. Иначе, он не мог нигде собрать сведений, более лживых, несправедливых и столь же ошибочных, как и злобных (П. П. Стремоухов, «Русская Летопись» т. VII).

Как бы не кляузничали; что бы не выдумывали в свое оправдание поджигавшие революцию изверги, стремящиеся очернить белоснежно-чистую пред Богом и людьми память Царя-Мученика, рассеется как дым все это в правдивой Истории тех дней, о чем свидетельствуют непреложные факты, выраженные устами наших друзей и наших врагов, принимавших участие в событиях тех дней.

«Весной 1917 г. можно было принят только одно решение: оборону на всех фронтах»... пишет в своих «Воспоминаниях» фельдм. Гинденбург; «Мы накануне катастрофы», вторит ему нач. штаба Германских Армий марш. Людендорф («Мои Воспоминания» т. 1); «Наше положение исключительно трудное и не видно выхода»...

Это признают и союзники: «В марте: Царь был на Престоле. Российская Империя и русская Армия держались. Фронт был обеспечен и победа обеспечена», пишет Премьер Мин. Англии Черчилль.

О твердости характера Государя в проведении Своих планов президент Франции Поль Лубэ говорит: «Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное»...

«Он предан Своим идеям. Он защищает их с терпением и упорством. Он имеет задолго продуманные планы»...

«Он скорее пожертвует жизнью, чем изменит Своему слову», свидетельствует долголетний Посланник Франции при Русском Дворе Палеолог.

Четко и ярко описывает положение на фронтах в те дни В. Черчилль.

«Строй, который в Нем воплощается; строй, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами придавал жизненную силу – выиграл войну для России».

Чего только не выдумывали заморские «кудесники», а под их дудочку – и наши прихвостни, чтобы облить грязью Царскую «некультурную» Россию, но точные, чуждые человеческих страстей цифры (которые можно воочию видеть в капитальном труде, посвященном царствованию Царя-Мученика, проф. Ольденбурга) убедительно показывают огромные, а по отдельным отраслям, – и колоссальные успехи.

Ж.-дорожная сеть увеличилась на 150%; колоссально возрасла обрабатывающая и добывающая промышленность: добыча нефти – на 100%; кам. угля на 430%; жел. руды на 140%; производство сахара на 400% и т. д., и т. под.

Страна богатела и быстрыми шагами шла вперед: золотой запас с 650 миллионов (в 1894 г.) возрос на 1600 милл., т. е. на 100%.

Живший в гордившейся своей демократией Англии и дважды посетивший Россию в целях изучения ее при царствовании Николая II проф. Эдинбург. Унив. Чарлз Саролэ пишет: «Русская монархия была, по всей вероятности, в те дни самым прогрессивным правительством в Европе».

Не потерял присутствие духа Царь-Мученик и в катастрофической обстановке Петербургского бунта, подогреваемого выползшими из всех щелей гадами и ширившегося вследствие недостаточной бдительности поставленных на постах «часовых», пекущихся больше о самих себе, чем о Родине.

Безпристрастное обсуждение предложенных Самим Государем и предпринимаемых с опасностью для собственной

жизни мер приводит, (к сожалению, с трагическим запозданием), к заключению, что они, действительно, могли бы коренным образом изменить положение и предотвратить катастрофу.

Но, к сожалению, стоящие на ответственных постах «часовые» в кишачем вредителями «механизме» были подточены «изменой, трусостью и обманом», и «мотор» не двинулся с места. (Приказ об отмене посылки надежных частей в мятежный Петроград был издан именем Государя, но без *Его воли*) (Ходнев, «Россия», 1967 г., 17 марта).

Подготовка к революции велась десятками лет. Без счета гибли на своих постах верные Царю и Родине люди, и вражьем влиянием в ряды «часовых», на ключевых позициях Державы Российской, всякими правдами и неправдами втискивались недостойные элементы.

«Секретом Полишинеля» стал после революции: притон для доморощенных предателей под прикрытием дипломатической неприкосновенности и союзнического лицемерия у английского Посла Бьюкенена; густая сеть шпионов и растлителей, управляемая немцами; шипящие салоны (вплоть до великокняжеских), извергавшие потоки лжи, клеветы и грязных измышлений, мутивших мозги русского человека.

В этой обстановке покорный воле Божьей Царь-Мученик безтрепетно нес Свой тяжкий крест в неизбывной любви к Своему народу, и таким же непоколебимым остался Он и в заточении, уготованном Ему ходом событий.

Как трогательно и с какой любовью относился кроткий и добрый Царь к «малым сим», и мне, далекому от придворной жизни, воочию пришлось видеть при посещении Им Киева.

Возвращаясь в день приезда Его из Университета после лекции домой по Владимирской улице и подходя к Театральной Площади, на которую выходили окна моей квартиры, я увидел на углу Фундуклеевской улицы толпы народа, запрудившие всю улицу, и совсем близко от себя автомобиль с Государем.

Приковав свои глаза к озаренному Его незабываемой улыбкой лицу с рукой у козырька, отвечающему на все стороны на восторженные приветствия ошастливленных Его приездом

русских людей, я вдруг вижу, что, отняв руку от козырька, Государь дает какие-то указания шоферу и тот замедляет ход автомобиля. Взор Государя с рукой у козырька направляется в сторону еще не вполне заполненной народом площади. Поглядев туда, куда обращен был взор Царя с Его очаровательной улыбкой, я, не без охватившего меня волнения, увидел галопом несущуюся к царскому автомобилю нашу нянюшку, держащую за руки с обеих сторон едва поспевающих за ней своих «птенцов» – моих детей (которым было тогда по 6–7 лет). Наблюдая в волнении «вне себя» эту картину, я вижу, как, ласково глядя на мчавшуюся из последних сил эту «тройку», Самодержец Всероссийский, приложил Свою руку к козырьку, тепло благодарит Своих «недозрелых» верноподданных за ярко выраженные Ему чувства.

До смерти своей вспоминала эту встречу, скончавшаяся у нас в Белграде наша няня, ставшая навсегда нераздельным членом нашей семьи, и до смерти буду вспоминать это и я.

В те дни, когда Ленин готовил постыдный Брест-Литовский мир, слившаяся душой и телом с Россией Государыня, на которую с неистовством клеветали предатели Родины всех мастей, горячо молилась: «О, Боже, спаси Россию! Только не этот постыдный мир!...»

Терпя всяческие лишения и унижения в условиях Тобольского заточения, в ответ на поставленный Ей оставшимся верным до смерти Царской Семье лейб-медиком Е. С. Боткиным вопрос о выезде за границу, из глубины души Царственной Страдалицы прозвучали слова: «Я лучше буду полумойкой, но я буду в России!» («Воспоминания о Царской Семье» дочери Е. С. Боткина, Татьяны Мельник. Белград. 1921 г., стр. 24), а детям своим повторяла: «Нельзя вырвать из своего сердца любовь к России»... И Царевны молились за родной народ: и за друзей, и за врагов.

Ни в Истории нашего народа, ни в Истории других народов нет равного по силе и красоте примера!

Какой нетленной красотой и покорностью воле Божьей сияют последние дни на земле Венценосных Страдальцев в описании воспитателя Царских Детей швейцарца Жильяра,

разделявшего с Царской Семьей ужасы заточения: «Император и Императрица предполагали умереть мучениками за Свою страну. Они умерли мучениками за все Человечество», заканчивает он свои «Воспоминания».

В предвидении грозных событий не только над Россией, но и над всем миром, Русский Царь уже задолго до Мировой Войны пытается предотвратить нависшую катастрофу, и впервые с высоты Его Престола прозвучало Обращение к народам всего мира в Гааге...

Но дышущее Божьей Правдой, оно не нашло отзвука у исповедующих не Божью, а свою, материалистическую «правду» «Великих Демократий» и было отвергнуто.

Что творится на белом свете в наш век высочайшей культуры с радио, телевидением, атомными бомбами и пр., «великими достижениями» – мы все знаем, а что нас ждет, это ведомо только Господу Богу.

Заканчивающий девятый десяток жизни я не буду видеть, но твердо верю, что, если вновь придет возстановление «на земли мира и в человецех благоволения», то это может придти только от Господа Бога через покаявшийся русский народ.

Проф. Ф. В. Вербицкий.

[И. Л. Мейер.] Как погибла Царская Семья⁵

Перед печатанием этой брошюры нам советовали выпустить те места, в которых мы встречаем несправедливые и ложные отзывы о Царской Семье. Но мы их печатаем полностью, чтобы не нарушать общего тона воспоминаний австрийца-коммуниста. Коммунист-иностранец, не бывший в России в мирное время и, познакомившись с нею только через очки компартии, не мог иначе писать.

Но, оставляя все без изменения, мы даем свои примечания к некоторым местатам этих воспоминаний.

Редакция. (Журнала «Согласие»).

В немецком журнале «7 TAGE», с 14 июля по 25 августа 1956 года печаталось следующее сообщение:

«Прошло 38 лет после события, которое потрясло весь мир.

В течение 38 лет последние подробности этой кровавой бани оставались неизвестными.

Теперь, в первый раз, выступает человек, который был свидетелем. Он подтверждает свое сообщение документами, которые еще никогда не были опубликованы.

Редактор журнала «7 TAGE» нашел его и задал ему сперва следующие вопросы:

Вопрос: Вы были в те дни, когда была убита Царская Семья, в Екатеринбурге? Как вы туда попали?

Ответ: Шестого июля 1916 г. под Ровно, я попал в русский плен как солдат австрийской армии. Я был отправлен в Сибирь и должен был там работать на постройке железной дороги и в шахтах. Когда большевики пришли к власти, они нас освободили. Многие из нас поступили в красную гвардию, чтобы не погибнуть от голода.

Вопрос: Вы оказались на ответственном месте в Красном Совете в Екатеринбурге?

Ответ: Благодаря моему знанию языков, я был доверенным лицом Международной Бригады в Уральском

военном округе и работал в МОБ отделе Советского Уральского Управления.

Вопрос: Вы присутствовали на решающих заседаниях Екатеринбургских Советов?

Ответ: Да, я был на заседании, на котором было решено ликвидировать Царскую Семью, а также на заседании, на котором цареубийца Юровский сделал последовательный доклад об убийстве. Я так же был в лесу «Четыре брата», где произошло уничтожение трупов.

Вопрос: Вам известны имена до сих пор неизвестных участников разстрела?

Ответ: Я сохранил документы, в которых указаны все люди, участвовавшие в разстреле и в уничтожении трупов.

Вопрос: Почему вы молчали 38 лет, чтобы только теперь опубликовать Ваше сообщение и документы?

Ответ: В 1922 году, когда я оставил Россию, то на моей родине Австрии, солдаты, предоставившие себя в распоряжение красной Армии, считались изменниками. Я не хотел тогда осложнять свое обывательское существование. Под властью национал-социалистов признание в принадлежности к русской коммунистической партии было смертельно опасно. Затем я жил долгое время в русской оккупационной зоне Германии и должен был так же молчать.

Вопрос: Почему вы теперь сообщаете вашу тайну и ваши документы?

Ответ: Появление различных, так называемых, «Царских Дочерей» заставило меня наконец опубликовать правду об убийстве Царя.

Вопрос: Вы можете доказать ваши показания, которые гораздо обширнее сообщения Соколова, русского белого следователя, и других личностей?

Ответ: Я не только могу подтвердить мое сообщение, но и доказать документами, до сих пор неизвестными. Некоторые документы, вывезенные мной в Европу, пропали во время войны, при бомбардировках. Но то, что я при этом сообщении прилагаю, должно еще быть достаточным, чтобы вполне

разъяснить, наконец, одно из самых потрясающих событий нашего столетия».

Четвертого июля 1918 г. я пришел в первый раз в «Дом особого назначения», как официально называлась вилла Ипатьева. Это был тот день, в который была разрушена последняя надежда на спасение извне для Царя и Его Семьи. Революционный штаб сделал внезапное посещение, т. к. ему стало известно, что в доме, где находилась под стражей Царская Семья, должны произойти странные происшествия.

Дом купца Ипатьева был двухэтажной постройки и находился на возвышенной части т. н. Вознесенского Проспекта.

Конечно, это было редкое совпадение, что последний Царь Дома Романовых как раз был заключен в дом, который носил одинаковое имя с тем монастырем, из которого Его Предок, боярин Михаил Феодорович Романов вступил на дорогу к трону.

Фасад дома выходил на восток. Весь верхний этаж был предоставлен Царской Семье, за исключением одной комнаты, которую всегда занимал комендант дома. Царь, Царица, и больной Наследник занимали большую угловую комнату. Рядом жили четыре дочери в одной комнате. Следующую комнату занимала придворная горничная Демидова. Около угловой комнаты расположился доктор *Боткин*, а в одной из задних повар Харитонов и слуга Трупп. Позади находилась кухня, ванна и туалет. В нижнем этаже помещались красногвардейцы, которые несли внутреннюю охрану. Их было 20 человек. Они носили штатское платье, белый пояс с патронташем и такой же ремень на винтовке. Только коменданты стражи и дома носили красную повязку на левом рукаве. Внешняя стража была расположена наискось, в доме Попова.

Вокруг дома был построен двойной забор из сырых бревен и телеграфных столбов. Внутренний забор окружал только часть дома, а внешний – весь дом. Он имел только двое ворот, которые очень строго охранялись. Внутренняя стража, в то время, состояла только из русских. Ее поведение не было особенно хорошее и часто поступали жалобы в революционный штаб, что эти люди были по ночам пьяны и громко кричали. Но жалобы, которые привели к обыску 4 июля, казались

значительно серьезнее, т. к. обыск был предпринят без какого бы то ни было предупреждения. Мы вышли рано утром и *Мебиус*, начальник революционного штаба, заставил стражу выстроиться. Поверяли имеет ли каждый человек винтовку и установили, что ни у кого не пропало его оружие. Затем *Мебиус* взял коменданта дома *Авдеева* с собой и начал обыскивать дом снизу доверху. Было ясно, что он предполагает что-то определенное. Внезапно *Мебиус* нашел в ванной комнате, под самой ванной, пять винтовок, завернутых в тряпки. Некоторое количество патронов лежало спрятанными под опилками.

В этот момент неопределенная судьба *Романовых* была окончательно решена. *Мебиус* не был человеком, который мог безнаказанно оставить попытку освободить Царя.

Во всех сообщениях «Западного мира» о последних днях Царской Семьи говорилось об одном «латыше блондине», который сыграл решающую роль в убийстве Царской Семьи. Его имя не было никогда известным. Этот «блондин латыш» был в действительности немец и его имя Александр *Мебиус*. Его родители поселились в России в 70-х годах. Он сам учился в Петербургской гимназии, а впоследствии в Горном Институте. Как и многие студенты, он так же принадлежал, еще в ранние годы, к революционной организации. В начале войны, как и все немцы, он был сослан в Сибирь, как гражданский пленный. Он умел привлечь к себе многих немецких и венгерских военнопленных, которые прибывали в Сибирь в течение следующих лет и наблюдал, чтобы они не очень страдали от понукания казаков. После крушения Царского правительства он уехал в Петроград и организовал позднее в *Выборге* первый городской совет, а затем был послан *Троцким* в Сибирь в качестве начальника революционного штаба. Я редко встречал такого безкомпромиссного защитника своего дела, как Александр *Мебиус*. Личных интересов он не знал, так же как и любовных походов или друзей. Он мало говорил, а там, где он появлялся, он действовал, как железная метла.

Так же в тот момент, когда *Мебиус* нашел винтовки и патроны в ванной комнате *Ипатьевского* дома, он не сказал ни слова, взял винтовки и поехал в свою канцелярию. Ровно через

час маршировала рота 1-го Камышевского стрелкового полка вместе с командиром *Чернышевым* около дома *Ипатьева*, *Мебиус* снова уехал в своем автомобиле и отправился к военному комиссару *Голочекину*, который был долго в ссылке, в сибирских тундрах, вместе со *Свердловым*. Он был высокий и худощавый человек с глубоко-сидящими глазами, высоким лбом и густыми усами. Ему подчинялась вся военная организация красной армии на среднем Урале.

– «Товарищ *Голочекин!*» – сказал *Мебиус* резко, – «прикажите всем людям построиться. Кто не принадлежит к ЧК будет сейчас же отправлен на фронт».

Через несколько минут все люди стояли с винтовками перед домом. Они вынули из патронташей свои патроны. У каждого была винтовка. Откуда появились те винтовки и патроны, которые лежали наверху, в ванной комнате? *Мебиус* не давал никому покоя: все склады оружия были проверены. Также производимые *Голочекиным* допросы в течение нескольких дней в доме советов не дали никаких результатов. Одно было ясно: еще находилось оружие в городе, о котором советские власти ничего не знали, и были люди в городе, которые серьезно думали при помощи этого оружия освободить из заключения Царскую Семью.

Это произошло, как сказано, 4-го июля. С этого дня революционный штаб не упускал из вида дом *Ипатьева*. Если подобная попытка будет еще раз предпринята, то она натолкнется на этот раз на бдительность новой охраны, которая теперь состояла только из органов ЧК и Интернациональной бригады, т. е. людей, которые под Царским режимом много страдали, как военнопленные, людей, которые дадут себя скорее застрелить, чем допустить освобождение *Романовых*.⁶

Команда новой охраны, с этого дня, была поручена человеку, который вошел в историю как убийца *Царя*: *Янкелю Юровскому*.

Янкель Михайлович Юровский родился в религиозной семье в 1878 г. в одном городе Томской губернии. Он позднее участвовал в восстании в Лодзи и бежал в Германию, где он научился говорить хорошо по-немецки, конечно с еврейским

произношением. Позднее он снова выплыл в южной России, завязал связь с конспиративным коммунистическим движением, был арестован и сослан в Екатеринбург. Здесь он открыл фотографическое ателье и вскоре насчитывал среди своих клиентов всех лучших представителей города. Это имело роковое значение для тех, кого он фотографировал, т. к. с каждого снимка он оставлял себе копию, на которой было написано имя и точный адрес. Эта коллекция в чистом виде находилась теперь на его письменном столе, председателя ЧК, в комнате № 3, в доме советов, который раньше был американской гостиницей. Как только от революционного трибунала поступала справка, *Мебиус* имел обыкновение спрашивать: «Товарищ Юровский, принесите ваш фотографический альбом, может быть вы имеете карточку человека, которого мы ищем?» Обыкновенно эти слова сопровождал громкий смех, но Юровского это не смущало, он был очень горд, если он действительно сейчас же мог достать нужную карточку.⁷

Юровский был без сомнения, одним из самых несимпатичных людей, которых я когда-нибудь знал. Он был высокого роста и обладал огромной физической силой. Неряшливая борода обрамляла его полное, грубое лицо, из которого недоверчиво смотрели два темных глаза. Его всегда немного грязные руки, неряшливая одежда и никогда нечищенные сапоги дополняли внешний вид этого всегда подкарауливающего шпика, которого каждый остерегался. На вечерних собраниях он был обыкновенно под действием наркотиков, он их доставал от своего помощника *Войкова*, который по распоряжению ЧК контролировал банки, аптеки и продовольственные склады. Сколько золота и других ценностей себе присвоили Юровский и Войков, в течение трех недель, конечно, никто не мог установить. Во всяком случае *Войков* еще в 1925 году, как советский посол в Варшаве, носил драгоценное кольцо с большим рубином, которое он себе взял при уничтожении Царской Семьи.

Тридцатого апреля прибыл первый транспорт Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург: *Царь*, *Царица*, Великая

Княжна *Мария*, Князь *Долгорукий*, доктор *Боткин*, горничная *Демидова* и трое слуг.

Начальники уральских советов встречали этих важных пленников; между ними присутствовали: окружный комиссар *Белобородов*, военный комиссар *Голочекин*, комендант города *Дидковский* и, как представитель ЧК, *Войков*. Прибывшие были немедленно отправлены в дом *Ипатьева*. Только князь *Долгорукий* был отправлен в тюрьму 11, в которой находились такие арестованные, чья ликвидация была только вопросом времени.

До тех пор я мало интересовался судьбой Царской Семьи, т. к. я был много занят переданной мне работой в отделе МОБ. Но я знаю, что был живой обмен телеграммами между *Белобородовым* и *Голочекиным* с одной стороны и московским советом с другой стороны. *Свердлов*, который в то время, по поручению *Ленина* вел работу в Москве, казалось, имел намерение вынести приговор *Царю* в большом показательном процессе, но товарищам в Екатеринбурге это не совсем нравилось, т. к. в Тобольске было сравнительно небольшое количество надежных красногвардейцев и ходили слухи о попытках похитить Царскую Семью и увезти в Крым или Прибалтику.⁸

Товарищ *В. Яковлев*, наконец, по распоряжению *Голочекина*, прислал специальный поезд в Екатеринбург. *Яковлева* доставили не то гостя, не то как арестованного в дом советов⁹. Но его не удалось ни в чем обвинить и он был послан назад в Москву под охраной двух людей. Он получил записку, что Царская Семья официально принимается Уральским Советом, а что с ними в Москве могут делать что угодно.

Двадцать третьего мая прибыл второй транспорт. В нем доставили *Наследника*, трех остальных дочерей и целый ряд людей из ближайшей свиты *Царя*, между ними баронессу *Бугсгевден*, Графиню *Гендрикову*, Графа *Татищева*, воспитателей Царских Детей: *Жильяра*, *Гиббса*, *Теглеву*, чтицу фрейлину *Шнейдер*, слуг *Волкова* и *Труппа*, повара *Харитонов* и маленького приятеля по играм *Наследника Седнева*. Только Царские Дети и *Трупп* попали в «дом особого назначения»,

остальные – в тюрьму. *Жильяр* и *Гиббс*, будучи иностранцами, были освобождены и получили разрешение жить в городе. Повара *Харитонов*а хотели тоже освободить, но он настойчиво просил разрешения присоединиться к Царской Семье. За свою привязанность он должен был заплатить жизнью. Таким образом в доме *Ипатьева* были под стражей только одиннадцать человек: *Царь*, *Царица*, *Наследник* и Его четыре Сестры, доктор *Боткин*, *Демидова*, *Харитонов* и *Трупп*.

Я подчеркиваю одиннадцать человек, т. к. их число будет еще играть не маловажную роль.

Что касается личной жизни *Царской Семьи* в доме *Ипатьева* в течение этих последних недель, то сам *Царь* покорился своей судьбе с удивительным спокойствием. Он всегда носил свою коричневую форму без погон, с Георгиевским Крестом на левой стороне груди. Его сапоги не были больше новыми, на фуражке недоставало кокарды. Он курил почти без перерыва свои папиросы, говорил иногда со стерегущими его солдатами, или делал маленькия прогулки в саду дома. Казалось, он едва сожалеет о своем *Царском Троне*. Должно быть он чувствовал себя в сущности хорошо, т. к. он не должен был теперь принимать решений. В основном он не был никогда настоящим властелином, а только заботливым отцом семейства, чье, может быть, самое большое желание было, со своими близкими, где-нибудь далеко в России вести созерцательную жизнь с некоторым комфортом, но без большой роскоши. *Царь* наверно рассчитывал быть сосланным, новыми господами в Москве, куда-нибудь в Сибирь, т. к. о своей дальнейшей судьбе, казалось, он особенно не думает и уже внутренне свыкся с такой судьбой. О том, что он не оставит этого дома живым, он, наверно, никогда не думал.¹⁰

Совсем другое *Царица*. Она была, еще тогда, очень статная и даже красивая женщина. Ее черное платье и темные волосы особенно выделяли ее бледный цвет лица. Два больших бриллианта в ушах и бриллиант в кольце на левой руке она носила до своей смерти. Она вела себя по отношению к страже с ледяным высокомерием. Она не обменялась ни одним словом

с окружающими ее красногвардейцами, в противоположность тому, что иногда делали другие члены *Царской Семьи*.

Все ее заботы были о *Наследнике*, чья наследственная болезнь крови из-за незначительного падения, в Тобольске снова появилась. Она тяжело переносила страдания *Сына*, вину за которые она себе приписывала, а еще тяжелее она переносила потерю власти. Большую часть дня она проводила у кровати «*Беби*», как она еще всегда называла *Наследника*. Вечера посвящала она обыкновенно игре в карты с мужем или читала *Евангелие*. Со своими детьми она говорила только по-английски и передо мной и теперь ее высокомерный взгляд, которым она смерила *Мебиуса*, когда он ее иронически спросил не научилась ли она уже говорить по-русски. Я видел тогда *Романовых* живыми в последний раз. Я еще вернусь к этой драматической сцене в моем сообщении.

Большую часть времени *Наследник* лежал в кровати. Во время своих редких прогулок, или когда он на стуле сидел в саду, он носил матросскую форму и выглядел в ней ребенком. В холодные дни он носил пальто. Он жалко выглядел.

Что касается дочерей, то их всегда видели в белых блузах и темных юбках. Их волосы были очень короткие, т. к. они были из-за инфекционной болезни, еще в Царском Селе, выстрижены под машинку и волосы медленно отросли. Старшая из них *Ольга*, была, со своей стороны стройной фигурой и белокурыми волосами, настоящим русским типом. Она была единственная, которая говорила почти свободно по-немецки. Кроме того, она была отличной пианисткой и иногда играла на единственном рояле в доме, пока Юровский не приказал перенести его в свою комнату.

Татьяна была самая высокомерная из всех. Она была так же замкнута, как и ее *Мать*. Она больше остальных занималась своей внешностью и ее темные волосы были всегда особенно старательно причесаны.

Мария имела больше всего контакта с солдатами стражи. Своими редкими серыми глазами испытующе смотрела она на грубых сибиряков как будто хотела прочесть в этих лицах будущую судьбу их Семьи.

И хотя всем красногвардейцам было строго запрещено говорить с заключенными, все же это случалось, что не могло нравиться революционному штабу. Я сам тайно подслушал некоторые разговоры охраны и между ними были такие, которые говорили о *Царской Семье* с полным сожалением.¹¹ Конечно, после, 4-го июля, когда была сменена охрана, состоящая из русских красногвардейцев и заменена стражей из чекистов, эти разговоры прекратились. С этих пор появилась ледяная стена молчания вокруг обреченной на смерть *Царской Семьи*.

Младшая Царская Дочь *Анастасия* была самая веселая. Она сохранила свой юмор даже в заключении и еще в Тобольске заботилась о сохранении многих театральных пьес, которые она разучила с учителем *Жильяром*, для развлечения *Семьи*. Еще в доме Ипатьева я нашел позднее книги с ея ролями. Она бегло говорила по-английски, достаточно хорошо по-французски, но почти ни слова по-немецки, несмотря на то, что ее *Мать* очень старалась ее научить. В общем все члены *Семьи* тогда, когда я их видел, были в хорошем расположении духа. Во всяком случае они не имели никакого представления о предназначенной им судьбе, которая быстро приближалась к роковой развязке после находки оружия четвертого июля. Меня позднее часто спрашивали можно ли было вообще спасти *Царскую Семью*? Может быть они и сохранили бы жизнь если бы не было гражданской войны и интервенции иностранных сил, которые, только что рожденную советскую власть поставили на край гибели и вынудили ее к твердым решениям. Это было верно, что в Москве, во всяком случае у Свердлова, который в то время был одним из могучих, преобладало мнение, что *Николая II* предать суду. Может быть тогда приговорили бы к смерти только *Его*, а *Семью* отправили бы в ссылку. Но люди из Екатеринбурга отняли это решение от центральной власти. Спасти *Царскую Семью*, после того, как она прибыла в Екатеринбург, было больше невозможно. Было вполне достаточно надежных войск в городе, которая всякую попытку насильственного освобождения подавили бы в корне. День и ночь патрулировали отряды пехоты и кавалерии по улицам, а дом Ипатьева был особенно строго охраняем. Войти в дом

постороннему было невозможно. Выйти из него или кого-нибудь из него похитить было вполне безнадежно.

Седьмого июля состоялось историческое заседание революционного комитета, на котором было принято решение о судьбе *Семьи Романовых*.

Председательствовал Александр Георгиевич *Белобородов*, который раньше назывался *Вайсбарт*. Он сам перевел свою фамилию на русский язык¹².

Он родился в 1880 г. Его отец Исидор *Вайсбарт* торговал мехами. Сам он получил коммерческое образование и долгое время служил бухгалтером на сибирских лесопильных заводах графа Шуварова. Он тайно состоял, в течение многих лет, в коммунистической партии и предоставил убежище *Троцкому* во время его бегства. Это дало ему теперь пост политического шефа на всю Уральскую область. В общем он был неповоротливый человек с характером, привыкшим подчиняться; он во всех своих решениях ссылаясь на приказания из Москвы. Так же и теперь, в эти судьбоносные тяжелые часы, когда чешские бригады, все более угрожали городу Екатеринбургу, приближались с востока и юго-востока, *Белобородов* не мог найти мужества для собственного решения. Его бесконечные объяснения заключались в предложении послать товарища *Голочекина* в Москву и получить решение центрального комитета от товарища *Свердлова*, т. к. Уральский совет не может решить самостоятельно о судьбе *Романовых*. Можно, во всяком случае, товарищу *Голочекину* дать в дорогу препроводительную бумагу, в которой объяснялось бы как нужно поступить по мнению уральских властей. Едва закончил *Белобородов*, как *Голочекин* поднялся. Он был старый приятель *Свердлова*, с которым долгие годы прожил вместе в ссылке, в сибирских тундрах. Никого лучшего нельзя было бы послать в Москву, если бы нужно было чего-нибудь добиться от *Свердлова*. А время заставляло торопиться.

Этот *Голочекин* был высокий и худой человек, с глубоко сидящими глазами, в которых дремала ненависть, накапливавшаяся в нем в течение бесконечных лет тягчайших преследований.¹³ Падение Царского режима застало его в

Нарыме на Оби. *Керенский* сейчас же дал ему свободу, но это не воспрепятствовало фанатику большевику, немедленно после падения *Керенского*, появиться в Екатеринбурге с горстью красногвардейцев и захватить там власть. Как военный комиссар Уральской области он приложил наирешительные старания из ничего создать армию, которая это название до некоторой степени заслужила.

Командиры ненавидели его, но они также его очень боялись, т. к. они знали, что он быстро подписывает смертные приговоры, и это было так же и на этот раз.

– «Революционный комитет», – сказал *Голочекин* при мертвом молчании, которое царило в комнате, – «считает, что *Романовы* заслужили смерть. Я призываю всех членов присоединиться к этому предложению, чтобы я мог его передать в Москву».

В течении нескольких секунд продолжалось молчание. Как это уже часто бывало, никто не отважился возражать *Голочекину*. Но все же один отважился. Один, от которого это меньше всего можно было ожидать, т. к. он был один из старейших большевиков. Это был Павел *Быков*. Этот *Быков* был немного примитивным, можно даже сказать, глуповатым человеком. Он не возглавлял никакого учреждения, но так как он действительно был старейший член партии, ему было предоставлено место в военно-революционном комитете и таким образом он имел место и голос в этом собрании, которое теперь должно было вынести тяжелое решение: что делать с *Царской Семьей*?

– «Мое мнение», – сказал *Быков*, по своему немного нескладно, – «нужно *Романовых* или лучше *Николая* поставить перед народным трибуналом и начать процесс». *Голочекин* сделался белым от злости. *Белобородов*, казалось, на мгновение потерял дар речи. Но в этот момент обоим пришла неожиданная помощь. Она пришла от *Александра Мебиуса*, председателя военно-революционного комитета: «Оставьте эту бессмыслицу, товарищ *Быков*», – сказал он резко, по своему обыкновению отрывисто и твердо. – «С процессом мы потеряем только время. Вы кажется забыли, что мы находимся в войне.

Не предполагаете ли вы, что нас раньше поставят перед трибуналом, если нас поймут живыми. Они нас убьют как собак. Предложение товарища Голочекина вполне правильное. Комитет присоединяется к этому предложению. А товарищ *Свердлов* согласится с этим предложением. Полное молчание воцарилось после этих слов в большом помещении. Тогда поднялся *Белобородов* и сообщил резолюцию. На другое утро *Голочекин* уехал в Москву.

Девятого июля я отправил на станцию транспорт на фронт. Когда я вернулся в дом советов, я встретил там *Мебиуса*. Около него стояли *Белобородов* и *Маклаванский*. Этот *Маклаванский* был одной из интереснейших фигур между руководящими людьми революционного штаба. *Мебиус* привез его из Москвы, когда он получил задание на Уральском фронте, и назначил его своим заместителем в революционном комитете. Собственно говоря этот *Маклаванский* не был большевнком, а был т. н. синдикалистом, приверженцем князя *Кропоткина*. Тем не менее, он пользовался доверием *Троцкого* и *Свердлова*. Он владел русским языком совершенно так же свободно, как и немецким и французским. Я никогда не мог узнать о его происхождении и когда я однажды прямо спросил об его родине, он засмеялся и сказал, что он вообще не имеет родины. Он был приблизительно сорока лет, носил всегда штатское и не терял своего тонкого юмора даже в самых тяжелых обстоятельствах. На заседаниях он редко говорил, но иногда тайно спасал жизнь какому-нибудь маленькому человеку, который из-за какого-нибудь проступка был предан трибуналу. Нет никакого чуда, что его очень не любили чекисты, а в особенности *Юровский*. Но со своей стороны он не скрывал к ним своего отвращения. Я его позднее потерял из вида, после того, как он со мной оставили Екатеринбург, в последнем бронированном поезде. Позднее он играл роль в испанской гражданской войне, но он исчез без вести.

И так *Маклаванский*, *Мебиус* и *Белобородов* стояли при входе дома советов, когда я вернулся со станции.

– «Вам не нужен автомобиль?» – спросил меня *Мебиус*.

И когда я отрицательно ответил, он добавил:

– «Мы хотим посетить *Романовых*. Хотите вы отправиться с нами?»

Мы сели в автомобиль и поехали. Через несколько минут мы были перед «домом особого назначения». Стража, конечно, нас знала, но, несмотря на это, она нас не впустила за забор, пока не появился вызванный *Юровский*. Только после его распоряжения они нас пропустили. Строгий приказ, никого не пропускать, кто бы это ни был, к *Семье Романовых*, кажется действительно подействовал. Мы прошли через двор и поднялись по узкой деревянной лестнице в верхняя комнаты.

– «Приведите нам *Романовых!*» – сказал *Мебиус Юровскому*. Через несколько минут появился *Царь* в дверях, куря свою неизменную папиросу. Он вежливо поклонился. Он носил свою коричневую форму с Георгиевским Крестом. Он казался несколько удивленным от неожиданного посещения, т. к. он еще не знал *Мебиуса*.

– «Пожалуйста, что вы от меня желаете?» – спросил он, обращаясь к уже известному ему *Белобородову*.

– «Не много», – сказал *Белобородов*. – «Мы хотим только раз услышать от вас куда бы вы хотели с Вашей *Семьей*. У нас в стране война и здесь вы не можете долго оставаться».

Царь медлил с ответом. Вопрос пришелся ему неожиданно. Может быть, предполагал он также западню.

– «Если мы уж должны уехать», – сказал он медленно, – «то я хотел бы больше всего в Крым. Вы знаете, мой *Сын* болен».

– «Нет», – сказал *Мебиус*, – «может быть, когда-нибудь позднее».

Казалось *Царь* размышлял. Он в нерешимости затянулся дымом своей папирасы.

– «Хм! Куда мы могли бы в таком случае?», – сказал он осторожно. «Нигде нас не хотят видеть». – «Вы наверно, все же имеете связи?» – сказал *Мебиус* выжидая. Он строго посмотрел *Царю* в глаза. *Николай* почувствовал западню, которую ему поставил неизвестный. Теперь он взвешивал каждое слово.

– «Пожалуйста, о каких связях вы говорите?», – сказал он медленно, осторожно взвешивая каждое слово. – «Все ведь от

нас отвернулись. В несчастьи всегда бываешь одиноким», – прибавил он не без грусти. – «Может быть вы можете нам как-нибудь помочь? Это не так касается меня как моей *Семьи*. Мы все же люди, как и вы. Я не думаю, чтобы революция могла быть такой же жестокой, как французская...» Он замолк и пытливо посмотрел на Мебиуса, как будто он мог по его выражению прочесть свою судьбу и судьбу своей *Семьи*.

– «Ваша судьба не от нас зависит только», – сказал Мебиус. – «Революция бывает часто опаснее войны. В большинстве случаев она пожирает тех, кто вел войну».

Царь медленно покачал головой. – «Поверьте мне, господа, я не хотел этой войны. Я противился этому, но другие силы были сильнее, чем я и моя жена...»

Мебиус прервал его слова горькой усмешкой. – «Вы могли многое избежать если бы вы не находились под диктатурой вашей жены», – сказал он холодно. *Царь* сделал вид, что его не понимает. – «Это всегда одно и то же», – сказал он тихо. «На того, кто в несчастьи, бросают камни. Я хочу только, чтобы моя *Семья* была пощажена. И больше всего мой больной Сын...»

Казалось, что *Царь* теряет свое самообладание. На его глазах показались даже слезы.

– «Где ваш сын»? – спросил *Маклаванский*. Возможно, что он хотел смягчить разговор.

– «В комнате у моей жены... Вы хотите убедиться в его болезни, пожалуйста...», – сказал *Царь* и сделал движение правой рукой, приглашая его следовать за собой.

Мы прошли через несколько комнат. *Царь* сам открыл двери. Мы увидели *Наследника*. Он лежал в кровати, правое колено было в толстой перевязке. Это была рана, которая при кровоизлиянии никогда не заживала.

Царица сидела около своего сына. При нашем появлении она безмолвно встала. У ног стоял доктор *Боткин*. Вид *Наследника* действительно был потрясающий. Но самое потрясающее для меня было то, что я точно знал, что через несколько дней произойдет в этом доме и что даже и этот бедный мальчик не будет помилован.

Доктор *Боткин* смотрел на нас через свои толстые очки. Затем внезапно прозвучал его громкий голос. – «Ребенок должен быть определен в больницу. Я больше не имею лекарств и перевязочного материала. Сегодняшние господа должны быть гуманны хотя бы к детям!...»

– «Оставьте ваши нравоучения, доктор!», – сказал Мебиус злобно. – «Вы не в Петербурге. Мы никому не позволяем нам делать предписания. Вы можете идти куда вы хотите. Но о *Романовых* решаем мы и никто больше».

Доктор *Боткин* молчал. В это время открылась дверь сзади. Дочери вошли. Они смотрели удивленными глазами на непривычных гостей.

Царица повернулась к ним и сказала что-то по-английски. После этого они безмолвно повернулись и оставили комнату.

– «Вы еще не научились говорить по-русски?», – спросил Белобородов с холодной усмешкой.

Царица повернулась к нему. На ее бледном лице появилось невероятное высокомерие и глубокая печаль. – «Русские сделались очень неверными!» – сказала она тихо, так, как будто она говорила кому-то, кто не был в комнате.

– «Неверными», – прогремел Мебиус. – «Это вы осмеливаетесь обвинять русских в неверности? Миллионы заплатили жизнью за верность. В Мазурских болотах, в Карпатах, в болотах Рокитно лежат сотни тысяч верных русских. Они не могли требовать никакого доктора и никакой больницы. И вы осмеливаетесь еще...» – Он повернул и вышел не поклонившись.

Царь находился при этом в нерешительности. Он не противоречил ни одним словом. Он был для меня загадкой. Его красивые глаза нежно светились, смотря вперед. Был ли это действительно человек, который, не моргнув глазом, подписывал тысячи приговоров и десятки тысяч приговоров на ссылку? Теперь, в это мгновение, он казался никем другим, как боязливо озабоченным отцом семейства, безобидным и очень скромным человеком, который никому не мог причинить страданий.¹⁴

– «К этим людям иметь сострадание, значило бы быть действительно не на своем месте!» – сказал Мебиус горько, когда мы ехали назад.

– «Оставим их жить еще несколько дней!» – промолвил Белобородов и закурил папиросу.

Я думал о больном *Наследнике*. Но прежде всего о слугах и о враче, который так смело заступался за своего пациента. Как будто Мебиус угадал мои мысли. Он повернулся к рядом сидящему Белобородову. – «Я бы хотел, чтобы этот доктор еще раз пришел к нам!» – сказал он. – «Нужно его вызвать в один из ближайших дней».

Я знал, это был последний шанс для доктора *Боткина*. Воспользуется ли он им?»

Мебиус, *Маклаванский* и доктор *Милютин* сидели в комнате революционного штаба, когда вошел доктор *Боткин*. Этот *Боткин* был великаном. На его лице, обрамленном бородой, блестели, из-за толстых стекол очков, два пронизывающих глаза. Он носил всегда форму, которую ему пожаловал *Государь*. Но в то время, как *Царь* позволил себе снять погоны, *Боткин* воспротивился этому. Казалось, что он ни в коем случае не желал признавать себя пленником, так как он держал себя со стражей в доме *Ипатьева* грубо, как будто она была ему подчинена.

Ермаков, комендант *Вохры*, который через несколько дней должен был в «Лесу четырех братьев» выполнить свою ужасную работу, сам привел доктора. Доктор *Милютин* предложил ему сест и отправил из комнаты *Ермакова* и двух конвойных. Тогда *Маклаванский* начал говорить: «Слушайте, доктор» – сказал он своим приятным, всегда искренним голосом, – «революционный штаб решил вас отпустить на свободу. Вы врач и желаете помочь страдающим людям. Для этого вы имеете у нас достаточно возможностей. Вы можете в Москве взять управление больницей или открыт собственную практику. Мы вам дадим даже рекомендации, так что никто не сможет иметь что-нибудь против вас».

Доктор *Боткин* молчал. Он смотрел на сидящих перед ним людей и, казалось, что он не мог побороть известного

недоверия к ним. Казалось, что он почуял западню. *Маклаванский* должен был это почувствовать, т. к. он продолжал убедительно: – «Поймите нас пожалуйста правильно. Будущее *Романовых* выглядит несколько мрачно». Казалось, что доктор начинал медленно понимать. Его взор переходил с одного на другого. Медленно, почти запинаясь, решился он на ответ. – «Мне кажется я вас правильно понял, господа. Но видите ли, я дал *Царю* мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить *Наследника* одного. Как могу я это совместить со своей совестью. Вы все же должны это понять...» *Маклаванский* бросил короткий взгляд на своих товарищей. После этого он обратился еще раз к доктору. – «Конечно, мы это понимаем, доктор, но видите ли, сын неизлечим, это вы знаете лучше, чем мы. Для чего вы жертвуете собою для... ну скажем мы, для потерянного дела... для чего, доктор?»

– «Потерянное дело?» – сказал *Боткин* медленно. Его глаза заблестели. – «Ну, если *Россия* гибнет, могу и я погибнуть. Но ни в коем случае не оставлю *Царя*!»

– «Россия не погибнет!» – сказал *Мебиус* резко. – «Мы позаботимся об этом. Большой народ не гибнет...»

– «Хотите вы меня разъединит силой с *Царем*?» – спросил *Боткин* с холодным выражением лица. – «Этому я все же не поверю, господа!»

Мебиус посмотрел пристально на доктора. Но теперь вступил доктор *Милютин*. – «Вы не несете никакой ответственности в проигранной войне, доктор!» – сказал он слащавым голосом. «Мы вам ничего не можем поставить в упрек, мы только считаем это своим долгом, вас предупредить о вашей личной гибели...»

Доктор Боткин сидел несколько минут молча. Его взор был устремлен в пол. Коммисары уже верили, что он передумает. Но вдруг облик доктора изменился. Он приподнялся и сказал: «Меня радует, что еще есть люди, которые озабочены моей личной судьбой. Я вас благодарю за то, что вы мне идете навстречу... Но помогите этой несчастной *Семье*! Вы сделаете

хорошее дело. Там в том доме цветут великия души *России*, которыя облиты грязью политиков. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с *Царем!*» – сказал *Боткин* и встал. Его рост превышал всех.

– «Мы сожалеем, доктор», – сказал *Мебиус*. – «В таком случае поезжайте опять назад. Вы можете еще обдумать». Он приказал позвать *Ермакова*, который появился со своими красногвардейцами и отвел доктора снова в дом *Ипатьева*. Я никогда не узнал, сообщил ли *Боткин Царю* об этом разговоре. О том, что судьба *Романовых* была уже теперь окончательно решена должно было быть ему ясно. В сущности, *Семья Романовых* должна была сама заметить, что что-то происходило, так как *Юровский* в течение этих дней начал осматривать багаж *Царя* и его *Семьи*. Он приказал открыть все находившиеся в доме *Ипатьева* ящики и чемоданы и все находившиеся в них ценности сложить в одну комнату подвальную. Все драгоценности, которыя еще открыто носили *Царица* и ее дочери, *Юровский* потребовал от них, сложил их все в пакет и их запечатал. Для видимости он оставил лежать этот пакет в комнате *Царицы*, но он каждый день лично проверял целость пакета. О том что *Царица* и Великия Княжны зашили много драгоценностей в одежду, которую они носили, ускользнуло от хитрого *Юровского*. Это заметил он только тогда, когда *Вохра* делала свое страшное дело в лесу «Четырех братьев».

Сама *Семья* совершенно не казалась испуганной от всех этих приготовлений. *Царь* и его дочери ходили, как и прежде, гулять в маленький сад дома *Ипатьева* и *Юровский* даже дал строгое распоряжение ни в коем случае их не беспокоить. Он знал, что их дни сочтены.

Положение *Екатеринбурга* было изо дня в день все более угрожающим. Шестого июля наступающие с востока белые войска заняли *Уфу*. Десятого ожидалось большое наступление на *Екатеринбург*. С каким ожесточением велись эти бои я знаю, т. к. я сам их пережил, поехав вместе с *Мебиусом* на фронт. Мы прибыли в полдень в штаб 3-й интернациональной бригады. Это была деревянная изба, такая, какия часто встречаются в этих

маленьких селах. Позади избы находилось много военнопленных. Они спали. На их фуражках блестели кокарды с бело-зеленым бантом.

– «Что это?» – спросил Мебиус строго и показал на толпу.

– «Все чехи!» – засмеялся начальник штаба. – «Все пьяны до потери сознания».

Действительно, начальники белой армии давали своим солдатам пить огромное количество водки, прежде чем их гнать против наших позиций.

Мимо нас проезжали телеги с ранеными. На одной телеге лежал мертвый, покрытый шинелью. Его сопровождали два санитары. Они остановились когда нас увидели. Мебиус спросил в чем дело. – «Мы имеем мертвого на телеге, хотим его похоронить. Чехи его повесили».

– «Повесили?» – спросил Мебиус. Я видел как ему кровь ударила в голову.

– «Да», – сказал санитар. – «Это часто делают эти свиньи». Он поднял шинель, которая покрывала труп. К моему удивлению я увидел моего друга *Либермана*, одного из наших лучших стрелков. Наверно у него вышли все патроны и чехи заняли его позицию. Пленных они принципиально не брали.

– «Разбудите этих преступников!» – сказал Мебиус голосом, который, казалось, шел из могилы. Он указал на толпу пленных, которая лежала за избой. Некоторые солдаты стражи толкали спящих ногами в бока. Медленно, еще не совсем трезвые, встали чехи.

– «Всех разстрелять! Всех... немедленно!» – кричал Мебиус. Через несколько минут затрещали выстрелы.¹⁵

Это была беспощадная война, которая здесь велась. Мы знали что нас ожидает если Екатеринбург попадет в руки белых.

Когда мы вечером вернулись в город, мы застали *Голочекина* в его канцелярии. Решение о судьбе *Романовых* было уже вынесено.

Заседание революционного трибунала состоялось в 10 часов вечера 14-го июля. Сначала говорил начальник штаба *Мальцев* о военном положении. Не было никакого сомнения, что город нельзя было удержать больше чем десять дней. После

этого поднялся *Голочекин* и сделал доклад о своей поездке в Москву. Он имел разговор по делу *Романовых* с председателем совнаркома товарищем *Свердловым*. Совет народных комиссаров не желает, чтобы *Царь* и *Его Семья* были доставлены в Москву. Уральский совет и местный революционный штаб должны сами решить, что с ними делать. «Ликвидацию *Романовых* мы и без этого уже решили» – сказал *Голочекин*. – «Я предполагаю, что все члены согласны с этим решением, так что голосование излишне. Взгляд *Голочекина* останавливался на каждом из присутствующих. Он встал; никаких возражений.

– «Революционный штаб никогда не будет возражать против решений, которые полезны революции» – сказал доктор *Милютин*. – «Нужно только выяснить, когда и как должна состояться ликвидация и кому она должна быть поручена».

Глубокая тишина следовала за этими словами. Казалось, что никто из собравшихся не мог найти выхода.

– «В данном случае не надо много обсуждать», – сказал *Мебиус* во время всеобщего молчания. – «Революционный штаб считает, что ликвидация должна быть поручена Чека. Я предлагаю поручить это дело товарищу *Юровскому*, как руководителю Чека. Экзекутивная команда будет назначена революционным штабом. Способ ликвидации должен определить товарищ *Юровский*. Само собой разумеется это не должно привлечь слишком много внимания. *Юровский* встал. Видно было, что он был горд этим возложенным на него поручением. Но он имел еще одно размышление. – «Что должно случиться со слугами?» – спросил он нерешительно. «Что должно, то пусть решится!» – сказал *Мебиус* холодно. – «Мы предлагали доктору *Боткину* его освободить. Он не хотел, тогда пусть он умрет и другие тоже». Не было никаких возражений. «Я хотел бы еще, чтобы мы усилили внешнюю охрану этой ночью», – сказал *Мебиус*, обращаясь еще раз к *Юровскому*. Лучше всего окружить весь проспект. Когда это будет готово, дайте мне знать, товарищ *Юровский*!»

Голочекин хотел выяснить еще один вопрос. – «Место, где *Романовы* должны быть закопаны, вы уже выбрали?» – спросил

он.

– «Я их просто не закопаю», – сказал горячо *Юровский*. – «Я уже нашел место, недалеко отсюда...» Заседание было окончено. *Голочекин* продиктовал еще протокол. В нем было сделано замечание, что ликвидация не должна состояться позже 17-го июля. Судьба последнего *Царя* и его близких была таким образом окончательно решена. Рано утром *Юровский* с *Ермаковым*, начальником *Вохры* и с членом международной бригады *Хорватом* отправились на место, которое он тайно выбрал за несколько дней, чтобы там истребить *Семью Романовых*. Они вернулись только после обеда и сделали *Мебиусу* сообщение. *Юровский* был в хорошем настроении. Он насвистывал себе песенку. Вечером я его видел в собрании вместе с *Белобородовым*, *Войковым* и *Ермаковым*. Видимо, они обсуждали последние подробности своего плана.

На следующее утро, 16-июля, я получил требование, подписанное *Юровским* и *Голочекиным*. Внизу с краю бумаги было написано: «По делу *Романовых*». *Юровский* требовал 30 метров шинельного сукна; этого сукна на складе еще было много. Я поставил свою печать на эту бумагу.

Для чего он требовал это сукно, я узнал через 24 часа. Перед обедом я был вызван в комнату революционного штаба, где находились *Мебиус*, *Маклаванский*, *Голочекин*, *Белобородов* и *Юровский*. *Голочекин* спросил меня из какой части можно выбрать 50–60 человек для специального ночного задания. Пятьдесят человек было откомандировано из городской стражи. Первый эскадрон кавалерийской дивизии *Шермана* взял на себя патрулирование вокруг дома *Ипатьева*. Второй эскадрон, под командой *Черныша*, окружил часть леса. Отряд *Вохры* последовал за ним. От *Хорвата* я слышал в течение дня, что ему было поручено из интернациональной бригады, охраняющей дом *Ипатьева*, выбрать семь надежных человек и около полуночи явиться в распоряжение начальника *Чека Юровского*. Это было около 9-ти часов вечера, когда я пришел в собрание и там увидел всех начальствующих. Я сел за стол, за которым сидел *Мебиус* и с ним разговаривал о том, что должно быть с женским батальоном, который в течение месяцев

находился без дела в городе. – «Пошлите баб на фронт!» – сказал, смеясь, Мебиус. – «Чтобы они узнали что такое война».

В 11 часов я видел, как *Хорват* появился в дверях и дал знак *Юровскому*. Он встал и просил *Мебиуса* и *Маклованского* наверх. Через полчаса появились оба опять, без *Юровского*. Мы еще сидели не долго после полуночи. В это время *Мебиус*, посмотрев на часы, сказал: «В час это должно совершиться. Мы должны туда пойти и посмотреть, как там; вы пойдете с нами!» Поднялись *Голочекин*, *Белобородов*, *Войков* и последовали за нами. В этой части города, которая обычно в это ночное время была как будто вымершая, царило необычное движение. Всюду наталкивались мы на посты. Всюду выплывали силуэты лошадей, это были кавалерийские разъезды, которые блокировали эту местность. Я уже не помню как часто мы должны были показывать наши удостоверения. Один из постов вообще противился нас пропустить. Когда мы пришли на угол Вознесенского проспекта, улица была в полумраке, фонари не горели. Но здесь тоже стояли посты и образовывали железное кольцо, которое окружало дом особого назначения. Меня часто позднее спрашивали не было ли возможно кому-нибудь неизвестному проскользнуть в дом и позднее из него выйти. Я могу только сказать, что это было совершенно невозможно. В этот час были в доме *Ипатьева* только 22 человека. Одинадцать, которые должны были умереть и одиннадцать убийц. Я стоял около *Мебиуса* на углу Вознесенского проспекта и Вознесенской улицы. Мы разговаривали с *Павлом Анчутинным*, который был из ближайшей деревни и здесь с несколькими товарищами стоял на посту.

Вдруг сделалось светло в доме *Ипатьева*. Теперь *Юровский* разбудил *Царя*. Это было вскоре после половины первого, утром 17 июля 1918 года.

Я могу рассказать о разстреле *Царской Семьи* только по сообщению, сделанному *Юровским* вечером 19 июля перед Уральским советом и революционным комитетом, а также на основании отдельных рассказов, которые мне сообщили *Хорват* и другие члены экзекуционного комитета.

Юровский разбудил сперва Царя. Он объяснил, что в городе произошли беспорядки и что он ответствен за безопасность *Семьи*. Поэтому они должны все одеться и собраться в столовой. Прошло известное время, т. к. нужно было сначала разбудить дочерей, которые спали в соседней комнате, и слуг.

Когда все собрались, *Юровский* сам повел ничего не подозревающих людей вниз в сутерен. *Медведев*, *Никулин* и *Ваганов* были при этом, причем *Ваганов* держал лампу, чтобы освещать узкую и темную лестницу.

Впереди шел Царь. Он держал *Наследника* на руках. Нога у *Наследка* была перевязана толстым бинтом и при каждом шаге он тихо стонал. За ним шла Царица, сопровождаемая четырьмя дочерьми.

Анастасия несла на руках собаку своей сестры *Татьяны*, маленькую собаку японской породы Чин, которую называла *Джеми*.

Маленькая лягавая собака *Наследника*, Джой, осталась наверху. Это было единственное существо, которое осталось живым. Один красногвардеец взял ее позднее себе.

За Великими Княжнами шел доктор *Боткин*, затем слуга Трупп, который предусмотрительно нес под рукой одеяло. *Демидова* несла две подушки. Последним следовал повар *Харитонов*, когда заключенные пришли в темный, только одной слабой матовой лампочкой освещенный, подвал и при том совершенно пустой, Царь удивился и беспомощно озираясь несколько раз вокруг. Царица потребовала стулья прежде всего для *Наследника*, которому было невозможно стоять на ногах. *Юровский* дал распоряжение *Ваганову* и этот принес три стула из соседнего помещения.

На один стул сел Царь, направо села Царица, а между ними прислонился стонущий *Наследник*: Дочери стали за стульями своих родителей. Налево от Царя стал доктор *Боткин*, который внимательно и с недоверием наблюдал за жуткой сценой. Он, должно быть, был единственным, которому предчувствие подсказывало, что сейчас должно произойти что-то решающее. Около левой боковой стены, т. е. в правом углу

от *Царской Семьи*, стояла прислуга. Ближе всего *Трупп*, который завернул *Наследника* в свое одеяло. Затем *Демидова*, которая держала свои две подушки. Последним был повар *Харитонов*, который появился в домашних туфлях.

В одном из других подвальных помещений ждала наготове экзекуционная команда. Между тремя уже упомянутыми русскими: *Медведевым*, *Вагановым*, *Микулиным* и предводителем *Юровским* находилось семь человек. Все были из Международной бригады, отборные люди из 1-го Камышовского полка. Они годами были в плену и тогда, когда они были освобождены большевиками, они предоставили себя в распоряжение новым властелинам. Их ненависть к *Царю* была настоящей, т. к. им было ясно, что Россия будет продолжать войну против их родины в случае если контр-революция белых армий победит. Это могло быть причиной тому, что они были назначены на эту задачу и что они ответили на опросе, что они были готовы выполнить это поручение.

Несмотря на усердное старание вступивших позднее в город белых войск, а также через девять месяцев прибывшего на место белого следователя *Соколова*, не удалось точно установить имена людей, которые в эту ночь погасили жизнь *Семьи Романовых*. Я могу теперь, через 38 лет после ужасного происшествия в доме *Ипатьева*, без размышления назвать их имена, т. к. большинство из них уже мертвые. Будут ли их проклинать, как цареубийц, или согласятся с тем, что они, как солдаты, выполняли возложенное на них поручение, я предоставляю приговору истории.

Вот имена одиннадцати людей, которые в эту ночь в доме *Ипатьева* разстреляли *Царскую Семью*:

Юровский
Медведев
Никулин
Ваганов
Хорват
Фишер
Эдельштейн
Фекете

Над
Гринфельд
Вергази.

Каждый из них имел револьвер Наган. Это семизарядное оружие калибра 7,62 мм., такое, которое еще во вторую мировую войну частично употреблялось советскими комиссарами. Утверждение, что употреблялись винтовки или даже штыки, является сказкой. Было предвидено 77 выстрелов. Они должны были быть достаточны, чтобы погасить 11 человеческих жизней.

После того, как *Юровский* еще раз бросил испытующий взгляд на свои жертвы, он пошел к поджидавшим его членам международной бригады и дал им последние инструкции. После этого он зашагал во главе команды, назад в слабо освещенное помещение, где ждала *Царская Семья* и их сопровождающие. Это было точно 1 ч. 15 мин. утром 17-го июля 1918 г., когда *Юровский* с командой вошел в помещение; доктор *Боткин* был первым, который понял серьезное положение. В течение несколько секунд, казалось, что великан хочет броситься на вошедших солдат. Овладев собой с трудом, он спросил: «Что это значит?»

– «Молчите!» – приказал *Юровский* и первый вынул свой револьвер.

Он повернулся к еще не подозревавшему *Царю*.

– «По распоряжению революционного штаба» – сказал он и вынул бумагу, которая содержала решение комитета, – «мы должны разстрелять вас и вашу *Семью!*»

Казалось, что *Царь* еще не понимал. Он приподнялся немного со своего сидения. – «Как так?» – произнес он еще.

В этот момент в него попала первая пуля из револьвера *Юровского*. В тот же момент остальная команда начала стрелять. Каждый сначала выбрал себе цель.

Доктор *Боткин* должен был сделать еще шаг вперед, раньше чем пуля *Хорвата* в него попала, т. к. он лежал свесившись впереди лицом на полу. Его поднятая правая рука почти касалась головы *Государя*. *Царь*, сам, также упал вперед

и вплотную лежал к своему стулу. *Царица* упала налево от стула. Оба лица не были повреждены.

Наследник, который между ними сидел, должен был раз повернуться вокруг своей оси, т. к., когда я вошел в комнату, он лежал на спине. На шее был след одного выстрела.

Дочери упали под выстрелами позади своих родителей. Они повалили некоторые стулья и лежали вместе, как будто они держали друг друга за руки. Между ними лежала маленькая собачка, которую Великая Княжна *Анастасия* до последнего момента прижимала к себе.

Демидова, которая, по рассказу *Юровского*, страшно кричала, имела еще обе подушки в руках, которые она, как бы защищаясь, держала перед собой. Она лежала вплотную около стены, куда она была отброшена после первого выстрела. Около нея лежал *Труп*, который должен был сделать пол шага назад. *Харитонов* лежал лицом наверх, лицом вплотную к ногам Великих Княжен.

В своем позднейшем сообщении перед революционным штабом, на котором я присутствовал, *Юровский* не сказал ни слова о том, что кто-нибудь из разстрелянных лиц давал еще признаки жизни. Он, конечно, не забыл об этом упомянуть, т. к. *Хорват* был при сообщении и был один из особенно доверенных лиц *Мебиуса*.

На улице не слышали стрельбы. Но когда мы услышали как проехал заказанный транспортный грузовик, *Мебиус* сделал нам знак и мы вошли через правый вход в дом *Ипатьева*. Еще у входа слышали мы голос *Голочекина*, который вошел первым в дом и сейчас же обратился к сидящему на диване и курящему папиросу *Юровскому*: – «Ну, все в порядке?» – спросил *Голочекин*.

Юровский взял, как только он увидел *Голочекина*, свой, около него лежавший, револьвер.

– «Все кончено!» – сказал он.

– «Все ли мертвые?» – спросил *Голочекин*.

Юровский оскалил зубы. Казалось, он обиделся от вопроса. – «Разве не достаточно больше чем 70 выстрелов?» Спуститесь вниз и посмотрите сами!»

Он сильно затянулся своей папиросой. Его внимательные глаза преследовали нас подозрительно. Он должно быть размышлял, что мы все, собственно говоря, здесь хотим. Но он сдержал вопрос, который у него был уже на языке. Он бросил папиросу на землю и провел рукой по лбу. *Голочекин, Белобородов и Войков* хотели пойти вниз. Как раз, когда *Мебиус* и я хотели за ними следовать, появился *Ермаков*. Этот *Ермаков* должен был выполнить один из самых ужасных приказов, который я когда-нибудь в жизни знал. Он был комендант *Вохры*, специальной команды, которая подчинялась непосредственно революционному штабу и которая должна была выполнить ликвидацию приговоренных к смерти. Сколько тогда людей лишилось жизни в *Екатеринбурге* и окрестностях от команды *Вохры*, нельзя было даже приблизительно сказать. Но теперь *Ермаков* должен был выполнить свое самое важное поручение и он, казалось, отдавал себе отчет в этом. *Юровский* встал, когда он увидел своего друга, взял его под руку и пошел прямо перед нами в комнату мертвых.

Когда мы вошли, *Войков* был занят обследованием разстрелянных, не остался ли кто-нибудь еще жив. Он поворачивал каждого на спину. У *Царицы* он взял золотые браслеты, которые она носила до конца.

Медведев, Ваганов и Никулин были заняты заворачиванием трупов в то шинельное сукно, которое я, несколько дней тому назад, распорядился выдать *Юровскому*. *Ермаков* тащил носилки. Было одиннадцать трупов. Это были, и в этом нет никакого сомнения, *Царь* со своей *Семьей* и своими последними верными людьми. Некоторые чекисты, из стражи в доме, пришли сюда по приказанию *Юровского*, между ними *Якимов, Старков и Стрекотин*, которых я всех знал. Они тащили завернутые трупы по одному на улицу, куда приехал транспортный автомобиль. *Медведев* влез на грузовик и складывал там мертвых. Когда все лежали наверху, *Якимов* принес еще маленькую собаку, которую *Великая Княжна Анастасия* несла с собой. Он ее взял за задние лапы и бросил мертвое животное к трупам. Я был удивлен безразличию человека в эту минуту.

Шофер, который заснул на своем месте, совершенно не интересовался тем, что творилось за его спиной. *Ермаков* разбудил его несколько сурово. «Хе!» – закричал он, – «Вперед, вперед!» Шофер повернул ручку и мотор загудел. *Юровский*, который тоже появился, дал приказания *Медведеву* и *Ваганову* ехать вместе. *Юровский* и *Войков* остались еще в доме *Ипатьева* и дали присутствовавшим чекистам приказ вычистить комнату, где были произведены разстрелы. *Никулин* заснул и никто ему не мешал.

Вместе с *Мебиусом*, *Маклаванским*, *Голочекиным* и *Белобородовым* я вернулся в казино. Около четырех часов утра я пошел домой. Всюду на улицах стояли еще посты, которые опять задерживали меня. Я должен подчеркнуть, чтобы было раз навсегда ясно, что в эту ночь было невозможно, чтобы кто-нибудь без разрешения вошел в дом *Ипатьева*, или из него вышел. Вынос трупа или еще живого раненого было совершенно невозможно.

Около десяти часов утра я пришел опять на службу. *Мебиус* и *Маклаванский* еще не спали, когда я к ним явился.

– «Есть ли у вас здесь автомобиль?» – спросил у меня сразу же *Мебиус*. В тот момент у меня не было ни одного свободного автомобиля, но он настаивал. – «Достаньте. Мы хотим поехать в лес и посмотреть, что там творится». Это было 17-го июля после 10-ти часов утра. Я послал одного из стражи. Вскоре он пришел и привел лошадей, запряженных в коляску. «Если вы можете молчать, можете с нами ехать», – сказал серьезно *Мебиус*. Я принес свою фуражку. Когда я вернулся, *Мебиус* и *Маклаванский* сидели уже в коляске. Это были хорошие лошади и они без особых усилий преодолели расстояние. Мы ехали в северо-западном направлении через Верхний Иссецк, через две колеи железной дороги в густой лес. Уже при переезде через вторую колею мы натолкнулись на первый пост. Это были кавалеристы 2-го эскадрона, которые окружили кольцом место, где должно было происходить полное уничтожение *Царской Семьи*. В этой части леса должны были находиться четыре, почти одинаковой величины сосны, которых население называло «Четыре брата». Немного на запад от

дороги находились старые шахты, оставшиеся с тех пор, когда здесь еще разрабатывалась железная руда. Эту заброшенную часть леса выбрал *Юровский* для выполнения своей работы уничтожения. Когда мы приехали на нашей коляске, то горело несколько костров, вокруг которых сидели красногвардейцы.

Голочекин, *Белобородов*, *Войков* и *Юровский* стояли в группе отдельно, не далеко от которой *Ермаков* спал около костра.

Мертвые лежали еще завернутые в шинельное сукно на краю шахты. Чего все они еще ждали, не было совсем понятно. Во всяком случае казалось, что все делается очень медленно. Только после того, как *Мебиус* резкими словами начал торопить *Юровского*, появилось немного жизни в различных группах.

Ермаков был разбужен и он с *Войковым* начали разворачивать мертвых из шинельного сукна и их раздевать, при чем они внимательно обыскивали одежду. *Юровский* положил свою фуражку на землю и туда складывал все драгоценности, которые находились у мертвых. Действительно *Царица* и *дочери* имели большое количество драгоценностей на теле. Они наверное надеялись с этими драгоценностями когда-нибудь еще убежать.

Я стоял с *Мебиусом* и *Маклаванским* приблизительно в 30 шагах от них. Все мертвые были раздеты за исключением *Наследника*, у которого они должно быть не предполагали найти никаких драгоценностей. Мы стояли до тех пор, пока не столкнули мертвых в шахту. После этого *Мебиус* позвал нас, чтобы садиться в коляску. Он должен был вернуться в город, т. к. там нужно было сделать много важного.

Военное положение было и без того достаточно серьезным. При нашем возвращении нас встретил большой автомобиль с бензинными бочками. Я мог предполагать для чего они будут служить.

О том, что произошло впоследствии в лесу «Четыре брата», знаю я только из доклада, который *Юровский* сделал перед революционным трибуналом. Он описал точно, как сперва спустили в шахту дрова, потом трупы, потом опять дрова. На это налили бензин, приблизительно 220 литров. Затем все это

зажгли. *Медведев* был тот, кто зажег бензин и для меня представляется еще загадкой, как он при этом остался живым, т. к. при этом образовался огромный огненный язык. В течение ночи оставались *Юровский* и *Войков* на месте и на другой день повторили еще раз ту же процедуру. Затем налили серную кислоту в шахту. Шахта была затем покрыта большими выкопанными кусками дерна и ее сравняли.

Это было действительно настоящее адское дело, даже последние следы *Романовых* должны были быть навсегда уничтоженными.

Вечером 19-го июля *Юровский* сделал свой доклад перед революционным трибуналом. В этот час я вижу его еще сегодня ясно перед собой, он, конечно, воображал себя самым большим героем революции.

В конце заседания *Белобородов* диктовал протокол собрания. Он также взял все драгоценности к себе, которые были найдены на трупах. Семь больших ящиков со всем сколько-нибудь ценным из дома *Ипатьева*, стояли в коридоре и были несколько дней позднее отправлены в Москву. Как мне через несколько дней позднее сказал *Хорват*, одна вещь пропала из драгоценностей, которые лежали в фуражке *Юровского*. Это было кольцо, которое носил *Царь* с особенно ценным большим рубином. Никто не знал кто себе его взял, но некоторые могли догадываться. Это был *Войков* и он его носил еще когда много лет спустя в Варшаве, где он был послом СССР, пуля аттентатора его смертельно пронзила. Кольцо *Царя* не принесло ему никакого счастья.

Голочекин взялся сообщить центральным властям в Москве о совершившейся казни над *Царской Семьей*. *Свердлов* принял телефонное сообщение и, на происходящем в это время заседании Совнаркома, *Ленину* и другим об этом доложил. Как в действительности думали в Москве об уничтожении *Царской Семьи*, я никогда не узнал. Наверно, главные советские вожди были довольны, что уральский совет их освободил от этой неприятной задачи. Официально было сообщение только о разстреле *Царя*.

Комиссариат иностранных дел вел переговоры, даже через несколько недель, с иностранными властями о выдаче родных *Царя*. Таким образом могла произойти легенда, которая все продолжает говорить об оставшихся в живых *Великих Князях*. Другое обстоятельство привело в заблуждение умы в самом Екатеринбурге. *Белобородов* перестарался и распорядился напечатать листовки, которые должны были быть вывешены всюду в городе, и в которых сообщалось, что *Царь* был разстрелян со своей *Семьей*. Но *Голочекин* и *Мебиус* не хотели ни в каком случае, чтобы в эти и без того тяжелые дни еще были внесены в население волнения. *Мебиус* распорядился собрать все напечатанные листовки и все, кроме небольшого количества экземпляров, уничтожить.

Первое официальное сообщение появилось в Екатеринбургской газете «Известия». В ней сообщалось, что только бывший *Царь* был разстрелян, но что его *Семья* была отправлена в безопасное место.

Положение Екатеринбурга быстро становилось теперь угрожающим. Эвакуация велась в быстром порядке. Двадцать второго июля был составлен специальный поезд из тех вагонов, в которых раньше приехал *Царь* с сопровождающими его. В эти вагоны были погружены все деньги Уральского банка, всего 64 миллиона рублей и много ценностей, также те ящики, которые *Юровский*, в доме Ипатьева, поставил под охрану. С этим же поездом оставила город и вся команда, которая производила разстрел.

На другой день я пришел в последний раз в дом, который приютил перед смертью последнего *Царя* и его близких. Когда мы пришли, то перед домом сидели, развалясь на стульях, пять красногвардейцев и клевали носом. Комната, в которой было совершено убийство, была немного прибрана. Но на левой стене были еще видны следы выстрелов. На некоторых стенах были выцарапаны имена и изречения.

В комнате, где жил *Царь* с *Царицей* и их сыном лежало *Евангелие*. В нем я нашел несколько рублевых билетов, на которых члены семьи увековечили свои имена. Наверно для проведения времени, в тоске последних дней. Всюду лежала

одежда, большое количество портретов из времени блеска и власти. Много книг, большинство на французском и английском, некоторые на русском языке. Но самое редкое что я видел, это были шахматы, которые стояли на маленьком столике. Это была та игра, которую вели *Царь* и *Царица* в течение последних вечеров. Все фигуры еще стояли на месте, но у *короля* и *королевы* были сломаны головы.

Утром 25-го июля, вместе с *Мебиусом*, я оставил город с последним бронированным поездом. Вдали, мы видели уже первые кавалерийские разъезды наступающей белой армии. Когда мы въехали в Алапаевск, там стояло много транспортных вагонов на запасном пути. На некоторых из них была надпись мелом, которая была видна издали: «да здравствует *Николай Второй*, долой *цареубийц*».

Я обратил внимание *Мебиуса* на это. Он только подернул плечами. Он не подозревал, что уже так скоро это проклятие над большинством из них, а в особенности над ним самим совершится.

Из Нижнего Тагила, где мы были расквартированы, в середине августа он сделал инспекционную поездку на фронт; оттуда он уже не вернулся. Я взял себе его сумку с важными документами, чтобы ее отвезти в Москву, но когда я туда приехал, там была такая путаница, что никто не знал, кому должны принадлежать эти документы. Таким образом я их сохранил и привез в Европу.

Также остальные люди, которые были ответственны за убийство *Царской Семьи*, не были счастливее. *Голочекина* я видел в последний раз во время большого наступления красной армии около Иркутска. Он был военным комиссаром 13-й армии. Кажется он не остался жив, т. к. его имя больше никогда не выплывало.

Белобородов был некоторое время, как близкий друг *Троцкого*, во главе министерства внутренних дел, а когда *Троцкий* был смещен, он был опять сослан *Сталиным* на Урал.

Маклаванский, как старый анархист, был в 1919 году в Москве арестован по приказанию *Ленина* и после его смерти выслан из СССР. Я его видел в 1926 году в Берлине. Он

участвовал в Испанской гражданской войне на стороне красных, а позднее уехал, как безподданный беженец, в Южную Америку.

А человек, который убил *Царя* своей собственной рукой, *Янкель Юровский*, большой герой революции, нашел безславный конец. Когда он явился в Москву, *Ленин* и в особенности тогдашний глава всероссийской Чека *Дзержинский*, отнеслись к нему с большим недоверием. По окончании гражданской войны он был послан в отдаленный округ на Манчжурской границе.

В 1926 году он был опять вызван в Москву, но, будучи предупрежден друзьями, не исполнил этого приказания. *Сталин* приказал его арестовать и как арестованного привезли в Москву. В течение месяцев он сидел на Лубянке и изучил на собственном теле методы, которые он раньше применял к своим жертвам.

Создавать для него процесс *Сталин* не считал удобным. Попросту однажды ночью его ликвидировали. Участь, которую он приготовил *Романовым*, теперь совершилась над ним самим.

Г. А. Знаменский († 1974 г.) Вклад всеобъемлющего гения Исторической России в мировую сокровищницу науки.

Хотя многие, как увидим дальше, истинные, объективно-честные иностранные ученые хорошо знают и глубоко ценят независимый научный вклад русской мысли в мировую сокровищницу науки, однако подавляющее большинство народов даже самых просвещенных стран до сих пор все еще находятся под гипнозом планетарного обмана непримиримых врагов дореволюционной России, что будто-бы (???) не только Царская, но и Императорская Россия не сумела создать своей самобытной науки и что будто-бы (???) все научные познания Исторической, дореволюционной России были заимствованы ею от народов более мудрых, чем она...

Не претендуя в этой журнальной статье на исчерпывающую полноту изложения истории независимой научной русской мысли, мы надеемся, однако, совершенно опровергнуть незаслуженное унижение научного гения России и прямо таки *потрясающе разительными фактами испепелить и развеять эту вопиющую неправду* и стопроцентно доказать, что *научно-независимая мысль Исторической России, в своих открытиях и изобретениях, не только не отставала; но часто шла даже впереди других просвещенных стран мира.*

Предсказание первого русского ученого, Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765), что придет время, когда «Российская Земля начнет рождать своих собственных Платонов и Ньютонов» нашло свое блестящее подтверждение уже в многогранной научной деятельности самого же автора сего бодрящего предсказания. Без преувеличения можно сказать, что нет в мире такой области человеческого ведения, которая не интересовала пылливый ум нашего отца всех наук на Святой Руси! Ведь не даром же Пушкин, образно выражаясь, назвал Ломоносова «Первым Русским Университетом», а родной наш народ величал Ломоносова «Ходячей энциклопедией». И когда иностранцы спрашивали, где у вас

университет, до открытия первого русского университета, русские, указывая на Ломоносова, говорили: – «Вот наш университет! Спросите его! Он все знает»...

Подобно греческому отцу древне-классической мудрости – Аристотелю, основоположнику реалистической философии и логики, мудрому творцу и родоначальнику всех естественных наук, и нашему русскому Аристотелю – Ломоносову не чужды были все эти науки.

Известный немецкий философ Брюкнер, считая Ломоносова отцом независимой русской научной мысли, так определил всеобъемлющий гений Ломоносова, в своей книге: «Geschichte der Russischen Literatur: – металлург, геолог, химик, электротехник, астроном, политико-экономист, статистик, географ, историк, филолог, критик, поэт».

И, действительно. Над чем только не работал наш неутомимый самородок, вышедший из самой толщи нашего богато-одаренного родного народа!

Это он *изобрел*: 1) *трубы* смотреть ночью и под водой; 2) для определения яркости небесных светил; 3) *приборы* для измерения показателя преломления жидкостей; 4) изменения земного тяготения; 5) фабрикация цветного стекла; 6) определения вязкости жидких тел; 7) предсказания погоды; *машины*: 8) для испытания твердости и прочности металлов; 9) раздавливания и сжимания физических тел; *проектировал* 10) коленчатые валы водяных колес и лесопильных мельниц; 11) гидроустановку для фабрикация цветного стекла; *построил*: 12) первый громоотвод у себя, на крыше дома; 13) токарный станок; 14) универсальный барометр не для измерения изменений атмосферного давления, а для обнаружения изменения силы земного тяготения; 15) *делал опыты*: с кальцивированием металлов; 16) с усовершенствованием существовавших тогда термометров: 17) *доказал*, что температура тела зависит от скорости движения входящих в тело частиц; т. е. постиг известную теперь молекулярно-кинетическую теорию строения тела; 18) *посвятил себя* изучению прикладных наук: атмосферного электричества, навигации, метеорологии, астрономии, металлургии,

минералогии, геологии и горной промышленности; 19) *объяснил*: происхождение окаменелостей в разные эпохи истории Земли; 20) первым *объяснил*, что молния есть результат электрической разрядки; 21) *определил* объем разных газов; 22) *при анализе структуры атома предсказал*, что атом можно расщепить; 23) во дни Ломоносова ученым не был известен спектральный анализ для определения состава планет и солнца. Ломоносов же интуитивно постиг и в стихах описал, что происходит на солнце:

«Там горящий вечно океан,
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов.
Там вихри пламенны кружатся,
Борющись (борясь) множество веков,
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят...»

А ведь даже самые просвещенные астрономы того времени имели наивное представление о солнце, думая, что там не жарко, а тепло и даже есть жизнь (?).

24) Ломоносов считал хвост кометы и северное сияние явлениями электрическими. Его вычисление расстояния полярного сияния от Земли и установленный им круг дуги полярного сияния в 420 верст приближается к точным вычислениям наших дней, а Ломоносов сделал это вычисления в 1753 году; 25) это Ломоносов, 26 мая, 1761 года, наблюдая прохождение Венеры через солнечный диск, обнаружил, что Венера окружена значительной воздушной атмосферой, рассеивающей солнечные лучи; 26) Ломоносов написал целый ряд научных диссертаций о мореплавании, о градусах тепла и стужи, о твердости и жидкости тел, о замерзании ртути, курс истинной физики и химии, первые основания металлургии по анализу руды и получению металла.

27) Хотя за 200 лет до Ломоносова Коперник научно обосновал гелиоцентрическую систему вращения Земли вокруг солнца, однако сторонники Птолемеевой системы или геоцентрической системы вращения солнца и планет вокруг неподвижной земли все еще отвергали гелиоцентрическую

систему Коперника и предпочитали слушать ораторов-ученых, высказывавших сомнения против Коперниковской системы. Ломоносов же окончательно утвердил систему Коперника и в русской науке. Не лишенный остроумия и юмора, Ломоносов говорил: «Признавать систему Птолемея это все равно, что допустить, что повар вертит не жаркое вокруг очага, а очаг вокруг жаркого». Ревнителям не по разуму Птолемеевой системы, называвшим Коперника «Богусоперником», Ломоносов добродушно заявлял: «К ученьям, правду физическую проповедующим и защищающим, не привязывайтесь, особливо же не ругайтесь».

28) Составитель первого труда по русской грамматике и русской истории, блестящий представитель ложно-классического направления в русской литературе, Ломоносов, как человек религиозный, является творцом духовных од: «Утреннего Размышления о Божием величестве» и «Вечернего размышления о Божием величестве по случаю великого северного сияния». Это он разработал устав первого Русского Московского Университета и сделался центральной фигурой и движущим нервом в культурно-научном развитии Великой России, хорошо оправившейся от Монгольского ига и вышедшей на широкие просторы во дни Ломоносова.

29) Самым же главным вкладом Ломоносова в мировую науку являются открытые им и впервые сформулированные им два закона: 1) Постоянство масс или закон сохранения вещества и 2) Закон сохранения энергии. Первый закон Ломоносов постиг за сорок лет до ученого физика Лявуазье, окончательно утвердившего этот закон в науке. Углубляясь в закон сохранения вещества, Ломоносов постиг закон сохранения энергии, который только через сто лет был окончательно сформулирован немецким физиком Мейером.

Заразительный пример Ломоносова быстро разбудил всеобъемлющий гений и природную любознательность нашего родного русского народа, из недр которого, как из рога изобилия, стали выходить один за другим светила науки первой величины. Наш Николай Иванович *Лобачевский* (1793–1856), выдающийся математик, по словам английского математика

Клиффорда, сделал такой же переворот в геометрии, какой Коперник в астрономии. До Лобачевского весь ученый мир пользовался геометрией Евклида, которая существовала более двух тысяч лет и считалась единственной возможной геометрией. Однако, этой геометрией нельзя пользоваться теперь для вычислений в космическом мире огромных масс и скоростей, а также и в мире внутриатомном. И неизвестно, что делали бы ученые в наш горделивый век завоевания безвоздушных пространств, если бы на помощь им не приходила новая геометрия, которую немецкий ученый Гаусс назвал «не-Евклидовой», а Лобачевский «воображаемой» геометрией. Гаусс, прочитав труды Лобачевского в немецком переводе, так заинтересовался ими, что решил изучить русский язык, для того только, чтобы прочесть труды Лобачевского в русском оригинале.

Удивлял иностранных ученых и наш математик-исследователь по анализу бесконечно-малых чисел и по теории вероятностей М. В. *Остроградский* (1801–1861). Не подписав своего имени и дав адрес для ответа своего друга, Остроградский послал во Французскую Академию Наук решение одной труднейшей задачи для проверки. По указанному адресу Академия ответила, что эту задачу может решить только один человек – проф. Остроградский. Он живет в Петербурге, к нему обратитесь.

Наша София Васильевна *Ковалевская* (1850–1891), первая в мировой истории женщина-профессор математики Стокгольмского университета, решила труднейшую задачу о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки на острии своей оси. Для решения этой задачи, она взяла волчок, как самое устойчивое тело, несмотря на то, что он кружится на острии своей оси. Так как все быстро вращающиеся тела: солнце, планеты, снаряды, пули, колеса обладают свойством волчка, то все вычисления Ковалевской были признаны очень ценными. За решение этой, считавшейся невозможной для решения, задачи Ковалевская получила две премии от Парижской Академии Наук и сделалась первым в истории

эмансипации женщин почетным членом Российской Академии Наук.

Знают ученые иностранцы и ценят и нашего знаменитого математика Пафнутия Львовича *Чебышева* (1821–1894) прославившегося своими опытами элементарного анализа теории вероятностей и теории сравнений и другими трудами, которые помещались в иностранных математических журналах и журналах Русской Академии Наук.

В наш век, быть может, напрасных и опасных попыток завоевания безвоздушных пространств вселенной, когда пред специалистами в этой области преклоняется ныне весь человеческий горделивый мир, рискуя загрязнением воды и воздуха погубить нашу, Богом данную нам зеленовато-голубую и лучезарную (каковой она кажется с высоты небесной) планету Землю, мы, строго-православные люди, памятуя слова: «И сказали они: построим себе башню до неба и сделаем себе имя» (Бытия XI, 4), считаем все эти попытки горделивой напрасной и опасной затеей воспылавшей дьявольской гордыни человечества. Однако для порицания и посрамления критиков «отсталой» России, мы смело и торжественно можем заявить: «да будет ведомо вам, притворные или искренние невежды, что основоположником и этой труднейшей науки о движении ракет и о полетах в космическое пространство был никто иной, как *русский* ученый, Константин Эдуардович *Циолковский* (1857–1935 г.). Начиная с 1895 года, Циолковский, как истинный *Отец полета в Космос*, дерзновенно пытался на сто лет вперед заглянуть в тайны возможных завоеваний, изложив свои научные смелые мысли в таких трудах как: 1) «Грезы о земле и небе»; 2) «Вне земли»; 3) «Аэроплан или птицеподобная летательная машина»; 4) «Изследование мировых пространств реактивным прибором»; 5) «Космический корабль» и др. За свои фантастические и научные труды, прозванный русским Жюль-Верном, Циолковский, по богатству воображения и научному мышлению стоял, конечно, выше Жюль-Верна. Да и объекты его любознательности были диаметрально противоположны объектам Жюль-Верна. Не тайнами, скрываемыми «под водой», не путешествием «к центру земли», о чем мечтал Жюль-Верн, а

ввысь, к небу, к безвоздушным просторам вселенной, к полету на ракетах к звездам – вот о чем с детства мечтал Циолковский. В начале 20-го столетия Циолковский писал редактору журнала: «Вестник воздухоплавания», В. Н. Воробьеву: «Человечество не останется вечно на Земле. В погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет оно за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все около-солнечное пространство». Это Циолковский более чем полвека тому назад заговорил о постройке внеземных станций, создаваемых из отдельных частей ракет, выпущенных с Земли и вращающихся вокруг Земли со скоростью восьми километров в секунду, сделавшись спутниками Земли или ее «искусственными лунами», а главное – «пересадочными пунктами», столь необходимыми для между-планетных путешествий. На крыльях своего изумительно богатого воображения, хотя и контролируемого глубиной и широтой размаха его, строго-научного мышления, Циолковский так далеко ушел в описании подробностей этих внеземных станций в безвоздушном пространстве вселенной, что даже в наши дни эти подробности удивляют ученых в этой области. Циолковский подробно описывает условия жизни на этих станциях, их связь с Землей, обеспечение энергией и даже устройство оранжерей с растениями для очищения воздуха в помещениях этих искусственных планет-станций. В статье «Вне Земли», написанной до революции, но изданной в 1920 году Циолковский описывает, как на эти внеземные станции будут прибывать с Земли партии ракет, собираться и снаряжаться новые ракеты для дальнейших рейсов в космос.

Всеми математическими выкладками Циолковского широко воспользовались нынешние «управители» России для ускорения запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 году, что совпало со столетием со дня рождения Циолковского в 1857 году.

Делаются попытки среди иностранных ученых собрать средства на постройку в Америке «Института или Музея имени отца полетов в космос», К. Э. Циолковского, почетного члена иностранных ученых обществ и Международной Биокосмической Ассоциации во Франции, в Тулоне.

С успехами Циолковского в области аэродинамики и ракетодинамики тесно связана научная деятельность Н. Е. Жуковского (1847–1921), работавшего в области дозвуковых, около-звуковых, сверх-звуковых и гипер-звуковых скоростей, развиваемых летательными аппаратами. Жуковский открыл *тайну крыла* и объяснил, какая сила удерживает крыло в воздухе. Скорость воздуха над крылом, над его верхней *выпуклой* поверхностью больше, чем под нижней *плоской* поверхностью, поэтому давление воздуха снизу на крыло получается больше, чем сверху. Эта сила и удерживает самолет в воздухе, а что же его несет? – Воздушный винт, – объясняет Жуковский.

Да будет ведомо отрицателям независимой научной мысли в дореволюционной России, что и ныне здравствующий строитель целой эскадры воздушных гигантов в Америке, Игорь Иванович *Сикорский* тоже является продуктом воспитания и образования в старой, дореволюционной России. Будучи студентом Политехнического Института в Киеве, Сикорский уже в 1912 году получил первый приз на конкурсе одиннадцати аэропланов известных Европейских фирм. Неожиданным успехом молодого изобретателя живо заинтересовался русский патриот исключительно широкого и прозорливого ума, директор Русско-Балтийского завода, давшего Сикорскому «*carte blanche*» на постройку многомоторных аэропланов. На законченном в шесть месяцев, *первом в мире*, четырехмоторном биплане – *великане* того времени, названном «Русским Витязем», Сикорский совершил над Петербургом *первый в истории мировой авиации* удачный полет. Как известно, строители аэропланов в Европейских странах разочаровались неудачными полетами и отказались строить большие аэропланы. Сикорский же, в мае 1913 года легко оторвался от земли, сделал несколько кругов в воздухе и плавно спустился при бурном ликовании народа, одержав первую крупную победу над самой неустойчивой стихией – водухом. Позже, на своем «Илье Муромце Киевском», поднявшемся на высоту 2000 метров, Сикорский 29 июля 1914 года совершил восьмичасовой перелет из Петербурга в

Киев, покрыв расстояние в 1,200 верст, с одной остановкой для пополнения бензином, имея экипаж в четыре человека, с нагрузкой 100 пудов, поднявшись на высоту 1,500 метров и с *первым в истории человечества завтраком в воздухе*. Один мотор испортился. Спустившись на трех моторах, «Муромец» *доказал впервые* преимущество многомоторных аэропланов. После триумфальной встречи летчиков, «Муромец» в тот же день прилетел в Петербург. Это был мировой рекорд, удививший просвещенную границу. Сам Государь, прибывший осмотреть этот «*Ковер-Самолет*», наградил 24-летнего студента Владимиром 4-й степени, золотыми часами с вензелем и освободил Сикорского от воинской повинности. Киевский Политехнический Институт поднес ему диплом, а Государственная Дума постановила выдать 100,000 рублей на усовершенствование воздушных кораблей Сикорского. Был построен второй «Илья Муромец». Успехи Сикорского знаменовали начало новой эры развития авиации во всем мире. Но не успели русские люди отпраздновать славный Петербург–Киев, Киев–Петербург перелет, как грянула первая мировая война, и Муромцыгодились на войне. До 400 военных полетов совершили они, бомбардируя тылы германских позиций.

В свое время в Европе произвело сенсацию изобретение ученым Гаусом телеграфного аппарата. Но едва ли кто из иностранцев знает, за исключением некоторых ученых, что первый то телеграфный аппарат изобрел в России физик Павел Львович Шиллинг (1786–1837). По приказу Николая Первого была построена телеграфная линия для передачи сигнала при помощи электрического тока между Зимним дворцом и Министерством Путей Сообщения; в 1833 году уже началась работа по соединению телеграфной линией Петербурга с Кронштадтом, но Шиллинг скоро умер, а через несколько месяцев после его смерти в Европе заговорили о телеграфном аппарате Гаусса, который был подобием аппарата Шиллинга.

Известный всему миру изобретатель Эдисон (1847–1931 г.) впервые, на Рождество, 1878 года осветил свою лабораторию электрической лампочкой, известной под именем

«Эдисоновской груши». Однако, мало кто знает, что русский инженер А. Н. *Лодыгин* (1847–1923) изобрел радио-антену и электрическую лампочку на пять лет раньше Эдисона. Это на долю Лодыгина, да электротехника Павла Николаевича *Яблочкова* (1847–1894) – изобретателя «Электрической свечи» – выпала великая честь создания *новой эры электрического освещения для массового использования*. Это они сделались пионерами идеи трансформации переменного тока, пользуясь высоким напряжением которого, можно передавать большое количество электричества на значительное расстояние. Яблочков сразу превращал энергию топлива в электрический ток без паровой машины и генератора для получения электричества более дешевым и простым способом. Лодыгин же, испробовав разные материалы для накаливания нити в электрической лампочке, остановился на вольфраме или тунгстене, который и в наши дни применяется для фабрикации электрических лампочек.

Да будет ведомо и стыдно насмешникам над «отсталой (?)» Императорской Россией, что лампочки Лодыгина и электрические свечи Яблочкова потрясли весь мир. Вот почему их электрические фонари, освещавшие улицы Европейских столиц в семидесятых годах прошлого столетия, получили название «*русского солнца*» или «*русского света*». Весьма интересно отметить, что на матовых колпаках уличных фонарей в Париже было написано: «*ля люмьер рюсс*».

Всему миру известно имя итальянского инженера-электрика Маркони, изобретателя радио-телеграфа или беспроволочного телеграфа. Однако, мало кто знает, что *пальма первенства* в этом изобретении принадлежит Александру Степановичу *Попову* (1859–1905), осуществившему *первую в мире радио-телеграфную связь в Кронштадте, в 1895 году*. Долго итальянцы настаивали, что беспроволочный телеграф изобрел Маркони. Англичане приписывали это изобретение своему Лоджу, а французы – Браили. Когда же Браили, на страницах журнала «Фигаро», заявил, что он не приписывает себе изобретение беспроволочного телеграфа, но что *этой идеей мы обязаны Попову*, – спор кончился...

Это Академик Б. С. Якоби в 1834 году изобрел первый в мире электро-двигатель, и в сентябре 1838 года по реке Неве поплыл первый в мире электропровод Якоби. На год раньше Морзе, в 1839 году Якоби изобрел электро-магнитный самопишущий аппарат, установив связь между Зимним Дворцом и Главным Военным Штабом.

И не с чувством горделивого самовосхваления, что «мы лучше всех», а с благородным негодованием против тех, кто утверждает, что Россия всегда училась у более мудрых, – напомним: 1) В 1763 году, т. е. раньше Джемса Уатта – английского изобретателя, наш русский *Ползунов* изобрел паровую, или, как он ее называл «огненную» машину; 2) В 1760 году, т. е. за десять лет до механической прядильни Аркрайта в Англии, в России была построена первая в мире механическая прядильня Родиона Глинкова; 3) Как известно, американец Дрэй пробуравил первую нефтяную скважину для добывания нефти на большой глубине в 1859 году, а техник русский *Семенов* пробуравил первую в мире скважину на берегу Каспийского моря в 1848 году; а в 1855 году промышленник *Сидоров* пробуравил вторую нефтяную скважину на Ухте; 4) Кто разрешил первым мировую труднейшую проблему смазывания машин? Опять русский – профессор Николаевской Инженерной Академии и Петербургского Технологического Института, Николай Павлович *Петров*, в 1882-м году создавший основу математической теории смазки и выпустивший труд: «Трение в машинах и влияние на него смазывающей жидкости»; 5) Другой *Петров*, Василий Владимирович, в 1802 году первым в мире изобрел электрическую дугу за восемь лет до открытия этого явления английским химиком Деви; 6) В 1903 году в Петербурге, на Выборгской стороне был спущен первый корабль «Вандал», приводимый в движение дизель-моторами. Это был первый теплоход в мире. Эти теплоходы теперь строятся на верфях всего мира; но Родина то их – Россия. 7) Наш Димитрий Иванович *Менделеев* (1834–1907) является отцом новой эпохи в развитии химии. Его главная заслуга в том, что он не только открыл периодический закон химических элементов, распределив их по атомному весу; но и постиг эту систему

классификации химических элементов, как неизменный закон, опираясь на который, можно предсказывать новые факты и делать новые ценные открытия в научной химии. И неудивительно, поэтому, что Менделеев не только предсказал существование в природе еще неоткрытых химических элементов, но и точно определил существенные свойства этих элементов, указав их точный атомный вес. По инициативе директора прикладной физики, профессора Ядова, ученые химии всего мира единогласно постановили назвать 101-ый наиболее тяжелый трансурановый атом именем величайшего русского химика XIX века – «менделевium». 8) Интересно отметить, что открытие разительных свойств грибка, из которого делается теперь пенициллин было сделано доктором А. Г. Полетебневым и физиологом В. А. Манасеиным. В номерах 34–52 русской еженедельной газеты «Медицинский Вестник» (1872 года) была напечатана статья о том, что эти ученые заметили, что грибок зеленой плесени (Кистевик по-народному) помогает быстрому заживанию гнойных ран. Стали они выращивать культуру этой зеленой плесени на апельсиновой корке и применили ее при лечении сифилитических язв у солдат. Этот Кистевик и есть тот грибок, который, в научной терминологии называется пенициллином, открытым в 1929 году английским врачом Флемингом. Открытие же русских докторов кануло в бездну забвения, как это часто случается.

После Великого Исхода из России великого множества ученых, ушедших искать по миру, где «оскорбленному есть чувству уголок», многие потрудились на пользу приютивших их свободных стран мира. В калейдоскопе разсеянных по всему миру русских эмигрантов сверкает, светить на весь мир и переливается разными цветами радуги всеобъемлющий гений и таланты выносливых, терпеливых, находчивых и изобретательных русских самородков, получивших образование до революции в России. Несмотря на вопиющую нужду, на непривычный труд в борьбе за существование, не распылился и не погиб на чужбине могучий гений и таланты Зарубежной Руси. И нет теперь на земном шаре такой точки, куда бы не проникла русская культура и наука.

Ученые доктора медицины разъехались по самым отдаленным уголкам света белого и ревностно принялись за работу на самых опасных для их здоровья и ответственных постах:

1) По назначению Пастеровского Института в Париже доктор А. Т. *Васильев* уехал в Тунис, где изучал животных и насекомых – переносчиков чумы; 2) В Судане, во Французской колонии, в сопровождении своей безстрашной жены д-р *Попов* начал бороться с *проказой*. Два его помощника – Естифеев и Габер-Волынский умерли от проказы; 3) В Индо-Китае по эмбриологии работал д-р Е. Н. *Давыдов*; 4) Известный в России венеролог Валентин Иванович *Зарубин* заведовал в Юго-Славии венерическим городским отделом; 5) Знаменитый хирург, проф. Иван Павлович *Алексинский* поселился в Париже; 6) Д-р Аким Осипович *Маршак* сделался директором туберкулезной санатории в Болгарии; 7) Бывший директор Петербургских Безтужевских курсов, д-р С. И. *Метальников* работал в Пастеровском Институте по изучению растений и микробов, вызывающих болезни вредных насекомых; 8) Д-р М. *Туманов* заведовал отделением Пастеровского Института в Индо-Китае; 9) Д-р В. А. *Юревич* в Сайгоне работал по эмбриологии и вакцинациям; 10) Д-р В. Н. *Болдырев* заведывал научно-физиологическим Институтом при санатории д-ра Келлога в Америке; 11) С легкой руки д-ра Ильи Ильича *Мечникова*, заведовавшего отделением Пастеровского Института в Париже, целый ряд русских биологов и бактериологов (доктора: А. М. *Безбородко*, Л. И. *Кепнов*, С. Н. *Виноградский*), продолжая работу Мечникова в Пастеровском Институте, разработали новые методы по вакцинациям против тифа, холеры, змеиных ядов, а проф. Виноградский, кроме того, открыл микроб, играющий важную роль в жизни растений и открыл бактерии, поглощающие азот в воздухе и переносящие этот азот в почву; 12) Д-р Н. А. *Добровольская* работала в Африке по исследованию раковых заболеваний.

Имена русских ученых, сделавших ценные открытия и изобретения за рубежами Родной Земли, прогремели во весь мир: 1) Д-р *Раевский* изобрел аппарат, регистрирующий все

излучения, исходящая из земли. Эти излучения приводят в движение стрелки чувствительного аппарата, издающего звуки, которые можно слышать через громко-говоритель; т. е., образно выражаясь, – «слышать, как растут растения»; 2) Ученый *Грапов* изобрел азбуку и написал словарь для чтения и толкования Египетской мудрости – иероглифов, и все письма немого Египетской древности *«заговорили о своих сокрытых тайнах»*; 3) Ботанику В. В. *Лепешкину*, учитывая ценность его лекций, в Нью-Йорке, была построена специальная лаборатория, стоившая более 60,000 долларов; 4) Наш проф. *Четыркин* прославился по исследованию дна морского и собрал богатейшую в мире коллекцию морских чудовищ; 5) Разве не радостно для нас сознавать, с каким почетом и даже послушанием относились иностранцы к нашему прославленному в области археологии *«Царю раскопок древности»* – профессору *Ростовцеву*, по одному авторитетному мнению руки которого в музеях немедленно переставляли памятники древности; 6) Наш Иван *Махонин*, проживая во Франции, особым процессом превращал растительные и минеральные масла в продукт, заменяющий бензин. Эксплуатацию этого продукта, названного «жидким золотом» за его ценность, Махонин безвозмездно передал приютившей его стране. Франция, страдавшая от недостатка горючего и ввозившая миллионы тонн горючего, с благодарностью приняла ценный подарок русского доброго самородка; 7) Русский химик и физик, профессор П. *Капица* прославился в Англии своими аппаратами, производившими электрические токи неслыханной силы, с невероятными температурами выше и ниже нуля. Его поразительные аппараты *в одну-сотую секунду отмечали все изменения, происходящие в ядре атома*; 8) Ведь это по чертежам нашего Владимира Ивановича *Юркевича* был построен самый большой в то время пароход – «Нормандия» – истинное чудо двадцатого века, прозванный «плавающим городом»; 9) Русский астроном *Отто Струве* поразил мировую астрономию открытием и вычислением самой крупной из известных звезд – звезду «Эпсилон Ауригэ», удаленную от Земли на пятнадцать тысяч

биллионов километров. Диаметр нашего Солнца в три тысячи раз меньше этой звезды. Потребовалось бы двадцать семь миллиардов таких шаров, как наше солнце, чтобы образовать массу этой звезды. Вся наша солнечная система могла бы уместиться внутри этой звезды. Если смотреть на нее невооруженным глазом, ее яркость не превышает яркости звезды третьей величины, потому что она слишком далеко от Земли;

10) Нашего проф. С. П. *Тимошенко* с мировым именем в области прикладной математики, теоретической и прикладной механики, теории упругости и сопротивления материалов и т. д., написавшего около ста научных работ, Станфордский университет в Калифорнии так оценил, что разрешил ему продолжать научную работу без ограничения возраста;

11) Владимир Николаевич *Ипатьев* (1867–1952) – величайший ученый химик с мировым именем, особенно был известен среди ученых в индустриальной химии. На 75-летнем юбилее со дня рождения Ипатьева – отца новейшей нефто-химической индустрии, проф. Франк Уитмор так оценил Ипатьева: «Из всех русских ученых химиков самыми выдающимися были: Ломоносов, Менделеев и Ипатьев. Ипатьев имел гораздо больше влияния на мировую научную химию, чем два его предшественника. Пионер новейшей химии, он всю жизнь, до самой смерти был пионером новых открытий в химии:

1) Ипатьев написал более трехсот научных трудов; 2) получил более ста патентов на свои открытия и изобретения; 3) еще в 1900 году открыл новый способ разложения органических составных веществ при высоких температурах посредством особых катализаторов и свою любимую книгу: «*Каталитические реакции при высоких температурах*» назвал своей химической биографией; 4) прославился своими открытиями в области производства синтетической резины; 5) открыл метод добывания чудодейственного горючего, так называемого высоко-октанного газа высшего качества для автомобилей и аэропланов; 6) открыл способ превращения разных газов, улетающих в воздух при сгорании и особенно при добывании газа, в жидкое горючее, способное увеличить скорость мотора до 500 миль в час; 7) был основоположником

науки о диссоциациях металлических растворов под действием компрессированного водорода, что дает возможность получить абсолютно чистый металл не только в лаборатории, но и в промышленном масштабе.

Это благодаря мудрому и прозорливому совету проф. Ипатьева на мою долю выпала честь сделаться пионером научного русского языка в Америке. Это он посоветовал мне написать первый в Америке учебник, который, благодаря его авторитетной оценке, сразу же был принят к печати. Сотни студентов – будущих докторов наук прослушали мои *патриотические* лекции о культурном и научном вкладе гения Исторической России, наградив меня званием «культурного посланника Исторической – неведомой России» и «*главным архитектором*» курсов по научному русскому языку.

После Второй Мировой войны, во время Второго Исхода из России, Зарубежная Русь обогатилась новыми учеными – выходцами из России. Так как в короткой журнальной статье мы не можем даже перечислить имена всех русских ученых, нашедших приют за рубежом Родной Страны после революции, то постараемся в заключении ответить на часто задаваемый иностранцами вопрос: *«Почему до революции заграница так мало или совсем не знала русских ученых?»*

1) Международное сообщение для связи и обмена идей между учеными было в примитивном состоянии. Даже в 18 веке, когда Ломоносов сделал ценное открытие в атмосферном электричестве, он даже не подозревал, что в далекой Америке то же самое открытие, в то же самое время совершенно независимо от Ломоносова сделал Вениамин Франклин. Теперь, когда Юрий Гагарин облетел вокруг Земли, об этом узнал весь мир в тот же день; 2) большой секрет успеха для реализации всякого открытия и изобретения заключается в уменьи схватить благоприятный момент, когда государство и промышленность нуждаются в них. Когда А. С. Попов изобрел беспроволочный телеграф, Россия не была готова к использованию этого изобретения в широком масштабе. По авторитетному свидетельству Ипатьева, пионер радио-телеграфа Попов, открывший беспроволочный телеграф в 1895 году и к 1897 году

так усовершенствовавший его, что мог делать радио-передачи на расстояние до пяти километров, к несчастью, скоро умер от порока сердца. Маркони знал о всех опытах Попова. Усовершенствовав процесс радио-телеграфии, он встретил поддержку со стороны промышленных кругов, которые сразу же начали утилизировать это изобретение. И в то время, когда о Попове забыли даже в России, о Маркони заговорил весь свет, как о первом (?) изобретателе радио-телеграфа; 3) Так как независимая научная мысль русских гениев часто шла впереди экономического и промышленного развития страны, то государство и общество не поощряло и не поддерживало открытия и изобретения, в которых оно не нуждалось. Проф. Ипатьев писал, что бедному Попову приходилось не мало обивать пороги, чтобы получить 5,000 рублей для установки радио-передачи между Санкт-Петербургом и Кронштадтом; 4) Не только в России, но и в других странах часто молва, а за ней и официальная история несправедливо закрепляют всю честь открытия или изобретения за одним счастливецом, оставляя других в тени; 5) Как настоящие гении, русские ученые в старое, доброе время особенно отличались природной скромностью, страхом пред рекламой. Не будучи жадными материалистами, не думая о продаже своих секретов и о патентах на них, они охотно делились своими успехами с каждым и душа у них была, как говорится *«нараспашку»*. Вот пример: А. Н. Лодыгин, как известно, изобрел электрическую лампочку накаливания в 1873 году. В 1877 году друг его, лейтенант Хотинский, командированный в Америку для приема крейсера, увез с собой лампочку Лодыгина, которую он показал Эдисону. Эдисон, как известно, впервые осветил электричеством свою лабораторию на Рождество, в 1878 году. Кто знает, может быть показанная ему лампочка Лодыгина помогла великому изобретателю усовершенствовать его лампочку, прозванную *«Эдисоновской грушей»*; 6) чрезмерное преклонение русского общества пред всем иностранным, какое-то подобострастное и молчаливое знание *«превосходства во всем заграницы»* также мешало узнать иностранцам о подлинно великой, но все еще неведомой им России; 7) совсем другое

дело теперь. Вообразив себя «сверхчеловеками» и чуть ли не «человекобогами», современные «управители» полоненной ими Исторической России, совершенно забывая о насущных нуждах народа, щедро тратят деньги на поддержку научных исследований наших, хотя и подневольных, но все же опять-таки русских гениальных самородков, работающих в области прикладных наук и по завоеванию безвоздушных пространств вселенной. Не в пример скромной, молчаливой Исторической России, нынешние управители Ея *трезвонят* о своих научных завоеваниях больше, чем надо. И не удивительно, поэтому, что за граница теперь не только знает, но и преклоняется и пред ученостью президента Академии Наук – А. Н. Несмеянова, и лидера атомной физики Курчатова, и получившего Нобелевскую премию химика Н. Н. Семенова, и знаменитого, в оценке Отто Струве, астронома В. А. Амбартсумиана, и специалиста по «спутникам» Анны Масевич, и знаменитых физиков П. Л. Капица и Л. Д. Ландау и многих других.

Мы же и впредь будем высоко держат знамя подлинных и неисчислимых заслуг всеобъемлющего научного гения Исторической России для *посрамления* притворных невежд и хулителей России, для *вразумления* действительных невежд, а главное – для *возгревания* пламенной любви к Родине и сознания собственного достоинства у нашей родной молодежи, как достойных потомков величайшей в мире, исторически славной Святой Руси, не оставшейся в долгу у других просвещенных стран в области Истины, Добра и Красоты, как краеугольных камней истинно человеческого прогресса на Земле.

Проф. Г. А. Знаменский.

Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.)
Светлой памяти царственных
страстотерпцев (17 июля 1918 г.).

Когда-то, в древности, в одном городе был такой обычай: если совершалось убийство, то все жители города должны были подходить к телу убитого и клятвенно свидетельствовать о том, что они не виновны ни прямо, ни косвенно в содеянном преступлении.

После 4 (17) июля 1918 года, дня убиения Царской Семьи, все русские люди призваны ответить перед телами убитого Помазанника Божия, Страстотерпца Государя, Его Супруги и Его Детей – не виновны ли они прямо или косвенно, вольно или невольно, сознательно или безсознательно, словом, делом или помышлением в этом страшном злодеянии.

Весь русский народ ответственен за этот величайший грех: одни в бóльшей степени, другие – в меньшей. Совершенно невинны лишь те, кто до смерти оставался верным и соучаствовал в страданиях Царственных мучеников во время их Голгофы или в течение последних лет.

Русский народ – народ Богоизбранный, народ Богоносец, народ, которому Господь наш Иисус Христос вверил блюсти чистоту своей непорочной Невесты – истинной Церкви Православной. Кому больше дано, с того больше и спросится. Ни с одного народа в мире (кроме народа еще еврейского) не спросится так много, как с народа русского.

Божественной кровью Спасителя искуплен весь род человеческий. Непременным условием спасения является покаяние и соучастие человека в жертве за поправную Истину и Справедливость. Иными словами – спасение есть Богочеловеческий процесс, покупаемый неоценимой Божественной Кровью Спасителя и радостно и любовно отданной кровью благодарного Ему человечества.

Высший христианский подвиг венчается венцом терновым. Безвинные муки – вот имя этого подвига! Чистые сердцем идут на заклание. Соучастие в страстях Христовых для спасения

грешного мира во имя любви ко всему миру – вот высший подвиг христианина.

Страшные грехи сотворил народ русский. Безмерно падение Богоизбранного народа. Но где умножается грех, там, по неизреченной милости Божией, преизобилует и Благодать! И благодатный народ русский, наряду с безмерными грехами явил миру и безмерную святость.

Православное русское самодержавие есть взаимоответственность Царя и народа. Грехи Царя могут быть искуплены народом. Так кровь святого митрополита Филиппа искупила грехи царя Иоанна Грозного. Через сто лет после своей мученической кончины, митрополит Филипп молча встал своими святыми мощами на то самое место в Успенском соборе, откуда он исповеднически обличил грехи царя Иоанна. А другой царь, Алексей Михайлович, положил на грудь Святителя челобитную грамоту и коленопреклоненно молил Святого простит Царя! Зная сущность христианской святости, с ее дыханием всепрощающей Христовой любви, мы не можем сомневаться в том, что митрополит Филипп простил царя Иоанна, и попранная Справедливость была восстановлена.

Но если грехи Царя могли быть искуплены страданиями народа, то и грехи народа могут быть искуплены страданиями Царя! Страшные грехи сотворил народ русский. Но православный русский Царь-Государь Император Николай 2-ой – своими страданиями искупил эти грехи.

Непомерно огромны были грехи падшего Богоизбранного народа русского, но искупительная жертва оказалась еще больше: православный Русский Царь-Страстотерпец, Помазанник Божий – отдал за народ Свою царскую кровь, детскую кровь своего Сына, кровь своей верной Супруги и девственно-чистую кровь всех своих Дочерей.

Искупление совершилось. Но, чтобы иметь право омыть свои грехи этой кровью, человеческой Царской и детской кровью, дополненной к неоценимой и драгоценнейшей крови Богочеловека-Христа, необходимо покаяние в грехах перед Богом, вместе со смиренным и терпеливым признанием справедливости ниспосланных народу русскому кар.

Убийство Царской Семьи, этот всенародный страшный грех, завершает, венчает и символизирует все русские грехи, совершенные со времени второго Крещения Руси («Крещения слезами» – всенародного покаяния перед патриархами Гермогеном и Иовом во время первой смуты) – до последней перманентно-окаянной революции, попущенной Богом, как законное возмездие народу русскому.

Нескончаемые муки, страдания, пытки, кровь и слезы, в которых тонут сейчас все русские люди, как в отечестве, так и в разсении по всему миру – суть плоды безмерных народных грехов. Их надо осознать и в них надо покаяться! И только тогда, после религиозно-нравственного возрождения – можно надеяться на возрождение физическое. Надо не на словах, а на деле доказать всему миру, что русские – не большевики, не предатели и не Пилаты.

Защищать теперь февральскую революцию и видеть в ней какую-то правду – это значит снова предавать народ большевизму. Не защищать теперь идеи православной русской монархии и молчать о ней – значит уподобляться Пилату, умывающему руки!

Если мы не поймем, не признаем, не преодолеем этих коренных грехов народа русского, совершенных в течение длительного процесса исторического периода от Декабристов до Октябристов, от Белинских и Чернышевских до Лениных и Сталиных (ибо это не только личности, но и персонифицированные идеи русской общественной мысли), то кровь Царя и Его семьи, вместе с кровью мучеников Православной Церкви во главе со св. патриархом Тихоном, митрополитами Владимиром, Вениамином, Петром, Кириллом и Иосифом, и вместе с кровью безчисленных мучеников, за Веру, Царя и Отечество в борьбе с сатанинской властью живот свой положивших – падет на всех нас, русских, и на детей наших, где бы мы ни находились – на Родине или в разсении по всему миру. Чистое дело надо делать не только чистыми руками, но прежде всего с чистым сердцем. Без понимания своих грехов и без покаяния в них – бессмысленна борьба за освобождение России.

Просты и ясны слова Спасителя: «Без меня не можете творить ничего». Без помощи Божией спасти Россию нельзя. Бог всемогущ и безконечно милостив. Он ждет только покаяния.

Будет всенародное покаяние – будет и помощь всемогущей Божией Любви и Справедливости. Не будет этого покаяния – Русский народ никогда не выйдет из этой окаянной смуты! Никакие организации оправдывающие Иудины и Пилатовы деяния врагов Истинной Православной Русской Церкви и Православного Русского Самодержавия, – не спасут Россию.

Русский народ, русские люди гибнут! Гибнут духовно, а потому и физически, ибо только при здоровом духе может быть действительно здоровое тело.

Спасение может быть общее и частное. Тех отдельных русских людей, которые искренне каются в своих грехах и со смирением, кротостью и терпением принимают ниспосланные Богом народу русскому кары, – Господь чудесно и таинственно спасает и любовно покрывает Своим всепрощающим милосердием. Он или берет их к Себе, посылая им тихую и безмятежную кончину, или находит им тихие и скромные уголки жизни, давая возможность в благодарной молитве найти самое высшее, самое редкое и самое благодатное – благодушный покой и непоколебимую веру, растворяющую и просветляющую всякую скорбь.

Дивное диво и чудное чудо представляет наша современная жизнь, и не видят этого только те, кто никогда, ни на одно мгновение, не хотели поднять свое сердце «горе» и посмотреть на жизнь «умными», духовными очами.

Океан страданий – и в нем чудесные островки тихой радости, веры, надежды и любви. Океан тревог и страха – и в нем дивные маяки тихого, невечернего, неусыпающего света.

Но, увы! как мало людей, сподобившихся найти эти островки, уголки и маяки! Как ничтожно количество избравших «благую часть»!

Огромная же массы народа мнутятся и трепещут и гибнут не столько от действительных бед, сколько от «ожидания грядущих бедствий».

Господи! Доколе?!

Ответ ясен и прост: «До тех пор, пока весь народ не покается».

Истина ясна и светла, как солнце, проста и прекрасна, как дитя!

Она заключается в том, что русский народ гибнет в пучине своих грехов, глубочайшим, последним, предельным смрадным и богопротивнейшим из которых является изуверское убиение Помазанника Божия и Его Семьи.

Спасение России возможно только через покаяние и только с помощью Божией, а не «своею собственной рукой»!

Истинная Православная Русская Церковь уже давно, кротко и непрестанно, призывает к такому покаянию. Но инициатива его должна принадлежать самому народу. Идея Православного Русского Самодержавия, идея Православия, Самодержавия и Народности, идея борьбы за Веру, Царя и Отечество, идея организации борьбы прежде всего за духовное освобождение России, – в настоящее страшное и лукавое время является единственной идеей, вокруг которой организовано могут объединиться все истинно православные русские люди, понимающие безмерность грехов всего народа русского, признающие божественную справедливость возмездия за них, чающие всенародного покаяния, как единственно-реальную возможность духовного, а с ним и Государственного оздоровления России, и, главное, ничего для себя лично не желающие, а готовые на полное самоотвержение и на самопожертвование во имя любви во Христе к своей Родине – России.

Православные русские люди! Объединяйтесь, ибо в единении сила! Организуйтесь, ибо борьба требует организованности. Но помните завет Христа: «без Меня не можете творить ничего»! Спрашивайте ваших руководителей – со Христом они – или против Христа? Без Христа – значит против Христа!

А если со Христом, – то значит и с Его Непорочной Невестой – Православной Церковью. А это, в свою очередь, означает – что руководители ваши должны просить на свое дело благословение Церкви.

Но и церквей теперь много! Как отличить истинную от «лукавствующей»?

Очень просто. Та Православная Церковь, которая никогда, ни в какой степени, ни при каких обстоятельствах, ни на иоту не солидаризировалась с теми, кто был палачем Царской Семьи и верного Ему народа, – та, и только та Церковь может быть названа Непорочной Христовой Невестой.

Ни лже-патриархи Сергей и Алексей, ни те, кто им кланяется и их благодарит, – не могут быть признаны «голосом Церкви». Нужно чистое имя, к которому можно обратиться за благословением на святое дело.

Имя Преподобного Сергия Радонежского, – освятившего дело Великого Князя Дмитрия Донского.

Имя Святого Патриарха Гермогена, – освятившего дело Минина и Пожарского ¹⁶.

Имя Святителя Патриарха Тихона, – Послание которого от 19 января 1918 г. ниже приводится.

И. М. [Андреев.]

Восемь месяцев в царстве Ленина.

«Пути Господни неисповедимы. Какую бы тяжкую заповедь ни наложил на тебя Господь, усердно, безропотно исполняй ее, ибо нет больше греха, как роптать на заповедь Господню или быть небрежливым к ней. Ведь это все равно, что роптать на Самого Царя Небесного, Которому со трепетом предстоят небесные воинства. Господь не наложит на человека бремени выше его сил. А какое бы тяжкое бремя в жизни не выпало тебе, неси его, как испытание Божие. Такая вера научила меня побеждать более сильного врага. Так наставлял нас незабываемый адмирал Павел Степанович (Нахимов), так же наставлял, царство ему небесное, и твой покойный дедушка, храбрейший офицер, разумный да милостивый начальник. Особенно помни – служение России есть Богослужение, поскольку наша Россия – обручница Христова».

Так напутствовал меня, при поездке на фронт, наш дед Иван – старый дедовский деньщик, проводший с ним всю тяжкую Севастопольскую страду 1855 г., не захотевший разставаться с ним и ставший непременно членом нашей семьи, патриархом семьи. Да, пути Господни неисповедимы. Прodelав всю легендарную эпопею борьбы с большевизмом 1918 года, с ея Первым – Ледяным и Вторым походами, в самых первых числах января 1919 года, волею судеб я очутился там, в царстве Ленина. Должен был я поступить на службу и выбрал 1-й технический отряд, знакомый мне еще по германской войне. У советов этим отрядом командовал тот же самый офицер (поляк), который командовал им на фронте в царское время. Да и дивизионом, в который входил этот отряд, командовал прежний командир, тоже поляк. Штаб отряда стоял в городе Орле, а самый отряд стоял в шести верстах от города, будучи размещен в одном имении. Солдаты занимали часть барского дома, а в другой его половине жили сами хозяева. И все, надо сказать, так хорошо ужились, что хозяева были весьма довольны пребыванием у них отряда, который не только не стеснял их, но еще являлся гарантией от всевозможных

неожиданностей того времени: обысков и налетов. В провинциальной глуши, вдали от города, сложилось некое подобие семейной обстановки, правда, мало способствовавшей изучению слагающегося нового советского быта в его различных проявлениях. Это был маленький островок, где непосредственно не ощущалось проявлений советчины, а о них узнавалось только по наслышке. Среди все затопляющего красного болота, отряд являлся как бы маленькой русской кочкой, где еще даже не было политического комиссара. В конце января красная власть вдруг вспомнила об отряде. Послан был «просветитель». Люди отряда встретили его, действительно, как учителя. Первая лекция его была о семье и о взаимоотношении полов. Тут «просветитель» дал себе полную волю. Семья, мол, это пережиток прошлого, который только ограничивает своими условностями радости жизни. Спешите брать их налету, не считаясь с тем, что это, мол, мать, а это сестра, и с ними нельзя, грех иметь связь, а там, глядишь, возникают какие-нибудь препятствия, тогда, как природа никому никаких ограничений не ставит. Ведь мир животный не признает ни сестры, ни матери, ни брата. Человек то же самое животное, только что двуногое, более совершенное, значит обладающее еще более повышенными потребностями. Удовлетворение страсти по своему выбору и есть высшая радость жизни. Первая такая лекция вызвала бурю в отряде. На другой раз его встретили уже холодно. И после того, как «просветитель» осудил церковные постановления о браке и такую условность, как ревность, ему многие задали вопрос: «Товарищ, а если ваша жена на ваших глазах пойдет с другим, что вы скажете?» Он нашелся только ответить, что не следует переходить на «личности», а мы, мол, говорим вообще. На это ему мужики возразили, что раз это «вообще», так нечего и говорить об этом. После второй лекции «просветитель» в отряд уже не являлся. Отряд не захотел его и опротестовал в округе, а вместо него явилась молодая учительница (не русская), которая повела свою просветительную линию более тонко, но скоро оказалось, что и ей нечего делать в отряде.

Зима была суровая, многоснежная, со страшными метелями. Несколько раз были такие снежные заносы, что приостанавливалось, иногда и надолго, железнодорожное сообщение. В таких случаях для расчистки железнодорожных путей сгонялось население и, конечно, главным образом – интеллигенция, «бывшие люди». Теперь они должны были обслуживать пролетариат. Нечто странное возникло на месте монолитной, органически связанной России: принявшая приниженный, нищенский вид, вчерашняя Россия, а над нею наседающая чужая сила, называющая себя «народной властью», а по существу своему являющаяся наоборот «антинародной», антирусской. Так к ней и относилась Русь крестьянская, так на нее и смотрел собственно народ, а не подонки его. Как-то немного воспрянул он, еще зимой, прознав о формировании на Дону какой-то Русской Армии для борьбы с большевизмом. Мы, мол, отсюда тоже как-то должны помогать ей. И эта мысль, так или иначе, стала претворяться в дело. Вот пример. Верстах в пяти от Орла при железной дороге находился хлебный элеватор, в котором сохранились еще с царского времени некоторые запасы зерна, предназначенные для красной армии. Так вот, в одну прекрасную ночь, на исходе февраля, запылал этот элеватор, мужички подожгли. Пусть, мол, не достается русское добро нашим врагам-антихристам, которые думают его использовать на нашу же гибель. Никакие аресты ничего не обнаружили. Самовозгорание, да и только. А РСФСР, как тогда называлась совдепия, солдаты расшифровали так: «Разогнали Солдат Фронтовиков – Собрали Разбойников».

В марте забастовали рабочие брянских вагоностроительных заводов, до нельзя усугубляя и без того тяжкую транспортную разруху. Для должного «вразумления» рабочих, из Орла была двинута в Брянск 4-я стрелковая дивизия с полевой батареей. Но замечательно то, что ни снаряды на батарею, ни патроны красноармейцам с места выданы не были, им плохо доверяли: боевые припасы были розданы только при самом приближении к Брянску. Что же случилось дальше? Перебив комиссаров, красноармейцы с оружием в руках на половину разбежались, укатив с собою и батарею. Народные комиссары только

измором вынудили прекратить забастовку, разставив по дорогам заставы и таким образом прервав доставку провизии бастующим из деревень.

Благоустроенное имение, в котором размещался отряд, красная власть решила использовать для пробного советского хозяйства, и отряд с первого апреля был переведен на другую стоянку, недалеко от станции Нарышкино, в имение Чистякова. Переселение состоялось на Страстной Неделе. Отряд, надо сказать, был укомплектован солдатами еще старой русской закваски, и людям хотелось устроиться к Пасхе хоть маломальски по-человечески. А между тем, здесь стояла какая-то красноармейская часть, которая прекрасный барский дом привела в такое состояние, что он не представлялся годным для размещения в нем воинской части. Не удивительно, что солдаты возмутились. У доброго, мол, хозяина хлев содержится чище, а мы все-таки не скотина. Пришлось со станции телефонировать в город начальнику отряда, который заранее не осмотрел, повидимому, помещений, и изложить ему обстановку и справедливое возмущение солдат. Вдруг в наш разговор вклиняется какое-то постороннее лицо и говорит: «Товарищ, может вам отряд прислать для вразумления этих баранов? Я вижу, у вас там затруднение с ними. Пусть забудут царское время, теперь другая, пролетарская дисциплина». Я отвечаю ему: «благодарю вас, все, в конце концов, обойдется без эксцессов». «Ну смотрите, говорит он, – не накликайте ответственности на себя». Оказалось, это – говорил не кто иной, как председатель орловской чрезвычайки, Гутерман, пролетарий с миллионным состоянием, владелец большого пивоваренного завода. Но его фамилия Гутерман говорит все... Они стали хозяевами в России. На помощь отряду пришел волостной исполнительный комитет, размещавшийся в том же имении, который нарядил из ближайших деревень десятков крестьянских женщин, и к Пасхе помещения для солдат приняли вполне приличный вид, а скоро и весь дом был очищен. Только в некоторых комнатах в полу зияли дыры. Невозможно понять, для чего рубились полы и выламывались целые доски.

По близости, в селе Георгиевском, была церковь, так что в Светлую Ночь почти весь отряд был у Светлой Заутрени. Не командой, как это бывало раньше, а в одиночку, но каждому хотелось пройти в крестном ходе, услышать победное «Христос Воскресе», и самому откликнуться на него искренним, уверенным «Воистину Воскресе». По старому обычаю, Светлая Заутреня началась еще в полночь. Перед крестным ходом вокруг церкви запылало множество костров, поддерживаемых деревенскими подростками до самого конца утрени. От пламени костров церковь и люди в крестном ходе принимают какой-то сказочный, красноватый оттенок. Все и все наполнилось святой торжественностью, святой радостью, заслонившей собою хоть на час все невзгоды «красной действительности». Хороша ты была, Русь, в твоих святых обычаях! Хор из мужиков и подростков, надо сказать, был на славу, особенной внушительностью отличались басы... гром небесный. Церковь полным полна. Люди со свечками стоят вокруг церкви, в окна созерцая богослужение. Вся Русь деревенская явилась на этот радостный, великий пир веры. Принесла для благословения свои деревенские куличи, пасхи, разноцветные яйца и даже мясную снедь. На приветствия священника «Христос Воскресе!» каким убежденным отвечала эта Русь «Воистину Воскресе!» Мурашки начинали бегать по коже. И с каждым разом это «Воистину Воскресе!» делалось все мощнее. Из церкви оно передавалось наружу и здесь подхватывалось и повторялось с той же верой, с той же убежденностью.

Когда я, по окончании литургии, подходил к кресту, один мужчина с клироса очень засматривался на меня, словно узнавая меня. И мне он показался как будто знакомым. Приложившись ко кресту, медленно пробираясь сквозь гущу людей, иду к выходу. Только стал выходить из церкви, как ко мне подскочил здоровенный детина. Густой октавой приветствует меня: – Христос Воскресе, ваше высокоблагородие! Узнали меня? – Боев? – Так точно! Вот где и как нам Бог привел встретиться, не узнаешь судьбы Господни! Говорят – только гора с горой не встречаются. А вы, ваше высокоблагородие, осчастливьте нашу семью ради Светлого

праздника, не откажите быть нашим гостем. Представляю вам всех моих домашних. Теперь отдохните. Всю ночь, ведь, провели в церкви. А часиков в девять приходите к нам разговляться. Сейчас пойдем вдоль села, все равно вам туда же идти, я покажу вам наш дом. Да все равно, мы и так вас всей семьей встретим около дома. И старое вспомним, и о новом поговорим. Это новое куда, как тяжело теперь!

В разговоре незаметно прошли все село и остановились как раз перед его домом. – Вот и наши хоромы, очень просто найти.

Мы распрощались.

Этот Боев, Иван Панкратьевич, был старшим унтер-офицером моей пулеметной команды на германском фронте, хорошо грамотный, очень толковый, смелый, кавалер четырех степеней Георгиевского Креста. По случаю ранения эвакуирован с фронта в самом начале революционной свистопляски. И вот, через два года мне привелось с ним встретиться уже в совершенно иной обстановке, в его селе, около его дома. Для меня в моем новом положении эта встреча представляла большой интерес. Воспоминания сравнительно недавнего боевого прошлого – само собой. Но я рассчитывал, что он может дать мне, новому в красной атмосфере, нужные сведения об обстановке, в которой, волею судеб, мне пришлось очутиться.

К условленному часу я отправился в село Георгиевское на праздник к своему бывшему солдату. Действительно, меня перед домом встретила вся семья: старик отец, старший брат с женой и этот с женой. Перехристосовался со всеми. Потом старик как-то несмело берет меня под руку и говорит: – Пойдемте в избу, не побрезгуйте нашими мужичьими хоромами. Разговеемся, пока, честь честью, по-христиански.

Добрая, христианская, патриархальная семья. Входим в избу, и она словно улыбается. Стол, накрытый белым столешником, полон. Ни в чем недостатка нет, даже бутылки с каким-то самодельным напитком. Иван Панкратьевич поспешил предупредить, зная, что я не пью спиртные напитки, что это не самогон, получивший теперь такое широкое распространение, а домашнего приготовления нечто вроде фруктового кваса, но

крепость все-таки есть. Перед иконами, в переднем углу теплятся три лампадки.

– Как видите, икон у нас много, кроме Спасителя и Божией Матери каждый имеет икону своего святого, да непременно хочется, чтобы был в доме образ батюшки преподобного Серафима Саровского, тоже Сергия Радонежского, Страсти Господни да Воскресение, вот и много набралось, мы и теплим три лампадки. Живем мы, по правде и, не в похвалу сказать, по-христиански, душа в душу. Господь нам пока в изобилии всего подает и здоровьем не обижает. И мы не должны Его забывать, надо всегда благодарить Его, нашего Создателя. Другое дело будет, когда новые «хозяева» начнут отбирать все, всех хотят сравнять под одно, тогда уж не знаю, как будет, мыслю – всех нищими да голодными поделают.

На стенах цветные литографии духовного содержания, в рамах, любо посмотреть. – Патрет Царя с Семейством пришлось убрать от греха, – поясняет старик. Всякий народ, ведь, заходит, неровен час, какую-нибудь клязу и состряпают, тогда поди, расхлебывай. Береженого, говорят, и Бог бережет. А об иконах – то вот что поговаривают: «кто, мол, хочет держать у себя в доме иконы, должен будет платить налог за всякую икону, потому – это каждого частное дело, а в социалистической стране оне не нужны. Ну да не будем долго растобаривать, Иван, читай молитву, да милости просим за стол.

Иван Панкратьевич начал читать «Христос Воскресе», и все сразу присоединились к нему, получилась трогательная общая молитва. Потом старик, налив всем по стакану квасу, поднял стакан и произнес: «Христос Воскресе!» Ему все дружно ответили: «Воистину Воскресе!» Все чокнулись стаканами. Старик и говорит: – Этот раз еще справляем Пасху Господню по-христиански, как у нас было заведено на Руси еще нашими прадедами, а что будет дальше, одному Богу известно. Заволакивают Русское Небо страшные тучи! Какой грозой оне разразятся – боязно и подумать. Кому то Бог судил уцелеть от этой грозы?

Сели за стол. О многом говорилось за едой. Вспоминали доброе старое время. Не обошлось и без этого вопроса: «И для

чего господам потребовалось спихнуть Государя? Ведь и сами же все потеряли. Пропадать, видно, пришло нашей России».

Вспоминали нашу фронтовую жизнь и службу. Оживился мой Иван Панкратьевич. – А помните, ваше высокоблагородие, как я с вами играл «Деньщика заику»? А как мы с вами, как кроты, подкапывались под немецкия проволочныя заграждения? Мы ведь, жертвовали собой для нашей России, а не для революции. Если бы Россия заняла в мире первое место, она установила бы настоящий мир. И вот какая-то страшная сила превратила все наши подвиги в ничто. Но самое-то главное, это то, что и мир, и мы сами увидали, на какие подвиги ради России способен русский солдат. А как Яхненко? – так и не поправился от своей «черной немочи»? – Да как отправили его тогда в госпиталь, так я и потерял его из виду. Он мне ничего не писал, так что – где он и что с ним, я ничего не знаю. – А жаль его, как мы, бывало, хорошо пели с ним. Ну теперь и про вас спрошу: а как вас Бог хранит, ваше высокоблагородие?

– Да вот единственно, что могу сказать: пока именно Бог хранит. Но повидать мне пришлось довольно много. Сподобился я и в тюрьме за это время у «товарищей» отсидеться, в Москве, в Бутырской, в отделении пересыльных каторжников. Не красота ли? Чудом ушел, можно сказать, из-под разстрела. Был на Юге. А теперь вот снова здесь, надолго ли – не знаю...

– Ну, да вы найдете свою дорогу, вы не из таковских. Все это так, но что было, то, скажем, прошло, заговорил старик. Теперь следует поговорить и о настоящем, это самое главное. Наше мужичье разумение – одно дело, а вы нам скажите, как вы смотрите на все, что теперь делается у нас в России. Что стало с ней, что и не узнать ее русскому человеку. Все говорят, что последние времена подходят, так, мол, и в писании сказано. Поднялся сын на отца, брат на брата. Прогневили Бога, вот и получаем по грехам своим. Я вот не расстаюсь с Библией. У пророка Исаии сказано: «...и поставлю юноши князи их, и ругатели господствовать будут ими: и нападать имут людие человек на человека, и человек на ближнего своего. Горе души их, зане умыслиша совет лукавый на себе самих рекше, свяжем

праведного, яко непотребен нам есть... Горе беззаконному, лукавая бо приключатся ему по делам рук его». Вот это и случилось с нами. А у Соломона премудрого сказано: «Понеже звах и не послушасте, и простирах словеса, и не внимасте: убо и аз вашей гибели посмеюся, порадуюся же, егда приидет вам пагуба... Будет бо, егда призовете мя: аз не послушаю вас: взыщут мене злии, и не обрящут. Возненавидеша бо премудрость, словеса же Господня не прияша: ниже хотеша внимать моим словесем, ругахуся же моим обличением. Темже снедят своих путей плоды, и своего нечестия насытятся... Мене же слушаяй вселится на уповании, и почует без страха от всякого зла». Да и то сказать, не надо нам далеко ходить, при нас же был батюшка, отец Иван Кронштадтский, он тоже именем Божиим пророчествовал, как и ветхие пророки, предсказывал кару России за беззакония, которая стали заливать нашу землю. Не послушалась Россия, теперь и поедает плоды своего беззакония, и насыщается своим нечестием. Мой-то Иван так много хорошего говорил о вас, а вот вам теперь пришлось обращаться между новыми людьми. Изменились больно люди-то. Хоть вы и привыкли уже к обхождению со всяким народом и умеете распознавать: кто каков, а все-таки не побрезгуйте моим стариновским советом: больше слушайте, меньше говорите, промолчите, не будете раскаиваться, а теперь часто за одно слово приходится как жестоко отвечать. Хоть у нас среди пожилых-то и нет таких подлых людей, чтобы следовало бояться. Есть по названию коммунисты, сын вам всех их по имени назовет, только это такие коммунисты, как редиска, сверху красна, а внутри – белая. Были они коммунисты, когда брали чужое, а теперь видят, что все это не в дело, теперь те же подстрекатели на этот грабеж и начинают отбирать все, да еще больше требуют. Вот и отвечай! А вот молодежь, эта уж больно привержена к новому, так и вынюхивают, да выслушивают везде. От них Боже оборони. А какие знамения стали являться. К добру это или не к добру, а к вразумлению людей, Бог его ведает. Бывало как-то и нипочуть этого, а теперь откуда ни возмись, появились прозорливцы, которые предсказывают, какое зло идет на нас и

призывают к покаянию. Стали являться невиданные и неслыханные чудеса. Для примера – этой зимой в городе было одно великое чудо. В военной церкви ночью на Царских Дверях какие-то очень хорошие, душистые цветы расцвели. Мы сами-то не видели, в городе редко бываем, а разговоров об этом и у нас в деревнях много было.

– Если хотите, я расскажу вам это чудо, я сам сподобился видеть его, – сказал тут я.

– Вестимо, хотим. Сделайте вашу милость, расскажите. Как это хорошо послушать ради Светлого Воскресения, которое само есть чудо из чудес.

– Ну вот, слушайте. Случилось это в половине января. Как-то утром я приехал в канцелярию отряда, Вдруг туда же является заведующий хозяйством отряда, и не православный, а еврей, такой взволнованный, и говорит: «Теперь я верю в чудеса! Сейчас я сам видел настоящее чудо!»

– Что это за чудо? – спросил его начальник отряда.

– В полковой церкви Черниговского гусарского полка, в иконостасе ночью нарцисс расцвел, красивейший, крупный, желтый благоухающий нарцисс. Но в том-то и чудо, что он вырос из багета, корнем сидит глубоко в багете. И посоветовал нам сходить, посмотреть! Загадочно, мол, интересно и... назидательно, поучительно! И сказал, что около церкви уже толпится множество народа и что власти могут обратить на это внимание. Надо, мол, поторопиться.

Желающих посмотреть на чудо нас оказалось трое. Он сам и сомчал нас на своих санках.

Так и есть, около церкви толпилось множество народа. Словно какой-то невидимый телеграф распространил весть о чуде быстрее, чем можно было подумать. Внутри тоже было полно народа, каждому хотелось увидеть.... Нам удалось проникнуть в церковь и пробраться к самому иконостасу, хотя наш военный вид и вызывал со всех сторон косые взгляды: начальство, мол! И вот что мы увидели: в левой колонне, на которую навешена левая половина Царских Дверей, на высоте изображения Благовещения, красовался выросший из багета, ярко-желтый, чудный крупный нарцисс, разливая по всей церкви

благоухание. При виде такого чуда ноги сами подкосились, и мы все, православные и иноверцы, не исключая и еврея, опустились на колени, что весьма импонировало толпе, слышалось: «Глядите, Богу молятся, знать не антихристы, не душегубы». Священник объяснял это народу, как особое знамение Премудрости Божией. Когда мы выходили из церкви, осмелились подойти и ко мне несколько человек, спрашивая: «Вот вы ученый, что вы скажете на это?» Отвечаю: – «Господь Бог не говорит теперь с человеком словами, как это было раньше, но Он являет Себя теперь в чудесах и знамениях. Ясно одно, что что-то Он дает нам в этом чуде, и что-то, наверное, требует и от нас. Святые люди, угодники Божии, может быть, и могли бы разъяснить это чудо, да мы-то, к сожалению, не святые». Тогда уже мне задается другой, более смелый вопрос: – «А разве вы веруете в Бога?» – «А как же, говорю, – конечно, верую». – «Ну тогда храни тебя Господь!»

Не успели еще мы уехать, как в церковь явились «власти» в сопровождении «ученых экспертов». Кусок багета с нарциссом был выпилен и взят на исследование. Народу было сказано разойтись. И что же? На утро такой же нарцисс оказался и с правой стороны Царских Врат. Еще большие толпы народа привлекло повторное знамение. Народ, рыдая, кричал: «Боже, милостив буди нам грешным! Помилуй нас, Боже!» Но «ученой комиссией» кусок багета с цветком был выпилен и с этой стороны. Один из «орателей» взялся было доказывать толпе, что здесь нет никакого чуда, но едва унес ноги. «Сгинь, антихрист проклятый!» – ревела толпа. В конце концов она была разогнана, а церковь, благовестившая какую-то непостижимую тайну – закрыта.

Все перекрестились за столом, а старик проговорил: «Дивна дела Твоя, Господи». После Иван Панкратьевич начал рассказывать, как в одной деревне, неподалеку от Георгиевского, появилась одна прозорливая старушка. По край деревни маленькая избушка-келейка у ней, кругом огородик, и все обнесено частоколом, словно она им отгородилась от всего мира... Избушка у ней чистенькая, светленькая и полна икон. Старушка весной и летом, или копается на огороде, от которого

она кормится всю зиму, или Богу молится в своей келье. А зимой редко, редко выходит из своего монастыря. Когда с кем что не ладное приключается, к ней идут за советом добрым, несут ей свое горе, просят ее молитв. Всех она утешает, помогает своим советом, и что скажет – сбывается. Вот в этом Посту, раз после обедни мы позвали ее к нам обедать; обрадовалась, скудно живет. Так словно благословение она принесла нам с собой. Разговорились о том, что делается теперь у нас в России, и долго ли так будет продолжаться, а она и говорит: «От Бога люди отступили, вот и Бог отступился от России. И придется народу русскому еще хлебнуть горячего до слез, пока Господь не смилует над ним. А Божьих сроков – знать никто не может». Вот этой зимой ее за ее божественные беседы забирали здесь в местную чеку. Помещалось это учреждение в одном тоже барском доме. Там и подвал, и помещение для отряда. Мороз, снег, а ее больше версты провели, почитай босиком, только в одних шерстяных чулках. Они промокли на ней и замерзли. Смеются над ней чонники: «Знать жарко тебе, тетка, что босая ходишь теперь». – «Ну что поделывать, так вот эта детвора забрала меня, – отвечает она. – «Какая детвора?» – «Да вот эти мальчишки». – «Это не детвора, это твое начальство». – «На-чаль-ство... Начальство бывает поважнее, хоть бы тот же старшина, али даже староста, а то какие-то сопливые мальчишки пришли: «пойдем, тетка с нами». – «Куда я с вами пойду?» – «А там узнаешь» – говорят. «Так вот и потащили». – «Ты вот, говорят, все против нашей народной власти агитируешь». – «Ни против какой власти я не говорю, я только о Боге говорю, так и буду говорить, не перестану». – «А ты знаешь, что никакого Бога нет и что власть теперь запрещает говорить о Боге». – «Рече безумен в сердце своем: несть Бог. Ну и пусть ее, запрещает, а я буду говорить, потому Сам Спаситель сказал: Кто постыдится Меня перед человеками, того и Я постыжусь на Страшном Суде перед Отцем Моим Небесным. Что босиком прогнали меня, ну что делать, авось не замерзну, Господь убережет, зато вы в удовольствие погрееетесь за меня». Поглумились парнишки над старухой, да и выгнали: «Убирайся, – говорят, – к своему Богу»

на полати. Когда нам будешь нужна, мы тебя вызовем». А она только ответила им: «А может Господь и возьмет меня к тому времени, тогда и не вызовете». Так и среди вот этих сорванцов нашелся один сердобольный. Один паренек из отряда глядел, глядел на нее, да и выносит ей свои валяные калоши, – «на вот, надевай, говорит, – бабушка» – а потом и обращается к своим товарищам: «У меня тоже одна мать осталась дома, может и ее вот так же гоняют босиком, так и ее кто-нибудь пожалеет, поможет в тяжелую минуту». Тут же сняла старуха свои мокрые чулки, надела калоши, да и говорит: «Спасибо тебе, сынок, добро добром тебе и зачтется».

И что же бы вы думали? Им таки, действительно, пришлось порядком погреться. Через два или три дня, ночью, когда все спали мертвым сном, все здание вспыхнуло, и все они сгорели. А вот тот, что дал ей калоши, да еще один, в ту ночь были в командировке в городе, они уцелели. Вот и сбылось предсказание старухи».

– Не поленитесь, как-нибудь пройдите к ней, вот Иван вас проводит. Довольны будете, – заключил этот рассказ старик.

Недели через две своей маленькой группой: мой приятель-офицер, с своей невестой, которую звали Катей, и я, в сопровождении Ивана Панкратьевича, отправились к ней. Пройти пришлось верст пять. Пришли. На вызов Ивана Панкратьева она вышла и открыла нам калитку плетня, впустив нас в свой «монастырь». Это был какой-то особый мир, отгородившийся от всего прочего частоколом. Но что это был за частокол? Он весь был оплетен вьющимися растениями, и можно себе представить, какая это будет красота, когда все эти растения зацветут – рай! «Вот сколько мне гостей-то Бог послал нынче», – проговорила старуха, кланяясь в пояс. – «Хороших людей привел к тебе» – сказал Иван Панкратьевич. «Коли хороших, так милости прошу» – ответила она. «Беда только, что угостить-то мне вас нечем. Самоварчик-то есть у меня, да не ладно один только чай пить. Пожалуйте в мою горенку». – «А ты не беспокойся, бабушка, мы принесли закуски с собой, на всех хватит, да и тебе еще останется» – успокоила ее Катя.

За ней мы вошли в избу. Маленькая, но светлая горенка удивительным приветом пахнула на нас. Передний угол по обеим стенам украшен иконами, перед которыми горят лампадка и свечи. «Какая красота, – с восторгом воскликнула Катя, какой-то особый мир здесь у тебя! А ты не боишься, бабушка, что от этих огней, указывала она на свечи и лампадку, у тебя может быть несчастье?» – «Нет, родная, Госпожа бережет. За эту войну страшно, как испортился народ, тот же да не тот стал, и я стараюсь уйти от греха, уединилась вот здесь. Люди теперь сами идут на грех, ищут его. А может ли быть в грехе красота? Ты вот, милая барышня, вошла сюда и говоришь: какая красота. Я и поняла твою душеньку. А что такое красота? Великая это вещь – отражение лика Божия, Премудрости Его. Видя всю красоту в мире, как можно сказать, что нет Бог? Мир, любовь, согласие, доброта, кротость – все это светлые лучи, которые исходят от лица Божия и, сплетаясь воедино, дают ту великую красоту, которая украшает жизнь людей. В этой красоте и – спасение мира. Ищи красоту, найдешь Бога. Раньше люди как-то понимали и ценили красоту истинную, искали ее, а нынче – нет, нынче заменили **красоту срамом**, от этого и стала жизнь не в радость. Теперь вы, мои дорогие, поглядите мои иконы, а я поставлю самоварчик, и посидим за чайком мы с вами. Очень я рада, что вы не погнушались, пришли ко мне».

Тут Катя развернула принесенный пакет и разложила все на столе. За этим последовало нечто, на наш взгляд, странное. Старуха долго, пристально смотрела на Катю и потом поклонилась ей в ноги, говоря: «Какой у тебя яркий, красивый венец на головушке-то, дитя мое!» «Да я и есть невеста, бабушка, это вот мой суженый», указала она на своего жениха. – «Сама Матерь Божия скоро благословит тебя под венец. Она Сама подарит тебе райские листочки».

Перед тем, как сесть за стол, старушка прочитала молитву, завершением которой было: «Да воскреснет Бог... О пречестный и животворящий Кресте Господень, помогай нам со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми. Аминь». – «Я всегда читаю эту молитву, – пояснила она, сев за стол. Зане

Крест Христов – наше спасение во всех бедах. Огради нас, Господи, силою честного и животворящего Твоего Креста, – перекрестилась она. Другая жизнь была, когда люди собирались под знамение Креста Христова. А теперь ушли от него, вот и замутилась наша Россия. Вы народ ученый, больше моего знаете, а я не ученая, читаю только божественные книги, вот у меня святая книга Евангель, Библия, люблю псалтирь читать, много книжек про разных святых: как они жили, угождали Богу, да как учили жить и угождать Ему. Читаешь их, и делается понятным, что ныне случилось с нашей Рассеей. Когда Рассея жила своим русским умом да своей святой верой, она была неборима. А потом русским людям показалось, что все свое, хоть и драгоценное – плохо, а чужое хоть и гнило, да хорошо. Вот и получилось – черезчур много всяких чужих помоев, всякой нечисти вылили в русскую землю, отравилась, засмердела она чужим смрадом, загнили в ней русские корни, оттого и все русское дерево зачахло. От Бога отшатнулись русские люди, вот и Бог отступился от России. Кто как хочет на белом свете, а русским-то не подобало бы от Бога отступать. Жить бы в своей русской, святой черте, и никакая сила нас не одолела бы. Не мне бы вам говорить это, а к слову пришло – скажу. Микалай Васильич Гоголь написал одну сказку, «Вий» называется. Я эту книжечку, как свой глаз берегу. Говорят, – это детская сказка. Нет, не детская это сказка, а Гоголь нашу пору провидел. Когда того молодца казака ставили на ночь в церкви, читать Псалтирь над гробом умершей колдуньи, его очертили вокруг непроходимой чертой и сказали, чтобы он, что бы ему ни казалось, какие бы страсти, чтобы он, Боже упаси, не высовывался за эту черту, в ней он безопасен. И пока он не высовывался за нее, нечистая сила, как ни крутилась вокруг него, не могла его найти, а когда он, испугался страшилища с нависшими бровями и высунул голову за круг, тот сразу увидел его и показал своим сатанятам: «Вот он, берите его!» Его сразу же и сцапали. Все это к России относится. Была она при святом крещении очерчена своей священной чертой, и пока не выходила из этой черты, перемогала все беды, и только набиралась сил. Где угодно и чему угодно можно было учиться,

потому учение – обязательная вещь, только не следовало выходить из своей заповедной черты. Чужому, как умные люди говорили, учиться, а своего держаться. Две силы бы имела Рассея: и веру, и научение. Всяких наук, что идут против Бога, убегать, бояться, как огня, потому – в них кроется огонь геенский. И никакая сила не одолела бы Рассею. Так нет, русские люди променяли свою настоящую силу на чужое безсилие... Свое русское, хоть и хорошее, все было плохо, а заморское, как бы ни было уродливо – нравилось. Это вот значит, что люди потеряли понимание настоящей **красоты**. Когда ищут ее, она сама дает людям силу **найти** себя... Из древней старины у русских есть поговорка: что русскому здорово, то немцу смерть. А старья-то книги так учат: «Учись всему, а живи по-своему», потому – мы христианская держава, а заморские – нехристи, давно сатане предались. Вот Рассея сама и вызвала его на свою погибель. Вышел он из своей преисподней и шагает по нашей земле без всякой теперь опаски. А следы его – слезы, кровь и огонь... Особенно ненавистен Сатане Святой Крест. И силится он, чтобы ниспровергнуть его сначала у нас в Рассее, а потом и на всей земле. А что получается? В этом загадка! Ниспровергнет он где-нибудь Крест рукотворенный, он в другом месте, где его и не ждут, поднимается, начинает сиять Крест нерукотворенный. Ведь это только подумать надо, чтобы искоренить в Рассее веру в Бога! Да вся русская земля пропиталась верой Христовой испокон веков. Земля напитывается этой верой всякую былинку, всякий колосок, так что с самим хлебом входит в русского человека вера Христова, из туч с дождем падает она на нас и поит ею землю... И как бы ни силились искоренить веру Христову, она у нас все равно – отрыгнет. Теперь Господь испытывает свой народ. Ничем нельзя смущаться, упаси Бог впасть в уныние, с унынием враг легко может овладеть человеком».

«Для ободрения и для вразумления людей сколько чудес являет теперь Господь на земле, только подумать да понять надо. А вот старинные иконки-то в некоторых избах начали обновляться, это тоже не просто, тоже знамение Божие.

Старинная, старинная икона, вся уже потемнела, на ней ничего и не видно стало, и вдруг он засияла, как новая, только что написанная. Обновление всегда по ночам бывает, и всегда, пока икона обновляется, ее окружает свет. Сначала заговорили об этом, но скоро замолкли, стали скрывать, потому коммунисты стали отбирать самообновляющиеся иконы. А ведь жалко разставаться с такой иконой, на которой видимо проявилась благодать Божия».

«А на-последки я вам расскажу одно чудо преподобного отца Серафима Саровского, которое случилось прошлым летом в наших краях, на хуторе «Сухие дворы». Хуторяне все народ зажиточный, избы хорошия. Вот и поселился на хуторе один старичек, помнится, Нилусом прозывается. Никуда он не выходил, никуда не выезжал, и у него, почитай, никого не бывало. Жил – ну как есть отшельник. И все же прознали о нем комиссары. Не знаю, кто это натравил их, да только постановили они за что то убить его. Взялся за это дело комиссар соседнего села, верстах в трех от хутора, парень из демобилизованных, у которого – ну ни Бога, ни совести. Ночью по местному положению это и не трудно было сделать. Вот отправился парень в одну лунную ночь, чтобы исполнить свой замысел. А домик-то весь обведен палисадником. Выходит он к палисаднику со стороны леска и видит: кругом избы ходит старичек сторож и усердно настукивает в свою сторожевую колотушку. Посмотрел, посмотрел комиссар и ушел ни с чем, решил отложить дело на другой день, авось, мол, не будет сторожа. А оно так же случилось и на другую ночь – все тот же старик ходит вокруг избы и настукивает в свою колотушку, словно хочет отпугнуть именно его. На третью ночь ретивый комиссар решил: «что я буду валандаться с этим делом, уже товарищи смеются надо мной, прикончу я этого сторожа, и делу конец, кто будет теперь дознаваться да допытываться». Около полуночи, вооружившись топором, пошел. Стрелять не хотел, чтобы не делать большого шума. Подходит – видит, старичек, как и раньше, спокойно похаживает кругом избы и усердно настукивает в свою колотушку. Парень, как все это он сам рассказывал, подкрался к нему сзади и ударил его топором по

голове. Старичка сразу же не стало, а комиссар упал парализованный. Утром нашли его, хуторяне его знали и отвезли его в село к матери. Мать-то еще не старая, разсудительная, богобоязливая женщина. Остановилась она над ним, покачала головой и говорит: «Как я уговаривала тебя, увещала, отстань от этого безбожного дела, не отступай от Бога. Он и наградит, Он же и накажет. Не послушал; вы, мол, сами дураки, что верите в какого-то Бога. Теперь вот и лежи без движения, будешь живым трупом на всю жизнь». Мать тогда же приехала ко мне, рассказала все и просит, чтобы я ехала туда с ней. Жалко стало бабу, поехала я. Вижу лежит парень на полу, сделала ему мать постель, малость шевелит руками и ногами, а взять что-нибудь или подняться не может. Мычит, хочет что-то сказать, а говорит не может, язык, значит, не действует, как подобает, заплетается. Узнал он меня. Подхожу к нему и спрашиваю: «Что ты сделал такое непотребное, что Господь так наказал тебя?» Натуживался, натуживался он, да все-таки кой как прошепелявил: «Я, говорит, ночью старика убил топором. Да он, как я ударил его по голове. сразу пропал, а я и упал, у меня руки-ноги отнялись, и узык вот не ворочается, как следует». – «Кайся, говорю, в своем грехе, чтобы не остаться вот таким навсегда, ничем эту болезнь не вылечишь, как только покаянием». Я посоветовала матери отвезти его в свою сельскую церковь, поднесите его, говорю, к иконам святых угодников, не узнает ли он того старца, которого ударил топором. Бывает, что святые и видимо оберегают и спасают человека. Отвезли его, внесли на носилках в церковь и стали подносить к иконам. Поднесли к Николе угоднику – мотает головой – нет, не он; поднесли к Сергию преподобному – нет, показывали и еще иконы, все нет. А когда, напоследок, поднесли к образу преподобного отца Серафима Саровского, то он как-то вздрогнул весь, выпучил на него глаза и стал силиться встать, убежать хотел, своим мычанием показывая, что это тот самый старичек. Что тут делать? Надо звать священника. По счастью в селе был старичек священник, который уже не подходил для трудовой повинности. Вот его и позвали. Носилки с разслабленным поставили перед иконой. Так он так впился

глазами в преподобного, словно узнавал его, и начал дергаться плечами и шевелить ногами, словно хотел встать и скрыться от него. Да и священник то такой седенький был. Когда он подошел к носилкам, парень, видно, перепугался его. Преступник, ведь, всегда преследуется своим преступлением. Спрашивает его священник: «Не этого ли старичка ты хотел убить топором ночью?» – «Да, его я убил, такой же он седенький, сгорбленный был, в этой вот самой шапочке», – с трудом прошепелявил расслабленный. «Вот оно какое дело, крестясь произнес священник, – значит батюшка, преподобный Серафим сам охранял этого человека». И что-то призадумался. Потом так ласково обращается к парню: «Батюшка, преподобный отец Серафим, был очень милостивый и добрый и многих, многих исцелял. Кайся в своем злодеянии, проси у него прощения, да дай обет, что уже совсем отстанешь от этой антихристовой кампании, может и смилуется он, батюшка, простит тебя, и вымолит тебе у Бога исцеление. В твоём недуге тебе никакой доктор не поможет, а преподобный возрадуется твоему покаянию, потому что святые Божии не хотят, чтобы человек погиб, да и Сам Господь Бог хочет всем спастись и в разум истины прийти».

Начали служить молебен преподобному. А расслабленный так воззрился на образ, вижу, что-то шепчет губами, и лицо у него простое, детское стало, а глаза полны слез. Потом, глядим, начал пробовать поднимать правую руку, чтобы перекреститься. Мать помогла ему, а второй раз, хоть еще и с трудом, но перекрестился сам. Принесли ему маленькую икону отца Серафима и дали приложиться. Схватил он икону и не хотел из рук выпускать, целует ее. Потом сам поднялся с своих носилок, два мужика хотели его поддержать, а он отстранил их, приблизился к иконе и начал целовать ноги отца Серафима, потом стал на колени и в покаянии, должно быть, начал биться головой об пол. Подняли его, он глядит на всех, словно не понимает, что случилось. Окончив молебен, священник и обращается к нему: «Ты, раб Божий, исполнял сатанинскую волю, и она тебя погубила. Принес покаяние Богу, и Он немедленно спас тебя через того же отца Серафима, которого

ты ударил топором ночью. Вот и подумай, – отец Серафим умер уже с сотню лет тому назад, значит он с того света явился охранять того человека, которого ты хотел убить, и поймешь, что человек не пропадает, не исчезает после смерти, истлел, мол, и нет ничего, как учат ваши безбожники, а после смерти человека для него начинается какая-то новая, уже бесконечная жизнь. Для добрых людей, которые в этой жизни угождали Богу, начинается райская жизнь, а для тех, которые работали Сатане, он берет их сам в свою преисподнюю для вечного мучения. Грехи человека вечно будут мучить его. Вот теперь Господь Бог по молитвам святого преподобного отца Серафима вернул тебе здоровье, иди и больше не греши, чтобы не случилось с тобой чего хуже!»

Вскоре этот парень с одним своим закадычным другом, куда-то скрылись. Оба ушли в какой-то монастырь».

Прощаясь со старушкой, Катя сказала: «Мы еще наверное проведем тебя бабушка». На что она ответила: «А это как будет Богу угодно».

* * *

Под конец июля те места вдруг облетела весть о явлении в одном колодце, среди поля, иконы Пресвятой Богородицы. Какие-то запоздалые прохожие обратили внимание, что среди поля, от самой земли поднимается вверх светлый столб, который был виден очень далеко. Они-то побоялись подойти к тому месту, откуда этот светлый столб исходил, но наутро рассказали об этом многим у себя в селе, которое было неподалеку. На следующую ночь некоторые сельчане решили проследить, повторится ли этот свет, и что это за свет: или какой-то фокус коммунистического молодняка, или чудесное явление на самом деле. Светлый столб к полночи зажегся и держался до самого разсвета. На фоне его света были заметны деревца. Сообразив местоположение этого явления, утром несколько человек из села Сретенского пошли посмотреть, что там такое есть. Среди необъятного поля, как среди золотого моря, зеленым островком раскинулась небольшая лужайка, на которой росло четыре-пять кудрявых красавиц березок и несколько кустиков – лужайка живописная. И вот здесь, на этой

лужайке, среди березок и кустиков, нашли не глубокий, но довольно широкий колодец с чистым песчаным дном, почти до краев полный свежей, чистой, прозрачной водой. Кто его знает, был ли он раньше здесь, только никто его не замечал до сих пор. Едва ли и с аршин глубины будет, дно ровное, песчаное, до которого, пригнувшись, рукой можно достать. А на дне оказался образ Матери Божией, прямо вровень с песчаным дном, как будто вдавленный в песок. Хотели вынуть икону из колодца: кого, мол, угораздило заложить ее туда? что за насмешка над святым образом? Но икона не дается, пропадает, не то в землю скрывается, а потом опять появляется. Только вокруг колодца по всей лужайке такое благоухание разливается... Известие об этом разнеслось так скоро, что куда ваш телеграф. Явное чудо! Пошли слухи об исцелениях от этой воды. К колодцу потянулись паломники, поклониться чудноявленному образу Богоматери и взять из колодца святой водички, да не из окрестных только деревень, а издалека, так что на этой лужайке всегда можно было видеть скопление людей. Мой приятель офицер, человек, выдавший много видов за войну, тот самый, что был с своей невестой Катей вместе с нами весной у прозорливой старушки, рассказывает: «Я был в это время в тех краях. Потянуло и меня лицезреть это чудесное явление и, если удостоюсь, увидеть и образ Царицы Небесной, поклониться ему. Особенно тянула меня моя Катя, которая видела в этом явлении какой-то особый знак Промысла Божия или какое-то особое откровение. «Царица Небесная в эту годину Сама сошла к нам, и, чтобы мы не вышли к Ней навстречу с земным поклоном, какие тогда мы будем русские, православные люди!» Собралась нас группа в несколько человек, и мы пришли к колодчику утром, когда солнышко было еще не высоко. Как водится, шли мы и гадали: удостоимся мы видеть это чудо? Но икона, как будто, ожидала нас. Первой побежала к колодцу Катя и так и ахнула, в восхищении остановившись над ним. Какая красота! На ровном песчаном дне было прекрасное отображение иконы Божией Матери, ну точь в точь, как Она пишется на иконе, именуемой «Цвет Неувядаемый». Сочетание, игра красок – поразительныя. Царица Небесная и Богомладенец в коронах. Одевание Ея –

красное, в роскошных цветах, Богомладенец в светлом одеянии, Владычица в правой руке держит великолепнейшую, большую красную розу, Спаситель в правой руке держит скипетр, а в левой державу. Лик Богородицы такой скорбный, скорбный, а лик Спасителя, наоборот, очень строгий. Под ними живописнейшая, тяжелая гирлянда из красных роз. «Да вы взгляните, удивленно-восторженно вскрикивает Катя, икона-то ведь не руками человеческими написана, а самоизображающаяся на песке, как на экране. Обратите внимание на краски, это не земные – небесные цвета». Нельзя было не согласиться, что это не естественное изображение. «Только почему темное пятно на лице Богородицы, на правой щеке ее?» – говорит она. Но мы никакого пятна не видели, лик Богоматери был совершенно чистый, и отвечаем ей, что мы не видим на лице никакого пятна. «А я вижу темное пятно на правой щеке Ея, повторяет Катя, а младенец Христос мне улыбается. Какое-то предвестие мне». Но мы, по просту говоря, приняли это за женскую фантазию. Хотелось взять хоть щепотку песку из-под этого изображения. Но так как, по рассказам пытавшихся это делать, изображение в таких случаях исчезает, то пришлось воздержаться от этого. Зато Катя взяла несколько березовых листиков, плававших поверх воды. Кажется, два из них сейчас же были поделены между присутствующими, а остальные она взяла себе. Тут у обоих нас одновременно мелькнула мысль: «Не имеет ли это какой связи с предсказанием прозорливой старухи?» Во всяком случае, для верующего человека это – несомненная святыня. Хорошо, что мы все-таки успели вовремя, и увидеть, и поклониться этой чудесно-явленной иконе Богоматери.

Вскоре на это явление было обращено внимание коммунистического молодняка, пылающего антирелигиозной воинственностью. Сначала решили было вырубить на этом живописном зеленом островке среди золотого моря ржи, всю растительность, мол, для распашки участка, который попусту пропадает. Но крестьяне ближайших селений воспротивились этому, в складчину откупили этот уголок земли. Началось глухое состязание с коммунистами, которые установили свой

секретный караул, чтобы наблюдать за приходящими богомольцами, а крестьянами были установлены свои секретные дежурства для охраны участка с колодцем.

Явление образа неизменно продолжалось... В конце концов, власти решили проявить свою твердость. Была прислана саперная команда, чтобы закопать колодец. Явились саперы на место работы под предводительством одного молодого, горбоносого брюнета, все мужики так лет по тридцати-тридцати пяти. Первым делом, конечно, каждому захотелось взглянуть, что тут такое, что за диковинка. Подошли к колодцу, а икона и явила себя им. во всей своей красоте. «Глянь, ребята, там, в колодце какая хорошая икона Богородицы плавает, надо ее сперва вынуть, не с ней же засыпать колодец». Тут молодой брюнет с горбатым носом рявкнул на него: «Приказано зарывать, надо зарывать, а не разводить здесь свои христианские сантиментальности!» – «Эк, какая притча, мало что приказано», небрежно ответило ему наше мужичье, и все столпились у колодца, стараясь увидеть, что тут за чудо. А тот, кто подошел первый, перекрестился, распластался у колодца и опустил руки в воду, чтобы вынуть икону. А икона вдруг исчезла. Это как-то еще больше подействовало на мужиков. Явное чудо! Тот вынул руки из воды, от которой шел тонкий аромат, сделал несколько вращательных движений руками, таких, когда хотят испытать, будет ли больно, затем начал осматривать правую руку и удивленно говорит про себя: «чистая рука!» И вдруг громко оповещает, крутя руками: «Робя, да я, ведь, исцелился, ревматизма то моего, как и не было, и язва вот на этой руке, что была у меня, неизлечимая, все вы знаете, – тоже зажила, пропала. Пресвятая Богородица, значит, исцелила меня!» – «А какой аромат-то по всей поляне от колодца, слышали вы еще такой когда-нибудь?» – проговорили все в один голос. «Она, наша Заступница, открыто являет нам свое знамение, а я буду зарывать этот колодец, надругаться, значит, над этим знамением, да ни в жисть, пусть хоть сейчас меня убивают на месте!» Так ни один ни одной горсти земли и не бросил в этот колодец.

Стало вечереть. От колодца тонкий, высокий столб света поднялся вверх... «Понял, товарищ, что тут?» – несколько голосов обратилось к молодому брюнету. Тот ни звука не подал в ответ. Так ни с чем и ушли от колодца. Власти пробовали обносить лужайку колючей проволокой, ничего не помогает, исчезает проволока, а богомольцев не убывает, а все увеличивается. Светлый столб почти каждую ночь поднимается над этой лужайкой к небу. В конце концов, спутанной колючей проволокой завалили всю эту лужайку и перестали допускать к ней богомольцев. Но чудеса от колодца не прекращались. Несколько раз исчезала стража, и никто и понять не мог, куда девались люди. Несколько раз вся масса колючей проволоки сгорала. Вид витой колючей проволоки сохранялся, только серела она, а подойти, тронуть ее чуть-чуть пальцем, рассыпалась, как пепел. На чудо шли богомольцы из других губерний, чтобы поклониться чудесно явленному образу и взять святой водички. В народе даже говорили, что она идет вместо причастия, потому что не всегда стало можно причащаться, так принимают глоток этой воды. Были случаи, что советская стража убивала богомольцев. Но появившиеся Силаевские партизаны, в ответ на это, стали истреблять советские заставы. Наконец, в одну ночь икона Владычицы поднялась на небо. Облачно было. Вдруг (что было видно весьма и весьма далеко), от колодца поднялся светлый, светлый столб, светлее, чем всегда, осветив на широком пространстве облака, на которых и появился громадный, светлый образ Богоматери с Младенцем, и долго держался на облаках над тем местом. Не одна деревня могла наблюдать это, а вся округа... Потом образ стал медленно как бы входить в облако, одновременно бледнел и столб света. Наконец, образ скрылся в облаке совсем. Потух и этот свет.

Странствующий священник.

Нынешнее историческое безвременье породило на Руси новый вид подвижника – странствующего священника. Тяжелый этот подвиг требует полного самоотвержения ради благовестия имени Христова, ради благовестия Истины в окутывающем нашу родину мраке Лжи и богоотрицания, дошедшего до самого отъявленного богоборчества.

Один такой странствующий священник вдруг очутился в наших краях. Странная рабочая пора была в деревне, кончался сенокос, и надо было немедленно начинать жнитво, так как рожь уже вполне поспела. Но в праздничный день (местный церковный праздник), хотя за отсутствием священника службы в церкви села Георгиевского и не было, народ праздновал, и в подавляющем большинстве не вышел в поле на работы. Церковь была открыта. Народ входил, ставил свечи, молился и выходил... Некоторые шли на погост, помолиться на могилах. У церкви собралась значительная толпа людей. В этой толпе почти в полном составе оказался волостной исполнительный комитет, учитель Георгиевский, все трое Боевых и другие сельчане Георгиевского, и из той и другой Богдановки... Все галдят, разговаривают, по русской поговорке: у кого что болит, тот про то и говорит. В данный момент общим недугом оказалось отсутствие в селе духовенства, без которого церковь – сирота. Вдруг к этой толпе подходит какой-то странный человек, с сундучком за спиной, пристроенном на ремнях на подобие ранца. По виду – самый заурядный деревенский мужиченка, роста, пожалуй, высокого, с лица худощав, щеки даже втянуты, жиденькая, светлая борода. Зато какие-то необыкновенные у него глаза, бездонно-глубокие, и в самой глубине их – словно искорки крестообразные сверкают. На голове старенький, неопределенного цвета, картуз, сняв который, он сначала помолился на церковь, а потом приветствовал всех словами: «Мир честному собранию!» Реденькие, но, по видимости, длинные волосы были аккуратно уложены под картузом.

Новый человек сразу привлек общее внимание.

– Здравствуй, прохожий, – ответили ему.

– Позвольте малость отдохнуть здесь с вашей честной кампанией, а то утомился я вельми, – проговорил странник и, сняв с плеч сундучек, сел на скамейку и, поставив его подле себя, облокотился на него.

Новичка сразу обступили со всех сторон. Особенно им заинтересовались комитетские, так сказать, власть имущие. К нему подсел сам Ефремов, против него встали все трое Боевых, а секретарша спрашивает странника: «Кто вы такой, откуда и по какому делу пришли сюда?»

– Да, ведь, я один, барышня, – отвечает тот, – ну и спроси меня, что тебе здесь надо. Ну да, впрочем, это как ты хочешь. Кто я такой? Странник. Ну скажем – Николай Цветков, захожий из дальних мест. Вот пришел, может работу здесь найду себе. Помимо всего прочего, я – ходячая универсальная мастерская: могу и сапоги шить, и самовар или что другое в хозяйстве запаять, швейную машину починить, и все такое прочее... А нет, так просто на хозяйственные работы может кто возьмет. За платой я не гонюсь, кто что даст и спасибо, лишь бы как прожить, да был бы какой-то кусок для дальнейшего странствования.

Многие обратили внимание, что по разговору это не простой мужик.

– Да первые хоть мы возьмем, – отозвались Боевы.

– Ну вот и спаси Христос! Спаситель сказал: «Понеже сотвористе единому из братьев Моих меньших, Мне сотвористе».

– Так-то оно все так, – заговорил Ефремов, – все это хорошо, да говорите – «помимо всего прочего». А вот это самое «все прочее-то», что он такое?

– Не надо спешить, друг мой, в свое время дойдем и до этого, – отвечает странник. Позвольте вот узнать: что у вас, праздник сегодня какой, что вы собрались у храма Божия? Дом Божий хорош у вас, полюбовался я, видно народ верующий, благочестивый у вас здесь.

– Дом-то Божий хорош, – отвечают ему, – да вот пустует. Праздник у нас нынче, а службы в церкви нет, потому –

духовенство наше забрали на принудительные работы (где-то окопы понадобилось рыть). Вот мы и разсуждаем здесь, где бы хоть какого-нибудь старенького, заштатного попа найти, пусть даже хоть на время. Больно уж неловко без попа-то.

– Вот оно что, – буркнул странник. Начал он соображать, что же за день сегодня, выходит. Святой равноапостольной мироносицы Христовой Марии Магдалины! Значит это ваш церковный праздник.

А затем, обращаясь в сторону Ефремова, говорит: – Вот оно само собой дело дошло и до этого «всего прочего». Теперь я вам скажу, что я священник, – отдельно проговорил странник. Вот это и есть то самое «все прочее». Значит, опять Господь меня привел туда, где я нужен.

Сперва все с недоверием уставились на него, а барышня-секретарша с удивлением спрашивает его: «Священник вы? Правда? Не шутите? Как же вас зовут?»

– Какая здесь может быть шутка, священник, так священник. Он вынул из-под рубашки и показал свой иерейский крест. – Зовут меня отец Николай.

– Как же вы к нам, да еще в таком виде попали? – снова спрашивает она.

– А теперь, милые вы мои, ходить в таком виде самое удобное. В рясе по нынешним временам далеко не уйдешь, а я должен ходить. Взял я на себя вот такой подвиг, конечно, не один я, есть и другие такие, – странствуем по земле Русской, благовествуем имя Господне. А ты верующая, барышня? – в свою очередь спросил он ее.

– Она у нас настоящая мироносица, хоть сейчас бы за Христом пошла, – ответил за нее Ефремов.

Барышня покраснела и отошла:

– Смеются они надо мной.

– Верующая, так это очень хорошо. Какой тут смех, какой конфуз? Веровать в Бога – значит уметь понимать красоту жизни, каковая только и раскрывается верою в Бога. Знаю я, как наша молодежь искала красоту жизни, стремилась, стремилась к подвигу. Святое время было. На что променяли истинную красоту? Отец Николай поник головой. – Жалею, что не могу

теперь совершить службу Божию в вашем чудесном храме. Устал – само собой, да утром, хоть сухарей с водой, да поел: служить нельзя. А если хотите, то в вечеру отслужим всенощную, а завтра утром обеденку, вот и почтим достойно мироносицу Христову, святую Марию Магдалину. День завтра рабочий, ну можем отслужить пораньше, ничего не потеряется, святая сама поможет в работах. Может быть, еще какой-никакой хорик соберется, с хориком-то все-таки чиннее выйдет.

– Да был у нас, авось соберем. Самый главный-то певчий вот кто у нас, – сказал учитель, указывая на Ивана Панкратьевича, – а я за регента.

– Ну вот и чудесно! Вот я, значит, с Божией помощью, со всеми вами и познакомился.

Миром было решено, что всенощная будет служить в шесть часов вечера, а к тому времени отец Николай должен был отдохнуть и подкрепиться немного. Боевы позвали его к себе. Тяжело поднялся со скамейки отец Николай и, закинув за спину свой заветный сундук, поплелся за ними. Улучив момент, Иван Панкратьевич сделал мне многозначительный знак глазами, который я принял, как приглашение быть у них и, конечно, не преминул к обеденному часу быть там. Видя, что усталость и дрема одолевают гостя, добродушные Боевы устроили «странника» на отдых в сарае, на свежем душистом сене, покрыв его простыней из самотканного деревенского холста. Но, оставшись один, как потом рассказывал Иван Панкратьевич, отец Николай стал на колени и начал молиться перед образом, который всегда носил при себе. Потом лег и заснул, как говорится, мертвецким сном. Для него это был настоящий отдых, – не то, что где-нибудь в лесу, под елью или в старом заброшенном овине. Когда Иван Панкратьевич пошел будить гостя к обеду, он нашел его уже бодрствующим опять на молитве. Придя в избу, странник помолился на иконы и приветствовал домохозяев словами: «Мир дому сему!» Сразу обратил он внимание на духовные картины, украшавшие стены. Не последние ли это отблески в прошлое уходящей Христовой России, не последние ли вздохи русской святости?

Старик Панкратий, хозяин дома, строго сказал всем: «Надо подойти под благословение к батюшке».

– Наружный-то вид у меня больно уж не священнический, вот, наверно, и стесняются, – сказал отец Николай и, вынув из-под рубашки свой иерейский крест, благословил всех им, и все приложились ко кресту. Пригласили садиться за стол. Отец Николай прочитал молитву и благословил трапезу.

Узнав, что гость странствующий священник, одна из женщин осмелела и спрашивает его: «А не бошься ты, батюшка, в такое страшное время ходить с проповедью? Опасно ведь. Люди сейчас хуже диких зверей стали».

– Правда-то оно правда, да робостью Царства небесного не достигнешь, дорогие мои, а самое главное – сейчас не о себе надо думать, а как бы спасти, кого еще спасти можно. Одного удастся спасти, и то хорошо, а если удастся спасти десяток, то как надо благодарить Бога за это. Так и смотришь, где хоть маленькая искорка добра, искорка веры теплится, надо ее попробовать раздуть в большой пламень. Иногда даже и там, где наружно не видно никакой искры, пытаешься зажечь пламень, и удаётся, Бог поспешествует.

После обеда отец Николай открыл свой заветный сундук, говоря: «В нынешней борьбе за душу человека, за душу русского народа есть три приема: короткое, но сильное, доходчивое поучение, за ним – исповедь, а потом причастие Святых Таин. И поэтому мне всегда необходимо иметь при себе запасные Святые Дары. И когда я служу, всегда стараюсь их заготовить себе. Но в моем странствовании могут возникать и всякие непредвиденности... Поэтому при мне всегда святой Антиминс, на котором совершается божественная Литургия, епитрахиль, и все, что потребно для совершения Божественной Литургии, можно сказать – алтарь у себя за плечами. Маленькая, складная серебряная чаша, сделал мне один мастер, такой же дискос, копье, лжица... И – полный, мною от руки написанный служебник на все случаи, на все потребности».

Он показал свой сундук, который имел два отделения: одно – техническое, где различные инструменты, и другое – святое, вмещающее в себя необходимые богослужебные

принадлежности. Сверху же толстая книга, написанная от руки тушью. «Вот тут у меня службы на все potrzeby», – объясняет он, и дает мне посмотреть эту книгу, написанную мелким, четким почерком. Смотрю – там старые русские романсы и прочая всякая всячина, разнообразие удивительное. Я вопросительно посмотрел на него. «А ты не удивляйся» – отвечает он на мое недоумение. «Сколько любопытных разглядывало у меня эту книгу, и возвращали приговаривая: молодец, товарищ, живешь, не унываешь. А я отвечаю: Зачем унывать, когда жизнь такая интересная. А ты гляди вот». И он объяснил мне секрет этой книги. Действительно, там было все нужное для каждой требы, для каждого богослужения. – «Теперь церковную книгу могут и отобрать, да еще и посадят, а без служебника все-таки нельзя, а над этой потешаются, а сути-то ея и не находят пока что. В наше время надо быть «мудрым, как змий», как учил Сам Христос Спаситель».

Всенощная затянулась довольно долго и прошла при исключительном стечении молящихся. Церковь не только не вместила всех, но была и снаружи окружена народом. Прекрасно пел хор. Под конец службы отец Николай сказал краткое поучение. Голос его звучал очень громко, так что стоявшие и снаружи, но неподалеку от окон, могли слышать. Говорилось о грехе и о последствиях его еще в этой жизни. «Семя доброе дает добрый плод, худое семя дает худые и всходы, острые шипы которых будут наносить кровавые раны тому же самому, кто это семя посеял.

В жизни человека сеяние доброго семени – исполнение воли Божией, Его святых заповедей, которое всегда приносит сладкие плоды и в этом мире, а особенно в жизни будущей. Засевание же семян худых – это жизнь противу заповедей Божиих, нарушение воли Божией, которым человек оскорбляет своего Творца и которое еще здесь на земле приносит ему горькие плоды – страдание в жизни, и готовит страшную участь в жизни будущей.

Семена добрая – богоугождение в жизни – святость; семена худыя – нарушение заповедей Божиих – грех. Избери себе, православный христианин, в этой жизни семена добрая, чтобы

получить и добрые плоды. Знай – человек был создан без греха, святым и поселен Богом-Творцом в рай. Его назначение было: блюсти рай, в котором он поселен, и, наслаждаясь его красотами, славить своего Творца и исполнять Его самые легкия заповеди. Но человек не был связан святостью. Творец наградил его свободной волей. Ибо в очах Господа Бога только та добродетель имеет подлинную ценность, которая не вынуждается, а является свободным изъявлением сердца, тогда как грех, овладевая человеком, отнимает у него эту свободу, связывает его, делая его своим пленником. Человеку на выбор были даны: послушание и преслушание. И он, будучи прельщен лукавым, избрал «преслушание». Не заповеди Божии были тяжелы, а оказалось тяжело само послушание, как бы заповеди легки ни были. Святость есть нормальное, здоровое состояние души человека, грех – болезнь ея. Как разные бывают болезни тела, более тяжелые и более легкия, простые и заразные, так и разные бывают болезни души. Но против болезней тела существует медицина, которая постоянно совершенствуется. И часто человек, благодаря вмешательству медицины, поправляется от тяжелого недуга и становится еще здоровее. Так же и болезни души. А как показывает сама жизнь, болезни души почти все в большей или меньшей степени заразительны. Единственным средством против них является только слово Божие, а единственной лечебницей – Церковь Христова, где невидимо присутствует Сам Великий Врач душ и телес Иисус Христос. Только с верой приди к Нему, не уйдешь не исцеленным. Согрешил, – приди, покайся, попроси прощения, и Он простит. Согрешил весь народ, весь народ должен и каяться. Будем молиться Господу: «Пошли нам, Господи, дух покаяния!» Молитвами святых мироносицы и равноапостольныя Марии Магдалины, помилуй нас! Аминь».

После всенощной отца Николая пригласили в волостной комитет.

Здесь собрались: сам председатель Ефремов, барышня секретарша, прозываемая мироносицей, председатель «комитета бедноты», сельский учитель, отправивший сына к «белым», и двое молодых Боевых.

Странствующий священник для всех, конечно, явился диковинкой, и всем хотелось поговорить с ним, послушать его, тем более, что он столько русской земли исходил и столько повидал видов.

– А здесь вот уже святой иконы нет, – войдя в комнату комитета, проговорил отец Николай, крестясь на пустой угол. На что Ефремов ответил:

– Мы-то – русские, а учреждение советское, и видимость советского должна быть соблюдена, хотя бы только для того, чтобы под этой видимостью советской скрывать уже, быть может, последки русской сущности. Вся надежда на Бога, если мы еще имеем право надеяться! «Беззакония наша превзыдоша главу нашу!»

– Прав ты, родной. Да кто же, как не Бог, может вытащить из этого омута? И со дна его все равно надо взывать к Богу!

Самовар и обилие деревенской снеди появилось на столе, ватрушки с творогом, с картошкой, пироги с грибами, блюдо яиц.

– Приветствуем вас, батюшка, от всего нашего усердия, проговорили почти все одновременно.

– Да лучше скажем не «вас», а «тебя», – я уж так привык в моем странствовании. Чайком-то охотно побалуюсь в вашей доброй кампании, – проговорил отец Николай, взглянув на самовар. «Грешный человек, признаться, питаю слабость к нему, только в моем странствовании далеко не всегда это удается».

– Ну вот и милости просим. Рады доставить тебе это удовольствие.

– Буду говорить с тобой, отец Николай, совсем запросто, – приступая к чаепитию, проговорил Ефремов. По нашему времени все то, что ты высказывал, и вообще весь твой подвиг страннический на нынешнем языке называется самая настоящая контр-революция. Опасная ваша, вот таких странников, миссия.

– Что тебе сказать на это? Ведь вся жизнь человеческая, особенно теперь, полна опасностей. Спishь, как говорится, и то можешь выпать себе беду. Но, как псалмопевец Давид говорил: «Аще и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла,

яко Ты со мною еси!» Значит, когда чувствуешь своим попутчиком Господа Бога, никакая опасность не в опасность.

– Так-то оно так, но можно и на таких напасть, с которыми вот так не поговоришь.

– А я с такими и не буду говорить.

– Как же их распознаешь, ведь на лбу у них не написано?

– Пожалуй, что и написано. У каждого человека есть на челе свой знак. Скажу тебе, что куда бы я ни шел, я вижу впереди себя крестик, который и водит меня во всем моем странствовании. Полею ли, лесом ли иду – крестик всегда впереди меня, и я всегда весел, спокоен. Но бывает и так, что крестик вдруг исчезает передо мной, тогда я останавливаюсь и в молитве спрашиваю Господа Бога: «Скажи мне, Господи, путь, в онъже пойду». В этих странствованиях и начинаешь познавать, как люди некогда говорили с Богом и как Он им отвечал... Помолившись так вот, оглянешься на все четыре стороны, не появится ли где мой путеводный крестик, и вдруг видишь его не в том направлении, куда шел, а в совершенно ином, туда и направляешь свои стопы. И так приходил всегда куда надо. Так и людей распознаешь. Видишь у человека чистое, светлое лицо и крестик на челе, смело подходишь к нему, не боишься и говорить с ним. Вот и у вас здесь, ни в комнате, ни на ком из вас нет того знака, который бы показывал опасность. Случается видеть у человека на челе крест в терновом венце, это знак его мученичества. К такому и подход особый нужен, для беседы с таким нужны особые и слова, и оне как-то сами собой приходят, умудряет Господь. Теперь на каждом шагу приходится видеть не только сатанинскую пентаграмму, но и образину самого Сатаны. Таких людей, конечно, сторонись. Это те, которыми Сатана уже завладел безраздельно. А иногда бывает как бы некое указание вступить в беседу и с таким. Это, значит, еще такой, который стоит на распутье, и его надо выводить на правую дорогу. Бывали у меня на исповеди и комиссары, и чекисты, и прочие самые отъявленные душегубы. Это были такие исповеди, которые на нормальном человеческом языке и передать нельзя. Открывался такой ад в человеке, от которого он сам же

приходил в ужас. И почти каждый из них выражал намерение: чтобы отделаться от всех этих ужасов, которые неотступно преследуют его – покончить самоубийством. Вот тут и надо бывает доказывать, что этой мерой человек не только не освобождает себя от всех ужасов преисподней, но ввергает себя в нее уже безвозвратно. Сейчас она только в нем, и то уже начинает жечь его, но тогда он сам весь уже попадает в эту преисподнюю на веки. Человек уставится испуганными глазами и спрашивает: «а что же тогда делать?» И начинаешь объяснять, что есть только один путь избавиться от всех этих ужасов и в настоящем, и в будущем – путь покаяния: излить все чистосердечно духовному отцу, с намерением отойти от этого зла, и причаститься Святых Таин. А потом уже стараться какими-нибудь добродетелями заглаживать свои преступления. Разбойник на кресте покаянием спасся и попал в рай. Если же после исповеди и причастия снова приняться за это же злодейство, то значит – накликают на себя еще больших ужасов, и тогда, конечно, можно дойти до самоубийства. В одном месте, это было в другой губернии, зашел я в чайнушку, которая еще какими-то судьбами уцелела, чтобы взять стакан чаю, хоть и без сахара, чтобы свой сухой хлеб размочить. Вслед за мной туда же заходит молодой человек, видно, что ихний, одет во все кожаное, подходит прямо ко мне, словно его кто-то ко мне направил. «Ты, говорит, я вижу, не простой человек, выслушай, что я тебе расскажу, и научи, что мне делать». Я говорю, что я такой же человек, как и все люди, простой странник. «Нет, говорит, вижу, что не простой, хоть и странник, лучше не отказывайся, а помоги». Тогда я говорю ему, – очень не подходящее здесь место для разговоров. «Ну, говорит, пойдем ко мне. У меня только одна мать, да и та тебя не увидит». Благословясь, пошел за ним. Вошли – комната полна всякого оружия. «Не пугай-ся, говорит, всего этого». Усадил меня подле стола на стул, а сам куда-то вышел. Вернулся, – «я, говорит, сказал, чтобы нам приготовили закусить, пока мы здесь разговариваем». Сев против меня, он и начал мне в полголоса рассказывать. – «Замучил меня один страшный сон, который уже видится мне и наяву».

В ширину, насколько глаз может охватить горизонт, тьмы отвратительных чудовищ с оскаленными челюстями и окровавленными мордами, тянут огромный невод, в котором, как рыба, бьются в страшных корчах и судорогах люди. И все новых и новых захватывает этот страшный губительный невод. И он видит себя, и многих других, подобных ему, что и они вместе с этими страшилищами тянут этот невод, стараясь загнать в него побольше жертв. Да еще одно из чудовищ погоняет его – чтобы старательнее загонял в этот невод людей, и так раз ущипнуло его своими когтями, что даже, проснувшись утром, тот почувствовал боль в руке и увидел на ней большие кровоподтеки. Потом такие чудовища стали разбегаться по всей земле, сокрушая кресты, разрушая церкви... Что это значит? А боль в руке не проходит, а все дает себя знать. Вот эта-то боль и заставила его задуматься над его чекистской профессией, сон, мол, значит, имеет какое-то отношение к действительности. И до того замучил человека этот сон, что он буквально стал как помешанный и хотел уже на себя руки наложить. Рассказал он мне все и уставился на меня глазами, словно ожидая моего приговора. Что можно здесь сказать? – говорю ему. Твое безотвязное страшное видение тебе ясно показывает, что ты служишь дьяволу и что он к своим рабам очень немилостив, о чем говорят кровоподтеки на твоей руке. Ты сейчас во власти Сатаны, его подданный, и ждешь от меня, чтобы я научил тебя, как избавиться от этого кошмара, который начинает тебя преследовать не только во сне, но и наяву. Что для этого нужно? Прежде всего нужно выйти из этого сатанинского подданства, стряхнуть с себя его власть, порвать со всем его богопротивным делом, перестать заманивать и загонять в дьявольские сети людей, чтобы не было так, что – погибший и других тянет на гибель... И затем – каяться надо. Великое дело – покаяние! Раскаиваясь, поведать все содеянное зло на исповеди духовнику, причаститься Святых Христовых Таин, – вот и прекратится вся бесовщина, и почувствуешь себя **свободным** человеком. А потом в жизни так уже и следует идти путем покаяния, стараясь заглаживать свои прежние грехи, короче говоря: **будь своим Богом**, а не Сатане. Не следует

предаваться мысли, что тебе уже нет прощения. Богу мил всякий кающийся грешник. В этом нас уверяет притча о блудном сыне, сказанная самим Спасителем, которую я ему тут же и рассказал и заставил его повторять за собой псалом «Живый в помощи Вышнего...».

Прочитал он. И говорит мне решительно: «Хотел бы я принести свое раскаяние теперь же, не откладывая в долгий ящик. Да вот вопрос, где такого священника теперь найти, которому бы можно было довериться, излить всю душу». Тут я говорю ему: – Вот я и есть священник. Хожу по стогнам нашей России, разыскиваю изувеченных душой и, как милосердый самарянин, стараюсь их подбирать и врачевать именем Божиим. Мне и открой все свои раны, как бы они гнойны ни были, и я возолью на них мне свыше порученное масло и вино. Авось Бог поможет, и уврачую.

И я приступил к исповеди, которая длилась долго. Порой у меня пробегал по коже мороз, выслушивая признания кающегося, да и сам он настолько был потрясен всеми воспоминаниями, что разревелся на исповеди, как дитя, так что насилу я мог его успокоить. Потом причастил его. Сразу изменился с виду человек. Ночь и день остался я у него. Вышла и мать его ко мне, которая весьма удивилась такой внезапной перемене в сыне к лучшему. Много и о многом было переговорено за ночь... Избрал себе путь иноческий молодой человек. Ушел в глухой-глухой монастырек. Через месяц я проведаль нового инок и только порадовался с игуменом его полному перерождению. Не медлит Бог, если воззовешь к Нему: «Господи, воздвигни силу Твою и прииди во еже спасти нас!»

Я с своей стороны могу только сказать, что вот такие отшельники, прошедшие все: огни, воды, медные трубы и волчьи зубы и, наконец, себя отдавшие Богу, оставшиеся только наедине с Ним, все понявшие, и будут основанием для возрождения нашей России, восстановления веры в ней. Как было давно когда-то сказано: «За веру возстанут из народа неизвестные миру, и возстановят поправное». Слышите?! За веру! Русь собиралась во имя Христово и склеивалась цементом веры Христовой. Выветрился этот цемент, пала вера,

и Русь рассыпалась. Не в политических или каких-то социальных посулах дело, а в возстановлении Веры, как камня краеугольного державы Российской. А чтобы найти – надо искать! «Ищите и обряцете» – сказал Спаситель» – закончил свой рассказ отец Николай.

Начался в некотором роде взаимный обмен мнений. Вступил в разговор учитель.

– «Пока что в нашем понимании еще никак не укладывается все то, что творится теперь в России. Были разные периоды в Русской истории – и очень тяжелые. Взять хотя бы то же смутное время. Но и оно во всех своих самых тяжелых, самых уродливых проявлениях, есть все-таки период Русской, нашей Истории. Эту же революцию нельзя назвать нарождающимся новым периодом Русской Истории, скорее, она есть начало ликвидации Русской Истории. Что это за власть, да еще называющая себя «народной», которая, как говорит бывший революционер Силаев, – в Боге видит помеху для благоустройства жизни народной? Тут что-то не то, не заботами о народном благе пахнет. Начнем разбирать, кто сделал эту революцию. Ее состряпали господа во исполнение масонских заданий. Мужик только соблазнился, присоединился к ней и по-своему использовал ее. И то он теперь понял, что сделал ошибку, почувствовал как революция стала отыгрываться на его же спине. Но близок локоть, да не укусишь. Теперь не только в каждом уезде, а в каждой волости следовало бы иметь специального писца, который записывал бы все, что творится в волости. Вот это был бы настоящий материал для истории, а не то, что какой-то там цветной историк будет расписывать, пропуская все через призму своих личных взглядов и убеждений. Как бы ты сказал, отец Николай, – что у нас случилось? Почему пропала национальная Россия, и долго ли будет вот такое продолжаться?»

– «Куда бы я ни приходил, мне всюду приходится наталкиваться на этот вопрос. На него я коротко ответил в заключительных словах моего рассказа о раскаянии чекиста. В своем Крещении Россия была обручена Христу, и пока была верна этому союзу, жила верой в Него, перемогала в Истории

все беды и росла, крепла. Ибо стояла на крепком фундаменте. А когда отступила от Него и потеряла свою веру, оказалась без основания, и упала. Если же предпринимать историческое исследование причин великой российской катастрофы, то надо опуститься, примерно, на двухсотлетнюю историческую глубину. Так глубоко сидят корни этой катастрофы. Припомним здесь пророческий разговор Петра I с Императрицей – стихотворение графа Алексея Константиновича Толстого:

– Государь ты Наш батюшка, государь, Петр Алексеевич,
А что ты изволишь варить?

– Кашицу, матушка, кашицу, кашицу, государыня, кашицу.

А где ты изволил для нея круп достать?

– За морем, матушка, за морем, за морем, государыня, за морем.

А каша-то выйдет ведь крутенька?

– Крутенька, матушка, крутенька, крутенька, государыня, крутенька.

А кто-ж ее будет расхлебывать ?

– Детушки, матушка, детушки, детушки, государыня, детушки!

И вот двести лет варились эти «заморския крупы» в русской печи, и эта каша поспела как раз к нашему времени и досталась расхлебывать нам. Сколько времени это будет продолжаться? Когда ученики спросили Спасителя: «Господи, в лето ли сие устрояеши царствие израилево?» Он отвечал им: «Несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во своей власти. Но приимите **силу, нашедшу Святому Духу** на вы, и будете Мне свидетелие...» Только такой же ответ может быть и на этот вопрос. Надо взывать к Духу Святому: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны...» Ничего не надо так больше желать, как только, чтобы Он вселился в нас. Вселится – вот все и переменится!»

Почти целый месяц пробыл отец Николай в этих краях. Работал с крестьянами в поле, никогда не упуская случая сказать краткое, но вразумительное поучение. И как все полюбили его. Наконец, в один прекрасный день, отслужив

литургию при наполненном храме, он попрощался со всеми, поблагодарил за гостеприимство и – ушел, оставив о себе самые лучшие воспоминания. В атмосфере начинало чувствоваться приближение военной грозы.

«Бывалый».

Н. Д. Тальберг († 1967 г.) Архиепископ Тихон (Лященко).

Двадцать лет назад, 11 февраля 1945 г., преставился в Карлсбаде архиепископ Тихон (Лященко), долгое время возглавлявший германскую епархию. Будучи, в течение многих лет, близок с ним, я имел возможность хорошо изучить его. Храню о нем память, как о замечательном духовнике, много давшем мне. Был я свидетелем его кипучей административной деятельности. Глубокая духовность сочеталась у него с большой работой на пользу Церкви, иногда не достигавшей цели, что не ослабляло его дальнейшей энергии.

В жизни его, – сужу по его повествованиям, – бывало необычайное. Так, в раннем детстве, он сидел в комнате, где лежала тяжело больная маленькая сестра. Вдруг видит он, как словно облачко начало двигаться от ее изголовия и ушло в открытое окно. В эти секунды скончалась его сестренка. В бытность молодым сельским священником он обходил хаты с крещенской водой. При входе в дом пожилой одинокой, считавшейся здоровой, женщины, он потрясен был диким воплем. Хозяйка, с перекошенным лицом, вскочила на печку со всеми признаками бешенства.

Будучи инспектором Киевской Духовной Академии, он намеревался создать в окрестностях города женский миссионерский монастырь, на подобие известной Лесненской обители на Холмщине. Духовником его был почитаемый старец Алексей Голосеевский. В конце января 1917 г. архимандрит Тихон поведал ему свой план. Старец-провидец, с грустью взглянув на него, отвечал: «Что задумал, отче. Не до построек теперь. Вскоре обители и храмы будут разрушаться». В конце февраля провидец о. Алексей преставился. Через несколько дней вспыхнула революция, в развитии своем дошедшая до богоборчества.

В начале двадцатых годов архим. Тихон, будучи настоятелем б. посольской церкви в Берлине, был приглашен в Кобург вел. княгиней Викторией Феодоровной для служения

заупокойных служб по матери ея, вел. кн. Марии Александровне, герцогине Эдинбургской, дочери императора Александра II. По прибытии туда он отслужил парастас. После вечерних молитв в отведенной ему комнате, он заснул. Вдруг слышится ему ясно детский голос, произносящий: «Батюшка, помолись за меня». Через короткое время раздалось повторение этой просьбы. Тогда он спросил: «Скажи мне твое имя». – «Елисавета», – последовал ответ. «Когда я после этого сразу проснулся», – рассказывал он мне, «то оказался не лежащим, а сидящим на постели». На литургии архим. Тихон помянул рабу Божию Елисавету. Перед последовавшей вскоре трапезой он рассказал о происшедшем русской даме, состоявшей при вел. княгине. Та взволнованно попросила повторить имя. Она вышла в соседнюю комнату и вернулась с вел. княгиней. После обеда последняя пригласила о. Тихона в гостинную и попросила рассказать пережитое им ночью. Выслушав его повествование, вел. княгиня сказала, что имя Елисаветы носила ея покойная дочь, добавив, что и она ночью слышала ея голос, вопрошавший «Отчего ты молишься за бабушку, а за меня не молишься?»

Необходимо пояснить, что архим. Тихон знал только, что вел. княгиня имеет здравствующими сына и двух дочерей. Понятия он не имел о том, что вел. княгиня Виктория Феодоровна первым браком – с 1894 г. – была супругой вел. герцога Гессенского Эрнеста Людвига, брата императрицы Александры Феодоровны. В 1901 г. она развелась с ним и в 1905 г., в нарушение церковных канонов, вторично вышла замуж в Баварии за своего двоюродного брата, вел. кн. Кирилла Владимировича, за что последний, которому брак этот был запрещен Государем, выслан из России и прощен в 1907 г. после рождения первой дочери. Вел. княгиня, вступая в брак была лютеранкой, православие приняла позднее. Брак этот, из-за неправославия супруги, согласно статьи 142 Основных государственных законов, лишал великого князя Кирилла Владимировича и его потомство прав на престол. Прежним вероисповеданием вел. кн. Виктории Феодоровны и можно

объяснить то, что она не молилась за дочь свою, тоже лютеранку.

Разказал я тогда архим. Тихону, что в Петербурге в свое время говорили о таинственной смерти маленькой гессенской принцессы в Спале или Беловеже, при чем пущен был слух, что она умерла случайно от отравы в пище, предназначавшейся для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. В письме к вел. княгине Елене Владимировне, принцессе греческой, сестре вел. кн. Кирилла и двоюродной сестре Виктории Феодоровны, я описал в 1954 г. происшедшее с архим. Тихоном, добавив, что не вполне уверен в том, что дочь последней именовалась Елисаветой. Вел. княгиня 6/19 марта 1954 г. ответила мне из Псишико (ея загородного дворца около Афин): «Очень интересно и волнительно относительно разказа архиеп. Тихона о том, что случилось с ним, когда он был в Кобурге после кончины Вел. Княг. Марии Александровны. Никогда об этом раньше не слыхала. Имя маленькой принцессы, скончавшейся в Спале было Елисавета – прелестная была девочка, я ее хорошо знала».

Первоначальных данных о владыке Тихоне мне, к сожалению, удалось получить мало. Как видно из книги «Извлечения из журналов Киевской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год», он был ея учеником, в сане священника. Следовательно рождение его надо отнести к концу 70-х, или началу 80-х годов. Насколько помню, он был уроженец Воронежской губ. В той же книге (стр. 415–418) помещен отзыв заслуженного профессора К. Попова о работе семинариста, священника Тимофея Лященко на тему: «Жизнь св. Кирилла, архиепископа Александрийского», изложенной на 742 страницах. Извлекаем из отзыва следующие строки: «...Скромное название «Жизнь св. Кирилла» представляет собою ученое критико-биографическое исследование о св. Кирилле, обладающее следующими высокими качествами: 1) Ни в богословской ученой литературе на Западе, ни в русской нет полной, детально разработанной и безпристрастной монографии о св. Кирилле, обнимающей все многообразные стороны его деятельности. Удачный опыт составления подобной

представляет собой настоящий труд свящ. Лященко, отличающийся полнотою и всесторонностью исследования всех фактов, относящихся к жизни и деятельности св. Кирилла Александрийского. 2) Борьба с несторианством сопровождалась большою страстностию. Защитники этой ереси и противники ея не щадили друг друга. Неудивительно, что деятельность св. Кирилла, стоявшего в центре этой борьбы, подверглась злостному перетолкованию со стороны недоброжелателей его, – современных ему и последующих историков и исследователей. Для очищения фактов, относящихся к жизни и деятельности св. Кирилла, от клеветы необходимо было в широких размерах воспользоваться критикой. И автор отвел ей в своем сочинении подобающее место, сообщив ему характер историко-критической работы. 3) Но историческая критика имеет ценность только тогда, когда она утверждается на тщательном изучении и знании первоисточников. Каждая страница сочинения свящ. Лященко может служить доказательством того, что автор его обладает таким знанием их. Но он сделал нечто большее. Ученые исследователи, особенно немецкие рационалисты, часто свои резкия суждения о св. Кирилле утверждают на неточных, а иногда тенденциозных переводах первоисточников. Для открытия правды автор вынуждался сверять и проверять латинские, немецкие и русские переводы. 4) Наконец, произведенное автором переисследование документов и фактов, имеющих отношение к жизни св. Кирилла, дало важные в научном отношении результаты; ему, напр., удалось установить хронологическую последовательность событий, относящихся к борьбе Кирилла с несторианством. Указанные высокие ученые качества рассмотренного сочинения дают автору его полное право на получение степени кандидата богословия».

В связи с этим отзывом проф. К. Попова, вспоминая сказанное мне однажды покойным Митрополитом Антонием, что он считает владыку Тихона одним из образованнейших иерархов Зарубежной Русской Церкви.

В той же книге сообщается, что священник Тимофей Лященко окончил в 1909 г. Академию вторым и, в числе

22 других, удостоен степени кандидата богословия с предоставлением им всем права получения степени магистра без нового устного испытания. Перед революцией он был инспектором Киевской Духовной Академии и преподавал гомилетику и церковный устав. Помнит его инспектором прот. Григорий Герасимов, настоятель церкви Всех скорбящих Радосте в Кливеланде. Учащие считали его суровым, требовательным, имели с ним только деловые отношения. Известен был он тогда своими определенно правыми убеждениями. Таким же непоколебимым монархистом остался он после преступной февральской революции 1917 г. «Если до революции за его правые убеждения он был нами ценим», писал мне недавно о. Григорий, «то после 17 года мы искренно его полюбили. Инспектор архим. Тихон оставался таким же твердым, непоколебимым столпом всего того, что было возвышенным, светлым, святым до революции. Когда кто из нас, зная его убеждения, подходил к нему, чтобы с ним поделиться своею скорбью, он, этот суровый, сухой начальник, не зная с какой целью задает ему студент, может быть, каверзный вопрос, смело, безкомпромиссно, громил зло, большое предсказывая горе России, если она сатане поверит, поддастся льстивым обещаниям его».

Первые сведения о личности и деятельности архим. Тихона, получили мы, правые монархисты, в Берлине в начале двадцатых годов от наших единомышленников в Болгарии. Они писали о нем, как о выдающемся пастыре и убежденном монархисте. Он был настоятелем русского храма, сооруженного, насколько помню, при посланнике Ю. П. Бахметеве, рядом с русским посольством.

В 1921 г. подготовлялся созыв монархического съезда. В связи с этим я был послан из Берлина в Венгрию, Югославию и Грецию. Находясь в Белграде, я получил письмо от возглавителя нашего монархического движения, Н. Е. Маркова, описывавшего все усиливавшиеся недоразумения с настоятелем берлинского храма и поручавшего вручить архиепископу Анастасию Кишиневскому прилагавшееся письмо нашего единомышленника, князя А. А. Ширинского-Шихматова,

бывшего обер-прокурора Святейшего Синода. В письме князь описывал местные церковные неурядицы и просил владыку Анастасия, как можно скорее, прибыть в Берлин, привезя с собой священника и диакона. Приложена была для вручения владыке от монархистов сумма денег, вполне достаточная на дорогу для трех лиц. Не зная, где в данное время находится архиеп. Анастасий, я отправился к временно находившемуся в Белграде архиеп. Евлогию волынскому, с которым лично познакомился незадолго перед этим, мнение же о нем, не очень о нем благоприятное, составил еще в России. Архиеп. Евлогий сообщил мне, что архиеп. Анастасий находится в Константинополе, где окормляет русских в пределах Турции. К этому он добавил, что просьба князя относится именно к нему. Высшим Церковным Управлением Зарубежной Церкви он недавно назначен управлять приходами в Западной Европе. Переезд в Берлин его вполне устраивает. Мне ничего не оставалось как оставить у него письмо. Деньги ему тогда я не вручил. Сразу же обо всем написал Маркову. Переписку мы вели через курьеров, русских офицеров, часто ездивших из Берлина в Константинополь, где тогда пребывал ген. барон П. Н. Врангель. Ответное письмо Маркова было решительным – доверия к митр. Евлогию нет, деньги ему не передавать. Попав невольно в трудное положение, я должен был сообщить лично митр. Евлогию, что в Берлине обстоятельства изменились и необходимости в его приезде нет. Он сердито ответил, что уезжает в Белую Церковь. Через несколько часов получаю краткую записку от митрополита Антония, возглавителя Зарубежной Церкви, с просьбой немедленно прибыть в сербскую патриархию, в которой он останавливался, приезжая из Сремских Карловцев. С 1905 г. я преклонялся перед волынским епископом Антонием за его церковную и монархическую деятельность. Последняя столь ярко выявилась в смутные 1905–6 годы. Однажды, кажется в 1908 г., представлен был ему перед началом религиозного собеседования об отношении мирян к духовенству, происходившем в доме графини С. С. Игнатъевой в С.-Петербурге. В 1918 г. в Киеве мне не удалось быть у него.

Присутствовал только в июне при приезде его из Харькова, незадолго перед этим избранного митрополитом Киевским и Галицким. По моей службе при гетмане Скоропадском в министерстве внутр. дел, смог я обеспечить ему спокойное прибытие в Владимирский собор и следование крестного хода, с ним во главе, оттуда в Софиевский собор. Сорвана была попытка украинских сепаратистов устроить беспорядки. В Белграде виделся с ним несколько раз и счастлив был тому единомыслию, которое у нас сразу выявилось.

Когда я прибыл в патриархию, владыка Антоний сказал мне, что митр. Евлогий был у него с жалобой на меня и уехал в Белую Церковь. Он просил меня убедить моих единомышленников изменить свое решение, т. к. Берлин входит в епархию архиеп. Евлогия. Указал я тогда владыке на неустойчивость архиеп. Евлогия, в предреволюционные годы все более левевшего, напомнил его же рассказы мне, как тот трусливо держал себя при общем их заточении в католическом монастыре. Добрый архипастырь ответил мне: «Право, он теперь исправился!» По настоянию владыки, я изложил его мнение в письме Маркову. В Берлине с неудовольствием склонились тогда перед волею почитаемого первоиерарха, но настойчиво просили его о назначении настоятелем храма архим. Тихона (Лященко) и б. Харьковского протодиакона Вербицкого. Митр. Антоний горячо одобрил выбор о. Тихона, высказав сомнение согласится ли уехать болеющий Вербицкий. Тот действительно не захотел покидать Земун. Архиепископу Евлогию деньги были вручены.

В книге «Путь моей жизни» – Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам М. Манухиной (Париж, 1947 г.), события эти изображены так (стр. 376–7): «Вскоре после этого прибыл из Берлина представитель Высшего Монархического Совета Н. Д. Тальберг ¹⁷ с приглашением приехать в Германию. «Мы облегчим все условия Вашего устройства в Берлине, но только просим Вас удалить протоиерея Зноско, а взять с собою архимандрита Тихона, настоятеля посольской церкви в Болгарии», сказал Тальберг и вручил мне на организацию управления 10000 марок. Я с

радостью вызвал архимандрита Тихона. Он привез с собою из Софии бумагу – ходатайство русских в Софии о назначении на его место Лубенского епископа Серафима. Это несколько мои планы меняло (я хотел назначит в Софию протопресвитера Шавельского), но я все же на назначение епископа Серафима согласился. Начались приготовления к отъезду. Моим преемником в институте я оставлял протоиерея Николая Александрова; вместе с ним приехал Е. И. Вдовенко, по профессии электротехник, но церковный человек, близко знавший Патриарха Тихона и московское духовенство, часто вращавшийся в этой среде. Я предложил ему быть диаконом при мне и поехать вместе со мною в Европу: он согласился. Перед отъездом он соорудил мне митру из бального лифа жены генерала Поливанова. Кроме митры и старенькой епитрахили никакого облачения при выезде из Белой Церкви не было. Разставание с институтом было милое. Девочки плакали, провожая меня. Я заехал в Карловцы проститься с владыкой Георгием (Сербским – Н. Т.). Он подарил мне не новое, но очень красивое архиерейское облачение: шитое шелками по парчевому фону».

С Страстной неделе, 1921 г., в середине апреля ст. ст., богослужения в б. посольской церкви совершались митр. Евлогием и архим. Тихоном. В то время германское республиканское правительство не признавало сов. власть. Здание русского посольства на Унтер-ден-Линден находилось в ведении министерства иностранных дел. В втором доме, со входом со двора, архим. Тихону предоставлена была небольшая квартира. Храм св. кн. Владимира находился во дворе.

Архиеп. Евлогий проживал в Тегеле, отдаленной части Берлина. Там имелся большой участок земли, приобретенный св. Владимирским Братством, в бытность председателем его известного настоятеля посольского храма прот. Алексея Мальцева. Имелся дом, в котором до войны оказывался временный приют русским. Назывался он «Кайзер Александр Хейм» в память имп. Александра III, после революции

«Александрхейм». Имелось и кладбище с церковью, во имя св. равноапостольных Константина и Елены.

Архиеп. Евлогий был участником монархического съезда в баварском городе-курорте Рейхенгалле в мае ст. ст. 1921 г. Почетным председателем съезда был митрополит Антоний, избранный и почетным членом Высшего Монархического Совета. В его отсутствие заместителем считался архиеп. Евлогий, участвовавший много раз в заседаниях совета. Будучи секретарем Совета, я часто общался с ним. Несколько позднее, он участвовал в Берлине в съезде монархистов-конституционалистов, входивших в состав общего монархического движения.

В Париже местное духовенство, обслуживавшее прежнее посольство, не было довольным назначением архиеп. Евлогия. Оно обращалось даже к патриарху Тихону, который разъяснил ему 26 марта ст. ст. 1921 г. права владыки Евлогия на временное управление церквами в Зап. Европе, «в виду состоявшегося постановления Высшего Русского Церковного Управления за-границей». Митр. Евлогий вскоре предпринял поездку в Париж и Лондон.

Приходская работа в Берлине сосредоточена была у архим. Тихона, которого скоро оценили. Служил он благолепно, хорошо говорил проповеди, был настоящим пастырем, входившим в жизнь пасомых. Русская колония была тогда очень большая. Часто устраивались лекции, политические собрания. Архим. Тихон всегда присутствовал на научных и монархических докладах.

Политическое положение в Берлине делалось все напряженнее. Ожидалось признание советского правительства. Усиливалась деятельность коммунистической партии. Вероятно и эти основания побудили владыку Евлогия, к этому времени возведенного патриархом в сан митрополита, переехать в Париж, из которого, конечно, было и легче управлять большой епархией.

Вскоре после его отъезда германское правительство признало правительство СССР. Здание посольства было передано последнему. Владыке Тихону пришлось закрыть

церковь и самому выселиться. При срочном оставлении храма большую помощь ему оказала группа монархической молодежи. Спасены были ею священные сосуды, иконы, отвинчены памятные доски, вне иконостаса, на которых отмечались посещения церкви Государями. Для богослужений администрация русской гимназии на Наход ул. отвела маленькую комнату при входе в здание. Значительно позднее, предоставлена была несколько большая комната напротив. В дни Страстной недели и Св. Пасхи снималось в вечерние часы большое помещение в протестантской церкви. Позднее на воскресные дни снимался зал в помещении германского Красного Креста на Берлинер улице в Шарлоттенбурге. Церковная жизнь развивалась.

Возникал несколько раз вопрос о возведении архим. Тихона во епископа, викария митр. Евлогия. Последний этому долго не сочувствовал, но уступил настояниям Архиерейского Собора. Хиротония состоялась в Берлине, в 1924 г. Совершали ее митр. Евлогий и его викарный епископ владыка Сергей пражский. Митр. Евлогий временами приезжал в Берлин.

Когда митр. Евлогий в 1926 г. начал раскол в Зарубежной Церкви, епископ Тихон остался верен законной высшей канонической власти, – Архиерейскому Собору и Синоду. Митр. Евлогий дерзнул самовольно отрешить его от управления викариатством, чему он, конечно, не подчинился. Большинство русских людей в Германии остались под его омофором. Вскоре он был назначен Синодом правящим германским епископом.

Небольшая церковь на Наход штр. давно была мала для молящихся. Владыка Тихон задумал постройку храма. Сначала приходом приобретен был участок земли в центральной части города на Фербеллинер улице. Позднее, под залог этой земли, одна из крупных германских фирм взялась выстроить для прихода большой доходный дом с квартирами. На верхнем этаже должна была помещаться церковь, этажом ниже квартира епископа и его канцелярия.

22 октября 1928 г., в день празднования иконы Казанской Божией Матери, чин освящения храма совершали митрополит Антоний, архиепископ Серафим, возглавлявший западно-

европейскую епархию, епископ Тихон и сонм духовенства. Присутствовал племянник Царя-Мученика, Его Высочество Князь Никита Александрович, и множество молящихся.

В субботу 28 окт. ст. ст. незадолго перед всенощной, я посетил митрополита Антония, проживавшего в покоях владыки Тихона. Он доверительно сообщил мне, что недавно был у него кн. С. А. Долгорукий, состоявший в Копенгагене при императрице Марии Феодоровне, незадолго перед этим скончавшейся. Он, по поручению Великой Княгини Ксении Александровны, исполнявшей волю Матери, привез владыке величайшую Святыню: чудотворную икону Божией Матери Филермскую, по преданию написанную Св. ев. Лукой и освященную благословением Богоматери, нетленную руку Иоанна Крестителя и частицу древа Креста Господня. В 1204 г. святыни были захвачены в Царьграде латинянами крестоносцами, перенесены в Палестину, оттуда на остров Мальту. В 1799 г. святыни были принесены мальтийскими рыцарями в дар императору Павлу I, великому магистру ордена. Находились оне в церкви Зимнего дворца; с 12 по 22 октября пребывали в гатчинском соборе св. ап. Павла. Там оне остались после октябрьского переворота большевиков в 1917 г. Одно время Гатчина занята была добровольческой армией ген. Н. Н. Юденича. Когда началось отступление армии, находившийся при ней бывший тобольский губернатор Н. А. Ордовский-Танаевский вывез святыни из Гатчины и позднее доставил Государыне императрице Марии Феодоровне. С величайшей радостью приложился я к Святыням и, с благословения владыки, участвовал вскоре при перенесении Святынь в храм. Приблизительно через пол года Святыни, с помощью сербской дипломатической миссии, были перевезены в Белград, где пребывали в королевской дворцовой церкви. Во время паники, охватившей сербский власти, после бомбардировки Белграда немцами в 1940 г., Святыни пропали.

К сожалению, финансовые расчеты владыки Тихона не оправдались. Квартиры сдавались туго. Не хватало денег для расплаты с банком. Пришлось просить о пожертвованиях. Призывали к этому мы, монархисты, на страницах нашего

парижского журнала «Двуглавый Орел». В итоге – дом с храмом перешел к кредиторам. Бедный владыка Тихон тяжело переживал этот удар.

Но духом он не пал. Подчиняясь воле Божией, он продолжал верить в помощь Господа. Решил он искать помощи в правительственных, протестантских и городских кругах. Сначала предоставлен был ему для богослужений поместительный храм в хорошем месте. Несколько позднее отведен был для построения церкви участок земли на Гогенцоллерндамм и предоставлены правительством соответственные средства.

Но в это время велся подкоп против владыки Тихона. Дело в том, что в хлопотах о постройке нового храма помогал архиеп. Тихону русский, давно живший в Германии, имевший хорошие связи с немецкими влиятельными кругами. Личность эта пользовалась неважной репутацией у русских. Близость к нему ставилась в вину владыке Тихону. С последним давно враждовало лицо, игравшее тогда видную роль в русской колонии. Возможно, владыке мстили братья-каменьщики, о которых речь будет ниже. Среди таковых было немало наших либеральствующих соотечественников. В итоге, после краткого и поверхностного расследования члена Архиерейского Синода, архиепископа Феофана курского, владыка Тихон весной 1938 г. был уволен на покой. Патриарх Гавриил доброжелательно предоставил ему местожительство в монастыре Раковица, вблизи Белграда. Заместителем его назначен был викарный епископ Серафим (Ляде) потсдамский, саксонец по происхождению, незадолго перед этим выбравшийся из СССР.

В день Св. Троицы, 30 мая / 12 июня 1938 г., исполнилось, наконец, давнишнее желание архиеп. Тихона, его верою и достойным упорством осуществленное. Митрополит Анастасий, в сослужении с владыками Тихоном и Серафимом, совершил чин освящения величественного храма на Гогенцоллерндамм.

«В понедельник 4 июля в 19 час. 40 м. отбыл из Берлина в Югославию Высокопреосвященнейший Архиепископ Тихон. Ко времени отхода поезда на перрон Лертер-вокзала собрался весь причт Воскресенского собора, во главе с епископом

Серафимом, сестричеством и многие другие русские церковные деятели. Проводы отличались большой сердечностью. Из окна отходящего поезда, Владыка Тихон благословил свою осиротевшую паству. На глазах многих были видны слезы». («Царский Вестник». Белград, 24/11 июля 1938 г.).

Архиерейский Синод назначил архиеп. Тихона председателем Ученого Комитета при Синоде. Принимал он в 1938 г. живое участие в работах Второго Всезаграничного Собора Православной Церкви. Состоя одним из помощников секретаря Собора, хорошо помню его работу тогда.

Выступал владыка Тихон при обсуждении вопроса о невозможности православным русским людям быть членами сообщества франк-масонов. По протоколу заседания от 10/23 августа владыка поведал следующее: «Он вспоминает, как в 1924 г., после хиротонии его, масон высокой степени приезжал к нему во фраке и цилиндре убеждать его вступить в масонство. Он говорил, что ложа его состоит только из христиан и монархистов. Масонство, якобы, убедилось, что коммунизм не оправдал надежд. «Вы не стесняйтесь, что Вы – епископ», говорил он. «У нас есть люди с высоким иерархическим положением. Клятв от Вас не требуется, только не боритесь против нас». («Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14 – 11/24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939 г.»).

Любил я навещать дорогого владыку Тихона в монастыре, много назидательного воспринимая от умного, духовного склада, образованного архипастыря. Помню наши прогулки в окраинах монастыря. Это были наши последние встречи в жизни.

С приближением красной армии к Белграду, он, вместе с митрополитом Анастасием, в августе 1944 г. покинул Белград. С недолгой остановкой в Вене, где ими переживались бомбардировки, они уехали в Карлсбад. Оказавшись вскоре сам беженцем, я, при посещении там владыки Анастасия, не застал в живых дорогого архипастыря-друга. Материальное положение

его там было тяжелое. Отравившись испортившейся от времени пищей, он преставился 11 февраля 1945 г.

Много раз, в особенности в последние годы, скорбно размышлял я о том, сколько пользы он мог бы принести нашей Церкви.

Н. Тальберг.

Проф. И. М. Андреевский († 1976 г.) Светлой памяти Великого Святителя Митрополита Анастасия.

6 августа 1873 г., в семье скромного сельского священника Тамбовской губернии Грибановского родился сын Александр. Об его детских годах мы имеем мало сведений. Но по плодам узнается доброе древо. А плодом домашнего воспитания отрока Александра было непрестанное устремление его души на служение Православной Церкви и Родине. Начальное образование он получил в Духовном Училище. В 1893 г. – окончил Тамбовскую Духовную Семинарию. Во время прохождения курса в Семинарии он пережил чрезвычайно знаменательный духовный порыв, о котором, незадолго до своей кончины, поведал некоторым близким ему людям. Вот как об этом недавно сообщил Владыка Архиепископ Никон в своем Слове в сороковой день кончины Митрополита Анастасия (см. «Православная Русь», № 13, 1/14 июля 1965 г.).

«Когда ему (т. е. семинаристу Александру Грибановскому) исполнилось 15 лет от рождения, он, отдаваясь своему юношескому порыву, решил принести свою жизнь Богу, отказавшись даже от своего образования, так как в его сознании все, кроме вечности, было «суею суе». В таком состоянии духа он прекратил свое учение в Духовной Семинарии, где он был первым учеником в классе и тем, конечно, вызвал живейшее беспокойство и своих родителей и преподавателей. В таком состоянии он пробыл целый год и после своих уединенных размышлений понял, что образование не только не будет препятствовать его служению Богу, но и будет способствовать ему. Благочестивый юноша возвратился к учению, но уже как посвятивший себя в своем сердце служению Богу».

По окончании Семинарии, юноша Александр Грибановский, как один из первых учеников, был послан на казенный счет в Московскую Духовную Академию, которую окончил блестяще в 1897 г. Наставниками его были выдающиеся русские богословы.

Ректором Академии был Архимандрит Антоний Храповицкий, перешедший через три года Ректором Казанской Духовной Академии. Заместителем Архимандрита Антония стал Архимандрит Арсений (впоследствии знаменитый Митрополит Новгородский). По окончании Академии Александр Грибановский был оставлен при ней и мог подготовиться к занятию профессорской кафедры. Но, после долгого размышления и молитв, он отверг соблазн ученой карьеры, и через год – принял монашество с именем Анастасия. Произошло это в Тамбовском Казанском монастыре 20 апреля 1898 г. А через три дня, 23 апреля, в день Великомученика Георгия Победоносца, – кандидат Богословия Анастасий был рукоположен в иеродиакона. С этого памятного дня началось священнослужение будущего Митрополита Анастасия. В августе 1898 г. молодой инок был назначен помощником инспектора Московской Духовной Академии. В 1900 г. иеромонах Анастасий, распоряжением Митрополита Владимира был поставлен инспектором Вифанской Духовной Семинарии, а еще через год, в 1901 г. – Ректором Московской Духовной Семинарии, с возведением в сан архимандрита. В 1906 году он посвящается в архиереи и становится Епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. Хиротонию совершал сам Митрополит Владимир с сонмом архипастырей в Московском Успенском Соборе. При наречении его во епископа, Владыка Анастасий произнес свою замечательную пророческую речь, в которой наметил себе программу всей жизни. Эту программу он выполнил. Нельзя удержаться, чтобы не процитировать некоторых мест из этой *речи*, которая стала *жизнью*, нельзя удержаться, чтобы не показать этих слов, которые стали *плотью*.

Молодой 33-х летний епископ начал свою речь следующими словами:

«В этот торжественный час, когда Господь призывает меня к апостольскому служению, я слышу Его повелительный голос: «Гряди по Мне». И я мысленно иду по стопам Пастыреначальника... Христос исполняет всякую правду, и ты, посланник и последователь Христов, должен исполнить все, что

повелевает тебе долг твоего звания. Ты должен исполнить всякую правду, какая только начертана в Евангелии и уставах церковных. Ты не должен освобождать себя от подчинения закону, даже если бы ты был сам был законодателем. Я вижу, как воплощенное Слово Божие благовествует всем Евангелие Царства Божия, ублажает смиренных, обличает лицемерных и гордых, пылает огнем ревности на осквернителей святыни... И ты, приемлющий жребий апостола, пророка и учителя, будь верным служителем Слова, день и ночь со слезами поучая твою паству. Будь мудрым и мужественным служителем Истины, хотя бы имел против себя целый мир... Не зри на лица и не угождай духу века сего, который будет обещать тебе земные выгоды. Если обретишь смиренную добродетель, возвышай ее и поставляй на свещнице, да светит всем. Если же увидишь ложь и лицемерие, – разоблачай их пред всеми, хотя бы они были облечены в порфиру и виссон... Обнимай всех, как крыльями, своим любящим сердцем: погибшее взыщи, крепкое снабди; изнемогающего в вере возьми на свои рамена и вдохни в него часть твоего духа. Зажигая свет в других, ты будешь сгорать сам; но ты был бы недостоин названия первосвященника, если не приносил бы себя в жертву за люди твоя... Стоя на вершине горы, ты слишком будешь заметным для всех и станешь камнем преткновения для многих. Ты будешь терпеть не только от врагов, но и от друзей и сродников, не только от неверующих и свободомыслящих, но и от людей, ревнующих о Церкви, но не по разуму. Одни, называя тебя «учителем благим», будут обращаться к тебе с пытливыми вопросами, дабы уловить тебя в слове, другие будут тщательно наблюдать за твоими поступками, дабы из них извлечь против тебя обвинение... Чем неподвижнее ты будешь стоять, тем яростнее будут возставать на тебя зависть и злоба; она не остановится ни перед какою клеветой; она не поколеблется обвинить тебя в том, что ты возмущаешь народ и противишься кесарю и найдет своих понтийских пилатов, чтобы предать тебя на позор и смерть... Да, время гонений для служителей Церкви не миновало, а теперь, быть может, наступают такие дни, когда мы снова «увидим обиды, угрозы, разграбления и описания имений»,

«храмы, обогранные кровью и из храмов соделавшиеся кладбищами, и даже, быть может, всенародное заклятие пресвитеров и епископов», какое видел некогда св. Григорий Богослов... И для тебя, таким образом, настанет своя Гефсиманская ночь... И тебя повлекут на незаконные судилища, и тебе придется вынести насмешки толпы, которая, быть может еще вчера рукоплескала тебе, измену и предательство друзей и, наконец, позор и одиночество самого креста, когда все покинут тебя, и когда само небо, быть может, закроется над тобой. Таков путь истинного Христова пастырства. Ты видишь теперь, как тяжел и тернист он, как опасен он теперь, когда волны со всех сторон обуревают Церковь, и когда в ней самой начинаются пагубные разделения, грозящие разорвать нешвенный хитон Христов... Да, я знаю и чувствую всю тяжесть этого бремени и исповедуюсь пред всеми, что не могу снести его, если Сам Великий Пастыреначальник не понесет его вместе со мною... Прежде чем сделать меня участником благодати епископства умолю небеснато Первосвященника, да очистит меня от всякия скверны плоти и духа, а наипаче от всякого самонадеяния и самопревозношения, и да уготовит во мне сосуд, достойный для приятия Духа»...

Владыка Анастасий всегда имел большую склонность к научной богословской работе и имел все данные, чтобы выдвинуться как замечательный ученый богослов, но по монашескому послушанию пошел по другой дороге. Однако он всю жизнь остался почитателем честной науки и другом честных ученых. Собирая их вокруг себя, где бы он ни был, до самого последнего времени (в Мюнхене и, наконец, в Нью Йорке), Владыка любил отдыхать в беседах с ними, обнаруживая исключительную свою начитанность и эрудицию в многих областях научного и философского знания. Высоко ценил Владыка и истинное искусство, особенно художественную литературу и поэзию. Две его небольших книжки о Пушкине заслужили ему славу одного из самых крупнейших пушкинистов. Но самым любимым русским поэтом, по его личному признанию, с юности до конца жизни, – был Лермонтов. А самое его

любимое стихотворение Лермонтова – было «Ангел». И на одном из съездов молодежи в Америке, В-ка заявил: «Если бы Лермонтов написал только одно свое стихотворение «Ангел» – он заслуживал бы бессмертия». Поэтому, если мы прочитаем это стихотворение медленно и внимательно, вникая в каждое слово, и при чтении будем все время мысленно быть с Владыкой, как бы читая с ним вместе, – то нам станет понятной его исключительно высокая субъективная оценка указанного стиха. Никакими другими словами, как бы глубоки и правильны они ни были, невозможно описать лучше душу Владыки Анастасия, чем этими лермонтовскими словами. Воистину, именно такой душой, какая описана Лермонтовым, – была душа Владыки.

В Москве, в то время когда начал там свою деятельность (викарием Митрополита Владимира) молодой епископ Анастасий, еще живы были замечательные традиции Московского Митрополита Филарета (умершего в 1867 г.), который пробыл во славу Русской Церкви на Московской кафедре 46 лет. Владыка Анастасий был ревностным почитателем Митрополита Филарета и ставил себе в образец жизнь и деятельность этого великого первоиерарха: безупречную личную жизнь, строгий аскетизм, любовь к науке, изумительное трудолюбие, безграничное терпение, знание быта и жизни духовенства и другие качества его личности. Но дар проповедничества Владыка Анастасий получил едва ли не больший, чем его Высокий Учитель.

Среди шумной столицы Владыка Анастасий жил как в пустыне, аскетической жизнью, строго соблюдая все посты и не зная усталости в частых богослужениях. Будучи Московским викарием, епископ Анастасий руководил в Москве широкой благотворительной и церковно-просветительной деятельностью, сотрудничая с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной (впоследствии святой мученицей, убиенной в 1918 г. в Алапаевске).

В год объявления войны (1914 г.) епископ Анастасий был переведен на Холмскую кафедру, что было знаком высокого к нему доверия. Во время войны город Холм оказался вблизи

фронта и епископ Анастасий часто и безстрашно стал отправляться к передовым позициям, вдохновляя войска на бранный подвиг. Политика Германии и Австрии были всегда враждебна России и другим славянским народам и Владыка Анастасий постоянно обличал безумие и коварство этой политики, защищая истинные интересы России и Славянства.

24 октября 1914 г. объезжая фронт, город Холм посетил Государь Император Николай 2-й. Его принял епископ Анастасий в своем Кафедральном Соборе и приветствовал речью, в которой, со всей силой убедительности и с пафосом горячей любви к России и ея верным сынам, ярко изобразил перед Государем подвиги русских солдат. За свои труды, в 1915 г. епископ Анастасий был награжден чрезвычайно редкой для духовенства наградой – орденом Св. Благоверного и Великого Князя Александра Невского «с мечами».

В декабре 1915 г., когда вся Холмская епархия оказалась занятой врагами, епископ Анастасий был переведен в г. Кишинев и заместил там архиепископа Платона (впоследствии Сев. Америк. митрополита). В 1916 году епископ Анастасий был возведен в сан архиепископа.

Наступил 1917 г. Русское Общество было охвачено революционным угаром Февраля, но Архиепископ Анастасий сразу распознал антихристов лик революции и вступил на исповеднический путь борьбы.

15 августа 1917 г. открылся Московский Собор. Прибыл туда из Кишинева и Владыка Анастасий. Председателем Собора, по должности Московского Митрополита, был Митрополит Тихон. Почетным Председателем – Первоиерарх Русской Православной Церкви – Киевский Митрополит Владимир. Архиепископу Анастасию, как бывшему долголетнему Московскому викарию, была поручена организационная сторона Собора.

31 октября 1917 г. было установлено Патриаршество. Через некоторое время, из трех кандидатов, по жребию, был выбран Патриархом Владыка Митрополит Тихон. Председателем комиссии по устройству светлого торжества интронизации Патриарха был назначен архиепископ Анастасий. (Между

прочимь, при голосовании кандидатов в Патриархи, при наличии целого ряда маститых иерархов, молодой архиепископ Анастасий оказался на шестом месте, получив 77 голосов из 309, т. е. – 25%).

После возстановления Патриаршества Владыка Анастасий вошел в состав Священного Синода при Патриархе.

В последние годы своей жизни Владыка Анастасий оказался последним единственным оставшимся в живых членом Патриаршего Синода, избранного Всероссийским Собором 1917 г., т. е. последним представителем бесспорно законной Церковной власти в России. В качестве такового, не говоря уже об его личных достоинствах, голос Владыки Анастасия может и должен считаться наиболее веским и авторитетным во всех вопросах законного, согласного со святыми канонами, управления Русской Церковью, как на родине так и за границей.

После Собора Архиепископ Антоний (Храповицкий) был избран Киевским Митрополитом. Его паства просила указать достойнейшего преемника на оставленную им Харьковскую епархию. Митрополит Антоний указал Архиепископа Кишиневского Анастасия. Паства его тотчас избрала, но последующия события помешали осуществить это избрание. Вся Бессарабия, составлявшая Кишиневскую епархию, была присоединена к Румынии. Началась румынизация русского населения. Владыка Анастасий не соблазнился возможностью остаться в Румынии, а предпочел принять крест изгнания. Он отбыл за границу, в Константинополь. Здесь Архиепископ Анастасий вошел в состав Высшего Церковного Управления, образовавшегося под председательством Митрополита Антония для окормления русской эмиграции. С 1919 по 1921 гг. он состоял Управляющим Церковными общинами Константинопольского округа. В 1921 г. он отбыл в Иерусалим. Во главе Иерусалимской Церкви в то время стоял друг России Патриарх Дамиан. Из-за войны в Иерусалимской Церкви возникло иерархическое разстройство (с патриархом не осталось ни одного архиерея). Владыка Анастасий помог Патриарху Дамиану рукоположить новых архиереев и

возстановить в Иерусалиме правильное иерархическое управление. Возвратившись из Иерусалима в Константинополь, Владыка Анастасий принял горячее участие в делах Константинопольской Церкви. В Константинополе начался «Всеправославный Конгресс», на который представителем Русской Зарубежной Церкви был послан Архиепископ Анастасий. Владыка категорически выступил против предполагавшихся реформ, которые сводились к ослаблению канонических строгостей (разрешение второбрачия духовенства и т. п.). Вскоре после этого Конгресс (который предполагалось обратить во Вселенский Собор) – распался. В 1924 году Архиерейский Собор высказал свое мнение, что он «считает созыв Вселенского Собора в настоящее время неблагоприятным, ввиду происходящего в Советской России гонения на Церковь и неподготовленности Поместных Церквей к созыву Вселенского Собора». В это время Глава Русской Зарубежной Церкви, Митрополит Антоний, убедившись в катастрофическом положении Руской Православной Миссии в Иерусалиме, поручил высшее наблюдение за этой Миссией Архиепископу Анастасию. Одиннадцать лет Владыка Анастасий руководил работой Миссии, не только сохранив и укрепив ее, но и обеспечив ее процветание.

Дивна судьба Владыки Анастасия. Детство и отрочество его протекало в атмосфере тихих молитв в семье сельского священника. Потом – годы обширного систематического духовного образования – в Духовном Училище, Духовной Семинарии и Духовной Академии, затем монашество и архиерейское служение. 21 год живет он среди величайших русских московских святынь: Св. Троице-Сергиевской Лавры, Успенского Собора, Храма Христа Спасителя, Собора Василия Блаженного, Кремлевских Соборов, Чудова монастыря и других монастырей московских, Воскресенского монастыря («Нового Иерусалима») вблизи Москвы и других старинных церквей в окрестностях Москвы. И, наконец, 11 лет он проводит на Святой Земле, в Иерусалиме. Постоянное длительное соприкосновение с величайшими христианскими святынями наложило на Владыку Анастасия особый отпечаток – отблеск святости.

В 1936 г. скончался Председатель Синода Русской Заграничной Соборной Церкви Митрополит Антоний и его заместителем на этот высокий пост был выбран (предъизбранный самим Митрополитом Антонием) – Митрополит Анастасий.

В своем благодарственном Слове по поводу своего избрания Митрополит Анастасий сказал: «Если всегда власть является крестом, то крест этот делается сугубым ныне, когда зарубежный корабль церковный надо проводить между многими камнями...»

Владыка Анастасий был возведен в сан митрополита еще при жизни Митрополита Антония и более чем за год до его кончины фактически принял на себя руководство Зарубежной Церковью. Первым делом Митрополита Анастасия была переорганизация Русской Зарубежной Церкви в связи с новыми потребностями заграничной жизни русской эмиграции. Было издано Временное Положение о Русской Православной Церкви, по которому она разделялась на четыре (позднее на пять) митрополичьих округа: Ближне-Восточный, Дальне-Восточный, Северо-Американский, Западно-Европейский и Средне-Европейский. Митрополитом Анастасием были приняты все меры для изжития Зарубежной Церковной Смуты и слияния всей зарубежной Церкви в единую церковную организацию, что было одно время почти достигнуто, за исключением епархии Митрополита Евлогия, который остался в юрисдикции Константинопольского Патриарха.

Для укрепления Зарубежной Церкви в 1938 г. был созван 2-й Всезарубежный Собор, с участием клира и мирян. Замечательным памятником этого Собора остались «Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей» (745 стр.). При Архиерейском Синоде был учрежден Ученый Комитет и было издано Положение о нем.

В 1935 г. в Белграде Митрополит Анастасий издал свою замечательную книгу – «Беседы с собственным сердцем». В Предисловии к этой книге Владыка писал так: «Это то, что я думал и чувствовал, чему научил меня жизненный опыт, что, по сродству мыслей и настроений, я усвоил от других людей и

чем – дерзаю сказать – посещал меня Дух, в лучшие минуты моей жизни; эта книга – частица самого меня»... Заканчивается эта книга анализом «страшного, загадочного и мрачного лика Революции». Другая замечательная книга Митрополита Анастасия – «Мысли о пастырстве» – представляет собою плоды 50-летнего Пастырского опыта.

Во время 2-й мировой войны Владыка Анастасий остался на своем тяжком и трудном посту в Югославии. Наступила немецкая оккупация. В Сербской Патриархии произведен был разгром, были осквернены святыни, святым миром солдаты мазали сапоги. Гестапо произвело обыск в покоях Митрополита Анастасия и изъяло делопроизводство Синода.

Самому Владыке Анастасию немцы предложили выпустить специальное Воззвание к Русскому народу с предложением содействовать немецкой армии, будто бы идущей крестовым походом для освобождения России от большевиков. Предложение это было подкреплено угрозой интернирования в случае его неисполнения. Тем не менее Владыка Анастасий отверг это предложение, указав, что при неясности для него немецкой политики и полной невыясненности целей, с которыми немцы идут в Россию – он такого призыва сделать не может.

Обо всем дальнейшем поведении Владыки Анастасия в период немецкой оккупации Югославии, в Лондоне, в 1945 г., сделал важное показание разным церковно-общественным кругам, русским и иностранным, Святейший Гавриил, Патриарх Сербский. Он заявил, что Митрополит Анастасий с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лояльным к сербам, несколько раз подвергался обыскам и совершенно не пользовался доверием немцев.

К концу войны, в виду угрозы Советской оккупации, когда лучшая часть русской многострадальной эмиграции вынуждена была вновь обречь себя на дальнейшее бегство, отбыл с нею и Владыка Анастасий, сначала в Вену, затем в Карлсбад и, наконец, после окончания войны, в Мюнхен, который по воле Божьей оказался центром русской церковной и общественной жизни.

В это время разстроились сношения Зарубежной Русской Церкви с ее отдельными частями и враги Зарубежной Церкви стали разглашать со злорадством, что она окончила свое существование. Не только враги, но и многие деятельные иерархи самой Зарубежной Церкви, в ужасе перед надвигавшимися страшными событиями торжества зла, – поколебались, утратили твердость духа, изменили Родной Церкви и перешли в другие юрисдикции. Но тверд и непоколебим, готовый один до смерти стоять за истинную Церковь Христову, – был Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Митрополит Анастасий, в непрерывной и смиренной молитве за Церковь и Родину подвизавшийся в тишине и тайне своей «духовной горницы». И Господь внял его неотступной смиренной мольбе и явным чудом помог возстановить и воодушевить бывшую почти при смерти Русскую Зарубежную Церковь.

Так как из Мюнхена возстановить связь Синода со всеми частями Церкви по всему миру было невозможно, то Митрополит Анастасий добился разрешения на поездку в Швейцарию, откуда, из Женевы, в короткий срок наладив письменное общение со всеми странами мира, он возстановил с помощью Божьей всю организацию Русской Соборной Зарубежной Церкви.

Закончив эту колоссальную работу, Владыка Анастасий, к Пасхе 1946 г. возвратился в Мюнхен и приступил к исключительно тяжелой и необычайно ответственной работе руководства всей Зарубежной Русской Церковью в новых условиях послевоенной жизни.

В день св. Великомученика Георгия Победоносца, 23 апреля 1946 года, в Мюнхене, Владыка Анастасий собирает Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви (15 архиереев), от которого начинается новый славный этап ее подвижнической жизни. На этом Соборе было вынесено историческое ясное решение вопроса об отношении к Советской Церкви: «Высшее Церковное Управление в России, в лице нынешнего Главы Русской Церкви Патриарха Алексия, неоднократно уже обращалось к зарубежным епископам с

увещанием войти в каноническое подчинение Патриархии, но повинуюсь велениям своей пастырской совести, мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока Высшая Церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью и пока вся Русская Церковь лишена присущей ей по ея Божественной природе истинной свободы».

В краткой статье совершенно невозможно дать полное описание и достойную оценку всей безгранично широкой деятельности покойного Митрополита Анастасия. Но нельзя умолчать о том, что сделал Владыка за послевоенные годы для многих десятков тысяч беженцев (Ди-Пи). По своей исключительной скромности Владыка Анастасий тщательно скрывал свою работу, а потому многие совершенно не знают об этой, быть может, самой славной странице его жизни. Своими святыми молитвами, своим нравственным авторитетом, перед которым преклонялись даже противники Зарубежной Церкви (напр. митрополит Владимир, протопресвитер Ломако, проф. Карташев и др.), своими Посланиями во все мировые Учреждения и ко всем лицам, имевшим мировой авторитет, право и власть, – писал Владыка в защиту многострадальной русской эмиграции. Одновременно он утешал всех скорбящих и унывающих, посещая с великой святыней Зарубежья – Чудотворной иконой Курской Божьей Матери многочисленные лагеря Ди-Пи. Безпристрастная история в свое время скажет свое правдивое слово и об этой стороне деятельности Митрополита Анастасия – этого великого «печальника Русского Зарубежья».

В 1948 г. исполнилось 50 лет пастырской деятельности Владыки Анастасия. Сам Владыка категорически отклонил и запретил чествование этого юбилея. Неумолимо строгий и суровый к себе в течение всей своей жизни и деятельности показавший поразительные примеры личной скромности и глубочайшего смирения, – не мог поступить иначе. Архиерейский Собор, в ознаменование библейски оправданного 50-летнего юбилея, единогласно просил Владыку принять титул «Блаженнейшего», каковой носил его славный предшественник

Митрополит Антоний. Однако Митрополит Анастасий отверг это предложение Собора. Так же скромно прошел и 60-летний юбилей Пастырского служения Владыки в 1958 году. Только трех лет не дожидаясь Владыка Анастасий до 70-летнего юбилея его безмерно-богатого пастырского служения. И только за год до своей блаженной кончины, на 92-м году своей подвижнической жизни, уходя на покой и передав свой жезл правления своему духовному наследнику – Митрополиту Филарету, он был морально вынужден принять, наконец, титул «Блаженнейшего». (Митрополит Анастасий скончался 9 мая ст. ст. 1965 г. в Нью-Йорке. Погребен под алтарем, в склепе, рядом с архиеп. Тихоном, в Свято-Троицком монастыре (Джорданвилл, Нью-Йорк, США).

Взгляд человека – зеркало его души. Это зеркало души Митрополита Анастасия хорошо знали и помнят те, кто имел радость и счастье часто его видеть и беседовать. Обычно Владыка держал свои очи долу или полужакрытыми. И только иногда, как луч солнца в облачную погоду, бросал он взгляд на собеседника. Эти взгляды всегда были выразительны и значительны. Иногда в них светилась тихая печаль и грусть, трогательное сочувствие и понимание, необычайно осторожная внимательность к чужой душе; иногда – глубокая сосредоточенность в себе, скорбь и душевная боль (это – только к близким духовно); порой в них можно было заметить внимательную вежливость, при обилии душевной сдержанности и полной духовной замкнутости (это – к чужим по духу); временами взгляд его сопровождался тонкой нежной и скромной улыбкой, и, наконец, изредка взгляд его лучистых, широко и радостно раскрытых глаз, напоенных до дна пасхальной любовью, вливался прямо в душу собеседника, освещая, согревая и радовывая ее нездешним светом и теплом.

Стоя у подножия огромной горы – невозможно увидеть, понять и оценить все ее величие и красоту. Для этого необходимо отойти от нее на определенное расстояние.

Так и великого человека невозможно понять и оценить современникам. Огромное историческое значение личности и

деятельности великого русского православного святителя – Митрополита Анастасия – станет вполне ясным только в глубокой перспективе времени.

Мы же, его современники, должны горячо благодарить Господа, что сподобил нас жить и общаться с таким великим праведником на нашей грешной земле.

И. А.

**Архиеп. Никон (Рклицкий) († 1976 г.)
Московская Патриархия и Русская
Зарубежная Церковь. (Доклад, сделанный
3/16 ноября 1969 года в Синодальном
доме в г. Нью Йорке.)**

По древнему толкованию священных канонов православный Патриарх для воинствующей Церкви, для народа Божьего, изображает собою Самого Христа, невидимо среди нас пребывающего. Патриарх является отображением божественной славы и любви, средоточием духовной жизни своего народа. Христианская государственная власть должна обеспечить Патриарху возможность осуществления своего призвание на благо народа, и служение его должно протекать в духе и истине.

В истории Русской Православной Церкви, начиная от первого ея главы Митрополита Киевского Михаила, причисленного к лику святых, почти всегда ея Первосвятители стояли на высоте своего высокого призвания. В Русской Церкви первосвятителями были сначала Киевские митрополиты, потом Московские, а в 1589 г. было установлено патриаршество, но этим не было внесено существенное изменение в церковном управлении: главе Церкви, до того времени носившему титул митрополита, был предоставлен титул патриарха наравне с древними восточными патриархами, но его положение в Церкви ни в чем не изменилось. В 1721 г. в управлении Русской Православной Церкви произошло существенное изменение – единоличный глава Церкви, патриарх, ранее митрополит, был заменен коллегией под наименованием Святейший Правительствующий Синод под контролем мирского лица – обер-прокурора. Но Русская Православная Церковь, хотя и была стеснена этим, но продолжала находиться под защитой государства и под покровительством православного Царя. Такое положение продолжалось 200 лет и лишь в 1917 году, после происшедшей революции, было восстановлено в России Патриаршество и на Всероссийский Патриарший Престол был

избран Святейший Патриарх Тихон, которому сразу же пришлось стать перед лицом безбожной большевицкой революции. Советская власть поставила перед собой главные цели – поработить русский народ, уничтожить в нем религию и распространить безбожный коммунизм на весь мир.

Когда вполне определился кровавый и безбожный лик коммунистической власти, Патриарх Тихон по долгу своего служения 19 января 1918 г. анафематствовал советскую власть, известив об этом посланием Русскую Православную Церковь. Это анафематствование сохраняется в силе и по сей день и не потеряет ее пока будет существовать безбожная советская власть. В течение своей дальнейшей страдальческой жизни, до самой своей кончины, последовавшей 25 марта / 7 апреля 1925 года, Святейшему Патриарху Тихону пришлось отстаивать Русскую Православную Церковь не только от безбожной советской власти, но и от различных устраиваемых этой властью провокационных церковных организаций в виде «Живой Церкви», «Обновленческой Церкви» и подобных им групп, поощряемых советской властью. В страдальческой жизни Патриарха Тихона в этот период времени многое, как например его указ о закрытии Высшего Церковного Управления за границей, его завещание и другие акты, опубликованные от его имени, не могут быть признаны выражением его свободной воли. Во всяком случае, Патриарх Тихон был страдальцем от угнетавшей его советской власти, и самая его кончина остается загадочной, был ли он отравлен агентами советской власти или скончался от тех терзаний, которые ему доставляли эти агенты во главе с советским специалистом по церковным делам Тучковым, предъявляя ему волновавшие и неисполнимые для него требования. После кончины Патриарха Тихона неугодные советской власти иерархи были советской властью отправлены из Москвы в ссылки, а некоторые из них замучены или расстреляны, и во главе Русской Православной Церкви оказался Нижегородский Митрополит Сергей, с которым советская власть нашла общий язык. Надо при этом заметить, что в самом начале своего существования а именно 23 января / 8 февраля 1918 года Советом Народных Комиссаров был издан

декрет об «Отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Этот декрет, как и все законодательство советской власти, построен на лжи. Если бы на самом деле Церковь была отделена от советского государства, то этому государству не было бы никакого дела до Церкви, которой должна была бы быть предоставлена полная свобода, как, например, это есть в Соединенных Штатах Америки. На самом же деле советский декрет имеет своей целью – порабощение Церкви с целью полного ее уничтожения. Церковь была лишена всего своего имущества, коммунистическое государство поощряло избиение духовенства, разрушение храмов, осквернение святынь и вело антирелигиозную пропаганду. В то же время советская власть поставила под полный свой контроль деятельность высшего духовенства. Среди высшего духовенства нашлись наряду с исповедниками и мучениками к прискорбию иерархи во главе с Нижегородским Митрополитом Сергием, которые надеялись найти возможность какого то соглашения с советской властью для существования Церкви. 16/29 июля 1927 г. глава Высшего Церковного Управления Митрополит Сергей и вместе с ним члены Временного Патриаршего Священного Синода, очевидно по предварительному соглашению с советской властью, издали декларацию в виде послания к пастырям и пастве о достигнутом соглашении с целью «поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения с Советским Правительством и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования». Выражая лояльность к советской власти, в этом послании было сказано: «мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством... Мы хотим быть православными и в тоже время признавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, подобно Варшавскому (убийство Воровского) сознаются нами, как удар, направленный в нас... Оставаясь православными, мы

помним свой долг быть гражданами Союза не только из-за страха, но и по совести, как учит нас Апостол (Рим. XVII, 5)». Эта декларация, несмотря на лежащую в ее основе, казалось бы, добрую цель найти возможность существования Церкви в безбожном государстве, – вполне анти-евангельская и анти-христианская, так как она требует от Церкви – лжи.

Как справедливо было указано в Окружном Послании Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей от 28 августа / 9 сентября 1927 года, Послание митрополита Сергия преследует недостижимую цель – установить неслыханный и неестественный союз между безбожной властью и Святой Православной Церковью. Скажем словами Апостола: какое общение праведности с беззаконием? что общего у света с тьмой? какое согласие между Христом и Велиаром? (2Кор. 6, 14–15). Радости советской власти – оскудение веры и благочестия, умножение беззакония, развращение людей, разрушение Церкви, страдание верных чад Божиих, пролитие крови праведных, насаждение на земле царства диавола. Может ли это быть радостью для Церкви, как вопрошает послание нашего Архиерейского Собора?... Когда-то до революции, Митрополит Сергей был близким другом нашего Митрополита Антония и вот теперь, после этой декларации, в ответ на вскоре последовавшее требование Митрополита Сергия, предъявленное к заграничному духовенству о выражении им лояльности к советской власти, Митрополит Антоний послал Митрополиту Сергию письмо в котором писал. «Умоляю вас, как бывшего ученика и друга своего, освободитесь от этого соблазна, отрекитесь во всеуслышание от всей той лжи, которую вложили в Ваши уста Тучков и другие враги Церкви, не остановитесь перед вероятными мучениями. Если сподобитесь мученического венца, то Церковь земная и Церковь небесная сольются в прославлении Вашего мужества и укрепившего Вас Господа, а если останетесь на том пространным пути, ведущем в погибель (Матф. 7, 13), на котором стоите ныне, то он безславно приведет Вас на дно ада, а Церковь до конца своего земного существования не забудет Вашего предательства. Об этом я мыслю всегда, когда

взираю на подаренную мне Вами 20 лет тому назад панагию Владимирской Божией Матери с выдвленной надписью: «Дорогому учителю и другу». Дальнейшие слова этой надписи отмечены Вами так: «Дадите нам от елея Вашего, ибо светильницы наши угасают» (Матф. 25, 3). Вот мы и предлагаем Вам спасительный елей веры и верности Св. Церкви, не отвергайте же его, а воссоединитесь с нею, как в 1922 г., когда Вы торжественно заявили Патриарху Тихону свое раскаяние в бывшем колебании Вашей верности».

Ответа на это письмо от Митрополита Сергия не последовало. Декларация Митрополита Сергия вызвала глубокое потрясение в Русской Православной Церкви. Хотя Русская Церковь в это время и была гонимой, но из 77 тысяч храмов, существовавших в России до революции, громадное большинство продолжало существовать. Со всех концов земли раздались голоса протестов иерархов, священников и мирян. Иерархи говорили: «Молчать мы можем, но говорить неправду не можем», таковы были слова Митрополита Петра. Наиболее горячие протесты были написаны – епископом Виктором Вятским, Архиепископом Пахомием Черниговским и его викарием епископом Дамаскиным Глуховским, митрополитом Кириллом Тамбовским, Митрополитом Иосифом Ленинградским, епископом Димитрием Гдовским, епископом Серафимом Угличским. Епископ Дамаскин в своем послании писал: «Одно из двух, или Церковь действительно непорочная и чистая невеста Христова, Царство Истины, и тогда истина – это воздух, без которого мы, ея члены, не можем дышать, или же она, как и весь мир, лежащий во зле, живет во лжи и лжи, и тогда все ложь, ложь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство». Целый ряд иерархов, во главе с митрополитом Агафангелом и Митрополитом Иосифом Петроградским, Соловецкими узниками и другими, отказались от канонического общения с Митрополитом Сергием, и тогда Церковь разделилась на Сергиан и Иосифлян, причем последние подверглись жесточайшему гонению со стороны НКВД и уцелевшие ея исповедники ушли в катакомбы. Недавно, через 40 лет после издания Декларации, журнал Московской Патриархии сообщал,

что Московской Патриархии удалось справиться с Иосифлянским расколом. Однако, и теперь, до самого последнего времени, появляются в советской России члены истинно Православной Церкви, принадлежность к которой квалифицируется советской властью, как тягчайшее преступление.

Советская власть широко использовала декларацию Митрополита Сергия и превратила высшую церковную власть в Москве в свое пропагандное учреждение, состоящее под строгим контролем советской власти, для чего было создано ею специальное учреждение, получившее впоследствии наименование «Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР», теперь возглавляемое неким коммунистом Куроедовым. После издания декларации Митрополит Сергей был совершенно безсилен для защиты Церкви. Виднейшие русские архиереи во главе с митрополитом Петром, Арсением, Кириллом, Агафангелом, архиереи и священники, заключенные в Соловках, продолжали оставаться в ссылке и там скончались или были замучены, а некоторые из них и разстреляны, в Москве был разрушен храм Христа Спасителя, Иверская часовня, Чудов монастырь и было намечено к сносу 120 церквей в Москве; продолжал осуществляться план советской власти к полному уничтожению Православной Церкви в России, продолжались разстрелы духовенства, собранного в особых лагерях. Вот, например, одна из характерных радиопередач в Москве в 1929 году: «Сообщаю вам, товарищи, торжественную радость. В Хабаровске вывели в расход 72 долгогривных. Один долгогривный был шесть лет в тюрьме, морили его так, что и собака издохла бы, а он все-таки оставался, пришлось потратить на него лишнюю пулю». Митрополит Сергей при всем этом не только должен был молчать, но и деятельно служить советской власти. Вскоре после своей декларации он должен был заявить иностранным корреспондентам в специально созданной торжественной обстановке – его заставили облачиться в архиерейское облачение – о том, что в советской России никогда не было религиозных гонений, а были преследования духовенства за

политические преступления... Нисколько не помогло Церкви в те страшные годы, что она ничего не предпринимала к ниспровержению коммунистического строя, никого не призывала к оружию против безбожной власти и повиновалась всем распоряжениям советской власти, с точки зрения которой Церковь должна была быть уничтоженной и систематически уничтожалась. Митр. Сергей оставался молчаливым зрителем всего Сталинского террора. К 1941 году Русская Православная Церковь находилась в тягчайшем положении. Но вот наступила вторая мировая война. Красная армия терпела жестокие поражения, советская власть находилась на краю гибели и Сталин бросился за помощью к Церкви. С разрешения или по требования советской власти Митрополит Сергей стал энергично звать русский народ защищать свою православную веру и национальность от нашествия фашистов. Он во время войны выпустил 23 послания на эту тему, в том числе и к красным партизанам. В этом послании он между прочим писал: «у русских людей, у всех, кому дорога отчизна, сейчас одна цель – во что бы то ни стало одолеть врага. У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертоносную ненависть к врагу...». Мог ли так написать православный пастырь? И это пишет тот самый Митрополит Сергей, который в своей декларации осудил убийство Воровского, убийцы русского Царя. В таких же тонах писали обращение к народу нынешний Патриарх Алексей, тогда Ленинградский митрополит, и другие иерархи их единомышленники. В результате по словам Патриарха Алексия «Московская Патриархия создала нравственные условия победы, которые в значительной мере изменили ход военных событий». Видя, что Московская Патриархия оказывает советской власти столь ценные услуги, советская власть в 1943 году провозглашает митрополита Сергия патриархом, а после его кончины, при чем обстоятельства его кончины неизвестны, в 1945 году провозглашает Патриархом Алексия в присутствии сvezенных советской властью восточных патриархов, пораженных блеском

победы советской России над Германией. Однако, для того, чтобы Патриарх не был бы ни в какой степени опасным для советской власти, он подчиняется так называемому «Совету по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров», в действительности отделению НКВД, и в самое положение о Патриархе вносятся существенные изменения сравнительно с каноническими правилами, определяющими положение Патриарха, как первоиерарха Церкви. Московский Патриарх имеет печать и штамп, зарегистрированные советской властью. В этом отношении он становится на один уровень со всем духовенством, подлежащим советской регистрации... Отказ советской власти в регистрации, как и любого священника, лишает возможности какой бы то ни было деятельности. Патриарх не подотчетен никакому церковному учреждению, ни Патриаршему Синоду, ни Собору Архиереев, председателем и как бы избранником которых он является, он не ответствен перед этими органами высшей церковной власти. По отношению к епископам советский Патриарх является не первым среди равных, а их начальником. Патриарх своим единоличным указом назначает епископов, награждает и переводит. Таким образом синод и собор епископов являются только декорацией церковного управления. На самом деле патриарх подчинен только советской власти через уполномоченного ею коммуниста, стоящего во главе так называемого «Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров», каковым в настоящее время является некий коммунист Куроедов, а перед ним был Карпов, который куда-то исчез: он, повидимому, не мог удержать роста русских церквей.

При таком избрании и положении Московского Патриарха, как известно, Русская Зарубежная Церковь, возглавляемая тогда приснопамятным Митрополитом Анастасием решительно отказалась признать законность избрания патриарха и отказалась от подчинения ему. Митрополит Анастасий в своем послании, последовавшем в ответ на послание Патриарха Алексия, вскоре после его избрания с призывом к Зарубежной

Церкви воссоединиться с Московской Патриархией, решительно от этого отказываясь, писал:

«В угоду советской власти даже высшие и наиболее ответственные церковные власти не стыдятся распространять повсюду заведомую неправду. Ложь всегда гнусна и отвратительна. Блаженный Августин говорит, что, если бы весь мир висел на волоске и им бы была ложь, – он без сожаления бы пресек эту тонкую нить, предпочитая, чтобы мир погиб, чем коснеть в неправде. Для служителей Церкви ложь является сугубым преступлением. Если тот, кто признан быть верным служителем Христовым, сознательно лжет перед своей совестью, перед людьми и Богом, то он поистине становится повинным в грехе хулы на Духа Святого, за который Христос Спаситель строго осудил фарисеев...».

К такому печальному в духовном отношении положению и пришла Московская Патриархия, отрицая гонения на религию, которых будто бы не было и нет в советской России. Но еще более ужасную ложь произнес Патриарх Алексей 11 мая 1955 года на пятой Всесоюзной конференции мира в Москве. Восхвалив вселенскую миссию мира, Патриарх сказал: «Русская Православная Церковь едина со всем нашим народом. Она всецело поддерживает миролюбивую внешнюю политику нашего правительства, не потому, что, как говорят наши недруги, она якобы не свободна, а потому, что эта политика справедлива и соответствует христианским идеалам. проповедуемым Церковью...».

Вот исходя из этой лжи Московская Патриархия усиленно и поддерживает внешнюю политику советской власти. Приведем несколько примеров. В 1953 году во время войны в Корее советская пропаганда пустила ложь, будто бы американцы в Корейской войне прибегают к бактериологической войне, т.-е. пускают среди корейцев микробы заразных болезней. Сейчас же Московский Патриарх поддерживает эту ложь. «Русская Православная Церковь осудила агрессию в Корее и подняла свой голос в защиту мира. А когда агрессоры стали применять в Корее и в Китае бактериологическое оружие, от которого пришел в ужас весь мир, Русская Православная

Церковь выразила свой гневный протест против этих зверств». В 1957 году, когда произошло возстание в Венгрии, Патриарх заявляет: «Темные силы не дремлют и по сей день... Они развязали кровопролитие в Венгрии, дружественной нам стране. Они и сейчас засылают в негодные им страны своих агентов, шпионов и убийц...». В 1960 году во время конфликта в Париже Хрущева с президентом Айзенхауером – «Мы полностью, говорит Патриарх, поддерживаем заявление Н. С. Хрущева в Париже о позорном поведении США в отношении советского союза. Я позволю себе выразить уверенность в том, что... руководители США осознают всю безнечность своих поступков и сделают возможным в свое время это совещание на высшем уровне». В 1960 году, когда Хрущев своим грязным сапогом стучал в ООН – «Я всецело одобряю усилия Правительства моей страны и лично Председателя Совета Министров Н. С. Хрущева... которые с необычайной силой, неотразимой логикой и глубокой заботой о жизни и процветании человечества изложены на 15 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Сам Бог мира да освятит во всей полноте всех людей, сеющих семена добра и правды (1Фес. 5, 23)». И так каждый раз, когда возникает какое-либо международное событие или осложнение, Московский Патриарх выступает в защиту своего коммунистического правительства. Он очень обеспокоен соглашением Европейских государств для самозащиты от нашествия большевиков, вооружением западной Германии. Он одобряет советскую интервенцию в Чехию для подавления тех проблесков свободы, которые обнаружились в этой стране. Он беспокоится о судьбе греческих коммунистов, притесняемых греческим правительством. Он озабочен вопросом о скорейшем выводе американских войск из Вьетнама, чтобы дать возможность большевикам поработить эту страну и распространить свою власть на всю Азию. Единственно, о чем молчит Московский Патриарх: о рабском положении русского народа под пятой безбожной власти, о неумолкающей антирелигиозной пропаганде в Советском Союзе, о воспрещении там распространять Св. Евангелие и святые иконы.

Московский Патриарх уже много лет прославляется советской властью, как «выдающийся борец за мир». На самом деле эта борьба за мир Московской Патриархии есть позорное и постыдное соучастие ея в преступлениях советской власти, направленных против свободных пока еще народов мира. В 1967 году, а также в июле месяце настоящего года в Троице-Сергиевской Лавре в течение четырех дней, яко бы по приглашению Московского Патриарха, происходила конференция представителей всех религий в СССР «за сотрудничество и мир между народами». На эту конференцию приехали из заграницы в том числе и из Америки 122 религиозных деятеля из 38 стран. Открывая конференцию, Патриарх Алексий сказал: «Жажда мира и братства свойственна людям от природы и наш религиозный долг, наше человеческое сознание побуждает нас возгревать эти врожденные чувства и стремиться бороться со всем тем, что стоит на пути их осуществления в повседневной жизни народов, со всем тем, что в наши дни служит источником международного напряжения, что создает очень сложную обстановку в мире». Затем слово было предоставлено фактическому главе Московской Патриархии В. А. Куроедову, который после своей речи огласил приветствие так называемого Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Являющийся первым лицом в Московской Патриархии после Патриарха, Митрополит Никодим заявил: «Совсем недавно мы, верующие люди, услышали призыв обращенный к нам со стороны международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий, собравшихся в Москве, к совместным действиям к защите и укреплению мира. И мы заявляем о готовности объединить наши усилия с усилиями нерелигиозных братьев (новое определение безбожных коммунистов – «нерелигиозные братья» – точнее было бы сказать «наши братья в сатане») в совместном служении прочному и справедливому миру и сотрудничеству между всеми народами земли». Этой религиозной конференцией были приняты, конечно, единогласно резолюции по Вьетнаму, по европейской безопасности, по конфликту на Ближнем Востоке, по проблемам

колониализма, расизма, апартеида и по другим вопросам, само собой понятно в полном согласии с политикой советской власти. На этой конференции участвовал и представитель Церкви Братьев из США д-р Рау, который заявил, что Московская конференция является как бы прелюдией к подготовке в сентябре месяце 1970 года всемирной конференции религий в г. Киото в Японии. Не трудно видеть в связи с тем, что теперь происходит во Вьетнамском вопросе, как подготавливается распространение коммунизма во всей Азии. И такое движение – мировое разбойничество – происходит при участии и даже при покровительстве Московской Патриархии. Какой ужас! Какой позор! Воистину, исполняются слова св. Апостола Павла – «Таковые лже-апостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно потому, что сам сатана принимает вид Ангела Света. А потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды: но конец их будет по делам их» (2Кор. 11, 13–15).

Мы не знаем тех взаимоотношений, которые фактически существуют между Московской Патриархией и так называемым «Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР». Можно предполагать, что интересы этих учреждений совершенно противоположны. В советской России существует несколько тысяч православных храмов, в которых при большом числе верующих совершаются богослужения, забота о церковной жизни этих храмов составляет большую и трудную задачу Московской Патриархии и вряд ли Московскую Патриархию могут серьезно интересовать международные вопросы коммунистической политики – Корея, Вьетнам, греческие коммунисты, Чехословакия и все то мировое коммунистическое движение, которым руководит коммунистическая власть, и Московская Патриархия несомненно притянута к участию в преступлениях советской власти насильно, за это ей дают возможность как-то жить, существовать и как-то поддерживать церковную жизнь в советской России, это плата за существование Московской Патриархии в коммунистическом государстве. Но все же преступление, добровольное или насильственное, остается

преступлением, ложь, добровольная или насильственная, остается ложью. Такой образ действий церковной власти противоречит св. Евангелию и всей истории Церкви. Когда древних мучеников заставляли бросать только щепотку ладана на языческий жертвенник, они отказывались и принимали за то смерть. Могут на это возразить, что иерархов Московской Патриархии не заставляют отречься от Христа, они служение исполняют по церковным правилам, а их политическим заявлениям никто не верит и не придает им никакого значения, так как все знают, что они это делают по принуждению, ради церковной пользы. Не так, однако, повелевает Господь, Который сказал, что «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоан. 4, 23). И еще предупредил Господь, что в день Своего пришествия Он скажет подобным деятелям, действовавшим от Его имени: «говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды» (Лук. 14, 27). Так что истина обязательна для церковных служителей и ложь в их устах не может быть оправдана никакой церковной пользой.

Вот в свете такого положения Московской Патриархии и происходят все ее выступления против Русской Зарубежной Церкви. Отметим некоторые из них за последнее время. 26 декабря 1966 года Патриарх Алексий дал интервью советской газете «Голос Родины», рассылаемой в эмиграции, в котором, осуждая «Карловацкий раскол» т.е. Русскую Зарубежную Церковь, сказал о нас следующее: «В изданиях Карловацкого раскола и в некоторых органах эмигрантской прессы, помещается много материалов, направленных против нашего Отечества. (Это уже вопиющая ложь – эмигрантская пресса пишет не против Отечества, а против коммунистической власти, поработившей Отечество, и это ради его освобождения). Далее Патриарх говорит: «такого характера клеветнические высказывания оскорбительны для нашего народа и для наших верующих. Они основываются на грубых вымыслах и исходят от злой воли людей, многие из которых считают себя христианами и даже церковными руководителями. Весь этот материал носит политический характер и направлен

на причинение зла нашему Отечеству, дезинформируя тех, кто по тем или иным обстоятельствам проживают за пределами нашей родины. Упоминаемая зарубежная пресса выступает против Святой Русской Православной Церкви, любимой нашими верующими и уважаемой всеми Православными и инославными Церквями мира. Эта пресса не только оскорбляет религиозные чувства наших верующих, но и приносит большой вред Православию и христианству в целом, ибо она сеет вражду между людьми и, прибегая к лжи, творит антихристианское дело. Мы надеемся, что те из наших соотечественников за рубежом, которые все еще верят этим клеветам, найдут в себе силы прозреть и отступить от подобных злоречивых духовных руководителей. Мы верим, что правда победит и истина восторжествует». Такова жуткая «правда и истина» Московского Патриарха! В номере 4-м Журнала Московской Патриархии за 1969 г. известный перебежчик к большевикам из эмиграции А. Казем Бек поместил статью «Прошлое и настоящее Парижского раскола». В этой статье о Русской Зарубежной Церкви написано следующее: «Это принявший характер какой-то темной, безнадежной и мертвящей озлобленности Карловацкий раскол, второе поколение которого ведет его уже по пути отрыва от всего христианства. Карловчане в фантасмагорической гордыне своей все еще считают себя «солью земли», чуть ли не единственными в мире христианами, обзывая слугами сатаны Восточных Патриархов и Папу римского за сношения с Русской Церковью» – это опять ложь, мы так не называем Восточных Патриархов, а только скорбим о том, что Апостольские Патриаршие Престолы омрачают себя сношениями с Московской Патриархией, служащей безбожной власти. Далее Казем Бек говорит: «Карловчане считают себя истинно Русской Церковью, ни более ни менее». Добавим от себя – да, считаем себя истинно Русской Церковью вместе с истинно Православной Церковью и ее служителями, гонимыми в советской России безбожной властью.

Скажем мы еще. Слава Богу, что существует Русская Зарубежная Церковь.

Она хотя отчасти искупает тот позор, который кладет на служителей Русской Церкви теперешняя Московская Патриархия. В советской России происходят теперь явления, которых там раньше не было. Все чаще и чаще доходят за границу мужественные голоса русских людей, обличающих советскую власть и вот в одном недавно опубликованном обращении к советской власти, подписанном группой мужественных женщин, сказаны такие слова: «Мы, русские христиане, глубоко сожалеем о том, что своих защитников Русская Православная Церковь находит в лице мирян и рядовых священников, а не в лице епископата Русской Церкви, многие представители которой являют собой бесплодную смоковницу и находятся в полицейском подчинении у совета по делам религии».

Приведенные выступления Московской Патриархии против Русской Зарубежной Церкви советская власть очевидно сочла недостаточными и 5 сентября текущего года в «Известиях», главном органе советской власти, помещена статья под названием «Не одними молитвами... (антисоветские происки церковной эмиграции)». В этой статье вспоминаются главные события Русской Зарубежной Церкви, конечно, в советском освещении, поносится Архиепископ Женевский Антоний за разсылку в советской России религиозной литературы, хотя и не объясняется, что в этом плохого, почему антирелигиозную литературу можно распространять, а религиозную – нельзя при той свободе для религии, которая будто бы существует в советской России по авторитетному удостоверению Московской Патриархии. «Известия» вспоминают церковную и патриотическую деятельность Блаженнейшего Митрополита Антония, память о котором очевидно живет в Русской Православной Церкви, осуждают наш Архиерейский Синод «и вспоминают» Архиерейское Собрание в Вене, созванное в 1943 году под покровительством фашистских властей, которое активизировало антисоветскую деятельность русских эмигрантов. «В конце войны, говорят «Известия», Митрополит Анастасий служил молебен «во здравие» (молебны служатся, г.г. советчики, не во здравие, а о здравии и спасении)

власовцев, в которых он видел освободителей России». В этом отношении «Известия» правы. Митрополит Анастасий, так же, как и его великий предшественник, Митрополит Антоний, молились, как и теперь молится вся Русская Зарубежная Церковь, об избавлении Отечества от коммунистической власти. Мы молимся так: «Отечество наше от лютых безбожников и власти их свободи. Верных рабов Твоих, в скорби и печали день и ночь вопиющих к Тебе, многомилостиве Боже, наш многоболезненный вопль услыши и изведи из истления живот их. Подаждь же мир и тишину, любовь и утверждение и скорое примирение людям Твоим, ихже честною Твоею кровию искупил еси, но и отступившим от Тебе и Тебе неищущим явлен буди во еже ни единому от них погибнути, но всем им спастися и в разум истины прийти, да вси в согласном единомыслии и непрестанной любви прославят пречестное имя Твое, терпеливодушне незлобиве Господи, во веки веков».

Приснопамятный Митрополит Анастасий, у которого было высоко развито чувство долга и чувство ответственности и который жил и служил в духе и истине, завещал нам, его послушникам, и всей своей Зарубежной пастве, чтобы мы не имели никакого общения с представителями Московской Патриархии, пока она служит безбожной власти, не только церковно-богослужебного, но и бытового, дабы и самим не втянуться в то болото, исполненное крови, лжи и мерзости, из которого состоит советская власть.

В этом и состоит священное призвание Русской Зарубежной Церкви: хранить истину, как повелел Господь, как свидетельствуют исповедники и один из них Архиепископ Дамаскинъ, звать русскую эмиграцию и русский народ к духовному возрождению и к избавлению России от безбожной коммунистической власти. Мы верим, что молитвы наши и многострадального русского народа будут услышаны, и наступит желанный день, когда русский народ и русские воины свергнут нечестивую власть, и возстанет Святая Русь в славе, величии и красоте и прославит своих исповедников, мучеников и защитников, принявших мученическую кончину от безбожной власти.

Вот заключительные слова Завещания Митрополита Анастасия: «Дорогим моим братьям, сопастырям и сослужителям во Христе завещаю непоколебимо стоять на камне святого и спасительного Православия, свято хранить апостольское предание, блюсти братское единение, мир и любовь между собою и оказывать тому, кому Бог укажет быть после меня, вести корабль Зарубежной Церкви, оказывать такое же доверие и творить такое же послушание взаимной любви, какое они всегда оказывали моему смирению».

«Краеугольным камнем для их взаимных отношений да послужит 34 апостольское правило, где так глубоко и ясно выражен дух соборного управления в Церкви».

«Что касается Московской Патриархии и ее иерархов, то поскольку они находятся в тесном, деятельном и доброжелательном союзе с Советской властью, открыто исповедующей свое полное безбожие и стремление насадить атеизм во всем русском народе, то с ними Зарубежная Церковь, храня свою чистоту, не должна иметь никакого канонического, молитвенного и даже простого бытового общения, предоставляя в то же время каждого из них окончательному суду Собора будущей свободной Русской Церкви».

Завещание это было составлено Митрополитом Анастасием в 1957 году за восемь лет до его кончины.

Н. Р. Бобров († 1970 г.) Открытое письмо православным русским людям [по поводу «автокефалии» Американской митрополии].

«Они вышли от нас, но не были наши; ибо, если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши» (1Иоан. 2, 19).

Итак, порочный круг, наконец, сомкнулся. Многолетние блуждания, многократные колебания, клятвы в верности, обман – в предательстве, ложь, клевета и инсинуации – завершились естественным концом – «духовной смертью», наглядным превращением «американской митрополии» в «церковный труп».

«Затея с получением «автокефалии» имеет, т.-ск., – свою «историческую давность». Ее пытался осуществить, правда кустарным способом, еще митрополит Платон. «2-го февраля 1927 года митр. Платон собрал «священный синод» из подведомственных ему епископов. Председателем его назначил сиро-араба Евфимия, еп. Бруклинского, которому предложено было составить конституцию «святой восточной православной кафолической и апостольской церкви в Северной Америке». Через 6 месяцев, 14 сентября, созданный Собор епископов ее одобрил и принял в составе митр. Платона и пяти епископов: Евфимия, Феофила, Амфилохия, Арсения, и Алексия.

Затем она утверждена была гражданским путем по законам штата Массачусеттса и 1 декабря объявлена.

19 декабря 1927 года от имени «Святейшего Синода Американской Православной Кафолической Церкви» разослано было всем главам Поместных Церквей уведомление об основании в Америке нового и юнейшего члена семьи Православной Кафолической церкви, – независимой, автономной и автокефальной Американской церкви. Учредители этой «автокефалии» решили объединить все национальные православные группы в Америке и организовать их под своим

главенством. Чтобы легче и скорее достигнуть этого, новая американская церковь, с одной стороны, лишает национальных названий всех объединяемых ею православных церквей, а, с другой стороны, вводит в богослужение английский язык, как могучее средство для такого объединения.

Для безпристрастия и доказательства интернационального характера новой церкви, Церковь делается «чисто Православной», не русской.

Декларация об этом гласит следующее: «Принимая во внимание, что Русская Церковь теперь неспособна нести ответственность за Православие в Америке и должным образом проявить свой авторитет, по причине патриаршего хаоса в России, который может продлиться неопределенное время... эта ответственность за Православие и за проявление сего авторитета Церкви в Америке, фактически остается теперь на нас, как канонических русских епископах в Америке... Мы повелеваем одному из наших членов, архиеп. Евфимию Бруклинскому позаботиться о благоустройстве Американского православия в собственном смысле православного католического народа, рожденного в Америке и главным образом говорящего по-английски, или других американских жителей и народов, какой бы ни было национальности, или лингвистической группы или происхождения... тех, которые пожелают сами присоединиться к автономной независимой Американской Православной Католической Церкви... Уполномачиваем учредить, организовать, основать, возглавить, вести, контролировать и поддерживать определенную, независимую и автономную ветвь Православной Католической Церкви, которая да будет известна, законно установлена и общепризнана, как святая, восточная, католическая и апостольская Церковь в Северной Америке».

Митр. Платон окончил свою затею вскоре, потому что она встретила осуждение от всех церквей, а первый председатель «синода автокефальной американской церкви» Евфимий (Офиеш), архиепископ Бруклинский, в 1933 году женился и лишился сана. Спустя несколько месяцев не стало и возглавителя «автокефального конфуза» – митр. Платон умер

7/20 апреля 1934 года, но «автокефализм» значительно пережил его. Все эти годы, вплоть до года 1969-го, шла напряженная работа по изысканию иных и любых способов получения заветной «автокефалии». Подбирался соответствующий контингент активных «работников», которым любые средства были приемлемы для получения «самовозглавления». Основным поставщиком такой безпринципной и антицерковной рабочей силы стал французский Париж, точнее, парижский питомник свободных «богословов» – духовная «академия» – детище небезизвестного учинителя церковного раскола митр. Евлогия.

Кто такой митр. Евлогий и какое благотворное влияние мог оказывать он на питомцев созданного им «духовного» учебного заведения в Париже? Не говорим уже о том, что, будучи монахом и носителем высокого архиерейского сана, он сознательно творил церковное беззаконие и увлекал за собой доверчивых простофиль.

Не будет ли ответом на этот вопрос заметка, заимствованная нами из издававшегося в Париже журнала «Двуглавый Орел» № 20 за 1928 год.

«Новое о советском митрополите Евлогие».

«В **Триэсэрии** успешно подвизается советский народный судья, товарищ Георгиевский. Как известно, советская власть назначает в народные судьи исключительно проверенных партийцев-коммунистов. Этот товарищ Георгиевский – родной брат заграничного советского митрополита Евлогия. Братья ведут между собой оживленную переписку, и советское ГПУ сему ни мало не препятствует. Оно и понятно. Кстати, в Италии одно почтенное и заслуживающее доверия лицо было как-то в гостях у знакомого кардинала. Разговор зашел об евлогианской смуте. Кардинал заметил, что поведение Евлогия его не удивляет, ибо от фран-масона можно всего ожидать. Русский собеседник усумнился, чтобы православный архиерей мог стать масоном. Тогда кардинал приказал подать книгу с секретным списком... масонов, и в этом списке, под № 3, оказался архиепископ Евлогий, который, по сведениям католических разведчиков, вступил в масонскую ложу задолго до революции – едва ли не в бытность его членом 3-й Государственной Думы. Примечательно, что секретный католический список был отнюдь не новый и, видимо, составлен был еще в то время, когда митрополит Евлогий пребывал в России. *Силуянов*».

Как теперь должно быть ясно для всех, в том числе и для возглавителей русско-американской митрополии, роковую роль для «духовной смерти» митрополии сыграл Кливландский Собор, точнее, незначительная числом, но активная и наредкость единомышленная группа... «интеллигентных» людей, перекочевавших в Америку из Парижа, которые в руководстве церковными делами нашли здесь, по выражению соловчанина о. Михаила Польского, «точку приложения своих сил». «Те-же», подчеркивает о. Михаил, «кто «помогали» митр. Евлогию, стали здесь помогать митр. Феофилу»... за откол митрополии от Синода Зарубежной Русской Церкви и за вхождение в «юрисдикцию» советской «патриархии».

На стр. 122 большого и ценнейшего труда «Русская Православная Церковь в Северной Америке» (Историческая справка. Джорданвилль 1955 года, 224 страницы) есть такие строчки:

«Но постепенно стала проявляться «работа» сил разрушения. Определенная группа вела компанию против митрополита Анастасия. Важность разрыва с «Карловцами» всячески старался доказать архимандрит Иоанн (Шаховской), присутствовавший на Соборе в качестве «гостя», в то время, как явствует из той же «Исторической Справки», ни митрополит Феофил, ни архиепископ Леонтий (впоследствии митрополит) «до самого начала Кливлендского Собора не хотели прерывать связи с Архиерейским Синодом и не без тяжелой борьбы уступили потом просоветской стихии Собора» (о. М. Польский).

В большой статье «Церковная и Личная Политика» (церковный журнал «Православная Русь» № 13 за 1956 год), протопресвитер о. Михаил Польский, говоря о «разрушительной» роли архимандрита Шаховского на Кливлендском Соборе, достаточно обоснованно отмечает всю ничтожность «доводов» архимандрита за разрыв митрополии с Синодом:

«Взяв на себя эту миссию, еп. Иоанн (Шаховской) продолжает ее до сего дня. В мартовском номере «Рус.-Ам. Правосл. Вест.»... он вспоминает монархическое выступление первого Церковного Собора в Карловцах в 1921 г... неясно намекает на «всю германскую тяжелую эпопею и церковную политику Русского Зарубежного Синода там, но... нашел все же нужным заявить «к чести Владыки Митрополита Анастасия», что он отделял себя от всяких течений, чуждых духу Церкви и что он, конечно, не был «гитлеровцем»»...

«Еп. Иоанн делает вывод, что-де «справедливо русская просвещенная и верующая интеллигенция Парижа.... от таких явлений и нецерковных влияний отмежевалась» и питает «недоверие к церковному центру», бывшему в Сремских Карловцах. «Не очевидно ли нам теперь», констатирует о. Михаил, «что на таковое отмежевание эту интеллигенцию толкала своя, другая политика?... Неужели просоветская

политика Кливлендского Собора 1946 года, в которой участвовал еп. Иоанн, была более церковной, чем монархическая политика I-го Зарубежного Собора 1921 года?... И если речь шла о личной «политике митрополитов Антония и Анастасия, то позволено говорить и о личной «политике» еп. Иоанна, которая навряд-ли достойна этого серьезного названия, потому что она руководится принципом – быть на той стороне, которая в данный момент имеет успехи...».

Что-же побудило архимандрита Шаховского в прошлом и заставляет епископа Шаховского в настоящем так энергично выступать письменно и устно против Синода Русской Православной Церкви Зарубежной, фактически не имея никаких для этих, чисто митинговых, выступлений данных, разве только фейерверк слов и бессмысленность фраз с стремлением не сказать... ни «да», ни «нет»?

Разрушительная антицерковная «деятельность» парижского митр. Евлогия и американского митр. Платона – понятны: об этом уже много написано и документально доказано. Но... архимандрит Шаховской – смешно же говорить о несбыточных мечтах быть когда-нибудь ему в лоне подлинной Православной Церкви... «сам себе головой»?

«Вспомним, что говорил о себе преп. Досифей, когда приходил ему помысл тщеславиться в больничном послушании: «ты хорошо делаешь постель, но хороший ли ты монах». Ты с претензией «оратор», но какой ты руководитель Церкви? «Когда слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Матф. 15, 14). А слепота налицо... И яма для «американской церкви» оказалась налицо, ибо «лоно» Московской Патриархии... совсем не «лоно Авраама», а ад насилия и неправды».

Край завесы, за которой скрывается эта «разгадка», приоткрывает узник советчины – «соловчанин» о. Михаил Польский:

«Надо полагать», пишет о. Михаил, «что только ценой своей «работы» на Кливлендском Соборе и выступлением в печати на защиту московской патриархии (см. «Церковный Дневник» еп. Иоанн, «Н. Р. Слово» 11 апреля 1948 года) и *неизвестно* еще чем, еп. Иоанн мог умилоствовать советские круги и их

тогдашних русских попутчиков заграницей, после своего прогитлеровского выступления в Германии. Не только ни одна эмигрантская газета попутчиков, но даже коммунистический «Русский Голос» в Америке, нещадно и постоянно, без прогитлеровских документов и доказательств, поносивший Архиерейский Синод... ни одним словом не обмолвились об этом печатном выступлении архимандрита Иоанна, ныне епископа С. Францисского.

Приводим этот документ полностью, подчеркнув те места, которые, среди светлых его надежд и претензий на пророческий дух предведения, указывают на симпатии и оценки среды и момента автора этого документа:

«Близок час».

«В крови и грязи пришедшее, уйдет в крови и грязи. Человеконенавистническая доктрина Маркса, вошедшая в мир войной – войной исходит. «Я тебя породил, я тебя и убью!» кричит сейчас война большевизму. До каких дней желанных, под-Советской, и Зарубежной России довелось дожить. Не сегодня-завтра откроются пути свободной жизни, **свободного исповедания веры Христовой**, свободных слов о Боге. Пред своей кончиной в Москве, в начале большевизма, афонский старец, праведный о. Аристоклий сказал такие, буквально записанные (людьми, автору сих строк близкими) слова: «Спасение России придет, когда немцы возьмутся за оружие». И еще пророчествовал: «Надо будет русскому народу пройти через многия еще унижения, но в конце он будет светильником веры для всего мира». Кровь, начавшая проливаться на русских полях с 22 июня 1941 года, есть кровь, льющаяся вместо крови многих и многих тысяч русских людей, которые будут скоро выпущены из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью. Лучшие русские люди будут скоро отданы России. **Лучшие пастыри будут отданы церкви**, лучшие ученые – русской науке, лучшие писатели – народу, отцы – детям своим и дети – родителям; к женам вернутся с далекого севера любимые мужья; сколько друзей разосланных вновь соединятся... Невозможно себе представить сколько будет радости людям... Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение.

Кровавая операция свержения Третьего Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно. У каждого народа есть свои качества и дары. Операция началась, неизбежны страдания, ею вызываемая. Но невозможно было Провидению далее выжидать свержения безбожного интернационала рукою сосланных и связанных на всех своих местах русских людей.

Невозможно было долее ждать, что за эту задачу возьмутся те, так называемые «христианские» правительства, которые в недавней испанской борьбе были и материально и идеологически не на стороне защитников христианской веры и культуры. Обезсиленные и закрепощенные по лагерям, заводам и колхозам русские люди были бессильны подняться против международной атеистической силы, засевшей в Кремле. **Понадобилась профессионально-военная, испытанная в самых ответственных боях, железно-точная рука Германской армии. Ей ныне поручено сбить красные звезды со стен русского Кремля. И она их собьет, если русские люди не собьют их сами. Эта армия, прошедшая своими победами по всей Европе, сейчас сильна не только мощью своего вооружения и принципов, но и тем послушанием высшему зову, Провидением на нее наложенному сверх всяких политических и экономических расчетов. Сверх всего человеческого действует меч Господень.**

Новая страница русской истории открылась 22 июня, в день празднования русской церковью памяти «Всех святых, в земле русской просиявших». Не ясное-ли это даже для самых слепых знамение того, что **событиями руководит Высшая Воля.** В этот чисто русский (и только русский) праздник, соединенный с днем воскресения, началось исчезновение демонских криков «Интернационала» с земли русской... Внутреннее воскресение зависит от сердца человеческого; оно подготовлено многими молитвами и терпеливым страданием. Чаша исполнена до краев. «Великое землетрясение» начинает «колебать основание темницы» и скоро «у всех узы ослабеют» (Деян. XVI, 26). **Скоро, скоро русское пламя взовется над огромными складами безбожной литературы.** Мученики веры Христовой и мученики любви к ближнему и мученики правды человеческой выйдут из своих застенков. Откроются оскверненные храмы и освятятся молитвой. Священники, родители и педагоги будут вновь открыто учить детей истине Евангелия.

Иван Великий заговорит своим голосом над Москвой и ему ответят безчисленные русские колокола.

Это будет «Пасха среди лета», о которой 100 лет тому назад, в прозрении радостного духа пророчествовал великий святой русской земли, преподобный Серафим.

Лето пришло. Близка русская пасха...

Архимандрит Иоанн».

«Новое Слово», № 27/356. 29 июня 1941 г. Берлин.

«Прочитав этот документ, каждый скажет, что напрасно еп. Иоанн вздумал упрекать Заграничный Синод в «смешении Св. Церкви и политиканства»... Напрасны и все доводы за раскол. Они бесплодны, ничтожны, никогда не будут оправданы, ибо причины их низки, темны и преходящи. Достаточно вспомнить историю Кливлендского Собора.

Протопресвитер Михаил Польский».

Можно ли провести, хотя бы подобие аналогии, между этим, явно прогитлеровским документом, написанным одним из активнейших сотрудников американской «митрополии» по учинению в Зарубежной Руси церковного раскола и «благодарственным адресом» Германскому правительству, написанным митрополитом Анастасием? Первый написан архимандритом Шаховским 29 июня 1941 года – в тот период, когда дикие полчища нацистов в течении уже двух лет беспощадно громили Европу и зверски расправлялись с несчастным еврейским народом, что архимандриту было известно. Второй – «Благодарственный Адрес Председателя Архиерейского Синода Германскому правительству» написан 12-го июня 1938 года, т. е. точно за три года до начала войны с СССР и за полтора года до начала вообще «второй мировой войны», когда о зверствах «гитлеровцев» никому не дано было знать.

Свою «статью» – славословие Гитлеровцам архимандрит Шаховской писал от «избытка своего сердца», а «благодарственный адрес» Германскому Правительству был написан, как знак признательности за полученный вклад в дело Православной церковности: 25 февраля 1938 года германское правительство издало закон о сохранении недвижимого имущества Русской Православной Церкви во всех городах

Германии для нужд Зарубежной Церкви, освободив от долгов и исков.

30 мая 1938 года в Берлине митр. Анастасием был освящен собор, построенный для русских германским правительством, которое дало первую ассигновку в 45.000 марок и затем дальнейшая по мере надобности.

Европейская война началась 3 сентября 1939 года, а войну с СССР немцы начали 22 июня 1941 года.

Попытка возглавителей русско-американской «митрополии» убедить доверчивых простаков, будто в отношении советского «патриарха» Алексия с злодеем Сталиным и его наследниками – сатанистами, с одной стороны, и Председателем Синода Русской Православной Церкви со злодеем Гитлером, с другой стороны, есть нечто общее – попытка недобросовестная, свидетельствующая лишь о порочности замысла противной стороны дискредитировать блаженнопочившего Авву митрополита Анастасия и об отсутствии в их арсенале для этой дискредитации каких-либо, даже ничтожных, данных. «С начала войны митр. Анастасий не помогал немцам в борьбе с союзниками и потом он не издал ни одного письменного акта в пользу немцев, как это сделали другие, например, один митрополит в Париже 22 июня 1941 г. и один архимандрит в Берлине» («Нов. Слово» № 27 – 356; 29 июня 1941 года).

Патриарх Сербский Гавриил, в бытность свою в Лондоне в октябре 1945 г., различным церковным кругам, русским, английским, и польским, с чувством глубокой симпатии и личной дружбы к митр. Анастасию, заявил, что последний с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лояльным к сербам, несколько раз подвергался обыскам и совершенно не пользовался доверием немцев. (*Русско-Американский Прав. В. И. 1946 г. Рос. 8 нояб. 1945*).

Это свидетельство настолько авторитетно и значительно, что «разсеивает всякую тень лжи и клеветы», независимо от того, кто их сочиняет – отпрыск «высокопоставленных» или «Иван не помнящий родства».

«Не больно, когда большевицкое копыто лягает израненного духовного льва эмиграции, но позорно и горько, когда бросившие свои знамена и бежавшие с поля битвы, «победоносно» и с усмешкой выглядывают из чужого двора на принявших все сражения и сохранивших свои святыни. За что же вы не любите Заграничный Синод? Почему же вы встревожены его существованием, волнуетесь от проявленной им деятельности, радуетесь его потерям, боитесь его усиления, ждете его исчезновения? Потому что честный, прямолинейный, не уступивший ничего и никому, негиббемый, не знавший колебаний путь служения правде Христовой в ваших условиях является живым укором вашему пути, и вы досадуете».

«Официальная церковная власть в России не со своею церковью, не со своим церковным народом – страдальцем. Она – по нужде терпимое насилие». Что Московская Патриархия не отступила от обрядов, с этим можно согласиться, и это будет вполне в компетенции рядовых прихожан. Относительно остального будут судить другие, более сведущие люди, которые, если простят три четверти канонических преступлений этой Патриархии, то и тогда она не избежит отлучения от Церкви. Что же касается Заграничного Синода, то «в общение со Вселенской Церковью он входит не через Константинопольского или Сербского патриарха, а через свою Русскую Церковь, ибо отцы судили, что ни для единой области не оскудевает благодать Св. Духа» (митр. Анастасий). И эта верная область за границей у Русской Церкви есть, только временно она не в общении с неверным ея возглавлением. Заграничная область – единственный оплот, надежда, утешение и радость Российских катакомб. Так было в то время, когда в них был пишущий; эти строки, так осталось и теперь по подтверждению вновь прибывших из них...» (о. М. Польский). «Позиция непримиримости Архиерейского Синода – это позиция тех, кто в советской России сидит в тюрьмах до сего дня, а многие разстрелены... Заграничная часть Русской Церкви во главе с Архиерейским Собором и Синодом не только себя исповедует, но действительно находится в составе Русской Церкви. Она от нея никогда не отрывалась, живя ея

интересами, нуждами, борьбой, правдой, защитой канонов и мучеников, продолжая за границей тот старый тихоновский, канонический путь первых десяти лет, который там ушел в катакомбы со дня падения митр. Сергия...».

«Архиерейский Собор Сербской Церкви 6 декабря 1927 года постановил: «по канонам св. Православной Церкви, когда православная иерархия со своею паствою вследствие гонений перейти в беженство на территорию другой церкви, она имеет право самостоятельной организации и управления, вследствие этого такое право необходимо признать и за русской церковной иерархией на территории Сербской Церкви...»

«Сербский Патриарх Варнава вместе с русскими иерархами участвовал в выработке «Временного Положения о Русской Православной Церкви Заграницей» и с ними его подписал 2/15 XI 1935 года. В нем сказано следующее:

Русская Православная Церковь Заграницей, состоящая из находящихся за пределами России епархий, духовных миссий и церквей, есть неразрывная часть Российской Православной Церкви, временно существующая на автономных началах. Высшим органом законодательства, суда и управления для Русской Православной Церкви заграницей является Собор Архиереев, собираемый ежегодно, а его исполнительным органом – Священный Архиерейский Синод. Заграничная часть Русской Церкви состоит из четырех областей: Западно-Европейской, Ближне-Восточной, Северо-Американской и Дальне-Восточной, в каждой из которых образуется митрополичий округ».

Таким образом, согласно св. канонам, Сербская Церковь признала всю полноту единой центральной церковной власти за Архиерейским Собором и Синодом, распространяемую на все страны, где есть русские приходы.

На фоне всех этих Соборных деяний, заслуживает внимания отношение к ним руководства «митрополии Сев. Американской Области». Отколовшись, в нарушение упомянутого «Положения», совместно со всеми выработанного и вместе со всеми подписанного, от Архиерейского Собора и Синода Русской Православной Церкви заграницей, названные

«руководители» оставили у себя награды, сохранили за собой полученные от Русской Церкви... рукоположения, хиротонии и «митрополичье» наименование. Тогда, как по логике общепризнанной, следовало бы от всего отказаться и возвратиться в свое... первобытное состояние. В самом деле, если Архиерейский Собор и Священный Синод Русской Православной Церкви Заграницей «признаются» органами «не законными», не «каноническими», то как же можно... присваивать себе «незаконные» даяния?

И так всегда: вступать в состав Зарубежной Церкви, как бы для того, чтобы получить каноническую... подачку от... «не канонического» дателя и, под неблагоприятным предлогом уйти к себе с очередным «даянием».

За грех отделения от Русской Церкви, за несохранение братского союза епископов заграницей, за союз с большевиками чрез посредство общения с Московской патриархией в условиях своей свободы, за невыполнение долга пред Матерью Церковью, к которому обязывают эти условия, за отказ от борьбы за ея истину, епископы будут отвечать пред Русскою Церковью, не говоря о том, что и перед Богом на Суде Божиим.

Когда то Сербский Патриарх Варнава, в горячей любви к России и к русским людям потерявшим свое Отечество, говорил:

«Знайте, что изуверы, гонящие Церковь, не только ее мучают, но стараются ее расколоть, разъединить и всячески простирают свои преступные руки и к вам, находящимся за пределами вашего Отечества. Вы, верные сыны России, должны помнить, что являетесь единственной опорой великого Русского народа, и вы обязаны во что бы то ни стало сохранить неповрежденными народныя церковныя предания во всей их чистоте. Это ваш долг перед Богом, перед вашей Великой Родиной и перед всем Христианским миром...».

И этот наказ Патриарха Сербского Варнавы, Русская Зарубежная Церковь в полном составе своем, и клирики и миряне, всегда помнит, сознавая, что все нападки на возглавителей ея, ложь и клевета на весь ея церковный строй – продукт деятельности «изуверов, гонящих Церковь и

пытающихся ее расколоть, разъединить». К сожалению, этого не понимают и не признают возглавители русско-американской «митрополии», когда, в своих нападках на Русскую Православную Зарубежную Церковь, пользуются тактикой... «изуверов».

Неправда, будто бы епископат, клирики и миряне Зарубежной Церкви считают себя «находящимися вне ограды Православной Русской Церкви», ибо «никогда не разрывали канонического, молитвенного и духовного единения со своей Матерью Церковью. Представители Зарубежной Церкви вынуждены были прервать общение только с высшей церковной властью в России... Зарубежные епископы встретили для себя твердую поддержку в этом... в лице т. н. епископов-исповедников в России, которые жили в той же опасной и тревожной обстановке», как и оба советских «патриарха», «перенесли гораздо больше чем они и гонений... прошли сквозь тюрьмы, концлагери и отдаленные ссылки, ходили подлинно, как «смертники»... и потому вправе были требовать от них таких же жертв для Церкви, какие приняли сами... «Подумайте об ответственности на Страшном Суде Божиим», писал один из них из ссылки митр. Сергию, заключившему унию с сатанистами, «и откажитесь от Вашего курса и Ваших компромиссов... явите себя глашатаем Вечной Правды... отбросьте человеческие мудрования и расчеты и станьте на путь твердого исповедничества во имя Христово, не бойтесь возможности горших скорбей и испытаний для Церкви (оне неизбежны и Ваши компромиссы лишь принижают их значимость), ибо Церковь возликует, идя вслед за сим на новую Голгофу и даже в страданиях своих благословит Ваше имя, зная, что главный источник разлагающего ее начала уничтожен. Но увы! если Ваше Высокопреосвященство станете упорствовать в Вашем курсе и открыто пренебрежете голосом Церкви, то она, продолжая свой крестный путь, откажется от Вас, как соучастника с ея распинателями...».

Способны ли эти слова, в которых гонимая Зарубежная Церковь «слышит как бы глагол апостолов, голос древних отцов и учителей Церкви и наших великих Отечественных

исповедников Православия – Святителей Филиппа и Гермогена», затронуть религиозное чувство и разбудить православную совесть у возглавителей американской «митрополии», игнорирующих завет первомучеников и исповедников Церкви Православной – отказаться от советских «патриархов, как соучастников с распинателями Церковными»?

Ссылка группы возглавителей американской «митрополии», в своих домогательствах «автокефалии», на «пожелания», якобы высказанные свят. Тихоном в бытность последнего правящим епископом С. Американским, – не заслуживает внимания. Таким «пожеланием» не оправдывается получение «автокефалии» во что бы то ни стало и от кого бы то ни было. Мог ли первомученик Церкви Российской, предавший анафеме ея гонителей – «извергов рода человеческого», благословить явную несутрадность: войти в «деловую» сделку с этими «извергами» по каким-либо церковным вопросам?

Не был ли призыв Святейшего противоположным и категорическим:

«Заклинаем всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение... стать на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой Матери нашей...

Архипастыри и пастыри с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной...» (послание св. Тихона 19/1 1918 г.).

Так ли действуют возглавители американской «митрополии»? Так ли они выполняют его призыв? Понимают ли они, исключая, конечно, еп. Шаховского и его парижских единомышленников – «парижских мудрецов», что, заключая «сделку» с представителями советской «патриархии», тем самым они вступают в общение с «извергами рода человеческого», т. к. без визы «извергов» на этой «сделке» она не будет действительной.

В оправдание преступной связи руководителей «митрополии» с орденосным «патриархом» советским Алексием – ставленником сатанинской власти, г. А. А. Боголепов, видимо, главный «советник» митрополии по

церковным «делам», в своем обширном «разъяснении» – «Исторический Путь Американской Митрополии», поражает своей потрясающей... «канонической» вольностью, когда пытается собственным домыслом оправдать назначение сатанинской богоборческой властью на Всероссийский Патриарший Престол Алексея Симанского.

«Правящие иерархи Поместных Церквей,» пишет г. Боголепов, «нередко подлежат утверждению их светским правительством. В Византии», приводит он пример, «патриархи и епископы утверждались Императором», а посему, дескать, и советский «патриарх» Алексей, назначенный на этот высокий иерархический пост богоборцем Джугашвили-Сталиным – «канонически-правильно поставлен».

Позволительно, после таких частных домыслов, задать г. Боголепову общий вопрос, понимает ли он разницу между православным Византийским Императором, защитником Церкви от раскольников-узурпаторов, хранителем ея, и богоборцами сатанистами – гонителями Церкви, разрушителями и осквернителями святых храмов, использующими преданное им «не за страх, а по совести»... «патриаршее священноначалие» в своих сатанинских целях? Понимает ли г. Боголепов существенную разницу между турецким султаном, китайским богдыханом и татарским ханом, по своему богобоязненными и по своему в Высшую Силу верующими, и сатанистами, типа Джугашвили, Ульянова-Ленина, Хрущева, Косыгина и... имя им «легион», ведущих беспощадную борьбу со всякой религией и беспощадно уничтожающих всех... не по совести своей им, богоборцам, «преданных»?

Пусть еп. Тихон и «выражал», неизвестно в какой обстановке, когда и в каких выражениях и в силу каких обстоятельств, свое «пожелание» видеть Сев. Американскую Православно-Русскую Епархию самоуправляющейся единницей, но разве позволительно толковать это его «пожелание» в произвольном аспекте, безотносительно к главному: достаточно ли крепка и нерушима Православная вера у американских пастырей и у их пасомых и достаточно ли обеспечена ея нерушимость и развитие; соответствует ли своему назначению

стоящее у власти церковное руководство, не совершает ли оно в настоящем и есть ли основание рассчитывать, что не совершит оно в будущем ничего неканонического.

Можно ли по православной совести и перед Богом утвердительно ответить на все эти основные вопросы?

Конечно, нет, нет, и нет!

Если в бытность свою правящим архиереем Сев. Американской епархии, еп. Тихон дает убийственную характеристику церковной некультурности его паствы, когда, по его словам люди «в оправдание своего отступничества от Православия приводят суждения о том, что здесь – не старый край, а Америка и потому (!?) нельзя соблюдать всего, чего требует Церковь... почитают «старину», «непринятым среди образованных людей» носить на себе крест, иметь в доме иконы, соблюдать праздники церковные и посты... не говеют, не исповедуются... не венчаются по церковному...» (слово еп. Тихона в гор. Сан Франциско 23 февраля 1903 г.), то, спрашивается, что изменилось за прошедшие шестьдесят лет в этой потрясающей церковной некультурности?

Не добавилось ли чего определенно антиканонического?

«Каноническая оценка позиции Американского высшего церковного управления сделана была однажды», свидетельствует протопресвитер о. Михаил Польский, «в проповеди представителя Архиерейского Синода в Америке, Архиепископа Виталия, который сказал: «самостоятельность Православной Церкви в Америке нужно заслужить, но нельзя ее украсть, пользуясь современным положением Русской Православной Церкви». Что из себя представляет вся эта история домогательств в американской епархии, начиная с 1920 года, пусть каждый судит сам. Пусть каждый, слепо идущий за своим «руководством», над этим вопросом серьезно задумается и решит, не... «парижской», а своей русской головой, куда его ведут и от чего отводят, памятуя, при этом, строгий завет святого Апостола Павла:

«Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием?... выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и Я приму вас» (2Кор. VI, 14, 17).

«И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить» (Ефес. V, 11–12).

Н. Бобров.

**Свт. Филарет (Вознесенский),
Первоиерарх РПЦЗ († 1985 г.) [Открытое
Письмо греческому архиепископу Иакову
против экуменизма].**

**Открытое Письмо Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Иакову, Греческому
Архиепископу Северной и Южной Америки.**

Ваше Высокопреосвященство!

В церковной практике очень многое основывается на прецедентах. При этом, чем выше стоит лицо, вводящее такой прецедент в жизнь, тем больше значения последний может приобрести.

Вследствие этого акты, совершаемые православными иерархами в их взаимоотношениях с представителями иных исповеданий и религий, имеют особое значение и, в тех случаях, когда они нарушают принятый веками порядок, не могут оставлять нас безучастными. Наше молчание могло бы приниматься за согласие и, следовательно, вводить в заблуждение и нашу паству и инославных, полагающих, что наши действия и особенно богослужения всеми нами совершаются в соответствии с нашими догматами и канонами. Таким образом неправильно допущенное одним православным епископом может приниматься за нечто допустимое всею нашею Церковью и «внешние» могут получить ложное представление относительно самого православного учения. В век проявления такого взаимного интереса у представителей разных исповеданий к учению других мы тогда давали бы им камень вместо хлеба.

Вот причина, по которой последние выступления Вашего Высокопреосвященства, покрываемые авторитетом и Святейшего Патриарха Афиногора, вызвали большое смущение как у нас и нашей паствы, так и у многих других. Мы имеем в виду Ваше недавнее участие в богослужении в соборе Св. Патрикия в «Неделю Молитв о Христианском Единстве» и

«Экуменический Молебен» в греческом Св.-Троицком соборе в Нью-Йорке.

Уже самый факт, что об этих общих молениях справедливо объявлялось в прессе, как новых и неимеющих прецедента явлениях, указывает на то, что это есть внесение в жизнь Церкви чего-то ей необычного и ей несвойственного. Какое церковное правило, какой обычай, какое предание дали Вам право на внесение таких новшеств?

Православие по самому существу своему отличается верностью преданиям и святоотеческим примерам. Не напрасно Св. Викентий Леринский в своем «Коммониториуме» указал, что истинно православным является то, что принималось Церковью всегда, всеми и повсюду. Новшество, которое не отвечает этому правилу, уже тем самым несет на себе печат неправославия.

Вашему Высокопреосвященству должно быть известно 45 Апостольское правило, которое гласит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что-либо яко служителем церкви: да будет извержен». Известный канонист, Епископ Никодим Далматский в толковании этого правила замечает, что участие в такой молитве с неправославными «означает, что мы не только не стараемся об их обращении в православие, но и сами в нем колеблемся».

В данном случае Ваше Высокопреосвященство не только отступили от исконной традиции Православной Церкви, основанной на канонах (Апост. 10, 45; Лаодик. 6, 32, 33), но и самым делом и словами вслед за Патриархом Афиногором исповедали учение, чуждое святым отцам нашей Церкви.

В своей проповеди в соборе Св. Патрикия Вы заявили, что церковное единство должно пониматься, как призывание к тому, чтобы через такую «экуменическую практику и опыты, как совместная молитва и сотрудничество друг с другом, мы пришли к полному сознанию истины, освобождающей верных от греха ложных и нечестивых опасений». Весь пафос Вашей речи не в проповеди церковной истины, а в поисках чего-то нового, даже нового определения «нашего отношения к Троициному Богу». Между тем св. отцы всегда признавали совместную

церковную молитву завершением дела присоединения заблудших к истинной Церкви, – завершением, но не путем к нему. Церковная молитва есть проявление уже существующего единства веры и духа. Такого единства не может быть у нас с теми, кто иначе чем Православная Церковь учит о Св. Троице (филиокве), о Пресвятой Богородице (догмат Непорочного Зачатия у католиков, отсутствие ея почитания у протестантов), об иерархии (непогрешимость Папы у католиков, отрицание таинства священства у протестантов) и т. п. Особенно важно отметить, что у католиков и протестантов совсем иное чем у нас учение о Церкви.

Православное учение о Церкви всегда исходило из того, что Святая, Соборная и Апостольская Церковь есть только одна, а вне ее находятся раскольники, еретики и люди других религий. Мы поэтому никак не можем принять учения Святейшего Патриарха Афинагора в его рождественском послании 1968 г. будто вследствие оскудения любви «Церковь, которая была основана Христом, чтобы быть славною без пятна или порока (Ефес. 5, 28), совершенной и святой, изменилась». Если наша Церковь изменилась и теперь уже не та, какую основал ее Спаситель, то нет уже более Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, о которой Спаситель сказал, что «врата адовы не одолеют ей» (Матф. 16, 18), а существует теперь несколько церквей, из которых ни одна не является в полной мере истинной и святой.

В своей речи при посещении Рима в 1967 г., Святейший Патриарх Афинагор в базилике Св. Петра открыто заявил также, что Церкви надо теперь вернуться к «твердой почве, на которой была основана неразделенная Церковь» как будто с 1054 г. у Церкви не было этой твердой почвы и как будто до того не бывало разделений. А поскольку Патриарх и Ваше Высокопреосвященство заявляете, что находитесь еще только на пути к восстановлению этой «нераздельной» Церкви, оказывается, что для Вас такой Церкви еще нет. К выводу, что сейчас якобы нет более единой святой Церкви, неизбежно приводит и принятая Патриархом и Вами протестантская теория разветвления Церквей. По этой теории Православная Церковь

наравне с отпавшими от нея еретиками и раскольниками виновата в разделении и все отделившиеся от нея общины остаются ветвями Церкви Христовой, от которой она отделились. Но если можно быть частью Церкви, не разделяя ее догматов, то это значит, что догматы имеют значение только второстепенное. Так именно и высказался Патриарх Афинагор, когда в своем рождественском послании он с похвалой говорит о движении среди людей к единой чаше, «не зная разницы в своих догматах и не заботясь о ней».

Таких слов никогда не сказали бы великие предшественники Патриарха Афинагора: святой Прокл, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Фотий и др. Больше того, если с высоты Вселенского Престола по греховности человеческой иногда проповедовалась ересь под видом истины, то еще не было примера, чтобы какой-либо Патриарх заявлял о маловажности догматов...

Сколь горестно читать такое отречение от отеческого учения в послании Первосвятителя той Церкви, которая была Матерью для нашей Русской Церкви.

Воздавая чест этому Первосвятителю, Ваше Высокопреосвященство, к сожалению, и самым делом присоединились к его безразличию к истине, устраивая безпримерный «Экуменический Молебен» в своем соборе в нарушение указанных выше канонов. Объединение там в общей церковной молитве с римо-католиками и протестантами явилось как бы осуществлением призыва Патриарха Афинагора идти к общему объединению, не считаясь с догматами вопреки предупреждению Апостола Павла против людей, желающих «превратить благовествование Христово». Не страшитесь ли Вы дальнейших слов Апостола: «Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 7–8)?

Мы поэтому считаем долгом решительно протестовать против искажения учения о Церкви, которое так настойчиво заявляется Святейшим Патриархом Афинагором и Вашим Высокопреосвященством. Мы протестуем против Вашего неправославного «Экуменического Молебна» и против зачисления в диптихи Святейшим Патриархом Афинагором

Римского Папы и «всех исповеданий Востока и Запада», о котором сообщает Рождественское послание Его Святейшества. Зачисление в диптихи всегда являлось свидетельством того, что данное лицо признается православным. Если Пятый Вселенский Собор повелел вычеркнуть из диптихов имя Феодора Мопсуетского, когда признал его учение неправославным, то как теперь может какой бы то ни было Патриарх или епископ включать в диптихи тех, кто даже формально не принадлежит к Православной Церкви и, напротив, явно продолжает исповедовать учения, несогласные с ее догматами? *Вы соединяетесь с инославными не в истине, а в пренебрежении к ней.*

Мы пишем эти строки не для того, чтобы только укорить или, тем более, оскорбить Ваше Высокопреосвященство или Святейшего Патриарха Афинагора. Отнюдь нет, особенно поскольку мы не имеем основания питать к Вам или к Его Святейшеству какой-либо неприязни.

Напротив, мы видим долг братской любви в том, чтобы вновь указать Святейшему Патриарху и Вам на пагубность избранного Вами экуменического пути.

О, если бы Вы, вместо голоса интерконфессиональных конференций и равнодушной к религиозной истине прессы, прислушались к призывам св. Отцов Церкви, которые создали ее не на компромиссах, а на твердом соблюдении преданий и каждой иоты божественных догматов. Их подлинная любовь к инославным заключалась в ревности о просвещении их светом истины и заботе о подлинном воссоединении их с Церковью.

Мы пишем это в открытом письме поскольку выступления Ваши носят всенародный характер и ради того, чтобы другие святители Православной Церкви и верующий народ знали, что не вся Церковь разделяет избранное Вами пагубное экуменическое направление. Пусть ясно будет для всех, что допущенное Вами совместное служение с инаковерующими является печальным единичным эпизодом, не могущим служить прецедентом или примером для прочих, но вызывающим огорчение и решительный протест верных чад Церкви, как действие явно неправославное и противоречащее св. канонам.

Вашего Высокопреосвященства преданный слуга
Митрополит Филарет.

Свт. Филарет (Вознесенский), Первоиерарх РПЦЗ († 1985 г.) [Первое Скорбное Послание против экуменизма.]

Святейшим и Блаженнейшим Главам Православных Церквей; Преосвященным Митрополитам, Архиепископам и Епископам; Смиренного Филарета, Митрополита Русской Православной Зарубежной Церкви Скорбное Послание.

Святые Отцы и Учители Церкви наставляли нас, чтобы мы как зеницу ока хранили истину Православия. А Господь наш Иисус Христос, научая Своих учеников соблюдать каждую иоту или черту закона Божия, сказал, что «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном» (Матф. 5, 19). Он посылал Своих учеников научать все народы преподанному Им учению в чистом и неповрежденном виде и этот долг затем перешел к каждому из нас, епископов, по преемству от святых Апостолов. Этому научает нас и догматическое определение Седьмого Вселенского Собора словами: «Храним ненововводно все писанием или без писания установленныя для нас Церковныя предания». В 1-м правиле того же Собора Святые Отцы добавляють к этому: «Приявшим священническое достоинство, свидетельствами и руководством служат начертанныя правила и постановления, которыя охотно приемля, воспеваем с Богоглаголивым Давидом, ко Господу глаголюще: «на пути свидений Твоих насладихся, яко о всяком богатстве (Псал. 118, 14). Такожде: «заповедал еси правду, свидения Твоя во век: вразуми мя и жив буду» (Псал. 118, 138 и 144). И аще пророческий глас повелевает нам во век хранить свидения Божия, и жить в них: то явно есть, яко пребывают оныя несокрушимы и непоколебимы».

Твердо хранить Веру и правила Святых Отцов каждый из нас торжественно обещает при хиротонии, обязуясь перед Богом незыблимо блюсти Православие от вкрадывающихся в нашу жизнь искушений и заблуждений.

Если искушение появляется только в одной из Православных Церквей, то и исправление может быть найдено в том же пределе. Но когда некое зло проникает почти во все наши Церкви, то оно становится делом, касающимся каждого епископа. Может ли кто-нибудь из нас бездействовать, если он видит, как одновременно множество его собратий идут по пути, ведущему их и их паству в гибельную пропасть через незамечаемую ими утрату Православия?

Сказать ли нам в этом случае, что смирение велит нам соблюдать молчание? Посчитать ли для себя нескромным давать советы другим преемникам святых Апостолов, из которых некоторые занимают древнейшие и прославленные кафедры?

Однако, Православие исповедует равенство всех епископов по благодати, полагая разницу между ними только в чести.

Успокоиться ли нам на том, что каждая Церковь сама отвечает-за себя? Но что, если смущающие верных заявления делаются от имени *всей* Церкви, а следовательно и от нашего имени, хотя мы никого на них не уполномочивали?

Св. Григорий Богослов однажды сказал, что бывают случаи, когда «молчанием предается истина». Не будем ли и мы предавать ее, если видя уклонение от чистого Православия будем хранить молчание, всегда более удобное и безопасное?

Однако, мы видим, что никто из старейших не поднимает голоса, и это вынуждает нас говорить, чтобы на Страшном Суде не услышать упрека в том, что мы видели опасность экуменизма, угрожающую Церкви, и не предупредили ее предстоятелей.

Мы, впрочем, уже обращали наше слово и к Святейшему Патриарху Афинагору и к Греческому Архиепископу Северной и Южной Америки Иакову, высказывая скорбь и смущение по поводу их экуменических выступлений, продававших первородство Церкви за чечевичную похлебку рукоплесканий внешнего мира. Но позиция, занятая православными делегатами на Общем Собрании Мирового Совета Церквей в Уппсале, делает озабоченность ревнителей Православия еще более глубокой, вызывая для нас необходимость поделиться

нашей скобрю и смущением со всеми братьями, православными епископами.

Нас могут спросить, почему мы пишем об этом Собрании только теперь, почти через год после его окончания? Ответим на это, что на сей раз мы не имели своих наблюдателей и получали сведения об этом Собрании только из повременной печати, на точность которой не всегда можно положиться.

Поэтому мы ожидали получения официальных отчетов, по изучении которых и находим себя вынужденными обратиться с настоящим посланием ко всем православным епископам, которых Господь поставил блюсти Его св. Церковь на земле.

Отчет о Собрании в Уппсале воистину потряс нас, ибо мы увидели из него с еще большей ясностью, насколько экуменическое заблуждение получает формальное одобрение ряда наших Церквей.

Когда делались первые шаги по организации этого движения, многие из наших стали принимать участие в его конференциях по инициативе Константинопольского Патриарха. Тогда это не вызывало опасений даже у горячих ревнителей Православия. Им представлялось, что не может Церковь потерпеть никакого ущерба от того, что ее представители явятся в кругу ищущих истины протестантов разных толков с тем, чтобы их разнообразным заблуждениям противопоставить истину Православия. Подобное участие в интерконфессиональных собраниях носило бы миссионерский характер.

Такая позиция, хотя и не всегда последовательно, до известной степени была выдержана еще на Эванстонском Общем Собрании Мирового Совета Церквей в 1954 г. Православные делегаты там общим голосом откровенно заявили, что постановления этого Собрания так далеки от нашего учения о Церкви, что им ни в какой степени невозможно участвовать в них на ряду со всеми другими. Вместо того они высказали учение Православной Церкви в особых заявлениях.

Заявления эти были настолько определенными, что, в сущности, должны были бы при известной последовательности

привести к заключению, что православные не могут оставаться членами Мирового Совета Церквей на общих основаниях.

Протестанты могли бы сказать им: если вы не разделяете наших основных положений, зачем вы с нами? Нам известно, что в частных беседах некоторые из них так и говорили, но на собраниях этого высказано не было. Т. о. православные остались членами организации, чужеродность которой они только что сами ярко обрисовали.

Но что же мы видим теперь?

Всеправославное Совещание в Женеве, в июне 1968 г. пошло по иному пути. Оно высказало «общее желание Православной Церкви быть органическим членом Всемирного Совета Церквей». Об этом Святейший Патриарх Афинагор сообщил означенному Совету особым посланием от 30 июня 1968 г. Никаких оговорок, никакого упоминания о миссионерских целях не было сделано ни в том, ни в другом случае.

Следует уяснить себе, в каком именно религиозном объединении объявляют Православную Церковь *«органическим членом»* и каковы догматические последствия такого решения.

В 1950 г. в Торонто были приняты основные положения Мирового Совета Церквей, которые были более осторожными чем то, что заявляется теперь, но они уже противоречили православному учению о Церкви. Тогда в п. 4 значилось, что «Церкви, члены Мирового Совета Церквей, рассматривают отношение других Церквей к Святой Кафолической Церкви, исповедуемой в Символах веры, как предмет для взаимного обсуждения». Эта формула уже неприемлема для нас, ибо Святая Кафолическая Церковь трактуется тут не как реально существующая в мире, а как некая отвлеченная величина, упомянутая в разных символах веры. Впрочем тогда уже в п. 3 значилось что «Церкви члены признают, что принадлежность к Церкви Христовой более широка, чем принадлежность только к телу их Церкви» (Six Ecumenical Surveys, New York, 1954, p. 13). Поскольку же в предыдущем п. 2 заявлялось, что «Церкви члены Мирового Совета Церквей веруют на основании Нового Завета, что Церковь Христова одна», получалось или внутреннее противоречие, или исповедание нового догмата, что

к единой Церкви можно принадлежать не исповедуя ее догматов и вне литургического общения с нею. Это учение протестантское, но не православное.

Сделанные в Эванстоне особые заявления от имени всех православных делегатов несколько поправляли дело ибо они ясно указывали, что православная экклезиология настолько разнится по существу от протестантской, что невозможно совместно составить никакого общего определения. Теперь православные участники Мирового Совета Церквей поступают иначе. В попытке соединить истину с заблуждением, они отступили от заявленного в Эванстоне принципа. Если Православные Церкви входят в Совет Церквей *органически*, то все с нею...

Если первоначально их представители являлись участниками экуменических собраний для свидетельства истины, выполняя как бы миссионерское служение среди чуждых Православию исповеданий, то теперь они смешались с ними и потому каждый из нас имеет основание утверждать, что сказанное в Уппсале, – сказано и участвующими там Православными Церквями в лице их делегатов. Увы, это сказано от имени всей Православной Церкви.

Против этого мы считаем долгом решительно протестовать. Мы знаем, что в этом протесте за нами стоят все Святые Отцы Церкви. С нами также не только вся иерархия, клир и миряне Русской Православной Церкви Заграницей, но и многие согласные с нами из принадлежащих к другим Святым Православным Церквям.

Мы смеем сказать, что видимо до сих пор наши собратья епископы относились к этому вопросу без достаточного внимания, не помышляя о том, как глубоко вводится наша Церковь в область антиканонических и даже догматических соглашений с инославными. Это особенно ясно, если обратиться к первоначальным заявлениям православных представителей и с ними сравнить то, что происходит теперь.

На Лозаннской Конференции 1937 г. представитель Вселенского Патриарха Митрополит Германос ясно заявил, что возстановить единство Церкви значит, что протестанты должны

возвратиться к вероучению древней Церкви Семи Вселенских Соборов. «А какие элементы христианского учения, говорил он, должны считаться необходимыми или существенными? По пониманию Православной Церкви нет теперь нужды определять эти необходимые предметы веры, так как они определены в древних Символах и определениях Семи Вселенских Соборов. Соответственно этому, учение древней Церкви первых веков должно быть основой воссоединения Церкви».

Такова была позиция, занятая всеми православными делегатами на Лозаннской и Оксфордской Конференциях.

Что касается нашей Русской Православной Церкви Заграницей, то ее взгляд был высказан с особой определенностью при назначении 18/31 декабря 1931 г. представителя в Комитет Продолжения Конференции о Вере и Порядке.

Определение это гласит:

«Сохраняя Веру в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, Архиерейский Синод исповедует, что Церковь сия никогда не разделялась. Вопрос в том только, кто принадлежит к ней и кто не принадлежит. Вместе с тем, Архиерейский Синод горячо приветствует все попытки инославных исповеданий изучать Христово учение о Церкви в надежде, что через такое изучение, особенно при участии представителей Святой Православной Церкви, они в конце концов придут к убеждению в том, что Православная Церковь, будучи столпом и утверждением истины (1Тим. 3, 15), полностью и без каких-либо погрешностей сохранила учение преподанное Христом Спасителем Своим ученикам. С этой верой и такой надеждой, Архиерейский Синод с благодарностью принимает приглашение Комитета Продолжения Всемирной Конференции о Вере и Порядке».

Тут все ясно и ничего не оставлено недоговоренным. Это заявление по существу согласно с тем, что в свое время говорили и официальные представители других Православных Церквей.

Что же изменилось? Отказались ли протестанты от своих заблуждений? – Нет. Они остались теми же, и Церковь не

изменилась, а переменились только люди, которые ее представляют в наши дни.

Если бы представители Православных Церквей продолжали твердо хранить основные начала нашей веры в Церковь, то они не поставили бы Православную Церковь в то двусмысленное положение, которое создается прошлогодним постановлением Женевского Сопещения.

После Сопещения Мироваго Сопещения Церквей в Нью-Дели, православные делегаты уже не делают отдельных заявлений, а сливаются в одну массу с протестантскими исповеданиями.

Все постановления Уппсальскаго Сопещения сделаны от имени Церкви, которая всегда упоминается в единственном числе.

Кто это говорит? Кому предоставлено провозглашать еклезиологические суждения не только от своего имени, но и от имени Православной Церкви?

Просим Вас, Преосвященные сопратия, просмотрите список Церквей, участвующих в екуменическом движении и во Всемирном Сопещении Церквей. Возьмите хотя бы первые строчки списка на стр. 444 Отчета под заглавием «The Uppsala 68 Report».

Там Вы увидите следующие названия: Евангелическая Церковь на реке Ла Плата, Методическая Церковь Австралии ¹⁸, Церковь Христа в Австралии, Англиканская Церковь Австралии, Конгрегационный Сопюз в Австралии, Пресвитерианская Церковь Австралии...

Нужно ли продолжать список? Не ясно ли, что уже в первых строчках его значатся исповедания, которые глубоко разнятся от Православия, которые отрицают таинства, священство, церковное предание, священные каноны, не почитают Божией Матери и святых и т. д. Нам надо было бы перечислить почти все наши догматы, чтобы указать на все то, что в Православном учении не принимается большинством членов Мироваго Сопещения Церквей, но в коем тем не менее Православная Церковь ныне объявлена органическим членом.

Между тем, от имени этого разнообразнаго сопращения представителей всех возможных ересей, Уппсальское Сопещение

все время заявляет: Церковь исповедует, Церковь учит, Церковь делает то, Церковь делает другое...

Об этом смешении заблуждений, далеко ушедших от предания, в постановлении «О Святом Духе и кафоличности Церкви» говорится: «Св. Дух не только сохранил Церковь в преемстве своего прошлого; Он также постоянно присутствует в Церкви, осуществляя ее внутреннее обновление и возсоздание» (стр. 16).

Спрашивается, где «преемство прошлого» у пресвитериан? Где присутствие Св. Духа у тех, кто не признает таинств? Как можно говорить о кафоличности у тех, кто не приемлет определений Вселенских Соборов?

Если бы вероучительным постановлением предпосылались слова, указывающие на то, что часть Церкви учит так, а другая иначе и особо было засвидетельствовано подлинное учение Православной Церкви, – то это отвечало бы действительности. Но этого нет и от лица разнообразных исповеданий говорится: «Церковь учит».

Это уже само по себе есть исповедание протестантского учения о Церкви, как включающей в себя всех, называющих себя христианами, хотя бы они и не имели общения между собою.

Между тем, не принимая этого учения, невозможно быть органическим членом Совета Церквей, ибо на нем основывается вся идеология этой организации.

Правда, резолюция «О Св. Духе и Кафоличности Церкви» сопровождается в отчете примечанием мелким шрифтом, что, ввиду бывших прений, она является не окончательным решением, а материалом для обсуждения Церквей.

Однако, относительно других подобных резолюций таких примечаний нет. Из протоколов не видно, чтобы православные делегаты заявили о невозможности Собранию говорить от имени Церкви в единственном числе, и это делается всюду, во всех определениях, не имеющих никогда подобных оговорок.

Напротив, Высокопреосвященнейший Архиепископ Иаков, отвечая от имени Общего Собрания на приветствие шведского Архиепископа, сказал: «Как вам хорошо известно, Церковь

Вселенной призвана требующим того миром дать полное доказательство и свидетельство своей веры» (стр. 103).

О какой «Церкви Вселенной» говорит тут Архиепископ Иаков? О Православной? – Нет. Он говорит тут о Церкви, объединяющей все исповедания, о Церкви Всемирного Совета Церквей.

Эта тенденция особенно заметна в отчете о докладе Комиссии о Вере и Порядке. В резолюции по его отчету, после перечисления успехов экуменизма говорится: «Мы соглашаемся с постановлением Комиссии о Вере и Порядке, принятым в его Бристольском заседании, чтобы продолжались его программа изучения единства Церкви в более широком контексте изучения единства человечества и твари. Мы одновременно приветствуем заявление Комиссии Веры и Порядка, что его задачей остается «объявлять единство Церкви Иисуса Христа» и ставить перед Советом и Церквями «обязанность проявлять это единство во имя их Господа и для лучшего осуществления Его миссии в мире» (стр. 223).

Ясная тенденция всех этих резолюций в том, что вопреки внешнему разделению Церквей, существует их внутреннее единство. Задача экуменизма в этом свете заключается в том, чтобы это внутреннее единство стало вместе с тем и внешним путем различных проявлении этого стремления вовне.

Чтобы оценить все это с точки зрения Православной Церкви, достаточно представить себе реакцию, какая могла бы быть на это со стороны святых отцов Вселенской Церкви.

Может ли кто-нибудь представить себе, чтобы Православная Церковь того времени объявила себя органическим членом общества, объединяющего евномиян, аномеев, ариан, полуариан, саввелиан и апполинариев?

Отнюдь нет. Напротив, 1 правило II Вселенского Собора зовет не к органическому объединению с ними, а предаёт их анафеме. Подобным же образом поступают последующие Вселенские Соборы с другими ересями.

Органическая принадлежность православных к объединению современных еретиков последних не освящает, а вступающих в него Православных отторгает от католического

православного единства. Это единство не ограничивается современностью. Кафоличность охватывает все поколения святых отцов. Св. Викентий Леринский в своем бессмертном творении пишет, что «возвещать христианам что-нибудь такое, чего они прежде не приняли, никогда не позволялось, никогда не будет позволяться, – и анафематствовать тех которые возвещают что-либо кроме раз на всегда принятого, всегда должно было, всегда должно и всегда будет должно» (гл. 9-я).

Скажет ли кто-нибудь, что времена переменялись и ереси теперь не такие злостные и разрушительные, как в дни Вселенских Соборов? – Но разве отрицающие почитание Богоматери и святых, не признающие благодатной иерархии протестанты или изобретшие новые заблуждения римокатолики, – ближе к Церкви, чем ариане или полуариане?

Но пусть современные исповедники ересей не столь воинственны по отношению к Православной Церкви как древние; это не потому, что их взгляды ближе к ней, а потому что протестантство и экуменизм воспитали в них убеждение, что на земле нет единой истинной Церкви, нет одного истинного исповедания, а есть только общины людей, в разной степени заблуждающиеся. Это учение само по себе упраздняет ревность в исповедании того, что признается истиной и потому современные еретики имеют вид менее ожесточенный, чем у древних. Однако, само это равнодушие к истине во многих отношениях хуже, чем способность ревностно защищать заблуждения, принимаемое за истину. Сказавший «что есть истина» Пилат не мог обратиться к вере, но гонитель Христианства Савл – стал апостолом Павлом. Потому мы и читаем в Апокалипсисе грозные слова Ангелу Лаодикийской Церкви: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден, или горяч. Но поскольку ты тепл, а не горяч и не холоден; то Я извергну тебя из уст Моих» (Апок. 8, 15–16).

Экуменизм делает Совет Церквей таким обществом, в котором, с лаодикийским равнодушием к истине, каждый член признает заблуждающимся и себя и других, заботясь о том только чтобы найти приемлемую для всех формулу. Место ли там в качестве органического члена Единой, Святой, Соборной

и Апостольской Церкви, всегда исповедовавшей, что она не имеет ни пятна, ни порока, ибо Глава ея Сам Христос? (Ефес. 5, 27).

57 (68) правило Карфагенского Собора говорит о Церкви что она «есть голубица (Песнь Песней 2, 10), единственная мать христиан и в которой спасительно приемлются все таинства вечныя и животворящая, впрочем, пребывающих в ереси подвергающая всякому осуждению и казни».

Мы еще считаем долгом заявить, что Русскую Православную Церковь невозможно признать законно и правильно представленной на Всеправославных Соединениях, созываемых Его Святейшеством Патриархом Афинагором. Те епископы, которые выступают на этих собраниях от имени Русской Церкви, во главе с Митрополитом Никодимом, представляют не подлинную Русскую Церковь, а только тех иерархов, которые по благоволению атеистической власти носят титулы известных епархий Русской Церкви. Об этом мы уже имели случай писать более подробно Его Святейшеству Патриарху Афинагору. Участие этих лиц в заграничных собраниях имеет место постольку, поскольку это выгодно гражданской власти, самой жестокой в истории мира. Перед нею бледнеют жестокости Нерона и ненависть к Христианству Юлиана Отступника.

Не влиянию ли посланцев этой власти надо в значительной мере приписать все политические постановления Уппсальского Собрания, которые повторяют ряд лозунгов, хорошо известных из коммунистической пропаганды на Западе?

В заключительной речи председательствовавший др. Пайн говорил о том, что «Церковь Иисуса Христа должна активно показывать сострадание Христово в нуждающемся мире» (стр. 272). Но ни он и никто другой ни одним словом не вспомнили миллионы замученных христиан в СССР, никто не промолвил слова сочувствия их судьбе.

Хорошо выражать сочувствие голодающим в Биафре, страждущим от постоянных вооруженных столкновений на Среднем Востоке или во Вьетнаме, но разве этим и исчерпываются современные человеческие страдания? Разве

членам Мирового Совета Церквей неизвестно о преследовании религии в СССР? Разве им неизвестно, что там царит безправие? Разве они не знают сколь многими тысячами исчисляются закрытые и разрушенные храмы? Разве не знают что там миллионами исчисляются мученики за веру, что не печатается Слово Божие, а за распространение его ссылаются на каторжные работы? Разве неизвестно им о запрещении обучать детей началам веры и даже приводить их на богослужение? Разве неизвестно о тысячах сосланных за Веру, о детях, отнятых от родителей для того, чтобы они не получали религиозного воспитания?

Обо всем этом, конечно, хорошо известно каждому читающему газеты, но об этом не говорится ни в одном постановлении Мирового Совета Церквей. Экуменические священники и левиты проходят молча и без интереса, даже не бросая взгляда в сторону измученных в СССР христиан. Они молчат о них, потому что официальные представители Русской Церкви, вопреки очевидности, отрицают эти преследования в угоду своей гражданской власти.

Эти люди не свободны. Хотят они или не хотят, они вынуждены говорить то, что предписывает им коммунистическая Москва. Тяжесть преследований делает их более достойными сожаления, чем осуждения. Но будучи моральными пленниками безбожников, они не могут быть подлинными представителями Русской Православной Церкви измученной, безправной и безгласной, загнанной в катакомбы и темницы.

Почивший Патриарх Сергей и нынешний Патриарх Алексий были избраны не по правилам, выработанным Всероссийским Церковным Собором в 1917 г. при восстановлении Патриаршества, а по указке самого жестокого гонителя Церкви в истории – Сталина.

Можете ли Вы себе представить Епископа Римского, избранного по указанию Нерона? – Но Сталин был во много раз хуже его.

Избранные Сталиным иерархи должны были обещать свою покорность атеистическому правительству, целью которого по коммунистической программе является уничтожение религии.

Нынешний Патриарх Алексей писал Сталину сразу после кончины своего предшественника, что будет соблюдать верность возглавляемому им правительству. «Действуя в полном единении с Советом по Делах Русской Православной Церкви и вместе с учрежденным покойным Патриархом Священным Синодом, я буду гарантирован от ошибок и неверных шагов».

Всем известно, что «ошибки и неверные шаги» на языке Московских властителей значит отступление в чем бы то ни было от указаний коммунистической власти.

Мы можем жалеть несчастного старца, но мы не можем признавать его каноническим главою Русской Церкви, которой сами мы почитаем себя неразрывной частью.

К Патриарху Алексию и его сотрудникам сугубо относится прещение 80 Апостольского правила и 3 правила VII Вселенского Собора: «аще который епископ, мирских начальников употребив, через них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен, и отлучен, и все сообщаемые с ним».

Епископ Никодим Далматинский в толковании 30 Апостольского Правила говорит: «Если Церковь осуждала незаконное влияние светской власти при поставлении епископа в то время, когда государи были христианами, тем более, следовательно, она должна была осуждать это, когда последние были язычниками». А что же сказать тогда, когда поставляют Патриарха и епископов открытые и воинствующие враги всякой религии?

Когда часть епископата во главе с покойным Патриархом, тогда Митрополитом, Сергием стала на этот пут соглашения с безбожными врагами Церкви в 1927 г., значительная часть и самая авторитетная часть его во главе с Митрополитом Иосифом Ленинградским и первым кандидатом Патриарха Тихона на должность Местоблюстителя, Митрополитом Казанским Кириллом, не согласилась идти по этому пути, предпочитая ссылки и мученичество. Митрополит Иосиф тогда уже пришел к заключению, что при наличии государственной власти, открыто ставящей себе целью искоренение религии

всеми мерами, легальное существование церковного управления делается невозможным без слишком больших и греховных компромиссов. Он поэтому приступил к тайным хиротониям епископов и священников, образовав доныне существующую в тайне Катакомбную Церковь.

О ней редко упоминают безбожники из страха дать ей больше известности. Лишь очень редко проникает в советскую печать сообщение о суде над кем-либо из ее членов. Но о ней говорят справочники для тех, кто работает по распространению атеизма в СССР. Т. н. основные сведения об этой тайной Церкви, под именем Истинно-Православная Церковь, содержатся в справочнике под заглавием «Словарь Атеиста», изданном в Москве в 1964 г.

Без открытых храмов, в тайных собраниях подобно катакомбным собраниям древних христиан, эти исповедники Веры совершают свои молитвы оставаясь невидимыми для внешнего мира. Они-то и являются истинными представителями Русской Православной Церкви, все величие которых станет известно миру только после падения коммунистической власти.

По этой причине, хотя представители Московской Патриархии участвовали в решениях прошлогоднего Всеправославного Соединения в Женеве, мы признаем все постановления этого совещания и, в частности поставление о том, чтобы Православная Церковь стала органическим членом Мирового Совета Церквей, – принятым без участия Русской Православной Церкви. Эта Церковь вынуждена быть безгласной, а мы, ее свободные представители, скорбим о том, что такое решение было принято. Мы категорически протестуем против этого решения, противного самой природе Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Яд ереси бывает не так опасен когда проповедь ее идет только совне. Во много раз опаснее бывает яд, который постепенно вводится в организм все большими и большими дозами, со стороны тех, кто по положению своему должны быть не отравителями, а духовными врачами.

Неужели православный епископат будет оставаться равнодушным к этой опасности? Не слишком ли поздно будет

защищать наших словесных овец, когда волки будут пожирать их на глазах пастырей в самой овчарне?

Не видится ли уже занесенный божественный меч (Матф. 10, 34), разделяющий верных истинному исповеданию Св. Церкви от тех, кто по словам Святейшего Патриарха Афинагора в его приветствии Уппсальскому Собранию, будут трудиться над образованием «нового курса в экуменическом движении» для осуществления «общего христианского обновления и единства» на путях реформаторства и равнодушия в истине?

Мы кажется уже достаточно ясно показали выше что это кажущееся единство есть единство не в чистоте истины Православия а в смешении белого с черным, добра со злом, истины с заблуждением.

Мы уже протестовали ранее против неправославных экуменических выступлений Патриарха Афинагора и Высокопреосвященного Архиепископа Иакова в письмах, которые были широко разосланы епископам в разных странах. Мы получили с некоторых сторон изъявления согласия с нами.

Но теперь пришло время, когда громче и шире должен идти протест, чтобы остановить действие отравы пока она не приобрела силы подобно потрясшим в свое время все тело Церкви древним ересям арианства или несторианства или евтихианства, так что казалось, что ересь может поглотить Православие.

Мы обращаем свой голос ко всем Преосвященным Епископам Православной Церкви, умоляя их, чтобы они изучили предмет нашего послания и встали на защиту чистоты Православной Веры. Просим усердно также их молитв о страждущей от безбожников Русской Православной Церкви, чтобы Господь сократил дни ея испытаний и ниспослал бы ей свободу и мир.

† Митрополит Филарет.

14/27 июля 1969 г.

Неделя Св. Отцов Шести Вселенских Соборов.

**М. М. Родзянко († 1956 г.) Правда о
Зарубежной Церкви. По документам и
личным воспоминаниям.**

Введение.

Приступая к настоящему труду я преследовал цель сообщить истинное положение, в котором пребывает Зарубежная Церковь и пролить свет на происхождение церковных разделений. Беру на себя смелость в виду того, что с детского возраста принимая участие в церковной жизни, я усвоил тот церковный дух, который пребывал в дореволюционной России. Это дух того истинного православия, который хранится в недрах русского народа, того народа, который безхитростно верует как дитя, следуя словам Христа. Этот дух особенно чувствуется в сельских церквях. Проведя большую часть детства при этих церквях Новгородской, Московской и Екатеринославской губерний, постоянно прислуживая при Богослужениях и участвуя в хоре, а впоследствии состоя церковным старостой и управляя хором, я усвоил этот дух русского православия, ставший мне особенно дорогим. Всякое мудрствование, основанное на отвлеченной и сухой букве закона в моем понятии становится тем явлением, которое мертвит живой дух православия. Будучи близок к церковной жизни и интересуясь всеми событиями, мне удалось собрать необходимые документы. Принимая уже в эмиграции близкое участие в изжитии церковной смуты и будучи лично известен Сербскому Патриарху Варнаве, Митрополиту Антонию, Митрополиту Евлогию, Митрополиту Феофилу и Митрополиту Анастасию, по личным воспоминаниям хочу поведать о том, что может быть многим неизвестно. Долгое время живя в Петербурге и встречая много лиц, имеющих отношение как к петербургскому обществу, так и к правительственным кругам, мне тоже многое стало известно.

Памятуя слова Св. Иоанна Златоуста, которых привожу ниже, считаю своим долгом поведать о том, что знаю, ибо не считаю себя в праве стоять в стороне от жизни Церкви, а также не бороться с растлевающим и пагубным церковным разделением.

Слово Св. Иоанна Златоуста.

«Ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, – подвергаемся осуждению не меньше тех, которые терзали Тело Его, если будем расторгать тело Церкви. Поэтому-то и мы говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот последний день: никто нам не говорил, никто не объяснил, мы этого не знали и вовсе не считали грехом. Итак я говорю и свидетельствую, что **производить разделения в Церкви не меньше зло, как и впадать в ереси**. Так как каждый из вас имеет возраст и даст отчет в своих поступках, то я прошу вас о том, чтобы вы, все слагая на нас, не считали невинными самих себя и таким образом в обольщении не повредили напрасно самим себе».

Господи, благослови.

Тысяча лет, как русский народ стал народом христианским и христианство им было воспринято с такою силою, что Россия в понятии народа стала именоваться Святою Русью. Без церкви и вне церкви русский человек жизни не мыслил и весь уклад жизни русского народа проникнут был церковностью. Так было до Петра Великого решительно во всех слоях народных. После Петра положение это сохранилось лишь в толще народной, в интеллигентных же слоях оно в довольно значительной мере изменилось и особенно это сказалось в конце 19-го и начале 20-го века. Зараженная всевозможными либеральными учениями, интеллигенция либерализм перенесла и в церковные вопросы. Среди интеллигенции, особенно петербургской, стали образовываться всевозможные кружки, зачастую зараженные сектантством. Так было увлечение одно время учением Редстока, увлечение теософией, оккультизмом, спиритизмом и прочими учениями, осужденными Церковью. В период времени после 1901 года образовалось общество «Аргонатов», которое собиралось у Андрея Белого, писателя того времени. Вот как Андрей Белый описывает это время: «Появились «видящие» среди «невидящих», они узнавали друг друга; тянуло делиться друг с другом непонятным знанием их, интерес ко всему наблюдаемому разгорался у них, все казалось им новым, охваченным зорями космической и исторической важности и

«видящие» расходились в догадках: тот был атеист, этот теософ, этот влекся к церковности, этот шел прочь от церковности, соглашались друг с другом на факте зари: «нечто светит», из этого «нечто» грядущее развернет свои судьбы». (Эпопея т. 1, стр. 136–137). Этой зарей была обнаружена богиня София и это фактически стало началом, «обнаружением» русским прогрессивным обществом объекта поклонения, оторвавшего его от православия, т. е. от Церкви для того, чтобы начать «философскую» борьбу с нею. В числе «Аргонавтов» встречаются следующие общеизвестные лица: поэт Бальмонт, Валерий Брюсов, Балтрушайтис, С. И. Танеев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, впоследствии священник, Д. В. Filosofov, проф. Каблуков, Д. С. Мережковский, Игорь Кистяковский, З. Н. Гиппиус, А. В. Карташев, Федор Сологуб и др. (Эпопея тт. 1, 2 и 3, стр. 179, 191, 181, 144). Русская интеллигенция того времени, сознательно или нет, подрывала вековые устои русской православной церкви. Направляющим центром явилось «Религиозно-Философское Общество», созданное в этот период. В это общество входили: В. Иванов, Д. В. Filosofov, С. Каблуков, Мережковский, Розанов, Карташев, Булгаков, Бердяев и др. (Эпопея т. 4, стр. 61, 130 и 156). Общество это имело как закрытые, так и открытые собрания, имевшие целью широкую пропаганду в духе революции, реформации и софианства. Про эти собрания Андрей Белый пишет: «Бывало порой до двухсот человек, тут сидели священники, социалисты революционеры, сектанты, эстеты, марксисты, доценты и ницшеанцы»... (Эпопея т. 2, стр. 237–238). В то время среди интеллигенции проявлялся церковный либерализм. Так, священник Крестовоздвиженской Общины Сестер Милосердия ввел своеобразное служение литургии: тайные молитвы он произносил громко, а хор в это время пел едва слышно. Этот эффект очень многим нравился. Имя священника: Отец Васильев. Священник Григорий Петров тоже прославился новаторскими наклонностями, он некоторые возгласы, например, произносил во время литургии по-русски, хотя канонического перевода на русский язык литургии не было. Он стяжал себе разными лекциями и введением новшеств

большую популярность, так что был даже приглашен в качестве законоучителя в военно-учебные заведения. Спустя несколько лет он был лишен сана. Эти новаторские и реформаторские тенденции, конечно, подрывали вековые устои православия, но особого успеха иметь не могли, так как в корне пресекались Святейшим Синодом. Была авторитетная власть в Церкви, которую поддерживала тоже авторитетная власть Благочестивейшего Царя, Помазанника Божия. Так было и в Византии, когда Благочестивый Вазилевс ограждал Церковь от всяческого зла. На страже исполнения всех канонических правил стоял Святейший Синод. Особенною твердостью и ревностью к чистоте православия и точному соблюдению канонов отличался Архиепископ Волынский Антоний, впоследствии Киевский Митрополит. Прогрессивное общество относилось к нему с предубеждением и весьма отрицательно и когда в 1911 году он был назначен членом Святейшего Синода, многие выражали по этому поводу свое негодование. К сожалению, некоторые члены правительства, бывшие по существу элементами консервативными, в церковных вопросах проявляли вредный либерализм и к Владыке Антонию относились не так, как бы то следовало. Граф В. Н. Коковцев, председатель Совета Министров, к Владыке Антонию относился определенно отрицательно, что он доказал спустя много лет уже во время эмиграции в Париже.

Святейший Синод за несколько лет до начала первой мировой войны вел подготовительную работу по созыву Поместного Собора, для чего было образовано Предсоборное Совещание. В нем Владыка Антоний усиленно настаивал на возстановлении Патриаршества.

В августе 1917 года, уже при Временном Правительстве, собрался Всероссийский Церковный Собор. Из деяний этого Собора следует отметить возстановление Патриаршества. Нельзя обойти молчанием, как Собором, другими словами всей Русской Церковью, Отмечен был Владыка Антоний. Несмотря на отрицательное к нему отношение всей прогрессивной интеллигенции, Собор избрал его первым кандидатом в Патриархи Всероссийские. Жребий, однако, пал на митрополита

Московского Тихона, ставшего Патриархом. Святейшему Тихону суждено было перенести много страданий: началось страшное гонение на Церковь со стороны большевиков, и Патриарху много пришлось претерпеть, но он никогда не воздавал Божие кесарю, как бы ни было тяжело. Видя, что гонения усиливаются и что может наступить момент, когда центральная церковная власть окажется совершенно отделенной от местных церковных учреждений, Патриарх, совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, издали указ 20 ноября 1920 года за ном. 362. Означенный указ гласит:

«В случае, если епархия окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе с Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти... в случае невозможности этого, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти».

В пункте 3 этого указа говорится, что возглавлять эту Высшую инстанцию церковной власти должен старейший из иерархов.

Указ этот был издан законной церковной властью совершенно свободно, без всякого давления ни с какой стороны. К этому указу придется еще вернуться.

В конце 1917 года началась гражданская война. Как на юге России, так и в других местах образовались фронты, и всякое общение с Москвой было прервано. Архиереи юга России, лишенные общения с Патриархией, собрались на Собор в г. Ставрополе. На этом Соборе было учреждено Высшее Церковное Управление юга России. К этому времени прибыли туда Митрополит Киевский Антоний и Архиепископ Волынский Евлогий, оба из плена. Они были взяты Петлюровцами и заключены в католический монастырь. Вместе с ними был также в плену архимандрит Виталий, ныне Архиепископ Северо-Американский. Возглавил Высшее Церковное Управление, как старейший, Митр. Антоний. Это Высшее Церковное Управление перешло в Симферополь, когда был сдан Северный Кавказ, а

после эвакуации армии генерала Врангеля – в Константинополь, где оно первое время и находилось. На пребывание там было дано согласие Константинопольской Патриархией официальным актом от 29 декабря 1920 года. На словах же местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Дорофей сказал следующее Митрополиту Антонию: «Под Вашим руководством Патриархия разрешает всякое начинание, ибо Патриархии ведомо, что Ваше Высокопреосвященство не совершит ничего неканонического».

Вскоре Высшее Церковное Управление по приглашению Сербского Патриарха Димитрия переехало в Югославию и обосновалось в Сремских Карловцах. Еще в бытность Высшего Церковного Управления в Симферополе, Архиепископ Евлогий был им назначен управляющим Западно-Европейскими церквями, которые были в ведении Петроградского Митрополита. Назначение это было сделано по просьбе самого Архиепископа Евлогия, обращенной в Высшее Церковное Управление через Таврического Архиепископа Димитрия. Настоятель Парижской Церкви, протоиерей Иоанн Смирнов, пожелал иметь подтверждение этого назначения от центральной Российской церковной власти, каковое и было получено им при посредстве Финляндского Архиепископа Серафима. Патриарший Синод 2 марта 1921 года признал законными действия Высшего Церковного Управления в следующих выражениях: «В виду состоявшегося постановления Высшего Церковного Управления за границей, считать русские церкви в Зап. Европе временно под управлением Преосвященного Евлогия».

Вокруг Высшего Церковного Управления объединилось 34 архиерея со всех мест и стран, находившихся вне досягаемости большевиков, а именно: с Дальнего Востока, Европы и Америки. В апреле 1921 года Высшее Церковное Управление постановило организовать собрание представителей русской православной Церкви за границей для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности. Собор этот состоялся в Сремских Карловцах с 8 по 20 ноября 1921 года. Из числа архиереев, кроме

митрополита Антония, принимали участие митрополит Платон архиепископ Евлогий, архиепископ Анастасий и многие другие. Среди постановлений, вынесенных этим собором, следует особо отметить послание к Мировой Генуэзской конференции. В этом послании указывалось на опасность коммунизма в мировом масштабе. Постановление это об обращении к Генуэзской конференции вызвало негодование советской власти. Она поняла, что единая Зарубежная Церковь является громадной моральной силой и что ее необходимо так или иначе обезвредить. Было оказано сильное давление на Патриарха с угрозами расстрела целого ряда священников и его вынудили в конце концов издать указ о закрытии Высшего Церковного Управления за границей. Большевики рассчитывали, что с закрытием центра Зарубежная Церковь прекратит свое существование. Указ был дан на имя митрополита Евлогия и ему поручалось временно управление заграничными приходами, с предложением представить свои соображения о порядке управления ими. Указ датирован 5 мая 1922 года. Тут надо отметить, что Собор постановил обратиться к Генуэзской конференции в ноябре 1921 года, приведено же постановление это в исполнение было лишь весной 1922 года, когда митрополит Антоний обратился с посланием к Генуэзской конференции. Ясно, что указ 5 мая 1922 года был дан именно в ответ на это послание. Другия постановления Собора, повидимому, не беспокоили советскую власть, иначе она бы немедленно реагировала. Следует обратить внимание на то, что в Указе 5 мая не было предъявлено никаких обвинений в нарушении канонических законов, следовательно этот указ носил чисто мирской политический характер и был дан под давлением советской власти.

Получив этот указ, митрополит Евлогий пришел в полное смущение. В письме к митрополиту Антонию от 3/16 июля 1922 года он пишет: «Указ этот поразил меня своею неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно он дан был под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю,

хотя бы он был и действительно написан и подписан Патриархом. Документ этот имеет характер политический, а не церковный. Вне пределов советского государства он не имеет значения и авторитета ни для кого и нигде». В результате этого указа митрополит Евлогий подал Собору епископов 8 августа 1922 года записку следующего содержания: «Предлагаю теперь же закрыть означенное управление и немедленно всем собравшимся заграничным русским епископам приступить к организации нового центрального Высшего Церковного Управления за границей или к восстановлению старого, действовавшего до Карловацкого Собора». 31 августа 1922 года Собор собрался и постановил: «Во исполнение Указа Патриарха и его Синода и Совета Высшее Церковное Управление упразднить. На основании же постановления Патриарха и тех же органов управления при нем от 20 ноября 1920 г. за ном. 362 – образовать Временный Священный Архиерейский Синод Русской православной церкви за границей». Таким образом Высшее Церковное Управление, состоящее из епископов, клириков и мирян было заменено Синодом, состоящим уже исключительно из епископов. Циркулярное сообщение об образовании Синода, посланное по всем церковным установлениям за границей, было подписано за председателя митрополитом Евлогием. В своем представлении в Архиерейский Синод от 18/31 мая 1923 года митрополит Евлогий пишет: «Все заграничные епархии приемлют свое объединение и имеют высшую инстанцию в ежегодном Соборе епископов, в чем и проявляется во всей чистоте наш исконный восточно-православный принцип соборности. На Соборе архиереев будет председательствовать старейший по сану из архипастырей, который и в России имел особая перед другими Владыками права – Высокопреосвященнейший митрополит Киевский Антоний, что будет согласно с п. 3 патриаршего указа 1920 года за ном. 362». Это постановление Собора не вызвало никаких возражений со стороны Патриарха, а также не последовало ни закрытие Синода ни прещение.

Возвращаясь назад отметим, что Патриарх Тихон в беседе с представителем ИМКИ американцем Колтоном в присутствии

протоиерея Федора Пашковского, впоследствии митрополита Феофила, на просьбу о назначении в Америку митрополита Платона сказал, что дает лишь рекомендацию, которую Колтон сообщит Собору беженцев епископов за границей, которые управляют заграничными делами Церкви. Этот разговор имел место 3 мая 1922 года, т. е. за два дня до издания указа 5 мая 1922 года. Ясно, что указ не являлся истинным выражением воли Патриарха. Если бы указ соответствовал воле Патриарха, то разговор с Колтоном и протоиереем Пашковским носил бы совершенно иной характер. Спустя четыре года митрополит Сергей написал обращение к зарубежным епископам в ответ на их просьбу быть судьей в вопросе об уходе митрополита Евлогия из Собора. Вот что он пишет: «Дорогие мои Святители, Вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю, из кого состоит ваш Синод и Собор и какия их полномочия. Не знаю я и предмета разногласий между Синодом и митр. Евлогием. Ясно, что судьей между вами я быть не могу. Ваше письмо дает мне повод поставить общий вопрос: может ли вообще Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между нами фактически нет отношений? Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы вы общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия, и имеющий силу пресекать всякое недоразумение и всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке, всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений или объяснить их недостаточной осведомленностью: одни будут их признавать, другие – нет, например митр. Евлогий, как вы пишете, ссылается на указ Святейшего Патриарха от 22 года, а вы – на указ 20 года и т. п.» – Послание это датировано 12 сентября 1926 года, т. е. до того времени, когда митрополит Сергей подпал всецело под власть большевиков, и мог еще действовать свободно.

Из вышеизложенного можно определенно сделать следующий вывод: что центральная церковная власть считает необходимым сохранение заграничного Синода и что она очень

недвусмысленно дает понять, что ея собственные акты могут не всегда быть свободны и даже противоречить истинному изъявлению ея воли, вследствие чего надо избегать всякого общения с ней.

Из изложенного видно, что имеются налицо два указа Патриарха и его высшего управления, причем один противоречит другому. Однако, второй указ не отменяет первого. Если бы этот указ был действительно изъявлением воли Патриарха, то он прежде всего отменил бы указ 1920 года и второй указ начинался бы словами: «В отмену указа от 20 ноября 1920 г. за ном. 362» и т. д. – Между тем этого не последовало, и этим Патриарх подчеркнул что, давая указ о закрытии Высшего Церковного Управления за границей, он дает выход заграничным архиереям для новой организации заграничного церковного управления.

Когда проводится в жизнь новый закон, то лицо или учреждение, которое его проводит, должно прежде всего уяснить себе дух этого закона, постараться угадать, что имел в виду законодатель и какую он цель преследовал, издавая данный закон. Подходя со всех сторон к этому вопросу и приняв во внимание все обстоятельства и политическую обстановку, получается, что главная цель Патриарха была сохранить ту часть русской церкви, которая оказалась вне большевицкой досягаемости, поставить ее на законный фундамент и тем отстранить всякую возможность проявления самочиния. Указ 20 ноября можно толковать исключительно с этой точки зрения. Так его и понял Архиерейский Собор. Другой указ от 1922 года имел совсем иной характер; он был вынужденный. Его Патриарх издал под угрозой усиления гонений, и, как вынужденный, он теряет всякую юридическую силу. Он не выражает воли Патриарха, ибо дан был против его воли. Это определенно высказал в своем письме к митр. Антонию митр. Евлогий. Указ же от 1920 года дан был совершенно свободно, без всякого давления и выражал подлинную волю Патриарха. Повторяю, Собор архиереев в августе 1922 г. совершенно правильно понял всю юридическую сторону обоих указов и поступил так, как то предписала Мать Церковь, а именно: организовать центральный

орган церковного управления для всех частей русской церкви, разбросанных по всему свету; этот орган должен все объединить и тем предотвратить всякое разделение и распыление. Такое положение должно продолжаться до того времени, когда явится возможность нормального сношения с Патриархией, и тогда это временное управление даст отчет о своей деятельности. Само собой понятно, что не мог Патриарх точно указать, каким моментом надо считать эту возможность нормального сношения. Определить этот момент может лишь тот, кто не находится под большевицким гнетом. Момент этот наступит тогда, когда соберется свободно избранный Собор Русской Церкви, когда не будут больше томиться в лагерях и тюрьмах исповедники страстотерпцы, когда Церковь Русская скажет, кто должен ее возглавлять. Тогда это произойдет, когда Богу угодно будет, чтобы пала советская власть.

Выше было сказано о существовании религиозно-философского общества в Петербурге и Москве. Когда произошел большевицкий переворот, это общество вновь появилось, составленное из тех же лиц, но под названием «Вольной академии духовной культуры». Эта академия благополучно просуществовала до 1922 года, т. е. пять лет. Никто из членов этой академии в концентрационный лагерь не попал, а в 1922 году эти лица вместе с группой профессоров были высланы за границу. По сведениям, помещенным в книге: «Документы и мысли о высылке ученых из советской России в 1922 году» (Herausgegeben von Dr. Wilhelm Liebenov Berlin W 85 Schoeneberg Ufer 44), эти лица пользовались материальным пособием от советской власти. Деньги высылались ежемесячно от бывшего консула Полякова в Кенигсберге, а потом от УЗА (помощь ученым за границей), который оставался в России. В ном. 603 газеты «Руль», издававшейся в Берлине, от 21 ноября 1922 года напечатано: «За несколько недель до высылки Зиновьев, выступая на одном из рабочих собраний обмолвился заявлением о том, что советская власть со своей стороны готова оказать высылаемым материальное содействие. Основываясь на этом заявлении удалось добиться

ассигнования Госполитуправлением средств на оплату пароходных билетов».

По прибытии в Берлин члены «Вольной академии духовной культуры» открывают «Религиозно философскую академию», которая через некоторый промежуток времени переезжает в Париж, где образовывает братство Св. Софии. Устав этого братства был представлен на утверждение митроп. Евлогию, который устав этот утвердил 11 декабря 1923 г. В число членов братства входили в числе других все те же лица: Булгаков, Карташев, Зандер, Бердяев и др. Спустя некоторое время приступают к основанию в Париже Богословского Института при Сергиевском подворье, причем вся профессура состоит из членов бывшей при большевиках «Вольной академии духовной культуры». Персонал этого института образовал прочное окружение митр. Евлогия. В число этого окружения вошли еще бывшие председатель совета министров и министр финансов граф В. Н. Коковцев, член Гос. Думы Е. П. Ковалевский и член Гос. Думы И. П. Демидов. Синод, узнав о намерении открыть в Париже Богословский Институт, затребовал программу, по которой предполагается вести преподавание. Такое же требование было предъявлено такому же Институту, открывшемуся в Харбине. Из Харбина программа была прислана, а из Парижа нет. Столкнулась опять церковно-либеральная интеллигенции с митр. Антонием. Увидела она, что не даст он ей проводить модернизацию православия, и решила избавиться от его влияния. Присоединились также к этому движению гр. Коковцев и другие. Тут сказала старая антипатия гр. Коковцева к Владыке Антонию. Окружение митр. Евлогия стало всеми средствами добиваться, чтобы освободиться от главенства Синода, и в конце концов добилось того, что митр. Евлогий порвал с Синодом и Собором. Это произошло в 1926 году. Следует отметить, что Собор относился отрицательно к ИМКЕ и требовал, чтобы митр. Евлогий от нея отмежевался, чего он сделать не мог, так как создание Богословского Института было в большой степени финансировано этим учреждением.

Советской власти не удалось уничтожить Зарубежную Церковь, вынудив Патриарха дать указ 1922 года. Несомненно она искала возможности ослабить моральную силу Зарубежной Церкви. Случившееся в 1926 году отпадение митр. Евлогия с большей частью его Зап. Европейской епархии от Зарубежной Церкви было как нельзя более на руку советской власти. Раскол этот был нужен только ей и никому другому.

Вот что говорил по этому поводу Сербский Патриарх Варнава в своем слове во время службы в Русской Церкви в Белграде 22 июня 1930 г.:

«Знайте, что изуверы, гонящие Церковь, не только Ее мучат, но стараются Ее расколоть, разъединить и всячески простирают свои преступные руки и к вам, находящимся за пределами вашего отечества. Вы, верные сыны России, должны помнить, что вы являетесь единственной опорой великого русского народа. Вы обязаны во что бы то ни стало сохранить неповрежденными народные церковные предания во всей их чистоте. Это ваш долг перед Богом, перед вашей великой Родиной и перед всем христианским миром. Посеянные врагами вашей родины, церковные раздоры должны во что бы то ни стало прекратиться. Среди вас находится великий иерарх Высокопреосвященнейший Митрополит Антоний, который является украшением вселенской православной Церкви. Это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви Христовой в начале христианства. В нем и заключается церковная правда, и те, кто отделились, должны вернуться к нему. Вы все, не только живущие в нашей Югославии, но и находящиеся в Америке, в Азии и во всех странах мира, должны составить во главе с вашим великим Архипастырем, митрополитом Антонием, единое, несокрушимое целое, не поддающееся нападкам и провокациям врагов Церкви. Я, как Сербский Патриарх, как ваш родной брат, горячо молюсь Богу, чтобы Он соединил русских людей, находящихся за границей в единое целое, чтобы возстала Россия такую, какою она была во главе с православным Самодержавным Царем, и от имени Господа Иисуса Христа и всех Его Святых благословляю вас благословением Патриаршим».

Порвав с Собором в 1926 году, митр. Евлогий стал управлять своей епархией, основываясь на указе 5 мая 1922 г. за ном. 348, о котором в письме к митр. Антонию от 3/16 июня 1922 года он писал: «несомненно он дан был под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю... вне пределов советского государства он не имеет значения и авторитета ни для кого и нигде». Выходит, что теперь этот указ для него имеет и значение и авторитет, и в своих посланиях он стал писать диаметрально противоположное тому, что писал раньше. Так 26 июня 1924 г. в послании к пастве он писал: «Правила духовныя указуют особое внимательное и братолюбивое отношение к тем епископам, которые лишились своих кафедр не по своей вине с предоставлением им участия в чести и служении епископском (18 прав. Антиох. Собора), дабы они могли и рукоположения в разныя степени клира по правилам совершать и преимущественно председания сообразно своему пределу пользоваться; и всякое их начальственное действие да будет признаваемо законным и твердым, говорится в 37 правиле Трульского Собора». Теперь же от 6/19 августа 1926 года он пишет: «наши же соборы за рубежом и особенно Синод в большинстве состоят из епископов только титулярных, уже освобожденных от своих мест в России и уже замещенных там другими законно правящими епископами. Митр. Платон и я только имеем свои административныя полномочия от Патриарха. Ссылка митр. Антония на 37 правило четвертого Вселенского, Трульского Собора здесь не уместна». В этом же послании он пишет: «попытка выбросить из исторического обращения ясный и не допускающий никаких кривотолков московский указ 1922 года только потому, что он кому-то неприятен, является произвольною и незаконною», а 3/16 июля 1922 года т. е. три года раньше он писал митр. Антонию, как об этом сказано выше, что он никакой обязательной силы за этим указом не признаёт. В том же послании от 6/19 августа 1926 года он пишет, что «предыдущие Соборы при обсуждении вопросов церковного управления всегда исходили из указа 5 мая 1922 г. как основоположительного, давшего им бытие. Теперь же он намеренно замалчивается, и выдвигается

новоизмышленная несостоятельная теория, будто и заграничный Собор и Синод созданы по инициативе старейшего митр. Антония на основании Патриаршего указа от 20 ноября 1920 г. за ном. 362 и не нуждается в утверждении свыше. Искусственность этой теории видна уже из того, что она доселе была неизвестна и теперь выдвигается впервые». 18/31 мая 1923 года в своем докладе Синоду он писал: «на Соборе архиереев будет председательствовать старейший по сану из архипастырей, который и в России имел особия перед другими Владыками права – Высокопреосвященнейший митрополит Киевский Антоний, что будет согласно с п. 3 Патриаршего указа 1920 года за ном. 362». А сейчас для него оказываются эти епископы и митр. Антоний безправными.

Вот как реагировал на это начальник Пекинской миссии митр. Иннокентий, который обратился к митр. Евлогию, после разрыва последнего с Собором, с письмом, в котором пишет: «Зачем же Вы вводили нас, епископов, в заблуждение, когда образовывали Архиерейский Синод и посылали нам от его имени, указы? Не были ли Вы постоянным членом Синода, а одно время даже заместителем председателя его? Мы Вам верили и слушались Ваших распоряжений, считая их законными. Что же оказывается теперь? Вы сознательно вводили нас в какие-то преступные заблуждения, и мы, епископы, верные своему долгу, оказались обманутыми Вами. Но это не так. Вы, Ваше Высокопреосвященство, просто изменили себе и ныне начали разрушать то, что раньше созидали. Этим Вы сами себя являете по Апостолу Павлу преступником (Галат. 2, 18). Я лично никогда не мог допустить, чтобы епископ в высоком сане мог вводить нас, епископов отдаленных стран, в обман. Я верил и не перестаю верить, что Синод являлся и является исполнительным органом Собора всех русских епископов за границей. Как к таковому я не перестаю питать к нему моего глубокого уважения и быть у него в послушании, ибо я подчиняюсь не Синоду, как таковому, а Собору всего епископата за границей. Надеюсь – и Вы не будете отрицать того общеизвестного факта, что Вы являли полное

послушание Собору и Синоду всегда, когда это Вам было выгодно».

В течение нескольких месяцев, Синод пытался ликвидировать создавшееся положение, и как будто бы митр. Евлогий пошел навстречу, прислав двух своих викариев для переговоров в Сремския Карловцы. Переговоры уже близились к концу, когда неожиданно викарии были отозваны обратно. Тогда Собор наложил на митр. Евлогия прещение. Митр. Евлогий этого прещения не признал. Он стал управлять своей епархией согласно указу от 5 мая 1922 года, а в 1927 году вошел в сношение с Митр. Сергием, Заместителем Блжстителя Патр. Престола, и всецело ему подчинился. В это время митр. Сергей уже вошел в соглашение с советской властью и издал свою известную декларацию. Митр. Сергей под давлением советской власти указом от 27 мая 1927 года за ном. 97 потребовал от митр. Евлогия, его викариев и всего подчиненного ему духовенства персональную подписку о лояльности советской власти. Подписи эти были даны и все отосланы в Москву. Таковое же требование о лояльности советской власти было предъявлено митр. Антонию и Синоду. Митр. Антоний в категорической форме от этого требования отказался.

В ном. 2655 газеты «Последняя Новости» и в ном. 1123 газеты «Возрождение» от 8 июня 1928 года напечатан указ митр. Сергия, в котором говорится:

«Преосвященного Управляющего русскими церквами в Зап. Европе, митрополита Евлогия, архиепископа бывшего Белостокского Владимира, епископов бывшего Бельского Сергия и бывшего Севастопольского Вениамина с прочими священнослужителями, давшими затребованное от них обязательство, считать по прежнему состоящими в административно каноническом ведении Московской Патриархии...

Раздел VIII: По получении от Преосвященного митрополита Евлогия подробного донесения о последующем, иметь особое суждение о Преосвященных и прочем духовенстве Карловацкой группы, чтобы: а – тех из них, кто с принятием настоящего

предписания даст вместе и обязательство о лояльности к советской власти – признать остающимися в каноническом подчинении Московской Патриархии».

Входящий в окружение митр. Евлогия профессор Карташев в газете «Борьба за Россию» в ном. 41 от 3-го сентября 1927 года в передовой статье «Церковный вопрос» восхваляет акт митр. Евлогия, подчинившегося Москве, и резко критикует позицию Синода. Вместе с митр. Евлогием дали подписку о лояльности советской власти его викарии, начиная с архиепископа Владимира, и большинство духовенства. Были и отказавшиеся. Так, например, настоятель церкви в Женеве протоиерей Сергей Орлов в ответ на полученный вопрос о его ответе на циркулярное письмо митр. Евлогия писал: «...На всем духовенстве Церкви лежит по меньшей мере долг подвига крепкой, стойкой, горячей молитвы Господу об избавлении дорогой Родины нашей и всего русского православного народа от «богоборческой советской власти». Если же я об этом ежедневно и усердно молюсь, призывая и других со мною молиться, то не могу я лицемерить и не говорить, что я не признаю советской власти законною и благою для моей Родины, от которой советская власть оторвала и дорогое мне имя «Россия»... Церковь не может быть аполитичной по отношению к таковой власти, и советская власть истолкует означенное обязательство в том смысле, что мы не только должны быть не деятельны противно ей, но должны быть безмолвны против всей ея правительственной т. е. политической деятельности, направленной к поруганию и искоренению из жизни всех основ святой веры нашей, к разрушению самой Церкви нашей. Таковы мои верования и убеждения совести, которая не позволяет мне давать никакой подписки и никакого письменного заявления, из которых можно было бы заключать о каком бы то ни было обязательстве в отношении к так называемой советской власти, большевицкой, интернациональной, богоборческой».

Возглавитель белого движения генерал барон П. Н. Врангель писал графу Д. А. Олсуфьеву, члену Всероссийского Церковного Собора, следующее: «Конечно, заграничная свободная Церковь, со дня пленения Церкви в России, должна

в действиях своих стать независимой, самостоятельной; конечно, всемерно желательно, чтобы Заграничная Церковь управлялась соборно. Что же касается ответа Заграничного Собора и митр. Евлогия на послание митр. Сергия, то, конечно, насколько ответ Собора достоин и определен, настолько же ответ митр. Евлогия уклончив и двусмыслен. Я счел своим долгом ответ Собора разослать всем чинам зарубежной армии, как образец твердого и мужественного голоса Заруб. Церкви, не желавшей подчиниться безбожной власти, поработившей нашу несчастную Родину».

Разбирая вопрос о подписке в лояльности советской власти с юридической стороны, можно прийти к заключению, что акт этот является юридическим нонсенсом. Абсурдно заверение в лояльности той власти, которая преследовала данное лицо и от которой это лицо принуждено было эмигрировать.

За время своего подчинения митр. Сергию митр. Евлогий, между прочим, обратился к митр. Сергию с просьбой предоставить ему автономное управление. В этом ему было отказано с указанием, что он не является даже епархиальным архиереем, а лишь временно исполняющим обязанности викария Петроградской епархии.

Требования из Москвы все увеличивались и дошли до такого предела, что митр. Евлогий не мог уже их выполнять, так как должен был считаться с паствой. В результате, за неподчинение большевизским директивам, проводимым через московскую Патриархию, митр. Евлогий 30 июня 1930 года был лишен права управления, а 24 декабря 1930 года запрещен в служении. Таким образом, митр. Евлогий оказался под вторым запрещением. Оба раза он подпадает под запрещение той власти, которую он в данный момент считает единственно каноничной.

Митр. Евлогий и этому прещению не подчинился и оказался со своей паствой в очень затруднительном положении. Как следствие этого его Епархиальное собрание 29 июня 1930 г. постановляет: «Наступил фактический перерыв нормальных административных сношений с высшей церковной властью в России, и прекратилась возможность получать от последней

свободныя волеизъявления, и потому наступил момент подчиниться указаниям от 20 ноября 1920 года и, не порывая духовной и канонической связи с Матерью Всероссийской Церковью в вере, молитве и любви, впредь до восстановления нормального положения, правящему епископу митр. Евлогию воспринять полноту власти по вверенной ему епархии». (Церк. Вестник ном. 8 1930 г.)

Привести это постановление в исполнение было невозможно, так как митр. Евлогий со своей епархией не был изолирован от других русских зарубежных епархий. Единственное, что можно было сделать на основании указа 20 ноября 1920 г. – это вновь соединиться с Собором Заруб. Церкви. Этому воспротивилось окружение, не желавшее подпасть под контроль митр. Антония. Выход был найден в каноническом подчинении Вселенскому Патриарху. Характерно, что только теперь был изобретен этот «единственно» канонический путь. Для сохранения свободы своей мысли и своей внутренней независимости, лица, нашедшие этот выход, оторвали Зап. Европейскую епархию от русского иерархического подчинения и, перейдя к Константинопольскому Патриарху, уже не встречали какой-либо оппозиции своей деятельности.

Этим актом вся Зап. Европейская епархии оказалась оторванной от Русской Церкви. Им была нарушена воля Патриарха Тихона и его управления к созданию единой Соборной Зарубежной Церкви, могущей в свободных условиях морально противостоять безбожному коммунизму.

Митр. Евлогий обратился к суду Константинопольского Патриарха против митр. Сергия, базируясь на 17 правиле Халкидонского Собора, которое гласит: «По каждой епархии в селах или предградиях сущие приходы должны неизменно пребывать под властью заведывающих оными епископов: и наипаче, аще в продолжении 30 лет бесспорно имели оные в своем ведении и управлении. Аще же не далее тридцати лет был или будет о них какой спор: то да будет позволено почитающим себя обиженными, начати о том дело пред областным Собором. Аще же кто будет обижен от своего митрополита: да судится пред экзархом великия области или

пред Константинопольским Престолом, якоже речено выше. Но еще Царскою властью вновь устроен или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку».

В дополнение к сказанному и чтобы кто не подумал, что Константинопольский Патриарх имеет безусловное право над всеми митрополитами и вне границ своего Патриархата, приведем из толкований Зонары на это правило следующее: «Но не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский Патриарх поставляется судьей, а только над подчиненными ему, ибо он не может привлечь к своему суду митрополитов Сирии, или Палестины и Финикии, или Египта против их воли. Но митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского Патриарха а Палестинские – суду Патриарха Иерусалимского, а Египетский должны судиться у Патриарха Александрийского, от которых они принимают и хиротонию и которым именно и подчинены».

Из этого 17-го правила ясно, что митр. Евлогий не мог обращаться к суду Константинопольского Патриарха, так как Московский митрополит Сергей не был этому Патриарху подсуден.

Здесь нужно отметить, что до раскола митр. Евлогий всячески сопротивлялся посягательствам Константинопольского Патриарха на части Русской Церкви за границей. Это видно из его письма Варшавскому митрополиту Дионисию от 5/18 мая 1926 г. «Обращение же к Константинопольскому Патриарху, и участие последнего в устройении православной Церкви в Польше я признаю, при всем моем глубоком уважении к высокому положению этого православного первоиерарха, неправильным и вижу в этом неоправдываемый канонами акт вмешательства его во внутренние дела Автокефальной Русской Церкви». В своих посланиях в защиту позиции Архиерейского Синода он писал следующее в ответ на притязания Константинопольского Патриарха в 1923 и 1924 гг.: «Все эти церкви становятся в настоящее время русскими метохами в пределах новой Православной Церкви в Чехии, и положение их является тождественным с положением Русской Духовной

Миссии и ея храмов в Палестине, а также с современным положением русских приходов в Константинополе, Сербии и в других православных странах».

Викарии митр. Евлогия – Архиепископ Владимир и Епископ Сергей были сосланы в монастыри в Польше за несогласие признать вмешательство Константинопольского Патриарха в дела тамошней Церкви, подчиненной Московскому Патриарху.

Одновременно с митр. Евлогием порвал с Собором Заруб. Церкви американский митрополит Платон. Положение в Американской епархии сводилось к следующему: митр. Платон был назначен Синодом Заруб. Церкви епархиальным архиереем в Америку по рекомендации Патриарха Тихона, переданной через американца Колтона и протоиерея Пашковского, о чем последний представил доклад митр. Антонию. 22 августа / 5 сентября 1922 года архиерейский Синод постановил: «В виду выраженного Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России, воли о том, чтобы управление Сев. Американской епархией временно принял на себя митр. Херсонский и Одесский Платон, сообщенной в рапорте прибывшего из Москвы протоиерея Ф. Пашковского от 1/14 июля 1922 года за ном. 1, и в виду согласия архиепископа Александра на передачу временно управления епархией митр. Платону – считать митр. Платона временно управляющим Сев. Американской епархией».

Будучи уже в Америке, митр. Платон всячески старался подчеркивать свое искреннее подчинение Собору и Синоду. Так он писал в «Американском Православном Вестнике» ном. 6 за 1924 г.: «В тех обстоятельствах, среди которых стала жить русская Церковь за границей, единственным для нея утешением и отрадою явилась возможность созыва Архиерейских Соборов из иерархов, волею судеб оказавшихся за пределами бывшей России. Архиерейский Собор морально такая величина, перед которою невольно должна преклониться даже привыкшая к своеволию и упорству энергия единицы... Будем посему ожидать, что и в Америке те, кто о себе говорит, что он подлинно «епископ», вникнут в сущность созданного ими церковного обострения и покажут свою православную

настроенность в духе, указываемом Архиерейским Собором в Карловцах». До этого состоялось в Детройте собрание, названное собором, на котором были вынесены явно автокефалического духа постановления. Сам митр. Платон оставался в начале деятельности Собора в тени и главную роль выполнял протоиерей Леонид Туркевич, ныне митрополит Леонтий. В 1924 году митр. Платон участвует на Соборе в Сремских Карловцах и избирается членом Синода и проявляет полное послушание Собору. В 1926 году он снова приезжает из Америки на Собор в Сремския Карловцы и представляет подробный доклад, занесенный в протокол Архиерейского Собора ном. 4 от 14/27 июня 1926 года:

«Священный Собор Архиереев Русской Православной Церкви за границей слушали: подробный доклад Высокопреосвященного Митрополита Платона, в коем он ознакомил Собор с историей смуты и нестроений в Русской Церкви в Америке со времени отъезда из Америки быв. Архиепископа Евдокима и до последнего времени. – По вопросу о Съезде духовенства и мирян в Детройте он сказал, что он был допущен им как клапан для выхода автокефалических газов, угрожавших спокойствию и целостности Русской Церкви в Америке. Если он и утверждал постановления этого съезда, то только ввиду указанных обстоятельств, но одновременно принял меры к анулированию их в жизни учреждением комиссии для проведения их в жизнь, в каковую он нарочито включил, получив на это право на съезде, путем кооптации большинство членов, не сочувствующих автокефалии, и надеется таким путем подготовить и формальное их анулирование. С своей стороны, он настойчиво свидетельствует, что он решительный враг автокефалии Американской Церкви и подтверждает свою полную каноническую покорность Местоблюстителю Патриаршего Престола Митрополиту Петру, Собору епископов заграничной части Русской Православной Церкви и избираемому им Архиерейскому Синоду. В виду всего вышеупомянутого он просит Собор епископов дать ему за собственноручную подписью всех членов Собора заготовленную его адвокатом

грамоту ко всем Патриархам и к Русской Церкви в Америке, в коей подтверждаются его права и полномочия на управление православной Церковью в Америке и каковая необходима ему для суда с представителем живоцерковников в Америке бывшим священником Кедровским». – Протокол этот был подписан всеми присутствующими архиереями, за исключением митр. Платона и митр. Евлогия. По этому поводу состоялось нижеследующее постановление Собора от 18 июня / 1 июля 1926 г.: «Архиерейский Собор имели суждение об отказе Высокопреосвященного митр. Платона подписать протокол соборного заседания от 14/27 июня о своих отношениях к Патриаршему Местоблюстителю, Архиерейскому Собору и Синоду. Постановили:

1. Собор архиереев свидетельствует: что в протоколе от 14/27 июня 1926 года ном. 4 точно переданы положения словесного доклада митр. Платона, а его заявление, что подписание им сего протокола свидетельствовало бы о том, что он якобы не признает власти Патриаршего Местоблюстителя, признает неосновательным.

2. Собор архиереев свидетельствует, что означенный протокол не подписал и митр. Евлогий, хотя при чтении заявил, что протокол составлен правильно.

3. Признать несомненным, что митр. Платон вопреки своим устным и письменным заявлениям, стремится к организации автокефального управления для Сев. Американской Церкви.

4. Признать крайне опасным, вредным для интересов Русской Церкви в Америке и противоречащим канонам постановление так называемого Детройтского Собора об автокефалии Сев. Американской Церкви, о чем состоялось постановление Синода и Собора в 1924 году.

5. Потребовать от митр. Платона и его викариев заявление, что они не признают постановления так называемого Детройтского Собора относительно автокефалии Сев. Американской Церкви и что они подчиняются временно, до установления нормальных сношений с законной высшей церковной властью в России, канонической, судебно-административной власти Заграничного Собора и Синода

русских епископов, ибо это подчинение не ослабляет подчинения Местоблюстителю Патриаршего Всероссийского Престола, власть коего признает над собою Собор и Синод.

6. Если в течении четырех месяцев Архиерейский Синод не получит таковых заявлений, поручить Синоду иметь о сем суждение и послать архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия для ознакомления на месте с нестроениями Сев. Американской епархии и предоставить ему право в случае надобности, каковую установит Синод, взять на себя временное управление Сев.-Американской епархией.

7. Затребовать от митр. Платона акты состоявшегося в Нью Йорке в 1925 году «собора» и объяснение по делу этого «собора».

8. Просимых митр. Платоном грамот ко всем Патриархам и послания к Американской Церкви в указанной им редакции не давать.

9. До получения указанного в п. 5 заявления не считать митр. Платона членом архиерейского Синода в виду того, что он указал о своей неподчиненности ему».

На этом митр. Платон покидает Собор вместе с митр. Евлогием. Таким образом Зарубежная Церковь разделилась на три части и в значительной степени была этим ослаблена. Спрашивается кому это нужно? Ответ один: только большевикам.

В начале 1926 года прибыл в Югославию архимандрит Арсений и навестил своего брата, служившего ветеринарным врачом в селе Беодра в Банате, где и я с семьей проживал. Он нам поведал, что был прежде в Америке и что его бывшая паства, узнав, что он благополучно прибыл в Югославию, просит его вернуться к ней и что митр. Платон ходатайствует перед Синодом о его хиротонии и поставлении в Канаду. Синод пошел на встречу ходатайству и вскоре в Троицкой церкви в Белграде была его хиротония, во время которой новый архипастырь принес архиерейскую клятву. В ней он именем Божиим обещается по священным канонам и по совести исполнять свой архипастырский долг, повиноваться высшей церковной власти, Собору архиереев и архиерейскому Синоду.

В своем обращении к Канадской пастве он говорит: «Любовь архипастыря главы Церкви православной в Америке и Канаде Высокопреосвященнейшего Митрополита Платона через Высшую Власть нашей Церкви за границей, Архиерейский Синод, призвала меня к служению архиерейскому на ниве Канадской православной Церкви». Несколько месяцев спустя викарии митр. Платона обратились с «ответным посланием епископов русской православной Церкви в Сев. Америке от 10 сентября 1926 г. на письмо и постановление русских епископов в Карловцах». Из заголовка этого послания уже становится ясным, что авторы этого послания не признают ни Собора, ни Синода. В самом тексте говорится, что «имеются русские епископы в Карловцах, беженцы, бросившие свои паствы и тем самым оторвавшиеся от тела Церкви, а затем самовольно объединившиеся в так называемый Синод и Собор, никакого канонического значения не имеющие». Это послание среди других епископов подписал епископ Арсений, клятвенное обещание которого в верности Собору и Синоду приведено выше. Единственно еп. Апполинарий категорически отказался его подписать. Это случилось еще до возвращения митр. Платона из Европы. Вернувшись, он собрал всех епископов в Нью Йорк и 18/31 января 1927 года огласил послание к Американской пастве, где говорится, что «Синод архиереев в Карловцах не каноничен, что ему поэтому не следует подчиняться и что Американская епархия отселе будет считаться «самоопределяющейся церковью». Все епископы это обращение одобрили за исключением епископа Аполлинария, который заявил, что архиерейский Синод он признавал и признает каноничным, как по своему происхождению, так и по составу его теперешнему, повиновался и повинуетя ему как судебно-административной власти; права Американской епархии на «самоопределяемость церковную» отрицает. В ответ на такое заявление митр. Платон со своими викариями устранили его от управления диоцезией Сан-Франциско и от настоятельства прихода Свято-Троицкого Собора и лишили его всех прав служения в церквях Америки. Синод в ответ на незаконное устранение епископа Аполлинария, указом от

14/27 апреля 1927 г. ном. 464 определил: «так как означенное решение митр. Платона и его викариев состоялось с нарушением священных канонов (9 правила Третьего Вселенского Собора, 16 прав. Двукр. Соб., Третьего прав. 7-го Всел. Соб., 19 и 23 прав. Антиох. Соб., 12 прав. Лаодик. Соб., 13-го прав. Карфаг. Соб. и друг.), согласно коим епископы увольняются и их кафедры замещаются по суду архиереев всей церковной области, на архиерейском Соборе...» решение митр. Платона считать неканоническим и, как таковое, недействительным.

18/31 марта 1927 г. Архиерейский Синод определил:

а) Высокопреосвящ. митр. Платона освободить от управления Сев.-Американской епархией, с запрещением ему священнослужения в пределах Сев.-Американской епархии; б) впредь до назначения в Америку нового архиерея временное управление названной епархией поручить Преосвященному Аполлинарию, епископу Сан-Францискому».

Митрополит Платон 2-го февраля 1927 года учредил «Священный Синод», назначив председателем его епископа Бруклинского Евфимия, сиро-араба. Того же 2-го февраля этот Синод повелевает епископу Евфимию позаботиться о благоустройстве американского православия, в собственном смысле православного католического народа, рожденного в Америке и, главным образом, говорящего по-английски, или других американских жителей и народов какой бы ни было национальности или лингвистической группы или происхождения, но неудовлетворительно обслуженного канонической православной католической заботой... и далее: приказывает названному епископу Бруклинскому учредить, организовать, основать, возглавлять, вести, контролировать и поддерживать определенную независимую и автономную ветвь православной католической церкви, которая да будет известна, законно установлена и общепризнана, как святая восточная православная, католическая и Апостольская Церковь в Сев. Америке. Был составлен «чартер», иначе говоря устав, который был утвержден Собором епископов 14 сентября 1927 года и был зарегистрирован в штате Массачусетс 1-го

декабря 1927 года. В этом чартере, между прочим, говорится, что для всех лиц православной католической веры, жительствовавших в Америке или временно пребывающих в Америке, – учредить для этой цели автокефальную, независимую, самоуправляющуюся церковную корпорацию в Америке.

От имени «Святейшего Синода Американской православной Католической Церкви» всем главам Поместных Церквей было разослано уведомление об основании в Америке независимой и автокефальной Американской Церкви.

Архиерейский Собор Зарубежной Церкви, ознакомившись с решениями митр. Платона, постановил 23 августа / 5 сентября 1927 г. «Самочинно не в порядке церковном организованный в Сев. Америке так называемый Синод Православной Католической Церкви в Сев. Америке, как неканоническое учреждение, не признавать и акты его считать недействительными». Тот же Собор в заседании 26 августа / 8 сентября определил: «Утвердить постановление Архиерейского Синода от 18/31 марта 1927 года об увольнении митр. Платона от управления Сев. Американской епархией. Лишенного права священнослужения в пределах Сев. Американской епархии митр. Платона запретить в священнослужении»...

Каноническим возглавителем епархии явился епископ Аполлинарий.

Греческий архиепископ Александр доложил об учреждении митр. Платоном этой автокефальной Американской Церкви Вселенскому Патриарху Василию Третьему. Патриарх прислал в ответ следующий указ:

«Высокопреосвященному Александру, архиепископу Северной и Южной Америки, возлюбленному брату и сопомощнику нашей мерности – благодать от Господа да будет с Вашим Преосвященством. В виду Вашего доклада, помеченного днем 15 мая 1928 года за ном. 5975 с извещением об установлении в Северной Америке в месяце декабре минувшего года, так называемой «Святой Восточной Православной Католической Церкви», Мы сим, по решению

нашего Св. Синода, заявляем, что конституция упомянутой Церкви есть всецело антиканонична. Следовательно, Мать Святая Церковь отвергает эту новую Русскую Церковь и требует от Вашего Преосвященства абсолютно не входить ни в какие сношения с нею... Благодать Господа и безграничная Его милость да будет с Вашим Преосвященством. Василий, архиепископ Константинополя, Ваш о Христе возлюбленный брат. Декабря 1-го дня 1928 г. ном. 2499.»

Эту Патриаршую грамоту Синод греческой православной Церкви в Америке официально объявил духовенству и православному народу. Это обращение греческого Синода подписали: Александр, архиепископ Северной и Южной Америки, Филарет епископ Чикагский, Иоаким епископ Бостонский, Каллист епископ Сан-Франциский. В этом послании греческого Синода от 7 марта 1929 года говорится так: «Сирийский архиепископ Евфимий Бруклинский получил от митр. Платона, которого часть православных русских признает своим епископом, позволение на организацию какой-то новой, независимой Церкви, так называемой: Holy Eastern Orthodox Catholic and Apostolic Church, иначе называемой American Orthodox Church с заранее обдуманном планом включить в нее всех православных людей, проживающих в Америке без различия национальности и языка, а в особенности включить молодых, детей и родичей эмигрантов. Назвав себя президентом «Св. Синода» упомянутой Церкви на 7 лет, Евфимий официально пригласил иерархию греческой Церкви здесь в Америке присоединиться к его движению. Само собой разумеется, что эта новая односторонняя автокефальная Церковь является антиканоничною и противится канонам и истории Восточного Православия. Мы отвергли приглашение Евфимия и официально доложили про его замыслы Вселенскому Патриарху. Выше приводим ответ Его Святейшества Вселенского Патриарха Василия Третьего. Таков ответ-эдикт наивысшего авторитета православного мира, который ставит новую Церковь в ряд схизмы. Мы сожалеем об этом, но тем не менее мы уверены, что верующий народ не даст себя обмануть и втянуть – соблазнить такими недобрыми

маневрами и планами и что наши верные сыны Церкви будут твердо стоять за своих канонических вождей и откажутся от всякого общения с этой неканонической Церковью».

Учреждая автокефальную Церковь в Америке, митр. Платон в то же время писал в Москву письма митр. Сергию, начиная с 1927 года. Митр. Сергей только в 1933 году прислал указ митр. Платону, в котором и приводит выдержки из этих писем. В письме от 7 марта 1927 года митр. Платон признает единственной высшей церковной властью для Сев.-Американской епархии Патриарха Российской Церкви с существующими при нем органами высшего церковного управления, а в настоящее время такую высшую церковную власть он считает Местоблюстителем Патриаршего Престола митр. Крутицкого Петра и митр. Сергия, его заместителя вместе с существующими при них органами высшего церковного управления. Результатом этих писем явился указ митр. Сергия от 25 августа 1933 года ном. 837. В резолютивной части указа говорится, что образованная митр. Платоном и его соумышленниками церковная организация объявляется «раскольническим обществом», остающиеся в составе этого общества объявлены отлученными от общения в молитвах и таинствах церковных. Образованное или имеющееся быть образованным в этом обществе епархиальное или иное управление признать незаконным и все его распоряжения и действия, в частности поставление архиереев и назначение их – незаконными и не действительными. Митр. Платона, как инициатора и главного виновника учинения раскола предать суду архиереев по обвинению в нарушении правил Свв. Апостолов 31–34, Двукр. 14–15, Василия Великого 1 и других аналогичных, с запрещением митр. Платона в священнослужении.

Таким образом, он вторично подпал под запрещение и тоже от власти, которую он почитал как законную в данное время. Этому указу митр. Платон не подчинился, о чем им был составлен акт вместе с его викариями 11 сентября 1933 года.

Далеко не вся паства пошла за митр. Платоном, очень многие остались в Зарубежной Церкви, подчиняясь епископу

Аполлинарию. Как один из примеров можно указать на постановление Петро-Павловского прихода в Скрентоне, штат Пенсильвания, от 30 декабря 1928 года. В этом постановлении между прочим говорится: «Считать митр. Платона неправомочным на управление епархией, как состоящего в запрещении и увольнении от этой должности и действующего вопреки канонам православной соборной Церкви, и не иметь с ним никакого молитвенного общения до его раскаяния. Впредь до установления законной, свободной высшей церковной власти в России и свободного нормального сношения с ней, признавать законным главой православной русской Церкви Блжстителя Патриаршего Всероссийского Престола митр. Петра, а законной церковной властью за границей – Собор русских православных епископов за границей и по всем нуждам и вопросам, вызываемым церковной жизнью, обращаться к законно назначенному правящим Сев.-Американской епархией Собором православных епископов Преосвященному епископу Аполлинарию». Возведенный в сан архиепископа 1/14 мая 1929 года Владыка Аполлинарий не долго правил своей епархией, 19 июня 1933 года он скончался. К этому времени в его епархию входило уже 62 прихода. Указом Архиерейского Синода от 18/31 июля 1933 года ном. 3037 возглавителем Сев.-Американской и Канадской епархии после кончины Владыки Аполлинария был назначен епископ Тихон.

Постановлением Архиерейского Синода от 22 авг. / 4 сент. 1934 г. преосвященный Виталий был назначен архиепископом Сев.-Американским и Канадским, преосвященный Тихон – архиепископом Зап.-Амер. и Сан-Францисским.

В одном из писем Архиепископ Аполлинарий оставил нам свое глубокое понимание сущности церковной смуты. Вот что он пишет:

«Скончался Патриарх Тихон – и перестали подчиняться. Да от этих митрополитов даже и не требовалось никакого особенного подчинения Архиерейскому Синоду. Они ведь оба были членами Синода, управляли своими епархиями на автономных началах, т. е. почти самостоятельно. От них требовалось и требуется только такое помимо канонов, что

делает несносным для этих митрополитов единение, а вместе с единением и возможность со стороны Синода заглянуть в непроницаемые дебри церковного управления этих митрополитов своими епархиями. Сюда надо смотреть всякому желающему знать истинную причину нежелания митр. Платона и митр. Евлогия подчиниться высшему наблюдению Архиерейского Синода».

Окружение митр. Евлогия заставило его не допускать надзор Архиерейского Синода за «обновлявшим» православие Богословским Институтом в Париже, с разлагающей работой создателей и питомцев которого приходится теперь считаться и в Сев. Америке, куда их постепенно перебрасывали. Митрополита же Платона совершенно не устраивал надзор высшей заграничной церковной власти в отношении его, все более осложнявшихся, денежных и хозяйственных дел.

Весной 1934 года скончался митр. Платон. Его заместителем стал митр. Феофил. Здесь будет уместно сказать несколько слов. Когда викарии митр. Платона послали свое обращение Синоду в весьма неподходящей редакции, епископ Феофил почувствовал неправильность этого поступка и послал на имя митр. Антония письмо, в котором между прочим пишет: «...перечитавши теперь ответ, я нахожу, что многое сказанное в нем не должно иметь места или должно быть выражено иначе...» и далее: «...вместе с сим я глубоко извиняюсь, что сей ответ причинил Вашему Высокопреосвященству и членам Синода усмотренное в нем оскорбление». Вышеуказанное письмо характеризует миролюбивое настроение митр. Феофила, и когда он стал заместителем умершего митр. Платона, явилась надежда на изжитие пагубной смуты. Митр. Антоний 5/18 мая 1934 года обратился с посланием к русским людям в Сев. Америке и Канаде, призывая объединиться вновь в единое тело Зарубежной Церкви. 13/26 июля состоялась встреча митр. Феофила с епископом Тихоном для обсуждения вопроса о восстановлении церковного единства, о чем было помещено сообщение в ном. 8 «Церковной Жизни» от 1/14 августа 1934 года. В том же номере было напечатано, что послание митр. Антония к Сев. Американской пастве встретило много

сочувствующих, но есть и противники единства и в этом духе высказывается епископ Леонтий, теперешний митрополит. В ном. 15 «Православной Прикарпатской Руси» от 1/14 августа 1934 г. был помещен призыв к единству, подписанный 24 иерархами, в том числе митр. Дионисием и другими архиереями польской Церкви и всеми дальневосточными иерархами. К этому призыву присоединились еще другие архиереи, как-то епископ Арсений, архиепископ Владимир, епископ Феофил, впоследствии митрополит, и друг. Оставили призыв без ответа митр. Евлогий, епископ Леонтий, нынешний митрополит, Вениамин епископ Питсбургский.

В том же 1934 году такая же тяга к церковному миру стала замечаться и в Европе. С Дальнего Востока прибыл в Белград епископ Нестор. Он собирался проехать в Париж с целью склонить митр. Евлогия к прекращению церковного раскола. Приехав в Белград, он увидел, что этот путь не так легок. Тогда он предложил сыну моему, студенту Богословского факультета Белградского университета отвезти в Париж митр. Евлогию короткое письмо митр. Антония. Сын на это согласился; Владыка Антоний вручил письмо, и сын поехал. Письмо было ласковое и приветливое, преисполненное любви. В нем говорилось, что, если митр. Евлогий только обратится к нему, то с любовью будет принят. Приехал сын в Париж в прощенное воскресенье и, узнав, что Владыка Евлогий служит вечерню на Сергиевском подворьи, отправился туда. По окончании службы, во время обряда прощания, сын подошел к Владыке, положил установленный поклон и сказал: «Владыка Антоний шлет Вам свой поклон». Эти слова поразили митр. Евлогия, и он, узнав у сына кто он, велел ему тотчас после вечерни явиться к нему в его покои на рю Дарю. Придя к митрополиту в его покои, сын ему вручил письмо. Митрополит прочел письмо и прослезился. Результатом этого было, что 17/30 марта 1934 года митр. Евлогий написал митр. Антонию ответ, где пишет, что готов признать, что в защите своей правоты ему быть может не следовало прибегать в 1926 году к оставлению Собора, что он очень жалеет об этом, просит простить его и снять с него и клира наложенное прещение.

Письмо это мне дали, и я его читал.

В мае месяце того же года митр. Евлогий прибыл в Белград. Ехал он из Парижа в Берлин, а оттуда в Белград. В Берлин ему была прислана телеграмма воздержаться от поездки в Белград. Эта телеграмма была послана гр. В. Н. Коковцевым и получена архимандритом Иоанном Шаховским. Последний переслал ее в Белград, советуя не слушать указания Коковцева.

По приезде в Белград митр. Евлогий прямо с вокзала проехал на квартиру митр. Антония. Оба Владыки трогательно друг друга приветствовали и друг над другом прочитали отпустительные молитвы, сперва митр. Антоний накрыв епитрахилью митр. Евлогия, а потом по просьбе митр. Антония митр. Евлогий прочел над ним ту же молитву, накрыв его тоже епитрахилью. Ликование церковного народа было не поддающееся описанию, и все ждали совместного служения двух митрополитов, но этого сделать было нельзя, т. к. по каноническим правилам митр. Антоний не мог единолично отменять решение Собора. Митр. Евлогий присутствовал в церкви на Богослужениях, его поминали на ектениях и на Великом Входе.

Осенью того же года Собор снял прещение с митр. Евлогия и его клира. Тот же Собор снял прещение и с Американских епископов. Несмотря на это, полного единения еще достигнуто не было, и стали возвышаться голоса против такового и в Европе и Америке, где в этом духе высказывался епископ Леонтий. Такое положение стало волновать церковный народ, и это вылилось в обращение к Сербскому Патриарху Варнаве. Делегация в составе протоиерея Владислава Неклюдова, старосты Троицкой церкви в Белграде Севрюгова, члена приходского Совета Троицкой церкви Н. И. Иванова и меня была принята Святейшим в его дворце в Сремских Карловцах. Этот замечательный во всех отношениях Первосвятитель Сербской Церкви, истинный друг русских и болеющий душой за церковные разделения русской Зарубежной Церкви, что так ярко выражено в его слове, произнесенном в Белградской русской церкви, упомянутом выше, принял делегацию радушно и выслушал с большим вниманием делаемые ему доклады. При разставании

Патриарх сказал, что сделает все возможное, чтобы помочь делу церковного единения.

В 1935 году Патриарх Варнава пригласил к себе митр. Евлогия, митр. Феофила и представителя Дальнего Востока епископа Хайларского Димитрия. Указанные иерархи откликнулись на Патриарший зов и приехали в Сремские Карловцы. Под председательством Патриарха происходили заседания, первое из них 18/31 октября. Из протокола видно, как митр. Феофил выразил полную готовность со своей стороны пойти навстречу общему желанию водворить мир и единство на основаниях, изложенных в докладе, который он тут же огласил. После всестороннего обсуждения, происходившего в нескольких заседаниях, явилось «Временное положение о Русской Православной Церкви за границей». Это «Положение» было подписано Патриархом Варнавой, митр. Антонием, митр. Евлогием, митр. Феофилом, митр. Анастасием и епископом Димитрием. Вот главные части этого «Положения».

Русская Православная Церковь за границей, состоящая из находящихся за пределами России епархий, духовных миссий и церквей, есть неразрывная часть Российской Православной Церкви, временно существующая на автономных началах.

Высшим органом законодательства, суда и управления для Русской Православной Церкви за границей является Собор Архиереев, собирающийся ежегодно, а его исполнительным органом – Священный Архиерейский Синод.

Заграничная часть Русской Церкви состоит из четырех областей: Зап.-Европейской, Ближне-Восточной, Сев. Американской и Дальне-Восточной, в каждой из которых образуются митрополичьи округа.

За подписью митр. Антония, митр. Евлогия, митр. Феофила, митр. Анастасия и епископа Димитрия 16/29 ноября 1935 года было выпущено воззвание к «Возлюбленной во Христе Русской православной пастве в разсеянии сущей». Это послание гласило, что глава Сербской Церкви Патриарх Варнава, ища путей к восстановлению русского единства за границей, пригласил четырех иерархов главных областей на совещание, которое и решило создать четыре митрополичьих округа, прочно

объединенных в общем центре – Соборе русских заграничных иерархов и его исполнительном органе Священном Синоде.

«Взыщите мира и пожените его», провозглашают иерархи ко всеобщей радости.

Патриарх Варнава предлагает свое посредничество для переговоров с Вселенским Патриархом об отпуске митр. Евлогия из Константинопольской Церкви. Митр. Евлогий принимает это предложение с благодарностью и выражает готовность соединиться со всеми частями Русской Церкви за рубежом. Братское единение архиереев присутствовавших на совещании, равно как и других, находившихся в это время в Белграде, засвидетельствовано и закреплено двукратным совместным совершением Божественной литургии. В сербском соборе возглавлял службу Святейший Варнава, в русской Троицкой церкви служили митр. Евлогий, митр. Феофил, митр. Анастасий и епископ Димитрий (митр. Антоний не служил по болезни). В слове, сказанном после литургии, митр. Евлогий поведал о встрече его с митр. Антонием и сказал, что он почувствовал веяние Св. Духа, когда митр. Антоний возложил на него епитрахиль. Радость была всеобщая, церковный народ ликовал. К сожалению, радость эта была преждевременна. Окружение митр. Евлогия снова возстало против церковного единения, причем епархиальный совет представил об этом доклад, и митр. Евлогий отказался от своей подписи. Опять профессора Богословского Института и присные с ними, вызвавшие раскол в 1926 г., захотели безконтрольно и далее проводить свои новые учения. Они знали, что Синод, с митр. Антонием во главе, этого не допустил бы. Они не считались с тем злом, которое они наносят и Церкви и вообще русскому делу, они не считались с тем, что продолжение раскола вредно и нужно только большевикам и врагам православия.

Когда выяснилось поражение Германии, митр. Евлогий через советского посла в Париже вступил в переписку с Московским Патриархом и заявил о своей готовности воссоединиться. Он был принят и около года считался одновременно экзархом Патриарха Московского и Вселенского.

Митр. Евлогий первый из русских в Париже взял советский паспорт.

После кончины митр. Евлогия по его завещанию вступил в управление Экзархатом Вселенского Патриарха архиепископ Владимир. Одновременно по указу из Москвы был назначен экзархом Московского Патриарха митроп. Серафим, который незадолго перед тем, под давлением митр. Николая Крутицкого, признал Московского Патриарха, порвав с Зарубежной Церковью.

Митр. Владимир, получив этот указ, ответил, что принял его к сведению, но не к исполнению.

Паства была против присоединения к Москве.

Была надежда, что митр. Владимир склонится к воссоединению с Зарубежной Церковью, но этого не последовало. Опять окружение проводило мысль, что «единственный» канонический путь это подчинение Вселенскому Патриарху.

Вселенский Патриарх 6 марта 1947 года определил, чтобы Русский Экзархат «сохранял свою непосредственную от него зависимость», и уже ни одним словом не напоминает о временности этого положения.

Так паства, подчиненная митр. Владимиру и по сей день находится вне русской Церкви. Она теперь окончательно от нея оторвана.

Митр. Феофил всей душой принял «Положение» о Заруб. Церкви и не скрывал своей радости по этому поводу. По возвращении из Европы, он в беседе с корреспондентом газеты «Новая Заря» заявил: «Положение Русской Зарубежной Православной Церкви в связи с достигнутым единением и миром укрепилось. Теперь у нас единый центр церковного управления в лице Заграничного Архиерейского Синода в Сремских Карловцах, где американский митрополичий округ будет представлять наш выборный представитель. Наша церковная жизнь налажена, под нее теперь подведен прочный канонический фундамент». В ном. 1 возобновившегося «Русско-Американского Православного Вестника» в передовой статье говорится: «Усилиями Святейшего Патриарха Сербского

Варнавы и нового главы нашей Сев.-Американской митрополии Высокопреосвященнейшего митрополита Феофила, мир между юрисдикциями в конце прошлого года был, наконец, достигнут, и нашей церковной жизни он коснулся, как дыхание благодатной весны». В мае 1936 года состоялся Собор Епископов в Питсбурге, на котором было принято «Положение» о Русской Православной Церкви за границей. Собор обратился к пастве с посланием, в котором говорилось: «С великой радостью извещаем мы вас, возлюбленные, что на нашем архиерейском Соборе в городе Питсбурге всеми единодушно принято «Временное положение о Русской Православной Церкви за границей», выработанное в ноябре 1935 года нашими иерархами на совещании под председательством Святейшего Патриарха Сербского Кир-Варнавы с сохранением существующей автономии». Кончается послание словами: «Умоляем именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы отныне не было между нами разделений и чтобы мы все соединены были в одном духе и в одних мыслях».

5/18 октября 1937 года Всеамериканский Собор с участием клира и мирян принял «Временное положение» и основы устройства Русской Православной Церкви за границей по Патриаршему Указу 1920 года и исповедал себя частью Русской Поместной Церкви. О таком постановлении Всеамериканского Собора было опубликовано архипастырское послание, в котором паства извещается о принятии Собором «Временного Положения об управлении Русской Православной Церкви за границей», в состав которой входит и «наш митрополичий округ». Дальше говорилось, что «такое устройство Русской Церкви за границей состоялось на основании постановления в Бозе почившего Патриарха нашего Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 года за ном. 362». Архиерейский Собор 3 января 1938 года в Сремских Карловцах приветствует и благословляет автономию Сев.-Америк. митрополичьего Округа в объеме, установленном этим положением.

Так продолжалось до 1946 года. Еще в 1945 году по окончании войны стали проявляться в Америке среди клира и

мирян просоветския симпатии, которые поддерживались со стороны советских агентов усиленной пропагандой. Агитация шла в пользу подчинения митрополии Московской Патриархии. Советская власть вновь чрез Московскую Патриархию стремится ослабить Зарубежную Церковь, отрывая от нея Американскую митрополию. Из Москвы 16 сентября 1945 года прибыл в Америку патриарший делегат архиепископ Алексей. Он внес много смуты в церковные дела, имея большую поддержку влиятельной русской печати. Так он явился на одно из заседаний Собора Американских епископов в декабре 1945 года, где предъявил письменные условия, в силу которых могло бы быть снято запрещение, наложенное на митрополию Московской Патриархией. Первым условием было поставлено прекращение молитвенного и канонического общения с митрополитом Анастасием. Собор ему ответил, что не признает самого существования запрещения, а потому отказывается обсуждать условия снятия такого. Еще перед Собором митр. Феофил послал телеграмму митр. Анастасию, что признание Москвы неизбежно ввиду возможности растерять приходы, и предлагал Митр. Анастасию сложить свои полномочия и передать ему все русские приходы Европы, Азии, Африки и Америки. На это митр. Анастасий ответил следующей телеграммой:

«Предложенное Вами воссоединение с Патриархией имеет не только духовный, но и канонический характер и обязывает Вас последствиями: оно возможно только после тщательного обсуждения вопроса на общем Соборе. Подавляющее большинство архиереев, духовенства и верующих, эвакуировавшихся в Европу, решительно против единения с Патриархией, которая не свободна. Существование Синода необходимо для поддержания единства русских православных приходов за границей и предотвращения анархии. Администрация Американской Церкви не может заменить Архиерейский Синод из-за отдаленности и недостаточной осведомленности в жизни за границей. Божия правда источник нашей силы и наша надежда. Бог поругаем не бывает».

Получив эту телеграмму, митр. Феофил присоединяется к мнению в ней изложенному и оглашает ее на Соборе. Одновременно митр. Феофил возбуждает ходатайство перед Синодом о возведении в сан архиепископа епископа Леонтия. Синод это ходатайство удовлетворяет. Архиепископ Леонтий обращается с благодарственным письмом к митр. Анастасию, выражая в нем чувства своего уважения и преданности. В мае 1946 года собирается Собор американских епископов, который сообщает митр. Анастасию, что американский округ будет продолжать братски сотрудничать с заграничным Синодом.

В ноябре 1946 года собрался Всеамериканский Собор в Кливлэнде с участием клира и мирян. Советофильски настроенные ораторы вели усиленную пропаганду за подчинение Москве и за разрыв с Синодом. Пропаганда эта велась и в печати. Так, в газете «Новое Русское Слово» от 27 окт. 1946 года было напечатано, что Синод больше не пользуется благословением и покровительством Сербской Церкви и через то потерял связь со Вселенской Церковью. На это можно возразить, что в общение со Вселенской Церковью Синод Зарубежной Церкви входит не через Сербского или какого другого Патриарха, а через свою Русскую Церковь, частью которой и является Заруб. Церковь. Работа «советских патриотов» велась с тем, чтобы оторвать Американскую митрополию от Зарубежной Церкви и тем последнюю ослабить, что является всегдашней целью советской власти. Эти агитаторы не остановились и перед клеветой, которую они возводили на митр. Анастасия во время Кливлэндского Собора, обвиняя его в гитлеризме. Несмотря на возражения митр. Феофила и архиеписк. Леонтия, которые доказывали что ничего, кроме хорошего, от Синода митрополия не видела, советские тенденции взяли верх, и Собор постановил признать своим «духовным отцом» Патриарха Московского и порвать с заграничным Синодом. Собор постановил считать себя верховной властью и свое решение совещанию епископов не передавать. Последнее постановление шло явно против закона, а именно против статьи 37 наказа, которая гласит: «На основании слова Божия и священных канонов все решения

общего собрания Собора подлежат утверждению совещания епископов и приемлют силу лишь по подписании их последними». На Соборе присутствовало 9 епископов, из которых 5 были против признания Патриарха «духовным отцом», а главное против разрыва с Заграничным Синодом. Отсюда ясно, почему советофильски настроенное большинство на Соборе было против передачи своего решения совещанию епископов. Упомянутые 5 епископов, не считая такое постановление законным, ему не подчинились и с Синодом не порвали. Некоторые говорят, что эти 5 епископов не должны были «создавать» отдельную епархию, но они забывают что Заруб. Церковь в Америк существует со дня ее основания и по сей день, что митрополия незаконно от нея оторвалась, Кливлэндский же Собор, в сущности, был лишь собранием митрополичьего округа, а потому такого рода вопросы не могут входить в его компетенцию. По определению профессора канонического права С. В. Троицкого, когда митрополичий округ без санкции высшей власти объявляет себя самостоятельным органом, то это ничто иное, как церковный раскол (Амер. Прав. Вестник ном. 3 от 1930 г.). Не должно также забывать, что всякий епископ при поставлении приносит архиерейскую присягу и что все указанные 5 архиереев присягали в верности Архиерейскому Заграничному Собору и Синоду. Обвинять же их, что они остались верны принесенной присяге более, чем странно.

Из Москвы был прислан для переговоров митр. Григорий. Митр. Феофил всячески избегал встречи с ним и тот уехал обратно ни с чем. В результате из Москвы было наложено прещение на Американскую митрополию.

Оторвавшись от зарубежной Церкви, митрополия оказалась в том же положении, в каком она была при митр. Платон в 1927 по 1935 г. Тогда она была осуждена Заграничным Архиерейским Собором, Вселенским Патриархом Василием Третьим, митр. Московским Сергием, а теперь запрещена и Патриархом Алексием.

Интересно, что объективное и вполне безпристрастное в русских церковных делах учреждение, американский суд,

неоднократно выносил по этому вопросу свое решение. Так в 1931 году Высший Кассационный суд в штате Коннектикут (Supreme Court of Errors) высказал в связи с проигрышем митр. Платоном процесса, важное принципиальное суждение:

«Карловацкий Синод пытается, по мер сил и возможности, при наличии разрухи в Церкви, поддержать центральную организацию, представляющую традиционное устройство Церкви, и, повидимому, Синод этот является единственным учреждением, к этому стремящимся. Приверженность к этому учреждению со стороны какой-либо части Церкви способствует сохранению единства общей Церкви, насколько это возможно при теперешнем положении».

А вот что определил другой американский суд, который разбирал иск об имуществе в Лос Анжелосе в 1948 году по делу Преображенского прихода. Приняв означенное дело к производству, суд подробно изучил канонические правила православной Церкви, а также все правила, узаконения и всевозможные указы Русской Церкви и на основании таковых пришел к следующему выводу с церковно канонической и гражданско правовой точки зрения: «Суд находит: что Заграничная Церковь никогда не выходила из состава Русской Православной Церкви и продолжает быть неотделимой частью Церкви, а также, что Сев.-Американский округ продолжает быть неотделимой частью Русской Православной Церкви. Суд находит, что церковная организация, возглавляемая митр. Платоном и митр. Феофилом в период примерно до 1935 года, а также церковная организация, возглавлявшаяся митр. Феофилом в течение всего времени, начиная с названного Кливлэндского Собора 1946 года, не были и не являются частью Русской Православной Церкви, но вышли из состава таковой и были организованы, существовали и функционировали незаконно, как отдельные единицы или организации, независимо от Русской православной Церкви... По принятии Кливлэндским Собором резолюции митр. Феофил и все епископы, священники и миряне, а равно и все приходы и конгрегации, которые были и находятся в союзе с ними, которые порвали все сношения с заграничной Церковью и ея

административными органами и которые отказались признавать авторитет заграничной Церкви, сделались и с тех пор всегда продолжали быть раскольничьей и незаконной фракцией или группой». Это решение суда, как никем не обжалованное, имеет силу закона и обязательно для гражданских властей штата Калифорния и является руководящим началом для властей других штатов. Само собой разумеется, что решение гражданского суда не может рассматриваться, как каноническое правило, но здесь характерно то, что при беспристрастном и добросовестном разборе означенного дела суд пришел к тому же выводу, к которому в свое время пришли заграничный Архиерейский Собор и Вселенский Патриарх Василий Третий.

В 1950 году после кончины митр. Феофила, был снова созван Всеамериканский Собор, но он, хотя и отказался от подчинения Москве, не анулировал незаконных постановлений Кливлэндского Собора, почему митрополия и продолжает пребывать, как церковная организация, лишенная того канонического фундамента, про который говорил в свое время митр. Феофил. Означенный Собор не был даже, как Кливлэндский, собранием митрополичьего округа, т. к. таковой перестал существовать после нового раскола. В его компетенцию, поэтому, еще менее могло входить то, что не подлежало суждению и на Кливлэндском собрании, а именно вопрос о подчинении Московской Патриархии, а также вопрос о самостоятельном существовании митрополии. Подобные вопросы подлежат ведению Высшей Церк. инстанции, каковой мог быть лишь Архиерейский Собор Зарубежной Церкви. Оторвавшись от Зарубежной, а тем самым от Русской Церкви, митрополия, таким образом, потеряла со всей Вселенской православной Церковью всякое общение. Некоторые считают, что митрополия в основу своего канонического бытия ставит указ от 20 ноября 1920 года за ном. 362. Не надо забывать, что митрополия не изолирована от соседних епархий и, следовательно, возглавитель ее не имеет права взять на себя всю полноту власти, а согласно этому указу он должен войти в общение с епархиальными архиереями соседних епархий. В таком общении митрополия и находилась, когда входила в

состав Зарубежной Церкви до 1926 года и от 1935 по 1946 г. Самочинно объявлять себя самостоятельным Американский митрополичий округ не может без санкции высшей церковной власти, ибо это есть церковный раскол, о чем упомянуто было выше. По мнению некоторых духовных лиц, митрополия является «канонической американской церковью». Она была бы таковой, если бы получила на то благословение Матери Церкви и признание со стороны остальных автокефальных Церквей, другими словами, если бы к тому шла каноничным путем, а не самочинным, как это имеет место теперь. Самочиние приводит к разделению. Спрашивается, кому это разделение нужно и почему есть лица, поддерживающие это разделение и не желающие возстановить положение 1935 года? Вопрос этот весьма тяжелый.

Ненормальное положение в церковной жизни продолжается по сей день. Русская Церковь за рубежом по завету Патриарха Тихона должна была быть единая, объединяющая всех православных русских, находящихся вне досягаемости большевиков. По интригам богословов, бывших членов «Вольной академии духовной культуры», и всевозможных советских патриотов, она оказалась разделенной на три части.

Та Церковь, которая по мысли Патриарха Тихона должна была быть моральной силой в борьбе с безбожием – оказалась ослабленной. Та Церковь, которая в свободных условиях вещала о зле, происходящем на Родине – покидается. Кому это на пользу? – советской власти, врагам православия и прочим темным силам. Приходится только удивляться, как лица, противящиеся единению, стараются всякими искусственными подтасовками доказать, что Зарубежная Церковь не канонична и что церковные образования, отделившиеся от нея, стоят на правильном пути. Неужели они не чувствуют, что в этом деле они солидаризируются с советской властью? Неужели они не чувствуют, что нарушают заповедь Христову, так ясно сказанную в Его Первосвященнической молитве: «Да будут едино, якоже Мы едино есма» (Иоан. 17, 22)? Неужели они не знают предостерегающего слова Св. Иоанна Златоуста, что «производить разделения в Церкви не меньшее зло, как и

впадать в ереси»? Над этими словами следует особенно призадуматься духовным лицам, сторонникам разделений и врагам Зарубежной Церкви.

Выше были указаны причины разделения – желание безконтрольно проповедывать свои необогословские идеи. Безконтрольность привела к отклонению от истинного православного пути, основанного на святоотеческих преданиях. Новые богословы, в течение 30 лет внушая свои учения, коренным образом изменили психологию учащейся у них молодежи. Эта психология далеко отошла от психологии верующего народа, который в течение 1000 лет сумел сохранить чистоту православия со всеми его благочестивыми обычаями, даже несмотря на неслыханные гонения на Церковь. Эти люди перестали быть православными по духу; они остались лишь православными по схоластической теории, не отдавая себе отчета в ужасе своего дела.

За самое последнее время со стороны Москвы была попытка войти в контакт как с Зарубежной Церковью, так и с Американской митрополией. Чем это объяснить? Как ответ на это приведем слова профессора С. В. Троицкого: «Церковное примирение и соединение русской эмиграции мешает большевистским планам, – советская власть стремится заставить замолкнуть заграничную русскую Церковь, а если это невозможно, то хотя бы путем раздробления и осуждения ее со стороны центральной церковной власти лишить ее всякого авторитета. А так как здесь за границей советская власть силы применить не может, то она стремится как можно шире использовать то единственное средство, которое осталось в ее руках – каноническую зависимость заграничной части русской Церкви от центральной власти в Москве в лице Патриарха».

Полное недоумение вызывают выступления некоторых лиц. Их абсолютно нельзя упрекнуть в симпатии к советской власти, а между тем проф. С. С. Верховский в ном. 21 за октябрь-ноябрь 1949 года Церковного Вестника пишет: «В августе 1922 года митр. Евлогий совершает огромную каноническую ошибку, допуская образование временного Священного Синода Русской православной Церкви за границей, который был

противен и канонам и воле Патриарха». Как понять эти слова? С одной стороны осуждение митр. Евлогия и косвенно осуждение всего Архиерейского Собора и его председателя митр. Антония. С другой, пользуясь полным незнанием церковных дел среди подавляющего большинства мирян, старание опорочить Заруб. Церковь, выставляя ее якобы не каноничной. Это порождает не только недоумение, но и крайнее удивление, ибо такие слова идут только на пользу тем, кто хочет создавать разъединение и раздор.

Авторитетно ли мнение проф. Верховского и его единомышленников представителей новой богословской школы, возникшей в стенах Парижского Богословского Института? Прежде всего, мы обязаны считаться с мнениями и взглядами таких богословов как митр. Антония, доктора богословия, церковного писателя, воспитателя многих поколений, школы монашеских обетов, известного во всей вселенской Церкви. Про этого святителя Патриарх Варнава выразился: «Среди вас находится этот великий иерарх, являющийся украшением Вселенской православной Церкви. Это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви Христовой в начале христианства. В нем и заключается церковная правда». Представитель Константинопольской Церкви митр. Дорофей заявил митр. Антонию: «Под Вашим руководством Патриархия разрешает всякое начинание, ибо Патриархии ведомо, что Ваше Высокопреосвященство не совершит ничего неканонического». С митр. Антонием считались другие поместные Церкви: так, он был приглашен возглавлять интронизацию румынского Патриарха Мирона, возглавлять интронизацию Патриарха Варнавы, выступил с успехом в защиту Вселенского Патриарха, когда Кемаль-паша хотел его выселить из Константинополя, и был приглашен Патриархами Антиохийским Григорием IV и Александрийским Фотием для совещания по вопросу тех «реформ» православия, которых собирался ввести Константинопольский Патриарх Мелетий IV. Также следует считаться с мнением остальных архиереев, признающих Архиерейский Синод каноничным, как например, митр. Пекинский Иннокентий, а также с мнением Сербской

Церкви, которая 6 декабря 1927 года высказалась так: «По канонам Св. Православной Церкви, когда православная иерархия со своей паствою вследствие гонений перейдет в беженство на территорию другой Церкви, она имеет право самостоятельной организации и управления, вследствие этого таковое право необходимо признать и за русской церковной иерархией на территории Сербской Церкви». Считая, что Синод Заруб. Церкви противен канонам, проф. Верховский тем самым не признает и каноничности решения Собора Сербской Церкви, что является вполне логичным выводом. Магистрант Киевской духовной академии Г. А. Знаменский, представитель старого богословия, основанного на святоотеческих преданиях, говорит следующее: «И как бы ни осуждали нашу высшую церковную власть, какие бы упреки в якобы незаконных «притязаниях» и «домогательствах» ни посылали канонические комиссии инакомыслящих, какими бы словами ни величали нашу Высшую Церковную Власть, низводя ее на степень «карловацко-мюнхенско-ньюиоркского» Синода, – для нас Собор архиереев с постоянным заграничным Синодом более 30 лет был и по ныне есть Высшая Церковная Власть по точному смыслу Указа Святейшего Патриарха Тихона и его управления, мудро предусмотревших судьбы русских епархий вне государственных границ России, а вся наша Соборно-Зарубежная Церковь, получившая благословение на временное раздельное бытие от своей полоненной, но не сдавшейся антихристу Церкви, как была, так и теперь является носителем истинного образа Поместной Русской Церкви».

Все указанные выше авторитеты держались и держатся на чисто православном богословии, основанном на святоотеческих преданиях и, конечно, их не приходится ставить на одну плоскость с представителями богословской науки из Парижского Богословского Института. Это две несравнимые величины, и, конечно, следует идти только по пути, указанном митр. Антонием, основанном на апостольских правилах и постановлениях Вселенских Соборов.

Представители Парижской богословской науки теперь появились и в Америке и вступили в Американскую

митрополию, хотя, по их учению, единственно канонический путь это быть в подчинении Вселенского Патриарха, экзарх коего в Америке существует. Они будут и здесь проповедывать свое учение, которое не вяжется со святоотеческими преданиями. Они будут проводить в жизнь свои учения о «душе мира», о «логосах мира», о «происхождении человека», о «расширении смысла догмата Халкидонского Собора» и т. п. Учением о происхождении человека они подходят к арианству с другой стороны, как поясняет это их учение ученый богослов протоиерей отец Михаил Помазанский. Все эти их учения разобраны им в докладе, сделанном на епархиальном съезде Восточно Американской и Канадской епархии весной 1954 г. и помещенном в ном. 11 «Православной Руси» от 14 июня с. г. Приведу заключительные слова этого доклада:

«Новое движение при всей его широко развернутой деятельности, все же остается делом интеллигентской группы «богословов», живущих больше головной жизнью. В сущности, вооружаясь против старого, якобы «школьного» богословия, новое богословие само становится в полном смысле слова «школьным», так как в своих основах питается из источников метафизики и собственного творческого воображения. Желая быть откровением новой эпохи, оно на деле являет собою схоластику двадцатого века, исходящую из тех же начал, что и средневековая схоластика. Только та развивалась окруженная теплой атмосферой живой религиозной веры и чувства Средних Веков, а эта культивируется в холоде современного скептицизма и религиозного равнодушия. Русская Церковь пережила и, повидимому, окончательно изжила церковно-бытовое обновленчество. Но то обновленчество касалось в большей степени внешних сторон церковной жизни. Необогословие бьет в самое сердце, в вероучение Церкви. Это побуждает каждого члена Церкви, желающего быть ей верным, быть особенно осторожным к предлагаемым новым откровениям и новым точкам зрения, проверять их «преданием веры» и испытывать духов от Бога ли они».

Православная Церковь никому не возбраняет разсуждать и высказывать свои мысли, но все эти искания должны быть

проверены и пересмотрены Церковью в лице Собора Ея епископов. Только с признанием их правильности и утверждением, что они не расходятся с учением Церкви, они могут быть проповеданы миру. В данном случае мысли и учения, высказываемая профессорами Парижского Богословского Института, как еще не проверенные Церковью, не могут приниматься как непреложные истины. Учение профессора Парижского Богословского Института протоиерея С. Булгакова о Св. Софии было осуждено Собором епископов.

Свое заявление о том, что «Синод противен канонам и воле Патриарха», проф. Верховский основывает на отрицании того факта, что Указ 1922 г. дан под давлением большевиков. Вместе с тем, запрещение, наложенное Моск. Патриархией на Амер. Митрополию, считается наложенным под давлением сов. власти и повидимому не признается. Однако, данное прещение является обязательным для Вселенского Патриарха, находящегося в молитвенном общении с Московск. Патриархом, а, следовательно, обязательно и для его экзархов. Логически рассуждая, его Парижский экзарх не должен был бы давать отпуска подчиненным ему священнослужителям в Амер. запрещенную митрополию, но чтобы эти отпуска были возможны, прещение признано вынужденным, а потому неканоничным. Итак в одних случаях давление сов. власти признается, а в других – нет.

Неосновательно мнение, будто Русская Зарубежная Церковь «имеет склонность считаться в устройении церковной жизни прежде всего с национальным признаком» (проф. С. С. Верховский ном. 21 Церк. Вест. 1949 г.). Опять-таки, этот взгляд принадлежит к доктрине Парижского Богословского Института. Это видно из послания, выпущенного епархиальным Собранием юрисдикции митр. Владимира в Париже, где между прочим говорится: «Сам Бог положил быть одному из высших иерархов первенствующим во всей Кафолической Церкви, в каждой же области или городе быть власти одного епископа, наместника Сына Его на земле, совместно с подчиненным ему единым пресвитерством и в единодушном согласии со всем православным народом, хотя бы он состоял из людей разного

происхождения и языка». Как такое положение может согласоваться с 34 Апостольским правилом, которое гласит: «Епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его как главу и ничего превышающего их власти не творить без его разсуждения, но и первый ничего не творит без разсуждения всех, ибо так будет единомыслие и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Дух Святой». Если считать, что во главе Кафолической Церкви должен стоять один из высших иерархов, то какая будет разница с римско-католическим учением о Папе Римском. В Апостольском правиле сказано: «Епископам всякого народа», другими словами – нации, как же можно идти против этого и бросать упрек Зарубежной Церкви, что она «имеет склонность считаться в устроении жизни прежде всего с национальным признаком?» Этот национальный признак имеется и в других Церквях. Взять, например, Сербскую Церковь: она называется «Сербская», а не «Югославская», хотя находится на всей территории Югославии. Называется же так потому, что в нее входят только сербы, другие же две народности, входящая в состав Югославии – хорваты и словенцы католики. Из 25 епархий Сербской Церкви, три находятся вне границ Югославии, а именно: Темешварская на территории Румынии, где своя православная Церковь, Будимская – в Венгрии с центром в Будапеште и Мункачехо-Пряшевская – в Чехословакии. На этой почве никаких недоразумений у Сербской Церкви ни с кем не было. Таких примеров можно привести много. Все это доказывает, что и в этом вопросе, в связи с 34 Апостольским правилом, тоже появилось какое-то новшество наравне с другими, о чем речь была раньше. Меня могут упрекнуть, что я замалчиваю призыв к единению со стороны Парижского епархиального Собрания, а только говорю о нежелании с их стороны единения. Действительно, они призывали к единению и это в следующих выражениях: «Объединимся все в единую Церковь в странах, куда привел нас и наших православных братьев Бог... изживем самую причину распри – наше разделение по разным церковным юрисдикциям... мы зовем к объединению всех живущих с нами в одних странах и сыновне просим Святейшего

Вселенского Патриарха благословить наши начинания». Это было сказано в том же году – 1949 и в то же время, когда профессор Верховский, один из деятельных участников этого собрания, писал, что Синод Заруб. Церкви «противен канонам». Итак, объединение это было бы достигнуто ценой уничтожения Зарубежной Церкви, с подчинением ея Вселенскому Патриарху. Если бы это произошло, уничтожена была бы та Русская Церковь, которая, по мудрой мысли Патриарха Тихона, была создана, как хранительница заветов и преданий истинного русского православия в свободных условиях. Уничтожен был бы единственный оплот борьбы с безбожием, единственный потому, что митр. Владимир, экзарх Вселенского Патриарха в 1947 г. заявил: «мы борьбы не ищем». Была бы уничтожена та моральная сила, которую еще с 1922 года стремятся уничтожить со всех сторон. На такое «единение» ни один иерарх Зарубежной Церкви, конечно, пойти не мог.

В своем послании к русским православным людям в 1945 году митр. Анастасий пишет:

«Подчиняющиеся юрисдикции Заграничного Архиерейского Собора и Синода никогда не считали и не считают себя находящимися вне ограды Русской православной Церкви, ибо никогда не разрывали канонического, молитвенного и духовного единения со своей Матерью Церковью... Не перестаем благодарить Бога за то что Он судил нам оставаться свободной частью русской Церкви. Наш долг хранить эту свободу до тех пор, пока не возвратим Матери Церкви врученный ею нам драгоценный залог. Вполне правомочным судьей между зарубежными епископами и нынешним главою Русской Церкви мог бы быть только свободно и законно созванный и вполне независимый в своих решениях Всероссийский Церковный Собор с участием по возможности всех заграничных и особенно заточенных ныне в России епископов, перед которыми мы готовы дать отчет во всех своих деяниях за время нашего пребывания за рубежом».

Зарубежная Церковь всегда готова предстать пред судом свободного Собора Матери Церкви. Она шла все время прямым путем, сохраняя все духовные ценности русского православия.

Она не металась, как другая юрисдикции, меняя свои ориентации, а твердо держалась своего пути.

Пред этим же судом предстанет и Московская Патриархия, предстанут и те церковные образования, которые оторвались от Зарубежной Церкви.

Надо возносить молитвы Господу Богу, чтобы Он просветил всех, умирил и соединил. Чтобы еще до грядущего суда все бы соединились вокруг единой Чаши Христовой со словами: «Христос посреди нас – и есть и будет».

М. Родзянко.

[Окружное послание Собора Архиереев РПЦЗ от 15/28 августа 1932 г. против масонства.]

Окружное Послание Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей ко всем верным чадам Русской Православной Церкви, в разсеянии сущим.

«Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1Иоан. IV, 1).

Если к какому-нибудь времени, то к нашему наиболее всего приложимы эти священные слова возлюбленного ученика Христова и тайнозрителя Иоанна.

весьма скудно пророками, но очень богато лжепропоками. Мир оскудел «духом Божиим», но очень богат «духом заблуждения».

«Змий древний, который есть диаволь и сатана» (Апок. XX, 2), насадил в сердцах людей множество всяких лжеучений, ересей и сект, которыми он прельщает слабых в вере и неискусных в ведении тайн Царствия Божия, отвращая их от веры в Бога, в Церковь Христову, в бессмертие души, в загробную жизнь, в будущее воздаяние на суде Божиим.

Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. О нем мы и намеревы по архипастырскому долгу нашему поведать православному русскому миру.

Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно с государственностью христианской.

В этой интернациональной организации первое место по силе влияния и значения принадлежит еврейской нации, которой присуще богоборчество со дня распятия Христа Спасителя. Иудаизм исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и с мессианскими устремлениями к мировому владычеству.

Масонство – непримиримый враг христианства. Оно поставляет своею целью разрушение Церкви, войну со всеми религиями, потрясение основ национальной христианской государственности и организацию революций во всем мире. Известный масон Вольтер некогда сказал: «Раздавим негодницу», т. е. религию. Эта знаменитая фраза находит отклик свой в масонских кругах и по сей день. В 1881 г. бельгийский масон Флери писал: «Долой распятого. Ты, который вот уже 18 веков держишь мир под твоим ярмом, твое царство кончено. Не нужен Бог» ¹⁹.

«Наша цель не в том, чтобы возстановить индивидуализм, а в том, чтобы смести христианство с лица земли»²⁰, говорила в том же году учредительница Теософического общества Блаватская.

«Атеист – один из самых славных титулов человечества, знак отличия мировых героев... мучеников... спасителей мира. Никакая философия, никакое богословие не несли миру ничего достойного в сравнении с благой вестью атеизма... Честь же и слава этим передовым бойцам прогресса, этому почетному авангарду армии свободы. Честь и слава тому, кто в своем усердии о человеке забыл Бога», говорит теософка Анни Безант²¹.

Видный масон 33-ей высшей степени – заявил в 1912 году: «Вы чувствуете необходимость раз навсегда покончить с Церковью, со всеми Церквами». «Пока мы этого не добьемся, мы не сможем ни продуктивно работать, ни построить что бы то ни было прочное»²².

В 1913 г. масон Сикар де Плозол говорил: «Если один мир, который мы не можем заключить, одно разоружение, на которое мы не можем согласиться, есть одна война, которую мы неустанно должны продолжать до победы или до смерти, это война против всегдашних врагов масонства и республики, врагов свободы совести, врагов разума, науки и человеческой справедливости и эти враги суть все догматы, все Церкви»²³.

Несколько позже на общем Конвенте раздавались такие речи: «Разрушим этот символ ужаса и мерзости, этот очаг мирового злодеяния и возобновим всегдашнюю нашу борьбу. Раздавим негодную»²⁴. «Будем вести войну со всеми религиями, т. к. оне настоящие враги человечества»²⁵. Бельгийский масон Кок заявил на международном масонском Конгрессе в Париже: «То, что нам необходимо разрушить – это религию, догматы»²⁶ и далее: «Путем пропаганды и даже путем административных актов мы добьемся того, что сможем раздавить религию»²⁷. Испанский масон-революционер Франциско Ферреро в своем катехизисе для светских школ пишет: «Бог – это лишь детская концепция, вызванная чувством страха»²⁸. «Недостаточно победить влияние духовенства и

лишить Церковь авторитета... Необходимо разрушить самую религию» постановляет масонский Конгресс 1900 г.²⁹. «Борьба между Церковью и масонством есть борьба не на жизнь, а на смерть», заявил на этом Конгрессе бельгийский гроссмейстер Соерг. Знаменательны следующие слова масонских деятелей: «Напомним что христианство и масонство абсолютно непримиримы, – настолько, что примкнуть к одному, означает порвать с другим. В таком случае у масона долг один – надо смело сойти на арену борьбы и сражаться»³⁰. «Будем работать, будем прясть ловкими и осторожными руками тот саван, который покроет в один прекрасный день все религии и тогда мы будем способствовать разрушению во всем мире клерикализма и суеверия, которое от него происходит», говорит член Конвента Великой Ложы Франции»³¹. Подобных выражений можно было бы привести еще сколько угодно т. к. ни одно масонское собрание не обходится без выпадов против религии.

Следует отметить, что масонство в своих ритуалах, посвящениях и символике носить ярко кощунственный характер. Так например ложа 18-й степени (Розенкрейцерская) украшена изображением Голгофы. На кресте изображена роза, над которой помещена таинственная еврейская надпись: I.N.R.I. Заседание ложи открывается в тот час, когда раздралась на двое церковная завеса. Церемония заканчивается кощунственным воспроизведением тайной вечери³². Некоторые масоны объявляют себя служителями сатаны: «Мы масоны, говорит альтимейстер Броклин ложи Лессинг, принадлежим к роду Люцифера». «Треугольник взамен креста. Ложа вместо Церкви»³³. Конечно, существование таких кощунственных ритуалов масоны скрывают, тем не менее они имеют место на верхах некоторых масонских лож³⁴.

Если в тайной масонской программе на первом месте стоит борьба с религией, то на втором безспорно значится борьба с государственностью и прежде всего с государственностью христианскою, исторически воплощенною в монархическом строе.

Масоны часто отрицают это, ссылаясь на особые статьи своего устава, «воспреещающия всякие дебаты по поводу

действий граждан, властей и всякое масонское вмешательство в борьбу политических партий»³⁵, но, как и многое другое, эти статьи устава масонских лож служат лишь для того, чтобы легче обманывать неосведомленных людей. Так, в заседании 12 апреля 1884 г. Великая Ложа Франции постановила: «Отменить за ненадобностью пункт конституции, по которому Великая Ложа отказывается от обсуждения политических вопросов»³⁶, но в официальном бюллетене Великого Востока Франции за 1886 год мы читаем: «Одно время существовало не столько правило, сколько простая формальность заявлять, что масонство не занимается ни вопросами религии, ни политикой. Под давлением полицейских предписаний мы были вынуждены скрывать то, что является нашей единственной задачей»³⁷. Тем не менее в официальных статутах статья устава, воспрещающая вмешательство в политику, сохранена. Из этого можно видеть, насколько можно доверять официальным статутам масонских лож. Ряд авторитетных историков свидетельствует, что во всех революциях XVIII, XIX, а также и нашего века масонство принимало самое живое участие и имело очень большое влияние. Масонские издания и по сей день поддерживают это и даже гордятся этим. Не раз они отмечали, что революционный девиз «свобода, равенство, братство» искони является девизом масонства. Масон и каббалист Папюс утверждает, что «революция суть применение конституций масонских лож к обществу»³⁸. Русскую революцию 1905 г. один масонский журнал приветствовал словами: «Все республиканцы и в особенности масоны должны выразить самые горячие пожелания скорейшего триумфа русской революции»³⁹. Но это в прошлом. А что масоны говорят в настоящем? В 1923 году на одном из собраний ложи города Анже было сказано: «Масонство, которое играло первенствующую роль в 1789 г., должно быть готово выставить кадры для революции, всегда возможной»⁴⁰. «Братья, читаем мы в другом номере того же официального бюллетеня, позвольте мне выразить еще надежду на то, что масонство, которому история обязана революциями национальными, сумеет сделать и более крупную революцию – интернациональную»⁴¹.

Следует отметить, что масонские деятели всегда отождествляют безбожную республику и социализм, не гнушаясь даже союзом с коммунистами, прикрываясь, однако, девизом: «свобода, равенство и братство». Председатель Великого Востока Десмон дает такое определение республики: «Для меня республика означает: антиклерикализм, антимилитаризм, социализм» ⁴². «Только благодаря союзу левых, главной ячейкой которого будет ложа, мы восторжествуем, говорится в отчете упомянутого Конвента; мы должны сгруппировать всех республиканцев и даже в союзе с коммунистами выработать программу» ⁴³.

Таким образом, масоны сами подтверждают свою связь с коммунистами и с разрушителями нашей Родины. Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки масонским. 15-ти-летнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру, как ученики точно подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, с Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой, и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину.

Не можем не отметить и того, что наш тяжкий церковный раскол имеет своим первоисточником все то же растлевающее масонство с его различными организациями и деятелями, проникшими в церковно-приходские учреждения для разстройства и разложения церковной жизни. Надев на себя тогу ревнителей православия и христианского просвещения, они с такою хитростью и лицемерием, через посредство денег и печати, обольщают доверчивых и несведущих людей, заражают их ядом модернизма и отвлекают от истинной Христовой Церкви. Русская эмиграция сильно отравлена масонством.

Обычно русские масоны стараются отмежеваться от мирового масонства, утверждая, что русские ложи якобы не имеют ничего общего с ложами других стран. Но такие

заявления не соответствуют истине. Масонство имеет определенную организацию. Отдельные масонские ложи, возглавляемые председателем, объединяются в федерацию, во главе которой находится административный орган или совет. Ежегодно центральный орган собирает общее собрание из представителей всех лож данной федерации, причем эти представители избираются ложами одновременно с другими должностными лицами. Таким образом ни один масон не может не знать, к какой федерации его ложа принадлежит. Русские ложи распределены по многим странам и носят характерные названия: Астрея, Северное Сияние, Юпитер, Гермес и др. Ни один русский масон не может утверждать, что не имеет ничего общего с безбожным масонством других стран.

В 1923 г. видный русский масон Кузьмин-Караваев заявил на Конвенте Великой Ложи Франции: «Мы все, русские беженцы, ваши ученики; мы учимся, как сделаться хорошими масонами, чтобы иметь возможность провести в жизнь масонский девиз: свобода, равенство и братство» ⁴⁴.

Заявление, что русское масонство за границей является какой-то отдельной и независимой организацией, содержит в себе неправду.

Масонство едино, несмотря на некоторую разницу ритуалов, даже на некоторую кажущуюся, вернее – показную, рознь. Весьма часто слышны речи, будто существует масонство «хорошее» и масонство «дурное», однако в речах и писаниях видных масонов мы постоянно встречаем указания на единство мирового масонства, несмотря на видимую в нем рознь. (В основу всех масонских статутів положена так называемая Конституция Андерсона). Брат Кольсон пишет во Всемирных масонских Анналах: «Нет иностранцев под нашими колоннами (т. е. в ложах). Братья всех наций у себя дома во всех ложах» ⁴⁵. Общепризнанный масонский авторитет брат Рагон заявляет: «Основной характер масонства – это интернациональность. Масонство едино и всякий ритуал или нация, отступающий от этого принципа, заблуждается и отходит от масонского пути... Мы не понимаем настоящего масонства, которое могло бы называться английским, шотландским,

французским, американским и т. п. Имеется ли математика английская, шотландская, французская? Нет, есть только математика и также есть только масонство. Некоторые особенности в ритуалах, церемониях и формах приема недостаточны, чтобы национализировать масонство вопреки его претензии на интернациональность»⁴⁶. Масонство едино и рознь между различными ритуалами – лишь показная, для широкой публики. Принадлежность к этому ритуалу отнюдь не исключает данного «брата» из другого, якобы враждебного ему, ритуала. Каждый масон высшей степени обладает и первыми тремя степенями и в качестве мастера является полноправным членом любой ложи земного шара. Всякий масон, к какой бы федерации он ни принадлежал, должен вследствие этого нести полную ответственность за ту антихристианскую и антигосударственную работу, которую ведет единый мировой масонский орден, и тот, кто скрывается от этой ответственности за национальными или ритуальными этикетками, или обманывает сам себя или допускает сознательную неправду.

Указав на вредную деятельность масонства, мы не можем не упомянуть о столь же губительных учениях и организациях, сродных с ним по духу и направлению, находящихся с ним в тесной связи и зависящих от него, каковы: теософия, антропософия, «Христианское Знание» и ИМКА.

К глубокому нашему сожалению, эти общества имеют широкое распространение среди нашей эмиграции. Посему мы и почитаем своим долгом предупредить нашу русскую паству от столь опасных учений и организаций и призываем всех наших духовных чад не иметь с ними никакого общения.

Принимая во внимание все вышеизложенное Священный Собор определил:

1) Осудить масонство, как учение и организацию враждебную христианству и революционную, направленную к разрушению основ национальной государственности.

2) Осудить также и все сродные с масонством учения и организации, теософию, антропософию, «Христианское Знание» и ИМКА.

3) Поручить Епархиальным Преосвященным и Начальникам Миссий преподать подведомому им духовенству указания, необходимые для борьбы с названными вредными учениями и организациями и для предупреждения православной русской паствы от увлечения ими или от участия в их вредной деятельности, через посредство духовной проповеди, внебогослужебных бесед, печати, преподавания Закона Божия в учебных заведениях и особенно через исповедь.

4) Вменить в обязанность пастырям Церкви спрашивать приступающих к исповеди – не состоят ли они в масонских организациях и не разделяют ли этих учений и, если окажется, что состоят или разделяют, то разъяснять таковым, что участие в указанных организациях несовместимо со званием христианина – члена Христовой Церкви, что таковые должны или решительно отказаться от масонства и сродных с ним учений или, если они этого не исполнят, не будут удостоиваться Св. Причащения, а при дальнейшей нераскаянности будут отлучаться от Св. Церкви.

Преподав вам наши архипастырския указания относительно врагов Божиих и врагов вашего спасения, мы хотим напомнить вам апостольския увещания: «Возлюбленные! Имея все усердие писать вам об общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым... Назидаю себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни» (Иуд. I, 3, 19–21).

«Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир, и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий... Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1Иоан. V, 4–5 и 19–20). Аминь.

Председатель Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей
Митрополит Антоний.

**15/28 августа 1932 г. День Успения Божией Матери.
Сремские Карловцы. Югославия.**

Примечания

¹ - «Известия», 8. 5. 1955 г. № 108 и Ж.М.П. 1955 г. № 6. стр. 23.

² - Пример клеветы против веры можно видеть в постоянном обвинении религии за воспитание детей верующими родителями, которое, по мнению безбожников, портит детей, при чем самое учение религии о воспитании, так же как добрые примеры такого воспитания, совершенно игнорируются атеистами, см., напр., «Религия и быт», издательство «Знание», Москва, 1958 г., глава «Воспитание детей в семье и религия». Пример постоянной клеветы против верующих – обвинение их в слабости, бездеятельности, малодушии, жестокости, нетерпимости и т. д. под влиянием, якобы, христианского учения. Одним из самых избитых доводов против веры является утверждение, что религия есть порождение невежества и отсталости. Атеисты при этом опровергают самих себя, жалуясь на распространение веры среди интеллигенции. «Партийная Жизнь» в № 18 за 1959 г., говоря о том, что дело организации научной атеистической пропаганды возложено на «Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний», сообщает, что все крупные интеллектуальные силы бросили это общество. Журнал «Крокодил» поместил по этому поводу карикатуру: священник в полном облачении провозглашает «Многая лета» председателю этого общества (Русская Жизнь, № 1439, 1959 г.).

³ - Блумгардт видел безбожие пролетариата, но считал, что под видимым безбожием часто кроется бессознательная тоска о Боге и Его царстве. В этом настроении он к концу своей жизни вошел в ряды немецкой социал-демократической партии, что было слишком смелым шагом для того времени и стоило ему лишения его звания пастора евангелической церкви. И думается: этот жизненный путь Блумаградта, начавшийся энтузиазмом на религиозной почве и оконченный подчинением социально-политической партии, не окажется ли символическим для экуменического движения, для его начала и для его конца?

(Dr. Alo Münch. Die Aufgaben unserer Zeit im Licht der Botschaft vor Christoph Blumhardt. 1946, S. 1–16).

⁴ - Краткое изложение некоторых глав из моей книги «Тайна беззакония и Антихрист» (изд. в 1938 г. в Харбине) с некоторыми дополнениями о современности. Прот. Б. М.

⁵ - Перепечатано архим. Пантелеимоном с издания: Как погибла Царская Семья. Показания члена Уральского Областного Исполнительного Комитета, бывш. австрийского военнопленного И. Л. Мейера. / Пер. с немецкого Графа П. А. Коновницына. [Лос-Анжелес:] Издательство журнала «Согласие», [1956]. 29 с. [2-е изд.: 1977]. – Иоганн Людвиг Мейер – австрийский солдат, попавший в русский плен в годы Первой мировой войны и перешедший на сторону большевиков. В 1918 г. наряду с другими «интернационалистами» проходил воинскую службу в 1-м Камышловском Стрелковом полку. В 1922 г. вернулся на родину в Австрию. В 1956 г. опубликовал свои воспоминания «Как погибла царская семья». (Прим. – А. К.)

⁶ - Во время 1-й Мировой Войны военнопленным в России жилось несравненно лучше, чем русским военнопленным в Австрии и Германии, где были одно время созданы репрессивные лагеря, о которых, в России не было и слова. Особенно много мадьяр работало по частным имениям в качестве сельско-хозяйственных рабочих и, как таковым, жилось им хорошо.

⁷ - Какое странное и оригинальное совпадение. В Белграде (Югославия) на Васиной ул. против политического отдела Городской Управы (местные жители называли этот отдел – «Главняча») помещалось фотографическое ателье, весьма плохого качества, принадлежащее тоже еврею Моши Пиядо. И несмотря на то, что евреи пользовались всеми правами, никаким ограничениям не подвергались, и тем не менее Моша Пиядо очутился в первых рядах революционеров и был ближайшим помощником у Тито и принимал участие в партизанской войне. В дальнейшем, этот маленький фотограф был выбран членом «Српске Академии Наука», которая, после смерти Мошиной, устроила 19 марта 1957 года

«комеморативное собрание» в честь академика Моши и почтила его память вставанием («Гласник Српске Академие Наука», кн. IX, свеска 1, за январь-март 1957 г.). Видимо Янкель Юровский и Моша Пиядо действовали по какому-то общему, им известному, плану.

⁸ - Из этого ясно видно, что сами коммунисты признают, что русский народ для них не был надежен.

⁹ - Здесь текст, вероятно, испорчен (Прим. – А. К.).

¹⁰ - Откуда военнопленный солдат мог знать, что думал (!?!). Государь Император, который имел такую выдержку и так владел собой, что всему интернациональному сброду под главенством Шаи Голоचेкина, Янкеля Юровского и Вайсбарта и не снилось.

¹¹ - Высказывать сожаление об участии несчастной Царской Семьи можно было, конечно, только в среде одинаково настроенной. Отсюда ясный вывод, что все красноармейцы в карауле были чисто русскими и расценивали обстановку одинаково.

¹² - Невольно обращает на себя внимание постоянная перемена своих нерусских фамилий на чисто русские. И такой комуфляж встречается не только в России, но и в других странах.

¹³ - «Чтобы не быть голословным в описании как жилось политическим заключенным в ссылке в Сибири, мы приводим выдержки из писем Ленина: Матери. 25 мая 1897 г., Шушенское. «Живу я здесь недурно, усиленно занимаюсь охотой, перезнакомился с местными охотниками и езжу с ними охотиться. Начал купаться – пока еще приходится ходить довольно далеко, версты две с половиной, а потом можно будет поближе, версты полторы. Но для меня все такие расстояния ничего не значат, потому что я, помимо охоты и купанья, трачу бо́льшую часть времени на прогулки. Скучаю только по газетам: надеюсь, что теперь уже скоро стану получать их, что оне у вас уже посланы». Сестре. 25 мая 1897 г. «Полученный за первую статью гонорар хватит мне, я думаю, почти на год в дополнение к моему жалованию, 8 рублей – казенного пособия, которое

получали все политические ссылки, – а остальное за следующие две статьи «К характеристике экономического романтизма» в «Новом Слове», я думаю употребить на журналы и книги». Матери. 19 октября 1897 г. «Живу я попрежнему тихо и безмятежно. До сих пор преобладали осенние деньки, когда можно с удовольствием пошляться с ружьем по лесу. Я и зимой, вероятно, не оставлю этого занятия». Из ссылки Ленин переписывался с заграницей с Аксельродом и Потресовым, сотрудничал в «Новом Слове» Струве, закончил здесь свою книгу «Развитие капитализма», перевел книгу Сиднея и Беатрисы Вебб, книгу Каутского против Бернштейна, получал книги из московских библиотек, «тихо и безмятежно» жил «семейно» с женой и тещей, имел прислугу, ел котлеты, купался. Много гулял, охотился...» (стр. 61–62 из кн. «Стяг» № 1). А вот как жил в ссылке Сталин: «В период между 1908 и 1913 г.г. Сталин был четыре раза арестован, первые три раза был сослан в Вологодскую губернию, откуда трижды бежал, что уже одно указывает на легкие условия ссылки. В четвертый раз он был арестован весной 1913 года и сослан в Туруханский край, где и прожил до 1917 года в деревне Курейка, сделавшейся теперь, конечно, исторической местностью. Тихо и безмятежно жил в ссылке и он, получал тоже казенное пособие и жил на него, охотился, ловил рыбу... И там жизнь была тогда баснословно дешева, квартира обходилась в 1,50 – 2 рубля в месяц, пуд рыбы (и какой) стоил 2 рубля, мясо – 3 коп. фунт. Летом можно было заработать на шишке, сбор кедровых шишек. О безмятежной жизни Сталина в Туруханской ссылке у товарищей по ссылке сохранился и такой рассказ: товарищи по ссылке упрекали его за то, что он водил компанию и, будто бы, пьянствовал с местным полицейским надзирателем – осетином Кибировым. На эти упреки Сталин отвечал: «Политически я с ним враг, но лично могу дружить; мои дружеские отношения с ним не помешают мне разделаться с ним, как с политическим врагом, когда это потребуется». В письме из ссылки он писал Ленину 27-го февраля 1915 года: «Живу как прежде, живу – хлеб жую, половину срока отбыл.

Скучно, но что поделаешь"». Так жили вожди большевизма в «царской» ссылке» (стр. 62–63 из кн. «Стяг» № 1).

¹⁴ - Государю не давались на утверждение смертные приговоры и лишь ложь и пропаганда приписывали это Государю. Военно-полевые суды были у нас в местностях объявленных на военном положении. А вот в США смертные казни объявляются судами за преступления, за которые у нас было пожизненное заключение. Ложь – оружие Сатаны и слуг его социалистов.

¹⁵ - В романе «Доктор Живого» выставляются зверства только белых. То же самое оружие – ложь! (Это не верно! – Редакция «Владимирского Календаря».)

¹⁶ - В журнале «Стяг» [Орган свободной монархической жизни, №1 (Июль-Август). Мюнхен, 1949, стр. 9] эта статья оканчивается иначе: «...Минина и Пожарского. Слава Богу, и у нас, в зарубежьях, есть ныне чистое и достойное имя. Оно еще теплится! Спешите, пока жив носящий его. Просите благословения на установление Дня убиения Царской Семьи – днем ежегодного всенародного покаяния – у Первосвященника Русской Зарубежной Церкви, Преосвященнейшего Митрополита Анастасия. Проф. И. А.»

¹⁷ - Высший Совет избран был позднее – в июне 1921 г. на съезде в Рейхенгалле.

¹⁸ - Австралазия (англ. Australasia) – термин, употребляемый для обозначения региона, включающего в себя Австралию, Новую Гвинею, Новую Зеландию и прилегающие к ним острова Тихого океана. Термин был введен Шарлем де Броссом в *Histoire des navigations aux terres australes* (1756). (Прим. – А. К.)

¹⁹ - «Raison et Religion». Bruxelles, 1881, p. 170.

²⁰ - Pall-Mall Gazette, 26 apr. 1881.

²¹ - The Gospel of Atheism. London 1882. 7, 2.

²² - Оффиц. отчет Конвента Вел. Востока Франции, 1912 г. стр. 270.

²³ - Там же, 1913, стр. 393.

²⁴ - Там же, 1922, стр. 102.

- ²⁵ - Там же, стр. 198.
- ²⁶ - Révue Internationale des Societes Secretes, № 33, 1931, р. 839.
- ²⁷ - Там же, стр. 840.
- ²⁸ - Там же, стр. 774, № 30, 1931 г.
- ²⁹ - Congres Maçon. Internationale de Paris. 1900, р. 102.
- ³⁰ - Журн. «Акация», ноябрь 1930 года, стр. 145.
- ³¹ - Compte-rendu du Coniient de la g. z. f. окт. 1922 г. стр. 128.
- ³² - Ragon, Cours philosophique et interpretatif, les imitations anciennes et modernes, 1841, стр. 318, 319 и 334.
- ³³ - Bauhutte, 1890, 119.
- ³⁴ - Reviue Internationale des Societes Secretes, № 5, 1 mai 1929.
- ³⁵ - Constitution du Grand Orient de France, 1901, стр. 12.
- ³⁶ - Bulletin Officiel de la Grande Loge de France, m. VII. стр. 35, 1884.
- ³⁷ - Там же стр. 545.
- ³⁸ - Papus, Martinisme et Franc-Maçonnerie, стр. 65.
- ³⁹ - Асасиа, № 28, 1905 г.
- ⁴⁰ - Bulletin Officiel de la Grande Loge de France, окт. 1923 г. стр. 28.
- ⁴¹ - Там же, стр. 236, 1922.
- ⁴² - Отчет Конвента Вел. Ложи Франции, 1899 г.
- ⁴³ - Отчет Конвента, 1922 г. стр. 236.
- ⁴⁴ - Оффициальный отчет, стр. 120.
- ⁴⁵ - Annales Maçonniques Universelles, май 1930 г. стр. 110.
- ⁴⁶ - Ragon. Orthodoxie Maçonnique, гл. XXIII, стр. 353.